

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.



1916.

Арт. Матвеев
Бор. Голицын
Головин

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

В. О. ПРОКОЛОВ
Я. А. ДОЛГОКОВ
М. Н. НИКОЛОВ
ИМПЕРАТОР
ПЕТРЪ ВТОРОЙ

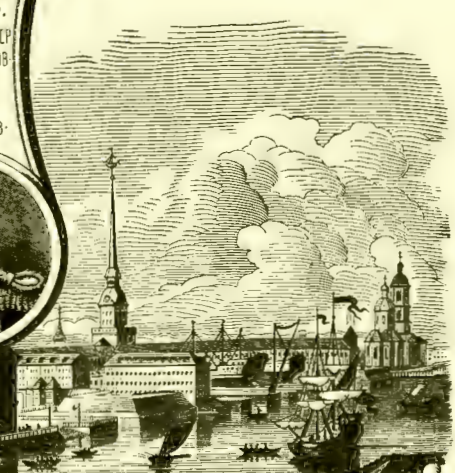
ИМПЕРАТРИЦА
АНА-ИОАННОВНА

И. П. ВАЛЛОВ
А. К. ПЛАХОВ
ИМПЕРАТОР
ПЕТРЪ ТРЕТІЙ

В. ВОЛКОВ
С. УМАРКОВ
К. КОКОРИНОВ
Б. БОРТНЯНСКІЙ
Д. ДЕРЖАВИН
К. КУЛИБИН
Г. ГОЛ-КУТУЗОВ

Т. ТАТИЩЕВ
Ш. ШЛЕЦЕР
Г. ГЕРАРД-МИЛЕР
М. М. ЩЕРБАТОВ
Б. БОЛТИН
В. ВИЗИН
РАДИЩЕВ

С. СПЕРАНСКІЙ
К. КАРАМЗИН
М. МОРДВИНОВ
К. КРЫЛОВ
Е. ЕРМОЛОВ
Г. ГРИБОЕДОВ
П. ПУШКИН



ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 г.

рис. К. БРЮКЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1916.

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Императорскаго уч. глухонѣмыхъ, Мойка, 54

1916.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

ОКТАБРЬ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- | | | | |
|--|-------|--|---------|
| I. Статьи, подлежащія напечатанію въ „Русской Старинѣ“ на 1917 годъ | 3 | VIII. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бутовскихъ) А. Д. Бутовскаго | 96—114 |
| II. Вильгельмъ I и Ѳ. Ѳ. Радецій. Сообщ. А. Вольноходовъ | 5—6 | IX. Три записки Н. А. Некрасова. Сообщ. Н. Кафтанниковъ | 115—116 |
| III. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ | 7—16 | X. Письмо изъ Москвы архіепископа Вологодскаго и Бѣлоозерскаго Симона въ Вологду въ архіер. домъ отъ 17 марта 1674 г. о разныхъ дѣлахъ. Сообщ. П. Суворовъ | 117—119 |
| V. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургъ. Сообщ. В. А. Бернадкій | 17—24 | XI. О постройкѣ въ гор. Орлѣ храма во имя Св. Павла. Сообщ. Н. А. Муравновъ | 120—122 |
| V. Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины. Е. К. Андреевскаго | 25—29 | XII. Записки В. Н. Виноградскаго. Сообщ. А. Робушъ | 123—131 |
| VI. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Реставрація памятниковъ | 30 | XIII. Императорская фамилія въ Крыму. Сообщ. В. Мелеха | 132—157 |
| VII. Замятки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. | 31—35 | XIV. Ралортъ Прозоровскаго — Румянцеву 17 ноября 1777 года. | 158—160 |

Приложеніе: Портретъ В. П. Виноградскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтянка, д. 18. Телефонъ 37-66.



Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го Октября 1916 года.

Библиографическій листокъ.

Л. М. Василевскій. По слѣдамъ войны. Впечатлѣнія военнаго врача. Пт. 1916. Цѣна 1 руб.

Интересна простая, трогательная книжка, написанная человѣкомъ, который всегда былъ, по его собственному выраженію, „ультраштатскимъ“, но, попавъ въ военные врачи, не только сталъ „часовымъ на стражѣ здоровья солдата“, но безповоротно распростился со всѣмъ своимъ „штатскимъ“ образомъ мысли и, что называется, „втянулся“ въ войну. Очень живы наблюденія автора надъ нашимъ солдатомъ и офицеромъ, надъ плѣнными врагами, надъ бѣженцами. Вотъ офицеръ, который торжествуетъ, что „ловко, чортъ возьми, нѣмцевъ проведъ“:

— Въ живую, понимаете, ногу получилъ пустяшную царапину, о которой на завтра же забылъ, а настоящую шрапнельную рану — въ искусственную! Понимаете, въ деревянную—какое же мнѣ до этого дѣло? И главное, въ ту ногу угодили, которая и дешевле гораздо, и тяжелѣе втрое!

— То есть, какъ дешевле и тяжелѣе? Сколько же у васъ ногъ, наконецъ?—спросилъ я, совсѣмъ сбитый съ толку.

— А я, видите ли, когда на войну шелъ, имѣлъ одну собственную ногу — хорошенькую, легкую, какъ перышко, триста рублей заплатилъ—и другую казенную, за восемьдесятъ,—та много проще, не гнется въ колѣнѣ и тяжелая.

Вотъ и сталъ я, когда на войну собирался, раздумывать: какую мнѣ ногу надѣть? Жена говоритъ: самую лучшую надѣнь, ту, что полегче. А я не послушался, думаю, если убьютъ, такъ женѣ трехсотрублевая нога, ой-ой, какъ пригодится!

Ну вотъ, я и оказался правъ; теперь мнѣ шрапнелью дешевую ногу поковыряло, такъ я ее за три цѣлковыхъ почию и конецъ. А будь на мнѣ новая нога—она такая хрупкая, что плакали бы наши триста рублей!...

И вотъ, этотъ калѣка — иначе не опредѣлилъ бы его никакой „штатскій“ глазъ!—рысью ѣздитъ десятки верстъ, въ зимнюю стужу цѣлыми днями не вылѣзаетъ изъ сѣдла, по трое сутокъ не смыкаетъ глазъ... Какіе-то двужилые люди... И тѣла и души!..

А вотъ картинка изъ жизни плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ. „Поютъ по-сербски. Унылые, щемящіе напѣвы... Большой кругъ сѣро-синихъ фигуръ, типичныя славянскія лица. Подошли и наши, живо заинтересованные, сочувствую-

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редакція журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.



Владимірь Николаевичъ
Виноградскій.

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1917 годъ.

Вступая въ 1917 г. въ сорокъ восьмой годъ своего существованія, ред. журн. „**РУССКАЯ СТАРИНА**“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Коки**.—„Изъ воспомынаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексея Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. **М. М. Богословскаго**.—Дѣтство Петра Великаго. **В. М. Бочнарева**.—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Евгеньева**.—Неизданныя статьи (1863—64) П. А. Гончарова — Московскія Вѣдомости (Каткова) и День (Аксакова).—**А. П. Неѣлова**.—Изъ дальнихъ лѣтъ. **Е. С. Шумигорскаго**.—Донесенія датскаго посланника Гак-траузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина. Разказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. — **Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова**. **Сообщено В. Я. Бахтіяровымъ**.—Изъ дневника М. Н. Галкина-Врасскаго. Замѣчательныя слова Императора Николая Павловича. Изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго. Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ (1868 г.). Взгляды на Остзейскій вопросъ: Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Цесаревича и Цесаревны, В. К. Елены Павловны, Цр. П. Г. Ольденбургскаго, В. К. Константина Николаевича, капплера кн. Горчакова, гр. В. А. Перовскаго и гр. П. А. Шувалова. **Е. А. Рагозиной**.—Дарданеллы и Египетъ при Имамъ-пашѣ. **А. Д. Бутовскаго**.—Первые шаги на учебной службѣ (Вр. Милютинъ, Исакова, Ванновскаго, Махотина). **Т. Т. Стефанова**.—Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Изъ жизни декабристовъ на Кавказѣ А. А. Бестужева (Марлинскаго) и В. Толстого. **Кн. С. П. Мансырева**.—Къ исторіи русской цензуры. **А. В. Лонгинова**.—Обзоръ записокъ графа Матвѣева и вариантъ о стрѣльцкомъ полковникѣ Сухаревѣ. **В. А. Мустафина**.—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валчеву. **А. М. Чижевскаго**.—Воспомынанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **М. О. Сильвергопма**.—Закопдованное зало. **А. В. Полторацкаго**.—Петръ Великій и шведскіе послы 1692 г. **Н. А. Лашнова**.—Петровъ день въ Грузинѣ. **В. Сохуралидзе**.—Краткое увѣщаніе преосвященнаго къ народу своей епархіи о Пугачевѣ. **Л. И. Сазонова**.—Изъ-за волшебной веревочки. **Н. Мерозова**.—Люди и нравы за полвѣка. **А. Вольноходова**.—Письма Драгомирова и его жены Радецкому. **М. Ф. Чулицкаго**.—Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбытіи отъ караула женокъ. **А. Е. Кауфмана**.—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника. **З. А. Слезнинской**.—Дворянство 40-хъ годовъ и литература. **А. И. Корнорова**.—Провѣздъ Варшавскаго архіепископа Никанора черезъ Мариамполь. **В. Грузинцева**.—Воспомынанія о Вел. Кн. Алексѣѣ Александровичѣ. — **А. И. Георгиевскаго**.—Мои воспомынанія и размышленія. Записки **Н. В. Исакова**.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны**. Записки генерала М. А. Домонтовича. Воспомынанія ген. Савельева, Веселовскаго, Андрияшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др.

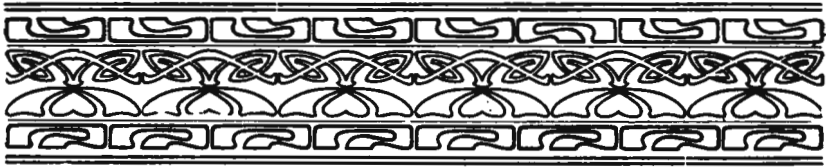
Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспомынаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 11 руб. съ пересылкой, за границу 13 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.



Вильгельмъ I и Ѳ. Ѳ. Радецкій.

Въ 1879 году, въ день прїѣзда въ Россію германскаго императора Вильгельма I для личнаго свиданія съ выѣжавшимъ къ нему навстрѣчу, нынѣ въ Бозѣ почивающимъ, Императоромъ Александромъ II, на платформѣ пограничной станціи „Александрово“, въ числѣ высшихъ военныхъ чиновъ и лицъ Императорской Свиты, находился также, только-что покрывшій себя боевой славой на Шипкѣ и командовавшій тогда 5-мъ армейскимъ корпусомъ въ Варшавѣ, шефъ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Ѳ. Ѳ. Радецкій.

Когда спеціальный поѣздъ, украшенный черными прусскими орлами, медленно подошелъ къ станціи, Ѳ. Ѳ. Радецкій, пропустивъ впередъ командовавшаго войсками Варшавскаго военного округа, графа П. Е. Коцебу, и другихъ старшихъ начальниковъ, скромно направился къ императорскому вагону, чтобы представиться германскому императору и доложить ему о назначеніи своемъ въ полное его распоряженіе.

Вышедшій уже къ этому времени изъ вагона въ сопровожденіи наследнаго принца Фридриха и прочихъ лицъ свиты, престарѣлый Вильгельмъ I, увидѣвъ подходившаго къ нему Радецкаго, быстро снялъ съ головы свою каску и, опустивъ ее на вытянутой рукѣ къ землѣ, низко склонился передъ русскимъ генераломъ со слѣдующими, лестными для него словами, произнесенными по-нѣмецки:

— „Земной поклонъ герою Шипки!“

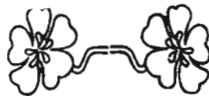
Скромный по природѣ Ѳ. Ѳ. Радецкій былъ очень смущенъ такимъ исключительнымъ пріемомъ, но Виль-

гельмъ I не обратилъ на это вниманія и, выслушавъ его рапортъ, обмѣнялся съ нимъ дружескимъ рукопожатіемъ.

Эта необыкновенная встрѣча и знакомство германскаго императора съ побѣдоноснымъ героемъ Шипки, Ѳ. Ѳ. Радецкимъ, и послужила поводомъ для русскаго правительства командировать Радецкаго въ 1885 году на маневры германской арміи близъ Карлсруэ, гдѣ Вильгельмъ I снова оказалъ ему особое вниманіе и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Краснаго Орла, украшеннаго брилліантами.

Что сказалъ бы теперь Вильгельмъ II, мнящій себя повелителемъ вселенной, узнавъ о поступкѣ своего дѣда, вѣзко преклонившагося передъ русскимъ генераломъ, именемъ котораго справедливо гордится вся Россія?

Сообщилъ А. Вольноходовъ.





За пятьдесятъ лѣтъ¹⁾.

Воспоминанія артистки М. М. Глѣбовой.

Глава 8.

Необходимо рассказать первый выѣздъ мой въ театръ. Какъ-то вотчимъ былъ въ хорошемъ расположеніи, взялъ ложу, и вотъ онъ, мама и я поѣхали. Я никогда не ощущала такого волненія, которое меня охватывало въ то время. Безотчетная радость охватила меня, и я скрывала ее, скрывала, чтобы вотчимъ не замѣтилъ и не передумалъ взять съ собой. У меня было особенное, свое представленіе о театрѣ. Мнѣ онъ казался великолѣпнымъ, богатымъ, сказочнымъ зданіемъ. Въ этомъ зданіи долженъ былъ быть большой круглый залъ, кругомъ должна была на богатыхъ креслахъ сидѣть публика, а посреди играть актеры. Что играть, какъ играть, я не знала, но все это должно быть прекрасно.

Насталъ часъ одѣванія. На меня надѣли лучшее мое платье, волосы подобрали полукруглой дѣтской гребенкой, сзади болталась коса, въ которую вплели ленточку. Папаша посмотрѣлъ на меня и ухмыльнулся. Я слышала, когда онъ, отходя, пробормоталъ: „ну и прическа, точно телушка вылизала“. Въ другой комнатѣ онъ говорилъ мамѣ: „Припудри Машку, а то она похожа на вяленную треску. Показать стыдно“. Мать не противорѣчила изъ боязни лишить меня удовольствія и слегка припудрила. Папаша

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1911 г.

приказалъ показаться. Я подошла. Онъ критически осмотрѣлъ меня и снова позвалъ мать. Та вошла.

— Подкрась ей губы...

Мать отвѣчала, что подкрасить нечѣмъ.

— Возьми въ кухнѣ буракъ, отрѣжь кусочекъ и подведи ей губы.

Мать исполнила и это.

— Ну вотъ теперь хорошо! одобрилъ вотчимъ.

Мы поѣхали. Слава Богу, на дворѣ было вѣтрено, сыро, и мой гримъ совершенно слѣзъ, а то хороша бы я была. Когда мы подкатили къ театру, я увидѣла вереницу экипажей, подъѣзжавшихъ гуськомъ къ подъѣзду, и полицейскаго, убѣдительно отгонявшаго кучеровъ. Настала наша очередь. Мы слѣзали и пошли въ сѣни, а потомъ въ коридоръ бенуара. Раздѣлись и вошли въ театръ. Мое представленіе о театрѣ разомъ перевернулось кувыркомъ. И фасонъ другой, и богатства не было, а все-таки было хорошо. Передо мной висѣлъ занавѣсъ, таинственный занавѣсъ, за которымъ скрывались чудеса. Ахъ, скорѣй бы, скорѣй! думалось мнѣ. Театръ постепенно наполнялся. Въ оркестрѣ настраивали инструменты. Туда вошелъ какой-то черненькій человѣкъ, съ палочкой въ рукахъ. Это должно быть волшебникъ, рѣшила я. Палочка строго повисла въ воздухъ, затѣмъ двинулась, и полились чарующіе звуки. О, они мнѣ казались чарующими, вѣдь это я въ первый разъ услышала оркестръ. Что играли, не помню, но играли что-то хорошее. По окончаніи публика зааплодировала, раздались аплодисменты и крики: „бисъ!“ Черненькій человѣкъ поклонился, взмахнулъ опять палочкою и снова заигралъ, но что-то другое, очень веселое. По окончаніи раздались аплодисменты еще слышнѣй. Черненькій человѣчекъ опять поклонился и опять заигралъ, но вотъ изъ боковой кулисы показалась чья-то рука. Она усиленно замахала, раздавался шипящій голосъ: „Довольно, довольно, пора начинать“. Черненькій человѣкъ махнулъ палочкой въ бокъ, и оркестръ смолкъ. Занавѣсъ вздрогнулъ, закачался. Я замерла и оставилась глазами въ нее. Сейчасъ, сейчасъ, подымется, и я увижу... услышу... но что,—это была тайна для меня, но занавѣсъ не поднимался, я уже устала смотрѣть. Неужели не подымется? задавала я себѣ вопросъ. Вѣроятно, публика тоже усумнилась и стала кричать и топтать ногами. Слышались крики: „Пора“. „Начинайте“ и пр. Послѣ настойчивыхъ требованій изъ кулисы показалась чья-то го-

лова и раздался шопоть: „Сыграйте маршъ: г-жа Фабіанская не готова“. Черненькій человѣчекъ пожалъ плечами, взялъ палочку, и оркестръ заигралъ маршъ. Во время игры, крики „пора“ не переставали раздаваться. Но вотъ посреди какого-то колѣна нескончаемаго марша, неожиданно взвился занавѣсъ, и оркестръ разомъ остановился и только какая-то труба доиграла нѣсколько нотъ. Человѣчекъ погрозилъ ей палочкой, и все стихло. Публика зашуршала афишами, откашливалась, принимала удобныя позы, а музыканты повернули свои головы на сцену, а нѣкоторые встали и смотрѣли на нее. При чемъ головы ихъ находились въ уровень съ лампами. Одна лампа чадила, музыкантъ приподнялся и закрутилъ фитиль. Въ это время актеры уже говорили, но пока ничего нельзя было разобрать. Наконецъ настала тишина. Двое мужчинъ укоряли другъ друга и махали руками, сцена изображала Парижъ. Но много лѣтъ спустя, когда мнѣ пришлось уже играть отвѣтственныя роли на этой же сценѣ, я узнала, что это былъ какой-то нѣмецкій городъ. Вдругъ на сцену высыпалъ хоръ и запѣлъ. Это были французскіе крестьяне. Всѣ были одѣты въ коротенькія цвѣтныя юбки, въ цвѣтныя чулки, бронзовыя или латковыя туфельки, въ переднички, обшитыя цвѣтными ленточками, косынки, бѣленькіе чепчики, на нѣкоторыхъ были италянскіе платочки. Крестьянки смотрѣли въ глубину и передавали свои впечатлѣнія другъ другу. Словомъ, французскіе крестьяне совсѣмъ не то, что наши. Мужчины были въ пестрыхъ чулкахъ, коротенькихъ штаникахъ, бѣлыхъ рубахахъ, поясахъ и широкополыхъ шляпахъ. Вдругъ насталъ моментъ волненія среди нихъ. Крестьяне вспомнили, что имъ надо испугаться и заплакать, и разомъ всѣ заплакали и почти всѣ вытирали слезы передниками. Нѣкоторые мужчины и женщины смѣялись. Моментъ волненія прошелъ, и всѣ снова не принимали участія въ игрѣ. Затѣмъ они опять зацѣли и въ веселыхъ мѣстахъ взялись за юбочки и стали канканировать. Я рѣшила, что это ихъ народный танецъ, какъ, напримѣръ, у насъ русская. Наконецъ показалась героиня. Она разомъ овладѣла публикой, и все, что она говорила и дѣлала, было очень, очень хорошо. Мнѣ только было странно, почему она, говоря что-то чувствительное одному изъ мужчинъ, подходила къ рампѣ и говорила все намъ, сидящимъ въ театрѣ, а не своему партнеру. Примадонна заявила, что настала ночь. Послѣ этого съ пола поднялась зеленая ширмочка и закрыла лампы. Кругомъ же

было свѣтло. Героиня должна была идти домой, а кавалеры заявляютъ, что это опасно, что кругомъ царитъ такая тьма, и я вѣрила, что кругомъ темь, несмотря на то, что эту темь изображала зеленая ширмочка. Кончился актъ, раздались крики, вызовы и снова аплодисменты. Далѣе играли еще лучше; особенно понравилась мнѣ актриса, игравшая главную роль. Немудрено, впрочемъ, такъ какъ это была извѣстная, очень хорошая артистка Фабианская. Во время ея исполненія меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Спазмы давили горло, слезы текли изъ глазъ, и даже вотчимъ два раза убралъ слезы, собравшіяся у него подъ носомъ. Я вѣхала домой въ угарѣ, я запомнила жесты, движенія, слова, и это скопилось у меня въ головѣ и пролетало съ начала до конца и съ конца до начала. На другой день я въ своей комнатѣ стала продѣлывать все, что запомнила отъ Фабианской, и вѣроятно увлеклась, потому что неожиданно въ комнатѣ появились мать и вотчимъ. Я удивила ихъ сходствомъ голоса съ артисткой, и тутъ вотчимъ рѣшилъ, что у меня есть способность, что изъ меня можетъ выйти хорошая комедіантка. Такъ закончилось мое первое посѣщеніе театра.

Г л а в а 9.

Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. За время, отдѣлившее меня отъ всего ранѣе рассказаннаго, я довольно долго прожила у другого своего дяди, очень милого человѣка. Онъ также училъ меня танцамъ. Я дѣлала большіе успѣхи, время текло однообразно, и я на этомъ клочкѣ жизни останавливаться не буду. Затѣмъ я снова водворилась у моихъ родителей. Сестра Вѣра за это время выросла, и когда я пріѣхала, радости не было предѣла. Говорить снова о моей жизни въ домѣ вотчимъ, тоже не буду, чтобы не повторяться.

Разсказъ мой начнется съ момента, когда у насъ стали бывать знакомый вотчимъ, нѣкій Б. Это былъ господинъ лѣтъ 25-ти, ничего изъ себя не представлявшій, ни внѣшностью, ни умомъ, ни положеніемъ. Служилъ въ какой-то частной конторѣ и получалъ небольшое жалованіе. Я стала замѣчать, что онъ какъ-то умиленно поглядывалъ на меня. Сталъ бывать часто и привозилъ конфеты, фрукты и сладкіе пирожки. Все это съ аппетитомъ поѣдалъ вотчимъ, по

бывали дни, что и мы съ сестрой награждались порой конфетой, яблокомъ, раздѣленнымъ пополамъ, и также раздѣленнымъ кусочкомъ пирожнаго. Все привозимое отдавалось господиномъ Б. мнѣ и онъ, прищуривъ свои сѣрые глаза, говорилъ слащаво:

— Это вамъ-съ, кушайте на здоровье.

Я благодарила, а затѣмъ, по уходѣ его, все отбиралось, к мы смотрѣли, какъ папаша ѣлъ очень вкусныя, какъ мнѣ казалось, вещи.

Далѣе господинъ Б. старался побольше разговаривать со мной и говорилъ массу комплиментовъ. Я принимала ихъ совершенно равнодушно, да и въ то время мало понимала и не догадывалась, въ чемъ дѣло. Во время нашихъ разговоровъ папаша уходилъ въ другую комнату и уводилъ съ собой мать. Мнѣ это было очень непріятно, но что я могла сдѣлать. Разговоры были однообразны, да собственно разговоровъ не было; я молчала, а говорилъ гость. Приблизительно говорилось во всѣ посѣщенія Б. слѣдующее:

— Какъ, Маруся, поживаете?

— Хорошо-съ, отвѣчала я.

— А вотъ вамъ гостинчикъ.

— Мерси, отвѣчала я, беря подношеніе, и сейчасъ же клала его на то мѣсто, на которое мнѣ было приказано. Наступала пауза, затѣмъ Б. говорилъ:

— А какая вы сегодня интересная, у васъ такъ горятъ глазки. Марусенька, скажите мнѣ, вамъ нравится кто-нибудь?

— Да, отвѣчала я.

— Кто же, откройте свою тайну...

— Папаша, отвѣчала я. Мои щеки покрывались румянцемъ. Я чувствовала, что лгала, но кто же могъ мнѣ нравиться, я никого не встрѣчала, да и смѣла ли я, чтобы мнѣ понравился кто-нибудь.

— Ахъ вы, шутница, а кромѣ папашеньки никто не завладѣлъ вашимъ сердцемъ?

— Никто...

— Но я бы вамъ могъ понравиться?

Я молчала и не находила отвѣта. Б. приставалъ, и я рѣшила отвѣтить:

— Не знаю.

— Какая вы кокетка... Да вы хитрая...

Я ломала себѣ голову, почему я кокетка и почему я хитрая...

Въ такомъ родѣ шли разговоры. Какъ-то разъ Б. обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Марусенька, я могу обратиться къ папашѣ.

Я совершенно не догадывалась, къ чему идетъ дѣло, но считала долгомъ дать на это согласіе. Б. поцѣловаль мнѣ руку и вышелъ въ кабинетъ къ отцу. Дверь была открыта, и я между прочимъ услышала, что Б. говоритъ папашѣ, что я разрѣшила ему обратиться къ нему и что онъ потому проситъ моей руки.

— Ну, что жъ, отвѣчалъ вотчимъ, если эта дура вамъ нравится, то берите ес...

Я сидѣла ни жива, ни мертва. Только сердце билось сильно, сильно, и отъ ужаса у меня сдѣлались судороги въ пальцахъ ногъ и рукъ. Черезъ минуту вошли вотчимъ и Б., и вотчимъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ вступленіемъ.

— Ты, матушка, дала свое согласіе г-ну Б. О томъ, что ты поторопилась, не предупредила меня, я говорить не буду, ибо ты дура, а въ остальномъ я согласенъ. Пусть онъ беретъ тебя въ жены, если ему понравилась, словомъ, я тоже согласенъ...

Сообразивъ уже окончательно, въ чемъ дѣло, я затѣмъ взвыла. Взвыла самымъ настоящимъ образомъ, такъ что Б. даже испугался.

— Ты чего же это, дурища, реवेशь? обратился съ вопросомъ папага.

— Не хочу-у, отвѣчала я...

— Какъ не хочешь. Да вѣдь ты же дала согласіе. Развѣ даннымъ словомъ можно такъ шутить и оскорблять человека. Да знаешь ли ты, что за это и Богъ и люди тебя осудятъ, а я выпорю...

Я смолкла и съ полными слезъ глазами смотрѣла на вотчима. Неужели, думалось мнѣ, я сотворила такое ужасное преступленіе.

— Нечего хлопать глазами. Согласна и кончено, да будетъ надъ вами мое благословеніе. Ты должна, остолопъ царя Персидскаго, быть счастлива, что нашелся добрый человѣкъ, а то... словомъ, ломаться нечего, а то разложу и всыплю дюжину такихъ горячихъ, что ты недѣлю будешь почесываться, да еще къ тому же въ чуланъ запрю. Тоже ломается. Фря, подумаешь, какая. Иди, давай руку. Ну. Знаешь, ломанья не терплю...

Я встала и пошла, но остановилась и опять заплакала, стараясь подавить рыданья.

— А ну тебя. Стоит разговаривать, произнесъ вотчимъ, хватая меня за руку и притягивая ближе къ Б. Тотъ схватилъ мою руку и сталъ цѣловать. Я отлично помню, что онъ замусолилъ ее слюнями. Мнѣ было очень противно.

— Я-съ... будьте покойны... все будетъ хорошо, бормоталъ Б. Въ это время вошла мать. Когда она узнала, въ чемъ дѣло то только ахнула и растерянно переводила свой взглядъ то на меня, то на Б., то на папашу. Словомъ, помолвка состоялась, и я стала невѣстой. Мнѣ было въ это время пятнадцать лѣтъ. Прошло мѣсяца два, и состоялась наша свадьба. Какъ они умудрились обвѣнчать пятнадцатилѣтнюю, не знаю, но знаю, что свадьба была въ какой-то довольно отдаленной деревенской церкви. Я стала женой. Какова пошла жизньъ. Боже мой, Боже мой... я уже вспомнила свою жизньъ у вотчима и даже она мнѣ казалась сносной. Я страшно похудала и подурнѣла. Жили мы бѣдно. Мужъ былъ золь, истязалъ меня, и моя жизньъ походила на каторгу. Я переносила все стоически и только жаловалась матери, когда та изрѣдка являлась навѣстить насъ. Наконецъ жизньъ такъ потекла, что мнѣ приходилось убѣгать изъ квартиры и прятаться по чердакамъ и чуланамъ. Отъ этого брака у меня родилась дочь. Я очень любила дѣвочку, но тѣмъ не менѣе рѣшилась уйти изъ дому, а ребенка отдать матери. Даже вотчимъ ничего не имѣлъ противъ моего рѣшенія. Словомъ, мнѣ нашли мѣсто въ захолустный театръ, куда я должна была ѣхать черезъ полтора, два мѣсяца. Все содержалось въ тайнѣ. Наконецъ мнѣ дали тридцать рублей денегъ, снабдили маленькимъ сундучкомъ, посадили на пароходъ, и я поѣхала на двадцать пять рублей жалованья, съ обязательствомъ играть въ драмахъ, трагедіяхъ, комедіяхъ и водевиляхъ и участвовать въ балетныхъ дивертисментахъ. И такъ я шестнадцатилѣтняя дама-бѣглянка бросилась въ море житейское. Ыхала я въ третьемъ классѣ. Пароходишко былъ грязный, маленькій колесный. Весь багажъ мой состоялъ изъ сундучка и кулька съ провизіей. Ысть я не ѣла. У меня не было совершенно аппетита. Я сидѣла на сундучкѣ, а въ рукахъ держала кулекъ. Колеса всиѣвивали воду, шумѣли, кругомъ былъ говоръ толпы. Несмотря на многолюдство, я чувствовала себя одинокой и дичкомъ смотрѣла на окружающее. Отъ долгаго сидѣнья у меня затекли ноги, и я

встала, чтобы размять ихъ. Я прошла по пароходу, и затѣмъ остановилась у борта и долго смотрѣла, неподвижно, уставившись на воду, и мнѣ временами казалось, что эта вода поглотитъ меня и пароходъ и всѣхъ пассажировъ. Набѣжали тучки, пошелъ дождь. Шелъ онъ все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ полилъ, точно опрокинули корыто. Я разомъ смокла и пошла, шлепая по водѣ, что текла по палубѣ, къ своему сундучку.

Когда я пришла, то кулекъ мой съ провизіей, который я положила на сундукъ, совершенно развѣхался. Хлѣбъ и все остальное обратилось въ никуда негодную массу. Никто изъ пассажировъ не обращалъ на меня вниманія. Всѣ закутались, раскрыли зонтики и, что называется, замерли. Пароходъ стало покачивать, и онъ глубоко нырять носомъ, захлебываясь водой. Словомъ, вокругъ меня былъ какой-то водяной адъ. На мнѣ не было сухой нитки, кромѣ мѣшечка, который висѣлъ у меня на шеѣ съ деньгами. Я егохватила руками, прижала къ груди и тѣмъ спасла мое сокровище. Мнѣ стало очень холодно. Я дрожала, какъ осиновый листъ, зубы щелкали и руки стали красны, какъ у гусыни. Должно быть, видъ мой былъ до безконечности жалокъ, потому что одинъ изъ мужичковъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, снялъ съ себя верхній архалукъ и не спрашивая согласія накрылъ. Я съ необыкновенной благодарностью посмотрѣла на него, и онъ понялъ меня, потому что въ отвѣтъ произнесъ:

— Ладно, ладно, сиди, наше дѣло привычное.

Я послушалась и сидѣла. Мало-по-малу дождь прошелъ, и показалось солнце, которое разомъ стало припекать. Я стала подсыхать и отъ меня валилъ какой-то паръ. Мужичекъ подошелъ, взялъ свой архалукъ, и я продолжала сохнуть. Явился контроль и сталъ провѣрять билеты. Посмотрѣвши мой билетъ, контролеръ объявилъ, что мнѣ надо слѣзть черезъ одну остановку. Не знаю, отъ чего, но я въ началѣ обрадовалась, а затѣмъ какъ-то затихла, мнѣ стало жутко. Скоро я должна вступить на невѣдомую землю и начать службу. Когда я думала о танцахъ, то ничего, я знала, что мнѣ дѣлать, но когда мои мысли останавливались на драматической сторонѣ, то я прямо не знала, что и думать, ибо не знала и приблизительно, что надо будетъ дѣлать. Вдругъ меня выгонять за неспособность.—мелькала у меня мысль, и становилось страшно, страшно... Господи, думалось мнѣ, какъ я буду говорить, какъ я буду ходить,

поворачиваться... словомъ, меня началъ охватывать какой-то священный ужасъ.

Развѣ вернуться? задавала я сама себѣ вопросъ, и вотъ тутъ-то у меня являлась рѣшимость и я подбадривала себя: Нѣтъ, лучше въ воду, лучше кинуться въ невѣдомое, чѣмъ снова сградать. Вѣдь я же была въ театрѣ, вѣдь я же копировала актрисъ, и мама хвалила, даже вотчимъ не возражалъ, быть можетъ, Господь меня спасетъ, защититъ и я не вернусь туда, назадъ, нѣтъ, нѣтъ не вернусь...

Миновала первая остановка. На берегу стоялъ народъ, стояли бабы съ хлѣбомъ, съ провизіей. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Я сошла на берегъ, купила хлѣба, яицъ и съ жадностью уничтожила хлѣбъ и четыре яйца. Раздался гудокъ, черезъ полчаса второй, а тамъ третій. Сняли сходни, пароходъ отвалилъ, и мы поплыли дальше.

Время тянулось невозможно. Казалось, пароходъ не шель, а ползъ, какъ черепаха. Прошло часа три, и вдали показался городъ. Я встрепенулась и первымъ дѣломъ полѣзла въ карманъ, чтобы прочесть адресъ, куда ѣхать, и, о ужасъ, его не оказалось. Какъ, когда его я потеряла, я не могла себѣ представить. Я снова начинала искать, но все было напрасно. Адресъ пропалъ безслѣдно. Пароходъ подплывалъ, затѣмъ сталъ причаливать, остановился и сдвинули сходни, я, взявъ въ руки сундукъ, вышла на набережную. Поднялась снова суетня, а затѣмъ мало-по-малу все стихло. Пароходъ отошелъ, всѣ разъѣхались, и только я сидѣла на сундукѣ, не знала, куда кинуться. На пристани, на скамейкѣ дремалъ матросъ, около него стояла клѣтка съ пѣтухомъ и курами, кѣмъ-то данными на сохраненіе. Вотъ все, что оставалось на берегу. Я сидѣла долгонько, на мое счастье подъѣхалъ ломовой. Увидя меня, онъ подошелъ и спросилъ:

— Чего, барышня, сидишь, садись, довезу...

Я рассказала ему, что я пріѣхала служить въ театръ и что вотъ туда-то мнѣ и нужно. Хорошо бы найти гостиницу поближе къ театру.

— Ладно, отвѣчалъ возница, садись, а я возьму сундукъ, да и пукъ заберу. Отвезу спервоначала ихъ, а потомъ тебя...

Онъ пошелъ разбудить матроса, показавъ ему квитанцію. Тотъ отдалъ пукъ, и вотъ я по сосѣдству съ пѣтухомъ и съ двумя куриными дамами поѣхали въ гостиницу. Ыхали мы долго. Наконецъ пѣтуха съ семьей сдали и меня повезли въ гостиницу. Поѣхалъ онъ скоро. Телѣга была простая.

Меня и мой сундукъ подкидывало, подбрасывало, и я положительно опасалась за свои мозги. Какъ они не соскочили съ мѣста, не знаю...

Но вотъ показались улицы, на нихъ гуси, куры, свиньи, дѣти, далѣе пошли строенія почище, мостовныя получше, и я вдохнула облегченно, хотя въ головѣ стучало и въ глазахъ рябило.

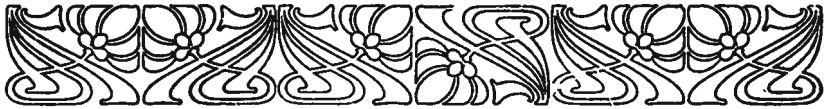
Приблизительно черезъ часъ, мы пріѣхали.

— Спрыгивай, барышня, пріѣхали—заявилъ ломовой. Я соскочила и прочла вывѣску: Еврейская гостиница. Домъ былъ одноэтажный, грязный, въ четыре окна. Въ окнахъ видѣлись грязныя занавѣски, а на подоконникахъ герань и фикусъ. Извозчикъ дернулъ за ручку колокольчика. Раздался разбитый, кострюльнаго тона звонъ. Никто не выходилъ. Онъ снова позвонилъ. Въ отвѣтъ залаяла собака. Ломовой дернулъ въ третій разъ, и только тогда послышались шаги....

Сообщилъ П. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

(Посвящается памяти М. С. Лалаева).

„О милыхъ спутникахъ, которые
нашъ свѣтъ
„Своимъ соупутствіемъ для насъ
животворили,
„Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
„Но съ благодарностію: были!
В. А. Жуковскій.

Золотой вѣкъ итальянской оперы въ Петербургѣ отошелъ въ область преданій, оставивъ по себѣ нѣсколько журнальных статей и мемуаровъ старинныхъ театраловъ. Не существуетъ и самаго храма итальянской оперы — Большого театра... Длинный рядъ благозвучныхъ фамилій знаменитыхъ итальянскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ лишь служитъ этапамъ прошлаго, съ каждымъ годомъ говоря все меньше и меньше уму и сердцу русскаго интеллигента.

Больше того, въ нынѣшнее время, время изощренности вкусовъ вообще, многія изъ лицъ, причастныя къ музыкѣ, усвоили презрительно-насмѣшливое отношеніе къ итальянской оперѣ „золотого вѣка“, совершенно, однако, упуская изъ виду то, что итальянская опера той эпохи сослужила русскому театру не малую службу: по справедливому замѣчанію М. А. Балакирева, она была въ то время лучшею школою для русскихъ пѣвцовъ¹⁾.

Потомкамъ свойственно любовно и бережно относиться къ памяти своихъ отцовъ, ко всему тому, что такъ или иначе соприкасалось съ ними и, въ особенности, къ тому что говорило ихъ уму и сердцу.

¹⁾ Считаемо уместнымъ упомянуть, что, по словамъ гениальнаго Шопена, онъ ходилъ слушать пѣніе итальянцевъ со спеціальною целью — оно облегчало ему игру на фортепьяно (Морицъ Каразовскій — биографъ Шопена).

А итальянская опера „золотого вѣка“ много говорила сердцамъ нашихъ предковъ. Недаромъ Некрасовъ писалъ о Рубини:

„Когда игралась „Лучія“,
„Я пролилъ рѣки слезъ:
„На верхъ благополучія
„Пѣвецъ меня вознесъ!

Вспомнимъ прекрасно изображеннаго В. Б. Бертенсономъ¹⁾ „amico della patria“, пламеннаго и безкорыстнаго энтузіаста, тратившаго на итальянскую оперу послѣднюю копейку въ продолженіе чуть ли не полувѣка.

Передъ глазами пишущаго эти строки лежатъ реликвіи, тщательно собранныя нынѣ уже покойнымъ страстнымъ театраломъ, поклонникомъ итальянской оперы и музыкальнымъ критикомъ 60-хъ годовъ. Вотъ пожелтѣвшій отъ времени носовой платокъ Бозіо, ноты, полученныя на концертѣ изъ ея рукъ, вотъ обрывокъ носового платка Тамберлика—трофеей послѣконцертной атаки на великаго артиста, обломокъ его гребенки, афиши, билеты, безчисленное множество портретовъ знаменитыхъ итальянцевъ съ ихъ подчасъ трогательными автографами, засохшіе цвѣты изъ ихъ букетовъ, цвѣты... съ ихъ могилъ. Это — именно реликвіи, предметы культа, мертвые памятники той живой силы, которая въ эпоху „золотого вѣка“ связывала такими крѣпкими нитями зрительный залъ со сценой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы коснемся лишь трехъ наиболѣе выдающихся артистовъ того времени: Бозіо, Кальцолари и Тамберлика.

I.

Б о з і о.

„Fille de la douleur, Harmonie! Harmonie!

„Langue que pour l'amour inventa le génie!

„Qui nous vint d'Italie, et qui lui vint des cieux!

Alfred de Musset²⁾.

Ангела Бозіо родилась 20 августа (нов. стиля) 1829 г. въ Туринѣ, въ семьѣ драматическихъ актеровъ. Воспитывалась она въ Миланѣ, гдѣ и получила музыкальное обра-

¹⁾ В. Б. Бертенсонъ. „За тридцать лѣтъ“.

²⁾ „Дочь скорби, Гармонія! Гармонія!

¹ „Языкъ, изобретенный для любви гевіемъ

„Которая къ намъ пришла изъ Италіи и которая туда пришла съ Небесъ!

зованіе подъ руководствомъ профессора Монтань. Здѣсь же она и дебютировала въ іюлѣ 1846 года, почти 17-ти лѣтъ отъ роду, въ оперѣ Верди „Foscari“ съ выдающимся успѣхомъ ¹⁾.

Обладая не особенно сильнымъ, но мягкимъ, гибкимъ и мелодичнымъ лирико-колоратурнымъ сопрано, она упрочила за собою репутацію первоклассной исполнительницы въ рядѣ оперъ Россини, Беллини и Верди.

Увѣщанная лаврами въ Веронѣ, Мадридѣ, Парижѣ и Лондонѣ, Бозіо въ 1856 году была приглашена въ Петербургъ, гдѣ и пѣла до 1859 года, начавъ съ партіи Джильды въ „Риголетто“ ²⁾.

Лучшія ея роли были въ „Пуританахъ“, „Севильскомъ Цирюльникѣ“, „Трубадурѣ“, „Фра-Діаволо“ и „Сѣверной Звѣздѣ“, но апогеемъ ея успѣха была „Травиата“. Роль Виолетты была создана въ Петербургѣ ею, и въ этой же роли Бозіо было суждено въ послѣдній разъ появиться на сценѣ ³⁾.

Приведемъ воспоминаніе музыкальнаго критика „Современника“ о ея исполненіи роли Виолетты. — „Ламентацин Виолетты перестали уже очаровывать нашу публику, и въ послѣдніе годы „Травиата“ не привлекаетъ и трети тѣхъ, кто ни разу не пропускалъ этой оперы во времена Бозіо. Бозіо, напримѣръ, въ продолженіе всего 3-го акта оживлялась только въ одинъ моментъ, именно при встрѣчѣ съ Альфредомъ. Въ эту минуту слабая, разбитая горемъ, угасающая женщина какъ бы воскресала; вспомните, какимъ блескомъ разгорались ея влажные, впалые глаза, какъ вся она отдавалась внезапно охватившему ее чувству радости, какая безконечность счастья слышалось въ этомъ „Amato Alfredo!“ Затѣмъ лихорадочно-возбужденныя силы оставляли большую и оставляли безвозвратно; въ остальныхъ нумерахъ слышалась безысходная грусть, сердечная боль и тихая скорбь умирающей, но порывсвъ, сильныхъ потъ, — конечно ужъ не было. Все это было глубоко-вѣрно, высокохудожественно. Да проститъ намъ читатель это воспоминаніе; мы знаемъ напередъ его возраженіе, знаемъ и вѣ-

¹⁾ По словамъ артиста Маріо, это онъ розыскалъ Бозіо и поставилъ ее на сцену.

²⁾ Въ томъ же 1856 году Бозіо пѣла въ Москвѣ во время коронаціи императора Александра II-го.

³⁾ Артистка, предчувствуя, говорила неоднократно, что роль Виолетты будетъ ея послѣднею ролью.

римъ, что такого соединенія души, ума, таланта, голоса, искусства и внѣшняго изящества, какъ въ покойной Бозіо, ни въ комъ даже желать нельзя, искать его — напрасно, требовать—непозволительно. И потому мы съ вами, слышавшіе великую артистку, съ теплымъ чувствомъ вспоминая *gli anni felici*, не будемъ никого съ нею сравнивать и отдадимъ должное другимъ¹⁾.

Собственно говоря, Бозіо не была красива, но въ высшей степени женственна и очаровательна; въ ней было то, что французы называютъ „*charme*“.

Нѣжная и хрупкая, она обладала большимъ драматическимъ талантомъ и чудодѣйственнымъ голосомъ, заставлявшимъ слушавшихъ ее плакать.

У нея было множество поклонниковъ, но поклоненіе это было чисто платоническое, такъ какъ Бозіо была женщина высокой нравственности. Извѣстный пѣвецъ Маріо, достаточно искушенный въ области закулисныхъ любовныхъ интригъ, не разъ умилялся, вспоминая Бозіо, и говорилъ о ней: „*ce n'était pas une femme, c'était un ange*“²⁾.

Къ числу наиболѣе горячихъ поклонниковъ Бозіо принадлежалъ преподаватель одного изъ петербургскихъ военныхъ учебныхъ заведеній Н. И. Самойловичъ³⁾. Онъ неотступно слѣдовалъ за Бозіо, даже во время ея турнэ по Европѣ, и, не будучи съ нею знакомъ, былъ непремѣннымъ посѣтителемъ ея спектаклей и концертовъ. Увлеченіе Бозіо и самовольный отъѣздъ за нею за границу повлекли за собою для него потерю должности.

Бозіо была замужемъ; мужъ ея — грекъ Ксиндавелонисъ⁴⁾, чрезвычайно алчный къ деньгамъ, всячески экс-

1) М—Л—въ. Итальянская опера въ Петербургѣ. Сезонъ 1862—1863 г. „Современникъ“ т. ХСIV. Отд. II.

2) „Это была не женщина, но ангелъ“.

3) Никаноръ Ивановичъ Самойловичъ, впоследствии извѣстный публицистъ, скончался 7 октября 1902 года. Некрологъ его въ № 9557 „Нов. Вр.“ за 1902 г.

4) Пользуемся случаемъ отмѣтить ошибки, допущенныя въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“. Тамъ напечатано: „Бозіо Анджіолина-Ксинда-Велокія“. Можно подумать, что „Ксинда-Велокія“—два католическихъ имени. На самомъ дѣлѣ—это фамилія ея мужа Ксиндавелонисъ (*Xindavelonis*). Неправильно показанъ годъ рожденія—1830, Бозіо родилась въ 1829 г. Невѣрна и дата ея кончины—13 апрѣля 1859 г.,—Бозіо умерла 12 апрѣля (нов. стиля) 1859 г.

Еще болѣе грубая ошибка въ датахъ допущена въ Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона—годъ рожденія показанъ 1824-й.

плоатировалъ ея дивный голосъ ¹⁾. По его настоянію, Бозіо слегка недомогавшая, въ первыхъ числахъ марта 1859 года поѣхала въ Москву, гдѣ дала три концерта ²⁾. Изъ Москвы Бозіо возвратилась въ Петербургъ съ воспаленіемъ легкихъ.

Во время болѣзни Бозіо толпа стояла у ея дома³⁾, ожидая извѣстій о состояніи ея здоровья. Три недѣли хворала Бозіо и скончалась 12 апрѣля (нов. стиля) 1859 года, на 30-мъ году отъ рожденія.

Она пошла въ вѣчное упокоеніе вдали отъ родины и погребена въ Петербургѣ на католическомъ кладбищѣ (на Выборгской сторонѣ).

Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи „О погодѣ“ посвятилъ Бозіо слѣдующія строки:

Вспомнили Бозіо. Чванный Петрополь
 Не жалѣлъ ничего для нее,
 Но напрасно ты кутала въ соболь
 Соловьиное сердце свое!
 Дочь Италіи! Съ русскимъ морозомъ
 Трудно ладить полуденнымъ розамъ,
 Передъ силой его роковой
 Ты поникла челомъ идеальнымъ
 И лежишь ты въ отчизнѣ чужой
 На кладбищѣ пустомъ и печальномъ.

Публика обожала Бозіо, и ея необыкновенно торжественныя похороны даже для Петербурга были событіемъ ⁴⁾.

Память о Бозіо долго жила въ сердцахъ ея поклонниковъ. Между прочимъ въ годовщину ея смерти 31 марта 1860 года ея почитателями-армянами была отслужена по артисткѣ панихида въ армянской церкви на Невскомъ проспектѣ.

— „Грѣшно было бы намъ“, сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ на панихидѣ, „забыть артистку, которая въ продолженіе четырехъ лѣтъ была для насъ источникомъ высокихъ наслажденій и щедро дарила насъ лучшими, быть можетъ, минутами въ нашей жизни ⁵⁾“.

¹⁾ А. Я. Головачева-Панаева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о скупости Бозіо. Повидимому, этотъ упрекъ долженъ быть направленъ по адресу г-на Ксипидавелониса. Бозіо, не только какъ артистку, но и какъ человѣка, обожали за ея прекрасныя душевныя качества какъ публика, такъ и всѣ ея товарищи по сценѣ.

²⁾ Между прочимъ, въ своихъ концертахъ Бозіо исполняла русскіе романсы „Ахъ ты, время-времечко!“ и „Осѣдлаю коня“.

³⁾ Бозіо жила въ домѣ Демидова на углу Садовой и Невскаго.

⁴⁾ К. Скальковскій. Въ театральномъ мірѣ. Стр. XV.

⁵⁾ „Сѣверная Пчела“. 1860 г. № 79.

Одинъ изъ поклонниковъ Бозіо, военный педагогъ Озембловскій, умирая въ чахоткѣ, ваялъ съ друга своего М. С. Л—ва честное слово, что тотъ исполнитъ его послѣднюю волю—положить ему въ гробъ самую дорогую для умирающаго реликвію—когда-то полученныя имъ на память отъ Бозіо ноты. Когда Озембловскій умеръ и Л—въ собирався исполнить завѣщаніе друга, его остановилъ возмущенный ксендзъ, категорически воспретившій класть къ покойнику ноты, принадлежавшія „какой-то актрисѣ“. Заявленіе Л—ва, что актриса была католичка, хотя нѣсколько и смягчило ксендза, по все же не поколебало его запрета относительно нотъ. Въ концѣ концовъ воля Озембловскаго все же была исполнена, и онъ почиваетъ вѣчнымъ сномъ въ нотахъ Бозіо въ гробу.

Одно время въ большой модѣ былъ романсъ на смерть Бозіо (музыка П. Булахова) „Ее ужъ нѣтъ!“ прекрасно исполнявшійся Тамберликомъ.

Ее ужъ нѣтъ! она сокрылась,
Она оставила сей свѣтъ,
Звѣздой падучей закатилась,
Ее ужъ нѣтъ, ее ужъ нѣтъ.

* * *

Ее ужъ нѣтъ, а я страдаю,
А сердце все болитъ по ней,
Ее ужъ нѣтъ—я это знаю,
Но слезы льются изъ очей ¹⁾.

На могилѣ Бозіо ²⁾ ея поклонниками сооруженъ великолѣпный памятникъ, одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ петроградскаго некрополя.

На высокомъ темносѣромъ мраморномъ кубическомъ постаментѣ возвышается дивно исполненная въ 1860 году во Флоренціи скульпторомъ Коста (Pietro Costa) черная чугунная группа: вправо на круглой колоннѣ стоитъ бюстъ Бозіо. „Идеальное чело“ (по выраженію Некрасова) и классическія черты лица Бозіо переданы превосходно. У под-

¹⁾ Этотъ же романсъ П. Булахова со словами Куликова на смерть актера Мартынова, „Его ужъ нѣтъ, любимца славы“, былъ исполненъ Тамберликомъ въ 1860 году на спектаклѣ въ пользу семьи покойнаго Мартынова.

²⁾ Могила находится въ участкѣ Св. Екатерины, влѣво отъ костела. На планѣ католич. кладбища въ книгѣ „Весь Петроградъ“ могила Бозіо обозначена подъ № 3.

ножія колонны—лира съ оборванными струнами, свирѣль и раскрытая нотная тетрадь. Къ правому плечу Бозіо припала головою Музыка, изображенная во весь ростъ. Лѣвою рукою она обнимаетъ Бозіо и этою же рукою держитъ у лѣваго плеча артистки лавровый вѣнокъ. Въ правой опущенной рукѣ Музыка держитъ свитокъ нотъ.

На колоннѣ, подъ бюстомъ Бозіо, скрещиваются дубовая и оливковая вѣтви и высѣчена надпись:

„Alla sublime cantante
„La musica inconsolabile 1).

На лицевой грани мраморнаго постамента высѣчено:

**A la Mémoire
D'Angela Xindavelonis, née Bosio.**

Elle avait tout ce qu'on envie;
Elle reçut tout en naissant.
Tout, excepté la longue vie,
Elle est morte en la commençant!
La mort, jalouse de sa gloire,
Brisant un avenir si beau,
N'ensevelit pas sa mémoire
Sous le marbre de ce tombeau.
Elle n'est plus, sa gloire reste;
Dieu le veut, respectons ses loix;
Dans les anges du chœur céleste
Il manquait, sans doute, une voix! 2)

На задней грани постамента написано:

Née à Turin
le 20 Août 1829.
Décédée à St Pétersbourg
le 12 Avril 1859.
Priez pour Elle.

1) „Великой пѣвицѣ—неутѣшная музыка“.

2) Вотъ русскій переводъ этихъ трогательныхъ стиховъ—„Она имѣла все, чего желаютъ, она получила все со дня рожденія. Все, за исключеніемъ долгой жизни: она умерла, ее начавъ! Смерть—соперница славы, разбившая такую прекрасную будущность, не истребить памяти о ней изъ мрамора этой гробницы. Ее болѣе нѣтъ, но ея слава остается. Богъ такъ хочетъ, преклонимся предъ Его волею—въ небесномъ хорѣ ангеловъ безъ сомнѣнія не доставало одного голоса!“

Г-нъ Ксиндавелонисъ, жалѣвшій средство на лѣчевіе Бозіо и затруднившійся перевезти ея прахъ на родину, повидимому, не принималъ участія въ матеріальныхъ затратахъ, связанныхъ съ сооруженіемъ этого памятника.

На правой грани написано:

A Ses Mânes
Son Mari et ses Frères.

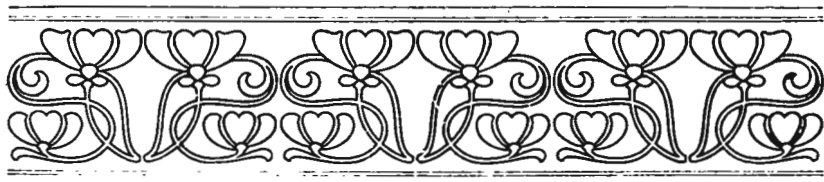
Библиографія о Бозио.

1. „Сѣверный Цвѣтокъ“, 1859 г. № 15.
2. „Ласточка“. 1860 г. № 1.
3. „Сѣверная Пчела“. 1861 г. № 79.
4. „Иллюстрація“. 1861 г. т. VIII № 197.
5. М—л—въ. Итальянская опера въ П-гѣ. Сезонъ 1862—1863 г. „Современникъ“. т. XCIV. Отд. II.
6. Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Москва. 1874 года.
7. А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія. 1824—1870. СПб. 1890 г., стр. 120.
8. Русскій Біографическій Словарь.
9. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона.

Сообщ. **В. А. Бернацкій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины.

Когда мнѣ случилось читать въ № 9 „Историческаго Вѣстника“ за прошлый 1915 годъ статью бывшаго російскаго консула въ Ванѣ А. М. Колюбакина—„*Нѣмецъ шпіонъ въ Азіатской Турціи*“, передо мной вдругъ сталъ въ воспоминаніи и неотвязно стоялъ мой хорошій знакомый по Чернигову, російскій консулъ въ Турціи Григорій Степановичъ Щербина.

Сначала мнѣ показалось, что въ этомъ играло роль простое, въ основѣ ничего не означавшее, совпаденіе должностей:—нашъ консулъ въ глубинѣ Малой Азіи, нашъ консулъ въ Европейской Турціи—вотъ и все.

Но вдумавшись въ это и разобравшись со своими мыслями, я очень ясно представилъ себѣ, что сопоставленіемъ иного характера народилось во мнѣ, при этихъ обстоятельствахъ, настойчивое и ясное воспоминаніе о крайне симпатичномъ, достойнѣйшемъ Григоріи Степановичѣ.

Уроженецъ города Чернигова Г. С. Щербина, въ бытность мою губернаторомъ ¹⁾ въ его родномъ городѣ, отъ времени до времени, пріѣзжалъ домой на побывку и съ особымъ удовольствіемъ проводилъ достававшіеся на его долю дни и недѣли, въ которые онъ могъ тамъ отдыхать среди ро-

¹⁾ 1894—1903 г.г.

дителей, а также въ обществѣ товарищей, друзей дѣтства своего и вообще среди своихъ земляковъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1886 г., онъ, окончивъ съ серебряною медалью курсъ гимназiи въ Черниговѣ, выѣхалъ изъ этого, дорогого его сердцу, города въ Москву, гдѣ поступилъ въ Лазаревскiй институтъ восточныхъ языковъ. Прохождение курса въ этомъ учебномъ заведенiи, послѣ того въ учебномъ отдѣленiи Азиатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, пребыванiе въ должности аташе при российскомъ посольствѣ въ Царьградѣ, затѣмъ изученiе языковъ—арабскаго, турецкаго, персидскаго, татарскаго, грузинскаго и армянскаго,—все это, занявъ нѣсколько лѣтъ его юной жизни, обратило его изъ мальчика и юноши въ набравшагося очень солидныхъ знанiй молодого человѣка, который, блестяще написавъ и сдавъ диссертацию на турецкомъ языкѣ, былъ назначенъ секретаремъ нашего консульства въ Ускюбѣ, а затѣмъ третьимъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополь.

По приказанiю свyше, на него было возложено порученiе—сопровождать чрезвычайное посольство Арифи-паши, доставившаго Государю Императору драгоцѣнные подарки султана Абдуль-Гамида по случаю коронацiи ихъ величествъ (1896 г.).

Исполнивъ вскорѣ послѣ того съ успѣхомъ особую секретную миссiю въ Египтѣ, Григ. Степ. принялся за исполненiе многотрудной консульской службы, каковую началъ, будучи вазначенъ въ 1897 году вице-консуломъ въ г. Скутари въ верхней Албани.

Крайне способный, трудолюбивый, ко всему необыкновенно внимательный, онъ въ это время отлично изучилъ не только языки всѣхъ балканскихъ народностей, но и ихъ бытъ, взаимныя отношенiя, а также политическое положенiе. Прекрасно владѣя языками и нарѣчiями албанскимъ, сербскимъ, болгарскимъ и черногорскимъ,—онъ, по всѣмъ вопросамъ, его живо интересовавшимъ,—очень много писалъ, такимъ образомъ все, что въ бумагахъ его могло оказаться оставшимся послѣ него, несомнѣнно представить вообще громадный интересъ.

Проработавъ массу, потрудившись немнѣжно много и давно заслуживши право на отдыхъ, онъ, наконецъ, получилъ возможность желанной поѣздки къ себѣ въ родную среду и въ родной городъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ родными, друзьями, знакомыми и школьными товарищами,

успѣвшими за это время также твердо стать на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, кому, гдѣ и какъ довелось и какъ повезло.

Въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ въ губернію, онъ прїѣхалъ ко мнѣ, представился, какъ начальнику губерніи, и почти съ первыхъ словъ заговорилъ со мной о прошломъ моемъ пребываніи въ Турціи; это его очень интересовало.

Я съ нескончаемымъ удовольствіемъ слушалъ его крайне интересные рассказы о турецкой жизни и, въ большей части, отвѣчая на его вопросы, давалъ ему съ своей стороны въ сущности очень скудныя свѣдѣнія, набравшіяся у меня за время сравнительно короткаго пребыванія въ Европейской Турціи—въ моей военно-походной жизни по службѣ въ должности ординарца при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ и особо за время короткаго военно-походнаго перелета черезъ предѣлы Малой Азіи, въ которую я, по волѣ великаго князя, былъ, какъ извѣстно, тогда командированъ.

Въ высшей степени деликатный и всегда особо доброжелательно настроенный, Григорій Степановичъ всегда слушалъ мои, въ сущности, довольно пустячные рассказы съ тѣмъ большимъ интересомъ, который могъ меня во всякое время заставить воображать, будто бы я дѣйствительно даю ему что-то новое и, пожалуй, занятное.

Одинъ разъ въ промежутокъ между двумя прїѣздами къ намъ Григ. Степановичу удалось удержать въ лонѣ православія болѣе десяти тысячъ православныхъ албанцевъ, рѣшившихъ было, подъ вліяніемъ вѣчно интриговавшихъ католическихъ патеровъ, перейти въ католичество. Переходъ этотъ былъ остановленъ и не состоялся исключительно, какъ описывали тогдашнія газеты, благодаря его личному вліянію, проявленному съ полной энергіей и съ выходящею изъ ряда смѣлостью.

Съ большимъ оживленіемъ и съ безконечной скромностью Г. С., въ послѣдовавшей затѣмъ прїѣздъ свой, рассказывалъ объ этомъ эпизодѣ, подчеркнувъ при томъ, что въ немъ ему пришлось имѣть противъ себя, кромѣ настойчиваго

стремленія ксендзовъ, еще большее проявленіе усилій со стороны австрійской дипломатіи.

Въ тотъ прїездъ Григорію Степановичу пришлось проѣхать въ сѣверную столицу нашу для держанія такъ называемаго дипломатическаго экзамена, который, мимоходомъ сказать, былъ сданъ имъ блестяще, такъ какъ онъ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше языковъ и нарѣчій, прекрасно владѣлъ языками французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, близко ознакомившись съ дѣятельностью консула Щербины вообще, а въ особенности съ той ролью, которую ему довелось такъ бойко сыграть въ дѣлѣ остановки перехода массы албанцевъ изъ православія въ католицизмъ, отнесся къ нему съ особымъ вниманіемъ и лаской.

Къ нему особенное расположеніе и личную пріязнь питалъ князь черногорскій Николай, изучившій его дѣятельность и способности за время исполненія имъ обязанностей министра-президента въ столицѣ Черногоріи Цетинье до прибытія туда назначеннаго въ эту должность извѣстнаго дипломата нашего К. А. Губастова. Кромѣ того князь Николай очень цѣнилъ заслуги Щербины, блестяще исполнившаго возложенную на него по повелѣнію Государя обязанность сопровождать черногорскаго княжича Данила въ Мекленбургъ-Стрелицъ ¹⁾. Здѣсь нельзя не отмѣтить, что онъ останавливалъ княжича, видя нѣкоторыя шероховатости въ поведеніи этого княжича, иногда необдуманно и легкомысленно сворачивавшаго съ пути добрыхъ къ Россіи отношеній на путь болѣе нравившейся ему приверженности ко всему австро-мадьярскому, куда силой своего вліянія безтактно перетаскивалъ его нынѣ убитый австрійскаго престола наследникъ Францъ Фердинандъ, — этотъ злой геній и врагъ всего русскаго.

Пріятно отдать справедливость князю Николаю въ томъ, что онъ, съ большой твердостью, выражалъ глубочайшую благодарность Г. С. Щербинѣ при всѣхъ случаяхъ, когда ему доводилось лишній разъ выслушивать варианты о простой прямотѣ, проявлявшейся молодымъ консуломъ, находившимъ въ разное время необходимымъ дать первенцу князя Николая назидательный урокъ и съ тактичною смѣлостью поставить его на мѣсто.

¹⁾ Тогда состоялась женитьба Данила на принцессѣ Мекленбургъ-Стрелицкой Югѣ; ее онъ впоследствии много обидѣлъ.

Я всегда съ особымъ удовольствіемъ присматривался къ необыкновенно доброму, мягкому, почти дѣвичьему характеру Г. С. Щербини. Вообще надо отдать справедливость, крайняя, совершенно особая доброта отличаетъ характеры хохлацкой—т.-е. малороссійской молодежи: съ какимъ вниманіемъ они относятся другъ къ другу! въ особенности, какъ каждый малороссъ бываетъ съ молодыхъ лѣтъ нѣжно-внимателенъ къ товарищу неимущему, или больному, или вообще къ обиженному судьбой. Нигдѣ мнѣ не доводилось этой мягкости замѣчать въ такой мѣрѣ, какъ это приходилось подчеркивать, въ видѣ повального, въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской за время моей службы въ той и въ другой.—Эта мягкость и доброта представляла нѣчто трогательное; каждый юнецъ въ тѣхъ краяхъ всегда готовъ на всѣ лады помочь ближнему: онъ охотно сниметъ съ себя все и отдастъ на поддержку сосѣду, товарищу, другу, брату, если видитъ, что тотъ маломальски нуждается.—А какъ каждый тамъ стремится тоже поддержать другого нравственно при нуждѣ въ томъ!

Всматриваясь въ это, нельзя было не придти къ тому заключенію, что извѣстное, народившееся нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ на Руси „дружество и землячество“ создано было не иначе, какъ въ средѣ молодежи этихъ двухъ губерній; я въ этомъ твердо убѣдился и никогда не могъ придти къ убѣжденію въ необходимости осужденія этого проявленія взаимной сердечности, взаимнаго стремленія приходить на помощь ближнему.

Приглядѣлся я также къ тому, что Г. С. Щербина какъ-то умѣлъ, среди сплошной массы добрыхъ и мягкосердыхъ товарищей, выдѣляться совершенно особою мягкостью своего сердца и не разъ задумывался надъ тѣмъ,—какъ могъ онъ, по характеру своей службы, справляться въ той грубой, жестокой, дикой, почти разбойничьей, крайне распушенной, фанатичной средѣ, въ которую судьба его забросила, почти съ отрочества.

Я задавалъ ему иногда по поводу этого разные вопросы, а онъ всегда, съ полнымъ добродушіемъ, охотно на нихъ мнѣ отвѣчалъ подробными и прямыми разъясненіями, которыя врѣзывались въ мою память. Вотъ въ этихъ-то его разъясненіяхъ и оказалась впоследствии для меня, не сразу разгаданная мною, тѣсная связь его рассказовъ съ крайне интересными повѣствованіями А. М. Колюбакина; объ этомъ я расскажу ниже.

Е. К. Андреевскій.



Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Реставрація памятниковъ.

Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія одному московскому обывателю пришлось вечеромъ лѣтняго дня зайти въ одинъ изъ московскихъ, окраинныхъ монастырей.

Всенощная уже отошла, церковь была заперта, и обыватель былъ встрѣченъ монахомъ, предложившимъ посѣтителю прогуляться по монастырскому кладбищу и осмотрѣть памятники именитыхъ людей.

Предложеніе было принято, и оба направили свой путь по кладбищенскимъ дорожкамъ. Проходя мимо одной площадки, посѣтитель замѣтилъ большую грудку мусора и камней.

— Что это такое? спросилъ онъ монаха.

— Да вотъ если мы усмотримъ, что много лѣтъ никто не посѣщаетъ могилу, на которой стоитъ памятникъ, и памятникъ приходитъ въ ветхость, то мы реставрируемъ памятникъ, т.-е. его разбиваемъ на части и замачиваемъ этими камнями дороги.

Впрочемъ, это не касается памятниковъ именитыхъ людей, которые мы тщательно оберегаемъ.

Сообщилъ Л. С. Р—въ.





Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—3 мая. Передаютъ, что въ Германіи собираютъ и скупаютъ кошекъ и собакъ и отправляютъ ихъ на бойню для колбасъ. Въ Австріи собираютъ по лѣсамъ каштаны и приготавливаютъ изъ нихъ муку. Нейтральные пароходы, отправляясь изъ Христіаніи въ Данію, идутъ вдоль самаго берега мѣстами чуть ли не болѣе полуверсты отъ земли, а потому и не подлежатъ зоркому осмотру англичанъ. Эти пароходы идутъ въ Данію, а черезъ нее и въ Германію, набитые мукой, зерномъ, масломъ, яйцами и рыбными консервами.

Г. Семеновъ сообщаетъ ²⁾ возмутительный фактъ, что въ одномъ изъ крупныхъ кожевенныхъ заводовъ въ с. Вахрушевѣ Вятской губерніи плѣнные нѣмцы, недовольные заработной платой забастовали и что только приказъ исправника арестовать трехъ зачинщиковъ забастовки и направить ихъ подъ конвоемъ въ ближайшій городъ, заставилъ нѣмцевъ встать на работу.

Фактъ этотъ наводитъ на печальныя размышленія—мыслимо ли возникновеніе подобнаго обстоятельства у нашихъ противниковъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1916 г.

²⁾ „Новое Время“ 3 мая с. г.

Петроградскіе извошники творять вакханаліи съ цѣнами. Цѣны заламывають невозможныя. Извошниковъ покупають и перепродають у сѣдоковъ.

Бывали случаи, что въ виду недостатка извошниковъ приходилось ѣхать на возахъ съ молокомъ. Передаютъ такой разговоръ съ извошникомъ:

Одинъ извошникъ, который жаловался на дороговизну шиповъ, обидѣлся, когда я ему сказалъ:

— А вотъ недавно въ участкѣ обыскивали одного извошника и нашли у него сто рублей. Этотъ извошникъ сказалъ, что онъ сто рублей въ недѣлю заработалъ.

Мой собесѣдникъ обернулся ко мнѣ и, совершенно забывъ о томъ, какъ онъ только-что передъ тѣмъ сѣтовалъ на полное свое разореніе, съ сознаниемъ извошничьяго достоинства сказалъ:

— А почему-жъ ему сто рублей не заработать въ недѣлю? Теперь дѣло военное ¹⁾...

Плѣнные австрійскіе офицеры очень жалуются на обращеніе съ ними германцевъ, которые ихъ сильно третируютъ, не приглашаютъ ихъ начальниковъ на военныя совѣщанія, а отдають только приказанія. При перемѣшиваніи австрійскихъ войскъ съ германскими германцы выбираютъ лучшую пищу и оставляють объѣдки австрійцамъ.

Какъ только подъ ружье были призваны первые милліоны людей, вѣдомство земледѣлія взялось, не одно конечно, а вмѣстѣ съ общественной силой въ лицѣ земствъ, за заготовку продовольствія и фуража для арміи. Вся Россія была подѣлена на районы, въ каждый районъ былъ назначенъ особый уполномоченный, и имъ была поручена въ высшей степени отвѣтственная и серьезная работа. Они покупали зерно и муку, сѣно, овесъ, канусту, картофель и иные предметы солдатскаго и военнаго вообще довольствія, которые производить съ помощью земледѣльца російская земля.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ К—въ рассказываетъ, какъ производились эти заготовки ¹⁾:

¹⁾ „Новое Время“ 1-го мая с. г.

„Поездной кондукторъ, слегка постучавъ въ дверь купе, пріоткрыль ее и дѣловито сказалъ:

— Станція Шилово. Пожалуйста ваши билеты...

Я и мой спутникъ, уполномоченный министерства земледѣлія по военнымъ заготовкамъ въ губерніяхъ Московской, Тульской, Владимірской и Рязанской, Вл. С. Воронниковъ, очутились на перонѣ маленькой желѣзнодорожной станціи, затерянной среди зеленѣющихъ приокскихъ полей и луговъ. Моего спутника окружила цѣлая куча его сотрудниковъ.

Отъ станціи къ берегу Оки тянется короткій подъездной путь. Онъ съ обѣихъ сторонъ застроенъ большими деревянными сараями для храненія сѣна. Большинство изъ нихъ уже пусты: все, что было сложено въ нихъ послѣ прошлогодняго урожая, длинной зимой было пущено подъ прессы, перевязано тонкой желѣзной проволокой, погружено въ вагоны и отправлено на фронтъ. Лишь кое-гдѣ, въ полутьмѣ сараевъ, деревенскія бабы и дѣвки перебираютъ и перетряхиваютъ остатки полусырого и совершенно сырого сѣна, подготавливая сарай къ будущему урожаю. Кое-гдѣ, словно деревенскія полотна на зеленой улицѣ, сушатся на солнцѣ вороха брезентовъ.

Изъ отдѣльныхъ разговоровъ и ряда вопросовъ узнаю, что московская организація по военнымъ заготовкамъ самая молодая. Въ то время, какъ остальные возникли вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, московская организація, включающая въ свой составъ губерніи Московскую, Тульскую, Владимірскую и Рязанскую, была создана только въ сентябрь прошлаго 1915 г. Фактическая работа ея, пожалуй, начата была въ концѣ сентября. Въ четырехъ упомянутыхъ выше губерніяхъ въ началѣ предполагалось закупить лишь до четырехъ милліоновъ пудовъ сѣна. Но на самомъ дѣлѣ организаціи удалось закупить количество продуктовъ почти вдвое больше заданнаго. Въмѣсто четырехъ милліоновъ пудовъ удалось закупить свыше семи милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ около пяти милліоновъ пудовъ уже отправлено на фронтъ. Въ послѣдніе осенніе мѣсяцы и въ первые мѣсяцы зимы, когда работа носила наиболѣе напряженный характеръ, всѣ работали буквально день и ночь, не зная ни отдыха, ни срока. На коротенькой окской желѣзнодорожной вѣткѣ въ Шиловѣ ежедневно грузилось и отправлялось до сотни и болѣе вагоновъ. Несмотря на близость этого района къ Москвѣ, несмотря на всѣ продѣлки

спекулянтовъ и скупщиковъ сѣна для Москвы, всѣ закупки были произведены по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ для Москвы. До установленія твердыхъ цѣнъ на сѣно, послѣднее покупалось въ Московской губерніи по 75 коп., въ Рязанской по 68 коп., въ Тульской по 82 коп., во Владимирской по 59 коп., а въ самой Москвѣ осенью сѣно стоило не дешевле рубля за пудъ“.

Развѣдчики изъ инородцевъ Кавказа наводятъ панику на германцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они бросаются въ рукопашную схватку съ кинжалами въ зубахъ.

Сильную отповѣдь безпочвенной „словесности“ деп. Чхеидзе на тему „миръ безъ аннексій и контрибуцій“ даетъ г. Плехановъ въ парижскомъ „Призывѣ“.

„Допустимъ, что это прекрасно,—говоритъ г. Плехановъ,—хотя, какъ увидимъ ниже, это и не такъ, и спросимъ себя: откуда же возьмется такой миръ? Съ неба упадетъ, что ли?“

На этотъ вопросъ Чхеидзе отвѣтилъ: „Мы возьмемъ дѣло въ свои руки“ и „обѣщаль поговорить съ нѣмцами“. Г. Плехановъ обрушивается на эту „словесность“ всей силой своего стараго пера:

„Съ нѣмцами мы поговоримъ! Весьма благодарны за трудъ, который вы себѣ дадите. Но намъ хотѣлось бы хоть приблизительно узнать, долго ли могутъ протянуться ваши переговоры и какъ намъ слѣдуетъ вести себя въ ожиданіи ихъ благополучнаго исхода? Сложить руки на груди, спокойно вынося удары, наносимые намъ беспощаднымъ завоевателемъ? Если да, то нужно было имѣть смѣлость прямо сказать это съ высоты думской трибуны. Нужно было открыто провозгласить старый лозунгъ Домелы Ньевенгайса, рѣшительно отвергнутый цюрихскимъ международнымъ социалистическимъ съѣздомъ 1893 г. Если же Чхеидзе... думаетъ, что въ ожиданіи благополучнаго исхода его разговора съ нѣмцами угнетаемое и разоряемое ими населеніе Франціи, Бельгіи, Сербіи, Черногоріи, Польши, Литвы и Западной Руси можетъ и должно съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое право на жизнь, то и это надо было сказать внятно и открыто“...

Далѣе: съ какими это нѣмцами „поговорить Н. С. Чхеидзе“?

„Съ тѣми, которые провозглашаютъ, что населенію побѣжденныхъ странъ слѣдуетъ оставлять только глаза, чтобы оно могло оплакать свои бѣдствія? Надѣюсь, что нѣтъ... Съ нѣмецкимъ рабочимъ? Но вѣдь и рабочій рабочему рознь. Рабочій, который поддерживаетъ имперіализмъ, ничѣмъ не лучше другихъ имперіалистовъ, а всѣмъ, кромѣ Н. С. Чхеидзе, извѣстно, что нѣмецкіе профессиональные союзы открыто и энергично поддерживаютъ имперіализмъ“.

Правильно именуя вѣру г. Чхеидзе въ спасительность словъ—вѣрой въ колдуновъ и знахарей, г. Плехановъ бьетъ г. Чхеидзе его же оружіемъ, поднятымъ въ защиту „національныхъ самоопредѣленій народовъ“.

„Кто призналъ за бельгійцами право на самоопредѣленіе, тотъ тѣмъ самымъ объявилъ нѣмцевъ обязанными вознаграждать Бельгію за перенесенныя ею безчисленныя и ничѣмъ не заслуженныя бѣдствія. Кто призналъ названное право за французами, сербами, черногорцами, поляками, литовцами, западно-руссами и т. д., тотъ опять тѣмъ же самымъ призналъ указанную обязанность за нѣмцами и австрійцами“.

А если нѣмцы съ циничной насмѣшкой отвергнутъ всякіе разговоры о такой ихъ обязанности?

„Очевидно, что тогда ихъ нужно принудить къ ея признанію и исполненію. А чтобы принудить, надо воевать. Если же надо воевать, то что станетъ съ миромъ безъ контрибуцій?“ („Р. В.“).

Эта блестящая аргументація еще ярче отбѣняетъ безысходность того тупика, въ который забрался г. Чхеидзе со своими отвлеченными разсужденіями о войнѣ и мирѣ ¹⁾.

Нѣсколько офицеровъ разсказывали мнѣ, что одинъ изъ высокопоставленныхъ начальниковъ два раза ходилъ въ атаку во главѣ одного изъ конныхъ пнородческихъ полковъ.

4 мая. Сегодня у Контана состоялся банкетъ, на которомъ присутствовали наши выдающіеся общественные дѣятели и французскіе министры Вивіани и Тома. Было произнесено много блестящихъ рѣчей (Родзянко, Вивіани и

¹⁾ „Новое Время“ 1 мая с. г.

Маклаковъ). Отличились и представители нашей оперы. По словамъ одного корреспондента ¹⁾ это произошло такъ:

Какіе-то три господина встали со своихъ мѣсть, гдѣ они сидѣли рядышкомъ, и направились къ эстрадѣ, на которой, какъ оказалось, уже были приготовлены два рояля. Эти три господина были: Шаляпинъ, Глазуновъ и Зилотти. Глазуновъ и Зилотти сѣли за рояли, переглянулись; Шаляпинъ сдѣлалъ полшага впередъ и запѣлъ Марсельезу на французскомъ языкѣ. Это было очень красиво. Лѣтъ двадцать назадъ въ одномъ изъ „Романовъ будущаго“ описывалась великая европейская война. Изъ всего романа запомнилась только одна сцена, одна изъ самыхъ первыхъ, вполне примѣнимая къ настоящей минутѣ. На площади Согласія собралась большая толпа, молча наблюдающая, какъ съѣзжаются въ палату депутаты. Вдругъ, какъ молнія, проносится по рядамъ публики извѣстіе, что Германія объявила войну. Разростается „ура“. Въ одной изъ проезжающихъ каретъ толпа узнаетъ направляющуюся къ оперѣ пѣвицу Мельба. Останавливаютъ карету. Мельба становится у подножія Страсбургскаго памятника и, держась за вѣнокъ съ надписью: „Quand mѣme“, начинаетъ пѣть Марсельезу. Шаляпинъ пѣлъ великолѣпно. Спѣлъ два куплета, видимо сдерживая свой темпераментъ, потому что, все-таки, это было не оперное представленіе, а что-то официальное, почти что священнодѣйствіе. И было очень хорошо, что онъ сдерживаетъ темпераментъ. Высокое искусство заключается именно въ тонкомъ чувствѣ мѣры. Такъ приятно было видѣть, что онъ можетъ дать больше силы и не дать, потому что не хочетъ. Когда раздались аплодисменты, онъ поправилъ тѣсный воротникъ, дружески кивнулъ Глазунову и запѣлъ третій куплетъ. Знаете: „Amour sacré de la patrie“ и потомъ полушопотомъ, съ чисто Шаляпинскимъ, гениальнымъ подходомъ: „liberté, liberté chérie“... Когда онъ пропѣлъ, заканчивая, великолѣпную, безсмертную фразу о sublime orgueil,—то весь залъ прямо задрожалъ отъ аплодисментовъ. Это дѣйствительно была незабываемая минута, полное, совершенное эстетическое наслажденіе.

Сегодня миновало четверть вѣка франко-русскаго союза. При какихъ тяжелыхъ условіяхъ и при какомъ отчаянномъ

¹⁾ „Новое Время“ 4 мая.

сопротивленіи германцевъ и россійскихъ нѣмцелюбовъ создался этотъ союзъ. Непокколебимая воля Императора Александра III и настоятельная жизненная необходимость этого союза для Россіи создали великое дѣло; послѣдующее царствованіе окончательно его укрѣпило, а событія настоящей войны доказали его силу и мощность.

Петроградскій обыватель несказанно счастливъ, что онъ былъ одной изъ пылинокъ, изъ которыхъ ткалась франко-русская дружба.

5 мая. Македонскій докторъ Окасъ, пробывшій въ Сербіи недавнюю войну и прибывшій недавно въ Петроградъ, рассказывалъ свои воспоминанія. Приводимъ интересные отрывки изъ нихъ ¹⁾:

Одинъ прусскій офицеръ говорилъ мнѣ:

— Вы знаете, докторъ, я пораженъ грандоманіей болгаръ. Положительно, какое-то болѣзненное самомнѣніе. Они держатъ себя такъ, словно они будутъ дѣлать Европу. А между тѣмъ, это просто-на-просто грязные, немытые и жадные каналы... Положительно, сербы, наши враги,—куда культурнѣй и симпатичнѣй.

Другой венгерскій офицеръ высказалъ приблизительно то же самое.

— Представьте, — говорить, — такое нахальство! Встрѣтилъ меня на вокзалѣ болгарскій маіоръ и съ мѣста въ карьеръ:

— А мы скоро сдѣлаемся врагами съ Австро-Венгріей.

— Почему?

— Да потому, что мы желаемъ себѣ всю Сербію до Дуная, а вы этого не хотите. Что-жь, не хотите добромъ, придетъ время, отнимемъ силою оружія...

Но и не лучше обстоитъ дѣло между австрійцами и германцами. За нѣсколько мѣсяцевъ я ни разу не видѣлъ въ Сербіи австрійскаго и германскаго офицера гуляющими или сидящими вмѣстѣ въ кафе. Они даже не салютуютъ другъ другу при встрѣчѣ...

Нѣмцы каждый разъ бьютъ австрійцевъ по самолюбію, давая имъ понять, что они—плохіе вояки. Такое отношеніе укоренилось даже у германскихъ солдатъ по отношенію къ

¹⁾ „Впрж. Вѣд.“ 5 мая с. г.

австрійскимъ офицерамъ. Да вотъ на моихъ глазахъ въ Крушевацѣ было:

Проходитъ австрійскій полковникъ. Навстрѣчу ему прусскій унтеръ-офицеръ,—руки въ карманахъ, сосетъ сигару и никакого вниманія. Австрійскій полковникъ, возмущенный, подзываетъ его къ себѣ.

— Потрудитесь вернуться назадъ и, проходя мимо меня, отдать честь, какъ слѣдуетъ.

Солдатъ посмотрѣлъ на него вызывающе.

— Чего захотѣлъ! Германскіе солдаты всегда идутъ впередъ. Итти назадъ, это—привилегія австрійцевъ.

Повернулся и былъ таковъ. Австрійскій полковникъ готовъ былъ сквозь землю провалиться.

Замѣтите, какъ велось все наступленіе вглубь Сербіи. Впереди шли германцы, развивая невѣроятный артиллерійскій огонь. Зная силу и качество сербской пѣхоты, германцы избѣгали пѣхотныхъ боевъ. Я увѣренъ, что сербское наступленіе обошлось германцамъ въ такое же количество снарядовъ, какъ и верденскіе бои.

И вотъ германцы занимаютъ какой-нибудь городъ, и потомъ уже впускаютъ австрійцевъ, говоря имъ прямо въ глаза:

— А теперь вы можете насаждать здѣсь вашу администрацію, вы, плохіе солдаты, но за то хорошіе полицейскіе...

Отъ такихъ оскорбленій не поздоровится. Немудрено, что у одного австрійскаго офицера, нѣмца, искренно вырвалось при мнѣ:

— Я ненавижу нашихъ враговъ — русскихъ, но еще больше ненавижу нашихъ союзниковъ — германцевъ. Во имя чего принесены моею страной такія жертвы? Во имя завоевательныхъ плановъ Вильгельма? Вѣдь они же, чортъ побери, германцы, если на то пошло, подстроили конфликтъ съ Сербіей, чтобъ создать предлогъ войны.

Слѣдственная комиссія сенатора Кривцова продолжаетъ неуклонно увѣковѣчивать нѣмецкія звѣрства ¹⁾:

„Одинъ изъ русскихъ плѣнныхъ, грузинъ по происхожденію, задумалъ совершить побѣгъ, но былъ пойманъ и возвращенъ въ лагерь. Нѣмцы надѣли ему цѣпь кругомъ шеи и загнали въ сабачью будку, въ которой тотъ не могъ

¹⁾ „Новое Время“ 5 мая с. г.

ни сидѣть, ни лежать. При смѣнѣ часовыхъ каждый вновь занимавшій постъ солдатъ вытягивалъ плѣннаго за цѣпь изъ будки и, нанеся нѣсколько ударовъ, загонялъ обратно. Такъ продолжалось двѣ недѣли“. (Разсказъ очевидца рядового 102-го полка Павла Крещенко-Кравченко).

6—7 мая. Одинъ изъ раненыхъ офицеровъ, пріѣхавшій съ фронта, разсказалъ: у насъ въ полку старшій врачъ получилъ за время войны георгіевское оружіе, Анну 4 ст., Стан. 3 и 2 ст. съ мечами, Анны 3 и 2 ст. съ мечами и Влад. 4 ст. съ мечами. Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей онъ всегда принималъ командованіе боевыми участками полка, когда тамъ убывали всѣ офицеры, и выводилъ временно ему подчиняемыхъ изъ самыхъ тяжелыхъ положеній.

Недавно онъ пришелъ къ командиру полка съ просьбой представить его къ чину прапорщика, но просьба была командиромъ отклонена.

Немировичъ-Данченко ¹⁾ такъ описываетъ одного изъ героев французской арміи генерала Гуро:

Генераль Гуро—настоящій типъ французскаго *le grand capitain* старыхъ побѣдныхъ и славныхъ временъ. Онъ потерялъ руку: она у него отнята съ частью плеча. У него пробита пулей нога, но надо видѣть это боевое одушевленіе, эту грозovou силу, звучащую въ его голосъ. Чисто-галльское, худощавое лицо съ длинною, острою бородой, круглый, характерный носъ, какъ на старыхъ гравюрахъ французскихъ вождей, и съ этого лица смотрятъ на васъ (я не могъ оторваться отъ нихъ) строгіе скобелевскіе глаза. Именно скобелевскіе! Точно они воскресли подъ густыми бровями французскаго генерала... И у него много общаго съ нашимъ безвременно погибшимъ полководцемъ. Недаромъ Гуро такъ любитъ его. Онъ говоритъ, что Скобелевъ былъ мечтой его юности, когда онъ готовился къ своей блестящей военной карьерѣ подъ сводами сенъ-сирской школы. Онъ, изучая Скобелева, угадывалъ его, жилъ имъ. Онъ ему снился, и многое въ блестящихъ военныхъ по-

¹⁾ „Рус. Сл.“ 7 мая с. г.

двигахъ Гуро, не знающаго тыла и встрѣчающаго врага лицомъ къ лицу, напоминаетъ нашего рыцарскаго, легендарнаго героя. Я не говорю о личной храбрости. Въ нашей и французской арміяхъ ею никого не удивишь. Нѣтъ, здѣсь есть глубокая любовь къ солдату, пониманіе самыхъ скрытыхъ извилинъ его души, забота о немъ. Въ талантѣ Гуро отразился гений его любимаго героя Скобелева. Тотъ же постоянный личный показъ и примѣръ, та же угадка, знаніе права и лѣва, развѣдка передъ собою и въ случаѣ необходимости стремительный, неотразимый ударъ.

И что меня всего больше плѣнило въ этомъ новомъ Баярдѣ французской арміи, это—настоящее боевое товарищество между командующимъ арміей и его офицерами. Товарищество самое тѣсное, дружеское, родное, не только не подрывающее дисциплины,—деревянной, нѣмецкой, формальной и глупой,—но, напротивъ, усиливающее ее. Въдь, это товарищество, это „ты“ обязываютъ въ рѣшительную минуту, когда нужны личные показъ и примѣръ, броситься на явную смерть, отдать всего себя, чтобы слѣдующіе за тобой вырвали побѣду изъ рукъ непріятели, уже торжествующаго ее.

Къ намъ генераль Гуро относится съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Теже его товарищъ по севъ-сиреской школѣ генераль Дебуть. Радостно было на сердцѣ, когда они вспоминали о нашемъ отечествѣ и его арміи. Вотъ бы петроградскимъ гнѣющимъ оскребышамъ отвратительнаго тылового мало- и равнодушія послушать, какъ здѣсь понимаютъ и на какую высоту ставятъ великую работу нашихъ офицера и солдата!..

8 мая. Приводимъ разсказъ одного генерала ¹⁾. Генераль съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ прошлой осенью, когда гнали австрійцевъ, ловко досталось ихъ кавалеріи. На его глазахъ произошла схватка. Рубились на коняхъ такъ, что „завертѣлось, какъ въ водоворотѣ“, и трудно было различить отдѣльныхъ людей.

— Мое вниманіе,—разсказываетъ генераль,—привлекъ одинъ молодець. Онъ билъ направо и налѣво и, неожиданно вырвавшись изъ самой середины боя, вспотѣвшій, на замыленной лошади, прискакалъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ.

¹⁾ „Нов. Вѣст.“ 8 мая с. г.

— Какъ прикажете рубить, ваше превосходительство? По головѣ его бьешь—каска, по спинѣ—тоже твердое... Куда прикажете.

— Дуй,—говорю,—въ морду...

— Повернулся и поскакалъ обратно... Что бы вы думали... Цѣлехонекъ остался, а самъ вѣрно больше десятка уложилъ. Тогда австрійцы оставили на мѣстѣ четыреста человѣкъ убитыми и триста ранеными, а раненые были такіе, что наши врачи отказывались перевязывать. Разрублены отъ плеча до половины туловища. А у насъ насчитали всего сто восемьдесятъ легко раненыхъ.

Недавно скончался Адрианъ Викторовичъ Праховъ, заслуженный профессоръ по кафедрѣ изящныхъ искусствъ Петроградскаго университета, знаменитый реставраторъ Владимірскаго собора въ Кіевѣ.

Въ Винницкомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію нѣмца Маріуса Шора, проживающаго въ мѣстечкѣ Ганово, Гайсинскаго уѣзда Подольской губ., по 291 ст. улож. о наказ. въ произнесеніи рѣчей, заключающихъ въ себѣ недозволенныя сужденія о дѣйствіяхъ правительства¹⁾. „Недозволенныя сужденія“ выразились въ томъ, что когда началась война, Шоръ, не стѣсняясь, публично восхвалялъ нѣмцевъ и хулилъ русскихъ и Россію. Возмущенные мѣстные жители донесли кому слѣдуетъ о поведеніи Шора, который и былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Цѣлый рядъ свидѣтелей подтвердилъ возмутительное поведеніе Шора, и судъ приговорилъ его къ восьмимѣсячному тюремному заключенію. У вліятельнаго нѣмца однако нашлись защитники, дѣло перенесено было въ Одесскую судебную палату, гдѣ самъ Шоръ и его защитникъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Радбилъ, доказывали, что онъ „жертва своихъ личныхъ враговъ“. Отмѣнивъ приговоръ суда, палата оправдала Шора. Еще до войны Шоръ обвинялся по 103 ст. угол. улож.—въ неуважительномъ отзывѣ объ Особѣ Его Величества, но былъ той же судебной палатой оправданъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ тамъ же.

Г. Доброхотовъ въ своей корреспонденціи съ Урала ¹⁾ проводитъ интересную параллель съ работами нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и германскихъ у насъ на Уралѣ:

Нештатнаго шведскаго консула въ Екатеринбургѣ горнаго инженера П. Н. Макѣева война застала въ Германіи. Его перевели на положеніе военноплѣннаго. Объ этомъ незавидномъ положеніи П. Н. Макѣевъ разсказываетъ слѣдующее.

Шесть-семь мѣсяцевъ плети и палки, привязываніе къ столбу, постоянное недоуданіе, приведшее къ истощенію и голодному тифу,—были тѣ условія, въ которыхъ работали русскіе военноплѣнные. Работали они не только на общественныхъ работахъ, т.-е. на постройкахъ дорогъ, осушеніи болотъ, чисткѣ лѣсовъ и проч., но и отпускались по первому требованію частнымъ лицамъ партіями отъ пяти до тысячи человекъ для рытья канавъ, различныхъ построекъ, сельскохозяйственныхъ работъ и т. д. Полгода трудъ совершенно не оплачивался: послѣ установили плату... по 15 коп. въ день. Плѣнныхъ не брали только тѣ, кому ихъ абсолютно не къ чему было примѣнить. Истощенные, обрваные (сапоги и шинели отбирались для нѣмецкихъ солдатъ), подавленные морально постояннымъ глумленіемъ и бессмысленными жестокостями, они были подъ постояннымъ надзоромъ отъѣвшихъ нѣмецкихъ солдатъ. Обиднѣе же всего было то, что плѣнники раздавались, какъ вещи, кому бы то ни было, отпускались, какъ рабы, по первому требованію и бесплатно.

Далѣе. На плѣнныхъ пахали, борошили; ихъ заставляли сооружать дороги и подъѣзды пути близъ фронта, сооружать укрѣпленія близъ Кракова, Бреславля, на французскомъ фронтѣ, т.-е. работать на гибель своихъ же братьевъ. Понять весь ужасъ душевнаго состоянія плѣнныхъ можетъ только тотъ, кто все это видѣлъ, самъ испыталъ. Пренебрегалось все: элементарное чувство человека, международное право. Все рвали, топтали, сметали и глумились. Прямо какая-то отвратительная вакханалія насилія, глумленій и безцѣльнаго террора. Казалось, это мщеніе за сопротивленіе „über Volk“, какъ они себя называютъ, за сопротивленіе нѣмецкой „культурѣ“. Такъ платятся наши несчастные военноплѣнные. Чѣмъ же платятся нѣмецкіе военноплѣнные за сопротивленіе справедливости и миру?

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14426.

Тогда какъ нѣмцы утилизируютъ нашихъ плѣнныхъ до максимума, какъ рабовъ, до истощенія послѣдняго мускула, примѣняя ихъ не только на государственныя, но и на всевозможныя работы, мы беремъ на работы нѣмецкихъ плѣнныхъ въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Ураль съ его заводами дастъ громадную мощь дѣйствіямъ противъ варварскаго „über Volk“. Казалось бы, что если бы здѣсь сталъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, то удовлетворить мѣстную промышленность слѣдовало бы въ первую очередь и какимъ бы то ни было способомъ. Между тѣмъ, несмотря на то, что вопросъ о рабочихъ рукахъ здѣсь поднятъ уже около года, его острота все еще не спала. Кому-то пришла въ голову далеко не гениальная мысль использовать желтый трудъ—китайцевъ. Какъ ни хвалятъ послѣднихъ за ихъ трудоспособность, терпѣніе, но, пожалуй, выходитъ, что за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозъ. Стоитъ на это поглубже взглянуть,—представляется ли такимъ необходимымъ желтый трудъ на уральскихъ заводахъ при наличности сотенъ тысячъ австро-германскихъ военноплѣнныхъ? Затѣмъ, не было ли бы справедливостью заставить нѣмецкихъ военноплѣнныхъ работать по изготовленію средствъ обороны противъ ихъ же собратьевъ, разъ нѣмцы продѣлываютъ это съ русскими военноплѣнными съ примѣненіемъ всевозможныхъ жестокостей и издѣвательствъ?

Странное положеніе: тамъ палки, позорные столбы, а здѣсь, въ частности въ Екатеринбургѣ, плѣнные австро-германцы гуляютъ съ довольными фізіономіями по городу или благодушествуютъ на лавочкахъ за воротами. Спокойны, беззаботны, даже веселы, ни признака угнетенія, ни страха. Что это? Или этимъ мы хотимъ доказать отвратительной культурѣ „über Volk“, что мы, въ отвѣтъ на его жестокость,—сверхъ-гуманны? Не напрасна ли эта попытка? Какъ волка ни корми—все въ лѣсъ глядитъ. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что разъ нѣмцы жестоки, такъ и мы должны терроризовать плѣнныхъ нѣмцевъ. Но смотрѣть, какъ они спокойны и беззаботны въ разныхъ мѣстахъ Урала, вмѣсто того, чтобы работать на заводахъ,—тоже нельзя равнодушно.

Поденная плата плѣннымъ—1 рубль, изъ которыхъ одна треть, т.-е. 33 коп. составляютъ депозитъ военнаго министерства, 20 коп. выдается на руки плѣннымъ, а содержаніе въ горныхъ округахъ обходится по 42--46 коп. въ день.

Кромѣ того, промышленникъ обязанъ давать плѣнному необходимое бѣлье и одежду. Такимъ образомъ плѣнный обходится въ день: 33 к. + 20 к. + 42 к. (46 к.) = 95 к. (99) плюсъ не менѣе 30 коп. въ день на одежду, т.-е. всего 1 р. 25 к. — 1 р. 29 к. И если къ этому добавить содержаніе стражи, слишкомъ мягкое обращеніе, благодаря которому работа для плѣнныхъ является не болѣе, какъ прогулкой, развлеченіемъ отъ ничегонедѣланія, то работа плѣннаго обходится намъ въ два рубля слишкомъ въ день. Это уже дѣйствительно недопустимая сверхъ-гуманность надъ „сверхъ-народомъ“. Нѣмцы при тридцатипфениговой (15 к.) платѣ въ день, при ужасныхъ условіяхъ труда, при хроническомъ голоданіи русскихъ плѣнныхъ берутъ отъ нихъ максимумъ труда.

9—10 мая. Нѣкоторые изъ домовладѣльцевъ Петрограда, по окончаніи контрактовъ, на основаніи обязательнаго постановленія, позволяютъ себѣ оставлять прежнюю цѣну на квартиру и отнимаютъ дрова, чѣмъ въ дѣйствительности значительно увеличиваютъ на квартиру цѣну.

Г. Яковлевъ интересно повѣствуетъ ¹⁾, какъ въ Марсели встрѣчали первый эшелонъ русскихъ войскъ.

На пристани, для приѣма нашихъ путешественниковъ, находились почетный караулъ изъ гусарскаго эскадрона, военный губернаторъ Марселя, нашъ военный аташе въ Парижѣ гр. Игнатьевъ и сопровождавшіе его офицеры, прикомандированные къ русской миссіи, русскій генеральный консулъ и небольшая группа журналистовъ. Мы ждали очень долго. Сквозь лѣсъ мачтъ и сквозь паутину снастей судовъ, закрывающихъ входъ въ портъ, не видно было, что дѣлается въ открытомъ морѣ. И вдругъ, гдѣ-то совсѣмъ близко, грянуло и ударило по сердцамъ трижды какъ будто эхомъ повторенное: „Ура! Ура! Ура!“...

И почти вслѣдъ за этимъ, ведомый на буксирѣ, показался огромный, въ нѣсколько этажей, черногрудый парходъ, усѣянный, казалось, однѣми головами, на зеленоватосѣромъ фонѣ гимнастерокъ и фуражекъ. И изъ этой массы

¹⁾ „Нов. Вр.“ 10 мая с. г.

молодыхъ, энергичныхъ, загорѣлыхъ головъ неслись веселые, единодушные крики „Ура!“...

Трудно понять, какъ это случилось, но къ тому времени, какъ наши солдаты, рослые и здоровые молодцы, какъ на подборъ, въ стройномъ порядкѣ двинулись съ мола къ набережной, уже весь портъ зналъ о прибытіи русскихъ. И та самая толпа, которая только-что пропускала австралийцевъ и шотландцевъ, побросавши работу, бѣжала навстрѣчу русскимъ, карабкалась на заборы, становилась на скамейки, лѣзла на рѣшетки, чтобы ихъ лучше разсмотрѣть и привѣтствовать.

Съ новенькими ружьями на плечѣ, въ своихъ коротенькихъ гимнастеркахъ, красиво охватывающихъ талію, и оглашая воздухъ удалой пѣснью, солдаты наши производили чудесное впечатлѣніе. Они шли предмѣстями Марселя, удаляясь отъ города, по направленію къ отведенному имъ лагерю.

Къ удивленію, и здѣсь нашихъ воиновъ ждала толпа. Какъ только въ городѣ разнеслась вѣсть о прибытіи русскихъ солдатъ, толпа бросилась въ трамваи, которые идутъ до этого мѣста, чтобы хоть издали посмотрѣть на нихъ. Проникнуть въ лагерь можно было только по особымъ приглашеніямъ. А снаружи ничего не было видно. Но все равно, толпа стояла тутъ до ночи.

Въ городѣ, передъ отелемъ, въ центральномъ кварталѣ, гдѣ остановились русскіе офицеры, толпа запрудила всю улицу. И каждый разъ, когда показывался кто-нибудь изъ нихъ, раздавались аплодисменты и крики, которыхъ я до того никогда не слыхалъ въ толпѣ:

— Мы васъ любимъ.

Женщины подвигали грудныхъ дѣтей къ окнамъ, за которыми видны были наши офицеры. Имъ бросали подъ ноги цвѣты, когда они выходили, имъ совали въ руки букеты.

Этотъ исключительный интересъ и симпатіи, выраженныя населеніемъ по отношенію къ нашимъ войскамъ, были причиною, что не входившій вначалѣ въ программу смотръ новоприбывшимъ былъ рѣшенъ поздно вечеромъ на обѣдѣ у генерала Коке, командующаго 15 военнымъ округомъ.

Этотъ смотръ произошелъ утромъ на слѣдующій день и подалъ поводъ въ грандіозной манифестаціи, которая производила тѣмъ болѣе трогательное впечатлѣніе, что была импровизирована.

Толпа густыми шпалерами наполняла тротуары улицъ, по которымъ должны были пройти наши солдаты. Она тѣснилась на балконахъ, выглядывала изъ раскрытыхъ оконъ, бросала пучки цвѣтовъ проѣзжавшимъ русскимъ офицерамъ, останавливала солдатъ и украшала петлицы ихъ гимнастерокъ вѣтками сирени, тюльпанами, ландышами, розами. Когда изъ прилегающей узкой улицы первыя колонны нашихъ солдатъ вышли на широкую площадь передъ префектурой, шагая веселымъ церемоніальнымъ маршемъ, первое, что бросилось въ глаза,—два огромные, великолѣпные букета, которые несли взводные, шедшіе впереди, и цвѣты въ петлицахъ всѣхъ безъ исключенія солдатъ и на ружьяхъ. Многочисленная публика, заливавшая площадь, разразилась привѣтственными кликами и рукоплесканіями. И лица у всѣхъ были такія довольныя, радостныя, улыбающіяся.

Со времени приѣзда первыхъ эшелоновъ русскихъ войскъ прошло уже съ недѣлю. Но объ этомъ событіи на разстояніи всей Франціи говорятъ какъ объ одномъ изъ самыхъ счастливыхъ со времени начала войны. Точно нашъ союзъ съ Франціей вдругъ еще болѣе укрѣпился и выросъ получивши новыя, животворныя силы.

Съ 1-го по 11 мая военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ:

На западномъ фронтѣ столкновенія развѣдочныхъ партій, артиллерійская и ружейная перестрѣлка, развѣдка аэроплановъ и минная война.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ на Трапезондскомъ, Махматунскомъ, Эрзѣжанскомъ, Діарбекирскомъ районахъ отбито.

На Гюмншханскомъ направленіи наши части выбили турокъ изъ укрѣпленной позиціи на одномъ изъ сѣверныхъ отроговъ Понтійскаго Тавра.

Одна изъ воинскихъ частей получила въ укомплектованіе значительное число нѣмецкихъ колонистовъ и при встрѣчѣ съ нѣмцами потеряла плѣнными очень значитель-

ное число. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ одномъ конномъ полку уроженцевъ Кавказа, то тамъ было рѣшено—прорвать непріятельскій фронтъ и наказать славшихся въ плѣнъ нѣмецкихъ колонистовъ. Сказано—сдѣлано. Прорывъ удался и горцамъ удалось захватить повозъ съ плѣнными, которые ими были всѣ изрублены.

Пріѣхавшіе съ фронта рассказывали такой анекдотъ. Одинъ изъ дикихъ воиновъ доблестнаго Кавказа, изрубивши значительное число непріятели, привелъ къ одному изъ начальниковъ, украшенному георгіевскимъ крестомъ, нѣсколько плѣнныхъ и попросилъ личного доклада начальнику. Явившись къ нему, на ломаномъ руссксмъ языкѣ, изложилъ свое боевое отличіе и просилъ теперь же дать ему „джигита“ (всадникъ, изображенный на георгіевскомъ крестѣ). Отвѣтъ былъ таковъ, что онъ будетъ представленъ къ Георгію. Дикій уроженецъ Кавказа продолжалъ настаивать на своей просьбѣ и, получивъ окончательный отвѣтъ, что это сдѣлать невозможно, произнесъ: „пѣтъ джигита,—нѣтъ плѣнныхъ“,—вышелъ изъ помѣщенія начальника и изрубилъ плѣнныхъ.

11 мая. Изъ Женевы сообщаютъ, что до начала войны въ Германіи было до 20 милліоновъ головъ крупнаго скота, затѣмъ эта цифра понизилась до 15 милліоновъ, теперь же общее число ихъ 8 милліоновъ. Народъ употребилъ въ пищу большое количество лошадей и собакъ. Большимъ разочарованіемъ для германскаго народа было открытіе, что ни Болгарія, ни Турція не обладаютъ свободными пищевыми продуктами, которыми могла бы воспользоваться Германія, и что даже земледѣльческая Венгрія принуждена была ввезти въ послѣднее время 120.000 головъ скота изъ Румыніи.

Эстляндскіе дворяне обратились съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ ссуды изъ средствъ государственнаго казначейства въ 200.000 рублей для подкрѣпленія поколебленнаго войной положенія земскаго хозяйства Эстляндской губерніи.

Приглашенный въ междувѣдомственномъ совѣщаніе для дополнительныхъ разъясненій эстляндскій губернскій пред-

родитель дворянства баронъ Деллингсгаузенъ заявилъ, что эстляндское дворянство и земство владѣютъ недвижимостями на 1.506.784 руб. Подъ залогъ этихъ недвижимостей эстляндскимъ дворянствомъ уже получены ссуды въ 711.800 руб. Занять подъ тѣ же недвижимости новыя средства представляется невозможнымъ вслѣдствіе стѣсненія мѣстнаго денежнаго рынка. Кромѣ недвижимостей въ распоряженіи эстляндскаго дворянства и земства имѣются фонды и легаты, изъ которыхъ лишь средства одного фонда могли бы быть временно использованы, остальные же капиталы являются неприкосновенными.

Междувѣдомственное совѣщаніе единогласно признало, что происходящія въ непосредственной близости военныя дѣйствія дѣйствительно тяжело отразились на средствахъ эстляндскаго дворянства, и признало поэтому въ принципѣ выдачу ссуды желательной, но нашло, что въ настоящее тяжелое для государства время средства государственнаго казначейства могутъ расходоваться только на такія нужды, которыя совершенно неотложны. Между тѣмъ, эстляндское дворянство изъ просимой имъ ссуды въ 200.000 рублей испрашиваетъ 160.000 руб. на погашеніе позаимствованій изъ собственныхъ капиталовъ, фондовъ и легатовъ и только 40.000 руб. на содержаніе больницы Зевальдъ. Поэтому совѣщаніе постановило выдать эстляндскому дворянству вмѣсто 200.000 руб. ссуду въ 20.000 руб. на покрытіе дефицита по содержанію больницы Зевальдъ, обслуживающей нужды не только мѣстнаго, но и пришлога населенія ¹⁾).

Петроградскому обывателю интересно было бы знать, почему съ подобнымъ ходатайствомъ обратился въ казну только одинъ эстляндскій губернскій предводитель дворянства баронъ Деллингсгаузенъ и почему другіе русскіе губернскіе предводители дворянства дѣйствительно пострадавшихъ мѣсть этого себѣ не дозволили, и сколько ссуды въ 1905 году исхлопоталъ баронъ Деллингсгаузенъ эстляндскимъ баронамъ.

12—15 мая. Интереснымъ событіемъ за это время является—установленіе связи между войсками генерала Баратова и Лека.

Связь установлена тамъ, гдѣ никто не могъ ея ожидать, а именно—на страшно трудныхъ южныхъ путяхъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 11 мая с. г.

Отправляя сотника Гамалію, генераль Баратовъ далъ ему только одинъ краткій приказъ—итти въ ставку генерала Лека, предоставивъ въ остальномъ полную свободу.

На вопросъ, можетъ ли пройти, сотникъ Гамалія отвѣтилъ одно слово: „могу“,—и пошелъ южными знойными дебрями.

Путь этотъ настолько труденъ, что даже англичане, когда имъ сообщили по радіо маршрутъ сотника Гамаліи, до самаго послѣдняго момента не вѣрили въ успѣхъ и считали и Гамалію, и его сотню погибшими.

Казакъ пришелъ, и Гамалія, явившись къ генералу Леку, установилъ впервые за эту кампанію непосредственную связь русской арміи съ союзниками.

„Нашъ Вѣстникъ“ рассказываетъ небольшой, но трогательный эпизодъ, обрисовывающій духъ и настроеніе тѣхъ „сѣрыхъ шинелей“, которыя вотъ уже почти два года своими тѣлами заслоняютъ насъ отъ германской лавины.

На третій день праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія осколкомъ гранаты былъ тяжело раненъ рядовой И. А.

Товарищи отнесли его въ резервъ, и каждый изъ нихъ старался, чѣмъ могъ, облегчить его страданія. Раненый собрался съ силами, приподнялся и попросилъ къ себѣ ротнаго командира. Послѣдній, тронутый желаніемъ умирающаго, не преминулъ посѣтить и сказать ему нѣсколько ласковыхъ, задушевныхъ словъ.

— В. в. б-діе!—обратился къ нему раненый,—въ моей сухарной сумкѣ, есть три яйца, присланныя изъ дому на праздникъ Св. Пасхи, и они по сіе время лежатъ тамъ. Я не хочу, чтобы они пропадали, дайте ихъ моимъ товарищамъ!

Нѣмцы придумали соединять свои плавучія мины трюсомъ, невидимымъ на поверхности воды съ поддерживаемымъ на нѣкоторой глубинѣ особымъ поплавкомъ, окрашеннымъ подъ цвѣтъ воды или имѣющимъ видъ водоросли.

Газета „Times“ приводитъ весьма интересный рассказъ капитана Норберга, командира норвежскаго паруснаго судна, потопленнаго германской подводной лодкой, проведшаго на

ней вмѣстѣ со своимъ экипажемъ три дня¹⁾. По его словамъ, „норвежскій четырехъ-мачтовый баркъ „Линдфильдъ“ въ 2.276 тоннъ вмѣстимости, на 128-й день своего перехода черезъ океанъ, въ пятницу, 11 го марта ст. стилия, въ 80-ти морскихъ миляхъ отъ скалы Фаетенетъ (около юго-западной оконечности Ирландіи) встрѣтился съ германской подводной лодкой, которая, приблизившись къ нему, произвела два выстрѣла, однимъ изъ которыхъ былъ сбитъ бушпритъ этого судна. Въ это же время на лодкѣ былъ поднятъ германскій флагъ и съ нея посредствомъ сигнала было приказано прислать для осмотра судовыя бумаги. Съ норвежскаго судна немедленно спустили шлюпку и на ней отправился боцманъ съ 4-мя матросами, послѣ чего остальная команда барка собралась на верхней палубѣ, строя различныя предположенія. Затѣмъ съ подводной лодки просигналили, чтобы экипажъ барка оставилъ судно какъ можно скорѣй и согласно этому приказу, капитанъ и его экипажъ сѣли въ шлюпки, послѣ чего въ баркъ было произведено 4 выстрѣла, отъ которыхъ онъ затонулъ черезъ 40 минутъ.

Когда баркъ затонулъ, командиръ подводной лодки обѣщаль подбуксировать шлюпки съ его экипажемъ возможно ближе къ Ирландскому берегу, что онъ и выполнилъ, но такъ какъ на морѣ было сильное волненіе, то черезъ 3 часа послѣ начала буксировки перлинь, на которомъ шли шлюпки, лопнулъ. Подводная лодка снова взяла шлюпки на буксиръ, но ихъ стало заливать волнами и черезъ нѣсколько часовъ, т. е. въ 5 часовъ дня экипажъ норвежскаго барка былъ взятъ на лодку, а шлюпки были брошены. Когда капитанъ Норбергъ очутился на подводной лодкѣ, то онъ оставался около часу въ ея боевой рубкѣ, гдѣ находились ея командиръ и штурманъ, которые съ нимъ бесѣдовали. Лодка носила названіе „U. 70“ и представляло судно, длиной 220 футъ съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 37 человекъ, включая командира, 2-хъ лейтенантовъ и штурмана. Норбергъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть лодку и узналъ, что скорость ея хода на поверхности воды равняется 25, а подъ водой 15 узламъ. Построена она вѣроятно въ 1914 году, такъ какъ на ея моторахъ онъ видѣлъ клейма этого года. Она вооружена двумя орудіями, помѣщенными на верхней палубѣ, для которыхъ имѣется запасъ въ 600 патроновъ. Минныхъ аппаратовъ у нея два, по одному въ носовой и кормовой

1) „Рус. Инв.“ № 129 с. г.

частяхъ и для нихъ имѣется запасъ въ 10 самодвижущихся минъ. Изъ этихъ минъ, въ то время, когда норвежцы находились на лодкѣ, было на лицо 9, причемъ германскіе матросы говорили, что одна была израсходована при потопленіи парохода, наканунѣ встрѣчи съ норвежскимъ баркомъ. Затѣмъ по словамъ германскихъ моряковъ ихъ лодка можетъ оставаться въ морѣ вдали отъ своей базы отъ 30-ти до 40 дней и относительно порта, откуда она вышла, Норбергъ полагаетъ, что это былъ Бременъ, такъ какъ онъ видѣлъ на ней газеты этого города, помѣченныя числомъ за недѣлю до встрѣчи съ его судномъ. Когда подводная лодка идетъ по поверхности моря, то экипажъ ея стоитъ на четыре вахты, по четыре часа каждая съ 8-ми часовымъ перерывомъ между ними, а когда она идетъ подъ водой, то весь ея экипажъ находится при исполненіи своихъ обязанностей. На лодкѣ имѣется прекрасное помѣщеніе для офицеровъ, въ которомъ помѣстили Норберга, съ тремя комфортабельными постелями. Лодка освѣщается и отопливается электричествомъ и для приготовленія пищи на ней имѣется электрическая кухня. Что же касается остального экипажа норвежскаго судна, то онъ, включая и двухъ матросовъ, англійскихъ подданныхъ, былъ помѣщенъ въ отдѣленіи минныхъ аппаратовъ! Во время пребыванія этого экипажа на лодкѣ онъ получалъ ту же пищу, какъ и весь ея личный составъ, причемъ завтракъ состоялъ изъ кофе, чернаго хлѣба, масла, сахару, сгущеннаго молока и сосисокъ. Тоже самое давалось въ 4 часа дня и въ 6¹/₂ час. вечера, причемъ въ послѣднемъ случаѣ кофе было замѣнено чаемъ и были прибавлены сардинки. Въ субботу второй завтракъ состоялъ изъ баранины, зелени и картофеля, причемъ это было свѣжеприготовленное, а въ воскресенье было дано свѣжее мясо съ картофелемъ и консервированныя сливы, какъ десертъ. Въ понедѣльникъ второй завтракъ состоялъ изъ риса и сосисокъ.

Въ субботу лодка оставалась на поверхности воды до утра, когда былъ замѣченъ англійскій истребитель миноносцевъ. Погода въ этотъ день была пасмурная, онъ былъ замѣченъ сравнительно поздно, но послѣ сигнала погружаться, лодка очутилась на глубинѣ 10-ти морскихъ сажень въ 50 секундъ. Немного погодя лодка взяла глубину въ 8 м. сажень и такимъ образомъ шла въ продолженіи ³/₄ часа послѣ чего по неизвѣстной причинѣ опять опустилась до 10 сажень и оставалась въ такомъ положеніи 3 часа. Когда

лодка поднялась на поверхность, то была уже ночь и она пробыла въ такомъ положеніи все воскресенье, когда въ 7 ч. 35 м. вечера опять былъ обнаруженъ англійскій истребитель миноносцевъ и пришлось уйти подъ воду, гдѣ она пробыла нѣкоторое время. Ночью лодка опять всплыла на поверхность моря, гдѣ пробыла до 3 час. 30 мин. утра понедѣльника, послѣ чего, изъ за спустившагося тумана, опять ушла на глубину 8 м. сажень, гдѣ оставалась до 8 час. утра. Такъ какъ погода продолжала оставаться туманной, то лодка весь день, то погружалась въ воду, то всплывала и такимъ образомъ шла до слѣдующаго дня, когда настала хорошая погода и въ 10 час. утра лодка опустилась подъ воду на одинъ часъ, причемъ капитанъ Норбергъ слышалъ, что она обмѣнивалась подводными сигналами съ какимъ-то другимъ судномъ. Наконецъ, черезъ полтора часа лодка встрѣтила норвежскій баркъ „Силасъ“, на который она и передала своихъ плѣнныхъ. Въ заключеніе капитанъ Норбергъ говоритъ, что когда подводная лодка остается подъ водой не болѣе пяти часовъ, то воздухъ въ ней хорошій и совершенно не ощущается какого-либо стѣсненія для дыханія и не наблюдается подавленнаго настроенія.

Этотъ разсказъ представляетъ интересъ, какъ почти единственное описаніе жизни на германской подводной лодкѣ, причемъ въ немъ сообщаются и нѣкоторыя ея конструктивныя данныя, которыя можетъ быть и не совсѣмъ вѣрны, но специалистъ можетъ почерпнуть изъ нихъ цѣнныя для себя свѣдѣнія, введя въ нихъ нѣкоторыя поправки, согласно современному состоянію техники постройки подводныхъ лодокъ.

Вчера¹⁾, подъ предсѣдательствомъ В. М. Пуришкевича, происходило совѣщаніе по вопросу объ открытіи потребительскихъ лавокъ.

На совѣщаніи былъ освѣщенъ вопросъ о гниломъ мясѣ, при чемъ выяснилось, что на Черниговской улицѣ, въ д. № 9, сгнило уже на 2 милліона рублей казеннаго мяса, вслѣдствіе небрежнаго отношенія слѣдующихъ за заготовкой уполномоченныхъ министерства земледѣлія, чиновниковъ Мардберга и Корневица.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 15 мая с. г.

Сейчасъ, какъ сообщалось въ засѣданіи, тамъ же загниваетъ 500.000 пудовъ свинины. Въ баракахъ, съ червями отъ сгнившаго мяса, издающихъ смрадъ—хранится вобла, предназначенная для отправки изъ Петрограда.

Петроградскіе торговцы-грабители практикуютъ такой способъ борьбы съ таксой: какъ только градоначальникъ объявитъ таксу на какойнибудь предметъ, то этотъ предметъ изымается изъ продажи. Намъ лично торговцы нахально заявляли, что мы не торгуемъ такимъ товаромъ, который продается по таксѣ.

16 мая. Шлезвигскія газеты помѣщаютъ длинную статью, описывающую молебствія, которыя были совершены въ Шлезвигъ германскими протестантскими епископами, просившими Бога, чтобы Онъ направлялъ германскія мины для потопленія всѣхъ безъ исключенія пароходовъ, включая и американскіе. Въ молитвахъ упоминалось, что должны быть потоплены всѣ пароходы, независимо отъ того, есть ли на нихъ безоружные пассажиры, женщины и дѣти, или нѣтъ; достаточно того, чтобы эти суда везли какой-нибудь грузъ для враговъ Германіи. Молитва заканчивалась просьбой, чтобы Германія могла послать сотню цебелиновъ и разрушить Лондонъ, что было бы днемъ величайшей радости для всей Германіи¹⁾.

17 мая. Г. Егоровъ въ „Новомъ Времени“²⁾ передаетъ способъ работы французскихъ летчиковъ:

Воздушная съемка идетъ непрерывно. Развѣдочныя машины не пропускаютъ ни одного свѣтлаго дня. Онѣ непрерывно летаютъ и снимаютъ нѣмецкія линіи и тылъ. Специалисты фотографы и картографы непрерывно эти снимки проявляютъ и сравниваютъ съ предыдущими. Каждая новая фортификаціонная работа непріятели немедленно отмѣчается на картѣ; составляется дополнительный чертежъ и разсылается начальникамъ соответствующихъ участковъ. И такъ идетъ изо дня въ день. Эскадрильи, летающія въ

1) „Веч. Вр.“ 16 мая с. г.

2) „Нов. Вр.“ 17 мая с. г.

нѣмецкомъ тылу, привозятъ съ собой фотографическія развѣдки движенія нѣмецкихъ войскъ, артиллеріи, обозовъ, парковъ. Въ опытныхъ рукахъ эти снимки даютъ полную картину работы германскаго тыла и указанія на предстоящія дѣйствія непріятели. Высшимъ начальникамъ, располагающимъ такими точными развѣдками, остается лишь не терять времени для принятія своевременныхъ мѣръ. Какая организація! Это не шпіонажъ, всегда не достовѣрный, всегда сомнительный, всегда не точный, часто вводящій въ заблужденіе. Это научная работа, исполняемая смѣлыми, искусными, умными людьми и вѣрнымъ свидѣтелемъ земныхъ событій—солнцемъ.

„Вечернее Время“ приводитъ интересную корреспонденцію подъ названіемъ „Радко-Дмитріевъ“.

„Шесть мѣсяцевъ на войнѣ... Это большой срокъ, а генераль Радко-Дмитріевъ командовалъ нашимъ корпусомъ съ мая по ноябрь 1915 года.

Тяжелое было время.

Вынужденное молчаніе нашей артиллеріи въ отвѣтъ на ураганный огонь нѣмцевъ портило все. Когда задачей было удерживать тотъ или другой пунктъ до вывода частей или эвакуаціи какого-нибудь участка „во что бы то ни стало“—стрѣлкамъ оставалось только умирать на мѣстѣ, пока, сравнивъ артиллерійскимъ огнемъ окопы съ землей, нѣмцы напустятъ на оставшихся въ живыхъ защитниковъ свою пѣхоту.

И все-таки мы достигали поставленныхъ намъ задачъ. Цѣною невѣроятныхъ усилій, однимъ духомъ, давали возможность и сосѣдямъ выходить изъ рискованныхъ положеній и участки эвакуировать, даже въ контръ-атаки переходили не одинъ разъ и отбивали нѣмцевъ, задумавшихъ забрать насъ голыми руками.

Безъ снарядовъ, съ молчащей артиллеріей, мы все-таки были страшны нѣмцамъ.

Однажды у насъ на фронтѣ получился промежутокъ въ 6—7 верстъ, никѣмъ не защищенный.

Было два часа дня. Нѣмцы ломились на этотъ участокъ съ утра, сосредоточивъ на немъ огонь болѣе 10 батарей.

Прикрытъ промежутокъ можно было бы успѣшно не менѣе, чѣмъ двумя свѣжими пѣхотными полками, а у Радко-

Дмитріева свѣжихъ и одной роты не было. Въ его распоряженіи оставался только Сибирскій казачій полкъ.

Казачи были посланы, и командиру ихъ приказано „во что бы то ни стало“ продержаться до ночи и не пустить нѣмцевъ въ прорывъ.

Что дѣлали казаки, какъ прикрывали промежутокъ— это ихъ тайна. Но дѣло въ томъ, что нѣмцы, громившіе этотъ участокъ весь день, такъ и не рѣшились атаковать горсть казаковъ цѣлой пѣхотной дивизіей, наступавшей сюда, и мы совершенно спокойно отошли ночью по приказу свыше.

Такъ вотъ въ это трудное время командовалъ нами Радко-Дмитріевъ.

Обаятельный самъ по себѣ, онъ еще дороже сталъ для насъ въ силу пережитыхъ вмѣстѣ тяжелыхъ и славныхъ дней.

Его цѣнили всѣ въ корпусѣ, отъ генерала до стрѣлка безъ исключеній, очень сожалѣли, когда его перевели отъ насъ въ отвѣтственный районъ и искренно порадовались, когда „нашъ Радко“ получилъ армію.

Его личное мужество всегда поражало. Во время боя онъ со штабомъ избираетъ пунктъ впереди позицій легкой артиллеріи и идущія въ атаку части слышать его напутствіе: „Съ Богомъ, молодцы!“ И видятъ корпуснаго командира подъ градомъ шрапнелей.

На позиціи онъ не преминетъ побывать на отвѣтственномъ участкѣ въ передовыхъ окопахъ.

По годамъ тяжело ему сгибаться подъ низенькими блиндажами: вотъ ходитъ-ходитъ онъ согнувшись, да вдругъ скажетъ: „Ну, знаете, мнѣ, старику, это тяжело“ и пойдетъ по-верху.

Все это видятъ и офицеры и стрѣлки и въ восторгѣ отъ молодца генерала.

Какъ-то летчикъ нѣмецкій намѣтилъ штабъ корпуса и давай бомбардировать его сверху. Почти весь оперативный отдѣлъ штаба былъ на дворѣ, во главѣ съ командиромъ. Бомбы рвались въ пятидесяти—ста саженьяхъ отъ штаба, и всѣ невольно поглядывали вверхъ и вздрагивали при разрывѣ бомбъ. А Радко-Дмитріевъ какъ ни въ чемъ не бывало, не моргнувъ глазомъ, отдавалъ распоряженія ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, нисколько не мѣняя тона.

Когда онъ принялъ корпусъ, онъ прежде всего лично объѣхалъ всѣ полки. Командирамъ и офицерамъ онъ го-

ворилъ, что считаетъ честью для себя командованіе такими славными частями, надѣется, что громкая боевая слава сибиряковъ останется на той же высотѣ съ помощью столь доблестныхъ офицеровъ. Въ каждомъ батальонѣ онъ обходилъ всѣ ряды, внимательно съ тонкимъ пониманіемъ психологіи солдата спрашивалъ георгіевскихъ кавалеровъ объ ихъ подвигахъ.

Все это создало ему быстро симпатію и его исключительное личное мужество заслужило ему общее уваженіе, доходящее порой до восторга.

И стоило только генералу, отдавая приказаніе, добавить: „Ну, я надѣюсь на васъ“, какъ подчиненный готовъ былъ за это довѣріе заплатить жизнью, только бы исполнить приказъ.

Въ тягостный моментъ измѣны Болгаріи его мужественный отказъ отъ измѣнническаго дѣла Фердинанда привлекъ къ нему симпатію всѣхъ лучшихъ друзей славянства, но все величіе его подвига понятно только тѣмъ, кто близко зналъ его пламенный патриотизмъ, какъ болгарина.

Только непоколебимая любовь къ Россіи-Освободительницѣ, глубокая вѣра въ великое дѣло славянства, сознаніе, что Болгарія дѣлаетъ роковую ошибку, примыкая къ исконнымъ врагамъ славянства, дали ему силу въ этотъ историческій моментъ отказаться отъ родины, оставаясь вѣрнымъ долгу и чести.

Онъ пламенно вѣритъ въ Россію, въ ея историческое призваніе мощнаго оплота славянства.

Уроженецъ Восточной Румеліи, онъ въ войну 77—78 г.г., будучи семнадцатилѣтнимъ юношей, отдался всецѣло служенію русской арміи въ ея побѣдоносномъ походѣ за Балканы.

Будучи интеллигентнымъ юношей, говорилъ на турецкомъ, болгарскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ, зная край, какъ свои пять пальцевъ, онъ былъ находкой для нашей арміи.

Эта война рѣшила его судьбу: онъ посвятилъ себя военной карьерѣ, и крѣпкія узы связали его съ русской арміей.

Онъ окончилъ академію генеральнаго штаба въ Россіи, женился на русской, десять лѣтъ командовалъ ротой на Кавказѣ.

Вотъ откуда его отличный русскій языкъ, въ которомъ чуть замѣтенъ акцентъ, вотъ откуда его прекрасное знаніе

русскаго солдата и офицера, умѣнье найти путь къ сердцу русскаго человѣка.

Въ одномъ изъ своихъ мастерскихъ приказовъ онъ говоритъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Я убѣжденъ, что наше нравственное единеніе съ солдатами побѣдятъ въ будущихъ бояхъ прусскую дисциплину, основанную на чувствѣ страха передъ капральской палкой и на суровой нѣмецкой муштрѣ, которая непримѣнима къ русскому человѣку.

Всѣмъ великимъ сердцемъ славянина ненавидитъ Радко Дмитріевъ нѣмцевъ и вѣритъ, что близокъ день, когда весь міръ вздохнетъ свободно, очнувшись отъ кошмара тевтонскаго милитаризма.

18—21 мая. „Русская Будущность“ приводитъ любопытную справку о самомъ недавнемъ прошломъ господствѣ русскихъ нѣмцевъ при закладкѣ Архангельской городской больницы. На закладной мѣдной доскѣ значилось, что Архангельская городская больница была заложена въ бытность:

Губернатора фонъ-Бюнтинга,

Вице-губернатора фонъ-Лиліенфельдъ-Тоаля,

Начальника губернскаго жандармскаго управленія генераль-майора фонъ-Вейхбрехта,

Городскаго головы фонъ-Лейцингера,

Начальника порта фонъ-Гирша.

Для болѣе яркой характеристики этого административнаго состава коренной русской губерніи необходимо добавить, что родной дядя губернатора Бюнтинга (братъ его матери) состоялъ на службѣ въ германской арміи и нынѣ командуетъ одной изъ германскихъ кавалерійскихъ дивизій, а вице-губернаторъ фонъ-Лиліенфельдъ-Тоаль былъ женатъ на графинѣ Ранцау, родной внучкѣ Бисмарка.

Если память не измѣняетъ петроградскому обывателю, то фонъ-Бюнтингъ нынѣ управляетъ Тверской, а передъ тѣмъ Эстляндской губерніей.

Одинъ изъ изслѣдователей нѣмецкой колонизаціи въ Россіи И. И. Сергѣевъ сообщаетъ, что у нѣмцевъ имѣется рядъ преимуществъ и льготъ въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ ¹⁾. Вотъ они:

¹⁾ Веч. Вр. 19 мая с. г.

Хотя по закону 4 июня 1871 года колонисты-нѣмцы подчинены вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ почти прежніе права и обычаи внутренняго управленія сохранились за колонистами.

Вѣдѣнію колонистскаго суда, на примѣръ, подлежатъ сверхъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 51 общаго положенія о крестьянахъ, слѣдующее: 1) разрѣшеніе переуступки подворныхъ участковъ отъ одного хозяина къ другому, 2) распоряженіе мирскими оброчными статьями, 3) завѣдываніе общественными лѣсами и плантаціями. Кромѣ того, колоніи находятся безъ надзора и контроля, потому что непремѣнные члены и уѣздныя присутствія не получили права слѣдить за дѣятельностью колонистскаго самоуправленія.

Нѣмцы-колонисты, помимо всего этого, пользуются особыми правилами страхованія, болѣе удобными, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ для русскихъ поселенъ.

Они владѣютъ „овчарными землями“, которыми пользуются сверхъ надѣла. На этихъ „овчарныхъ земляхъ“ колонисты тѣмъ не менѣе нигдѣ не развели овецъ, но пользовались ими въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ для иныхъ цѣлей, не предусмотрѣнныхъ закономъ.

Они отдавали эти земли въ аренду, а на доходы погашали первоначально выкупные платежи, а когда было покончено съ выкупными платежами, то полученныя за аренду „овчарныхъ земель“ деньги шли на покупку колонистами земель и на увеличеніе ихъ общественныхъ капиталовъ.

Въ Россіи нѣтъ никакого другого класса сельскаго состоянія, у котораго существовало бы что-либо подобное „овчарнымъ землямъ“ и „овчарнымъ капиталамъ“.

Въ обществѣ 1914 года 12 мая происходило подъ предсѣдательствомъ князя Мансурова интересное собраніе, гдѣ были приняты резолюціи, осуживающія дѣятельность нѣмецлюба Путилова, о направленіи Обь-Бѣломорской ж. д. къ незамерзающему порту, и запросы о вывозѣ въ Румынію лошадей.

Съ 11 по 23 мая военныя дѣйствія происходили слѣдующимъ образомъ: повсюду на западномъ фронтѣ происходила ружейная и артиллерійская перестрѣлка, которая съ большей силой развивалась 14 мая, шли столкновенія развѣдывательныхъ партій. Германцы, послѣ усиленнаго огня, вели наступленія у Далена, Пулькарна, Дрисвятъ, въ районѣ Сморгони и Крево, но были отбиты.—Повсюду съ обѣихъ сторонъ шли развѣдки аэроплановъ.

20 мая противъ дер. Огородники (7 верстъ къ югу отъ Крево) было замѣчено движеніе по направленію къ нашимъ окопамъ стлавшагося по землѣ облака. Не доходя нашихъ загражденій, облако повернуло назадъ, послѣ чего въ нѣмецкихъ окопахъ послышался шумъ и были зажжены костры.

На кавказскомъ фронтѣ 9 мая наши казаки прибыли въ ставку Командующаго англійскимъ Месопотамскимъ корпусомъ.

Въ Моссульскомъ направленіи турки трое сутокъ вели яростныя атаки на Ревандузъ, но были отбиты. Въ Діарбекирскомъ, Эрзинжанскомъ и Байбуртскомъ направленіи турки энергично наступали, но были отбиты, но взяли у насъ Мамахатунъ.

Германскій флотъ открытаго моря, подъ командой адмирала Шера встрѣтился у западнаго входа въ Скагеракъ съ англійскими крейсерами въ то время, когда онъ выходилъ для производства какой-то операціи и 19 вернулся въ свои порты въ различныя гавани. Сперва весь нѣмецкій флотъ велъ борьбу противъ англійскихъ линейныхъ броненосцевъ и легкихъ крейсеровъ, а затѣмъ, когда эти англійскіе крейсера были поддержаны четырьмя сверхъ-дредноутами корабельнаго типа, то германцы не пожелали продолжать борьбы и повернули въ свои порты, не выполнивъ своей задачи. Потери обѣихъ сторонъ значительны.

Выводъ ясенъ—морское состязаніе нѣмцевъ съ англичанами не можетъ произойти для первыхъ успѣшно.

Для нашего балтійскаго флота это пораженіе германцевъ складывается въ очень благоприятную сторону.

Въ нашихъ замѣткахъ уже было помѣщено извѣстiе о заводѣ въ Воронежѣ для выдѣлки питательнаго порошка изъ яицъ. Приводимъ еще разъ это полезное извѣстiе въ корреспонденци Носилова.

Около Курска въ нашъ вагонъ подсѣлъ новый пассажиръ, который сразу обратилъ наше вниманiе, что онъ чѣмъ-то питается необыкновеннымъ.

Вынувъ изъ дорожнаго, кожанаго, желтенькаго саквояжа жестяную баночку, старательно обрѣзалъ ее по краямъ, досталъ ложечку чайную, нарѣзалъ бѣлый хлѣбъ и сталъ посыпать его желтоватымъ порошкомъ, съ наслажденiемъ отправляя его въ жадный ротъ, да съ такимъ аппетитомъ, что у всѣхъ пассажировъ показались слюнки...

Одинъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Извиняюсь за нескромный вопросъ... Скажите, пожалуйста, что вы это кушаете, что за порошокъ въ вашей жестянкѣ?

Проголодавшiйся пассажиръ прожевалъ кусокъ и отвѣтилъ довольно ясно.

— Это? Это яйца.

— Какъ яйца? — даже удивился томъ, видя въ первый разъ вмѣстѣ съ нами яйца въ порошокъ и жестянкѣ.

— Да очень просто. Яицъ пропасть въ Россiи. Мѣстами они баснословно дешевы. Мѣстами ихъ можно скупать милліонами за два много-много рубля сотню. Питательность въ нихъ нисколько, какъ вы, вѣроятно, знаете, не уступаетъ мясу. Ранѣе ихъ вывозили въ свѣжемъ видѣ за границу массою. А теперь, когда это дѣлать затруднительно, люди додумались ихъ превращать въ порошокъ и сохранять и перевозить вотъ въ этихъ скромныхъ жестянкахъ.

— Кто же это выдумалъ?

— Разумѣется, кто угодно, но только не русскiе люди! Теперь этимъ занялись англичане. Около Воронежа у нихъ построены чудный заводъ спеціально для экспорта этого питательнаго консерва. Устроены сушильни самаго простаго образца, поставленъ прессъ вотъ для выдѣлки этихъ простыхъ желѣзныхъ жестяночекъ, и этотъ заводъ не можетъ успѣть приготовить этотъ консервъ, такъ чудно кладутся русскiя курицы!.. Разумѣется, все вывозится за границу. Въдъ Россiя, нынѣ голодающая изъ-за недостатка мяса, не знаетъ и не ѣстъ, какъ свѣжее яйцо, платя за него по четыре копѣйки въ столицахъ.

Мы всё пожелали попробовать русскія сушенныя яйца. Пассажиръ съ удовольствіемъ намъ предоставилъ и хлѣбъ, и жестянку, продолжая поучать насъ въ этомъ дѣлѣ, какъ бы открывшій въ свою очередь дураковъ въ Россіи.

— Это что... Это самый простѣйшій, дорожный, такъ сказать, способъ употребленія... А вотъ вы бы пожаловали въ усадьбу мою,—какіе омлеты чудные приготовляетъ изъ этихъ консервовъ моя прислуга! Пальчики оближете, господи! Ахнете, что за прелесть!... Да, что омлеты? Изъ этихъ консервовъ англичане выдумали такія блюда, котормъ еще придумываютъ названія люди кулинарнаго дѣла!..

Мы были буквально ошеломлены его разсказами и словно чувствовали уже во рту омлеты.

Всѣ пожелали, рааумѣется, ими запасться, чтобы попробовать омлеты изъ сушеныхъ яицъ. Но нашъ спутникъ заявилъ, что это невозможно.

— Почему?

— Ни одна банка не продается въ Россіи. Все вывозится въ Англію. Вѣдь тамъ тоже нужда въ питательномъ отношеніи.

— Впрочемъ,—замѣтилъ онъ, какъ бы желая насъ утѣшить въ этомъ случаѣ: — вы можете найти нѣсколько баночекъ этого яичнаго порошка въ Москвѣ. Тамъ есть птицеводное общество. Въ благодарность ему, что оно разводитъ хорошихъ куръ, этотъ заводъ отпускаетъ нѣсколько баночекъ. Рекомендую забѣжать. Это у стѣны Китай-города.

Намъ только оставалось поблагодарить за этотъ случай и указаніе, но на душѣ стоялъ обычный вопросъ.—И тутъ мы, русскіе люди, просмотрѣли то, что увидѣли у насъ, среди богатства, иностранцы! Да вѣдь это цѣлое открытіе теперь, когда мы сидимъ безъ мяса, это замѣна его не только въ кухнѣ, но даже на позиціяхъ! Какіе же мы люди простоволосые, что не видимъ того, что такъ необходимо! Въ Сибири, за Ураломъ къ Пасхѣ яйца были 80 коп. сотня. А мы говимся за мясомъ, не замѣчая куринаго питательнаго яйца!

Г. Мэура ¹⁾ указываетъ на новую германскую шпіонскую организацію подъ видомъ союза конторъ торговыхъ справокъ. Въ Гамбургѣ, подъ предсѣдательствомъ министра фи-

¹⁾ Веч. Вр. 22 мая с. г.

нансовъ состоялось засѣданіе представителей различныхъ германскихъ торговыхъ и промышленныхъ союзовъ и организацій. На этомъ засѣданіи главный директоръ „Шиммельпфенга“, Артуръ Брюль выступилъ съ обширнымъ проектомъ учрежденія „союза конторъ торговыхъ справокъ“. По проекту, корреспонденты и отдѣленія этого учрежденія будутъ находиться во всѣхъ главныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ заграничныхъ странъ. Выдача справокъ о кредитоспособности, изученіе мѣстнаго рынка, телеграфныя сообщенія о состояніи рынковъ, распространеніе за границей свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Германіи, о прогрессѣ ея техническаго и юридическаго промышленнаго устройства—вотъ тѣ официальныя задачи, которыя возложены на новое учрежденіе. „Borsen Courier“ старается строго отмежевать дѣятельность „союза конторъ“ отъ какихъ-либо правительственныхъ учрежденій, но тутъ же замѣчаетъ, что, конечно, новое учрежденіе должно находиться въ тѣснѣйшей связи съ проектируемымъ „международнымъ коммерческимъ судомъ, гдѣ должно защищать интересы германскихъ купцовъ и промышленниковъ“.

Названная газета приводитъ списокъ лицъ, присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи. Кромѣ министра финансовъ, здѣсь были вице-предсѣдатель пангерманскаго союза, тайный совѣтникъ Орестъ Тилле, начальникъ военно-промышленнаго отдѣла военнаго министерства проф. Отто Кунъ, помощникъ начальника генеральнаго штаба, ген. фонъ-Блекбергъ, совѣтники министерства иностранныхъ дѣлъ и представители министерства внутреннихъ дѣлъ. Былъ богато представленъ общественный міръ, и здѣсь, кромѣ членовъ пангерманскаго союза, были представители всѣхъ тѣхъ нѣмецкихъ организацій, вредная дѣятельность которыхъ достаточно выяснена всѣми союзными странами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только стремленіе отвоевать для себя прежнее положеніе на мировыхъ рынкахъ руководитъ Германіей въ данномъ случаѣ. Учрежденіе „союза конторъ торговыхъ справокъ“ является политическимъ шагомъ, направленнымъ къ обезпеченію для Германіи полной освѣдомленности во всѣхъ событіяхъ и дѣлахъ тѣхъ странъ, съ которыми въ настоящее время ведетъ войну Германія.

Различныя комиссиі все разсуждаютъ и разсуждаютъ о сахарномъ кризисѣ повсюду и въ особенности въ столицахъ, но толку изъ этого не происходитъ никакого. Сахарные короли мародеры хотятъ нажить миллионы прибыли, а бѣдные обыватели часами выстаиваютъ въ длинныхъ хвостахъ у чайныхъ магазиновъ,

23 мая. Совершенно неожиданно для Россіи и для всего свѣта зазвучалъ благовѣстный колоколъ побѣды на нашемъ южномъ фронтѣ. Сообщение штаба Верховнаго Главнокомандующаго передаетъ это чудное сообщеніе такъ:

Вчера, 22-го мая, съ утра начался бой на фронтѣ отъ рѣки Припяти до Румынской границы.

При содѣйствіи артиллеріи, наши войска на многихъ участкахъ имѣли крупныя успѣхи.

До настоящаго времени взято около 13.000 плѣнныхъ, орудія, пулеметы.

Сраженіе развивается.

Артиллерія продолжаетъ постепенное разрушеніе неприятельскихъ укрѣпленій и закрытій.

Пѣхота по мѣрѣ успѣха артиллерійской подготовки, овладѣваетъ неприятельскими позиціями.

Про кавказскій фронтъ сообщеніе говоритъ, что турки отбиты въ Эрзинжанскомъ направленіи и что у Равендуза идетъ бой.

Здѣсь въ Петроградѣ много праздно болтовни про военныя дѣйствія. Секретъ наступленія такъ хорошо былъ сохраненъ, что повсюду кумушки болтали, что нѣмцевъ будутъ брать изморомъ. Въ дѣйствительности оказались съ самаго начала крупныя успѣхи на крѣпостномъ фронтѣ противника, и сразу на этомъ крѣпостномъ фронтѣ 13.000 плѣнныхъ. Снилось ли кому это?

Г. Логофеть въ „Развѣдчикъ“¹⁾ повѣствуетъ о служеніи на позиціяхъ нашихъ полковыхъ священниковъ.

— Какъ прошла у васъ пасхальная ночь,—задаю вопросъ стрѣлковому поручику, съ которымъ уже не разъ встрѣчался во время войны.

Командированный въ Минскъ молодой офицеръ, несмотря на отсутствіе нашихъ удобствъ, очень доволенъ своей поѣзд-

¹⁾ „Развѣдчикъ“ № 1333 с. г.

кою, а поэтому съ большимъ оживленіемъ начинаетъ подробно рассказывать, рисуя картину пасхальной заутрени въ полку, стоящемъ на передовыхъ позиціяхъ.

— Отслужилъ у насъ нашъ „батя“ заутреню во временной церкви, которую устроили въ лѣсу при штабѣ полка, а затѣмъ сейчасъ же какъ былъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ, пошелъ въ передовые окопы. Трехсвѣчникъ освѣщаль всю его фигуру, искрясь въ блестякахъ золотой парчи, было такъ тихо, что восковыя свѣчи не гасли. И на далекое разстояніе былъ виденъ въ ночной темнотѣ этотъ служитель Всемогущаго Творца, всегда забывавшій объ опасностяхъ, когда нужны были его молитвы и огненное слово всей паствѣ.

Баталіонный командиръ увидѣлъ „батю“ въ такомъ нарядѣ и сейчасъ же его остановилъ...

— Не ходите, отецъ, съ огнемъ. Лучше погасите ваши свѣчи. Еще введете нѣмцевъ въ грѣхъ—по васъ стрѣлять начнутъ.

Ну нашъ „батя“ особенный—только посмотрѣлъ, да и отвѣчалъ:

— Непристойно священнослужителю потаенно слѣдовать, ежели онъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, возвѣщаетъ всѣмъ живымъ о воскресеніи. И тутъ же громко запѣлъ „Христось Воскресе изъ мертвыхъ“...

Большой у него голосъ и умѣеть онъ имъ владѣть. Далеко въ тиши ночной разносилось его пѣніе и шелъ онъ не по ходу сообщенія, а прямо къ окопамъ, въ которыхъ люди, услышавъ пѣніе, подхватили слова молитвы. Торжественно неслась эта молитва, а нѣмцы, замѣтивъ священника, шедшаго по открытому мѣсту, долго молчали, наблюдая за нимъ, но потомъ все-таки не выдержали и отрыли по немъ стрѣльбу. Дошелъ „батя“ все-таки благополучно, со всѣми похристосовался и большую радость всѣмъ намъ принесъ.

До разсвѣта по окопамъ ходилъ, ну а потомъ мы всѣ ему разоблачиться помогли. Разговѣлись съ нимъ вмѣстѣ и назадъ по ходамъ сообщенія повели.

А знаете ли, вѣдь онъ раньше сельскимъ священникомъ служилъ и пошелъ добровольцемъ на войну. Семья большая, но онъ объ этомъ ни минуты не думаетъ, и всегда поэтому его можно видѣть въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

Когда наступали въ началѣ марта, такъ нашъ „батя“ на перевязочномъ пунктѣ устроился. Помогалъ врачамъ пере-

вязывать, исповѣдовалъ и приобщалъ умирающихъ и тяжело раненныхъ, но и тутъ не могъ остаться спокойнымъ, каждого раненаго сталъ спрашивать.

— А не нужно ли кого напутствовать впереди? Можетъ, кто умирающій лежитъ и безъ покаянія скончается?

— Ну, разумѣется, тѣ отвѣчаютъ, „какъ не быть, батюшка, лежать люди по всему лѣсу, есть и мертвые, а кто и му- чится, пока смерть не придетъ“.

Побѣлѣлъ прямо нашъ „батя“... встревожило это его страшно, въ лицѣ весь измѣнился... „Какъ же это такъ, что же вы ихъ не принесете“, говорить носильщикамъ.

— Никакъ нельзя, батюшка, отвѣчаютъ, есть такіе, что видать, сейчасъ помретъ, ихъ и тревожить нельзя.

— Тогда, говоритъ, я самъ къ нимъ пойду... Надѣлъ епитрахиль и съ крестомъ въ рукѣ пошелъ впередъ... по перелѣскамъ.

До резервовъ дошелъ и вездѣ, какъ найдетъ кого раненаго, лежащаго сейчасъ же осмотритъ и, присѣвъ около, исповѣдуетъ и приобщитъ. А вокругъ прямо адъ былъ. Нѣмцы, чтобы не дать нашимъ резервамъ подойти, страшный огонь открыли... Но видно, Богъ хранилъ своего служителя, несмотря на разрывавшіеся около снаряды ни одинъ осколокъ его не задѣлъ... На всѣхъ насъ онъ этимъ исполненіемъ своего долга произвелъ неиагладимое впечатлѣніе.

Даже нижніе чины татары подходили потомъ къ нему и цѣловали руку.

Слыша этотъ рассказъ, мнѣ вспомнился цѣлый рядъ подвиговъ, совершенныхъ полковыми священниками, изъ которыхъ многіе своею кровью запечатлѣли свою преданность долгу.

Скромный, невзрачный сельскій батюшка принесъ съ собою въ армію теплое ласковое слово, любовь къ людямъ, являя собою примѣръ самоотверженія, мужества и рѣдкаго самообладанія. Съ глубокою вѣрою въ Божественный промыселъ, смѣло появлялись священнослужители вездѣ, гдѣ смерть собирала свою обильную жатву.

Оставивъ прекрасные приходы, промѣнявъ покойную жизнь на существованіе съ постояннымъ ожиданіемъ опасности, съ легкою возможностью заразиться тифомъ въ различныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, несутъ они свою тяжелую службу, заслуживъ общее уваженіе и любовь своихъ новыхъ прихожанъ, успѣвая въ то же время исполнять

требн для окрестнаго населенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церкви остались безъ священниковъ.

— Мы должны въ арміи также себя вести, какъ инокъ Ослабля Пересвѣтовъ, убѣжденно доказывалъ мнѣ симпатичный отецъ Михаилъ Б—чъ, путая имя иноковъ, участвовавшихъ въ битвѣ съ Дмитріемъ Донскимъ.

Или въ родѣ отца Щербаковского, что подъ Тюринченемъ въ атаку съ полкомъ ходилъ.

Высокихъ подвиговъ на ратныхъ поляхъ не мало совершили отцы духовные... И награжденныхъ отличіями много...

Самое главное, надо слѣдовать завѣту Спасителя: „Больше сія любви не имать, аще кто душу положить за други своя“... Ну, а потомъ, когда по малодушію сердце замираетъ и сдѣлается страшно, тутъ ужъ только и остается одно, вспоминать слова молитвы: „чаю воскресеніе мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“, тогда ничего не страшно...

Вглядываясь въ сіявшіе непоколебимою вѣрою глаза, этого невзрачнаго на видъ, непригоднаго по недостатку лоска для служеній въ столичныхъ церквахъ пастыря, я уяснялъ себѣ ту силу нравственную и величіе духа, которыми онъ покорялъ сердца простыхъ людей, шедшихъ къ нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ, а въ трудныя минуты готовыхъ идти по его слову совершенно спокойно на смерть, вѣря, что его благословеніе оградитъ отъ всѣхъ бѣдъ...

Грубоватый, державшійся въ мирное время въ сторонѣ, а иногда и хорошій пріятель всего офицерства, полковой „Батя“ во время войны сдѣлался центральной фигурой, поддерживающій настроеніе своего военнаго прихода и умѣющій немногими словами, идущими отъ сердца, повліять больше, нежели всякіе богословски образованные священники, говорящіе съ ораторскими приѣмами дивныя по красотѣ поученія.

Особый примѣръ исключительнаго смиренія епископа Трифона, служащаго простымъ полковымъ священникомъ, производилъ на всѣхъ удивительное впечатлѣніе, а возможность получить его благословеніе и услышать нѣсколько словъ ободренія верѣдко приводила къ нему офицеровъ и нижнихъ чиновъ, не только стоявшихъ вокругъ частей, но и пріѣзжавшихъ издалека...

На вѣки записавъ рядъ своихъ подвиговъ въ исторію настоящей войны, полковые священники сумѣли поддержать ту вѣру, которая неудержимо повлекла почти всѣхъ

въ полковныя церкви, давъ возможность уяснить великое значеніе словъ пасхальнаго пѣснопѣнія:

„Христось воскресе изъ мертвыхъ смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“.

Съ твердою вѣрою въ будущую жизнь въ частяхъ спокойно готовятся къ страшнымъ минутамъ наступленія, приближающаго жизнь многихъ къ границамъ смерти.

24 мая. Какъ-то блѣднѣютъ сообщенія штаба о столкновеніяхъ въ Двинскомъ районѣ, у Сморгони, Крево и на Кавказскомъ фронтѣ передъ нѣсколькими строками о дѣйствіяхъ на юго-западномъ фронтѣ.

Вотъ эти знаменательныя строки:

На фронтѣ отъ р. Припяти до румынской границы наши войска продолжаютъ развивать достигнутые 23-го мая успѣхи.

Къ настоящему времени число взятыхъ нами плѣнныхъ возросло до 480 офицеровъ и болѣе 25.000 нижнихъ чиновъ. Захвачено 27 орудій и болѣе 50 пулеметовъ.

Свѣдущіе люди такъ говорятъ о правильномъ веденіи продовольственнаго дѣла: веденіе продовольственнаго дѣла должно быть предоставлено земствамъ и городамъ съ пополненіемъ городскихъ гласныхъ выборными отъ всѣхъ группъ мѣстнаго населенія по участкамъ или по приходамъ, общее же по Имперіи руководство операціями порайоннаго снабженія должно быть возложено на областныя и центральныя делегации подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія. Министерство путей сообщенія вѣдаетъ только передвиженіемъ товаровъ по указанному ему плану, насколько послѣдній оказывается фактически осуществимымъ при наличныхъ транспортныхъ средствахъ, за представителями же полиціи и администраціи сохраняется принадлежащее имъ право контроля и надзора.

25 мая. Въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго за этотъ день сообщено:

Западный фронтъ. Успѣхи нашихъ войскъ на Волыни, въ Галиціи и въ Буковинѣ развиваются. Цифры взятыхъ плѣнныхъ и трофеевъ при выбитіи противника съ его

сильно укрѣпленныхъ позицій продолжаютъ расти. Съ начала послѣднихъ боевъ и до полудня 24-го мая арміями генерала Брусилова взято въ плѣнъ 900 офицеровъ и болѣе 40.000 нижнихъ чиновъ, захвачено 77 орудій, 134 пулемета, 49 бомбометовъ; кромѣ того захвачены прожекторы, телефоны, походныя кухни, много ручного оружія, снаряженіе и значительные склады огнестрѣльныхъ запасовъ. Часть батарей захвачена нашей пѣхотой цѣликомъ со всѣми орудіями и зарядными ящиками. Послѣдніе бои на дѣлѣ доказали непріятелю ростъ нашихъ боевыхъ средствъ. Эти бои закрѣпляютъ вѣру въ то, что по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія этихъ средствъ непріятельскія укрѣпленныя линіи будутъ разрушаться съ еще большимъ успѣхомъ. Мужество же и порывъ войскъ свидѣтельствуются самими результатами, достигнутыми всего лишь за три дня боевъ.

Верховный Главнокомандующій, Государь Императоръ уже вчера въ 10 час. вечера послалъ изъ Царской Ставки привѣтъ войскамъ Генераль-Адъютанта Брусилова за одержанный успѣхъ: „передайте Моимъ горячо любимымъ войскамъ вѣреннаго Вамъ фронта, что Я слѣжу за ихъ молодецкими дѣйствіями съ чувствомъ гордости и удовлетворенія, цѣню ихъ порывъ и выражаю имъ самую сердечную благодарность. Да поможетъ Намъ Господь изгнать врага изъ предѣловъ нашихъ. Убѣжденъ, что всѣ постоятъ дружно и поработаютъ до конца во славу русскаго оружія“

„Н и к о л а й“.

Осторожность не позволяетъ теперь же огласить названія доблестныхъ полковъ, ведущихъ бой иногда съ потерю всего офицерскаго состава, а равно имена мужественныхъ генераловъ и офицеровъ, уже павшихъ или раненыхъ, а также названія мѣстныхъ предметовъ и пунктовъ, въ районѣ которыхъ идутъ бои.

Кавказскій фронтъ. На Эрзннджанскомъ направленіи нашимъ артиллерійскимъ огнемъ остановлено наступленіе большихъ турецкихъ силъ.

На Багдадскомъ направленіи въ районѣ Ханекина наши войска, послѣ боя, заняли сильно укрѣпленныя позиціи турокъ; во время этого боя наша конница ходила въ атаку на турецкіе окопы и изрубила нѣсколько баталіоновъ противника.

Въ телеграммѣ изъ Англій значитъ такая печальная вѣсть:

Англійскій военный министръ лордъ Китченеръ, выѣхавшій въ Петроградъ, погибъ на крейсерахъ, попавшемъ у береговъ Англій на мину.

Какую гигантскую работу исполнилъ онъ, создавъ могучую англійскую сухопутную армию и проведя въ Англій общую воинскую повинность.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ передаютъ такія подробности нашего наступленія:

Начатое 22-го мая, въ 2 часа ночи, наше наступленіе на всемъ протяженіи фронта арміи генерала Брусилова развивается съ небывалымъ темпомъ.

Ожесточенные бои происходятъ отъ румынской границы до глухихъ полѣскихъ болотъ. Подъ ураганнымъ огнемъ нашихъ орудій одинъ за другимъ тають лучшіе австрійскіе полки. Наши доблестныя войска шагъ за шагомъ продвигаются впередъ. Каждую пядь земли австрійцы уступаютъ только послѣ отчаяннаго сопротивленія.

Наши войска идутъ въ бой съ такимъ подъемомъ духа и производятъ такія яростныя атаки, передъ которыми блѣднѣютъ героическіе подвиги первыхъ дней войны.

„Впередъ и ни шагу назадъ“—вотъ грозный лозунгъ, съ которымъ бросаются теперь наши на австрійскіе штыки и пушки.

Каждую минуту съ позицій приходятъ радостныя извѣстія о все новыхъ и новыхъ успѣхахъ нашего наступленія. По полученнымъ до 12 часовъ дня 24-го мая даннымъ, нами захвачено 25 тысячъ австрійцевъ.

Бой продолжается, принимая размѣры генеральнаго сраженія.

Австрійцы отражаютъ наши атаки преимущественно при помощи многочисленныхъ фугасовъ, заложенныхъ въ шахматномъ порядкѣ передъ каждой линіей ихъ укрѣпленій.

Благодаря принятымъ нами заблаговременно мѣрамъ, взрывы фугасовъ не причиняютъ большого вреда нашимъ наступающимъ колоннамъ.

По поводу успѣха на фронтѣ генерала Брусилова здѣсь получены слѣдующія подробности:

¹⁾ „Рус. Сл.“ 25 мая с. г.

Наступленію на австрійскомъ фронтѣ предшествовало усиленіе бомбардировки непріятельскихъ траншей нашими тяжелыми орудіями. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ бомбардировка превратилась въ такую сильную канонаду, что на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, находящихся въ 30—40 верстахъ отъ позицій, въ теченіе цѣлаго дня стоялъ оглушительный гулъ, и дребезжали стекла.

Утромъ 22-го мая ураганный огонь артиллеріи достигъ такой силы, что прекратилась работа телеграфныхъ и телефонныхъ аппаратовъ. Орудійные выстрѣлы слились въ сплошной ревъ, ощущалось сильнѣйшее сотрясеніе воздуха.

Снаряды подвозились къ позиціямъ въ небываломъ количествѣ.

Когда солнце взошло, канонада ослабѣла, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ прекратилась. Были получены извѣстія о начавшемся наступленіи пѣхоты.

Часамъ къ 10 утра бои развивались на громадномъ протяженіи. Наши пѣхотныя части стали уходить впередъ.

Было получено извѣстіе, что нѣсколько рядовъ непріятельскихъ укрѣпленій совершенно сметено огнемъ нашей артиллеріи, и непріятель отступаетъ. Сообщалось также, что среди непріятельскихъ частей очень много германскихъ пѣхотныхъ отрядовъ.

Наступленіе нашей пѣхоты продолжается при энергичномъ содѣйствіи артиллеріи.

Передаютъ, что среди плѣнныхъ много германцевъ.

26 мая. Сообщение штаба Верховнаго Главнокомандующаго отмѣчаетъ этотъ день такъ:

Западный фронтъ. 24-го мая наши войска, развивая наступленіе на направленіи Ровно — Ковель на плечахъ опрокинутаго непріятеля, съ боемъ овладѣли раіономъ города Луцка и заняли самый городъ. Во многихъ мѣстахъ наши войска не только овладѣли линіей р.р. Стыри и Иквы, но и переправившись черезъ нихъ продолжаютъ наступленіе.

Въ Галиціи на Нижней Стырцѣ энергичнымъ натискомъ пѣхоты, поддержанной огнемъ артиллеріи, взяты сильныя укрѣпленія непріятеля на фронтѣ Тржибуховцы—Язловець. Войска подошли вплотную къ линіи р. Стырпы.

Сверхъ указаннаго вчера количества плѣнныхъ 40.000 человекъ и трофеевъ, во вчерашнихъ бояхъ вновь взято въ

плѣнь 58 офицеровъ и около 11.000 нижнихъ чиновъ, вновь захвачено еще невыясненное количество орудій, пулеметовъ, складовъ оружія, походныя кухни, телефонное имущество.

Результаты боевъ 22—25 мая въ Волинн и Галиціи позволяютъ уже теперь считать достигнутый успѣхъ крупной побѣдой нашего оружія съ полнымъ прорывомъ непріятельскаго укрѣпленнаго фронта.

Въ остальныхъ мѣстахъ перестрѣлка и стычки.

И такъ послѣдовала крупная побѣда съ полнымъ прорывомъ непріятельскаго укрѣпленнаго фронта. Отнынѣ проповѣдь невозможности прорыва отпала и невозможное сдѣлалось возможнымъ.

Полученныя теперь запоздалыя нѣмецкія газеты полны указаніями на эту невозможность. Болгарскій генераль Жековъ хвастливо заявляетъ ¹⁾:

„Военныя цѣли Болгаріи тождественны съ цѣлями ея союзниковъ. Мы гордимся, что помогли нашимъ союзникамъ добиться желаемыхъ успѣховъ... Сербія стала только географическимъ понятіемъ. Черногорія и Бельгія также стерты съ карты Европы. Самыя важныя промышленныя территоріи Франціи и Россіи находятся въ рукахъ непріятеля. Громогласно предсказанное военное *выступленіе четверного согласія* такъ и *осталось только въ проектѣ*. У насъ одинъ планъ и одна воля,—довести войну до побѣдоноснаго конца.

Въ концѣ бесѣды Жековъ категорически заявилъ, что эта весна принесетъ центральнымъ державамъ и Болгаріи почетный миръ, ибо, по его компетентному мнѣнію, Россіи, Англіи и Франціи не осталось ничего другого, какъ смиренно просить мира.

Фоссова газета отъ 28 мая доказываетъ что Италія чувствуетъ себя совершенно одинокою, такъ какъ Россія не желаетъ двигаться съ мѣста, не предпринимаетъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій, а другая статья этой же газеты гласитъ такъ: „Отказъ англичанъ и русскихъ помочь французамъ“.

Вывоза хлѣба за границу со времени войны нѣтъ, весь онъ остался въ Россіи, а цѣны на муку грабительскія. Въ

¹⁾ „Веч. Вр.“ 26 мая.

Рыбинскѣ сдирають съ покупателя за пятипудовый мѣшокъ крупчатки отъ 21—25 рублей. Та же вахканалія идетъ въ Саратовѣ и тамошнихъ нѣмцевъ-мукомоловъ—хотя бы одного изъ нихъ вздернули на висѣлицу.

27 мая. Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго передаетъ:

Западный фронтъ. На Волыни и въ Галиціи сраженіе продолжается. Германцы стремятся остановить развитіе нашего прорыва. Замѣчено прибытіе германскихъ частей изъ района сѣвернѣе Полѣсья. Въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ много германцевъ. Несмотря на сильное мѣстами сопротивленіе непріятели на всемъ фронтѣ отъ Припяти до Румынской границы наше наступленіе продолжается. На многихъ участкахъ наша конница имѣла случай атаковать въ конномъ строю. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ боевъ извѣстны: атака казачьей сотней у Суска (восточнѣе Луцка) укрѣпившагося противника, закончившаяся захватомъ 2 орудій, 8 зарядныхъ ящиковъ и 200 ящиковъ со снарядами, захватъ нашими развѣдчиками у Борятина (юго-восточнѣе Луцка) двухъ 10 сантиметровыхъ орудій, 4 офицеровъ и 160 нижнихъ чиновъ и у Добрятина (на Иквѣ ниже Млынова) одного 10 сантиметроваго орудія и 35 ящиковъ со снарядами. На одномъ изъ участковъ въ числѣ прочей добычи захвачено 30 баллоновъ съ удушливыми газами. Молодые части нашихъ армій соперничаютъ въ доблести съ наиболѣе славными старыми полками. Такъ молодые полки одной дивизіи, сформированной изъ ополченскихъ частей, стремительнымъ ударомъ смяли противника на р. Стыри и на его плечахъ ворвались въ предмостное укрѣпленіе у м. Рожнице, взявъ въ плѣнъ около 2.500 германцевъ и австрійцевъ, пулеметы и богатую добычу. Рѣка Стрыпа перейдена нами и наши части достигли р. Злоты (Потокъ). При руководствѣ боемъ на одномъ изъ участковъ наступленія тяжело раненъ генераль Микулинь. Число плѣнныхъ вновь значительно возросло. Къ ранѣе показанному общему ихъ числу (958 офицеровъ и болѣе 51.000 нижнихъ чиновъ австрійцевъ и германцевъ) надо добавить взятыхъ во вчерашнихъ бояхъ еще 185 офицеровъ и 13.714 нижнихъ чиновъ. Всего за операцію пока взято въ плѣнъ зарегистрированныхъ 1.143 офицера и болѣе 64.714 нижнихъ чиновъ, а въ остальныхъ мѣстахъ перестрѣлка и

успѣшная наша атака на Гюминхапскомъ направленіи на Кавказѣ.

28 мая. Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщено:

Верховнымъ Главнокомандующимъ Государемъ Императоромъ вчера была получена слѣдующая телеграмма Президента Французской Республики: „Блестящая побѣда, одержанная Россіей, даетъ совмѣстнымъ операціямъ намѣченнымъ союзными штабами, мощный толчекъ къ общему успѣху. Въ то время какъ передъ Верденомъ французскія войска съ непоколебимымъ мужествомъ отражаютъ повторныя атаки германцевъ, доблестные русскіе солдаты Вашего Величества наносятъ нашимъ врагамъ кровавый ударъ. Франція затрепетала отъ радости при этомъ счастливомъ извѣстии, и я прошу Ваше Величество принять за себя и за Вашу армію мои горячія поздравленія“.

„Раймондъ Пуанкаре“.

Западный фронтъ. Войска генерала Брусилова продолжаютъ наступленіе и преслѣдованіе противника. Ведя бой съ арріергардами непріятели, наши войска переправляются черезъ р. Стырь какъ ниже, такъ и выше Луцка. Части, успѣвшія переправиться, преслѣдуютъ непріятели, пытающагося задерживаться на тыловыхъ позиціяхъ.

Въ Галиціи, сѣверо-западнѣе Тарнополя, въ раіонахъ Глядки и Цеброва идетъ горячій бой за высоты, нѣсколько разъ переходившія изъ рукъ въ руки.

Бельгійскія бронированныя машины оказываютъ мощную поддержку нашимъ войскамъ.

Прорывъ непріятельскаго фронта въ раіонѣ Нижней Стрыпы привелъ къ овладѣнію укрѣпленной позиціей на восточномъ берегу Стрыпы.

Сегодня, 28-го мая, на разсвѣтъ наши войска вступили въ г. Бучачъ и, развивая наступленіе вдоль Днѣстра, захватили с. Сцянка. Въ с. Потокъ-Злоты захваченъ большой артиллерійскій паркъ со снарядами и патронами. Наступленіе продолжается.

Во вчерашнихъ бояхъ вновь взято въ плѣнъ 97 офицеровъ и около пяти съ половиною тысячъ нижнихъ чиновъ и захвачено 11 орудій.

Всего за операцію пока взято въ плѣнъ зарегистрирован-

ныхъ 1.240 офицеровъ и около 71.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 94 орудія, 167 пулеметовъ и 53 бомбомета. Кромѣ того захвачено много другой боевой добычи.

29 мая. Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщено:

Западный фронтъ. По полученнымъ донесеніямъ, наступленіе нашихъ войскъ на Волыни, въ Галиціи и Буковинѣ вчера продолжалось, сопровождаясь новыми успѣхами. Непріятельскія арміи продолжаютъ нести (даже считая только однихъ плѣнныхъ) огромныя потери. Лихіе удары нашихъ войскъ отдають въ наши руки новыя тысячи плѣнныхъ и самую разнообразную военную добычу, количество которой въ настоящее время даже не поддается болѣе или менѣе точному учету.

Захватъ огромнаго количества заготовленнаго непріателемъ для различныхъ сооруженій матеріала самъ по себѣ говоритъ о своевременности нашего удара.

Въ бояхъ вчерашняго дня вновь взято въ плѣнъ 1 генераль, 409 офицеровъ, 35.100 нижнихъ чиновъ, 30 орудій, 13 пулеметовъ и пять бомбометовъ.

Такимъ образомъ общее количество плѣнныхъ, взятыхъ за операцію, пока составляетъ: 1 генераль, 1.649 офицеровъ, свыше 106.000 нижнихъ чиновъ, 124 орудія, 180 пулеметовъ и 58 бомбометовъ.

Изъ отдѣльныхъ боевъ и эпизодовъ пока извѣстны слѣдующіе:

Лихой бой одной изъ нашихъ молодыхъ частей у Рожиче (на Стыри, ниже Луцка). Здѣсь нѣмцы пытались оказать поддержку австрійцамъ, но атакой нашей пѣхоты подъ прикрытіемъ огня тяжелой артиллеріи были выбиты изъ мѣстечка, потерявъ болѣе 2.000 плѣнными, два орудія, пулеметы. Наши войска преслѣдуютъ отступающихъ германцевъ.

Войска, дѣйствующія въ районѣ гор. Дубно, тѣсня непріятеля, взяли городъ Дубно и фортъ.

Нѣкоторыя части переправились черезъ Икву и развиваютъ наступленіе. Часть ихъ заняла районъ селенія Демидовки, на шоссе Млыновъ—Берестечко. Непріятельскій гарнизонъ опорнаго пункта въ Млыновѣ былъ принужденъ къ сдачѣ.

При выбитіи непріятеля съ главной его позиціи сѣвернѣе

Бучача захвачено много плѣнныхъ, въ томъ числѣ штабъ одного австрійскаго баталіона и большое количество оружія.

Непріятель сброшенъ въ р. Стрыпу.

У Осовце (сѣвернѣе Бучача) однимъ изъ полковъ захвачена цѣлая батарея, въ составѣ четырехъ 10-сантиметровыхъ гаубицъ. Не взирая на отчаянное сопротивление непріятеля, и не только фланговый, но даже и тыльный артиллерійскій огонь и на взрывы горновъ, непріятельская позиція, южнѣе Доброновце (20 верстъ сѣверо-восточнѣе Черновицъ), взята войсками генерала Лечицкаго. Только въ одномъ этомъ районѣ нами взято въ плѣнъ 18.000 нижнихъ чиновъ, 1 генераль, 347 офицеровъ и 10 орудій.

Въ моментъ посылки донесенія плѣнные продолжали прибывать большими партіями.

Юго-восточнѣе Залещиковъ рѣшительнымъ ударомъ непріятель былъ сбитъ и отходить. Станція Юркулъ взорвана непріателемъ.

Текинцы въ конномъ строю атаковали отходящаго непріятеля, превративъ этотъ отходъ въ безпорядочное отступление.

Пытаясь исправлять создавшееся положеніе, непріятель во многихъ мѣстахъ переходилъ въ ожесточенныя контръатаки. Такъ на разсвѣтъ 28-го мая въ районѣ Семки (восточнѣе Колковъ), превосходныя силы непріятеля атаковали наши выдвинувшіяся впередъ части и при поддержкѣ сосредоточеннаго огня артиллеріи потѣснили ихъ на правый берегъ р. Стыри, но дальнѣйшее развитіе этого наступленія было нами въ тотъ же день остановлено. Очень большое упорство непріятель проявляетъ въ районѣ Торговицы (на Стыри, выше Луцка), гдѣ кипитъ ожесточенный бой.

Общіе результаты непрерывныхъ ожесточенныхъ ударовъ нашихъ войскъ въ періодъ съ 22-го по 28-го мая даютъ картину прорыва непріятельскаго укрѣпленнаго расположенія на фронтахъ всѣхъ нашихъ армій, ведущихъ бой на пространствахъ отъ района Полѣсья до румынской границы.

Передаютъ, что 6.000 нашихъ вагоновъ находятся на линіи Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ и уплачиваютъ за нихъ ежедневно 20.000 Николаевской жел. дорогѣ. Интересно, какъ оперируютъ финляндцы этими вагонами, и изъ какихъ источниковъ покрываютъ этотъ расходъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ передаетъ о той паникѣ, которая происходила у австрійцевъ передъ занятіемъ нами Луцка:

24-го мая, когда вся первая линія укрѣпленій была взята, и наши войска, прорвавъ фронтъ; подошли къ лудкимъ укрѣпленіямъ, среди австрійцевъ началась настоящая паника. На вокзалъ потянулись сотни запоздавшихъ съ отъѣздомъ семействъ австрійскихъ чиновниковъ, офицеры, санитары, всякаго рода австрійскіе дѣльцы, коммерсанты, наводнявшіе городъ за время господства въ немъ австрійцевъ. Австрійцы сажали всѣхъ бѣглецовъ въ товарные вагоны и вывозили изъ города.

Утромъ въ среду весь штабъ эрцгерцога переселился въ специальный поѣздъ. Но самъ Іосифъ-Фердинандъ, словно бравируя передъ своими подчиненными, обѣдалъ въ 5 часовъ вечера въ своей квартирѣ на Шоссейной площади.

Еще съ понедѣльника черезъ городъ уже потянулись безконечныя вереницы отступающихъ обозовъ. Къ обозамъ вскорѣ присоединились отступающія части войскъ. Въ первые три дня съ начала боевъ отступление производилось въ полномъ порядкѣ, но въ среду, послѣ обѣда, обозы, кавалерія, артиллерійскіе парки уже скакали по улицамъ города, охваченные паникой. Обозы ѣхали не только по мостовой, но и по тротуарамъ. Всѣ торговцы и жители, боясь погрома, попрятались въ дома и закрыли магазины. Сотни солдатъ забѣгали въ дома, прося жителей спрятать ихъ до прихода русскихъ войскъ, чтобы потомъ сдать въ плѣнъ. Просьбы эти, конечно, исполнялись.

Часовъ около 7-ми вечера были взорваны желѣзнодорожный вокзалъ и складъ снарядовъ. Затѣмъ воцарилась тишина, продолжавшаяся около часа и нарушенная могучимъ „ура“ вступающихъ русскихъ войскъ.

Корреспонденты изъ дѣйствующей арміи свидѣтельствуютъ, что всѣ наши лояльные колонисты въ настоящее наше наступленіе на югъ съ отступленіемъ австрійцевъ ушли съ ними со всѣми своими пожитками, какіе могли собрать.

Не будетъ ли просить депутатъ баронъ Мейендорфъ у Гос. Думы дать имъ казенный паекъ на переселеніе и какіе

¹⁾ „Рус. Сл.“, 29 мая.

мотивы для ихъ восхваленія найдутъ депутаты Скобелевъ и Керенскіи.

Въ корреспонденці Курдюмова ¹⁾ передается объ особомъ теперешнемъ состояніи духа народа:

До сихъ поръ мы думали: дороговизна—это исключительно злая воля продавца, больше въ ней никто не виновать. Оказывается, замѣшанъ здѣсь не только продавецъ. Въ цѣломъ рядѣ ремесленныхъ производствъ, мастеровой и рабочій, выносившіе прежде свой трудъ на рынокъ, теперь осаждаются сотнями, если не тысячами предложеній и, пользуясь моментомъ громадной убыли рабочихъ рукъ, доводятъ расцѣнку своего труда до чудовищныхъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ размѣровъ. Хозяинъ принужденъ на всѣ требованія мастерового идти, предоставляя, конечно, публикѣ-покупателямъ покрывать лишніе расходы.

Война все повернула. Средній интеллигентный работникъ, прежде своимъ заработкомъ вполне обеспеченный, теперь зажатъ въ экономическіе тиски, ему приходится очень круто, зато огромный потокъ денегъ прихлынулъ къ намъ. Даже представить себѣ нельзя, какъ разбогатѣло простонародье, но разбогатѣло только кредитками и марками, а отнюдь не чѣмъ-нибудь другимъ. Въ деревнѣ оно осталось въ грязной избѣ, въ прежнихъ первобытныхъ условіяхъ существованія,—въ городѣ не покинуло затхлаго подвала и всего неряшливаго убожества своей привычной обстановки. Деньги, попадая въ неподготовленную почву, въ глубоко невѣжественную среду, производятъ страшное, прямо разрушительное дѣйствіе.

— Ежели я теперь могу три дня работать, а четыре дня гулять—пестъ ли меня заставитъ спину гнуть. Поломались въ работѣ —будеть...

Буквально такъ разсуждаетъ мастеровой и, закоснѣлый въ своей некультурности, онъ глубоко убѣжденъ, что иначе поступать не нужно и глупо.

Баба получаетъ въ деревнѣ паекъ въ 10—15 рублей ежемѣсячно. Продаетъ лошадь и часть корма по дорогой цѣнѣ, деньги убираетъ на книжку. Мы радуемся: притокъ въ сберегательныхъ кассахъ — Россія богатѣетъ. Это, по моему, ошибка. Отъ мертвыхъ денегъ Россія, деревня въ особенности, разбогатѣть никакъ не можетъ, потому что крестьянское хозяйство наше настолько примитивно и

1) „Нов. Вр.“ 29 мая.

плохо, что оно не можетъ дать денежнаго излишка. Если бы пайки и сбереженія вкладывались въ это хозяйство, то въ сберегательныхъ кассахъ цифры бы не поднялись, но поднялось бы дѣйствительное, а не кажущееся благосостояніе деревни.

Избытокъ денегъ „на книжку“—это избытокъ инертности, *лѣнивыя деньги*. Баба оставляетъ себѣ корову и огородъ, а землю или сдаетъ, или запускаетъ подъ траву. Обойдемся и такъ! Подождемъ хозяина.

30 мая. Въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго значится:

Въ ночь на сегодня, вслѣдствіе грозъ на югѣ Россіи, произошелъ временный перерывъ телеграфнаго сообщенія. Въ виду этого доставка донесеній задержалась и свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ армій нѣсколько ограничены. Полученныя донесенія свидѣтельствуютъ, что наступленіе войскъ генераль-адъютанта Брусилова вчера продолжалось.

На многихъ участкахъ ведется преслѣдованіе разбитаго непріятели. Мѣстами идутъ жаркіе бои съ противникомъ, переходящимъ въ отчаянныя контръ-атаки. Общее число взятыхъ нами плѣнныхъ возросло до 1.700 офицеровъ и 113.000 нижнихъ чиновъ. Получены слѣдующія подробности боевъ.

Въ упоминавшемся вчера бою у Рожище одной изъ нашихъ молодыхъ частей взято въ плѣнъ германцевъ 18 офицеровъ и 1.185 нижнихъ чиновъ и австрійцевъ 26 офицеровъ и 742 нижнихъ чина (вчера была приведена круглая цифра 2.000 плѣнныхъ).

Къ югу отъ Луцка на фронтѣ р. Иквы непріатель поспѣшно и въ безпорядкѣ отходитъ. Наши войска преслѣдуютъ его по пятамъ.

Въ Галиціи въ районѣ д.д. Глядки и Воробьевки (сѣвер. Тарнополя) непріатель яростно и неоднократно (до 6 разъ) атаквалъ наши части, но къ утру 29-го мая былъ отброшенъ. Здѣсь отмѣчается выдающаяся доблесть нашей артиллеріи, которая, не взирая на подавляющій огонь непріятели, встрѣчала всѣ атаки развитіемъ ураганнаго огня.

Въ районѣ Бобулинце, сѣв. Бучача, австрійцы, поддержанные вновь переброшенными въ этотъ районъ германскими частями, оказывали упорное сопротивленіе. Рядъ контръ-атакъ противника, чередовавшихся съ нашими ата-

ками, заставилъ здѣсь наши войска нѣсколько податься назадъ. Бой продолжается съ возрастающимъ ожесточеніемъ.

Въ районѣ къ югу отъ Днѣстра наши войска вчера были уже у предмостнаго укрѣпленія Залециковъ и вели бой за предмѣстья г. Черновицы. Въ Черновицахъ наблюдались сильныя взрывы, мостъ у с. Махалы, восточнѣе Черновиць, былъ непріателемъ взорванъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ войсками генерала Лечицкаго, возросло до 21.000 человекъ. Эти плѣнные принадлежатъ къ венгерскимъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ частямъ.

Березки на Троицынъ день страшно повысились цѣной. Свѣже-нарубленныя Березовыя сучья въ сажень продавались по 40—50 коп. Маленькія вѣточки съ нѣсколькими листиками—по 3—5 коп.

Г. Григоровичъ пишетъ въ „Веч. Вр.“ объ Остзейскихъ рыцаряхъ ¹⁾ такъ:

Прибалтійскій край или „Остзейскія провинціи“, какъ то значитъ въ терминологіи прибалтійскихъ юристовъ старой школы („дорпатской“), — представляетъ собою для государствѣда государство въ государствѣ, а для русскаго общества это неизвѣстная земля.

Край этотъ и теперь еще упорно старается сохранить свою средневѣковую фізіономію, со всѣми своими привилегіями, патронатами, ландтагами и прочими феодальными пережитками.

Въ занятой нѣмцами Курляндіи всѣ эти особенности закрѣплены и санкціонированы германскимъ правительствомъ, какъ бы въ награду своимъ вѣрнымъ сынамъ—остзейскимъ баронамъ за ихъ преданность Vaterland'у.

Не станемъ перечислять курляндскихъ „лояльных“ помѣщиковъ,—это давно уже сдѣлано (А. Ренниковъ),—скажемъ только, что нынѣ они всѣ благополучно здравствуютъ подъ крыломъ „освободительницы“ Германіи—въ своихъ вотчинахъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ бѣженцы изъ Курляндіи, вырвавшіеся изъ тисковъ прославляемой баронами „освободительницы“.

Тѣ же бѣженцы рассказываютъ, что оставшіеся на мѣ-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 29 мая с. г.

стахъ бароны усердно работаютъ теперь въ германскихъ военныхъ тылахъ. Многіе изъ нихъ состоятъ на военныхъ и гражданскихъ должностяхъ новаго правительства и оказываютъ ему незамѣнимыя услуги въ дѣлѣ обороны и германизациі края.

Лифляндія полна ходячими афоризмами и анекдотами, характеризующими отношеніе бароновъ къ текущимъ событіямъ.

Общее мнѣніе мѣстнаго инородческаго общества таково, что мы все еще продолжаемъ няньчиться съ остзейскими баронами, тогда какъ послѣдніе, въ лицѣ своихъ курляндскихъ собратьевъ, уже окончательно и навсегда запротоколировали свою преступность противъ Россіи.

Тутъ самъ по себѣ встаетъ вопросъ: кто же въ такомъ случаѣ можетъ поручиться, что германскій шпіонажъ не раскинулъ свои аванпосты по Лифляндіи и не развивается тамъ?

Изъ массы всевозможныхъ, передающихся изъ устъ въ уста, разсказовъ о предательствѣ остзейскаго рыцарства можно выбрать нѣсколько весьма яркихъ и... поучительныхъ. Напримѣръ.

Въ 2—3 верстахъ отъ станціи Рингмундсгофъ, Ригор-Орл. ж. д., отстоящей отъ Риги въ 18 вер., на высококомъ, скалистомъ берегу Двины стоитъ бѣлый съ колоннами и террасами замокъ имѣнія Линневардъ, принадлежащій нѣмецкому выходцу Вульфъ.

Задолго до начала нынѣшней войны въ имѣніи Вульфа стали появляться загадочныя личности: то прусскіе графы Kaiserlingin, принимающіе теперь горячее участіе въ войнѣ съ Россіей (это подтвердилось въ началѣ войны при обыскѣ на одной изъ станцій Либаво-Ром. ж. д., когда у баронессы X. найдено было нѣсколько компрометирующихъ писемъ), то „венгерскіе графы“, то прусскіе офицеры, въ статскомъ платьѣ, родственники изъ Берлина, то просто „туристы“, а то „коммерческіе“ дѣятели. (Самъ Вульфъ принималъ участіе въ биржевыхъ спекуляціяхъ въ Берлинѣ; имѣетъ тамъ большіе дома, гостиницы и пр.).

Больше всего гости полюбили охоту и по цѣлымъ днямъ бродили по обширнымъ лѣсамъ и болотамъ имѣнія Линневарденъ. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ оставались „погостить“ на болѣе продолжительное время, а нѣкоторые такъ увлеклись уютною природою Линневарденъ—Рингмундсгофа, что порѣшили навсегда остаться въ Прибалтикѣ подъ покро-

вительствомъ своего сородича Вульфа. Одинъ изъ нихъ поступилъ въ Herr Wulf'у къ качествѣ „фазанмейстера“— должность, явно не подходящая вообще для офицера, но для офицера прусской арміи, какимъ этотъ пресловутый „фазанмейстеръ“ впоследствии оказался, она была очевидно и выгодной, и полезной.

Новый „мейстеръ“, или просто „птицегонъ“, какъ его прозвали мѣстные крестьяне, бродилъ съ утра до ночи по лѣсамъ и окрестностямъ съ какими-то странными, явно непригодными для „птицегонства“ инструментами и приборами и постоянно въ сопутствіи собаки-волкодава, а иногда и самаго Вульфа или его управляющаго барона фонъ-деръ-Рекке, знаменитаго усмирителя латышей, „тукумскаго героя“ — участника карательной экспедиціи, женившагося на графинѣ Kaiserling и имѣющаго братьевъ-офицеровъ германской службы.

Недѣли за двѣ до объявленія настоящей войны, прусскій офицеръ-птицегонъ пытался пробраться за границу, но былъ арестованъ, какъ шпионъ. Тутъ ужъ, казалось, не выкрутиться. Кончилось тѣмъ, что птицегонъ этотъ отдѣлался всего лишь ссылкой; куда и какъ—объ этомъ никто ничего не знаетъ. Прочія таинственныя личности сумѣли избѣгнуть участи своего товарища и пропали безслѣдно. Ихъ примѣру попытался послѣдовать и самъ Вульфъ, пустившись въ Пруссію черезъ Курляндію на своемъ grand-автомобилѣ съ быстротою 80 — 100 верстъ въ часъ, но у границы былъ задержанъ. Дѣло приняло было непріятный для „путешественника“ оборотъ, но быстро заглохло.

Искорененіемъ языковъ, могущихъ повѣдать о сихъ „происшествіяхъ“, занялись совмѣстно — Вульфъ и его управляющій фонъ-деръ-Реккъ. Первые два дѣйствовали въ направленіи „экономической“ политики: наказывали неумѣвшихъ держать языкъ за зубами арендаторовъ, псоловниковъ, квотниковъ, батраковъ имѣнія и прочій людъ повышеніемъ аренды, отказомъ въ возобновленіи контрактовъ, лишеніемъ мѣстъ, милостей и т. д. А губернаторъ Звегинцевъ—тотъ просто сажалъ любителей побесѣдовать о происшедшихъ случаяхъ въ кутузку или выселялъ ихъ, какъ лицъ „вредныхъ и небезопасныхъ“ въ данной мѣстности.

Началась война. Вульфъ и Реккъ стали непрерывно разъѣзжать по своимъ имѣніямъ. Завелись постоянныя сношенія съ курляндскими баронами, въ частности съ владѣльцемъ имѣнія Линденъ, расположеннаго на курляндскомъ берегу Двины, противъ Линневардена. Линденскій баронъ—офицеръ русской арміи, кавалеристъ. Сколько времени онъ пробылъ въ рядахъ арміи—неизвѣстно, знаютъ только, что, въ концѣ-концовъ, онъ попалъ въ разрядъ „безвѣстно пропавшихъ“. Недавно этотъ баронъ прислалъ своимъ роднымъ вѣсть о себѣ изъ Германіи, а нынѣ, по слухамъ, онъ живетъ въ своемъ имѣніи Линденъ, въ „нѣмецкой Курляндіи“.

Война идетъ своимъ чередомъ, а жизнь имѣнія Линневарденъ своимъ. Штабъ служащихъ Вульфа увеличился специально приглашенными для „развлеченія“ (время подходящее) „старога холостяка-помѣщика“ шутами, пиротехниками и т. п. „Шуты“ съ шуточками-прибауточками расписывали (что съ шута спросишь!) окружающимъ крестьянамъ чудесныя германскія порядки, великіе подвиги и успѣхи Вильгельма и т. д. Одни занимались фотографіей, другіе иллюминаціей имѣнія и небольшого острова посреди Двины. По ночамъ зажигались громадныя Лух'ы, одинъ изъ коихъ былъ особенно ослѣпительнъ. Надъ паркомъ, входъ въ который съ этого времени постороннимъ былъ воспрещенъ, у развалинъ стараго замка около 1—2 час. ночи стали появляться разноцвѣтныя огоньки, повторявшіеся какъ бы въ отвѣтъ и на островѣ.

Случайныя наблюдатели (мой рассказчикъ) бывали свидетелями, какъ по истеченіи нѣкотораго времени, послѣ такого фейерверка, надъ островомъ въ воздухѣ появлялась слегка шипящая фигура, и вскорѣ съ слабымъ шумомъ, какой можетъ давать машина съ выключеннымъ моторомъ, ныряла на островъ, представляющій собою ровную, поросшую мелкой травой площадь, окаймленную высокими берегами.

На слѣдующій день, послѣ одного изъ воздушныхъ визитовъ, любопытные, не считаясь со строгимъ запрещеніемъ посѣщать островъ, проникли туда и нашли тамъ рельсовые слѣды, ясныя слѣды сапогъ, тряпки, промоченныя бензиномъ и проч. Потомъ загадочныя самолеты стали спускаться уже прямо на поле, вблизи самаго имѣнія, на болѣе удобномъ для нихъ мѣстѣ. Жители исполошились. Волостной старшина съ нѣкоторыми пріѣзжими рижанами и другими лицами снарядили депутацію къ младшему помощнику

уѣзднаго начальника Винтеру, послѣ къ губернатору, а также сообщили обо всемъ начальнику двинскаго военнаго округа.

Вульфъ тоже не бездѣйствовалъ и вмѣстѣ съ фонъ-деръ-Рекке объѣхалъ въ сопровожденіи кавалькады тѣлохранителей почти всѣхъ „подданныхъ“ своего помѣстья и гдѣ угрозами, а гдѣ обѣщаніями укрощалъ патріотическій пылъ своихъ людей къ молчанію однихъ и къ отрицанію возведенной на него клеветы другихъ.

Дѣло заглохло. Крестьяне, не почувствовавъ подъ собою почвы, умокли и лишь злобно слѣдили за дальнѣйшими „развлеченіями“ всеильнаго остзейскаго рыцарства.

31 мая. Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго общаетъ:

Западный фронтъ. Вслѣдствіе выхода во многихъ мѣстахъ австро-венгерскихъ и австро-германскихъ войскъ изъ-подъ ударовъ нашихъ южныхъ армій, общая цифра взятыхъ нами плѣнныхъ, показанныхъ во вчерашнемъ сообщеніи, пока мало повысилась, составляя всего около 1.700 офицеровъ и 114.000 нижнихъ чиновъ. Въ частности извѣстно, что войсками генерала Лечицкаго съ начала операціи взято въ плѣнъ одинъ генераль, три командира полка, 754 офицера и 37.832 нижнихъ чина, и захвачено 120 пулеметовъ, 49 орудій, 21 бомбометъ и 11 минометовъ.

Къ сѣверо-западу отъ Рожнице, сбивъ германцевъ, наши войска подошли къ рѣкѣ Стоходу.

Къ западу отъ Луцка наши войска заняли Торчинъ и продолжаютъ тѣснить непріятеля.

На фронтѣ рѣки Стрыпы къ сѣверу отъ селенія Бобулинце упорный бой продолжается. Деревня Зарваница послѣ отчаяннаго сопротивленія непріятеля взята нами.

На нѣкоторыхъ участкахъ обнаружены спѣшныя работы непріятеля по укрѣпленію заранѣе подготовленныхъ позицій.

На участкѣ Днѣстра и южнѣе наши войска съ боемъ перейдя черезъ Днѣстръ и овладѣвъ въ числѣ многихъ укрѣпленныхъ пунктовъ также и м. Зеленщики, продвигаются впередъ.

Село Городенка, сѣверо-западнѣе м. Залещикъ, въ нашихъ рукахъ.

На участкѣ рѣки Прута отъ Баяна до Непокотоутца наши войска вплотную подошли къ лѣвому его берегу. У

предмостнаго укрѣпленія Черновицъ идетъ горячій бой. Противникъ повсюду въ оставленныхъ имъ мѣстахъ бросилъ огромное количество военной добычи. Такъ, на путяхъ отъ Дубно на Козинъ брошена цѣлая сѣть телефонныхъ проводовъ, множество патроновъ, минометы, автомобили, узкоколейка съ большимъ количествомъ вагонетокъ и продовольственный складъ. Тутъ же у селенія Малая Мильча на высотѣ оставленъ не тронутымъ, отовсюду замѣтный памятникъ австрійскихъ побѣдъ, въ видѣ высокой колонны, увѣнчанной австрійскимъ орломъ.

Въ селѣ Садагура (сѣвернѣе Черновицъ) захваченъ большой складъ инженернаго имущества и подвѣсная желѣзная дорога.

Въ одномъ изъ приказовъ, найденныхъ у убитаго германскаго офицера, при описаніи распредѣленія частей, встрѣчается выраженіе „и другіе разбитые австрійцы“.

Плѣнные, давая свои показанія, также упоминаютъ о сведеніи въ особыя единицы „остатковъ разбитыхъ австрійцевъ“.

На фронтѣ рѣки Двины и южнѣе Двинска нѣмцы производили въ нѣсколькихъ мѣстахъ обстрѣлъ нашихъ позицій.

Кавказскій фронтъ. На діарбекирскомъ направленіи наши части скрытно подойдя къ расположенію турокъ атаковали противника на отдыхѣ и захватили его лагерь; противникъ, понеся потери, бѣжалъ.

Атака турокъ въ районѣ Ревандуза нами отбита.

31 мая 1916 года.

Не посѣтуетъ на насъ читатель, что въ упоеніи побѣдами за конецъ мая мы слишкомъ часто приводили въ подлинникахъ сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Побѣды русскихъ и ютландскій морской бой такъ по словамъ Таймса, рушили планы нѣмцевъ.

„Times“ въ одномъ изъ нумеровъ за нѣсколько дней до морскаго боя утверждалъ, что одной изъ ближайшихъ задачъ германскаго флота будетъ сдѣлать прорывъ въ Рижскій заливъ, на что германцы рѣшили выдѣлить треть своего флота, находящагося въ Сѣверномъ морѣ. Однимъ изъ результатовъ ютландскаго боя и является полная невозможность выполнить эту задачу, такъ какъ германскій флотъ, по утвержденію морскихъ авторитетовъ нейтраль-

ныхъ странъ, вынужденъ почти на трехмѣсячное бездѣйствіе.

Вторымъ планомъ нѣмцевъ, также рухнувшимъ, являлось наступленіе на Кіевъ, для разрыва путей между южной и сѣверной Россіей, съ одновременнымъ форсированіемъ Двины и угрозой на Петроградъ. Сколько данныхъ у нѣмцевъ для перехода въ наступленіе на южномъ фронтѣ — ясно всякому.

Ясно, что крушеніе этихъ плановъ можно отмѣтить не только по отношенію къ русскому фронту. О немъ можно говорить и по отношенію къ итальянскому и западному, гдѣ послѣ паденія Вердена предполагалось вести наступленіе противъ англичанъ. Словомъ, можно сказать, много было надеждъ и ни одна изъ нихъ не сбылась.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Въ родномъ гнѣздѣ.

Лѣтопись рода Бутовскихъ.

III.

Родоначальникомъ нашей фамилии былъ выходецъ изъ Молдавіи Александръ Юрьевичъ Бутовскій. Какую фамилію носилъ онъ у себя дома, достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но Бутовскимъ онъ сталъ называться уже въ новомъ своемъ отечествѣ, вѣроятно по созвучію съ прежней своей фамиліей. Въ „Родословной“ говорится, что онъ былъ „благородный уроженецъ Молдавскій“, и „выѣхалъ въ Россію въ 1730 году въ царствованіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны съ Молдавской націи, оставя тамо свое отечество мѣстности и немалое число грунтовъ, началъ продолжать службу Всероссійскому Престолу съ того же 730 году въ Арміи при господину Генераль-Фельдмаршалу Генераль-Фельдцейхмейстеру Лудвигъ-Лоптъ-Графу Гессенскому и Наслѣдному Принцу Гессенъ-Гомбургскому и былъ при немъ во всѣхъ Польскихъ и Турецкихъ походахъ безотлучно, и въ сраженіяхъ находился противу непріятелей Россійскаго Государства, оказывалъ се я повѣрно присяжной своей должности ревностно не щадя живота и здоровья своего.—Чинами происходилъ 1732-го октября, ротмистромъ Волоскихъ-Хоренгъ; 1737-го апрѣля 8-го въ Малороссійскій Лубенскій полкъ въ сотню Чигринъ-Дубровскую Сотникомъ и 1763 годовъ октября 31 числъ въ от-

ставку Полковымъ Асауломъ и будучи въ чинѣ Сотничьемъ тамъ же былъ въ походахъ и въ сраженіяхъ съ непріятелемъ: въ 737 въ Очаковскихъ, въ 738 и 739 годахъ въ Крымскихъ; съ 746 по 748 годъ по сентябрь мѣсяць на Днѣпровскихъ форпостахъ въ командѣ Обознаго Полкового Переяславскаго Безбородка; въ 750 и 756 на линіи въ охраненіи Россійскихъ границъ; въ 760 въ Днѣпровскихъ мѣстахъ въ предосторожности отъ непріятеля и съ 762-го годовъ на Дону надъ работниками Командиромъ въ дѣланіи Крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго черезъ одинъ годъ, и въ прочихъ указныхъ командираціяхъ даже до глубокой своей старости по отставку находился и между тѣмъ по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Указу пожаловано ему Бутовскому въ Малороссіи нынѣ въ Хорольскомъ повѣтѣ состоящіе деревни: Гриньки, Горбы и Сидоры, но по жалобѣ бывшаго Сотника Чигринъ-Дубровскаго Ивана Булюбаша, что тѣ деревни по учиненному слѣдствію отошли во владѣніе ему Булюбашу, то вмѣсто того отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи въ 1743 году Іюля 4 дня опредѣлено вышеупомянутому Бутовскому въ полку Лубенскомъ въ Мѣстечку Лукомѣ дворовъ посполитыхъ тридцать со всѣми угодіи и принадлежностями на рангъ Сотничества, котораго имѣнія за отборомъ въ казну въ нихъ Бутовскихъ во владѣніи не имѣется“.

Таковъ послужной списокъ родоначальника нашей фамиліи. Для удобопонятности этого документа считаю не лишнимъ сказать два слова о тогдашнемъ малорусскомъ казачьемъ войскѣ.

Еще въ началѣ XVI столѣтія польское правительство учредило въ Малороссіи двадцать казачьихъ „непремѣнныхъ“ полковъ, въ двѣ тысячи каждый, назвавъ ихъ по знатнѣйшимъ городамъ. Въ теперешней полтавской губерніи были полки: Переяславскій, Миргородскій, Полтавскій, Гадяцкій, Лубенскій, Прилуцкій. Каждый полкъ былъ раздѣленъ на сотни, названныя также по городамъ и мѣстечкамъ. Полки эти наполнялись выбранными изъ куреней и околницъ шляхетскихъ молодыми казаками, записанными въ реестръ военный до положеннаго на выслугу срока, и оттого названными реестровыми казаками. Полками и сотнями командовали выбранные почетными „товарищами“ заслуженные казаки; выбирались также и другіе полковые „старшины“: полковой обозный, полковой судья, полковой

есауль... Всѣ эти выборные начальники, по словамъ историка, у котораго я заимствую эти свѣдѣнія *), оставались въ чинахъ на всю уже ихъ жизнь и завели съ тѣхъ поръ чиновное въ Малороссіи шляхетство, или такъ сказать наследное боярство.

Чигринь-Дубровская сотня Лубенскаго полка занимала важный стратегическій пунктъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Сулы, какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ заднѣпровскіе татары особенно часто пытались переправляться для набѣговъ въ Малороссію. Чигринь-Дуброва отстояла верстъ за сто отъ Лубенъ, а потому на Чигринь-Дубровскомъ сотникѣ всегда лежала большая задача самостоятельнаго отраженія неожиданныхъ нападений татарскихъ ордъ. Назначеніе нашего родоначальника сотникомъ именно въ Чигринь-Дуброву показываетъ, что онъ пользовался репутаціей надежнаго начальника отдѣльной части. Замѣчу при этомъ, что чинъ сотника былъ не малымъ чиномъ въ малороссійскомъ полку; это была единственная дѣйствительная командная ступень послѣ полковника. Чины другого званія, полковые обозные, полковые судьи, имѣли свои спеціальныя обязанности, не относящіяся къ командованію и управленію отдѣльными частями.

При отставкѣ, Александръ Юрьевичъ получилъ чинъ полковаго есаула. Это было, кажется, просто почетное званіе, такъ какъ были есаулы разныхъ ранговъ: полковые, войсковые и генеральные. Для нашего родоначальника это было только формальное повышение за безпорочную службу.

Въ этомъ послужномъ спискѣ есть еще довольно запутанное свѣдѣніе о пожалованіи ему деревень и угодій. По этому поводу надо сказать, что въ XVII вѣкѣ въ Малороссіи были такъ называемыя „ранговыя деревни“, которыя отдавались во владѣніе войсковымъ и полковымъ чинамъ на все время дѣйствительной ихъ службы, а по выходѣ ихъ въ отставку переходили къ слѣдующимъ заступающимъ ихъ мѣсто. Высшіе „генеральные“ чины получали во владѣніе отъ 200 до 400 душъ; „полковымъ“ чинамъ жаловалось конечно гораздо меньше, и 30 дворовъ въ Лукомѣ были повидимому пожалованы въ видѣ ранговыхъ дворовъ для Чигринь-Дубровскаго сотника. Но въ

*) Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Георгія Конискаго. М. 1846.

этомъ вопросѣ о пожалованіи есть какая то неясность: почему первоначально были ему пожалованы такія большія уже и въ то время деревни какъ Гриньки, Горбы и Сидоры, и на какомъ основаніи ихъ потребоваль себѣ обратно Иванъ Булюбашъ, изъ этого документа не видно, но если возможны были такія ошибки какъ пожалованіе угодій, завѣдомо принадлежащихъ другому, то очевидно, что въ то время дѣла о ранговыхъ деревняхъ велись не въ большомъ порядкѣ.

Во всякомъ случаѣ, надо думать, что по выходѣ въ отставку, Александръ Юрьевичъ имѣлъ порядочное собственное недвижимое имущество, независимо отъ отошедшихъ отъ него 30-ти посполитыхъ дворовъ въ Лукомѣ; заключаю это изъ того, что всѣ сыновья его владѣли и людьми и землями въ мѣстечкахъ Еремѣевкѣ и Чигринъ-Дубровѣ, въ селахъ Шушваловкѣ и Великомъ-Узвозѣ—нынѣ Пронозовка, въ Броваркахъ (тогда еще деревнѣ), а также большою степью, на которую выѣхали нѣкоторые изъ его внуковъ.

На моей памяти Горбы и Сидоры принадлежали уже не Булюбашамъ, а Родзянкамъ, Платону Гавриловичу и Михаилу Гавриловичу. Только въ Гринькахъ было большое имѣніе Булюбаша, Николая Павловича, вѣроятно потомка того Ивана Булюбаша, которому были отданы всѣ эти три деревни. Дѣтей у Николая Павловича не было, и теперъ въ Гринькахъ нѣтъ Булюбашей.

Не буду говорить о тѣхъ походахъ и военныхъ дѣлахъ, въ которыхъ принималъ участіе нашъ родоначальникъ; эти войны первой половины XVIII вѣка съ поляками и турками извѣстны изъ исторіи, отмѣчу только, что работы по сооруженію крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго, надъ которыми въ теченіе послѣдняго года своей службы наблюдалъ престарѣлый уже Александръ Юрьевичъ, входили въ планъ той укрѣпленной линіи, которая была устроена малороссійскими казаками въ защиту отъ татаръ между Днѣпромъ и Дономъ.

Въ 1737 г., когда Александръ Юрьевичъ поступилъ въ казачье войско, Малороссією управляла коллегія изъ трехъ чиновъ великороссійскихъ и трехъ малороссійскихъ, образованная въ 1734 г. послѣ смерти гетмана Даніила Апостола, а въ годъ выхода его въ отставку, малороссійскимъ гетманомъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Лубенскимъ полковникомъ въ годъ опредѣленія Чигринь-Дубровскимъ сотникомъ, былъ Петръ Апостоль.

Къ этимъ свѣдѣніямъ объ Александрѣ Юрьевичѣ прибавлю, что въ старину я слышалъ разсказъ, будто отецъ его, молдавскій бояринъ Юрій, былъ въ родствѣ съ Кантемирами и оказалъ услуги Петру Великому во время Прутскаго похода. Этимъ и объясняли почему сынъ его былъ такъ радушно принятъ въ новомъ отечествѣ.

Нашъ старый родственникъ, Иванъ Григорьевичъ Бутовскій, помнившій то, что молодое поколѣніе стало уже забывать, разсказывалъ, что Александръ Юрьевичъ былъ хорошо извѣстенъ на тогдашней пограничной линіи. Было даже урочище, верстахъ въ 20 отъ Кременчуга, называвшееся „Шанцы Бутовскаго“, и только позднѣе переименованное въ Павлышъ.

Иванъ Григорьевичъ хорошо помнилъ также, что Александръ Юрьевичъ былъ женатъ на Ефросиніи Иваненко, принадлежавшей къ знатному малороссійскому роду. Можно думать, что эта женитьба и побудила его перейти изъ драгунъ въ малороссійскій Лубенскій полкъ.

У Александра Юрьевича было четыре сына: Бунчуковъ товарищъ Давидъ, капитанъ Григорій, корнетъ Федоръ и возный Кирьякъ.

Давидъ былъ самый богатый изъ братьевъ. Вдова его Анна Федоровна, какъ видно изъ разсматриваемаго дѣла, имѣла въ Еремѣевкѣ 160 душъ мужского пола, въ Тимашовкѣ 71, въ Чигринь-Дубровѣ, въ Броваркахъ и Великомъ Узвозѣ 87. Эти послѣднія считались наследственными ея сына Петра. Всѣ прочія числились за нею и неизвѣстно, принесла ли она ихъ своему мужу въ приданое или это были родовыя, унаслѣдованныя имъ отъ отца. Во всякомъ случаѣ это было имѣніе безъ сравненія большее чѣмъ имѣнія другихъ сыновей Александра. Слѣдующій по богатству былъ возный Кирьякъ, но у вдовы его Варвары Иваковны, въ 1801 г. значилось всего въ Чигринь-Дубровѣ 6 душъ, въ Шушваловкѣ 37, въ Броваркахъ 1 и въ Пелеховщинѣ 1. Григорій и Федоръ были еще менѣе богаты.

Давидъ Бутовскій, какъ и отецъ его, служилъ въ Чигринь-Дубровской сотнѣ, былъ сотникомъ, а при отставкѣ получилъ почетное званіе Бунчуковаго товарища, равнявшееся по рангу полковому обозному, второму чину послѣ полковника; участвовалъ въ войнахъ: въ 1770 году былъ при осадѣ и штурмѣ Бендеръ, въ 1771 въ Крыму при

взятіи Перекопской крѣпости и города Кефы въ самомъ сраженіи. „А за открытіемъ Кіевской губерніи по выбору благороднаго Дворянства былъ съ 785 года въ Городижскомъ уѣздѣ Земскимъ Исправникомъ три года и въ продолженіи оной должности находился въ 787 году во время шествія блаженной и вѣчно-достойной памяти Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны съ Кіева рѣкою Днѣпромъ, при чемъ за отличность оказанную имъ въ семь случаевъ награжденъ знакомъ, золотой табакеркою овальною синею“. ¹⁾

Капитанъ Григорій служилъ въ „Жолтомъ Гусарскомъ полку“, но обстоятельства его жизни и службы неизвѣстны. Вдова его Федосья Ивановна была еще жива въ 1801 году, не была пожилою жепщиною (42 г.), но не дала никакихъ свѣдѣній о своемъ мужѣ, для доказательства его дворянства.

Корнетъ Федоръ служилъ квартирмейстеромъ, потомъ вахмистромъ въ Кирасирскомъ полку и чинъ корнета получилъ при отставкѣ.

Кирьякъ Бутовскій „вступилъ въ службу къ письменнымъ дѣламъ въ Полковую Лубенскую канцелярію. Происходилъ чинами 768 значковымъ товарищемъ, въ 770 году выбранъ Шляхетствомъ въ сотню Чигриндубровскую вознымъ и въ томъ чинѣ за отлучкою въ походъ настоящаго сотника по опредѣленію Полковой Лубенской канцеляріи былъ на мѣстѣ сотника въ Сотенномъ Чигринъ-Дубровскомъ правленіи въ отпращиваніи указныхъ дѣлъ, и между тѣмъ исправлялъ и возническую должность по 781 году, при увольненіи же отъ службы былъ аттестованъ къ повышенію чина“.

Жена его, моя прабабушка Варвара Ивановна, была урожденная Кодионецъ, изъ большого имѣнія Ракиты, гдѣ еще на моей памяти жили ея родные племянники двоюродные братья моего дѣда, Федоръ Федоровичъ и Дмитрій Федоровичъ Кодиинцы.

Дмитрій Федоровичъ долго служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, занимая какую то большую должность при нашемъ посольствѣ въ Персіи. Оба они умерли бездѣтными. Варваръ Ивановъ въ 1801 году было 54 года.

Людей слѣдующаго поколѣнія, по крайней мѣрѣ нѣко-

¹⁾ Изъ этого мы видимъ, что нашъ городъ Градижскъ по прежнему Городище, до открытія Полтавской губ., былъ уздаемъ городомъ Кіевской

торыхъ, я уже помню; это для меня живые образы, тѣсно связанные съ моими воспоминаніями о раннемъ дѣтствѣ.

У Данила Александровича былъ сынъ Пётръ Даниловичъ. Въ годъ составленія „Родословной“ (1801) ему было уже 45 лѣтъ, онъ былъ женатъ и былъ въ отставку съ чиномъ маіора. У него было еще три брата, моложе его, Александръ, Данилъ и Василій; въ 1801 году Александръ былъ уже въ отставку и женатъ, но ни одинъ изъ этихъ трехъ младшихъ братьевъ не оставилъ потомства и мнѣ никогда не приходилось слышать какого либо упоминанія о нихъ.

Григорій Александровичъ оставилъ сына Ивана Григорьевича, который родился въ 1785 году, и шестнадцати лѣтнимъ юношей служилъ уже канцеляристомъ въ Кіевскомъ губернскомъ правленіи. У него тоже были братья, старшій Данило 19 лѣтъ, служившій уже въ военной службѣ унтеръ-офицеромъ и Іосифъ, 15-ти лѣтъ, жившій еще при матери. Эти два послѣдніе тоже не оставили послѣ себя дѣтей.

У Федора Александровича не было сыновей, была только дочь Пульхерія Федоровна, она вышла замужъ за пѣхотнаго капитана Петра Карловича фонъ-Розенберга. Наши родственники фонъ-Розенберги составили себѣ почетное имя своею дѣятельностью въ сѣверныхъ губерніяхъ, но мнѣ не приходилось встрѣчать ни одного изъ нихъ уже болѣе тридцати лѣтъ.

У Кирьяка Александровича было два сына: Иванъ и Пётръ. Пётръ Кирьяковичъ былъ моимъ дѣдомъ.

Ивану Кирьяковичу въ 1801 г. было 36 лѣтъ, онъ былъ уже женатъ и имѣлъ чинъ Колежскаго протоколиста. Ивана Кирьяковича я не помню, онъ умеръ задолго до моего рожденія. У него было большое семейство, но ни сыновья, ни дочери его не оставили послѣ себя потомства.

Петру Кирьяковичу было въ это время 30 лѣтъ; онъ былъ еще холостъ и значился отставнымъ урядникомъ бывшаго Бугскаго казачьяго полка.

Такимъ образомъ теперешніе Бутовскіе происходятъ отъ трехъ корней. Одна вѣтвь ведетъ свое начало отъ Петра Даниловича; другая отъ Ивана Григорьевича, третья отъ Петра Кирьяковича.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я имѣю о моихъ предкахъ изъ „Родословной“ помѣщиковъ Бутовскихъ. Дѣло это подписано тремя лицами: вдовою Данила Александровича Анною Федоровною, корнетомъ Федоромъ Александровичемъ и вдовою Кирьяка Александровича Варварою Ивановною Бутовскими.

Любопытно, что обѣ женщины, которымъ надо было подписать это дѣло, не умѣли писать. За Анну Федоровну подписался „съ ея велѣнія“ сынъ ея майоръ Петръ Бутовскій; а за Варвару Ивановну тоже ея сынъ коллежскій протоколистъ Иванъ Бутовскій. Это характерно для того времени: жены чиновныхъ людей, какъ моя прабабушка, могли разбирать славянскую печать, но подписать своего имени не умѣли.

Кажется эта „Родословная“, очень обстоятельно составленная, не была представлена въ Кіевское депутатское собраніе, а оставалась дома. Заключаю это изъ того, что на имѣющейся у меня рукописи я вижу подлинныя подписи. Но у меня есть свѣдѣнія, что еще во второй половинѣ XVIII вѣка, сыновья Александра Бутовскаго, въ доказательство своего дворянскаго происхожденія, представили въ Кіевское дворянское депутатское собраніе необходимые документы, и это собраніе по ихъ разсмотрѣніи постановленіемъ 28 мая 1784 г. признало Бутовскихъ потомственными дворянами и опредѣлило всѣхъ четырехъ братьевъ внести въ 4-ю часть дворянской родословной книги и каждому изъ нихъ выдать грамоты.

Повидимому Бутовскіе были внесены тогда въ дворянскую родословную книгу не по собственнымъ своимъ или ихъ отцовъ заслугамъ, потому что въ такомъ случаѣ, на основаніи законовъ, они были бы внесены не въ 4-ю часть, а во 2-ю; въ 4-ю же часть они внесены потому, что собраніе признало ихъ и ихъ предковъ происходящими отъ иностранныхъ дворянъ еще до переселенія въ Россію. Тогда же, вѣроятно, былъ утвержденъ и гербъ фамилии Бутовскихъ: на голубомъ полѣ волчья голова, на верху которой рука, держащая саблю.

Въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, отецъ мой Дмитрій Пегровичъ Бутовскій представилъ въ Полтавское дворянское депутатское собраніе метрическія свидѣтельства Полтавской духовной консисторіи въ удостовѣреніе происхожденія его по прямой линіи отъ Александра Бутовскаго; онъ доставилъ также метрики своихъ дѣтей и документы

о своей службѣ, и просилъ о занесеніи его съ семействомъ въ ту же 4-ю часть родословной книги. Полтавское дворянское депутатское собраніе, разсмотрѣвъ, что фамилія Бутовскихъ уже болѣе 100 лѣтъ пользуется въ Россіи дворянствомъ, и что происхожденіе Дмитрія по прямой линіи отъ Александра доказабо метрическими свидѣтельствами, опредѣленіемъ 20 декабря 1849 г. внесло его Дмитрія Бутовскаго съ семействомъ не въ 4-ю, а въ 6-ю часть дворянской родословной книги, куда опредѣлило перенести и весь родъ Бутовскихъ, по доставленіи прочими лицами метрическихъ свидѣтельствъ. Грамота, выданная отцу 27 ноября 1850 г., подписана Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Иваномъ Скоропадскимъ и девятью уѣздными депутатами.

Однако Правительствующій Сенатъ указомъ 31 января 1851 г. не согласился съ опредѣленіями, состоявшимися какъ въ Кіевскомъ такъ и въ Полтавскомъ депутатскихъ собраніяхъ, на томъ основаніи, что не было удостовѣрено должными документами, имѣлъ ли Александръ Бутовскій офицерскій чинъ, когда родились у него его четыре сына. Полтавскому депутатскому собранію предложено было внести Бутовскихъ во 2-ю часть дворянской родословной книги.

Очевидно опредѣленіе Сената состоялось вслѣдствіе непредставленія нѣкоторыхъ существенныхъ свѣдѣній о службѣ и семейномъ положеніи нашихъ предковъ. Для пополненія этихъ свѣдѣній отецъ мой и изучалъ въ 1851 г. „Родословную“ рода Бутовскихъ, составленную въ 1801 году.

Мнѣ не приходилось слышать отъ отца, представлялъ ли онъ куда нибудь собранныя имъ свѣдѣнія, и состоялись ли по нимъ какія либо новыя опредѣленія.

Въ моихъ бумагахъ я тоже не имѣю на это никакихъ указаній, но въ настоящее время это и не важно; теперь, по прошествіи болѣе чѣмъ полувѣка, всѣ потомки Александра Юрьевича Бутовскаго имѣютъ почетное право, по заслугамъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, считаться родовитыми русскими дворянами.

IV.

Дѣда моего, Петра Кирьяковича я едва припоминаю онъ умеръ 22 мая 1841 г. когда мнѣ было едва лишь три года. Въ 1801 г. ему, какъ мы видѣли, было 30 лѣтъ; изъ

этого я заключаю, что онъ умеръ на 70-мъ году своей жизни. Это былъ добрый, невысокаго роста человекъ, гладко выбритый и въ зимнее время одѣтый въ заячій тулупчикъ. По утрамъ, когда няня приводила меня къ нему, онъ ласково цѣловаль меня и усаживаль около себя пить кофе.

Свѣдѣнія мои о Петрѣ Кирьяковичѣ я заимствую отчасти изъ документовъ, собранныхъ моимъ отцомъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ о его службѣ, отчасти же изъ слышанныхъ мною разсказовъ отъ знавшихъ его людей.

Онъ вышелъ въ отставку изъ Бугскаго казачьяго полка съ званіемъ урядника изъ дворянъ въ 1797 г., слѣдовательно въ возрастѣ 26 лѣтъ.

Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія о его возрастѣ я не считаю безошибочными, такъ какъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ, „имянномъ спискѣ“, поданномъ о немъ и о его семействѣ въ 1834 г., ему значится не 63 года, а всего 59 лѣтъ. Слѣдовательно онъ могъ выйти въ отставку не 26, а 22 лѣтъ, и умеръ онъ въ такомъ случаѣ не на 70-мъ, а на 66-мъ году жизни. Выйдя въ отставку онъ поселился въ Шуваловкѣ, гдѣ жили въ то время Варвара Ивановна и старшій его братъ Иванъ Кирьяковичъ.

Женился онъ, вѣроятно, около 1804 г., такъ какъ старшій изъ его дѣтей, мой отецъ, Дмитрій Петровичъ родился въ 1805 году.

Къ этому же періоду относится, по всей вѣроятности, и переселеніе Варвары Ивановны съ сыновьями изъ Шуваловки въ Пелеховщину и Вишеньки.

Жена Петра Кирьяковича, Анна Васильевна, происходила изъ рода Пещанскихъ, помѣщиковъ Херсонской губерніи. Можно думать, что она умерла очень рано, такъ какъ мнѣ не случилось слышать о ней никакихъ воспоминаній; но съ Пещанскими, ея херсонскими родственниками, наша семья всегда сохраняла хорошія отношенія.

Кромѣ моего отца у дѣда была еще одна только дочь Настасья Петровна.

Въ 1807 г., Петръ Кирьяковичъ, по избранію полтавскаго дворянства, поступилъ сотникомъ въ образованное тогда Полтавское земское ополченіе, а когда ополченскія сотни были преобразованы въ батальоны, опредѣленъ казначеемъ и квартирмейстеромъ въ 3-й батальонъ третьей бригады земскаго ополченія.

Въ 1808 г., по заключеніи Тильзитскаго мира, ополченіе

было распушено, и дѣдъ мой вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго регистратора, съ пожалованіемъ золотой медали на владимірской лентѣ въ память этого ополченія и съ правомъ носить ополченскій мундиръ.

Въ 1814 г. дѣду была препровождена маршаломъ Полтавскаго дворянства, Алексѣемъ Дапилевскимъ, бронзовая медаль въ память войны 1812 г.

Гдѣ и у кого учился мой дѣдъ, я не знаю, но писалъ онъ довольно правильно и складно, что видно изъ сохранившихся у меня его писемъ къ моему отцу, во время его службы.

Дѣти его воспитывались подъ присмотромъ и руководствомъ своей бабушки, Варвары Ивановны, которая, какъ надо думать, всю свою жизнь прожила въ этой семьѣ.

Умерла она на 84 году жизни 24 марта въ 1829 г., и влукѣ вспоминали о ней съ большимъ уваженіемъ.

Это событіе было записано дѣдомъ, по тогдашнему обычаю, на поляхъ въ старомъ молитвенникѣ, куда отецъ записалъ и его кончину и дни рожденія своихъ дѣтей.

По разсказамъ помнявшихъ его людей, дѣдушка Петръ Кирьяковичъ былъ нрава мягкаго и веселаго. Родные охотно его навѣщали, и Настасья Петровна очень любила устраивать для гостей, особенно для своихъ Вишеньковскихъ и Петрашовскихъ родственницъ, разныя деревенскія развлечения, то переодѣваніе, то поѣздки въ зимнее время по первопутку, то танцы.

Въ 1834 г., она была уже замужемъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Пятигорцахъ, за помѣщикомъ Григоріемъ Ивановичемъ Ивахненковымъ. Объ этомъ мнѣ приходилось уже говорить въ моихъ прежнихъ воспоминаніяхъ („Прекратившійся родъ“).

Отмѣчу здѣсь, какъ интересную черту малорусской хуторской жизни, что дѣда моего въ простонародіи именовали не Петромъ Кирьяковичемъ, а Пѣтромъ Кирилловичемъ, но „прозывали“ его Кирьяченкомъ, а наша Целеховщина, какъ я уже раньше замѣтилъ, слыла въ народѣ за „Кирьячинковъ хуторъ“. Почему это такъ вышло, трудно объяснить; южное населеніе любитъ такія переименованія и прозванія, но это вело иногда къ смѣшному недоразумѣнію, какъ это случилось съ исправникомъ: ѣхалъ въ Кирьяковку, а попалъ въ Кирьячинковъ хуторъ.

Отецъ мой имѣлъ всѣ данныя для широкой и полезной

общественной дѣятельности. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный.

Въ дѣтствѣ, когда онъ подросъ до учебнаго возраста, его отдали въ Хорольское уѣздное (повѣтовое) училище.

Въ то время Кременчугскій уѣздъ, какъ и Полтавская губернія, только что были образованы; раньше земли моихъ предковъ принадлежали къ Хорольскому уѣзду, Кіевской губерніи, и ближайшимъ просвѣтительнымъ центромъ былъ Хороль.

Въ училищѣ отецъ обнаружилъ незаурядныя способности. На выпускномъ экзаменѣ ему тринадцати-лѣтнему мальчику поручено было даже произнести передъ собравшейся публикой рѣчь о пользѣ просвѣщенія. Текстъ этой рѣчи, старательно переписанной не смѣлою еще ученическою рукою, хранится въ моихъ бумагахъ ¹⁾.

¹⁾ Для характеристики нашихъ старинныхъ школьныхъ и общественныхъ нравовъ, считаю не лишнимъ привести текстъ этой рѣчи „Краткая благодарственная рѣчь“.

„Съ живѣйшими чувствами глубочайшей признательности, приемлемъ посвященіе ваше, почтенное собраніе! позвольте мнѣ, отъ лица всѣхъ сотрудниковъ моихъ принести вамъ благодарность за то участіе, которое вы принимаете въ торжествѣ нашемъ: тѣмъ оно пріятнѣе, тѣмъ восхитительнѣе для насъ, что мы въ присутствіи вашемъ показали теперь успѣхи годовыхъ нашихъ занятій, и тѣмъ оправдали труды собственные и труды наставниковъ нашихъ. Правда, свѣдѣній, доселѣ уже нами пріобрѣтенныхъ еще недовольно для отечества, оно ожидаетъ отъ насъ болѣе: плоды успѣховъ нашихъ еще не зрѣлы; по крайней мѣрѣ здѣсь въ семъ мирномъ убѣжищѣ наукъ получили мы первыя образованія ума и сердца, пріобрѣли первыя, самыя необходимыя свѣдѣнія для человѣка—здѣсь показаны намъ всѣ средства для достиженія той высокой цѣли, которая столь явственно отличаетъ воспитаніе, отъ грубаго невѣжества: здѣсь, говорю, вопреки мнѣнію неблагомыслящихъ, показанъ намъ безпрепятственный путь къ дальнѣйшему прохожденію труднаго поприща наукъ“.

„Щастливы мы, щастливы стократно, что родились во время Благословеннаго царствованія Премудраго Александра, пекущагося о образованіи юныхъ умовъ и сердецъ: прими же чадолюбивый Монархъ, сидящій на Сѣверѣ во славу сердечную дань любви отъ юнѣйшихъ чадъ твоихъ обитающихъ на Югѣ Россіи! да воссіяетъ имя твое подобно именамъ Августа и Тита въ исторіи рода человѣческаго“.

„Говорена при публичномъ испытаніи учениковъ, Хорольскаго повѣтоваго училища 1818 г. іюня 26 дня, ученикомъ сего училища второго класса высшаго отдѣленія Дмитріемъ Бутовскимъ“.

Возможно, что рѣчь была тронута рукою учителя, но это не умаляетъ ея значенія, какъ характернаго педагогическаго документа того времени, особенно, если принять во вниманіе, что ее произносилъ маленькій ученикъ.

Изъ училища онъ перешелъ въ Полтавскую гимназію, изъ гимназіи въ Харьковскій университетъ, который и окончилъ дѣйствительнымъ студентомъ по нравственно-политическому факультету.

По окончаніи университета, въ 1827 г. онъ опредѣлился въ канцелярію кіевского военнаго губернатора, но пробылъ тамъ недолго; въ 1828 г. онъ поступилъ въ военную службу и, по тогдашнимъ правиламъ, прослуживъ шесть мѣсяцевъ юнкеромъ въ Низовскомъ Егерскомъ полку (2-й армейскій корпусъ, 7-я дивизія), былъ произведенъ въ тотъ же полкъ прапорщикомъ.

Полкъ его находился въ то время сначала на югѣ въ Одессѣ, а потомъ въ западномъ краѣ, и мѣнялъ свои квартиры отъ Гомеля до Гродно, отъ Гродно до Смоленска и т. д.

Въ 1831 г. отецъ принималъ участіе въ усмиреніи шаекъ польскихъ мятежниковъ въ губерніяхъ Западнаго края.

Какъ офицеръ университетскаго образованія, отецъ обратилъ на себя вниманіе начальства. 5-го апрѣля 1834 года онъ получилъ такое предписаніе за подписью своего командира полка, полковника Чадейскаго: „Низовскаго Егерскаго полка господину подпоручику Бутовскому“.

„Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ дежурнаго штабъ-офицера майора Маковѣева отъ 4-го сего мѣсяца за № 930, предлагаю Вашему Благородію съ полученія сего отправиться въ Корпусную Квартиру Г. Шлокъ и явиться въ Корпусное Дежурство, для исправленія въ ономъ должности Старшаго Адъютанта.....“¹⁾

Отецъ охотно принялъ на себя эту должность адъютанта въ корпусномъ дежурствѣ, такъ такъ эта была ступень, обѣщавшая ему незаурядное движеніе по службѣ. Работа, сопряженная съ этой должностью, вполне соответствовала его характеру и наклонностямъ. Но дѣдъ мой, выдавъ дочь замужъ и чувствуя свое одиночество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упадокъ силъ, вызвалъ его управлять имѣніемъ.

Отецъ вышелъ въ отставку осенью 1836 г. съ чиномъ штабъ-капитана.

Повидимому и въ годы ученья и на службѣ, онъ пользовался расположеніемъ своихъ товарищей. У него завязались теплыя отношенія, которыя поддерживались до конца его жизни.

Припоминаю, что, отдавая меня въ Полтавскій кадетскій

¹⁾ Сохраняю правописаніе подлинника.

корпусъ, онъ встрѣтилъ тамъ, между служащими, двухъ своихъ гимназическихъ однокашниковъ: полковника Александра Михайловича Ярошенко, занимавшаго должность полицмейстера, и доктора Исаева старшаго врача корпуса.

Александръ Михайловичъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что отецъ мой, находясь въ должности адъютанта, узналъ его въ корпусномъ штабѣ, куда онъ являлся молодымъ офицеромъ по дѣламъ службы, обошелся съ нимъ очень тепло и охотно облегчилъ ему исполненіе всѣхъ служебныхъ формальностей.

Въ Полтавѣ былъ и еще одинъ товарищъ отца по гимназіи, Иванъ Ивановичъ Боровиковскій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ былъ инспекторомъ гимназіи, и въ то время я бывалъ у него съ отцомъ раза два или три.

Иванъ Ивановичъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго живописца Владиміра Лукича Боровиковскаго, и я помню, что онъ охотно рассказывалъ отцу о своемъ дядѣ. Помню также превосходную небольшую икону нерукотвореннаго образа, работы великаго художника, на которую мой отецъ всегда смотрѣлъ съ большимъ благоговѣніемъ.

Изъ университетскихъ товарищей отца я близко зналъ Андрея Васильевича Остроградскаго, роднаго брата извѣстнаго математика Михаила Васильевича. Это былъ богатый помѣщикъ Кобелякскаго уѣзда; крупный человекъ живого и отзывчиваго нрава. Онъ былъ хорошо образованъ, свободно говорилъ по французски, читалъ *Journal des Débats* и по тогдашнему времени былъ романтикомъ и даже отчасти мистикомъ. Многія явленія въ жизни онъ склоненъ былъ объяснять таинственными вліяніями.

Когда отецъ возилъ меня въ Полтаву, мы обыкновенно заѣзжали къ нему, въ его имѣніе Пашенную и оставались тамъ цѣлый день. Онъ былъ сердечно привязанъ къ моему отцу. Раза два, три въ годъ, навѣщая свою дочь, бывшую въ замужествѣ за Николаемъ Осиповичемъ Милькевичемъ, въ Теренякахъ, въ девяти верстахъ отъ насъ, онъ бывалъ и въ Пелеховщинѣ, и это былъ настоящій праздникъ для моего отца.

Хорошо помню также и другого университетскаго товарища отца, Харлампія Даниловича Здорова. Онъ былъ директоромъ Хорольскаго уѣзднаго училища. Выйдя въ отставку, онъ поселился съ двумя своими сестрами въ Рѣшетилковкѣ, большомъ мѣстечкѣ между Хороломъ и Полтавою, гдѣ у него была наслѣдственная усадьба. По дорогѣ въ Полтаву

отецъ мой непремѣнно заѣзжалъ ночевать къ Харлампію Даниловичу. Это былъ простой и добрый человекъ, большой любитель и знатокъ малороссійской старины. Припоминаю, что у него видѣлъ грамоту, подписанную Мазепою, а на стѣнахъ превосходныя литографіи работы Шевченко.

Университетскія связи были тогда очень тѣсны, поэтому неудивительно, что и Андрей Васильевичъ Остроградскій, по пути въ Полтаву, тоже непремѣнно останавливался у Здорова. Эти пріятельскія отношенія между тремя сверстниками продолжались всю ихъ жизнь. У Здорова была сестра Матрона Давидовна, типичная малорусская полумѣщанка, полубарыня; она радушно и заботливо принимала друзей брата.

Въ Низовскомъ полку мой отецъ дружески сошелся съ Дмитріемъ Михайловичемъ Старицкимъ, который былъ также и его одноклассникомъ по гимназіи. Старицкій былъ помѣщикомъ Константиноградскаго уѣзда.

Я говорилъ уже о Дмитріи Михайловичѣ („Прекратившійся родъ“), какъ объ очень талантливомъ актерѣ особенно въ малороссійскихъ пьесахъ. Скажу здѣсь, что это былъ человекъ превосходнаго сердца и добраго, веселаго нрава. Случилось такъ, что сынъ его, Миша, учился въ томъ же пансіонѣ Ганнота, гдѣ и я. Въ суровую зиму 47-го года отецъ мой не рѣшился взять меня домой на рождественскіе праздники. Дмитрій Михайловичъ, узнавъ, что я остаюсь въ городѣ, взялъ меня къ себѣ въ свою Ладыженку, верстахъ въ сорока отъ Полтавы. И онъ и милая его супруга, Екатерина Лаврентьевна, были чрезвычайно добры ко мнѣ. Припоминаю, что вмѣстѣ съ Мишей мы провели праздники такъ весело и разнообразно, что намъ ужасно не хотѣлось возвращаться въ пансіонъ. Оба мы плакали. Дмитрій Михайловичъ шутливо говорилъ намъ, что мы пошли не въ отцовъ: тѣ никогда не уклонялись отъ своихъ обязанностей.

По выходѣ въ отставку, ему не приходилось встрѣчаться съ моимъ отцомъ до 1858 г., когда отецъ мой пріѣхалъ въ Полтаву, какъ членъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ. Но зато какъ сердечно, какъ дружески встрѣтились они послѣ слишкомъ двадцатилѣтняго перерыва.

Помню я и другого сослуживца отца по Низовскому Егерскому полку, Василія Николаевича Сухинскаго. И тутъ случилось такъ, что сынъ его Дмитрій, чудесный мальчишкѣ, былъ моимъ одноклассникомъ въ Полтавскомъ корпусѣ. Услышавъ отъ меня эту фамилію, отецъ мой восторженно встрепенулся. Это былъ его пріятель, о которомъ онъ вспоминалъ, какъ о

героѣ, тяжело раненомъ въ турецкую кампанію 1829 г., и по рассказамъ, стойко выдержавшимъ болѣзненную процедуру извлеченія пули. Тогда не было еще анестезирующихъ средствъ; но Василій Николаевичъ лежалъ, не проронивъ ни звука, и попросилъ только позволенія закурить трубку.

Разсказывали, что при этомъ присутствовалъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, Ростовцевъ, и пришелъ въ восторгъ отъ такой удивительной выносливости.

Мой милый товарищъ, Дмитрій Сухинскій, умеръ кадетомъ, но отцы наши свидѣлись, когда онъ былъ еще живъ, и это было тоже очень трогательное свиданіе.

V.

Выйдя въ отставку и поселившись въ Пелеховщинѣ, отецъ мой по временамъ ѣздилъ въ Пятигорцы къ своей сестрѣ и ея мужу, и проводилъ у нихъ обыкновенно по нѣсколько дней. Пятигорцы, какъ мнѣ приходилось уже говорить, находятся въ Лубенскомъ уѣздѣ, верстахъ въ семидесяти отъ насъ. Тутъ онъ познакомился съ семействомъ фонъ-Райзеръ, и лѣтомъ 1837 г. сдѣлалъ предложеніе средней изъ трехъ сестеръ, Надеждѣ Степановнѣ. Осенью состоялась свадьба. Скажу къ слову, что вѣнчалъ ихъ въ селѣ Юсковцахъ священникъ Иванъ Яновскій, который черезъ годъ крестилъ меня, лѣтъ черезъ двадцать пять вѣнчалъ сестру мою Ольгу Дмитріевну съ Александромъ Васильевичемъ Кореневымъ, а спустя еще лѣтъ десять вѣнчалъ брата моего Федора Дмитріевича съ Надеждою Григорьевной Ивахненковою.

Родители мои поселились въ Пелеховщинѣ. Дѣдушка Петръ Кирьяковичъ очень привязался къ моей милой, кроткой и любящей мамѣ. Онъ прожилъ еще почти четыре года послѣ ихъ свадьбы, и я думаю, что эти годы были спокойными и пріятными годами для стараго человѣка.

Мнѣ приходится теперь говорить о моемъ дѣтствѣ. То, что складывается о немъ въ моей памяти, можетъ быть и не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности; но во всякомъ случаѣ въ моемъ воображеніи живутъ картины и образы, на которыхъ мнѣ хочется остановиться, такъ какъ съ ними связаны мои далекія, отрадные для меня воспоминанія.

Насъ было семеро дѣтей у нашихъ родителей: пять братьевъ и двѣ сестры. По возрасту мы слѣдовали такъ:

послѣ меня сестра Ольга, потомъ братья Владиміръ, Федоръ, Николаѣй, Евгеній и сестра Марія. Разница въ лѣтахъ была большая; Маша родилась въ годъ моего производства въ офицеры, когда мнѣ было уже 18 съ половиною лѣтъ.

Мы жили дружною семьею, и жизнь нашъ протекала въ полномъ спокойствіи и равновѣсіи. За всю мою молодость я не припомню, чтобы это спокойствіе было когда либо поколеблено какими нибудь семейными несогласіями.

Мы любили отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не скажу боялись, а признавали его непреложный авторитетъ.

Это былъ сложный характеръ. Онъ былъ живого нрава, отзывчивъ, чутокъ, прекрасно владѣлъ рѣчью, всегда и вездѣ онъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ и былъ замѣтенъ въ обществѣ. Въ житейскихъ своихъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ очень добрый. По живости характера онъ легко возбуждался, но сразу остывалъ и становился добръ до слабости. Это хорошо знали всѣ наши люди; они любили и уважали отца, охотно дѣлали въ угоду ему многое, чего не дѣлали для другихъ господъ крѣпостные люди, но случалось, что и пользовались его сердечностью. Хозяйство шло у него не дурно, но оно могло бы итти гораздо лучше, если бы у него было не такъ много этой сердечной снисходительности. На это не разъ дружески указывалъ ему мой дядя Алексѣй Степановичъ.

— „Твой отецъ,—говаривалъ онъ мнѣ, когда я былъ уже офицеромъ,—остается поэтому и въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, и это конечно тормозитъ иногда его хорошо задуманныя предпріятія...“

При такихъ свойствахъ своего характера, отецъ мой былъ въ высокой степени точенъ въ исполненіи всего того, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ или служебнымъ долгомъ. Въ этомъ отношеніи онъ доходилъ даже до мнительности и часто тревожился тѣмъ, что не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать того-то и того-то. Это была другая сторона его характера, и люди близко его знавшіе могли различать въ немъ эту двойственность: обыкновенно веселый, разговорчивый, снисходительный человѣкъ становился вдругъ озабоченнымъ, молчаливымъ, иногда нетерпѣливымъ... Но такіа колебанія были рѣдки.

Обыкновенно его высокая нравственная добросовѣстность хорошо сочеталась съ его живымъ правомъ, и въ такомъ уравновѣшенномъ состояніи онъ былъ прекраснымъ

любящимъ мужемъ, чудеснымъ отцомъ и образцовымъ воспитателемъ своихъ дѣтей.

Вдумываясь теперь въ его характеръ, я не могу утверждать, что это преклоненіе передъ долгомъ было въ его натурѣ, но тѣмъ почтеннѣе и тѣмъ удивительнѣе представляется онъ мнѣ теперь: никогда и ни въ какомъ отношеніи не измѣнилъ онъ себѣ въ нашихъ глазахъ. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ нашемъ присутствіи легкомысленнаго отъѣва въ разговорѣ о вещахъ, требующихъ уваженія, никогда не видѣли мы у него ни одного поступка, идущаго въ разрѣзъ съ тѣми понятіями о нравственныхъ обязанностяхъ, которыя онъ хотѣлъ запечатлѣть въ насъ съ дѣтства.

Понятно поэтому, что и мы рано научались различать наши обязанности отъ нашихъ удовольствій, и дѣлалось это не словами, не правоученіями, не наказаніями, а тѣмъ примѣромъ, который мы всегда имѣли передъ глазами. Довольно было, чтобы отецъ сказалъ комунибудь изъ насъ съ тѣмъ серьезнымъ видомъ, который онъ одинъ умѣлъ принимать:—„Боже сохрани, чтобы мой сынъ когданибудь допустилъ себя до этого...“; это становилось чѣмъ-то неизгладимымъ въ нашемъ сознаніи.

И между тѣмъ это былъ человѣкъ охотно идущій на шутку, любящій поговорить, позабавиться и посмѣяться.

Практическая жизнь притупляетъ остроту дѣтскихъ впечатлѣній, но воспринятый въ дѣтствѣ принципъ остается жить въ человѣкѣ до конца его дней и является обыкновенно безсознательнымъ направителемъ его поступковъ.

Нашу милую маму всѣ мы любили съ дѣтскою теплотою и сохранили эту любовь до конца ея жизни. Она удивительно умѣла согрѣть домашній очагъ своимъ чистымъ любящимъ сердцемъ. Уже взрослыми людьми, послѣ смерти отца, мы пріѣзжали къ ней въ Пелеховщину, какъ въ какое-то завѣтное мѣсто, въ которомъ для насъ воскресали милыя дѣтскія воспоминанія, а наша чудная мама своею негаснущею любовью заставляла насъ снова чувствовать себя дѣтьми.

Она много сдѣлала для нашего душевнаго развитія. Еще въ дѣтствѣ, слушая ее или читая вмѣстѣ съ нею, мы научались понимать прекрасное въ родной поэзіи; она была сама очень чутка къ красотамъ природы и не упускала случая пробудить въ насъ такое же чувство; часто разсматривая съ нами книжки съ картинками, она указывала

намъ то особенно хорошее, на что слѣдовало обратить вниманіе, и мы положительно обязаны ей чуткостью ко всему прекрасному въ литературѣ и искусствѣ.

Семья наша рѣдко бывала въ полномъ сборѣ. По мѣрѣ того какъ мы подрастали, насъ отдавали братьевъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ, сестеръ въ Полтавскій институтъ. Правила тогдашнихъ закрытыхъ заведеній и отсутствіе желѣзныхъ дорогъ вело къ тому, что нѣкоторые изъ насъ, особенно старшіе, подолгу не бывали дома.

Я, послѣ перевода изъ Полтавскаго корпуса въ Дворянскій полкъ, не былъ дома свыше четырехъ лѣтъ. Случаю однако позднѣе, когда я былъ уже офицеромъ, а Ольга Дмитриевна окончила институтъ, что мы собирались всѣ вмѣстѣ, и какіе это были веселые, полные жизни, счастливые дни.

Несмотря на большую разницу въ нашемъ возрастѣ, всѣхъ насъ вынянчила, одного за другимъ, одна и та же старая няня, Агафья Федоровна. Родомъ она была изъ Поставмукъ и пріѣхала въ Пелеховщину вмѣстѣ съ мамой. Она была маминой кормилицей и потомъ ухаживала за всѣми ея дѣтьми. Это была добрая, высоконравственная, глубоко религіозная, простая женщина, тихая, молчаливая и трогательно преданная мамѣ. Насъ, дѣтей, она берегла, какъ зеницу ока, и всѣ свои мысли и всю свою заботу сосредоточивала на насъ. Она пѣла намъ наивныя и мелодичныя, малорусскія, колыбельныя пѣсни, она рассказывала намъ интересныя, то волшебныя, то забавныя, малорусскія сказки; она положительно не отходила отъ насъ, когда намъ нездоровилось; съ ея небольшою дочкою Марусей, мы играли въ домашнія малорусскія игры, и всѣ мы очень были привязаны къ нашей доброй нянѣ. Всѣ мы научались у нея малорусскому языку такъ твердо, что не забываемъ его до преклоннаго возраста.

VI.

Нашъ дѣтскій день былъ обыкновенно хорошо наполненъ.

Конечно, веселье и скука—понятія относительныя. Моя гувернантка Юлія Осиповна Санковская скучала въ Пелеховщинѣ, и меня отвозили съ нею въ Пятигорцы въ надеждѣ, что ей тамъ будетъ веселѣе; меня, однако, оставляли

тамъ не для развлечения, а напротивъ думали, что тамъ буду сосредоточеннѣе учиться. Расчеты эти, сколько помню, не оправдывались; Юлія Осиповна скучала въ Пятигорцахъ не меньше, чѣмъ въ Пелеховщинѣ, а меня тамъ баловали, пожалуй, еще больше, чѣмъ дома. Тетя Анна Степановна души во мнѣ не чаяла.

Нашъ деревенскій домъ былъ не великъ, но помѣстителенъ; по крайней мѣрѣ, никогда въ немъ не было намъ тѣсно. Это былъ типичный помѣщичій домъ средней руки: рубленый, плотно обмазанный глиною снаружи и внутри и потому теплый зимою и прохладный лѣтомъ. Уже при Барварѣ Ивановѣ онъ былъ обставленъ „по-пански“, были тутъ и стулья, и диваны, и кресла („порушныци“, какъ ихъ называла Хотина), но все это было неудобное, старое и топорное. На моей уже памяти, къ намъ приходили изъ Пятигорецъ столяры и дѣлали новую мебель „подъ красное дерево“ для гостиной.

За исключеніемъ учебныхъ часовъ дѣти проводили у насъ почти все время на воздухѣ, и лѣтомъ и зимою; отецъ хотѣлъ закалить насъ физически и потому требовалъ, чтобы послѣ лѣтняго дождя мы непременно снимали обувь и шли бродить по лужамъ босыми ногами.

Были у насъ развлечения во всѣ времена года. Въ осеннее или зимнее ненастье у насъ были и книжки, и игры, и нянины сказки. Окончивъ утренніе уроки или послѣобѣденное письмо, подъ руководствомъ Юліи Осиповны, бывало съ наслажденіемъ идемъ гулять даже въ морозные дни, и въ такомъ случаѣ непременно попадаешь на замерзшую лужу и начинаешь пробовать свои силы въ катаньѣ по льду, хорошо очищенному уже деревенскими мальчишками, которые при этомъ случаѣ начинаютъ состязаться съ панычемъ. Коньковъ тогда еще не было; мы скользили прямо подошвами.

У насъ въ Пелеховщинѣ былъ большой садъ, со старыми развѣсистыми дубами и вербами, съ высокими берестами и серебристыми тополями... Теперь онъ сталъ вдвое больше благодаря заботамъ моей милой жены, но и тогда онъ былъ великъ для обыкновеннаго господскаго сада. Деревья были такъ крупны и такъ богаты зеленью, что нашу Пелеховщину можно было издали отличить между всѣми соседними селами, деревнями и хуторами. Бывало, возвращаешься съ дальней поѣздки и верстъ за восемь уже радостно показываешь мамѣ:—„Посмотрите, вонъ и Пелехов-

щина уже видна“... И дѣйствительно ее ясно можно было различить въ степной дали.

Отецъ и мать очень заботливо ухаживали за садомъ. Отецъ насадилъ въ немъ длинную липовую аллею; она и теперь является лучшимъ его украшеніемъ и представляется мнѣ какъ бы памятникомъ, который воздвигъ себѣ отецъ въ родной Пелеховщинѣ.

Его же заботами выращены тѣ огромные клены, которые окаймляютъ нашъ садъ.

Мама отдавала много заботъ фруктовымъ деревьямъ, и мы наслаждались въ нашемъ дѣтствѣ превосходными грушами, яблоками, сливами, вишнями.

Въ сторонѣ отъ липовой аллеи стояла большая пасѣка, тихое, укромное мѣсто съ несмолкаемымъ гудѣньемъ пчелъ съ образомъ Зосимы и Савватія въ глубинѣ подъ небольшимъ навѣсикомъ, и съ дѣдомъ Моисеемъ, всегда чѣмъ то серьезно занятымъ у своей катраги, и говорящимъ не иначе какъ отрывисто и вполголоса. Говорили, что пчелы никогда его не кусали.

По другую сторону сада въ „долинѣ“ была копанка, всегда полная воды и прячащаяся въ высокихъ осокорахъ. Должно быть у этого самаго мѣста и жилъ старый Целехъ, давшій свое имя нашей деревнѣ.

Мы, дѣти, цѣлыми лѣтними днями гуляли въ саду, и я думаю, что онъ у всѣхъ насъ остался въ воспоминаніяхъ, какъ милое, родное мѣсто.

Когда я подросъ, отецъ мой сталъ довольно часто брать меня съ собою по хозяйству. Ему хотѣлось, чтобы я узналъ всѣхъ нашихъ людей, и чтобы люди часто видѣли меня и полюбили.

Подходимъ мы, бывало, къ косарямъ, онъ привѣтливо здороваётся съ ними, говоритъ общепринятое въ Малороссіи у рабочихъ людей „помогай Богъ“ и требуетъ, чтобы и я непременно съ ними поздоровался. Случается при этомъ такъ, что какой нибудь Олекса или Оверко подносятъ мнѣ выкошенное перещелиное гнѣздо полное яицъ и объясняетъ, что они нарочно оставили его для паньча. А то бывало и такъ, что подъ косою у разумаго Павла Дубровы оказывается конфета, и онъ зоветъ меня: „А пожалуйте сюда, паньчу, не разберете ли вы что это такое?..“ Такими приѣмами отецъ мой хотѣлъ пріохотить меня къ хозяйству. Подобнымъ же образомъ велъ онъ и другихъ моихъ братьевъ.

Въ хорошую погоду мы ѣздили иногда всею семьею на косовицу въ „плавни“, верстъ за 15 отъ дому, и иногда оставались тамъ и на ночь подъ шатромъ, устроеннымъ изъ ковровъ и крестьянскихъ вилъ. Эти плавни лежали близъ Чигринъ-Дубровы, на рукавахъ, отдѣляющихся отъ главнаго русла Днѣпра. Это были славные дни; мы, дѣти, купались, бродили босикомъ по песку, собирали разнообразныя раковинки, ходили съ кучеромъ Ванькою на охоту, ловили рыбу съ заправскими рыболовами, и потомъ вечеромъ, проголодавшись, съ наслажденіемъ ѣли уху и гречневья галушки или пшениный кулешъ. Одно неудобство было въ плавняхъ, это—комары; они не давали мнѣ спать, и потомъ я цѣлую недѣлю носилъ волдыри на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ.

У отца былъ небольшой, но превосходный конскій заводъ. Были двѣ чудныя лошади, съ дипломами, свидѣтельствовавшими о ихъ породистомъ происхожденіи, Леопольдъ и Снуксъ. Одинъ изъ нихъ рѣзвый, изящный, блестялъ на солнцѣ какъ червонное золото, другой—солидный, статный, гнѣдой масти, отличался мѣрными движеніями и чудесно выгибалъ свою шею. Видя постоянно передъ глазами такіе красивые экземпляры, всѣ мы естественно становились любителями и даже до нѣкоторой степени знатоками лошадей.

Хочу отмѣтить, что всѣ мы особенно радовались въ Пелеховщинѣ, когда къ намъ пріѣзжали изъ Пятигорецъ дядя и тети фонъ-Райзеръ. Они бывали у насъ по нѣсколько разъ въ годъ и оставались обыкновенно дней пять, шесть, а то и больше. Они очень тепло относились ко всѣмъ намъ, и мы отъ мала до велика платили имъ тѣмъ же. Ожидая ихъ, обыкновенно передъ вечеромъ, всѣ мы, и родители и дѣти, выходили на Острую могилу и смотрѣли вдоль дороги по направленію къ Гринькамъ, не покажется ли вдаль дормезъ, запряженный шестеркой съ фореиторомъ; первый всегда почти замѣтитъ папа, и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ приближенія кареты, въ которую тети забираютъ дѣтей помоложе, чтобы прокатить ихъ до дому. Въ свою очередь и мы нѣсколько разъ въ годъ ѣздили въ Пятигорцы, выбирая для этого время, свободное отъ хозяйственныхъ заботъ и удобное по состоянію дорогъ. Въ весеннюю распутицу, когда въ Лукомъѣ разливалась Сула, сообщеніе между Пелеховщиною и Пятигорцами прекращалось. Я описывалъ уже эти поѣздки въ Пятигорцы въ мо-

ихъ воспоминавіяхъ о семействѣ фонъ-Райзеръ („Прекра- тившійся родъ“).

Сосѣди помѣщики охотно у насъ бывали, и, когда мои родители ѣздили въ гости, то часто брали съ собою и меня, такъ что я съ дѣтства еще помню всѣхъ нашихъ окрест- ныхъ помѣщиковъ.

Кажется, не ошибусь, если скажу, что хотя мы не пользовались большими средствами и не могли дѣлать роскошныхъ пріемовъ, но бывать у насъ считалось своего рода преимуществомъ, такъ какъ мой отецъ пользовался въ сосѣдствѣ большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ обра- зованный, твердый въ нравственныхъ правилахъ и очень пріятный собесѣдникъ.

Разъ въ годъ у насъ бывалъ исключительный большой пріемъ, именно 26 октября, въ день именинъ отца. Пріѣз- жали къ этому дню дядя и тети изъ Пятигорець, непре- мѣнно бывали всѣ наши родственники изъ Вишенекъ, изъ Петрашевки, пріѣзжалъ изъ Пронозовки Иванъ Григорье- вичъ, всегда бывали близкіе сосѣди—почтенный отставной полковникъ Леонтіи Дмитріевичъ Пестржецкій со своею супругою, Валерьянъ Александровичъ и Амалія Осиповна Булюбапъ, а иногда и еще кое кто. Большинство собира- лось къ обѣду, и мнѣ приходится теперь серьезно уди- вляться тому искусству и радушію, съ какимъ мои родители умѣли принять всѣхъ этихъ гостей. Большую помощь въ хозяйственномъ отношеніи оказывала мамѣ тетя, Анна Сте- пановна.

Въ дѣтствѣ моемъ я очень любилъ, когда отецъ мой бралъ меня съ собою въ какую нибудь поѣздку. Онъ былъ превосходнымъ спутникомъ, разговорчивымъ и поучитель- нымъ. Ничто встрѣчающееся на пути не ускользало отъ его вниманія и по поводу всего у него былъ готовый рассказъ. Я много узналъ отъ него и бытовыхъ, и историческихъ, и анекдотическихъ подробностей о разныхъ мѣстностяхъ и о разныхъ людяхъ и старыхъ и новыхъ. Въ Гродижскѣ, въ Кременчугѣ и на пути въ Полтаву, онъ умѣлъ уютно рас- положиться на постояломъ дворѣ (гостинницъ тогда еще не было) и любилъ вести бесѣду съ хозяевами.

Онъ вообще прекрасно приспособлялся къ пониманію своихъ слушателей. Никто не умѣлъ говорить вразуми- тельнѣе и, когда нужно, добродушнѣе, съ простымъ наро- домъ; онъ чудесно выдерживалъ военный складъ рѣчи съ тогдашними отставными солдатами. Содержатели постоя-

лыхъ дворовъ встрѣчали его обыкновенно съ большимъ радушіемъ, и я думаю, никому они съ такою охотою не рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, слухахъ и толкахъ, какъ моему отцу. Позднѣе мнѣ приходилось слышать отъ этихъ людей, что такого барина какъ Дмитрій Петровичъ не было другого въ околodкѣ. Все-то онъ знаетъ, все-то онъ выслушаетъ, на всякій вопросъ дастъ хорошій отвѣтъ, и такой ужъ добрый, обходительный господинъ.

Въ дневникѣ у отца, въ 1858 г., есть такая запись: „Пріѣхали въ Омельникъ (первый ночлегъ по пути въ Полтаву), хозяинъ старикъ (Коноваловъ) сидитъ на крыльцѣ, а уже стемнѣло: „можно заѣхать?“ — „Нельзя, скотъ на дворѣ, ищите другого двора“. — „Такъ насъ и не пустите Николай Тимофѣевичъ?“ — „А! это вы, Дмитрій Петровичъ, просимъ покорно“. — „А скотъ?“ — „Да скота немного, для вашихъ лошадей мѣсто будетъ“.

Скажу къ слову, что и эти содержатели постоялыхъ дворовъ, и самые эти дворы представляются мнѣ теперь чѣмъ-то очень стародавнимъ, а между тѣмъ я много бы далъ, чтобы очутиться теперь въ Градижскѣ, заштатномъ городѣ верстахъ въ 18 отъ насъ, на хорошо извѣстномъ въ то время постояломъ дворѣ Симона Леонтьевича и Елены Петровны. Сколько эти люди знали забытой уже теперь украинской старины!

Пріѣзжаемъ мы бывало съ отцомъ, холоднымъ зимнимъ вечеромъ въ Градижскъ, наканунѣ никольской ярмарки, пьемъ чай съ вкусными градижскими бубликами въ парадной комнаткѣ постоялаго двора, и отецъ мой непременно приглашаетъ къ чаю и хозяина и хозяйку.

Симонъ Леонтьевичъ высокій и худой человекъ съ какими-то уродливыми наростами на длинномъ носу, говоритъ степенно, не торопясь, и касается больше гражданскихъ дѣлъ. Рассказываетъ онъ о гражданской старинѣ и никакъ не хочетъ уступить первенства Кременчугу.

— „Помилуйте! Кременчугъ и городомъ то сталъ только съ тѣхъ поръ, какъ покойная царица, царство ей небесное, проѣхала внизъ по Днѣпру, а Градижскъ былъ уже тогда стариннымъ городомъ, называли его просто Городище, и папенька мой былъ какъ разъ въ то время городскимъ головою, а исправникомъ былъ большой панъ и вашъ родственникъ Данило Александровичъ...“ Вспоминаетъ Симонъ Леонтьевичъ какъ и самъ онъ былъ потомъ Градижскимъ городскимъ головою, какъ приходили къ нему пакеты съ

припечатаннымъ перомъ, въ знакъ чрезвычайной важности и спѣшности дѣла, и какъ умѣло справлялся онъ съ такими дѣлами.

Разсказываетъ онъ и о старыхъ людяхъ, окрестныхъ помѣщикахъ, которыхъ всѣхъ онъ хорошо зналъ, и какія интересныя яркія картины воскресаютъ въ его разсказахъ. Любилъ онъ толковать и о современныхъ происшествіяхъ: — „Скажу вамъ, Дмитрій Петровичъ, какой теперь народъ сталъ легковѣрный, просто срамъ. Пустите самую несуразную молву—повѣрятъ, ей Богу повѣрятъ....“

— „Изъ чего вы это заключаете?“ спрашиваетъ отецъ.

— „А вотъ былъ у насъ такой случай,—начинаетъ Симонъ Леонтьевичъ своимъ мѣрнымъ голосомъ:—„Разнесся какъ-то слухъ, что по нашей окрестности рыскаютъ французскіе солдатики и розыскиваютъ помѣщика Мусенко. Откуда, зачѣмъ? А затѣмъ, говорятъ, что писалъ онъ будто бы Наполеону, чтобы онъ немедленно вывелъ свои войска изъ Крыма, а то рано или поздно онъ съ ними раздѣляется... И повѣрили, да какъ повѣрили! Одно время всѣ объ этомъ только и говорили, и что бы вы думали? самъ этотъ господинъ, большой шутникъ, и пустилъ этотъ слухъ, да такъ ловко: разсказалъ подъ строжайшимъ секретомъ Александру Лукичу, а тотъ конечно подъ такимъ же секретомъ сталъ разсказывать и направо и налѣво.... Нашелся, однако, человекъ, который вывелъ все это на чистую воду. Да перестаньте, говорить, вздоръ болтать! скрываться то онъ дѣйствительно скрывался, и теперь иногда скрывается, да только не отъ Наполеона, а отъ еврея, который ловить его за долги....“

Елена Петровна, дама живого характера; она перебиваетъ мужа и вставляетъ свои замѣчанія, но любитъ она говорить больше о духовныхъ дѣлахъ. Любитъ она возвращаться мыслью къ упраздненному градижскому монастырю, стоявшему на высокой горѣ, круто, почти отвѣсно спускающейся къ Гирману, рукаву Днѣпра, за которымъ съ горы открывалась необъятная заднѣпровская даль. Разсказывала она объ архіерейскихъ пріѣздахъ въ монастырь, сѣтовала, что теперь въ большіе праздники, какъ завтра, не бываетъ уже такихъ торжественныхъ служеній, какъ прежде, когда бывало пріѣзжали и духовенство и пѣвчіе, не то что изъ Хорола, а даже изъ Миргорода; но много она знаетъ и о томъ, что дѣлается въ околodкѣ, и относится къ этому совсѣмъ не такъ спокойно какъ Симонъ Леонтьевичъ... Гово-

рить она очень краснорѣчиво, особенно прихлебнувши изъ рюмочки, отъ которой долго отказывается и которую пьетъ маленькими глотками съ большими гримасами...

Отецъ мой умѣетъ ихъ слушать и особенно умѣетъ побудить ихъ къ дальнѣйшимъ разсказамъ. Онъ и любилъ и зналъ старину, онъ прекрасно умѣлъ очистить правду въ этихъ разсказахъ отъ неизбѣжныхъ выдумокъ и потому никогда не скучали такими вечерами.

Самыя комнаты въ этихъ постоянныхъ дворахъ могли бы теперь представить нѣкоторый интересъ для любителя старины. Въ комнатахъ у Симона Леонтьевича я видѣлъ такія картинки, за которыя теперь платятъ деньги. Тамъ я увидѣлъ въ первый разъ извѣстную гравюру „Кончина Императора Александра I“, и отецъ показывалъ мнѣ фигуры Вилліе, Дибича, Тарасова, Волковскаго... Тамъ же была рѣдкая теперь картинка съ изображеніемъ Николая Павловича и Александры Феодоровны, катающихся въ шарабанѣ... Была цѣлая серія большихъ французскихъ гравюръ съ исторіей о блудномъ сынѣ, были старинныя любочныя картины, которыя теперь тщетно разыскиваются собирателями.

Ничего этого теперь нѣтъ, какъ будто никогда не бывало: хозяевъ теперь едва ли кто и помнить, а домъ сгорѣлъ до тла еще при жизни Елены Петровны.

Это описаніе страдало бы большимъ пробѣломъ, если бы я ничего не сказалъ о томъ религіозномъ настроеніи, которое царило у насъ въ домѣ.

Мама моя была глубоко набожна. Когда сложилась у нея эта набожность, я не умѣю сказать, думаю, однако, что она окрѣпла уже въ Пелеховщинѣ, послѣ выхода ея замужъ. Не знаю также, имѣлъ ли на нее въ этомъ отношеніи какое нибудь вліяніе мой отецъ. Онъ повидимому не носилъ въ себѣ непрерывнаго молитвеннаго настроенія, но былъ очень твердъ въ исполненіи всѣхъ религіозныхъ требованій; ежедневно утромъ и вечеромъ набожно молился Богу, по праздникамъ ѣздилъ въ церковь и никогда даже не говорилъ о религіи иначе, какъ съ набожнымъ выраженіемъ лица. Мама моя времяами вся погружалась въ религіозное созерцаніе, читала житія святыхъ, иногда привлекая кого нибудь изъ насъ къ слушанію этого чтенія, по долгу углублялась въ молитву и любила бесѣдовать со странниками. Сколько припоминаю, однако, у нея не было и тѣни ханжества; ея набожность связывалась съ ея большою

отзывчивостью ко всему высокому, доброму и прекрасному; она молилась какъ бы удовлетворяя внутреннему стремленію къ высокимъ идеаламъ.

Няня тоже была религіозна, и утромъ и вечеромъ она вполголоса читала передъ образомъ молитвы, не всегда правильно произнося славянскія выраженія, но молилась она такъ истово, что ни одинъ изъ насъ не рѣшился бы потревожить ее въ это время.

Мой дѣдъ и всѣ наши родственники, выселившіеся на степь, были прихожанами села Броварки, верстахъ въ пяти отъ насъ. Но, на моей уже памяти, когда мнѣ было года два, была закончена и освящена новая церковь въ Кирьяковкѣ, во имя митрополита Алексѣя. Это было всего верстахъ въ трехъ отъ насъ, и родители мои стали прихожанами этой новой церкви. Владѣльцемъ Кирьяковки былъ Адамъ Алексѣевичъ Кирьяковъ, большой пріятель моего отца. Я буду говорить о немъ ниже.

Священникомъ въ Кирьяковкѣ былъ отецъ Кириллъ Стаховскій, человѣкъ крупный, съ рѣзкими чертами лица, но съ хорошимъ голосомъ, и служилъ онъ, пока не опустился, очень торжественно.

Священникомъ въ Броваркахъ былъ отецъ Иванъ Ильчинскій.

Сколько помню, оба священника, и броварскій и кирьяковскій всегда пріѣзжали къ намъ славить Христа на Рождество, на Крещеніе, на Пасху. По малорусскому обычаю, начало котораго надо искать, вѣроятно, въ старинныхъ бурсацкихъ христославленіяхъ, псаломщики въ Крещеніе рисовали мѣломъ на дверяхъ схематическое изображеніе креста, адамовой головы и двухъ копій, испещренное инициалами этихъ предметовъ, и такой рисунокъ оставался у насъ нетронутымъ до Свѣтлаго праздника.

Въ страстной четвергъ надо было привезти домой изъ церкви зажженную свѣчу. Баба Хотина, какъ это было заведено еще при прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ, чертила пламенемъ такой свѣчки маленькій крестикъ на притолокѣ входной двери. Отъ ежегоднаго повторенія этого обычая крестикъ имѣлъ стойкій черный цвѣтъ и былъ даже нѣсколько углубленъ. Тутъ было много дѣтской чистой вѣры въ этихъ маленькихъ обрядахъ.

Надо вообще сказать, что большіе праздники проводились у насъ какъ-то истово, чинно, и съ соблюденіемъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Въ рождественскій со-

чельникъ съ утра, въ столовой, передъ образами, на особомъ столикѣ, стояли въ сѣнѣ горшки съ кутьею и узваромъ. День былъ постный, полагалось не ѣсть до звѣзды, и потомъ торжественно съ молитвою всѣ садились за столъ, уставленный, тоже по родному обычаю, пирогами съ разною начинкою: съ грибами, съ рыбой, съ макомъ... На первый день, въ Рождество, вечеромъ, парубки и подростки колядовали подъ окнами и получали за это то сушеныхъ фруктовъ, то пряниковъ, то маковниковъ...

Канунъ новаго года „щедрыи вечеръ“ бывалъ у насъ дѣйствительно веселымъ и щедрымъ. Въ этотъ вечеръ у насъ бывала елка; прїѣзжали Иванъ Григорьевичъ, Иванъ Ивановичъ, а иногда далекіе пятигорскіе родные. Подъ окнами щедровали веселые хлопцы и дивчата, и мы мирно, дружной семьею проводили старый и встрѣчали новый годъ.

На слѣдующее утро мальчишки, наши сверстники, приходили „посыпать“ насъ зерномъ, пока мы лежали еще въ постели. Близко подойдя къ кровати, кидали изъ пригоршни зерно прямо на одѣяло и въ лицо, и приговаривали: „Роди Боже жито и пшеницу, всяку пашницу, на счастье, на здорově такого-то“.

Вечеромъ, передъ большими праздниками, мама зажигала обыкновенно большую восковую свѣчу изъ собственного воска и собственной работы. Свѣча въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, поставленномъ изъ предосторожности въ широкой мѣдный тазъ, горѣла до утра, и это придавало какую-то торжественность предпраздничной ночи.

Рисуется въ моемъ воображеніи и Свѣтлый праздникъ съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ вокругъ деревянной церкви въ звѣздную весеннюю ночь, со всеобщимъ христосываніемъ, съ малорусскими „писанками“, какихъ теперь больше не дѣлаютъ, и съ жаренымъ барашкомъ за праздничнымъ столомъ; ярко представляю я себѣ и Зеленый праздникъ, настоящій зеленый, такъ какъ зелено у насъ и въ комнатахъ: на полу свѣжая душистая трава, по стѣнамъ роскошныя кленовыя вѣтки; въ воздухѣ запахъ сирени и бѣлой акаціи...

Вспоминаю все это съ теплымъ чувствомъ, и мнѣ какъ-то грустно, что ничего этого теперь уже не встрѣтишь въ интеллигентной помѣщичьей средѣ. Это уваженіе къ стариннымъ обрядамъ и обычаямъ вносило какую-то теплоту

и вдумчивость въ общій строй семьи; такъ создавалось что-то дорогое и родное, что дѣти долго хранили потомъ въ своемъ сердцѣ.

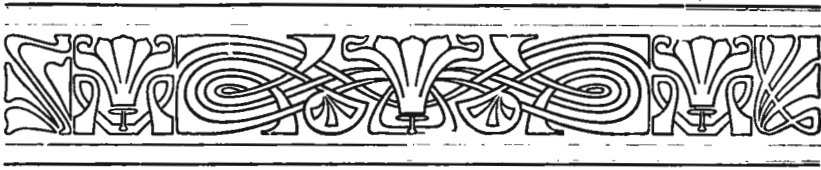
Изъ странниковъ, появлявшихся у насъ, я помню двухъ: Якова и Іуду. Послѣдній заходилъ къ намъ раза по два въ годъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ побывалъ въ Іерусалимѣ, и всѣ мы съ любопытствомъ слушали его рассказы о Святой землѣ. Все ли въ нихъ было правда, Богъ его знаетъ, но рассказывалъ онъ очень занимательно. Онъ принесъ намъ изъ Іерусалима большой перламутровый крестъ и модель гроба Господня.

Человѣкъ онъ былъ совсѣмъ не просвѣщенный, едва умѣлъ читать, и въ разговорѣ его чувствовался простодушный малорусскій крестьянинъ. Родомъ онъ былъ изъ Буромки, за Сулою, и былъ крѣпостнымъ Багрѣвыхъ. Казалось бы, что могло быть общаго между нимъ и изысканнымъ французскимъ сочиненіемъ о Святой землѣ. Однако мнѣ попались какъ-то подъ руки воспоминанія г-жи Багрѣвой; они писаны на французскомъ языкѣ и въ нихъ она отводитъ довольно видное мѣсто своему крѣпостному Іудѣ (à son serf Judas), котораго она встрѣтила въ Іерусалимѣ, и который оказалъ ей даже какія-то услуги, какъ знатокъ мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Три записки Н. А. Некрасова (1821—1911).

Въ моихъ бумагахъ сохраняются три записки Н. А. Некрасова. Вѣроятно, для многихъ эти записки покажутся мало интересными, но, мнѣ думается, что всякій штрихъ, каждое слово, всякая, на первый взглядъ ничтожная, замѣтка пѣвца народныхъ печалей, тревогъ и горя, могутъ имѣть значеніе къ уясненію его личности.

Н. Кафтанниковъ.

I.

Прошу контору От. Зап. выдавать г. Плещееву съ іюня включительно по семидесяти пяти руб. сер. въ мѣсяць и деньги эти записывать на мой счетъ.

28 мая 1873 г.

Н. Некрасовъ.

II.

Г-ну Горскому, въ контору От. Зап.

При выходѣ 6 № От. З. будетъ слѣдовать мнѣ до 800 р., выданныхъ мною въ счетъ этой книги (что означено въ списокѣ, выданномъ г. Скабичевскому). Изъ этихъ денегъ прошу послать въ Парижъ, посылая № 6-го Г-ну *Шассену*,

8*

6, *Boulevard de Chichy* (1000 франк.) и *M-r Pottecher 56, rue de la Chopinette* (1500 фр.).

Н. Некрасовъ.

III.

Въ Контору От. З. Г-ну Звонареву за Отеч. Зап. 1874 г. можно допустить кредитъ до пятисотъ рубл. на полугодичный срокъ.

20 Января 1874 г.
Спб.

Н. Некрасовъ.

Сообщилъ Н. Кафтанниковъ.





**Письмо изъ Москвы архіепископа Вологодскаго и Бѣлоозерскаго
Симона въ Вологду въ архіер. домъ отъ 17 марта 1674 года
о разныхъ дѣлахъ.**

Сімонъ преосвященный архіепископъ Вологодской и Бѣлоозерской на Вологду въ нашъ архіепископль домъ игумену Ефрему да казначѣю монаху Иосифу Василеву да діаку нашему Данилу Столбицкому. Приѣхали мы к Москвѣ марта въ 13 день Божіею милостію во всемъ здорово. А у Государской руки были марта въ 16 день за Божіею помощію в радости и за благополучными вѣстьми. Подаи Боже и впредь намъ при Его Государской милости в такомъ полученіи быть. По нашему указу отпущены отъ насъ с Москвы домовые наши помѣстные дѣти боярскіе Андрей Блиновъ да Василей Александровъ с товарищи пять человекъ да домовые жъ служебники Титко Крѣпышевъ с товарищи пятеро жъ человекъ, а съ ними отпущено домовыхъ нашихъ дватцать двѣ лошади, а на тѣхъ подводахъ послано отъ насъ къ вамъ желѣза прутового свицково гненово и забушеново числомъ шестьдесятвосмь прутовъ а вѣсомъ всего желѣза сто пудъ. Да с Васильемъ жъ Александровымъ послана на Вологду к воеводѣ к Ѳедору, Александровичу Тышкѣвичю Великого Государя грамота о подводахъ, что взялъ с насъ с однѣхъ бывшей Вологодской воевода стольникъ Яковъ Волинской под Государеву питейную и под всякую узорочную казну сто подводъ, а какова Великого Государя грамота намъ дана, и с той грамоты посланъ к вамъ списокъ. И какъ к вамъ съ наша грамота придетъ, а домовые наши дѣти боярскіе

и служебники на Вологду приѣдутъ, и вамъ б у нихъ противъ сей нашей грамоты домовые лошади и желѣзо принять налицо, а грамоту Великого Государя тыб Данило принял и на Вологдѣ в приказной избѣ воеводѣ подал и противъ грамоты об отписе чтоб пожаловал велѣл воевода в Новгородской приказ отписать поскорѣе, бил челомъ, что подводы взяты под Государскую казну не противъ указу Великого Государя с однѣхъ насъ мимо ямщиковъ и митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ. А какъ от воеволы с подводахъ отписку возьмешь, тебѣб прислать к намъ к Москвѣ тотчасъ. А воеводѣ и дьяку сказать от насъ наше благословеніе, такъ ж бы и Софейского собору протопопу Іоанну съ братією сказать миръ и благословеніе и велѣтъ б ему пѣтъ в соборной церкви за наше благополученіе молебень благодарственный. Да тыб казначѣй прислалъ к намъ к Москвѣ для подносу любо кому доведется поднести пять портищъ новокупленныхъ китайскихъ камокъ, выбравъ которые полутче. да и цвѣтные, а прислать бы вскорѣ, да о том и обо всем к нам для вѣдома отписать а рыжякиб тебѣ августа къ 1-му числу однолично готовить какъ мочно и к Москвѣ к посту прислать. И нынѣ намъ отъ Великого Государя въ рыжикахъ милостивое слово было. А что в села для дворовова строенія свожено с Вологды бревень, а строенія у крестьянъ буде сего лѣта за недосугомъ въ коихъ селѣхъ не будетъ, и бревнаб велѣтъ имъ крестьяномъ собравъ всѣ въ одно мѣсто и скласть какъ водится въ груды и покрыть чтоб не гнили, о томъ бы учинить по сему нашему указу. Писана на нашемъ архіепископлѣ московскомъ дворѣ лѣта 7182 марта въ 17 день.

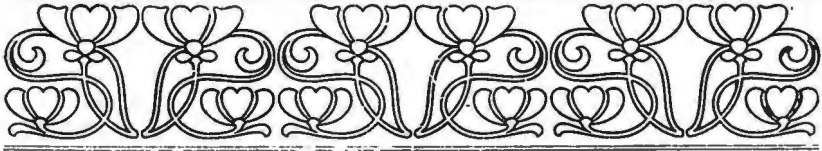
Да тебѣж бы казначѣю прислать к намъ вскорѣ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, буде будутъ ѣздки знаемые рясу соболью подъ чернымъ отласомъ да рясу соболью ж под зеленой камкой да рясу песцовую подъ осиновой тафтой, а съ кѣмъ пошлешь о томъ отписать. Да сшелъ от нас без нашего благословенія кузнецъ Ивашко Дерявинъ, а денежнаго жалованья не зажилъ да какъ и ковать онъ учился и отъ ученья денги и хлѣбъ за него даваль домової же, и тебѣ б за тѣ денги взять въ казну дворенко его, чтоб ево кому не продалъ, да тебѣ ж бы велѣтъ дать Ивашка Березы за ево работу, что онъ на Москвѣ оставленъ, женѣ ево осмина ржы, овса тожъ.

На оборотъ адресъ: На Вологду в нашъ архіепископль домъ игумену Ефрему да казначью монаху Носифу Василеву да діаку нашему Данилу Столбицкому.

Помѣчно: подали марта въ 25 день.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**





О постройкѣ въ г. Орлѣ храма во имя Св. Павла.

9 марта 1797 года, изъ Орла, губернскимъ предводителемъ дворянства Егоромъ Лаврентьевичемъ Цуриковымъ было отправлено къ генераль-прокурору князю Алексѣю Борисовичу Куракину письмо, въ которомъ первый говорилъ:

„Дабы и здѣшней губерніи благородное общество могло участвовать въ изъявленіи общей радости при наступающемъ свѣтломъ торжествѣ священнѣйшаго коронованія Его Императорскаго Величества, Всепресвѣтлѣйшаго Самодержца нашего Павла Петровича, и достойно принести жертву пылающихъ благодарностию и благоговеніемъ сердце нашихъ ко изліяннымъ уже на насъ отъ Его Императорскаго Величества щедротамъ, отмѣною набора рекрутъ въ прошломъ году и хлѣбнаго сбора на будущіе годы драгоцѣннымъ Его Величества безпокойствомъ и попеченіемъ о сохраненіи спокойствія нашего, присылкою къ намъ высокопочтеннѣйшей особы его Сіятельства г. генераль-фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера князя Николая Васильевича Репнина; самымъ поспѣшнымъ и совершеннымъ усмиреніемъ нѣкоторыхъ, въ неповинованіе и буйство впавшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; Всемилоствѣйшимъ утвержденіемъ и распространеніемъ нашихъ правъ и преимуществъ, составленіемъ гербовника; прибавленіемъ къ Правительствующему Сенату, для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ нашихъ, новыхъ департаментовъ, и многими другими неизсчетными милостями и щедротами на насъ и на всю Россію изліянными,—предпріемлемъ мы здѣсь, въ губернскомъ городѣ, иждивеніемъ дворянства сея губерній,

въ день всерадостнѣйшаго коронаванія Его Императорскаго Величества заложить, и потомъ соорудить съ приличнымъ великолѣпиемъ каменную соборную церковь во имя Святого Павла архіепископа Константина града, исповѣдника, коего память празднуема православною церковью въ 6-й день ноября,—день, облиставшій полною радостію и истиннымъ благоденствіемъ всю Россію, то есть восшествія Его Императорскаго Величества на всероссійскій наслѣдственный престолъ, дабы сооруженіе святаго храма сего было всегдашнимъ монументомъ дражайшаго дня сего и нашей вѣрно-подданнической ревности.

Для произведенія въ дѣйство сего намѣренія, полагаемъ мы, чтобы всякій помѣщикъ удѣлилъ отъ доходовъ своихъ по 20 коп. отъ всякой ревизской души, во владѣніи его состоящей, а кому будетъ благоугодно, изъ особливаго усердія, и болѣе; по собраніи конхъ, сверхъ благочестиваго сего зданія, можно еще будетъ при оной же церкви построить человѣкъ на 20 или на 30 богадѣльню, или инвалидный домъ, и часть отдѣлить въ приказъ общественнаго призрѣнія, въ капиталъ для ежегоднаго содержанія сей богадѣльни.

Представляя о семъ намѣреніи вашему сіятельству, осмѣливаюсь испрашивать всепокорнѣйше вашей апробаціи, дабы мы увѣрены быть могли, что таковая сердцецъ нашихъ жертва не будетъ противна Его Императорскому Величеству“.

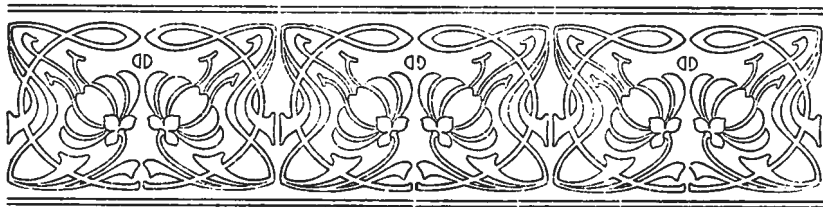
Письмо это было получено кн. Куракинымъ 22 марта 1797 г., а 25 числа того же мѣсяца княземъ отправлено было Цурикову сообщеніе о томъ, что Государь Императоръ, „изъявивъ Высочайшее дозволеніе привести ко исполненію таковой похвальный подвигъ, повелѣтъ соизволилъ объявить орловскому благородному дворянству за такое усердіе особенное Высокомонаршее Его Величества удовольствіе“.

13 апрѣля 1797 г. полученъ былъ въ г. Орлѣ Высочайшій манифестъ о воспріятіи Его Императорскимъ Величествомъ миропомазанія и царскаго на прародительскій престолъ вѣнчанія. Губернаторъ, Василій Ивановичъ Воейковъ, немедленно оповѣстилъ жителей города о торжествѣ того дня и имѣющемъ быть заложеніи соборной церкви во имя Св. Павла. Въ тотъ же день, 13 апрѣля, въ церковь Успенскаго монастыря прибыли губернаторъ съ чиновниками, губернский предводитель съ дворянами, городской

голова съ купечествомъ и множество народа. Епископъ орловскій и сѣвскій Аполлосъ совершилъ божественную литургію, послѣ которой былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ, затѣмъ преосвященный со всемъ духовенствомъ отправилъ благодарственное молебствіе, къ началу котораго въ монастырь пришло отъ всехъ церквей города духовенство съ крестами и образами. По окончаніи молебствія всѣ, находившіеся въ храмѣ, отправились на площадь между присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и была заложена преосвященнымъ Аполлосомъ соборная церковь во имя Св. Павла исповѣдника, архіепископа Константина града.

Н. А. Мурзановъ.





Записки В. Н. Виноградскаго ¹⁾.

Бѣда, если ярый инспекторъ увидить у отца не показанный томъ Бѣлипскаго, а тѣмъ паче Дарвина или Бокля. Потребуется заказать для этихъ книгъ особый шкафъ съ замкомъ, чтобы какъ-нибудь ученики не посмотрѣли заглавіе и не узнали имя зловреднаго человѣка.

Инспекція учебнаго заведенія (по Толстому) должна знать, сколько куб. фут. воздуха въ домѣ отца ученика, чѣмъ его кормягъ, кто знакомъ и кто сосѣди, ну, словомъ, родитель ученика попадаетъ подъ надзоръ инспекціи и она знаетъ, гдѣ кто изъ родителей бываетъ и кто посѣщаетъ ихъ. Конечно всѣ эти предписанія Толстого съ компаніей не исполняются, по вѣдь находятся люди, которые ими пользуются, чтобы выказать свою энергію передъ начальствомъ. Эти-то люди и портятъ отношенія семьи и школы.

Съ момента поступленія ребенокъ уже слышитъ дома о непріятностяхъ съ школьнымъ начальствомъ, о стѣсненіи свободы воспитанія своихъ дѣтей, какую-то зависимость семьи отъ циркуляровъ школьнаго начальства—и вотъ начинается рядъ обмановъ какъ со стороны родителей, такъ и дѣтей. Школа и семья это два враждебныхъ лагеря. Дѣти теряютъ всякое уваженіе къ школѣ, а болѣе состоятельные родители, желая только отдѣлаться отъ требованій школы, нанимають репетиторовъ, сваливая на нихъ всѣ сношенія съ школой и считая для себя унизительнымъ под-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1916 г.

чнятся школьнымъ требованіямъ, которые большинство не признаеть педагогическими.

Появленіе репетиторовъ—это одна изъ язвъ, внесенныхъ графомъ Толстымъ въ жизнь школы, репетиторовъ, подготовленныхъ къ своему дѣлу, нѣтъ, въ репетиторы попадаютъ неимѣющие мѣста недоучившіеся студенты, исключенные гимназисты, а пожалуй еще засидѣвшіеся въ дѣвицахъ—барышни. Начальство опять тутъ должно вступить и рекомендовать своего репетитора,—котораго впрочемъ обыкновенно не знаетъ, но вѣдь большинство репетиторовъ якобы родственники и только помогаютъ уяснять не вполне понятное ученику. На самомъ же дѣлѣ репетиторъ напишетъ сочиненіе, сдѣлаетъ, если сможетъ, задачу, подыщетъ по лексикончику слова и пр. и пр. Мальчикъ приучается дѣлать все на помочахъ. самостоятельности никакой, но отмѣтки порядочныя, начальство молчитъ, родители довольны. Передъ экзаменомъ появляется свидѣтельство о переутомленіи—значить, переведенъ безъ экзамена, такъ разъ или два и наконецъ, къ удивленію, полное незнаніе всего пройденнаго—ахъ и охъ. Школа бранить родителей, а родители школу. Мальчикъ выходитъ изъ учебнаго заведенія по домашнимъ обстоятельствамъ. Куда онъ потомъ поступитъ, это его дѣло.

Выпускные экзамены начались въ маѣ и тянулись очень долго, кажется, до 20 чиселъ іюня. Я припоминаю, какую массу билетовъ приходилось брать на экзаменахъ, и удивляюсь, какъ мы всѣ могли втолкать себѣ въ головы такое количество свѣдѣній. По закону Божию мы отвѣчали по отдѣльнымъ билетамъ: изъ ветхаго завѣта, новаго завѣта, богослуженія, катихизиса, истор. церкви, ист. рус. церкви, т. е. на 6 вопросовъ—и, нужно сказать, отвѣчали хорошо и если можетъ быть не вполне понимали связь событій, за то знали множество фактовъ. По русскому языку—изъ грамматики, теоріи прозы и поэзіи, исторіи всеобщей литературы и исторіи русс. литературы. Изъ математики—письменныхъ работъ не было и экзаменовали по арием., алгебрѣ Тихомандринскаго, геометріи Буссе, тригонометріи. Космографію и физическую географію знали всѣ очень хорошо. Въ исторіи экзаменовались какъ изъ отдѣльныхъ предметовъ по древней, средней, новой (Смарагдову) и по русской исторіи (по Пловайскому). Географія отдѣльно общая и русская. Ест. исторіи—по предметамъ: зоологія, ботаника, минералогія, фізіологія. Физика про-

ходилась по Ленцу—это была довольно толстая книга, устарѣвшая даже для того времени. Изъ языковъ сдавали латинскій, французскій и нѣмецкій,—это были самые плохіе для многихъ предметы, и начальство мало обращало на нихъ вниманія.

Къ экзаменамъ готовились очень старательно и, заранѣе раздѣливши между собою предметы, каждый долженъ былъ изучить его до тонкостей и давать товарищамъ всѣ объясненія. На мою долю выпала математика, и я приготовился изъ нея очень хорошо, космографію я зналъ основательно, физическую географію тоже, но языки были для меня камнемъ преткновенія, и товарищи снабдили меня всякими подстрочными переводами, а стихи—я вы зубрилъ, не понимая.

Экзамены сошли очень хорошо и только, какъ я уже упоминалъ, я провалился на латинскомъ языкѣ, но благодаря добродушію начальства не погибъ.

Мы настолько надѣялись на свои знанія, что нисколько не смутились, какъ однажды, уже по окончаніи экзамена по математикѣ, мы, забравшись въ какой-то пустой классъ и снявъ куртки, спокойно пили чаекъ, какъ вдругъ влетаетъ надзиратель съ просьбой идти снова на экзаменъ, по случаю пріѣзда какого-то морского генерала, желавшаго присутствовать на экзаменѣ, но опоздавшаго. Конечно, мы, какъ уже покончившіе съ этимъ экзаменомъ, имѣли полное право отказаться идти вновь на экзаменъ, но это казалось намъ неприличнымъ, и сейчасъ же трое изъ насъ, натянувъ куртки, явились передъ генераломъ, около котораго былъ чуть не весь педагогическій совѣтъ гимназій. Генералъ оказался человѣкомъ знающимъ и экзаменовалъ весьма подробно и основательно. Его, кажется, поразило мое знаніе космографій и онъ очень любезно совѣтовалъ мнѣ сдѣлаться специалистомъ по астрономіи. Можетъ быть, экзаменъ повліялъ на начальство гимназій, и оно сдѣлало мнѣ послабленіе по латинскому языку и хотя я изъ-за латинскаго языка лишился медали, но все-таки былъ зачисленъ сибирскимъ стипендіатомъ въ Казанскій университетъ.

Во время нашихъ экзаменовъ, почти уже въ концѣ ихъ, случилось происшествіе, отчасти характеризующее школьную жизнь того времени. Дѣло въ томъ, что нашъ инспекторъ Михаилъ Ивановъ Орловъ не имѣлъ никакого вліянія на учениковъ и не пользовался ихъ уваженіемъ,

почему-то его просто звали Михайло, Пехило, Пехтерь и сокращенно Пѣхъ. Понятно, что старшіе ученики не обращали на него никакого вниманія, да и онъ плохо наблюдалъ за ними. Одинъ изъ нашихъ товарищей Крымскій Дмитрій, извѣстный между товарищами подъ именемъ Митиньки, былъ отличнымъ ученикомъ, но страшный неряха и очень нервный. Частенько товарищи подсмѣивались надъ нимъ, и это приводило его просто въ бѣшенство. Однако онъ легко поддавался влиянію своего пріятеля, ученика 6-го кл. Фоминя, юности уже великовозрастнаго и дѣйствующаго на Митиньку самымъ сквернымъ образомъ. Пользуясь привилегіей хорошаго ученика, Митинька выпросилъ дозволеніе заниматься отдѣльно отъ другихъ товарищей и поселился въ одномъ изъ пустыхъ классовъ верхняго этажа гимназій. Къ нему, уже безъ всякаго разрѣшенія,—переехалъ на житье Фоминь и началъ пріучать Митиньку курить и выпивать. Однажды, они кутнули такъ сильно, что забыли все и ночью, гуляя по пустому верхнему корридору, выдумали пробовать силу, которой особенно хвастался Фоминь, силу пробовали на дверяхъ и окнахъ, результатомъ оказалось разбитіе стеколъ, поломка дверей, перилъ у лѣстницъ и пр.

Утромъ надзиратель нашелъ ихъ безъ чувствъ пьяныхъ, спящими на полу. Конечно, поднялась цѣлая исторія, 7-й классъ отправилъ отъ себя депутацію къ директору, ходатайствуя за Митиньку, и наше ходатайство помогло:—Фоминь былъ исключенъ изъ гимназій, а Митинька окончилъ прекрасно курсъ, но былъ лишенъ золотой медали, которую онъ заслужилъ своими успѣхами. Его отправили, на казенный счетъ, въ Московскій университетъ, гдѣ онъ дошелъ до 2-го курса и умеръ отъ тифа.

Въ 7 классѣ я уже занимался уроками, обучая малѣнькихъ ребятъ, и немного заработалъ себѣ на платъѣ. Дядя не имѣлъ средствъ помочь мнѣ, и потому все пришлось заводить самому. Намъ, отѣѣжающимъ въ университетъ, выдали пособіе по 15 руб. и только. Ни книгъ, ни платъя, ни бѣлья мы не получили. Дядя далъ мнѣ еще старое синее сукно, вывезенное имъ въ 30 годахъ изъ Питера и уже отслужившее свой вѣкъ, это сукно и послужило мнѣ для фланелевой шинели, которую можно было носить зимой и лѣтомъ. Бабушка сильно хлопотала и сколько возможно сшила мнѣ кое-что изъ бѣлья и снарядила меня въ дльную сторону. Дядя далъ на дорогу 15 руб. мелкимъ

серебромъ. Наконецъ насталь день отъѣзда. Насъ ѣхало 5 человекъ кончившихъ курсъ: я, Горяевъ, Осликовскій, Павлиновъ, Крымскій, провожатымъ былъ учитель Кибальчичъ. Кибальчичъ ѣхалъ съ какими-то двумя купцами, которые везли его даромъ, пользуясь казенной подорожной, у нихъ былъ прекрасный большой тарантасъ, на козлы сажали иногда кого-нибудь изъ насъ, что составляло большую выгоду. Мы ѣхали, имѣя каждый прогоны на одну лошадь, а все на пятерку, такъ какъ расходы на кормежку въ дорогѣ порядочны, да кромѣ того, нужно было давать ямщикамъ на водку, платить за перевозъ, за номеръ въ городскихъ гостиницахъ и пр. и пр., то чтобы какъ нибудь вывернуться, мы ѣхали въ одномъ экипажѣ, платя только за тройку лошадей и сидя конечно почти другъ на другѣ. Перекладныя почтовыя повозки, а иногда простая крестьянская телѣга, конечно, не особенно удобныя экипажи, однако молодость все выносила, и мы день и ночь ѣхали, ѣхали и ѣхали.

Назначеніе одного изъ учителей въ провожатыя считалось хорошей командировкой, т. к. учитель получалъ прогоны впередъ и назадъ и кромѣ того пособіе. Онъ имѣлъ при томъ казенную подорожную, въ которой прописывалось, чтобы ему давали безъ задержки лошадей, и что онъ ѣдетъ съ двумя будущими, эта подорожная была привилегія чиновниковъ, а частныя люди должны были платить деньги за нее и кромѣ того на каждой станціи имъ приходилось сидѣть по нѣсколько часовъ, т. к. проѣзжающіе съ казенной подорожной имѣли право забирать лошадей.

Мы сильно торопились ѣхать и въ Томскѣ у мачихи я пробылъ только нѣсколько часовъ: чтобы сократить путь и избѣжать лишнихъ расходовъ, рѣшено было отъ Канска ѣхать прямо на Тюкалинскъ на такъ называемыхъ дружкахъ.

Дружками назывались ямщики, не состоящіе при почтовыхъ станціяхъ, они возили нѣсколько подешевле, такъ за тройку брали съ версты 3 коп. и везли прекрасно, у многихъ изъ нихъ были хорошіе экипажи. Обыкновенно около Канска являлся мужичекъ, который и уговаривался въ цѣвѣ и отвозилъ къ своему пріятелю (дружку), который сейчасъ же запрягалъ лошадей и везъ къ своему пріятелю, и т. д.

Ѣхать на дружкахъ хорошо, но нужно быть осторожными, иногда можно попасть на недобросовѣстныхъ людей

и если ѣхать не большимъ трактомъ на Омскъ, а прямою дорогою на Тюкалинскъ, то вдали отъ казенныхъ станцій дружки начинаютъ набавлять цѣну за проѣздъ и, какъ мнѣ случилось впослѣдствіи видѣть, просто обдираютъ проѣзжающаго, который попадаетъ имъ, особенно доставалось, говорятъ, курьерамъ, желающимъ сократить путь и сохранить прогоны и потому рѣшающимся своротить съ большой дороги и ѣхать на дружкахъ по прямому тракту. Лучше было пользоваться дружками, не сворачивая съ казеннаго тракта и требуя, чтобы дружки довозили до того селенія, гдѣ казенная станція, тогда нѣтъ опасности попасть имъ въ лапы.

Мы однако проѣхали на дружкахъ благополучно и даже сохранили немного деньжонокъ, платя подешевле.

Изъ дорожныхъ воспоминаній нельзя не упомянуть о нашихъ проводахъ въ Иркутскѣ. По Московскому тракту въ 4-хъ вер. отъ Иркутска есть Вознесенскій Монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи Св. Иннокентія Иркутскаго Чудотворца. Мощи святителя чтутся жителями Иркутска, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни каждый считаетъ своею обязанностію помолиться у раки святителя. Я помню, какъ насъ, маленькихъ, водили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ, и для насъ, ребятъ, это было цѣлое путешествіе. Будучи гимназистами мы ходили молиться передъ началомъ ученія и передъ экзаменами. Кажется, заведенъ обычай, что каждый отъѣзжающій долженъ служить молебень въ монастырѣ. Конечно, поѣздка въ университетъ за 5 тысячъ верстъ отъ родины, была для насъ важнымъ моментомъ жизни, и вотъ въ монастырь собрались родные отъѣзжающихъ учениковъ, учителя и начальство гимназіи. Отслужили напутственный молебень, выпили чаю и по рюмочкѣ какой-то наливки, поплакали и получили благословеніе какъ отъ родныхъ, такъ и отъ добраго нашего директора, и наконецъ тронулись въ путь.

Хотя мы ѣхали цѣлый мѣсяць—день и ночь, но дорога прошла какъ-то незамѣтно, разнообразіе впечатлѣній, новость положенія и постоянная забота о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до ближайшей станціи, гдѣ можно хоть нѣсколько минутъ походить или полежать спокойно и опять собираться въ перекладной повозкѣ, трястись до слѣдующей станціи, все это убивало незамѣтно время. Изъ дорожныхъ впечатлѣній помню переправы черезъ наши Сибирскія гигантскія рѣки Енисей, Обь, Иртышъ. Помню, какъ, подѣ-

ѣзжая къ Тюкалинску, мы въ 1-й разъ увидѣли телеграфныя столбы, о существованіи которыхъ знали только изъ книжекъ, но представляли ихъ совсѣмъ не такими, какіе они есгь, а скорѣе въ родѣ верстовыхъ столбовъ, такъ что, увидѣвъ столбы, спросили ямщика, что это за штука.

Отъ Екатеринбургѣ до Перми тоже была превосходная дорога, и мы ѣхали прекрасно, любуясь видами Урала. Надо замѣтить, что вообще дорога по Сибири была прекрасная, особенно въ Енисейской губерніи, гдѣ ее устраивалъ знаменитый исправникъ Лоскутовъ, про котораго существуетъ масса разсказовъ, какъ про человѣка обирающаго и грабящаго народъ. Только Сперанскій убралъ его и отдалъ подъ судъ.

Въ Перми пришлось прождать дня два, дожидаясь парохода. Жили въ какой-то маленькой гостиницѣ и ходили осматривать городъ. Въ одну изъ прогулокъ купили по апельсину, которые увидѣли въ первый разъ въ жизни и, вообразивъ, что ихъ можно ѣсть какъ яблоки (яблоки мы видали и ѣдали), начали откусывать кусочки прямо съ кожурой. Вышло очень невкусно, и апельсины были выброшены. Я только черезъ годъ узналъ, что апельсины нужно чистить.

Какъ это ни странно, но объясняется очень просто. Въ Сибири яблоки не растутъ, а привозныя дороги, апельсины тѣмъ болѣе и могутъ быть извѣстны только богатымъ. Черныя и красныя китайскія яблоки привозятся въ Иркутскъ изъ Китая зимой мерзлыми и чтобы ихъ ѣсть нужно оттаять въ водѣ. Яблоки эти довольно вкусны и—кисло-сладкіе. Изъ нихъ, кажется, дѣлаютъ черную китайскую пастилу, которую смѣшиваютъ съ ядрами орѣха и сверху посыпаютъ мукой.

Въ Сибири, въ Иркутскѣ и въ Читѣ есть особый сортъ яблони—это довольно большое дерево, достигающее 4—5 сажень высоты и приносящее плоды, называемые въ Сибири яблонью, плоды являются кисточкой на длинныхъ стебелѣхъ штукъ по 5—10 и состоятъ изъ шарообразныхъ яблочковъ величиною въ ягоду, напримѣръ рябины или смородины. Плоды снимаютъ обыкновенно осенью уже послѣ перваго мороза и маринуютъ для салата. Вкусъ ягодъ кислый, довольно пріятный. Деревья растутъ только въ садахъ, на волѣ—въ лѣсахъ, кажется, нѣтъ яблочныхъ деревьевъ. Въ Томскѣ въ мое время не знали о существованіи яблони.

Отмѣчу слѣдующій фактъ: въ Томскѣ были черные тараканы, были и обыкновенные красные, а въ Иркутскѣ о черныхъ тараканахъ не имѣли понятія и, увидѣвши ихъ, по прїѣздѣ въ Томскъ, боялись. Красные же были обычными жителями.

Въ Иркутскѣ и Томскѣ совсѣмъ не было раковъ, и моему отцу, жившему въ Томскѣ, какъ рѣдкость привозили зимой мороженыхъ раковъ изъ Тюмени, гдѣ, говорили тогда, раки появились недавно.

Интересно знать, какъ теперь распространились раки въ глубь Сибири, да и объ черныхъ тараканахъ тоже не мѣшаетъ разузнать.

Наконецъ наше путешествіе завершилось переѣздомъ на пароходъ отъ Перми до Казани. Ѣхали конечно въ 3 кл., на некрытой палубѣ и питались, по большей части, чаемъ да хлѣбомъ, купленнымъ на пристани. О буфетѣ пароходномъ даже не мечтали.

Но вотъ, наконецъ, матушка Волга, на которую мы смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ, а вотъ и татарская столица Казань. Прїѣхали мы 28 или 29 іюля, въ день проводъ Семнозерной иконы Божіей Матери, и хотя мы не видали церемоніи, но на Проломной улицѣ, гдѣ мы остановились въ гостин. Жарова, было большое движеніе народа, просто поразившее насъ; самый городъ казался намъ и большимъ, и богатымъ, и благоустроеннымъ, сравнительно конечно съ тѣмъ, что мы видѣли до сихъ поръ въ своей жизни.

Отыскивали студентовъ иркутянъ и начали совѣтоваться, какъ намъ устроиться. Брата Н. Никол. въ городѣ не было, онъ уѣхалъ въ Уфимскую губернію на кумысь. Студенты совѣтовали Кибальчичу (учителю, провожавшему насъ) оставить насъ на произволъ судьбы и говорили, что до половины августа мы не найдемъ никакого начальства въ университетѣ. Кибальчичъ однако не согласился и повезъ насъ къ ректору Осокину, проф. финансоваго права; его однако въ городъ не оказалось, и намъ сказали, что дѣлами завѣдуетъ проф. богословія Владимірскій. Отправились къ Владимірскому и очень удивили его своимъ пашествіемъ. Онъ видимо не зналъ, что съ нами дѣлать, и, спрашивая каждаго, на какой факультетъ желаетъ поступить, обратился съ этимъ вопросомъ и къ Кибальчичу, мы не выдержали и засмѣялись. Владимірскій посовѣтовалъ намъ дожидаться прїѣзда ректора и за всѣми справками обратиться къ нему, а Ки-

бальчичу, какъ не поступающему въ университетъ, уѣзжать. Такъ и сдѣлали. Кибальчичъ уѣхалъ на другой же день, а мы разбрелись по квартирамъ. Я и Горяевъ поселились въ квартирѣ студента 4-го курса И. Я. Орлова сына священника изъ Кяхты или Троицкосавска. Онъ занималъ домикъ въ Профессорскомъ переулкѣ, въ Старо-Горшечной улицѣ. Орловъ получалъ порядочную стипендію отъ какой-то Княгининской купчихи, вышедшей впоследствии замужъ за доктора Образцова. Жилъ онъ въ чердачкѣ семейно и имѣлъ дочку. Это былъ очень энергичный студентъ и имѣлъ въ студенческихъ кружкахъ большое вліяніе. О его судьбѣ скажу послѣ.

Вскорѣ пріѣхалъ братъ, уже кончившій курсъ, но еще не написавшій кандидатской диссертациі. У брата, какъ оказалось, нѣтъ ничего, ни бѣлья, ни платья и никакихъ вообще вещей. Такое положеніе впрочемъ у него сохранилось всю его жизнь. Онъ вообще человѣкъ не отъ міра сего и, проживъ холостякомъ до старости, онъ остался такимъ же растеряхой и неряхой, какимъ былъ и въ молодости.

Сообщила **А. Робушъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ записокъ Владиміръ Николаевичъ Виноградскій (Астрахань † 14 января 1900 г.), былъ директоромъ реальныхъ училищъ Екатеринбургскаго и Астраханскаго, директоромъ Вятскаго земскаго училища и Астраханской Маріинской гимназій.

Его перу принадлежали многія статьи по астрономіи и физической географіи.

Онъ отличался особымъ талантомъ въ организациі ученыхъ обществъ и умѣньемъ сдѣлать ихъ жизненными.

В. Н. былъ выдающійся педагогъ, рѣдкій общественный дѣятель, и человѣкъ самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ.

Трудъ и любовь ко всѣмъ были девизомъ всей его жизни.

Ред.



Императорская Фамилія въ Крыму ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ августа въ Ливадіи получено было официальнымъ путемъ извѣстіе о намѣреніи Государыни Императрицы пожаловать въ Ялту. Извѣстіе это молніею облетѣло ближайшія окрестныя деревни и дачи, и у всѣхъ оживились лица.

— Правда ли, что Государыня пріѣдетъ? спрашивалось въ каждомъ домѣ и при встрѣчахъ на улицахъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы ей ничто не помѣшало. Безъ Царской семьи нашъ край, точно день безъ солнца.

Первый Высочайшій пріѣздъ имѣлъ громадное вліяніе на туземцевъ южнаго берега, которые апатично относились къ чистотѣ своихъ улицъ, не заботились о ремонтѣ домовъ и находили излишнимъ тратить средства на наружныя улучшения. Сколько извѣстно, никакія просьбы, совѣты и требованія полицейской власти не могли заставить ихъ сознать ни приличія, ни пользы. При этомъ каждому еще памятно, въ какихъ грубыхъ и безобразныхъ курткахъ и шальварахъ ходили всѣ безъ исключенія татары, съ открытыми мохнатыми грудями. Отъ наследственныхъ привычекъ этихъ они никогда не подумали бы отстать, если бы не прониклись благоговѣніемъ къ великодушному Императору, на дѣлѣ убѣдившему ихъ, что онъ не ставитъ различія въ подданныхъ по ихъ религіи. Только послѣ этого убѣжденія, болѣе состоятельнымъ изъ нихъ захотѣлось показать себя въ болѣе

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1916 г.

приличномъ видѣ и доказать, что и они способны къ прогрессу, когда ихъ не исключаютъ изъ числа членовъ государственной семьи и принимаютъ какъ людей, честно исполнявшихъ свой долгъ. Съ этого времени татары ближайшихъ деревень къ Ливадіи начали одѣваться въ суконыя обшитыя золотыми позументами куртки, заводятъ хорошія казацкія или англійскія сѣдла ¹⁾, очищаютъ дворы и улицы отъ нечистотъ, которыя бросались на нихъ по привычкѣ, строятъ дома въ европейскомъ вкусѣ и вводятъ въ употребленіе столы и стулья. Но всего замѣчательнѣе, что они не только стремились научиться говорить по-русски, но даже заводятъ знакомства съ чиновниками, приглашаютъ ихъ и угощаютъ виномъ, которое не дозволяется имъ держать.

Когда выяснилось, что Ея Величество прибудетъ въ Ялту 15-го августа, т.е. въ день Успенія Пресвятой Богородицы, когда мѣстные греки и русскіе по искони принятой привычкѣ ѣздятъ въ Бахчисарайскій монастырь, то многіе отказались отъ этого путешествія, изъ единственнаго желанія взглянуть на царицу, сдѣлавшуюся для нихъ кумиромъ.

— Мы успѣемъ побывать въ монастырѣ и на 9-й день, а если пропустимъ пріѣздъ, то кто знаетъ, удастся ли увидѣть вновь нашу матушку царицу.

За два дня до пріѣзда Государыни въ Ялтѣ началась очистка улицъ, побережья и декорировка городской пристани. Надъ послѣднею трудились лучшіе садовники, доставившіе изъ различныхъ имѣній цвѣты и рѣдкіе экземпляры растеній. На городскомъ фонтанѣ, который въ то время находился на набережной площадкѣ, выставленъ былъ прелестно свитый изъ лавровыхъ вѣтокъ и другого рода иммортелей громаднѣй вѣнзель съ именемъ Ея Величества.

15-го августа съ ранняго утра началось развѣшиваніе флаговъ и вывѣшиваніе гречанками и другими обитательницами города ковровъ и цвѣтныхъ матерій на балконахъ. Изъ полученной телеграммы было извѣстно, что Государыня слѣдуетъ на томъ же пароходѣ „Тигръ“ и прибудетъ въ Ялту приблизительно къ 3-мъ часамъ пополудни. На этотъ разъ въ Крыму было много пріѣзжихъ и слѣдовательно число вышедшихъ на набережную въ нарядныхъ бѣлыхъ платьяхъ было несравненно больше. Всѣ суетились, улыбались и не сводили глазъ съ моря. И вотъ наконецъ показался ожидаемый съ нетерпѣніемъ пароходъ. Все заше-

¹⁾ Раньше здѣсь всѣ почти ѣздили на вьючныхъ сѣдлахъ.

велилось и начало ломиться впередъ. Полиція заголосила, но ей отвѣчали, что и они желаютъ привѣтствовать Государыню. Часть спустя императорская яхта бросила якорь, заиграла музыка и отчалилъ барказъ съ дорогою гостею, которую встрѣтили на послѣднихъ ступеняхъ пристани, кромѣ начальствующихъ, старушка княгиня Мещерская, владѣтельница при дер. Гаспра и княгиня Воронцова. Поцѣловавшись съ этими почтенными дамами и послѣ принятія привѣтствія отъ представителей городской и губернской власти Ея Величество съ младшими дѣтьми помѣстилась въ экипажъ и сейчасъ же отправилась въ любимую свою Ливадію, въ которой на этотъ разъ воздвигнута была уже маленькая придворная церковь въ строго-византійскомъ вкусѣ и много другихъ необходимыхъ построекъ.

Въ свитѣ Ея Величества и на этотъ разъ состояли тѣ же статсъ-дамы и фрейлины, а изъ мужчинъ графъ Шуваловъ, лейбъ-медикъ Гартанъ, адмиралъ Сколковъ, Княжевичъ и другіе.

По общему убѣжденію Государыня Императрица значительно похудѣла и поблѣднѣла. Это неспрѣятно повліяло на туземцевъ, но они утѣшались надеждою, что южнобережскій климатъ въ непродолжительномъ времени окажетъ на нее благотворное дѣйствіе.

Пока державная гостя отдыхала и набиралась силами, 18-го августа прибылъ на пароходѣ русскаго общ. пароходства „Аргонавтъ“ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Его Высочество съ перваго взгляда на окрестности Ялты пришелъ въ восторгъ и восхищался этимъ краемъ во все время пребыванія своего въ немъ.

Лишь только Наслѣдникъ въ сопровожденіи графа Строгонова, состоявшаго при его особѣ, показался на пристани, народъ рванулся впередъ, и крикамъ „ура“ не было конца. Безподобная красота его очаровала всѣхъ.

Его Высочество также сейчасъ отбылъ въ Ливадію, а чрезъ четыре дня, и именно въ четвергъ, въ 5 часовъ по полудни 22 августа на императорской яхтѣ выѣхалъ на Кавказъ крестить новорожденнаго сына у дяди своего великаго князя Михаила Николаевича. Послѣ отъѣзда Цесаревича рассказывали нѣкоторые изъ служащихъ въ Ливадіи, что Наслѣднику такъ понравился нашъ край, что онъ неохотно разстался съ нимъ и вѣроятно очень скоро возвратится сюда.

23-го августа Государыня Императрица, принимая привѣтствія татарина Мустафы, за которымъ усвоился уже титулъ князя, данный ему сначала шутя, объявила, что скоро прїѣдетъ Государь и пробудетъ въ Ливадіи до поздней осени. Мустафа отъ радости не замедлилъ рассказать всѣмъ эту прїятную новость.

Въ ожиданіи возлюбленнаго монарха всѣ вновь приведены были въ восторгъ окончательнымъ договоромъ правительства съ англійскими банкирами объ устройствѣ Московско-Севастопольской желѣзной дороги, которая должна быть окончена въ теченіе 6-ти лѣтъ.

5-го сентября пожаловалъ въ Ливадію, а затѣмъ въ свою Ореанду великій князь Константинъ Николаевичъ съ семействомъ, а на слѣдующій день въ 8 часовъ утра возвратился съ Кавказа на той же императорской яхтѣ „Тигръ“ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Въ Ливадіи знали время, когда придетъ пароходъ въ Ялту, но чадолюбивая Императрица, несмотря на слабость здоровья своего, за часъ раньше прїѣхала къ пристани съ августѣйшими дѣтьми и терпѣливо дождала на солнцѣ своего дорогого первенца. Около Ея Величества находились немногіе сановники и въ томъ числѣ графъ Шуваловъ въ цивильномъ костюмѣ. На этотъ разъ не было никакихъ демонстрацій ни со стороны властей, ни со стороны народа, безъ сомнѣнія по соизволенію нѣжной матери, знавшей, что болѣзненному сыну ея не особенно нравится повтореніе ихъ безъ надобности. Для насъ зрителей несравненно прїятнѣе было видѣть высокій примѣръ искренней сыновней любви къ матери, выразившейся при благоговѣйной тишинѣ въ объятіяхъ и радостныхъ улыбкахъ.

Семейная картина эта на берегу прелестнаго края, при ясномъ голубомъ небѣ, между зелеными пушистыми горами и незаблемомъ моремъ, на которомъ красовалось 5 военныхъ царовыхъ судна съ матросами на реяхъ—производила трогательное впечатлѣніе.

8-го сентября по случаю высокаторжественнаго дня, послѣ благодарственнаго молебствія въ Ялтинской и Ливадской придворной церквахъ, стоящіе на рейдѣ пароходы расцвѣтились флагами и началась оглушительная пальба изъ пушекъ, заставившая все простонародіе и въ особенности татаръ выбѣжать изъ дрожавшихъ домовъ и справиться, что случилось. Мустафа по обыкновенію поскакалъ въ Ливадію за справками, но когда ему объяснилъ первый

встрѣчный о тезоименитствѣ Наслѣдника Цесаревича, онъ поспѣшилъ уже во дворецъ съ принесеніемъ вѣрноподданическихъ поздравленій. Вечеромъ Ялта и всѣ суда были роскошно иллюминованы. На послѣднихъ во всю высоту мачтъ изображены были изъ огненныхъ точекъ или зажженныхъ фонарей буквы Н. Въ Ливадіи, кромѣ этого, устроенъ былъ блистательный фейрверкъ съ предоставленіемъ каждому права заходить въ царское имѣніе.

При первомъ пріѣздѣ въ Ливадію потребовались сотни служителей, то въ качествѣ лакеевъ къ придворнымъ, то въ качествѣ проводниковъ, то въ качествѣ поставщиковъ плодовъ и различнаго рода съѣстныхъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей для стола и кухни. Естественно, что мѣстные жители съ радостью вызвались на приглашеніе и самымъ щедрымъ образомъ были вознаграждены за честныя и усердныя услуги свои; но вслѣдъ затѣмъ, когда открылись большія и многочисленныя постройки вокругъ дворца, чуть-ли не большинство поселянъ изъ ближайшихъ деревень занялись поставками камня, дѣса, извести, а остальные пошли въ поденщики, каменщики, пильщики и т. д. Въ виду поспѣшности работъ и недостатка свободныхъ людей строители не скупились и дѣйствительно дали бѣднымъ людямъ возможность улучшить свой домашній бытъ и понять, какое благо можетъ приносить имъ и въ будущемъ сосѣдство царскаго имѣнія, населеннаго множествомъ потребителей разнаго званія. Работы и поставки продолжались и въ настоящее время, не взирая на пріѣздъ Императрицы съ Августѣйшими дѣтьми. Этого мало, явились сюда многіе торговцы съ балаганами для продажи съѣстныхъ припасовъ рабочимъ, и никто не думалъ воспрепятствовать народу торговать и веселиться по-своему. Ея Величество нерѣдко во время прогулокъ подходила къ этимъ балаганамъ, а равно и строящимся домамъ и милостиво разспрашивала у простонародья, что именно они дѣлаютъ и какъ скоро окончатъ начатое, разсматривала планы и т. п. Всего болѣе Государыня любила останавливаться предъ интереснымъ, съ совершенно дѣтскою наивностію пожилымъ французомъ Клодомъ, прибывшимъ въ Крымъ при открытіи работъ на Феодосійской желѣзной дорогѣ, но послѣ прекращенія ихъ переѣхавшимъ въ Ялту. Этотъ худенькій, тщедушный человѣчекъ съ вѣчною улыбкою на устахъ, какъ только выучилъ немного болтать по-русски, влюбился въ ужасной толщины вдову-армянку, которая также не болѣе

его знала по-русски и Богъ вѣсть какими путями соединился съ нею брачными узами.

При второмъ посѣщеніи Императрицы Крыма генераль-губернаторствовалъ не Строгоновъ уже, а генераль Павелъ Евстафьевичъ Коцебу, бывшій начальникъ главнаго штаба Крымской арміи, человѣчекъ 2-хъ аршиннаго роста съ интересными манерами и привычками, котораго съ первыхъ дней появленія на этомъ важномъ мѣстѣ безжалостно осмѣивалъ правитель канцеляріи Ѳ. К. Гирсъ и торжественно заявилъ, что не станетъ служить съ нимъ. Говорятъ, что Коцебу нисколько не обидѣлся этимъ, а напротивъ по рекомендаціи наслѣдника пригласилъ на мѣсто его И. Р. Отмарштейна, завѣдывающаго отдѣленіемъ въ канцеляріи, а въ приближенные или такъ сказать подручные чиновники по особымъ порученіямъ помощника столоначальника Черняева, людей, у которыхъ не было ничего прошлаго и которые смотрѣли на службу только какъ на источникъ личныхъ благъ.

Естественно, что Коцебу со всѣми приближенными къ нему чиновниками и адъютантами сопровождалъ Государыню Императрицу отъ Одессы и сочелъ долгомъ поселиться въ Ялтѣ въ зданіи удѣльнаго вѣдомства (нынѣ занятомъ мужскою гимназіею), чтобы лично наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ.

9-го сентября по случаю тезоименитства великаго князя Константина, считавшагося, какъ извѣстно, въ это время намѣстникомъ царства Польскаго и выѣхавшаго изъ Варшавы послѣ посягновенія на его жизнь, въ Ялтѣ вновь было торжество. По окончаніи божественной литургіи два военныхъ парохода подошли къ ордеандскому берегу и, остановившись противъ дворца, начали стрѣлять изъ пушекъ и расцвѣтились разноцвѣтными флагами. Вечеромъ Ялта вновь иллюминировалась, былъ фейерверкъ на пароходахъ и до полуночи играли двѣ военныя музыки.

На слѣдующій день Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи адъютанта и двухъ казаковъ проѣхалъ обѣ деревни Аутка верхомъ. Такъ какъ день былъ рабочій и всѣ мушкетеры находились въ садахъ и чапрахъ, то Его Высочеству не пришлось встрѣтить никого, кто бы сказалъ, куда ведетъ дорога, по которой онъ хотѣлъ проѣхать за деревни. Татарки же и гречанки по незнанію русскаго языка нашли болѣе приличнымъ вбѣжать въ хаты.

19-го сентября ялтинцы вновь собрались въ мундирахъ и праздничныхъ одеждахъ встрѣчать своего монарха на набережную и бульварную аллею. На этотъ разъ городская пристань убрана была не однѣми только гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, но и флагами, прикрѣпленными на позолоченныхъ древкахъ. Во всю ея длину растянута было красное сукно, пересѣкаемое мѣстами бархатными коврами. Все это дѣлалось на счетъ города, не приносящаго никакихъ доходовъ, слѣдовательно, личнымъ усердіемъ купцовъ и домовладѣльцевъ.

Навстрѣчу къ Его Величеству первымъ прибылъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою и дѣтьми, а потомъ уже Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ и остальными младшими сыновьями и великою княгинею Марією Александровною, въ сопровожденіи множества экипажей съ придворными чинами и конвоемъ, который по-прежнему расположился на набережной площадкѣ отъ берега рѣки къ пристани.

Вслѣдъ затѣмъ показалась изъ-за Ореандскаго выступа величавая яхта „Тигръ“, летѣвшая на всѣхъ парахъ, въ сопровожденіи двухъ далеко отставшихъ конвоировъ. Черезъ нѣсколько минутъ яхта окружена была бѣлыми лодками, и загремѣлъ на ней уже извѣстный маршъ, свидѣтельствующій, что Его Величество направился къ трапу. Маршъ смѣнился гимномъ, и всѣ увидали желтый катеръ съ блестящими по бортамъ полосками, который быстро несся къ берегу. Всѣ узнали Императора издали по его отличительной фуражкѣ на карказѣ съ длиннымъ козырькомъ и начали тѣсниться впередъ въ надеждѣ услышать хоть голосъ обожаемаго царя.

Какъ только царскій катеръ присталъ къ пристани, народъ огласилъ воздухъ восторженными криками „ура“. Его Величество и теперь былъ въ любимомъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ и тѣми же орденами на шеѣ и въ петлицѣ. Принявъ въ державныя объятія жену и дѣтей, Императоръ удостоилъ рукопожатія многихъ изъ представителей края и громко сказалъ:

— Какъ я радъ, что я опять у васъ въ Ялтѣ.

Императоръ пополнилъ и несравненно веселѣе выглядывалъ въ сравненіи съ 1861 годомъ.

Приблизившись къ экипажу и замѣтивъ почтительно кланяющагося Мустафу, Государь сдѣлалъ ему знакъ при-

близиться и, дозволивъ приложиться устами къ рукаву своему, заботливо освѣдомился о его здоровьи.

— Славу Богу, Ваше Величество, еще имѣемъ силу служить нашимъ благодѣтелямъ.

Въ это время, что-то сказано было Императрицею съ улыбкою, послѣ чего Государь, положивъ руку на плечо маленькаго татарина, отвѣчалъ:

— Живи, живи, въ такихъ слугахъ мы всегда нуждаемся.

Нѣкоторые изъ стоящихъ вблизи говорили мнѣ, что Ея Величество сообщила Государю, что Мустафа въ настоящее время ежедневно приносить для нея цѣлбный сортъ винограда, который всегда бываетъ отличнаго качества. Сколько было извѣстно, дѣйствительно татаринъ этотъ, знавшій всѣ виноградники нѣжняго берега и преимущества лучшихъ изъ нихъ, былъ личнымъ поставщикомъ этого плода для царицы.

При несмолкаемыхъ крикахъ народа и колокольномъ трезвонѣ августѣйшіе гости, сопровождаемые конвоемъ и длиною вереницею роскошныхъ экипажей, проѣхали въ Ливадію. Поровнявшись съ карантиннымъ зданіемъ, Государь вторично обнялъ свою супругу и затѣмъ нѣжно любимую единственную дочь свою Марію Александровну. Ялта отпраздновала прибытіе своего монарха иллюминаціею и большими кострами, разложенными вдоль морского берега до устья рѣки „Учанъ-су“.

Одновременно съ пріѣздомъ Императора въ Ялту начали съѣзжаться и пріѣзжіе изъ ближайшихъ губерній и городовъ: одни съ цѣлью взглянуть на жизнь и прогулки вѣнценосцевъ, а другіе съ различными ходатайствами, рассчитывая на помощь и значеніе близкаго человѣка Антонина Дмитриевича Княжевича.

Бѣдная своимъ рынкомъ и съѣтными продуктами Ялта, не ожидая такого наплыва потребителей, начала громко заявлять о необходимости доставки ихъ изъ другихъ городовъ. Лишь только этотъ говоръ дошелъ до Ливадіи, какъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы пригласить на всякаго рода принасы отдѣльныхъ поставщиковъ, которые доставляли бы необходимое для дворца и проживающихъ въ Ливадіи изъ другихъ городовъ.

21 сентября на Ялтинскій рейдъ вступилъ съ одесскою депутаціею, подъ звуки музыки, пароходъ русск. общ. пароходства „Агронавтъ“. Депутація эта, составленная отъ трехъ національностей Одессы, русскихъ, грековъ и евреевъ,

во главѣ Пашкова, Зарифи и Ефруси, явилась съ цѣлью привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ прїѣздомъ на югъ и поднести Императрицѣ отъ имени одесскихъ гражданъ великолѣпную статую Пенелопы, надѣлавшую много шума между художниками и скульпторами своей античною отлѣлкою мельчайшихъ деталей.

На слѣдующій день депутаты во главѣ генераль-губернатора Коцебу съ подаркомъ отправились въ Ливадію и около 12 часовъ дня были приняты Ихъ Величествами самымъ благосклоннымъ образомъ. Пашковъ, извѣстный своимъ врожденнымъ умомъ и плавною рѣчью, повидимому, произвелъ на благодѣтельнаго монарха прїятное впечатлѣніе. Государыня Императрица также съ удовольствіемъ осмотрѣла прекрасный подарокъ и выразила искреннюю благодарность гражданамъ Одессы за ихъ вѣрноподданныя чувства. Затѣмъ депутаты приглашены были къ завтраку, на которомъ находился какой-то черногорскій сенаторъ съ своимъ секретаремъ.

Въ числѣ прїѣзжихъ былъ И. К. Айвазовскій и еще нѣсколько другихъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ, которымъ оказано было въ Ливадіи заслуженное вниманіе. Изъ чиновнаго міра болѣе другихъ выдвигался жапдармскій полковникъ Калимахи, бѣднѣйшій неподкупной честности семьянинъ. Калимахи происходилъ изъ княжескаго рода, но такъ какъ онъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ и не имѣлъ сыновей, то не хотѣлъ тщеславиться своимъ титуломъ. Онъ прибылъ въ Ялту по обязанности своей и какъ только убѣдился, что дальнѣйшее его присутствіе совершенно некетати и можетъ показаться цѣлью домогательства награды за усердіе, сейчасъ же возвратился обратно въ Симферополь.

Одесская депутація выѣхала изъ Ялты не только съ музыкою, которая начала играть при поднятіи якоря, но и съ выстрѣлами, неумолкавшими до того времени, пока пароходъ ихъ не скрылся съ глазъ публики.

Послѣ прїема Одесской депутаціи генераль-губернатору Коцебу пришлось представлять Государю Императору массу выборныхъ татаръ Ялтинскаго уѣзда, которые сами пожелали привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ прїѣздомъ въ ихъ край. Въ главѣ этой депутаціи стоялъ Али-бей Булгаковъ, бывший нѣсколько четырехлѣтій предводителемъ ялтинскаго дворянства, владѣтель большой части славныхъ оккозскихъ лѣсовъ и съ гордостью носившій русскіе ордена, мозолившіе глаза фанатическаго духовенства.

Али-бей по характеру и наследственнымъ традиціямъ принадлежалъ къ тѣмъ непогнѣмымъ почтеннымъ мурзамъ Крыма, которые, высоко цѣня свое бейское (княжеское) происхожденіе, умѣли заставлятъ народъ уважать себя честными и справедливыми отношеніями къ нему и въ то же время служить примѣромъ для всѣхъ въ почтительномъ повиновеніи высшимъ властямъ. Мурза этотъ былъ небольшого роста, съ черными выразительными глазами, римскимъ носомъ и большимъ ртомъ, признакомъ ораторской способности. Говоря довольно хорошо по-русски, онъ отличался отъ другихъ тѣмъ, что каждое слово произносилъ какъ-бы съ цѣлью придать ему особенное значеніе со стороны слушателя, и во все время рѣчи не обнаруживалъ ни малѣйшаго движенія ни въ одномъ мускулѣ, но рѣчь его всегда дышала чувствомъ правды и сознанія истины. Али-бей, по природѣ гостепріимный, чрезвычайно любилъ принимать у себя имешитыхъ гостей, для чего содержалъ въ чистотѣ нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ, меблированныхъ въ полувосточномъ вкусѣ, которыя въ лѣтнее время украшались букетами цвѣтовъ въ изящныхъ вазахъ. Сознавая свое превосходство предъ прочими мурзами Крыма и дорожа благосостояніемъ своихъ мусульманъ, онъ всегда являлся ихъ заступникомъ и представителемъ, разумѣется, когда въ этомъ представлялась надобность.

Его Величество, выслушавъ короткую привѣтственную рѣчь Булгакова, одѣтаго въ этотъ день въ форменный сюртукъ съ регаліями, отвѣчалъ, что сожалѣтъ о прошломъ поведеніи эмигрировавшихъ татаръ, надѣется, что впредь не повторится подобное безразсудное увлеченіе. Причемъ Государь серьезно взглянулъ на волостныхъ головъ и замѣтилъ имъ, какъ они должны вести себя въ имперіи, чтобы заслужить его вниманіе.

Послѣднія слова монарха заставили вздрогнуть этихъ представителей волостной власти, которые во все времена злоупотребляли своими правами и дѣйствовали хищническимъ образомъ въ предположеніи, что они набираются только для личнаго благосостоянія и неограниченнаго господства надъ труженниками.

25-го сентября на Императорской яхтѣ „Тигръ“ въ 9 часовъ утра прибылъ въ Ялту великій князь, намѣстникъ Кавказа, Михаилъ Николаевичъ съ супругою. Его Высочество отбылъ въ Ореанду безъ всякихъ официальныхъ церемоній и встрѣчь. Въ это время Наслѣдникъ Цесаре-

вичъ Николай Александровичъ съ Аметомъ и 20-ю загонщиками находились въ горахъ на охотѣ. Охота эта продолжалась ровно три дня, въ продолженіе которыхъ простые люди успѣли приблизиться къ Его Высочеству и постигнуть его необыкновенную доброту и вниманіе къ каждому.

Въ распорядителѣ этой охоты избранъ былъ, какъ и надо было ожидать, Аметъ, которому и предоставлено было право выбрать въ загонщики тѣхъ татаръ, которые ему лично извѣстны, и нанять 12 вьючныхъ лошадей для провизіи, одежды и палатки. Когда все это было приготовлено и Аметъ пришелъ узнать о днѣ выѣзда, Его Высочество, приказавъ отправить загонщиковъ впередъ, назначилъ свой выѣздъ съ завтрашняго утра. — А куда мы поѣдемъ? прибавилъ онъ. Татаринъ показалъ направленіе и назвалъ мѣстность „Ураманъ-хошъ“, которая находилась приблизительно въ 20 верстахъ отъ Ливадіи. — А ты увѣренъ, что тамъ есть дичь? — Дичи много, Ваше Высочество, но я боюсь, чтобы погода не помѣшала намъ. — Ну, это не такъ важно, погоду переждемъ. На слѣдующій день Цесаревичъ, несмотря на туманную погоду и предостереженіе Амета, что надо подождать разъясненія ея, рѣшился ѣхать съ однимъ только свитскимъ полковникомъ и конно-гвардейцемъ, татаринкомъ Муслюмомъ. Достигнувъ до мѣста, Его Высочество, почувствовавъ сырость, приказалъ поставить палатку и подать закусь съ тѣмъ, чтобы послѣ подкрѣпленія силъ начать охоту. Муслюмъ съ помощью загонщиковъ исполнилъ приказаніе. Послѣ завтрака Его Высочество отдалъ приказаніе угостить кофьякомъ рабочихъ и выслать ихъ въ дѣло. Тѣмъ временемъ туманъ настолько сгустился, что въ десяти шагахъ трудно было различать предметы, но, несмотря на это, одинъ загонъ былъ сдѣланъ и убита была дикая коза. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ вечеръ, и многіе полагали, что Его Высочество возвратится въ Ливадію, но когда онъ заявилъ о желаніи выждать хорошій день, молодые загонщики, въ чайнѣ вкусной ѣды, запрыгали отъ радости и бросились собирать дрова для ночныхъ костровъ. Любуясь ихъ веселыми прыжками, Государь Наслѣдникъ и въ свою очередь принесъ нѣсколько сухихъ палочекъ для растопки огня. Заботливый Муслюмъ не замедлилъ поставить самоваръ и убрать коврами и подушками внутренность палатки, а равно и мѣсто для удобнаго ночлега. Когда костры запылали, Цесаревичъ сѣлъ около одного изъ нихъ, шутилъ

и смѣялся до того времени, пока ему подали вторично холодный обѣдъ и вслѣдъ за тѣмъ чай. Въ палаткѣ ночевалъ Его Высочество съ сопровождавшимъ его полковникомъ и Аметомъ. На слѣдующій день стояла такая же неудачная погода. Убить былъ только одинъ заяцъ. Къ вечеру у загонщиковъ сошелъ хлѣбъ. Его Высочество выдалъ имъ нѣсколько червонцевъ, чтобы послать въ кошъ за баранами, и вторично приказалъ угостить ихъ коньякомъ. На этотъ разъ нѣкоторые изъ нихъ черезчуръ повеселѣли и долго забавляли сотоварищей пляскою, пѣснями и играми. Второй день Его Высочество также провелъ на сухоядѣи и снова почевалъ въ палаткѣ. Всѣ ожидали, что послѣдующій затѣмъ день будетъ ясный, но, увы, и на этотъ разъ погода нисколько не измѣнилась, но все-таки удалось застрѣлить Наслѣднику вторую козу, послѣ чего онъ рѣшился возвратиться домой.

Отпустивъ загонщиковъ, Его Высочество направился въ деревню Кизылташъ. Здѣсь расположившись на отдыхъ у мѣстнаго муллы Мустафы эфенди впредь до прибытія перекладной изъ ближайшей почтовой станціи, Его Высочество не отказался отъ завтрака, поданнаго почтительнымъ хозяиномъ, которому за его радушіе на третій день присланы были въ подарокъ золотые часы съ такою же цѣпочкою. Почтовая телѣжка не замедлила прибыть и доставить благополучно августѣйшаго гостя въ Ливадію. На другой день, когда Аметъ пріѣхалъ нарочно освѣдомиться о здравіи его Императорскаго Высочества, Цесаревичъ съ радостью вышелъ къ нему и, давъ записку для передачи въ походную канцелярію, заявилъ, что онъ на дняхъ выѣзжаетъ, но не забудетъ его и постарается съ избыткомъ вознаградить его за усердіе въ будущей пріѣздъ свой. По этой запискѣ Аметъ получилъ очень хорошенькую брилліантовую булавку и 40 полумперіаловъ. Первую онъ оставилъ у себя на память, а послѣдніе раздалъ 20 молодымъ загонщикамъ.

23 сентября въ 10 часовъ ночи неожиданно приблизился къ пристани парохольдъ „Аргонавтъ“ и началъ освѣщаться фальшьфеерами.

На вопросы, кого они ожидаютъ, полицейскіе чиновники и солдаты отвѣчали, что сейчасъ отъѣзжаетъ Государь Наслѣдникъ въ Бердянскъ для личнаго обзора расположенныхъ въ окрестностяхъ этого города колоній, и дѣйствительно нѣсколько минутъ спустя загрохотали по направленію отъ Ливадіи экипажи и къ пристани прибыли Его

Величество съ первороднымъ красавцемъ сыномъ своимъ, который, прижавшись къ отцовскимъ устамъ и простившись со всѣми сопровождавшими его, весело и бодро опустился на лодку, которая сейчасъ же отчалила отъ берега.

На слѣдующій день въ длинной вереницѣ экипажей направились къ Ливадіи депутаціи отъ г.г. Симферополя и Севастополя, во главѣ которыхъ стояли городскіе головы. Привѣтственную рѣчь сказалъ губернской голова Н. И. Ивановъ, служившій раньше учителемъ мѣстной гимназій, а потомъ правителемъ канцеляріи у губернатора Жуковского. Его Величество послѣ выслушанія вѣрноподданныхъ привѣтствій остановилъ вниманіе на пострадавшемъ Севастополѣ и милостиво обѣщалъ, что не перестанетъ заботиться о благахъ этого отнынѣ историческаго города. Послѣ отбытія этихъ депутацій Ялтинскіе граждане подали Государю Императору, чрезъ посредство Коцебу, всеподданнѣйшую просьбу о надѣлѣ ихъ города, подъ который отведено всего четыре десятины, выгонною землею, о продолженіи дарованной раньше купцамъ льготы и о разрѣшеніи принимать въ залогъ ихъ дома при казенныхъ подрядахъ.

1 октября представлялись Его Величеству депутаціи отъ г.г. Бахчисарая и Карасубазара. Первая, какъ представительница крымско татарской цивилизаціи, поднесла монарху стихотвореніе, написанное настоятелемъ ханской мечети Абибулою эфендіемъ, сыномъ извѣстнаго мудериса (профессора) Муслумъ эфенди.

2-го октября въ Ливадію вечеромъ прибылъ Лидерсъ. Генераль этотъ въ то время считался лучшимъ въ нашей арміи, хотя и ничего не сдѣлалъ для Россіи со времени Венгерской кампаніи. Надо полагать, что онъ вселялъ большое довѣріе со стороны начальства своею выдержкою и представительною наружностью.

Съдой, но круглый и бодрый, онъ выглядывалъ орломъ и вообще казался способнымъ стоять въ главѣ народа. Одно только ставилось ему въ упрекъ, что онъ легко увлекалъ красотою женщинъ и не щадилъ для достиженія цѣли ни денежныхъ средствъ, ни другихъ личныхъ достоинствъ, мужчины съ твердымъ и положительнымъ характеромъ.

Генераль Лидерсъ, умывшись и переодевшись, немедленно поѣхалъ въ Ливадію, откуда возвратился около 11 часовъ ночи. На другой день онъ опять поѣхалъ туда, гдѣ и оставался до поздняго вечера.

Въ этотъ день Государю Императору представлялось магометанское духовенство въ главѣ уѣздныхъ кадіевъ и муфтія, Сеитъ Джемилъ эфендія, наслѣдовавшаго отъ отца своего этотъ высокій санъ. Его Величество поручилъ этимъ представителямъ религіи внимательно относиться къ обязанностямъ своимъ и употреблять все мѣры, чтобы народъ не воспламенялся враждебнымъ духомъ фанатизма.

— Вы должны—прибавилъ Государь—заботиться о нихъ, какъ велитъ вашъ законъ, а не наставлять къ ненависти, вызывающей ненависть. Надѣюсь, что до слуха моего отнынѣ не дойдетъ ничего подобнаго, совершившагося въ прошломъ. Ясно, что Императоръ намекнулъ на тѣ выходки крымскихъ татаръ, которыя подмѣнены были нами во время Крымской кампаніи въ мѣстностяхъ, занятыхъ турками и англо-французами, и на эмиграцію ихъ 1859 года, возбужденную или по крайней мѣрѣ поддержанную духовенствомъ.

5-го октября извѣстили, что сегодня прибудетъ на военномъ паровомъ корветѣ прямо изъ Константинополя турецкій посоль.

Было около 11 часовъ дня 5 октября, когда показался изъ-за Орсандскаго мыса большой паровой корветъ подъ турецкимъ флагомъ. Какъ только онъ поравнялся съ Ливадіею, одинъ изъ пароходовъ нашихъ салютовалъ ему установленнымъ числомъ выстрѣловъ. Корветъ отвѣчалъ 12 выстрѣлами по турецкому положенію, но отъ него потребовали еще 9 и онъ продолжалъ стрѣлять. По окончаніи этой церемоніи къ корвету подъѣхала парадная лодка, на которой сидѣли въ мундирахъ чиновники Коцебу, Отмарштейнъ и Черняевъ.

На городской пристани находились губернаторъ, уѣздный исправникъ и офицеръ лейбъ-гвардіи татарскаго эскадрона Булгаковъ, командированный изъ Ливадіи въ качествѣ переводчика.

Тѣмъ временемъ подъѣхалъ катеръ съ важнымъ гостемъ, которому услужливые чиновники помогли переступить на пристань и очутиться въ рукахъ выжидавшихъ лицъ. Велѣдъ за нимъ выскочило восемь офицеровъ въ красныхъ фескахъ, между которыми у двухъ красовался на шеѣ нашъ орденъ Св. Анны. Въ заключеніе выкарабкались два громадныхъ турка въ красныхъ пакидкахъ съ длинными кривыми саблями въ чудовищныхъ чалмахъ. Послѣдніе, надо полагать, состояли чѣмъ-то въ родѣ тѣлохранителей или оруженосцевъ при нашѣ, который также былъ большого

роста и вдобавокъ рыжій. что рѣдко встрѣчается между турками, обыкновенно средняго роста и черноволосымъ.

Внимательные и крайне любезные Отмарштейнъ и Черняевъ, несмотря на то, что не знали ни одного иностраннаго языка, при содѣйствіи Булгакова, усадили гостей въ экипажъ и провезли до вновь открытой гостиницы Галахова.

Въ то время какъ происходилъ пріѣздъ посла, въ Ливадіи праздновался день рожденія великой княжны Маріи Александровны, гдѣ въ числѣ прочихъ развлеченій Мустафа устроилъ татарскій балетъ на площадкѣ передъ подъѣздомъ дворца, въ которомъ участвовало 28 самыхъ красивыхъ и роскошно одѣтыхъ татарскихъ дѣвушекъ изъ окрестныхъ деревень, конечно подъ національный оркестръ.

6 октября Османъ Ферикъ-паша въ сопровожденіи всей свиты своей и оруженосцевъ (верхами) отправились въ Ливадію въ царскихъ экипажахъ и были немедленно введены въ пріемный залъ, гдѣ воссѣдалъ Государь Императоръ. При входѣ онъ былъ встрѣченъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шуваловымъ, который, приблизившись къ Императору, послѣ поклона, громко доложилъ о прибытіи такогото посланника отъ его величества султана.

Послѣ чего Османъ-паша, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, приложивъ руку ко лбу заявилъ, что посланъ своимъ повелителемъ привѣтствовать Его Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ въ Крымъ и вручить собственно-ручное письмо. При этомъ паша дважды поклонился и подалъ тщательно сбереженный конвертъ.

Его Императорское Величество, прочитавъ посланіе, съ свойственною ему благосклонною улыбкою выразилъ удовольствіе за дружественное отношеніе къ нему его султанскаго величества и, удостоивъ каждаго изъ представленныхъ ему офицеровъ разговоромъ, просилъ ихъ всѣхъ остаться въ Ливадіи на завтракъ и обѣдъ.

Турки, которые привыкли считать русскихъ Императоровъ крайне надменными, просто не вѣрили ни своимъ глазамъ, ни своимъ ушамъ. Императоръ очаровалъ ихъ однимъ взглядомъ и дикціею своего сладкозвучнаго голоса.

Одинъ изъ числа состоявшихъ въ свитѣ посла рассказывалъ про этотъ пріемъ.

— Такого падишаха я никогда не предполагалъ встрѣтить въ Россіи. Это въ полномъ смыслѣ падишахъ и по

росту, и по красотѣ, и по уму, и по добротѣ. Сколько мнѣ извѣстно, съ такими совершенствами не бывало еще Царей на земномъ шарѣ ни въ одномъ государствѣ.

Турки, какъ извѣстно, не особенно щедры на похвалы. На другой день узнали, что Османъ-паша пожалованъ орденомъ Св. Анны 1 степени съ брилліантовою звѣздою, а всѣ состоящіе при немъ въ свитѣ знаками, соответствующими ихъ чинамъ, и что Государь Императоръ своеручно написалъ отвѣтное письмо султану, которое и вручено было Ферикъ-пашѣ.

Очарованный своей наградой, Османъ-паша счелъ за долгъ обратиться къ генераль-губернатору Коцебу съ просьбою дать ему списокъ именъ и фамилій тѣхъ чиновниковъ, которые чѣмъ-либо служили ему, чтобы ходатайствовать въ свою очередь предъ султаномъ о награжденіи ихъ также орденами.

Ровно въ полдень турецкій корветъ развелъ паръ. Спимаясь съ якоря: онъ поднялъ русскій военный флагъ и сдѣлалъ установленное число выстрѣловъ изъ орудій. Ему отвѣчала тѣмъ же, подъ турецкимъ флагомъ, наша Императорская яхта. Поровнявшись съ Дивадією, „Эндерне“ расцвѣтилось и вновь начало салютовать. Въ свою очередь отвѣтили ему тою же учтивостью.

8-го октября въ 7 часовъ вечера Его Величество съ небольшою свитою выѣхалъ на пароходѣ „Тигръ“ въ Керчь для личнаго осмотра Павловской батареи, сооружаемой на проливѣ съ цѣлью господства нашего на всецѣло принадлежавшемъ Россіи Азовскомъ морѣ. Изъ Керчи Его Величество возвратился въ 5 часовъ утра на третій день. По слухамъ онъ остался очень доволенъ и поѣздкою, и всѣмъ, что осматривалъ.

11-го октября Его Величество соблаговолилъ принимать депутацію отъ кавказскихъ областей и губерній.

13-го отъ Донскаго казачьяго войска, отъ караномовъ Таврической губерніи и отъ гражданъ г. Евпаторіи; а 15-го числа отъ жителей г. Феодосіи.

Послѣ приема послѣдней депутаціи Государь Императоръ пожелалъ поохотиться въ сосѣднихъ лѣсахъ, вслѣдствіе чего придворная канцелярія начала переписку съ подлежащими мѣстными властями объ избраніи руководителя, загощицковъ, исправленіи лѣсныхъ тропинокъ и т. п. Единственнымъ способнымъ и опытнымъ для этого дѣла былъ Аметъ, но въ это время всѣ мелкія власти до того зави-

довали этому честному и рѣзко справедливому человѣку, что положили воспользоваться его указаніями и совѣтами, а самого отстранить отъ участія въ охотѣ. Всего больше этого добивался лѣсничій, какъ хозяинъ казенныхъ лѣсовъ, мечтавшій конечно получить первый офицерскій чинъ, который не давался ему по происхожденію. Лишь только узнавъ Аметъ объ этомъ комплотѣ враждебныхъ ему лицъ, онъ рѣшился такъ мастерски повести дѣло, чтобы заставить ихъ самихъ сконфузиться.

— Государь Императоръ желаетъ поохотиться—сказаль одинъ изъ начальниковъ, потребовавъ Амета. Скажи мнѣ, гдѣ вѣрнѣе рассчитывать на успѣхъ?

— По мнѣнію моему лучшее мѣсто для царской охоты окрестности Мисхорскаго богаза.

— Глупецъ, развѣ ты не знаешь, что по тѣмъ тропинкамъ легко оборваться въ пропасть?

— Я прожилъ на южномъ берегу почти 60 лѣтъ и никогда не слышалъ, что кто-нибудь оборвался въ этой мѣстности.

— Мы рѣшили провести Государя въ Масандрскій казенный лѣсъ.

— Это ваше дѣло, но я заявляю, что тамъ не осталось дичи. Ее разогнали казенные полѣсовщики.

— Ты лжешь—вскрикнулъ лѣсничій—тамъ часто видятъ дикихъ козъ, кунницъ и лисицъ.

— Въ такомъ случаѣ ведите сами Государя, а я отказываюсь. Сказавъ это, Аметъ повернулся и ушелъ.

Заговорщики долго судили и рядили, но въ концѣ концовъ опять потребовали Амета, но когда онъ стоически началъ выяснять условія, они не дали ему договорить и почти выгнали.

На другой день Аметъ былъ въ Ливадіи, и ему какъ-то случайно сказали, что Государь предполагаетъ завтра выѣхать на охоту. Это подало ему поводъ высказать, что это дѣло поручено такимъ людямъ, которые не знаютъ ни здѣшнихъ лѣсовъ, ни мѣстъ удобныхъ для охоты и что они будутъ судить и рядить дѣлюю недѣлюю, и все окончится только напраснымъ трудомъ для Государя.

— А ты какъ поступилъ бы?

— Я предложилъ бы Императору поѣхать по направлению къ Мисхорскому богазу, гдѣ дичь никѣмъ не преслѣдуется и привыкла къ людямъ. Я говорилъ уже объ

этомъ, но мнѣ отвѣчали, что въ этой мѣстности опасны тропинки.

— А развѣ нельзя ихъ сдѣлать безопасными?

— Онѣ не опасны ни для кого, но ихъ можно исправить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кажутся такими для непривычнаго глаза. Разказъ Амета переданъ былъ кому приказано было устроить охоту, и въ тотъ же день Аметъ получилъ въ распоряженіе свое 150 нижнихъ чиновъ съ лопатами и кирками для исправленія дорогъ въ мѣстности, которую онъ находить удобною для охоты.

Всякій другой татаринъ, плохо объясняющійся по-русски, изъ боязни сдѣлаться ненавистнымъ своему мѣстному начальству, уклонился бы отъ этого дѣла, но Аметъ, который не утратилъ бы никакой пытки ради услуги монарху, оказавшему ему столько милостиваго вниманія, смѣло принялъ на себя всю отвѣтственность и безотлагательно приступилъ къ работамъ.

Когда была приготовлена тропинка и наняты были опытные загонщики, Аметъ, освѣдомившись, сколько лицъ будетъ участвовать на охотѣ, позаботился каждому изъ нихъ заблаговременно опредѣлить мѣсто и держать это въ тайнѣ до послѣдней минуты. Естественно, что для Государя избрано было такое мѣсто, куда по необходимости больше должна направляться тронутая дичь. Подготовивъ все, Аметъ заявилъ въ Ливадіи, что завтра съ разсвѣтомъ вышлетъ загонщиковъ и пріѣдетъ за Государемъ. То же самое передано было для свѣдѣнія полиціи и лѣсничаго. На слѣдующій день Его Величество, въ сопровожденіи великихъ князей Константина и Михаила Николаевичей и нѣкоторыхъ изъ чиновъ свиты выѣхали верхами по указанному лѣсничимъ направленію. Амету очень не понравилась эта роль кондуктора, но онъ безсловесно удалился въ аріергардъ и рѣшился оставаться пассивнымъ зрителемъ распоряженій Фрома. Достигнувъ до того мѣста, гдѣ приходилось спѣшиться охотникамъ и занять мѣста, Фромъ обратился къ Амету сказать ему, гдѣ поставить Государя.

— Это не ваше дѣло—отвѣчать равнодушно татаринъ—я самъ покажу вамъ мѣста.

Но лѣсничему непременно самому хотѣлось прислужиться, и онъ рѣшился дѣйствовать по личному соображенію на авось. Пригласивъ Государя проѣхать немного выше, онъ навѣрно поставилъ бы монарха въ безвыходное положеніе надъ пропастью, гдѣ нельзя было повернуть безъ опасности

лошади. Къ счастью Аметъ во время подоспѣлъ и, взявъ подъ удила царскую лошадь, пригласилъ Императора занять приготовленное ему мѣсто.

Будь Аметъ мстительнымъ, ему достаточно было бы сказать громко, что лѣсничій своимъ незнапіемъ чуть не довелъ Государя до большой опасности и могъ бы подтвердить это *de facto*, но онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ Его Величество занять мѣсто за довольно большимъ камнемъ, потомъ указалъ пунктъ впереди великому князю Константину, а ниже великому князю Михаилу Николаевичу. Остальные охотники расположены были по линіи ниже. Покончивъ съ этимъ, онъ вскочилъ на коня и понесся на возвышенность, откуда, согласно уговора съ загонщиками, долженъ былъ подать имъ сигналъ начать гонъ. Съ этого мѣста Аметъ видѣлъ Государя и великаго князя Константина. Поднявъ на длинномъ шестѣ полотенецъ, онъ началъ съ біеніемъ сердца всматриваться и прислушиваться.

— Только въ эту минуту я почувствовалъ ту отвѣтственность, какую принялъ на себя предъ падишахомъ. У меня дрожали руки и ноги, какъ у осужденнаго на казнь. Но вотъ послышались вдали крики и удары въ древесные стволы загонщиковъ, и глаза мои невольно поднялись къ небу. О, Яраби, вырвалось у меня изъ устъ—не посрами мои волосы и бороду! Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Я глянулъ внизъ и увидѣлъ, что дикая коза, испуганная в. к. Константиномъ, бросилась по направленію къ Императору. Государь замѣтилъ ее, приложился и вслѣдъ за дымкомъ и грохотомъ быстрое животное опрокинулось на бокъ. Отъ радости я чуть не спрыгнулъ съ камня, но не прошло и пяти минутъ, какъ Государь вторично выстрѣлилъ и наконецъ убилъ лисицу. Я не могъ уже оставаться на мѣстѣ и бѣгомъ побѣжалъ подъ гору. Не успѣлъ я перейти сотни шаговъ, какъ Императоръ сдѣлалъ третій выстрѣлъ и повидимому сильно ранилъ дикаго козла, который заковылялъ и, направившись къ обрыву, исчезъ.

— Я попалъ ему въ лопатку и ногу—вскричалъ Государь, замѣтивъ меня.

Замѣтивъ направленіе, куда направилась раненая дичь, я направился по сѣздамъ ея и нашелъ козла уже лежавшимъ. Зарѣзавъ его, я взбросилъ на шею и съ подскоками предсталъ предъ Государемъ, который сейчасъ же спросилъ въ какія мѣста попала картечь. Оказалось, что въ лопатку и ногу.

Такая удачная охота заставила всѣхъ съ удовольствіемъ посмотрѣть на Амета, котораго троекратно поблагодарилъ Государь, снимая фуражку.

Охота закончилась сытнымъ завтракомъ, за которымъ Его Величество своеручно угостилъ Амета водкою и закусками отъ своего стола.

На слѣдующій день Аметъ, прозванный царскимъ охотникомъ, награжденъ былъ вторыми золотыми часами; такою же подаркомъ данъ былъ татарину, котораго онъ назвалъ помощникомъ своимъ, а всѣмъ загонщикамъ заплачено было деньгами.

Съ 11-го по 17-е октября въ Ялтѣ и окрестностяхъ ей ни разу не видѣли Государыню Императрицу, вслѣдствіе частыхъ дождей, смѣняемыхъ сильными восточными вѣтрами. Въ этотъ промежутокъ времени бывали часы, когда вершины горъ покрывались тонкимъ слоемъ снѣга, который конечно исчезалъ при очисткѣ неба. Послѣ 17-го числа опять возвратились теплые дни, и члены августѣйшей фамиліи ежедневно начали совершать прогулки, то въ экипажахъ, то обширными веселыми кавалькадами. Мѣстные жители ликовали, и не было почти парохода, на которомъ не являлось нѣсколько пріѣзжихъ съ единственною цѣлю увидѣть обожаемаго Императора и его семейство. Большинство этихъ пріѣзжихъ по недостатку въ Ялтѣ квартиръ помѣщались въ Ауткѣ, что очень не нравилось старикамъ и старухамъ,

— Напрасно вы ихъ принимаете къ себѣ—говорили они дѣтямъ своимъ—тѣ, которые убѣгаютъ изъ своей земли, не должны быть люди хорошіе; они развратятъ вашихъ женъ и сыновей, принесутъ вамъ невѣдомыя намъ болѣзни и въ заключеніе выгонятъ васъ изъ прародительскихъ хатъ и будутъ господствовать надъ вами; теперь вы не имѣете почти надобности въ деньгахъ, все у васъ свое, но настаетъ время, когда они научатъ васъ одѣваться по-своему и заставятъ платить деньги даже за лѣсной перегной.

Племянникъ охотника Амета, молодой, скромный татаринъ Мустафа вздумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая поражала своею наружностію всѣхъ, кому приходилось ее видѣть. Аметъ просилъ Государя осчастливить посѣщеніемъ эту свадьбу, что Государь и исполнилъ.

Свадьба Мустафы совершилась въ Дерекѣ въ новомъ зданіи, которое еще не было достроено.

Къ этому зданію подъѣхалъ Государь, сошелъ съ коня и

съ веселою улыбкою потребоваль у Амета провести его въ комнаты.

— Пожалуйте, ваше императорство—отвѣчалъ Аметъ, шагая по лѣстницѣ и подавая Государю руку для перехода по балкамъ.

Государь вошелъ въ комнату и расположился на твердомъ стулѣ предъ столомъ съ простою закускою. Около Его Величества на стульяхъ и тюфякахъ размѣстились остальные гости.

— Гдѣ же невѣста и женихъ? спросилъ Государь.

— Невѣста еще не пріѣхала—отвѣчалъ Аметъ, наливая рюмку водки и поднося Его Величеству.

Государь Императоръ взглянулъ съ улыбкою на распорядителя, но чтобы не оскорбить его, проглотилъ водку и взялъ кусочекъ татарскаго сыру, послѣ чего выпилъ рюмку вина, которое нашель недурнымъ. Всѣ остальные гости по неволѣ должны были послѣдовать примѣру Государя.

Тѣмъ временемъ заиграла музыка на дворѣ, и молодежь отъ нечего дѣлать начала бороться. Аметъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя посмотрѣть на это зрѣлище, послалъ въ то же время нарочнаго ускорить выѣздъ изъ родительскаго дома невѣсты. Татарскій образъ борьбы, основанный на внезапныхъ обманахъ и подставкахъ ноги, ужасно смѣшилъ добраго Монарха и окружавшую его свиту.

Естественно, что въ это время всѣ ближайшіе дома съ плоскими кровлями покрылись массами татарокъ въ нарядныхъ костюмахъ по случаю свадьбы, что представляло интересную картину. Аметъ воспользовался этимъ и предложилъ дѣвушкамъ устроить танцы подъ пѣсни и музыку. Татарки сейчасъ же образовали круги и громкими головами затагнули свой классическій напѣвъ „варилычъ“. Цыганскій хоръ музыкантовъ началъ имъ вторить. Все это дѣлалось у подножья того балкона, на которомъ находился Императоръ съ блестящею свитою. Эта новая, болѣе пріятная для глазъ картина, въ котловинѣ гигантскихъ горъ, съ отклонами, густо заросшими сначала хвойными лѣсами, а потомъ фруктовыми деревьями, между моремъ и берегомъ извилистой рѣки, въ группѣ сѣрыхъ кровлей, на которыхъ сушились на зиму всѣ почти произведенія туземцевъ, между минаретомъ и въ тѣни гигантскихъ грецкихъ ореховъ,—до того была разнообразна и прелестна, въ особенности при чуждой намъ пѣснѣ сотни голосовъ, соединявшихся съ звонкими свирѣлями и гигантскими барабанами.

Тѣмъ временемъ привезена была невѣста и введена была по обыкновенію за занавѣсъ. Когда доложилъ объ этомъ Аметъ, Его Величество спросилъ:

— А могу ли я видѣть ее?

— Вашему Императорству, какъ нашему отцу, все дозволяется, но другимъ мужчинамъ нашъ законъ воспрещаетъ.

— Въ такомъ случаѣ веди меня одного—и Государь послѣдовалъ за распорядителемъ.

Вошедъ въ небольшую комнату, гдѣ сидѣли охранительницы и свахи, поспѣшившія подѣловать фалды царскаго сюртука, Императоръ приблизился къ невѣстѣ, которая бойко и кокетливо отбросила покрывало, и предстала предъ великимъ Монархомъ въ полной красотѣ и граціи рѣдкихъ красавиць. Несмотря на свои юныя лѣта и затворническій образъ жизни, она смѣло и почтительно приложилась къ рукѣ Государя и все время не спускала съ него своихъ очаровательныхъ глазъ.

— У племянника твоего недурной вкусъ—сказалъ Императоръ, съ улыбкою обращаясь къ Амету—онъ, кажется, выбралъ самую красивую изъ здѣшнихъ дѣвушекъ. Потомъ онъ добавилъ: Я прикажу прислать ей подарокъ на память, а когда у нея родится наслѣдникъ, скажи, чтобы она извѣстила меня. Прощай, будь счастлива!

Затѣмъ Его Величество со всѣми придворными чинами зашли взглянуть на жениха, обязаннаго стоять неподвижно въ углу до соединенія съ невѣстою. Мустафа также поцѣловалъ руку Императору. По выходѣ отъ жениха Государь пожелалъ видѣть обрядъ бракосочетанія, который и совершился безотлагательно въ лицѣ довѣренныхъ.

Послѣ всего этого Его Величество простился съ хозяиномъ и почетными стариками и, сѣвъ на поданнаго казакъ коня, приказалъ провезти его прямою дорогою по направленію къ Масандрѣ.

Государь пробылъ у Амета безъ двухъ минутъ 2½ часа.

На слѣдующій день новобрачные получили каждый по прекрасной брилліантовой булавкѣ и на первоначальное обзаведеніе 200 рублей.

Государь Императоръ никогда и впоследствии не забывалъ Мустафу съ женою и при всякомъ пріѣздѣ въ Ливадію, когда они являлись съ привѣтствіями, приказывалъ одарять ихъ деньгами или драгоценными украшеніями и выражалъ сожалѣніе, когда лѣтъ черезъ 5 ему доложили,

что Мустафа умеръ, оставивъ нѣсколько сиротъ, а жена его вышла по необходимости замужъ и переѣхала за горы.

20 октября въ большой дворцовой залѣ въ присутствіи Императора и всѣхъ членовъ Августѣйшей Фамиліи, сановниковъ и свиты отслужена была панихида объ упокоеніи души блаженной памяти Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Въ тотъ же день приглашены были Императоромъ къ обѣденному столу всѣ офицеры стрѣлковаго батальона 13 дивизіи, состоящіе въ караулѣ въ Ливадіи. При чемъ Его Величество обратилъ личное вниманіе на то, что солдаты, продолжавшіе квартировать въ палаткахъ, легко могутъ простуживаться по ночамъ, повелѣлъ размѣстить ихъ въ имѣющихся въ Ливадіи постройкахъ и вообще позаботиться о нихъ, чтобы они не могли заболѣвать.

21 октября въ Ливадіи представлялась депутация отъ жителей г. Нахичевани, которая, какъ и всѣ предыдущія, была принята благосклонно.

22 октября въ 5 часовъ пополудни выѣхалъ изъ Ялты на Императорской яхтѣ намѣстникъ Кавказа Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ супругою.

23 октября церковные колокола ближайшихъ храмовъ ударили въ набатъ; были замѣчены страшные клубы черного дыма, подымавшася въ различныхъ мѣстахъ изъ маандрскаго лѣса, идущаго непрерывными группами растительности до Ялты. Полиція безотлагательно вызвала изъ ближайшихъ деревень всѣхъ способныхъ работать киркою, топоромъ и лопаткою и направила ихъ въ помощь лѣсной стражѣ. Государь Императоръ лично пріѣхалъ въ Ялту узнать, какія приняты мѣры, а такъ какъ генераль-губернаторъ Коцебу былъ въ отсутствіи, то онъ обратился къ губернатору Жуковскому, который глупымъ отвѣтомъ своимъ высказалъ предъ Его Величествомъ полнѣйшее невѣжество свое.

— Надо во что бы ни стало остановить огонь—сказалъ Государь.

— Къ несчастію, Ваше Величество, мы не имѣемъ по близости огня проточной воды.

При этомъ отвѣтъ у Государя расширились глаза.

— На что тебѣ проточная вода? рѣзко онъ спросилъ. Жуковскаго покоробилъ недовольный тонъ голоса Монарха.

— Видно, ты не знаешь, какъ тушатся лѣсные пожары!...

Въ эту минуту явился предъ Государемъ Коцебу, дожившій, что онъ сейчасъ выступаетъ съ двумя ротами

солдаты на мѣсто событія и лично приметъ на себя наблюденіе за ходомъ правильныхъ работъ.

— Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать твоего успѣха—сказалъ Императоръ, и экипажъ его повернулъ обратно въ Ливадію. При содѣйствіи солдатъ, дѣйствующихъ по примѣру опытныхъ туземцевъ, огонь не допущенъ быть дальше воспламененной площади и благодаря безвѣтрію потухъ.

Предпослѣдніе дни своей резиденціи въ Ливадіи Его Величество въ этомъ году ознаменовалъ множествомъ милостей. Генералъ Коцебу, зная на опытъ, что тотъ только начальникъ дѣлается популярнымъ, который поощряетъ представленіями къ наградамъ своихъ подчиненныхъ и всѣхъ имѣющихъ вліяніе въ извѣстномъ слоѣ общества, не только самъ ходатайствовалъ за нихъ, но даже не противорѣчилъ подобнаго рода докладамъ своего правителя канцеляріи. Но личной же волею Его Величество приказалъ выдать генералу Коцебу три тысячи рублей для раздачи бѣдѣвшимъ жителямъ Таврической губерніи и независимо этого тысячу рублей для бѣдняковъ г. Севастополя. Что касается Государыни Императрицы, то ей благоугодно было пожертвовать 600 руб. на окончательное устройство севастопольско-инкерманской киновіи и тысячу рублей въ фондъ монастыря на вѣчное поминовеніе павшихъ воиновъ въ этой исторической долинѣ во время Крымской кампаніи.

24 октября стало извѣстно, что завтра отъѣзжаетъ изъ Ливадіи Государь Императоръ сухимъ путемъ на Симферополь.

Около 11-ти часовъ, раздался колокольный звонъ, возвѣщающій, что Его Величество показался на спускѣ съ Ливадскаго шоссе, которое давно уже покрыто было группами народа. Государь вѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ августѣйшимъ семействомъ, пожелавшимъ проводить его до Масандры къ князю Воронцову. У городского моста Его Величество, остановивъ коляску, милостиво простился съ конвоемъ и всѣми лицами, сопровождавшими его верхами. Многие изъ числа присутствующихъ невольно прослезившись. Несмотря на то, что конвою приказано было возвратиться, татары, во главѣ Мустафы, Амета и другихъ представителей мѣстной волости, поскакали за Ихъ Величествами и присутствовали до тѣхъ поръ, пока милостивый Монархъ простился съ семействомъ и, пересѣвъ въ дорожный экипажъ, не скрылся съ вида.

Царица не выѣхала одновременно съ Императоромъ только потому, что не пожелала поставить въ затрудненіе почтовые тракты, какъ извѣстно, не имѣвшіе въ то время излишняго числа лошадей. Вслѣдствіе чего отѣздъ ея назначенъ былъ на 27-е число. Въ этотъ день, когда Императрица сѣла въ экипажъ, запряженный 7-ю лошадьми, съ юго-востока солнце сіяло и грѣло, точно какъ въ маѣ, къ сѣверо-западу горныя вершины покрыты были бѣлымъ саваномъ снѣговъ, дальше въ черныхъ облакахъ сверкала по временамъ молнія и грохоталъ громъ, а полосою отъ Аутки до Айвасиля сыпался косвенными линіями крупный дождь съ большими блестящими градинами.

Государыню Императрицу сопровождало нѣсколько дорожныхъ экипажей съ фрейлинами, статсъ-дамами и другими придворными чинами, впереди которыхъ ѣхалъ исправникъ, а въ аріергардѣ конвойные казаки и татары. Съ послѣдними Ея Величество милостиво простилась также у городского моста и помчалась дальше, посылая направо и налево благосклонные поклоны низко кланявшимся группамъ народа, призывающаго на нее милости Предвѣчнаго Царя.

Сообщ. В. Мелеха.





Рапортъ Прозоровскаго—Румянцеву.

Его Сіятельству

Господину Генераль-фельдмаршалу Главкомандующему кавалеріею Украинскою дивизіею, сенатору Малороссіи и Слободской губерніи Государеву Намѣстнику, президенту Малороссійской коллегіи, кирасирскаго полку военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія полковнику и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру Александровичу Румянцеву Задунайскому

РАПОРТЪ.

По отправленіи къ Вашему Сіятельству съ майоромъ Шереневымъ моего донесенія взялъ я маршъ свой съ войсками къ Карась-Базару и 7-го числа приближаясь къ Малой Карасевки увидѣлъ стоящія по оной толпы въ трехъ или четырехъ тысячахъ, которые по примечанію намѣревали было въ переправѣ чрезъ сіе речку мнѣ мѣшати, однакожь какъ скоро баталіонъ гранодерской подошелъ ко оной то отиѣсколька пушечныхъ выстреловъ тотчасъ они бѣжали на горы къ Большому Карасу.

8-го числа здѣлалась превеликая вьюга такъ что и видѣть ничего было нельзя, и снѣгу чрезвычайно много по здѣшнему мѣсту выпало вершка на два, почему и принужденъ былъ я день тамъ простоять, а 9-го числа какъ погода переменилась пошолъ къ Карась Базару, которой городъ найденъ пустъ кромѣ христіанъ и малаго числа магаметанъ а прочіе съ женами, дѣтьми и имѣніемъ вы-

брались въ горы. Такъ же нашелъ я тутъ еще остатокъ магазейна отъ разграбленнаго татарами, которой и поручилъ войскамъ перепекать въ хлебы и пересушивать въ сухари. Между тѣмъ прѣхали ко мнѣ четыре человѣка отъ бѣжавшихъ въ горы карасевскихъ жителей прося себѣ помилованія и позволенія входить въ ихъ дома, на что я и согласился; но на другой день прѣехали два человѣка отнихъ со объявленіемъ мнѣ что услыша о семъ начальствующей въ бунтующихъ толнахъ Сентъ-Велид'-Жагъ ага отправилъ туда до 600 человѣкъ войска своего, которое и пересекло имъ путь возвращаться въ дома для чего и отрядилъ я съ частью войскъ господина генераль-поручика и кавалера князя Трубецкого въ горы къ деревнѣ Софтаны гдѣ сіе скопище было, которой нашедъ ихъ сотъ до четырехъ прогналъ убивши только трехъ татаръ, а потомъ отправилъ отъ себя и отнаходящагося съ нимъ чиновника одного татарина къ деревни Монсубай, верстахъ въ пяти еще отъ него лежащей, гдѣ жители Карасевскіе съ арбами стоятъ, спросить о ихъ намѣреніи; которые отвѣчали что онибы съ превеликою радостію возвратились въ городъ, но удерживаетъ ихъ войско бунтовщиковъ въ 4000 ихъ окружившее, почему генераль-поручикъ князь Трубецкой и пошелъ сей день какъ свѣтъ разбить ихъ, и что произойдетъ рапорта къ вечеру ожидать имѣю.

Вчерашняго числа явились ко мнѣ также два татарина отъ повѣтовъ Старо крымскаго и Ширинскаго, которые толпой своей на речкѣ Малой Карасевкѣ стоятъ, объявляя равно желаніе расходиться по домамъ, и прося на то моего позволенія, на что я согласясь увѣрялъ ихъ совершеннымъ спокойствіемъ ежели они снимутъ зъ себя оружіе и покоряться законной власти своего хана и правительства. О Керченскомъ же уѣздѣ объявляли сіи присланные, якобы они съѣли уже съ лошадей и живутъ по домамъ. Тождь и въ Кефѣ все покойно. Но отъ господина графа де Бальмена за невозможностію переслать не имѣю я о семъ ни какого рапорта. При всѣмъ томъ, действительно не могу Ваше Сіятельство увѣрить я чтобы симъ и скоро кончился бунтъ, а что въпередъ происходить будетъ стараться стану доносить.

Что лежитъ до Бакчисарай то явившейся ко мнѣ сынъ Желалъ-бѣевъ Сентшагъ мурза который скрывался въ горахъ, также армяна и греки увѣряютъ что находящейся тамъ съ баталіономъ секулъ-майоръ Тунцелмавъ три раза

отъ татаръ сильно пѣхотою атакованъ былъ, однакожъ съ Божіей помощью ихъ разбилъ положе на мѣстѣ однихъ бахчисарайскихъ жителей по здѣланному ими реестру до 500-тъ человекъ кромѣ другихъ и раненыхъ; а подполковникъ де Тасин дравшись съ ними не сколько разъ въ Бишун и собравъ изъ горъ все команды присоединилъя напоследокъ кнему въ Бахчисарай-же, и хотя было въ дорогѣ татара и хотѣли ему попрепятствовать, токмо онъ ихъ разбилъ и пушки или фалконеты которые было изъ ханскаго дому и изъ Балаклавы они къ себѣ взяли отнял у нихъ. Нарадинъ Султанъ и визиръ Абдуль-вели-ага которые якобы на сильно взяты были въ войско, послѣ неудачныхъ сраженіевъ, первый отпущенъ въ свой домъ, а послѣдній и нынѣ еще при нихъ находясь какъ сказываютъ удерживасть будто совѣтами своими, что больше они уже не смѣютъ нападать на наше тамъ войско.

Въ Салгирскомъ ретраншаментѣ такъ же все благополучно и прибывшей туда изъ горъ съ егерями капитанъ Михелсонъ присоединенъ нынѣ ко мнѣ.

Нынѣ здѣсь выпалъ великой снѣгъ и продолжается жестокая стужа.

Подпись: Князь А. Прозоровскій.

17 ноября 1777 года.

Карась Базаръ.

NB. Подлинный документъ.

Сообщ. Федоровъ.



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО электро-механическихъ сооруженийъ

„ДЕКА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К⁰.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскаго Острова,
Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудованіе радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К⁰, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинѣ и керосинѣ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудованія воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

щіе. Отношенія къ плѣннымъ самыя дружелюбныя: давно извѣстно, что у нашего солдата нѣтъ никакой злобы къ вчерашнему врагу, и никакія гнусности нѣмцевъ по отношенію къ нашимъ плѣннымъ не вытраиваютъ въ немъ широты сердца. Плѣнныхъ привезли сюда, числомъ около тысячи человекъ, изъ-за Днѣстра. Долго они ѣхали по желѣзной дорогѣ, потомъ версты пятьдесятъ пѣшкомъ шли, въ общемъ больше двухъ недѣль, и это вначалѣ навело на австрійцевъ уныніе. Съ мѣстнымъ населеніемъ и солдатами отношенія тоже не налаживались: „лоскутная“ страна прислала сюда самый пестрый составъ своихъ сыновъ, — мадьяръ вмѣстѣ съ сербамн, поляковъ съ хорватами, чехами и словенцами. И эта разноязычная масса не могла сговориться съ нашими. Но вскорѣ человекъ шестьсотъ изъ нихъ развезли по разнымъ частямъ фронта, а здѣсь остались почти исключительно сербы, въ большинствѣ православные къ тому же, и тогда сразу воцарилась дружба. Живется бывшимъ врагамъ у насъ очень недурно: я интересовался этимъ какъ врачъ. Кормятъ ихъ сытно, почти наравнѣ съ солдатскимъ пайкомъ, работой не слишкомъ обременяютъ. Надзоръ за ними тоже легкій, — да и куда бѣжать? за тридевять земель въ Венгрію, въ хорватскія или словацкія области? Будь это даже возможно — навѣрное, сами не захотѣли бы. Пѣніе продолжается долго, заунывное и сдержанно-страстное. И вдругъ, по собственному почину, — раздается нашъ русскій гимнъ... Поютъ стройно, правильно, вмѣстѣ съ текстомъ, хотя и чуждо звучащимъ въ ихъ русскихъ устахъ. Русскій гимнъ въ исполненіи импровизированнаго хора военноплѣнныхъ австрійковъ — такія шутки исторія научилась шутить только за время нынѣшней войны!.. Можно ли себѣ представить обратную картину: группу русскихъ плѣнныхъ солдатъ гдѣ-нибудь въ Кюстрингѣ или Зассницѣ, которые бы пѣли хоромъ „Wacht am Rhein“. Достаточно поставить этотъ вопросъ: отвѣтъ ясенъ и выразителенъ“...

Одиннадцать интермедій XVIII вѣка. Изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности. („Памятники древней письменности и искусства. СЛХХХVII). II-гр. 1915.

Интермедіи эти впервые издаются по рукописи XVIII вѣка, хранящейся въ Имп. Публичной Библиотекѣ. Онѣ относятся къ начальному младенческому періоду русскаго театра и представляютъ собою отчасти переложеніе, отчасти просто переводъ западныхъ образцовъ *commedia del arte*, во всѣхъ неизмѣнно участвуетъ Арлекинъ (Херлукинъ). Русскіе нравы изображены лишь въ послѣдней, герои которой — попъ, монахъ и подъячій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ руб.** съ пересылкою. За границу **ДВѢ-**
НАЦАТЬ руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почто-
 ваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пере-
 сылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ под-
 писчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка,
 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,
 т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ
 за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ
 расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый
 сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
 рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи
 преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы
 къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государствен-
 ныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ
 и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и арти-
 стовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе
 рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе
 бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—
 VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призванныя неудобными
 для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ
 уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на
 свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“
 за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей;
 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по
 9 рублей, 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаиль Ивановичъ Семевскій,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакціею Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, В. Подъяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

НОЯБРЬ.

1916 годъ

СОДЕРЖАНІЕ

- | | |
|--|--|
| I. Къ портрету Я. Ю. Гольдмана. Ред. 163 | VII. Къ войнѣ 1701—1721 г. (Указъ Царя Петра Алексѣевича отъ 31 января 1701 г. вологодскому архіепископу Гаврѣилу). Сообщ. И. Суворовъ . . . 284—286 |
| II. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ. 164—170 | VIII. Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины. Е. К. Андреевскаго . 287—291 |
| III. Письмо П. А. Плетнева къ К. С. Веселовскому. Сообщилъ Э. П. Юргенсонъ 171—172 | IX. Письмо Н. Н. Раевского старшаго. Сообщ. М. Г. . . 292 |
| IV. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. 173—218 | X. Б. П. Шереметевъ на аудіенціи у папы Иннокентія XII. Сообщ. А. Селищевъ . . . 293—301 |
| V. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бутовскихъ) А. Д. Бутовскаго 219—275 | XI. Императорская фамилія въ Крыму. Сообщ. В. Мелега . . 302—310 |
| VI. Изъ золотого вѣна итальянской оперы въ Петербургѣ. Кальцолари. Сообщ. В. А. Бернадкій. 276—283 | |

Приложеніе: Портретъ Я. Ю. Гольдмана.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефоны 37-66.



XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1916 года.

Библиографическій листокъ.

Императорское Русское Историческое Общество. 1866—1916. Пг. 1916. Въ ознаменованіе истекшаго въ семь году полстолѣтія со дня учрежденія Имп. Русскаго Историческаго Общества, по мысли и подъ руководствомъ его предѣлателя Великаго Князя Николая Михайловича, издавъ историческій очеркъ, въ которомъ собраны данныя, касающіяся основанія, состава и собраній Общества, его научно-издательской дѣятельности и его участія въ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Общество всегда широко понимало и старательно преслѣдовало цѣль, опредѣленную въ первыхъ строкахъ его устава: „собрать, обрабатывать и издавать матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіяся“. Ощутительные плоды этихъ трудовъ—147 томовъ „Сборника Общества“, наполненные драгоценными матеріалами по исторіи царствованій Петра Великаго, Екатерины II, Александра I, Николая I (переписка и бумаги Екатерины II, матеріалы по исторіи Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, дипломатическая переписка иностранныхъ пословъ и посланниковъ при русскомъ Дворѣ, матеріалы для исторіи высшихъ государственныхъ учреждений Россіи въ XVIII вѣкѣ, матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными), „Русскій Біографическій Словарь“, на который одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ Общества А. А. Половцовъ затратилъ болѣе 150 тысячъ руб. (до сихъ поръ вышло 22 тома). Последнимъ фазисомъ дѣятельности Общества являются работы Особой Комиссіи по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, которая старается объ огражденіи отъ гибели разсѣянныхъ по всей Россіи документальныхъ слѣдовъ прошлаго, находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ губернскими учебными комиссіями и другими учрежденіями, объединяетъ ихъ дѣйствія, оказываетъ имъ денежную поддержку, составляетъ полный сборникъ законоположеній и циркуляровъ по архивному дѣлу и сводный проектъ общей инструкціи всѣмъ архивнымъ установленіямъ, и т. п.

В. А. Ашикъ. Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и въ память Императора Александра I. Пг. 1913. Трудолюбивый составитель „стремится единственно къ тому, чтобы дать возможность настоящему и будущему поколѣніямъ ознакомиться съ доблестью и мужествомъ нашихъ предковъ, подвиги которыхъ увѣковѣчены

На титульной страницѣ октябрьскаго номера „Русской Старины“ вкралась опечатка: напечатано: „Томъ сто шестьдесятъ седьмой“; слѣдуетъ: „Томъ сто шестьдесятъ восьмой“.



Л. Д. Ткаченко

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1917 годъ.

Вступая въ 1917 г. въ сорокъ восьмой годъ своего существованія, ред. журн. „**РУССКАЯ СТАРИНА**“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Конон.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. **М. М. Богословскаго.**—Дѣтство Петра Великаго. **В. М. Бочкарева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Егегнѣева.**—**Неизданныя статьи (1863—64) И. А. Гончарова.**—Московскія Вѣдомости (Каткова) и День (Аксакова).—**А. П. Нефлова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина. Разказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. — **Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова.** **Сообщено В. Я. Бахтіяровымъ.**—Изъ дневника М. Н. Галкина-Врасскаго. Замѣчательныя слова Императора Николая Павловича. Изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго. Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ (1868 г.). Взгляды на Остзейскій вопросъ: Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Цесаревича и Цесаревны, В. К. Елены Павловны, Пр. П. Г. Ольденбургскаго, В. К. Константина Николаевича, канцлера кн. Горчакова, гр. Б. А. Перовскаго и гр. П. А. Шувалова. **Е. А. Рагозиной.**—Дарданеллы и Египетъ при Измаиль-пангѣ. **А. Д. Бутовскаго.**—Первыя шаги на учебной службѣ. (Вр. Милютина, Исакова, Ванновскаго, Махотина). **Т. Т. Стефанова.**—Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Изъ жизни декабристовъ на Кавказѣ **А. А. Бестужева** (Марлинскаго) и **В. Толстого**. Кн. **С. П. Мансырева.**—Къ исторіи русской цензуры. **А. В. Лонгина.**—Обзоръ записокъ графа Матвѣева и вариантъ о стрѣлцкомъ полковникѣ Сухаревѣ. **В. А. Мустафина.**—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Балвеу. **А. М. Чижевскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Киевской духовной академіи. **М. В. Сильвергельма.**—Закондованное зало. **А. В. Полторацкаго.**—Петръ Великій и шведскіе послы 1692 г. **Н. А. Лашкова.**—Петровъ день въ Грузинѣ. **В. Сихарулидзе.**—Краткое увѣщаніе преосвященнаго къ народу своей епархіи о Пугачевѣ. **Л. И. Сазонова.**—Изъ-за волшебной веревочки. **Н. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка. **А. Вольноходова.**—Письма Драгомирова и его жены Радецкому. **М. Ф. Чулицкаго.**—Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбытіи отъ караула женокъ. **А. Е. Кауфмана.**—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника. **З. А. Слезинской.**—Дворянство 40-хъ годовъ и литература. **А. И. Корнова.**—Провѣздъ Варшавскаго архіепископа Никанора черезъ Мариамполь. **В. Грузинцева.**—Воспоминанія о Вел. Кн. Алексѣѣ Александровичѣ. — **А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.** Записки генерала М. А. Домонтовича. Воспоминанія ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др. **Штрайха** **Неизданныя письма Пирогова.**

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 11 руб. съ пересылкой, за границу 13 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ Фонтанка, д. № 18.

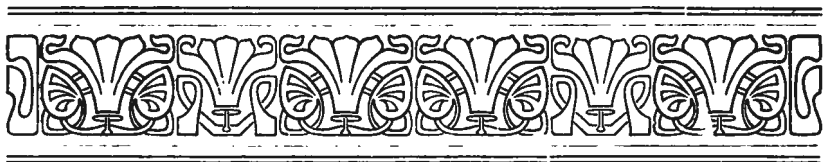


КЪ ПОРТРЕТУ ЯНА ЮРЬВИЧА ГОЛЬДМАНА.

Предлагаемъ вниманію нашихъ читателей портретъ извѣстнаго борца латышкаго народа, члена Государственной Думы Яна Юрьевича Гольдмана. Своимъ страстнымъ призывомъ къ борьбѣ противъ германцевъ, произнесеннымъ въ первомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы, онъ одухотворилъ латышей къ отчаянной борьбѣ съ дикимъ тевтономъ. Латышскій народъ сталъ какъ одинъ человекъ на борьбу и сдержалъ слово представителя своего народа Нынѣ латышскіе баталіоны и развѣдчики, вновь сформированные, по иниціативѣ Я. Ю. Гольдмана, сражаются противъ германцевъ, какъ самыя опытныя войска, и творятъ чудеса легендарной храбрости.

Ред.





За пятьдесятъ лѣтъ ¹⁾.

Воспомнанія артистки М. М. Глыбовой.

Г л а в а 10.

Прошло еще одно мгновеніе, и калитка отворилась. Къ намъ вышелъ заспанный корридорный. Онъ довольно грубо спросилъ, что намъ нужно.

— Номерокъ барышнѣ,—отвѣтилъ ломовой.

— Коли нуженъ номеръ, шли бы по парадной, — окрысился корридорный, видимо сердившійся за безпокойство его, это во-первыхъ, а во-вторыхъ оттого, что видѣлъ во мнѣ убогую жилицу.

— Нѣтъ ли подешевле, — говорилъ за меня ломовой. — Съ параднаго-то дорого.

— Дешевле, — крикнулъ корридорный. — А вотъ пожалуйте сюда, посмотрите.

Я соскочила съ повозки, и мы съ моимъ благодѣтелемъ-ломовникомъ отправились смотрѣть мое будущее помѣщеніе. Дворъ весь поросъ травой, по двору гуляли гуси, индѣйки и куры. Земля вся была въ какихъ-то выбоинахъ, и я нѣсколько разъ спотыкалась. Подошли мы къ хижинкѣ, въ два маленькихъ окошечка. Вся она была облупившаяся, и видѣлись глина и щепки. Корридорный отворилъ дверь, и мы все вошли. Сѣнцовъ не было, дверь выходила прямо во дворъ. Полъ былъ земляной, въ углу стояла чугунная печь, около нея старая деревянная кровать, — у другой стѣны помѣщался простой маленькій комодикъ, два стула и жестяной умывальникъ довершали убранство. Да, вино-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

вата, на стѣнѣ висѣла въ черной рамкѣ дама съ розаномъ въ рукахъ.

— Какъ цѣна?—осмѣлилась я спросить.

— Вамъ посуточно или помѣсячно.

— Помѣсячно.

— Шесть рублей.

Цѣна была подходящая, и я рѣшила остаться. Снесли мои вещи. Я заплатила ломовику, онъ поблагодарилъ и ушелъ. Мнѣ отчего-то стало жаль его, ужъ очень онъ заботился обо мнѣ.

— Деньги впередъ за мѣсяць, —объявилъ корридорный.

Я вынула и отдала деньги. Онъ что-то хотѣлъ спросить, но поклонился и ушелъ, даже не затворивъ дверь. Я пошла сама, чтобы запереть ее, но къ ужасу увидѣла, что никакого запора не было. Что было дѣлать? Я крѣпко захлопнула дверь и начала придвигать къ ней мебель. Сперва я придвинула комодъ, на него поставила стулья, не сообразивъ, что дверь отворяется въ наружу, но главное то, что въ тотъ моментъ я немного успокоилась. Развязавъ сундукъ, я достала бѣлье, постлала постель, положила подъ голову кошелекъ съ деньгами и рядомъ съ нимъ тупой столовый ножъ, для самозащиты. Затѣмъ помолилась Богу, раздѣлась и легла. Я почти всю ночь не спала. Засунувъ руку подъ подушку, я попеременно схватывала то кошелекъ, то рукоять ножа. Временами сонъ овладѣвалъ мною, но не надолго, и я снова тарашила глаза по направленію входной двери. Мнѣ все казалось, что кто-то шевелится около нея и тяжело дышитъ. Мнѣ было очень страшно, такъ страшно, какъ никогда. Я боялась пошевелиться, боялась своего собственнаго дыханія, а тутъ какъ на зло трещала кровать. Но когда ночью забѣгали по полу крысы, я не выдержала и сѣла, поджавъ ноги. Мнѣ представлялось, что вотъ, вотъ и онѣ полѣзутъ ко мнѣ на кровать. Такъ шло время, и наконецъ въ мои два окошечка забрезжилъ свѣтъ. Крысы куда-то пропали, и я вадохнула спокойнѣе. Нырнула подъ одѣяло и заснула, забывъ и о деньгахъ, и объ оружіи.

Солнце ярко свѣтило въ мою комнату, и лучи его ударили мнѣ въ глаза. Я невольно проснулась. Было, вѣроятно, очень поадно, но который былъ часъ, я не знала, ибо не имѣла часовъ. Вставъ, я умылась, одѣлась и начала отодвигать баррикады. Но, Боже, какъ я была удивлена и уничтожена, когда замѣтила, что дверь отворилась наружу

и что я всю ночь спала совершенно незащищенной отъ воровъ и разбойниковъ. Отворивъ дверь, я кого-то толкнула. Это была дворовая собака, и вотъ она-то и дышала и возилась у моей двери. О, какъ я была ей благодарна. Она вѣдь сторожила меня. Я пожелала выпить чаю, по никого не было. Кричать я не рискнула и рѣшила не пить его, а просто съѣсть кусокъ французской булки. Такъ и было. Затѣмъ я надѣла пальтишко, шляпенку, взяла въ руки зонтикъ и рѣшила идти въ театръ къ антрепренеру. Я сильно волновалась. Выйдя на дворъ, я остановилась у двери и не знала, какъ поступить. Хотя деньги были при мнѣ, но все-таки въ номерѣ оставался мой хламъ. Порѣшивъ, что собака побережетъ, я вышла на улицу. Посмотрѣвъ направо и налево и не зная, куда идти, я пошла наугадъ. Такъ вступила я въ самостоятельную жизнь...

Г л а в а 11.

Несмотря на то, что театръ находился очень близко, за угломъ отъ моей квартиры, я сдѣлала порядочный крюкъ. Когда я подходила къ театру, ноги мои подкашивались, и я замедлила шаги, дыханіе прерывалось. Но вотъ, поборовъ робость, я вошла въ театральнй подъездъ и очутилась на сценѣ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ. Въ моментъ моего вступленія на подмостки звалъ помощникъ режиссера кого-то дикимъ голосомъ. Актеръ, къ которому относился зовъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ спокойно и разговаривалъ съ актрисой. Послѣ многократныхъ требованій, онъ не торопясь пошелъ репетировать. Успокоившійся помощникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснила, и онъ указалъ мнѣ контору, въ которой въ данный моментъ находился антрепренеръ. Подойдя къ двери, я робко постучала ручкой зонта въ дверь.

— Войдите,—раздалось за нею.

Я вошла; за старымъ, маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ полный человекъ въ очкахъ.

— Вамъ чего? — спросилъ онъ меня, почти не отрывая глазъ отъ кинны афишъ, въ которыхъ онъ рылся.

— Это я, пріѣхала служить,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Вы? А кто вы?

— Дядя мой, устроилъ меня. Это я...

— А? Ну, здравствуйте, садитесь...

Я сѣла на кончикъ стула.

— Спектакли открываются черезъ пять дней. Вы будете танцевать въ дивертиссементѣ, а вотъ вамъ и роль.

Онъ подалъ мнѣ довольно увѣсистую тетрадь.

— Оставьте свой адресъ разсылному. О репетиціи извѣстятъ.—Онъ протянулъ руку. Аудіенція была окончена.

Когда я проходила, актъ окончился, и вся труппа стояла за кулисами. Всѣ въ упоръ смотрѣли на меня, и эти взгляды прямо-таки жгли меня. У меня раза два отъ волненія подвернулся каблукъ, и я чуть-чуть не клюнулась носомъ. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ и спросилъ:

— Вы у насъ въ услуженіи?

— Да,—отвѣчала я.

— Вашъ адресокъ?

Я сказала, онъ записалъ, и я вышла.

На улицѣ я первымъ долгомъ взглянула на роль; оказывается, мнѣ дали роль городничихи въ комедіи „Ревизоръ“. Прийдя домой и усѣвшись за чтеніе, закусывая такое хлѣбомъ и колбасой, я увидѣла, что я пожилая женщина и что у меня есть взрослая дочь. Меня это немного смутило, но... разъ дали, значитъ, такъ надо. Я стала зубрить и въ теченіе трехъ—четырехъ часовъ вызубрила отъ начала до конца. Затѣмъ подали самоваръ, я напилась чаю и, раздѣвшись, стала на земляномъ полу босикомъ, танцевать разные танцы, выученные мной раньше. Въ самый разгаръ моего балета раздался стукъ въ дверь, я наскоро накинула юбку, платокъ и сказала „войдите“. Появился театральннй разсылннй.

— Приказали спросить, что плясать будете? На афишу надо ставить.

Я сказала: „Чардашъ“.

— Какъ?—переспросилъ меня разсылннй.

Я повторила.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше запишите, а то забуду.

Онъ далъ мнѣ карандашъ, и я записала въ его книгѣ названіе танца. Настало время сна. Въ эту ночь я была догадливѣе, разсмотрѣвъ гвоздь вбитый въ стѣну, я его вытащила и вбила въ дверь. Затѣмъ задѣла веревку за ручку и замотала ее за гвоздь, и затворъ былъ устроенъ. Когда я уже совершенно улеглась, мнѣ захотѣлось еще разъ прочесть роль. Зажегши свѣчу, я стала перечитывать и заснула. Свѣча горѣла до утра. Ночью я уже не слышала ни крысъ, ни вздоховъ, ни возни за дверью. Подъ

подушкой, кромѣ кошелька и ножа, лежала еще роль. Я положила ее, чтобы лучше запомнить. Хотя, и повторяю, знала уже ее такъ, какъ знать лучше нельзя.

На другой день утромъ я получила извѣщеніе, что вечеромъ въ 7 час. репетиція, сперва Чардашу, а потомъ Ревизору, въ которомъ я должна играть классическую роль городничихи...

Г л а в а 12.

Когда я явилась на репетицію, мнѣ объявили, что Ревизоръ пойдетъ послѣ, а что на открытіе идетъ другая пьеса, какая,—я уже забыла. Въ ней мнѣ дали роль въ три четыре слова. Мнѣ это очень улыбалось. Я могла нѣсколько разъ появиться на сценѣ, могла попривыкнуть, освоиться съ подмостками. Очень быстро пришлось перезнакомиться съ труппой. Любезность ихъ была параллельна съ положеніемъ; чѣмъ актриса и актеръ были выше по занимаемому амплу, тѣмъ они были важнѣе и картиннѣе. Примадонна окинула меня критическимъ взглядомъ, наградила кивкомъ головы, но руку не подала. Герой любовникъ, въ широкомъ въ родѣ пейзажнаго воротникъ и съ чудовишно большимъ галстухомъ бантомъ, свисходительно потрясъ мнѣ руку, какъ трясуть маленькимъ дѣтямъ. Примадонна его окликнула, и онъ мгновенно былъ около нея. Началась репетиція. Я не знала, куда стать, какъ повернуться. Мнѣ указывали, и я очень быстро понимала свое положеніе. Товарищи смотрѣли на меня, какъ на новичка, товарки немного ухмылялись. Репетиція мелодрамы окончилась, и настало время Чардаша. Старикъ-скрипачъ сѣлъ у лампы, горѣвшей на суфлерскомъ столѣ, положилъ ноты и ждалъ. Вся труппа цѣликомъ направилась въ зрительный залъ. Я сильно волновалась, но присутствіе коллегъ меня мало стѣсняло. Я горѣла желаніемъ не ударить въ грязь лицомъ. Въ первомъ ряду рядомъ съ примадонной и героемъ сѣлъ антрепренеръ, надѣлъ очки, сложилъ руки на животъ, поднялъ голову, вытянулъ голову и ждалъ. Я отошла въ глубь сцены и стала въ ногу. Раздался ритурнель, а вотъ и мое выступленіе. Танецъ начался. Я уже никого не видѣла и отдалась вся своему дѣлу; когда я кончила, раздались аплодисменты, и я замѣтила уже тогда, что всѣ присутствующіе продвинулись изъ заднихъ рядовъ и

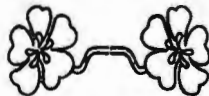
сидѣли въ двухъ первыхъ. Антрепренеръ сталъ любезный, примадонна еще сдержаннѣй. Словомъ, впечатлѣніе было вполне благопріятно. Довольная я пошла домой и сѣла писать впечатлѣнія мамѣ, да и о дочери соскучилась. Прошло нѣсколько дней, насталъ мой дебютъ. Я одѣвалась въ общей уборной. Роль исполнила толково, сказала все во-время, повернулась и ушла какъ надо. Но вотъ насталъ моментъ дивертиссента. Мой номеръ былъ послѣднимъ. До меня читалъ герой, что-то длинное и очень драматическое. Онъ сильно ерошилъ волосы и лихо вскидывалъ головой, очень часто и ненужно. Затѣмъ примадонна, лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ платье бѣ-бѣ и съ куклой въ рукахъ, читала наивное стихотвореніе, старалась щебетать, опускала глазки, ходила маленькими нечеловѣческими шажками и безалаберно смѣялась давно надтреснувшимъ голосомъ. Затѣмъ появился клоунъ. Онъ былъ круглъ, малъ и имѣлъ очень симпатичное, хотя и алкогольное лицо. Пѣлись куплеты и пѣлись, сколько я могла судить, очень хорошо. Онъ биссировалъ много разъ. Выходилъ онъ просто и кланялся тоже очень просто. Настало мое время. Я была одѣта въ венгерскій, довольно поношенный костюмъ, меня загримировали, и видъ у меня былъ ничего-себѣ. Затѣмъ звуки ритурнели, и я, заложивъ руки за голову, перегнувшись назадъ и плавно вытягивая попеременно то одну ногу, то другую, появилась впервые передъ публикой, настоящей театральной публикой. Театръ мнѣ казался бездонной пропастью, керосиновое освѣщеніе яркимъ и блестящимъ, при появленіи раздались и хлопки. Я, было, подумала, не рано ли я выскочила, и нѣтъ ли за мной кого-другого, но нѣтъ, — зааплодировали мнѣ. Успѣхъ былъ хорошій, я биссировала три раза и упоенная, счастливая успѣхомъ раздѣвалась въ уборной одна одишенька при одной лампѣ съ очень закоптѣлымъ стекломъ. Дамы уже ушли и только балетъ въ моемъ представительствѣ былъ налицо. Я услышала громкій разговоръ примадонны, вѣроятно она обращалась къ антрепренеру.

Суть разговора была такая, что неумѣстно выпускать танцорокъ на-ряду съ серьезнымъ искусствомъ. Это подѣйствовало на меня нѣсколько удручающе, но восторгъ успѣха побѣдилъ, и я не очень сокрушалась. Я тщательно старалась смыть водой гриммъ, но не могла; о томъ, что нужно сначала стереть чѣмъ-либо жирнымъ, я не знала, и уже думала, что бѣлила и румяна неразстающаяся съ арти-

сткой приправа. Постучался парикмахеръ, взять локоны, и вотъ тутъ только я узнала процедуру снимать театральныя краски. Придя домой, я опять стала писать матери, и письмо было очень длинное. Я подробно описывала все и знала, что это ей будетъ очень пріятно. Послать простымъ свое посланіе я побоялась и отправила заказнымъ. Вѣрнѣе! Съ большимъ нетерпѣніемъ я ждала отвѣта, ждала вѣстей. Какъ разъ наканунѣ постановки Ревизора отвѣтъ былъ полученъ. Дома все было благополучно. Дочь была здорова, мой вотчимъ тоже.

Сообщилъ П. Скуратовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).





Письмо Петра Александровича Плетнева къ К. С. Веселовскому.

Милостивый Государь
Константинъ Степановичъ!

Надѣюсь завтра вечеромъ, или въ субботу утромъ, доставить Вамъ для г.г. Дѣйствительныхъ Членовъ нашей Академіи по печатному экземпляру книжки „Юбилей 50 лѣтъней литературной дѣятельности Академика Князя П. А. Вяземскаго“, я снѣшу заблаговременно предупредить о томъ Ваше Превосходительство, въ предположеніи, не угодно ли будетъ Вамъ заранѣе приказать приготовить для разсылки этихъ книжекъ потребное число конвертовъ съ печатнымъ заголовкомъ: это избавить Васъ отъ отдѣльныхъ на каждый пакетъ отношеній, такъ какъ книжка въ такомъ пакетѣ уже содержаніемъ своимъ объясняетъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Я полагаю, что слишкомъ съ нашей стороны показалось бы мелочно ограничиться разсылкой къ тѣмъ Академикамъ, которые участвовали въ юбилей въносомъ денегъ: тутъ честь общая. Итакъ придется имѣть 39 пакетовъ для разсылки здѣсь по городу: я не включаю въ это число Васъ, потому что свой экземпляръ Вы и безъ пакета у себя оставите; еще не включаю Князя П. А. Вяземскаго и самого себя: мы тоже возьмемъ безъ пакета. Но Академикъ Дорнъ тутъ включенъ отъ того, что его экземпляръ долженъ остаться здѣсь на его квартирѣ.

Съ особыми указаніями городовъ (по расписанію, значущемуся въ Вашемъ печатномъ списокѣ) надобно приго-

товить 9 пакетовъ, соединивъ въ одномъ изъ нихъ экземпляры Погодина и Шевырева отъ того, что послѣдній въ Италиі, а Погодинъ, на имя котораго надпишется общій ихъ пакетъ, а на каждомъ экземплярѣ означится имя того и другого, доставить Шевыреву или въ его домъ, или пошлетъ въ Италию. Но въ числѣ 9 пакетовъ я полагаю и для Мурчисона въ Лондонъ: ему это будетъ за честь.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

20 Апрѣля 1861.

П. Плетневъ.

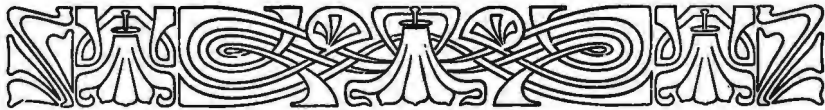
Примѣчанія: 1) Константинъ Степановичъ Веселовскій, непрѣмный Секретарь Имп. Академіи Наукъ (р. 20 мая 1819—у. 3 ноября 1901).

2) Князь Вяземскій, Петръ Андреевичъ, о. акад. по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, (р. 12 іюля 1792—у. 10 ноября 1878).

3) Мурчисонъ, Родерикъ, акад. геологіи, (р. 19 февраля 1792—у. 23 октября 1871).

Сообщилъ Э. П. Юргенсонъ.





Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1 июня. Говорятъ, что нѣмецкій языкъ для русскаго будетъ нуженъ и въ будущемъ, ибо онъ будетъ полезенъ въ коммерческомъ отношеніи. Такъ ли это? Въ будущемъ торгово-промышленныя отношенія къ нѣмцамъ нѣсколько уменьшатся. Увеличатся наши торговыя отношенія къ Франціи и Англии, и будутъ нужныѣ французскій и англійскій языки.

Государственная Дума приступаетъ къ разсмотрѣнію крестьянскаго законопроекта, при чемъ блестящую рѣчь произнесъ депутатъ Маклаковъ за неотложное проведеніе въ жизнь этого законопроекта, т. е. дарованіе крестьянамъ всѣхъ правъ, которыми пользуются другія сословія. Давно бы пора это сдѣлать.

Отовсюду сообщаютъ, что австро-германцы совершенно ошеломлены нашимъ быстрымъ наступленіемъ и могучимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Этого они не ожидали, когда полагались на силу своихъ укрѣпленій, они ихъ устроили съ необычайнымъ комфортомъ для долгаго сидѣнья. Увѣ-

¹ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

ривъ себя, что наступленія не будетъ, и увѣровавъ въ силу своихъ укрѣпленій, они отважились перевести съ южнаго своего фронта часть войскъ на Италіанскій фронтъ.

Въ „Вечернемъ Времени“ записанъ разсказъ офицера объ атакѣ Текинскаго полка:

Въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго упоминалось о Текинцахъ. Въ конномъ строю они нанесли тяжелое пораженіе непріятелю во время продолжающагося наступленія нашей арміи. Текинскій полкъ недавно получилъ это названіе; раньше онъ назывался Туркменскимъ коннымъ полкомъ.

Текинскій полкъ — самый оригинальный, самый колоритный во всей нашей кавалеріи полкъ. Красивые шелковые халаты, огромныя черныя зимой, бѣлыя—лѣтомъ бараныя папахи, кривыя сабли — клычи, прямыя ножи—кинжалы за пестрыми кушаками, богатая, украшенная серебромъ сбруя. А кони — текинскіе жеребцы, быстрые, какъ степной вихрь, и злые, какъ тигры, въ бою. Туркмены — рядовые джигиты—все мѣстная знать. Представители старѣйшихъ мѣстныхъ родовъ. Ихъ предки воевали вмѣстѣ съ Тамерланомъ и бывали въ Европѣ, неся туда мечъ и огонь. Они связаны узами родства съ воинами Афганистана, Непала и индійскихъ раджей съ Ганга. Ихъ легенды, ихъ пѣсни и мечты—война. Съ малыхъ лѣтъ имъ показываютъ старыя клинки клычей, кованныхъ въ ущельяхъ священнаго Памира, гдѣ старыя мастера много вѣковъ назадъ умѣли готовить твердую, какъ алмазь, и гибкую, какъ молодые побѣги саксаула, сталь. Они перековывали желѣзо много-много разъ, добавляя къ бѣлому отъ жара металлу золотого порошка. Все это разсказываютъ отцы своимъ сыновьямъ. Мальчишки и подростки твердо знаютъ исторію каждаго стараго клыча. Этотъ сразилъ тибетскаго военачальника Наймая, тотъ былъ поднятъ послѣ боя у подножій Гималая братомъ убитаго „баяра“ Ураза, а тотъ... но всѣхъ біографій туркменскихъ кривыхъ клычей и не пересказать! Въ каждомъ семействѣ, на почетномъ мѣстѣ, находится клычъ. По твердой, не знающей царапинъ и ржавчины, поверхности ползутъ глубоко вкрапленныя черныя змѣйки и пятнышки великолѣпнаго „дамаска“, выдавашаго многіе и дальніе бои.

10-лѣтніе подростки уже пріучаются рубить клычемъ и достигаютъ большого искусства. Туркменъ на своемъ вихрѣ-конѣ съ другомъ-клычемъ—опаснѣйшій изъ враговъ. Въ эту войну они показали себя. Ими командуютъ русскіе офицеры—„баяры“ и одинъ свой—сынъ хана, нынѣ лихой ротмистръ, бывшій пажъ.

Текинцы—сыны боя. Когда вспыхнула война,—отъ аула къ аулу полетѣли вѣсти о войнѣ. Начали осматривать коней, точить клычи и ножи, считать серебро.

Съ первыхъ дней войны мы видимъ текинскихъ удалцовъ на фронтѣ. Въ одной изъ крупныхъ развѣдокъ подъ текинцемъ былъ убитъ конь. Джигитъ упалъ, и къ нему поскакали германскіе уланы. Мгновеніе—и джигитъ всталъ на ноги. Что-то яркое-яркое опоясало его въ этотъ мигъ, метнулась красная фигура джигита, а вслѣдъ за этимъ одинъ за другимъ упали три улана.

„Текинцы въ конномъ строю атаквали непріятеля“, — говорится въ официальномъ сообщеніи.

А знаете ли вы, что такое конная атака текинцевъ? Мнѣ рассказывалъ о ней одинъ изъ боевыхъ офицеровъ этого полка, серьезно раненый и давно уже вернувшійся въ строй, извѣстный въ Петроградѣ и Лондонѣ художникъ А. Д. Р.

— Вотъ скомандовали „въ атаку“, — говоритъ онъ, — джигиты пригнулись къ шеямъ коней—и тѣ сразу рванулись, словно отдѣлились отъ земли. Только вѣтеръ свиститъ въ ухахъ и лопочуть отогнувшіяся полы красныхъ халатовъ. Джигиты молчатъ, внимательно всматриваясь туда, гдѣ ихъ ждетъ давно желанный рукопашный, настоящій рыцарскій бой. Люди спокойны,—страхъ незнакомъ джигитамъ съ Памира. Зато горячатся кони. Они уже начинаютъ ржать, злобно прижимаютъ уши и скалятъ зубы. Джигиты вытянули впередъ правыя руки, а затѣмъ и размахнулись. Бѣлая ленточка встрѣчныхъ дымныхъ выстрѣловъ и... сѣча. Какъ красные духи мщенія, пронеслись сквозь толщу пѣхоты, повернули назадъ и снова несутся, внимательные и зоркіе — истые, прирожденные воины. Каждый ударъ клыча — торжествующая пѣсня. Отрубленные руки и головы германскихъ пѣхотинцевъ, перерубленная наискосокъ туловища — остаются гдѣ-то сзади. Вотъ мчится навстрѣчу текинцамъ германская конница. Столкнулись—и нѣтъ пощады нѣмцамъ. Гибнуть подъ ударами влччей. Вотъ конь обнесъ текинца-вахмистра и съ лѣвой

стороны очутился германскій офицеръ. Сверкнулъ клычъ, перекинутый въ лѣвую руку, и ударомъ на-отмашь туркменскій джигитъ валить врага. Мчится красная линия джигитовъ и рядомъ съ ними косить свою жатву неизбѣжная для враговъ смерть.

Послѣ боя, на стоянкѣ, туркмены сосредоточенно дѣлаютъ зарубки на рукояткахъ клычей и вяжутъ узелки на кистяхъ уздечекъ, считая убитыхъ враговъ.

Горятъ ихъ глаза и пылаютъ лица. Сыны боя, — они счастливы ратной работой и знаютъ, что черезъ много лѣтъ ихъ внуки будутъ говорить о нихъ, бившихся тамъ же, куда когда-то, во мракѣ вѣковъ, привелъ туркменскихъ воиновъ Тамерланъ-завоеватель ¹⁾.

Къ этому интересному описанію позволю себѣ добавить нѣсколько словъ изъ разсказа, слышаннаго мною отъ лица, прибывшаго съ театра войны.

Когда текинцы пошли въ атаку, то они буквально завывали свой боевой кличъ, который слился съ ужаснымъ ревомъ ихъ коней. Это боевое настроеніе производило такое впечатлѣніе, что у самыхъ хладнокровныхъ людей пробѣгали мурашки по спинѣ.

Когда текинцы схлынули съ поля битвы, и стали подниматься нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ, еще до атаки оставшихся на полѣ сраженія, то къ каждому нашему раненому прицѣпились гуськомъ, хватаясь за одежду, нѣсколько раненыхъ непріятелей, такъ они опасались быть изрубленными текинцами. Наши раненые приводили на перевязочный пунктъ не мало плѣнныхъ.

3 *іюня*. Сообщаютъ изъ Екатеринодара, что генераль-губернаторомъ приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы безъ замѣны штрафа армавирскій миллионеръ Тарасовъ за спекуляцію сахаромъ.

Какъ было бы прекрасно, если бы всѣ генераль-губернаторы, губернаторы, градоначальники и командующіе войсками послѣдовали этому прекрасному и мудрому рѣшенію. Какъ бы уменьшилось мародерство торговцевъ.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 іюня с. г.

Г. Лембичъ въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ сообщаетъ интересныя подробности о Луцкомъ наступленіи.

„Штѣнные австрійцы рассказываютъ, что вся сила нашего перваго удара въ луцкомъ направленіи обрушилась на двѣ австрійскія дивизіи, именно — семидесятую венгерскую и вторую славянскую, отъ которыхъ уцѣлѣли жалкіе остатки.

Послѣ разгрома этихъ дивизій образовался знаменитый луцкій прорывъ, устремившись въ который, наша пѣхота стала заходить въ тылъ всей четвертой арміи эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, что заставило ее въ безпорядкѣ очистить весь луцкій районъ.

День наступленія войскъ генераль-адъютанта Брусилова совпалъ съ большимъ торжествомъ въ австрійской арміи — днемъ рожденія самого главнокомандующаго австрійскими силами на русскомъ фронтѣ эрцгерцога Фридриха, которому исполнилось 60 лѣтъ.

Престарѣлый юбиляръ пріѣхалъ въ ставку эрцгерцога Иосифа-Фердинанда въ Луцкъ, чтобы отпраздновать этотъ день въ арміи.

Праздникъ начался необыкновенно торжественно. Луцкъ съ утра былъ украшенъ австро-венгерскими національными флагами, а вечеромъ иллюминированъ. На площади передъ ратушей состоялся смотръ войскамъ и всѣмъ кавалерамъ „железной короны“. Эрцгерцогъ проианесъ передъ войсками напыщенную рѣчь, въ которой превозносилъ ихъ доблесть, храбрость и призывалъ къ новымъ побѣдамъ, которыя вскорѣ приведутъ ихъ къ счастливому долговому миру.

Послѣ осмотра начался обѣдъ, сервированный на открытомъ воздухѣ, въ красивомъ луцкомъ паркѣ, съ моремъ шампанскаго, ликеровъ и старыхъ дорогихъ винъ.

Оба, — какъ юбиляръ, такъ и командующій арміей, — были въ прекрасномъ настроеніи, не допускали возможности какой-либо катастрофы. Когда старому эрцгерцогу доложили о томъ, что русскіе открыли ураганный артиллерійскій огонь по всему фронту, что это похоже на подготовку общаго наступленія, полупьяный вождь „побѣдоноснаго“ австрійскаго воинства размѣялся.

— Знаемъ мы теперь эти ихъ наступленія. Пострѣляютъ и перестанутъ. Прикажите лучше раздать моимъ солдатамъ по лишней кружкѣ вина, чтобы они не скучали, пока стрѣляютъ пушки.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 3 іюня 1916 г.

Но проходили часы за часами, а наши орудія не умолкали.

Эрцгерцогъ началъ беспокоиться, когда вдругъ, какъ громъ среди яснаго неба, пришло извѣстіе, что вся первая линія луцкихъ укрѣпленій прорвана, и австрійскія войска бѣгутъ, преслѣдуемая русскими.

Эрцгерцогъ Фридрихъ въ отчаяніи началъ рвать на себѣ волосы. Чтобы спасти положеніе, онъ вызвалъ стратегическіе резервы, изъ которыхъ тринадцатая ландверная дивизія была брошена для заплаты главнаго луцкаго прорыва, но также вскорѣ была разбита нами и была принуждена отдать Луцкъ.

Такъ кончился ширъ ихъ бѣдоу.

Тѣло недавно умершаго Гольца-паша перевозится торжественно изъ Багдада въ Царьградъ. Должно быть орлиныя налеты Юденича на турокъ свалили этого мастодонта.

На засѣданіи въ память фонъ деръ Гольца-паша скончался графъ Мольтке, бывший въ началѣ войны начальникомъ генеральнаго штаба. Не выдержало его сердце нашего Галиційскаго наступленія. Помнится, какъ передъ войной на Лейпцигскихъ торжествахъ среди массы германскихъ генераловъ ярко выдѣлялись массивныя фигуры этихъ генераловъ. Какими побѣдителями они ходили тогда.

4 июня. Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“ указываетъ на тѣ фиговые листки, которыми прикрываются наши нѣм-целюбы.

Лисичанское химическое общество и ликвидированное предпріятіе Коппе захватываетъ нѣмецкій капиталъ. Въ подмосковномъ каменноугольномъ районѣ, около станціи Оболенское, нѣкто В. М. Хитрово захватилъ рудники для германской фирмы; для той же фирмы приобрѣлъ въ Донецкомъ бассейнѣ каменноугольный рудникъ торговый домъ Э. I. Островскій и Н. Н. Сѣрокузовъ.

Открываю вчера интереснѣйшій журналъ „Поверхность и нѣдра“, и на стр. 75-ой читаю, что Бѣлогорское мѣсторожденіе магнитнаго желѣзняка, въ предѣлахъ ольгинскаго района, захвачено Ю. И. Бринеромъ и Арцтомъ. Физиономія Ю. И. Бринера, работавшаго на нашемъ тихоокеанскомъ побережьѣ на деньги вѣнскихъ банкировъ, бр. Гиршъ,

германскихъ банковъ, бывшаго германскаго консула Даттана, достаточно выяснена, чтобы не сомнѣваться, что принадлежащія ему отводы легко могутъ попасть въ руки иностранцевъ любой національности, не исключая и германской. Что касается г. Арцта, то до настоящаго времени онъ занимается горнопромышленнымъ грюндерствомъ, а его личное предпріятіе — буроугольный рудникъ „30-я верста“—не даетъ основаній считать его болѣе или менѣе крупнымъ промышленникомъ. Такимъ образомъ, захватывая въ свои руки каменноугольныя, желѣзныя, золотыя и свинцовыя мѣсторожденія, онъ, конечно, въ концѣ концовъ будетъ принужденъ или отдать ихъ въ казну, или продать кому угодно. И въ настоящее время говорятъ о переговорахъ какъ Бринера, такъ и Арцта, съ одной крупной, но въ Россіи мало популярной не-германской фирмой.

Промышленные круги обратили вниманіе на Семипалатинскую область, гдѣ найдены сѣра, уголь, мѣдь и другія горныя богатства, и мы узнаемъ, что тотъ же контрагентъ огромной германской фирмы, торговый домъ Островскій и Сѣрокузовъ, уже началъ хлопоты для полученія отводовъ.

Быть можетъ, „Островскій и Сѣрокузовъ“ и Арцтъ такіе ставленники германскихъ капиталовъ, какъ В. М. Хитрово, Ю. И. Бринеръ, Ренкевичъ и др., но коль скоро имѣются указанія на возможность вреднаго грюндерства, нужны мѣры для защиты нашихъ горныхъ богатствъ отъ продажи ихъ оптомъ и въ розницу. Вѣдь продають-то Россію?

На фронтѣ доблестная армія побѣдно защищаетъ родину, а мы здѣсь, въ тылу, долго ли будемъ равнодушно смотрѣть, какъ дѣлають свое дѣло германскіе „фиговые листки“, въ родѣ Хитрово-Скрипкинкіна, помогая распродажѣ Россіи? ¹⁾

5—6 *іюня*. Относительно нашего наступленія всѣ плѣнные показываютъ одно и то же. Насъ застали врасплохъ, никто не ожидалъ подобнаго удара. Сколько разъ мы напрасно готовились къ вашимъ атакамъ! Вѣдь даже назначались опредѣленные числа, а отвѣтомъ была тишина. Успокоились, и думали, что вырабатывается новый планъ.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾ передаетъ описаніе одной интересной операціи въ Полѣсьи:

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 іюня с. г.

²⁾ „Рус. Сл.“ № 127 с. г.

Командиру эскадрона драгунъ,—лихому кавалеристу-рубакѣ, который заслужилъ еще въ Восточной Пруссiи золотое оружіе, а на Карнатахъ офицерскаго Георгія, и который теперь съ осени чуть не годъ сновалъ по трущобамъ Польска, нѣсколько нашихъ мѣстныхъ крестьянъ изъ деревни С. сообщили, что на мысу, при впаденіи рѣчки С. въ П., нѣмцы уже нѣсколько дней производятъ какія-то усиленныя работы.

Командиръ дважды былъ самъ въ этихъ мѣстахъ на развѣдкѣ и зналъ хорошо этотъ мысокъ. Взявъ съ собою в драгунъ, командиръ отправился къ мыску С., а корнету З., молодому, но надежному офицеру, велѣлъ стороною осторожно прокрасться къ хутору Т. со взводомъ и, рассыпавшись тамъ въ лѣсу, ждать его, зорко слѣдя за каждымъ шорохомъ кругомъ.

Къ мыску на С. командиръ пошелъ глубокимъ обходомъ. Ночью съ проводникомъ пробрался гуськомъ черезъ большое топкое болото и къ утру вышелъ на берегъ рѣчки С., какъ-разъ противъ нужнаго мыска. Берегъ былъ высокій, покрытый густыми порослями. Драгуны, покормивъ лошадей, завязали имъ торбами морды и залегли за кустами вдоль берега надъ самою водою.

Берегъ напротивъ былъ какъ на ладони. Низкій, удобный для нагрузки, онъ былъ заваленъ бревнами. До полусотни нѣмецкихъ солдатъ сдирали съ деревьевъ кору, а дальше по всему берегу шла, какъ въ какомъ хорошемъ рѣчномъ порту, кипучая работа. Немного выше устья рѣчки С. былъ переброшенъ пловучій мостъ, на плотяхъ. Отъ него направо и налево по самому берегу шла хорошая колесная дорога, на которую нѣмцы, видимо, потратили много и времени, и труда, и матеріала. Топь берега была большая, а проложенный дорожный настилъ былъ столь крѣпокъ, что по нему свободно тянулись обозы грузовыхъ самоходовъ. У самаго берега С. стояли большіе, вмѣстимостью на тысячи пудовъ амбары, а по рѣкѣ взадъ и впередъ сновали десятка два катеровъ и моторныхъ лодокъ. Германцы на нихъ таскали лѣсной матеріаль къ самому впаденію рѣчки въ П., гдѣ новые десятки солдатъ сколачивали длинные плоты, ставили на нихъ изъ заготовленныхъ срубовъ каюты, обкладывая ихъ,—конечно, для защиты,—мѣшками съ землей.

— Передай ребятамъ,—подползъ командиръ эскадрона къ ближайшему драгуну,—что германцы, очевидно, гото-

вать большую пакость нашимъ, а поэтому пока не пойдемъ, въ чемъ дѣло, не уйдемъ отсюда.

Трое сутокъ пролежали драгуны въ кустахъ на берегу, питаясь хлѣбомъ и консервами. Зато видѣли все. Германцы на одни плоты погрузили орудія и пулеметы, на другіе поставили мѣшки со снарядами. Два большихъ катера ночью на вторыя сутки ушли зачѣмъ-то вверхъ по рѣкѣ.

Командиръ послалъ одного драгуна за корнетомъ З. съ десяткомъ людей, и, когда тотъ къ утру четвертаго дня прибылъ, начальникъ оставилъ его вмѣсто себя:

— Смотрите въ оба за всякою мелочью на томъ берегу и каждые 4—5 часовъ доносите мнѣ.

Германцы на другомъ берегу въ 200—250 шагахъ, работали спокойно, и не предполагая, что русскіе съ дерзкою кучкою людей могли четвертый день слѣдить за ними.

Вернувшись на свою стоянку, командиръ забралъ съ собою почти весь эскадронъ. Онъ догадывался, что германцы хотятъ спуститься внизъ, что они поплывутъ далѣе по рѣкѣ К., мимо хутора Т., гдѣ только-что укрывался корнетъ З. Сюда, къ хутору, теперь и привелъ командиръ своихъ драгуновъ. Разставилъ на всѣхъ дорогахъ и тропкахъ сторожевыхъ, а самъ съ полуэскадронномъ драгунъ сталъ пробираться вдоль рѣчки К. Верстахъ въ трехъ отъ хутора Т. рѣчка дѣлала крутой поворотъ. Правый берегъ, густо поросшій лѣсомъ, нависалъ надъ водою, поднимался горою и почти на полторы-двѣ версты господствовалъ надъ рѣкою вверхъ и внизъ ея.

Ночью командиръ пригналъ къ этому мѣсту кручи три плоскодонныхъ лодки, отвязанныхъ тамъ крестьянами, и къ утру поперекъ всей рѣчки устроилъ подводное загражденіе. Въ шахматномъ порядкѣ, шириною сажень въ десять, драгуны вбили колья квадратиками, четыре на четыре кола. Колья вбивались такъ, чтобы они только-только доходили до поверхности воды, не вытѣвая ничуть наружу.

Противоположный, лѣвый берегъ рѣчки К. былъ низменный, топкій, непроходимый, покрытый какою-то трухлявою зарослью. На своей сторонѣ командиръ устроилъ вдоль берега рядъ хорошихъ укрытій для стрѣлковъ, а съ хутора велѣлъ крестьянамъ натаскать соломы, вязанокъ сухого хвоста, накли, всякаго тряпья, старыхъ роговъ и какъ можно

больше смолы, раздобыли даже нѣсколько банокъ керосина. Все это драгуны разложили кучками по берегу, надъ самою водою, у кручи.

Не доходя съ поля версты до драгунскихъ укрытій съ правой стороны впадалъ въ рѣку К. лѣсной протокъ изъ болота, съ непроходимыми, покрытыми зарослями берегами. Устье этого протока драгуны взяли подъ обстрѣлъ двухъ имѣющихся съ ними пулеметовъ.

На разсвѣтъ пришло донесеніе отъ корнета З., что нѣмцы окончательно сготовились и, видимо, утромъ тронутся въ путь. Командиръ еще разъ осмотрѣлъ всю свою боевую линію и повторилъ всѣ свои указанія. Легли спать, съ наказомъ сторожевымъ будить, чуть по рѣкѣ вдали покажутся германцы. Часовъ въ 10 утра первый сторожевой на рѣкѣ, укрытый на деревѣ, далъ сигналъ легкимъ свистомъ:

— Показались нѣмцы.

Мигомъ драгуны стали на мѣста. Прошло минутъ 15. Изъ-за поворота рѣки, обгоняя свои плоты, выскочили двѣ моторныя лодки, какъ два маленькіе броненосца, укрытые по бортамъ стальными щитами. Это были, очевидно, развѣдчики...

— Осторожные, дьяволы, — прошепталъ вахмистръ Еремевко.— По занятой ими рѣкѣ плывутъ, и то, гляди, какую опаску блюдутъ. Плывутъ съ дозорными, каждый поворотъ обслѣдуютъ. Какъ бы еще не открыли наше загражденіе!

Моторныя лодки шли полнымъ ходомъ. За ними въ верстѣ, тихо плыли шесть длинныхъ плотовъ. Плоты сильно были нагружены ящиками, мѣшками. Сверху все прикрыто большими брезентами. Посреди каждаго плота стояли домики. Около этихъ домиковъ видѣлись маленькія кучки солдатъ. Солдаты курили, читали газеты, чинили бѣлье. Нѣкоторые, слышно было, по двое-трое явѣвали полупросебя.

Впереди каждаго плота шель довольно большой буксирный катеръ очень странной формы. Сзади всей рѣчной флотиліи, какъ мальчишки за полкомъ солдатъ на улицѣ, верѣлись три маленькія лодчонки.

Передовыя моторныя лодки, шедшія полнымъ ходомъ, набѣжавъ на колья загражденія, съ разбѣга проскочили, чуть только подпрыгнули. Шлыли онѣ серединою рѣчки.

— Осторожнѣ здѣсь!—крикнули съ лодокъ назадъ, въ сторону плотовъ. — Возьмите ближе къ берегу. Кажется, коряга на днѣ.

Крикнули, придержавъ ходъ, — и снова бойко впередъ. Стали подходить плоты. Драгуны затаили дыханіе. Хорошо видятъ сквозь кусты даже лица нѣмцевъ на буксирѣ и на первомъ плоту. Ближе и ближе. Минута, другая, третья, — трахъ! — первый буксиръ наѣхалъ на колья и застрялъ. Плотъ надвинулся на своего вожатаго и еще сильнѣе прижалъ его къ кольямъ. Второй буксиръ налетѣлъ на неожиданно остановившейся передній плотъ и съ размаху наполовину выскочилъ на него. Второй плотъ за нимъ повернуло водою къ самому берегу. Туда же стало заворачивать и первый плотъ съ буксиромъ на немъ верхомъ. Получился чуть не мостъ черезъ рѣчку. Солдаты на плотяхъ засуетились, какъ муравьи. Послышались крики. Кто-то громко командовалъ заднимъ плотамъ и буксирамъ:

— Стой на мѣстѣ! Не насѣдать!

Драгуны открыли огонь. Изъ ружей стрѣляли по плотамъ внизу у берега, а изъ пулеметовъ били по катерамъ, дальнимъ плотамъ и ушедшимъ впередъ моторнымъ лодкамъ.

Нѣмцы мигомъ попрятались къ каюты и оттуда открыли по берегу жестокой огонь, но наши лежали надъ самою кручею за укрытіемъ, и нѣмецкія пули летѣли черезъ головы, — никто не былъ и раненъ.

Тѣмъ временемъ часть драгунъ, человекъ десять, облила керосиномъ и смолою заготовленные паклю, рогожи, тряпье, солому и хворостъ и принялась кидать съ берега на приставшіе почти вплотную плоты. Нѣмцы сунулись тушить, — ихъ уложили огнемъ сверху. Снова попрятались и начали пуше стрѣлять.

Четыре заднихъ катера-буксира не потерялись. Отдали канаты, каждый обошелъ свой плотъ, зацѣпилъ его съ той стороны, и потянули ихъ вверхъ, назадъ, откуда шли. Наши въ догонку по нимъ изъ пулеметовъ. Равно и по тѣмъ лодчонкамъ, что шли сзади. Двѣ изъ нихъ потонули, третья удрала.

Наши драгуны сосредоточили огонь по двумъ застрявшимъ плотамъ и ихъ буксирамъ. На плотамъ уже начался пожаръ. Тогда нѣмцы, несмотря на частый огонь сверху, кинулись въ воду, и кто вплавь, кто въ бродъ лѣзли къ заднему буксиру, тащили его съ плота въ воду. Наши били по нимъ, а они даже и не отстрѣливались. Слышны были только общіе крики:

— Шнеллеръ, шнеллеръ, шнеллеръ! (скорѣе, скорѣе, скорѣе).

Наши драгуны не понимали, почему нѣмцы кинули первый буксиръ, гдѣ за стальными щитами была такая надежная защита. У второго же буксира нѣмцы валились отъ драгунскихъ пуль, но торопились лишь стащить его съ плота. Наконецъ, какъ-то спихнули, отрубили канаты отъ плота, вскочили на буксиръ и кинулись, очертя голову, къ противоположному берегу, прямо въ вязкую топь. Тутъ на первомъ плоту изъ-подъ брезента вспыхнуло яркое голубое пламя, что-то страшно треснуло, грохнуло, и на драгуновъ вверху за укрытіями посыпались обломки дерева, куски желѣза, еще чего-то. Трехъ ранено, одному довольно сильно пробито голову. Здорово хватило и командира по горбу концомъ упавшей балки.

Когда дымъ взрыва разсѣялся, то первыхъ катера и плота не существовало. Второй плотъ былъ полуразбитъ и прибитъ къ берегу драгуиъ, а катеръ, что выскочилъ на топь, лежалъ вверхъ дномъ.

Съ плота у нашего берега 8 нѣмцевъ кричали нашимъ и махали платками:

— Сдаемся!

Наши спустились къ нимъ и помогли залить пожаръ на носу плота. Будка на плоту была размѣромъ 4 на 7 аршинъ. Въ стѣнахъ ея были продѣланы бойницы. Снаружи она обложена мѣшками земли. Внутри было полно ящиками съ патронами.

По краямъ плота было забрано досками въ видѣ забора, въ три четверти аршина высоты. Подлѣ этого забора, по краямъ плота, лежали ящики съ галетами, съ консервами, съ кофе, съ бобами, нѣсколько бочекъ спирта, баки съ керосиномъ, масломъ для самоходовъ и съ бензиномъ. Между рядами этихъ ящиковъ и мѣшками земли вокругъ каюты оставался проходъ аршина въ полтора ширины. Онъ напоминалъ собою траншею.

Наши подтащили сирятанья ими подъ берегомъ плоскодонныя хуторскія лодки и, сѣвъ въ нихъ, направились къ опрокинутому катеру на другомъ берегу. Изъ-за него поднялись и сдались еще 11 солдатъ.

Небольшой, но сильный рѣчной катеръ былъ весь бронированъ. Въ носовой части каюты стояли два пулемета и при нихъ большой запасъ патроновъ. Цѣлая груда разстрѣлянныхъ уже патроновъ валялась тутъ же, скатившись при взрывѣ въ дальній уголъ. Правый бокъ катера былъ сильно вдавленъ взрывомъ.

Изъ носовой части каюты шла лѣсенка наверхъ, гдѣ, въ броневой башенкѣ, оказалась большая стопка картъ польскаго театра войны. На этихъ картахъ подробно были вычерчены рѣки, рѣчки, лѣсные протоки и малѣйшіе ручьи Польска. Нѣкоторыя рѣки и рѣчки и протоки были подчеркнуты красными точками. По нимъ, какъ объяснилъ нѣмецъ-рулевой, можно было установить провозъ съѣстныхъ припасовъ, патроновъ, пулеметовъ и даже снарядовъ, о чемъ нѣмцы думали задолго до войны. Это лишній разъ заставляеть насъ понять и помнить, что многіе общепринятыя и, казалось, такіе незыблемые приемы войны теперь должны быть откинута и замѣнены совершенно новыми, прежде, казалось, невозможными.

Предвидя, что нѣмцы, вернувшись къ своимъ, придуть сюда тотчасъ съ большими подкрѣпленіями, наши драгуны не стали медлить на мѣстѣ. Забравъ, сколько могли, карты, бинокли, самобойныя ружья, кофе, шоколадъ, печенья, консервы, драгуны взорвали катеръ и плоты мелниновыми шашками, а сами лѣсными тронами, какъ пробирались и сюда, вернулись на стоянку, чтобы дать и людямъ, и конямъ заслуженный отдыхъ послѣ почти недѣльной прогулки въ германскомъ тылу.

7 июня. Удивительно, какъ изощраются россійскіе нѣмцелюбы: одни подъ видомъ промышленныхъ предпріятій, другіе подъ видомъ публициста, третьи издатели газеты, всѣ они мѣняютъ свою совѣсть и россійское лицо за наличное золото. Явилась германофильствующая газета „День“.

которая явно или обходомъ защищаетъ германскіе интересы, явился публицистъ, который подъ видомъ безпристрастія, несовершенство нашихъ курортовъ жадно защищаетъ нѣмецкія минеральныя воды (между прочимъ Вильдунгенъ) и обливаетъ грязью наши воды. Такихъ господъ на Руси великое множество.

• „Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ объ организаціи нѣмцами отдѣльнаго корпуса иностранныхъ корреспондентовъ ¹⁾: „Германія нуждается послѣ войны въ новомъ типѣ иностраннаго корреспондента“, — говоритъ „Tägliche Rundschau“. Газета предвидитъ, что послѣ войны германскіе иностранные корреспонденты будутъ встрѣчены въ союзныхъ странахъ не съ распростертыми объятіями; но тѣмъ не менѣе они должны неустанно думать о миссіи, возложенной на нихъ. Первой обязанностью корреспондентовъ будетъ собирать тѣ свѣдѣнія, которыя не передаются телеграфными агентствами, т. е. тѣ свѣдѣнія, циркуляція которыхъ въ Германіи нежелательна для союзныхъ государствъ. Въ особенности это относится къ промышленной войнѣ, которая начнется послѣ заключенія мира. Германскіе иностранные корреспонденты должны будутъ собразоваться съ тѣмъ, что „каждый нѣмецъ, живущій въ томъ же государствѣ, гдѣ они являются естественнымъ союзникомъ, отъ котораго можно получить много важныхъ свѣдѣній относительно настроенія населенія въ Германіи“. „Война укрѣпила во всѣхъ классахъ германскаго народа сознаніе единства, вслѣдствіе этого германскіе иностранные корреспонденты будутъ искать въ своихъ соотечественникахъ естественныхъ помощниковъ“. „Корреспонденты и члены нѣмецкихъ колоній въ другихъ государствахъ должны работать рука объ руку“. Рекомендуются завести знакомства среди литераторовъ и публицистовъ для того, чтобы узнавать отъ нихъ факты, полезные для германскихъ промышленниковъ. При обширныхъ знакомствахъ среди литераторовъ нѣмецкимъ иностраннымъ корреспондентамъ будетъ возможно „помѣщать въ иностранныхъ газетахъ статьи, проводящія германскіе взгляды“. Правда, нѣкоторыя иностранныя газеты будутъ систематически отклонять такія статьи, но при обширномъ знакомствѣ члены „отдѣльнаго корпуса“ наконецъ проникнутъ въ періодическую печать.

¹⁾ „Нов. Вр“. 7'юня с. г.

„Scientific American“ въ Вашингтонѣ увѣряетъ, что союзники потопили 127 подводныхъ лодокъ у австро-германцевъ, и что въ моментъ, когда Германія уступила С.-А. С. Штатамъ въ вопросѣ о подводныхъ лодкахъ, правительство принуждено было заявить въ секретномъ засѣданіи рейхстага, что необходимо прекратить подводную войну, такъ какъ Германія не располагаетъ достаточнымъ количествомъ лодокъ.

Г. Пенчковскій представляетъ яркую картину современнаго ночнаго боя на юго-западномъ фронтѣ ¹⁾).

Нѣсколькондневный бой въ районѣ деревень В., Ц. и Г. окончился въ нашу пользу: австрійцы отступаютъ, деревни взяты нашими войсками. Потерь немало, но усиѣхъ далеко ихъ превосшелъ.

Упорству нашего натиска враги противопоставили, помимо упорства обороны, естественную неприступность позиціи и идеальное техническое оборудованіе своихъ укрѣпленій.

И на этотъ разъ приходится отмѣтить, что наши войска сдѣлали невозможное. Они ни на секунду не дрогнули и во многихъ мѣстахъ двигались впередъ буквально на плечахъ врага.

Ночной бой, который я хочу, хотя бы приблизительно, описать, происходилъ за обладаніе вышеуказанными деревнями.

Эти мѣста мнѣ хорошо извѣстны еще по прошлому году. Представьте себѣ сильно пересѣченную мѣстность съ господствующей надъ ней грядою холмовъ, по гребню которыхъ протянулись ряды непріятельскихъ траншей, въ полномъ смыслѣ опутанныхъ колючей проволокой. Мѣстами число рядовъ загражденій передъ первымъ окопомъ достигало четырнадцати. Роши и перелѣски на склонѣ холмовъ превратились въ непроходимые завалы съ торчащими заостренными концами обрубленныхъ сучьевъ, толстыхъ буковъ, дубовъ и другихъ деревьевъ. Этого мало. Три ряда окоповъ оказались превосходными земляными городками, устроенными на глубинѣ до трехъ сажень, съ примѣненіемъ не только всѣхъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій, но и требованій комфорта, въ родѣ уютныхъ

¹⁾ „Нов. Вр“ 7 іюня.

офицерскихъ землянокъ съ мягкой мебелью, хорошо обставленными офицерскими собраніями, столовыми для солдатъ, умывальными и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены походныя окопныя лавочки, водопроводы и даже на скрещиваніяхъ ходовъ сообщенія и траншей бочки съ квасомъ.

Говорить о перекрытіяхъ изъ толстыхъ бревенъ, бетонированныхъ потолкахъ и стѣнахъ, блиндированныхъ укрытіяхъ для пулеметовъ и стрѣлковъ не приходится.

Непріятельскія батареи помѣщались подъ землей, въ крытыхъ бетонныхъ окопахъ и совершенно укрыто отъ глазъ воздушныхъ наблюдателей.

Удобство сообщеній въ трехъ рядахъ траншей было обезпечено частыми извилистыми ходами сообщеній, съ крышами изъ солидныхъ бревенъ, засыпанныхъ землей и дерномъ. Каждый рядъ окоповъ во избѣжаніе всякихъ случайностей отдѣлялся другъ отъ друга по поверхности земли паутиной изъ проволочныхъ загражденій.

Наши позиціи, хотя и сильно укрѣпленныя, находились въ худшихъ условіяхъ по сравненію съ господствующими надъ ними непріятельскими. Онѣ занимали болѣе низкіе холмы, а частично и болотистый берегъ Серета.

Началось наше наступленіе.

Орудійный огонь вскорѣ принялъ ураганный характеръ. Страшная паутина проволочныхъ загражденій подъ ударами снарядовъ разметывалась въ стороны, столбы превращались въ щепки и смѣшивались съ землей. Параллельная работа тяжелыхъ батарей дѣлала свое губительное дѣло, уничтожая непріятельскіе окопы и прикрытія, на мѣстѣ которыхъ оставались обломки, вспаханная почва и дымящаяся свѣжей землей глубокія воронки.

Враги смѣшались, не выдержали такого огня.

Произошла паника, люди метались, какъ во время пожара, по окопамъ, перебѣгали по ходамъ сообщеній изъ одной линіи въ другую, но напрасно; снаряды постигали ихъ, ложились правильными рядами и спасти было нельзя.

Насколько растерялись враги, можно судить уже потому, что мѣстами отдѣльныя воинскія части не вынесли нашего урагана и цѣлыми ротами выходили, ища спасенія, на поверхность земли. Здѣсь ихъ сметалъ сосредоточенный огонь пулеметовъ и винтовокъ...

И засталъ послѣдній актъ великой трагедіи.

Начинало темнѣть.

За двадцать версть съ ближайшаго пригорка уже виденъ горизонтъ, окутаенный дымомъ, разрывами снарядовъ, и несется сплошной рокочущей гуль.

Съ каждымъ поворотомъ колеса автомобиля по вновь продѣланному шляху мы ближе и ближе къ творимому людьми аду.

Стало совсѣмъ темно, автомобиль остановился, и передъ глазами то, чего забыть нельзя.

Низко нависшія грозовыя тучи съ рѣдкими просвѣтами усугубляли необыкновенно величественную, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно страшную картину. Все существо охватываетъ жуть: какъ бы уходишь изъ міра, перестасшь вѣрнуть въ существованіе людей, захваченныхъ неумолимой стіхіей.

Небо горитъ сплошнымъ заревомъ. Разрывы шрапнелей окрашиваютъ тучи въ пурпурно-красный цвѣтъ, мѣстами затянутый въ зловѣщую, постепенно рѣдѣющую, завѣсу порохового дыма.

Вы наблюдаете, какъ разорвалась краснымъ огнемъ шрапнель, за ней другая, третья и такъ безъ счета; глаза устали, перестаютъ отличать отдѣльные огни, ихъ смѣняютъ ломаныя линіи, зигзаги, на подобіе молній, а то просто клубки огня со щупальцами или крыльями дыма въ сторону.

На-ряду съ ними въ воздухѣ висятъ ярко бѣлые серебряныя шары-ракеты, совсѣмъ какъ электрическіе фонари на улицахъ большого города. Не успѣваетъ потухнуть одна, исчезнуть безъ малѣйшаго слѣда, на мѣсто ея появляются сразу три, четыре, образуютъ правильныя линіи вдоль всего фронта, направо и влѣво, навскольکو видитъ глазъ, и теряются за горизонтомъ.

Одновременно десятка три прожекторовъ скользятъ по небу, тучамъ, рѣжутъ воздухъ, мечутся изъ стороны въ сторону, устраивая сплошную свѣтовую пляску и мѣшаясь съ отдѣльными полосами свѣтовыхъ сигналовъ.

И думаю, знаменитыя елизаветинскіе „фейерверки и иллюминаціи“ показались бы ничтожествомъ по сравненію съ той массой свѣта разнородныхъ оттѣнковъ, сноповъ искръ, огней и отдѣльныхъ эффектовъ, которые даетъ картина современнаго ночного боя.

Изъ-за лѣснаго пригорка поднимается столбъ огня, рассыпаются въ пространствѣ искры, клубы чернаго дыма.

вздымаются_вверхъ, и пожаръ почему-то распространяется влѣво, противъ вѣтра.

Могучая, чарующая, но, повторяю, страшная красота!

Изъ оцѣпенѣнія выводитъ адскій гулъ, грохотъ, свистъ летящихъ по всѣмъ направленіямъ снарядовъ и отдаленные раскаты, какъ протяжное—а-а-ахъ, несутся по холмамъ. перекатываются по балкамъ и замираютъ со стономъ, какъ бы застревая, въ лѣсахъ, заросляхъ и придорожныхъ деревьяхъ. Раскаты-то и напоминаютъ, что страшное, непреодолимое достигло своей цѣли и принесло съ собой ужасъ.

Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Объ этомъ говорятъ груды человѣческихъ тѣлъ, разрушенныя укрѣпленія и тѣ сотни и тысячи обезумѣвшихъ плѣнныхъ, которыхъ отыскали въ подземныхъ казематахъ, скрючившихся, сидящихъ на корточкахъ и ожидавшихъ своей страшной участи.

Противъ страшнаго натиска нашихъ войскъ противостоять было трудно, и линіи укрѣпленій мало по малу начали переходить къ намъ.

Теперь первыя линіи, самыя укрѣпленныя. почти неприступныя—наши.

А вотъ и виновники кроваваго торжества, только-что вышедшіе изъ самаго пекла. Ихъ везутъ въ санитарныхъ повозкахъ и двуколкахъ на перевязочный пунктъ и дальше въ тылъ. Въ темнотѣ колышутся холщевые верхи, мигаютъ по бокамъ повозокъ фонари съ красными крестами, и изъ-подъ холщевыхъ пологовъ выглядываютъ уставшія лица недавнихъ бойцовъ.

Поговорите съ ними и вы услышите отъ cadaго одно--восхищеніе передъ работой артиллеріи.

— Помогла, голубушка.

— Не взять бы, коли бы не разгромила артиллерія ихнихъ позицій.

— Долбили, долбили, въ кашу превратили ихъ позиціи, наступали по горячимъ осколкамъ.

— Два года на войнѣ, а такого огня и съ ихъ стороны не бывало.

— Только тамъ въ цѣпи можно было понять и оцѣнить работу нашей артиллеріи. молиться на нее нужно...

Передаютъ это вамъ больные люди, а у самихъ глаза загораются довольнымъ фосфорическимъ блескомъ.

Объ успѣхахъ и трофеяхъ, десяткахъ тысячъ плѣнныхъ вы знаете изъ сообщеній штаба.

Отмѣчу только одно характерное явленіе настоящихъ

боевъ. Нашъ успѣхъ замѣчателенъ тѣмъ, что мы не имѣемъ дѣла съ чистыми австрійцами, которыхъ почему-то считаютъ плохимъ войскомъ, хотя и совершенно невѣрно.

Противъ насъ сейчасъ работаютъ отборныя войска, состоящія главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ и венгровъ“.

Передаютъ, что начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба Гетцендорфъ отставленъ отъ должности за наши галиційскія побѣды.

8 июня. Свѣдушіе люди передаютъ, что успѣхъ подписки на военный заемъ превзошелъ всѣ ожиданія. Народъ съ рѣдкимъ сочувствіемъ откликнулся на призывъ государства.

Оффиціозная софійская газета „Народное Право“ пишетъ: „Россія—главный очагъ всей европейской реакціи. Поэтому Россію необходимо навсегда уничтожить, ея гибель въ интересахъ европейскаго человѣческаго прогресса вообще, а прежде всего ея гибель въ болгарскихъ національных интересахъ... Поэтому Болгарія будетъ бороться съ Россіей и съ ея союзниками, кто бы они ни были, не на жизнь а на смерть“.

Еще одинъ изъ нашихъ полковыхъ батюшекъ ¹⁾.

Да, у насъ батюшка замѣчательный человѣкъ, — замѣчаетъ полковникъ.— Да вотъ посудите сами, какого вы совершеннаго человѣка имѣете въ лицѣ отца Онуфрія Рябухи. Какъ понимаетъ свой долгъ отецъ Онуфрій, расскажу коротко. Нашъ батюшка всегда съ полкомъ. Идетъ полкъ походомъ, пастырь его идетъ впереди, и непременно пѣшкомъ. Тысячи верстъ прошелъ полкъ въ своихъ безконечныхъ походахъ, маневрахъ, въ бою, и онъ съ нимъ. Пришелъ полкъ на позицію. Всѣ устали. Усталъ и отецъ Онуфрій, посѣрѣлъ весь. Отдохнуть бы,—нѣтъ! Батюшка идетъ въ окопы, благословляетъ стрѣлковъ на подвигъ. Дальше, заглянетъ въ заставы. Вотъ ночью разгорѣлась перестрѣлка. Батюшка уже тамъ. Да вотъ вамъ

¹⁾ „Новое Время“ № 14459 с. г.

этой весною на Двинѣ шель ледь. Островокъ, занятый нашей полуротою, оказался отъ насъ отрѣзаннымъ широкою полосою воды, по которой стремительно неслись льдины. Къ нѣмецкой же сторонѣ между островкомъ и берегомъ образовался заторъ. Прямое сообщеніе съ берегомъ. Бѣда! Полурота въ опасности быть перебитой или захваченной германцами въ плѣнъ. Ужь ночь на дворѣ. Мысль о людяхъ на островкѣ мучить. Батюшка вопросительно поглядываетъ на насъ всѣхъ, особенно долго всматривается въ меня, ожидая отъ меня какихъ-либо распоряженій, которыя могли бы выручить застрявшихъ на островкѣ молодцовъ. Сквозь шумъ вѣтра и идущей волны слышны выстрѣлы винтовокъ. Полуроту обстрѣливаютъ, отстрѣливается и она.

— Одна надежда на васъ, батюшка,—говорю отцу Онуфрію, подчеркивая полную невозможность помочь сейчасъ нашимъ ребятамъ на островкѣ.

Спустя нѣкоторое время мы замѣтили, что батя среди насъ нѣтъ. Гдѣ, что? Нигдѣ нѣтъ. Ночь была мутная, дулъ вѣтеръ съ дождемъ. Такъ вотъ вамъ, нашъ батюшка, надѣвъ епитрахиль съ крестомъ пошелъ на берегъ Двины. Противъ островка, стоя у самаго края воды, — служилъ молебень, о спасеніи рабовъ Божиихъ воиновъ, въ утѣсеніи находящихся. Пули, перелетая черезъ островокъ, пронизывали темноту ночи надъ нимъ, чиркали по мокрому песку у ногъ его. Разсвѣло. На островкѣ увидали батюшку, стоявшаго на берегу. Вѣтеръ трепалъ его намокшую одежду, развѣвалъ пряди волосъ. Рука его съ крестомъ не уставала благословлять небольшую кучку солдатъ, залегшихъ на островкѣ. Стрѣлки крестятся, лишь одинъ лежитъ, не шевелится. Зоркіе глаза отца Онуфрія, видѣвшіе тысячи смертей, замѣчаютъ убитаго. Онъ отиѣваетъ его. Осторожно полулежа, копаютъ товарищи ему могилу и, приподнявъ трупъ на рукахъ, показываютъ его отцу Онуфрію. Благословляетъ онъ павшаго крестомъ, раздѣленный отъ нихъ бурно несущею груды льда мутною Двиною. И, ставъ на колѣни, поетъ ему „вѣчная память“. Такаютъ выстрѣлы, визжатъ пули въ воздухъ. Ледь прошелъ. Команду перевезли на берегъ благополучно. Батюшка понялъ мои слова такъ, какъ онъ и могъ ихъ понять. Помочь имъ могъ только Богъ, и онъ пошелъ просить Его о томъ. Были у насъ горячія дѣла. Бывало, молодья, необстрѣлянные пополненія не выдерживали, поворачивали. Предъ ними выросла отецъ Онуфрій. Въ епитрахили, съ крестомъ въ

рукѣ, онъ ободрялъ ихъ и, ободривши, велѣ ихъ обратно на свои мѣста. Какъ-то нужна была наша контръ-атака на бѣшено насѣдавшего врага, и тутъ отецъ Онуфрій, высоко поднявъ крестъ, громкимъ голосомъ, покрывавшимъ весь шумъ боя, зоветъ: „Съ Богомъ впередъ“.

— Вотъ вамъ обликъ нашего батюшки, отца Онуфрія Рябухи,—заканчиваетъ полковникъ.

Я разсматриваю переданную мнѣ однимъ изъ офицеровъ фотографическую карточку священника. Строгое, хорошее лицо.

Великую силу черпаетъ духъ воина въ минуту смертельнаго боя, взглянувъ на крестъ, символъ Того, Кто жп-вотъ положилъ за други своя, за все человѣчество. Въ совершающемся вокругъ него аду ярко блеснетъ мысль: Богъ со мною. Велика заслуга полкового священника, не оставляющаго ввѣренныхъ его духовному попеченію солдатъ, дѣлящаго съ ними всѣ труды боевые и славную смерть, если это будетъ нужно.

„Вечернее Время“ передаетъ планы враговъ внутреннихъ такъ ¹⁾:

За моей спиной въ вагонѣ нѣкто въ порывѣ откровенности укорялъ своего пріятеля.

— Самъ каіся, голубчикъ... Предлагалъ тебѣ въ долю,—не соглашался,—теперь и сиди на бобахъ...

— Не хотѣлось мелочами заниматься...

— Хорошія мелочи, по семь—восемь тысячъ въ день кладу. Каждое утро кипа накладныхъ... И склада заводить не приходится,—одни почтовые расходы.

— А если агенты подведутъ...—пробовалъ найти утѣшеніе обойденный.—Тогда тебѣ не сдобровать...

— Чего добровать: торговые обороты, а донесутъ, сами первые въ кутузкѣ очутятся.

— Сколько же этого мыла скупилъ?

— Сколько, не знаю. Все, что было въ кускахъ: по всѣмъ крупнымъ магазинамъ требованія разослать...

— Ну, а процентикъ?

— Тоже не знаю... Самъ грамотный—разочти: кусокъ „душистаго“, который за двѣнадцать копѣекъ продавали,—у меня сорокъ, которые по тридцати были—рубль десять...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 8 іюня с. г.

„Русская Старина“, т. СХХІІ, Ноябрь, 1916 г.

И довольный оставленнымъ впечатлѣніемъ „удачникъ“ подщелкнулъ отъ удовольствія языкомъ.

— Процентикъ совсѣмъ маленькій...

И не видалъ лицъ разговаривавшихъ, но, судя по голосу,—обыкновенные гешефтмахеры.

Имъ совершенно безразлично—когда и на чемъ нажитъ, что скупить, на что повышать цѣны, а о послѣдствіяхъ интересуются только при подсчетѣ своихъ барышей.

Въ этомъ для нихъ „всѣ послѣдствія“.

Онъ вѣроятно и мыло-то, которое скупилъ, въ глаза не видалъ. Просто подстерегъ,—что подходитъ къ концу—и „сыгралъ“.

— На мыло, такъ на мыло,—не все ли равно.

Что гдѣ-то какого-то миллионера въ кутузку посадили, что открыли на складѣ спрятанный товаръ,—его не касается. Мало что дѣлается на свѣтѣ: за всѣмъ не угонишься.

— Всѣхъ не пересажаешь... и на этой мысли симпатичнѣйшей „комбинаторъ“ успокаивается, до подысканія новаго подходящаго товарца.

Обычный скупщикъ.

А есть и другого сорта операциі.

* * *

Прежде чѣмъ скупать товаръ, „скупаютъ подходящаго молодца“.

Къ дому на Обводномъ подѣзжаютъ два интеллигента. Новые люди—у нихъ кооперативъ въ пригородѣ. Осматриваются.

— Почему нѣтъ вывѣски?.. Вѣрно, не туда попали...

— Спроси у дворника.

Спрашиваютъ.

— Тутъ оптовый складъ муки и крупы?

— Никакихъ у насъ складовъ нѣтъ.

— Вѣрно, ошиблись... Посмотрите-ка на записку.

Пробѣгаютъ по запискѣ съ печатью. Все правильно.

Называютъ дворнику фамилію „оптовика“.

— Такъ бы и говорили...

Дворникъ презрительно улыбается и тычетъ пальцемъ.

— На второмъ дворѣ... въ подвалѣ...

Приѣхавшіе за мукой въ полномъ недоумѣніи. Разыскиваютъ подвалъ.

— Кто ихъ купцовъ знаетъ: можетъ, и дѣйствительно оптовикъ съ придурью:—въ подвалѣ живетъ.

Спускаются по грязной лѣстницѣ въ низокъ. Стучатся. Встрѣчаютъ отборное ругательство:

— Шляются днемъ и ночью... Черти окаянныя... Кого вамъ?

— Мы за мукой... Намъ оптовика Уступова...

— Идола моего... Со вчерашняго дня не возвращался: вѣрно, опять въ холмушахъ ханжой обожрался...

Новые люди ничего не понимаютъ.

Подвалъ, оптовикъ, ругающаяся баба... А въ рукахъ бумажка съ фамиліей оптовика и просьбой отпустить столько-то пудовъ муки и крупы для потребительскаго общества.

Идутъ за разъясненіемъ въ домовую контору и получаютъ справку, что „оптовикъ“ снимаетъ за три рубля уголь и безпробудно тянетъ ханжу.

— А торговля?

— За него другіе торгуютъ, смѣется дворникъ.. Не вы первые сюда приходите. Подставной „нашъ“,—поняли?..

Поняли...

— А какъ же бумажка съ приказомъ на муку?..

Это уже другой сортъ операцій.

* * *

Если со скупщиками бороться трудно, и они мало уязвимы, то подставныхъ мукомоловъ и оптовиковъ обнаружить совсѣмъ легко. Надо только провѣрять, кто эти господа, не довольствуясь донесеніями мелкихъ агентовъ.

Въ городскихъ кругахъ поднять вопросъ о развитіи городскихъ санитарныхъ попечительствъ, которыя теперь могутъ сыграть особую роль въ виду борьбы съ квартирной нуждой, дороговизной жизни и неизбежными съ нуждой заболѣваніями.

9 іюня. Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ напечатаны письма покойнаго профессора Московской духовной академіи П. С. Казанскаго къ его родному брату, и въ нихъ есть много интереснаго о состояніи тогдашняго Прибалтійскаго края, которымъ тогда, въ 1865 году, правилъ гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ, а рижскимъ архіепископомъ былъ Платонъ, энергично трудившійся для пользы православія.

Генераль-губернаторъ „просилъ Платона не печатать письма противъ пастора Добнера“, а владыка поступилъ

по вѣдѣнію своего пастырскаго долга—и пострадалъ: ему предписано было выѣхать немедленно къ мѣсту своего новаго служенія, минуя Петроградъ и Москву...

Книга Ю. Самарина „Окраины Россіи“,—разоблачающая остзейскіе порядки, считалась самой революціонной и подверглась жестокайшему запрету.

Главнначальствующій Нижегородской губерніи, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, постановилъ выслать изъ предѣловъ губерніи на все время охраны г-жу Рубцову, родственницу землевладѣлицы Рубцовой, имѣніе которой находится въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Высылка послѣдовала за „чрезвычайно снисходительное отъшеніе“ высылаемой къ военноплѣнному, присланному въ имѣніе Рубцовой на сельскохозяйственныя работы. По распоряженію высылаемой, этотъ военноплѣнный былъ назначенъ десятникомъ надъ русскими рабочими.

10 іюня. Въ Парижѣ состоялась между союзниками экономическая конференція, имѣвшая цѣлью выработать данныя противъ экономическаго засилія Германіи.

Кадеты и разные деки хотѣли влести еврейскій вопросъ въ крестьянскій, но это имъ не удалось. Дума голосовала противъ.

Великій шерифъ Мекки провозгласилъ независимой Аравію отъ Турціи.

11 іюня. Отношеніе къ плѣннымъ нѣмцамъ продолжаетъ быть по-прежнему позорнымъ, въ вѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ откармливаютъ на убой, дамочки съ ними флиртуютъ, они позволяютъ себѣ бастовать и уклоняться отъ работъ. А въ то же время нашихъ плѣнныхъ пытаются, на нихъ какъ на скотахъ работаютъ, и они ввиду плохой пищи, медленно вымираютъ.

Умираетъ изъ четырехъ одинъ. Неужели нельзя пригрозить наглому нѣмцу такъ, какъ это сдѣлали французы, и тѣмъ облегчить участь нашихъ несчастныхъ?

На городскихъ телефонахъ обращеніе съ барышнями г.г. Похвистнева и Пыляя заслуживаетъ самаго жестокаго осужденія.

Въ то самое время какъ у насъ борьба съ нѣмецкимъ засильемъ стоитъ на мертвой точкѣ, вотъ какое отношеніе къ нѣмцамъ во Франціи ¹⁾:

Министръ юстиціи внесъ въ парламентъ законопроектъ о предоставленіи судебнымъ властямъ права лишать послѣ состязательнаго процесса французской національности натурализованнаго иностранца, „сохраняющаго свою прежнюю національность“. Сохраняющимъ же прежнюю національность разсматривается каждый натурализованный иностранецъ, который послѣ натурализаціи, либо одинъ или нѣсколько разъ посѣщалъ свою прежнюю родину, либо приобрѣлъ въ послѣдней собственности, либо принимаетъ участіе въ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ на своей прежней родинѣ, либо имѣетъ тамъ постоянное мѣсто жительства, и если при всемъ этомъ относительно даннаго натурализованнаго иностранца существуютъ опредѣленные подозрѣнія въ сохраненіи имъ привязанности къ своей прежней родинѣ.

„Новое Время“ сообщаетъ ²⁾:

Екатеринославъ, 9 іюня. Губернаторъ отказалъ поддержать ходатайство губернской земской управы объ отпускѣ плѣнныхъ нѣмцевъ для сельскихъ работъ въ нѣмецкихъ экономіяхъ и проситъ главное управленіе генеральнаго штаба прислать турокъ.

12 іюня. Передаютъ ³⁾, что на совѣщаніи губернаторовъ противъ распущенности военноплѣнныхъ рѣшено предоставить губернаторамъ по назначенію ареста военноплѣнныхъ права командира полка.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 11 іюня.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Новое Время“ 12 іюня.

Пароходъ „Меркурій“ погибъ отъ германской мины на Черномъ морѣ, проходившій вблизи пароходъ „Потемкинъ“ позорно бѣжалъ, въ то время какъ командиръ „Меркурія“ кричалъ пассажирамъ, чтобы они надѣвали брошенные имъ пояса. Капитанъ не зналъ, что на пароходѣ нѣтъ спасательныхъ поясовъ, а есть спасательные нагрудники. Пассажиры надѣвали ихъ какъ поясъ на животъ, и гибли, голова тяжелѣе и она перетягивала.

Вотъ какъ распредѣляются плѣнные, взятые въ Галиційскихъ бояхъ ¹⁾:

Самая замѣчательная картина развертывается на сортировочномъ пунктѣ для плѣнныхъ на станціи „Д.“.

Это—огромный австрійскій городъ.

Туда и оттуда тянутся безконечные поѣзда, полные синихъ фигуръ. На десяткахъ путей по насыпямъ и вездѣ вокругъ бродятъ тѣ же синія фигуры,—это уже привыкшіе и служащіе здѣсь какъ рабочіе. Теперь они подходят къ поѣздамъ, спрашиваютъ, ищутъ земляковъ и знакомыхъ. Ихъ довольный и веселый видъ дѣйствуетъ успокаивающе на только-что прибывшихъ.

Черезъ пунктъ должны проходить все плѣнные юго-западнаго фронта, но, конечно, опъ рассчитанъ на нормальное количество, на 15—20 тысячъ человекъ,—теперь же тамъ творится нѣчто фантастическое. Плѣнныхъ тамъ стараются держать какъ можно меньше, 2—3 дня, но все-таки они скопляются въ немовѣрномъ количествѣ. При чемъ надо отмѣтить еще одинъ интересный фактъ: дѣйствительное число плѣнныхъ, какъ устанавливаетъ окончательная регистрація, больше цифръ, приводимыхъ въ сообщеніяхъ Главнокомандующаго. Это происходитъ отъ того, что многія части не сообщаютъ о маленькихъ группахъ плѣнныхъ,—ну, такъ до 30-ти человекъ, а въ концѣ-концовъ, эти маленькія группы даютъ солидную цифру.

Распредѣлительный пунктъ устроенъ образцово, съ изоляторомъ для заразныхъ и подозрительныхъ, съ госпиталемъ, кухнями и т. д., но теперь страшно перегруженъ.

Когда прибываетъ свѣжій эшелонъ плѣнныхъ, ихъ прежде всего обыскиваютъ, и что забавнѣй всего,—тоже австрійцы, но уже служащіе при пунктѣ въ качествѣ рабочихъ. У плѣнныхъ отбираютъ индивидуальныя пакеты, ножи и т. п. вещи, оставляя все ихъ личное имущество. Подходятъ они на обыскъ въ порядкѣ, рядами. Затѣмъ

1) „Рус. Сл.“ 12 іюня.

идеть санитарный осмотръ, при чемъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ сейчасъ же отдѣляютъ. Наконецъ, регистрація. На каждого плѣннаго составляется карточка. Она, прежде всего, нужна для самого плѣннаго, чтобы его родные могли его отыскать,—тамъ обозначены фамилія, имя, возрастъ, часть и т. д. Затѣмъ плѣнные сортируются по профессіямъ: слесаря пойдутъ на заводы, землекопы на однѣ работы, полевые рабочіе—на другія, и т. д.

Вся эта огромная толпа копошится за заборомъ лагеря: моются, чинятся, и т. д. Около крановъ съ водой невѣроятная давка, и дежурные солдаты совершенно безсильны установить порядокъ. Это пьютъ австрійцы.

Около кухонь стоятъ нѣсколько очередей синихъ и одна сѣрая. Въ первыхъ шумъ, гамъ, толкотня и безпорядокъ, который мѣшаетъ самимъ же голоднымъ добиться ѣды. Среди же сѣрыхъ людей съ красными околышами абсолютный порядокъ. Это—нѣмцы. У нихъ и въ плѣну все идетъ по командѣ, размѣренно и точно. Все въ порядкѣ, всѣмъ требованіямъ они подчиняются, но видъ у нихъ озлобленный и мрачный,—не то, что австрійцы, которые шутятъ и поютъ.

Германцевъ приходится строже стеречь,—охотно бѣгаютъ. Ихъ забрано тоже много въ плѣнъ,—я въ этомъ убѣдился собственными глазами,—такъ приблизительно $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всѣхъ взятыхъ плѣнныхъ, ибо сѣвернѣй Луцка дерутся исключительно германцы.

Они сдаются неохотно... Недавно въ атакѣ стрѣлки налетѣли на офицера, который, разстрѣлявъ всѣ патроны въ револьверѣ, выхватилъ ножъ и бросился съ ножомъ; когда его вышибли у нѣмца, тотъ сталъ драться кулаками. Солдаты, не хотѣвшіе убивать храбреца, были вынуждены связать его, при чемъ говорили:

— Ай, да паря, такого и взять занятно.

Въ плѣну нѣмецкіе офицеры тоже держатся лучше австрійскихъ: если проходишь,—козыряютъ, даже встаютъ и избѣгаютъ чего-либо просить.

Австрійцы толпятся, шумятъ, постоянно что-то просятъ. Правда, я ихъ видѣлъ сразу больше тысячи.

А вотъ прибылъ новый эшелонъ, при немъ полковникъ. Онъ вытягивается передъ новымъ ему русскимъ начальствомъ и рапортуетъ:

— Прибылъ съ двадцатью пятью офицерами и однимъ

безъ бумагъ и одѣтымъ не по формѣ, памъ опъ неизвѣ-
стенъ (eine unbekante Person).

— Отлично, для насъ онъ также будетъ неизвѣстнымъ.

— Такъ!—довольно объявляетъ оберсть,—а мы очень хотимъ ѣсть...—Его лицо, толстое, неинтеллигентное, типъ буфетчика, дѣлается просящимъ:—Мы съ утра ничего не ѣли.

— У васъ есть деньги?

— О, да!

— Выбирайте делегата, онъ пойдетъ съ двумя солдатами и купить, что можно.

— А нельзя ли чего горячаго?

— Къ сожалѣнiю, офицерскаго сегодня уже нѣтъ,—васъ прѣзжаетъ такъ много, что все съѣдено.

— Ну хоть что-нибудь горячее,—не отстаетъ полковникъ.

— Если хотите—солдатское.

— Gut, gut! Вы намъ дадите солдатское, и делегатъ купитъ.

13 *iюня*. Приводимъ извлеченiе изъ письма раненаго нашего полковника о бояхъ на Волынн и Галицин ¹⁾ и рассказъ плѣннаго австрийца:

Настроение армiи великолѣпное, независимо отъ успѣшнаго наступленiя.

Всюду наблюдается спокойная увѣренность въ своихъ силахъ, въ конечномъ полномъ успѣхѣ.

Въ общей массѣ никакого утомленiя или унынiя совершенно не наблюдается; неизмѣнная бодрость царитъ во всѣхъ частяхъ, стоятъ ли онѣ въ окопахъ или въ резервѣ.

Къ наступленiю готовились съ большимъ одушевленiемъ и дѣловитой серьезностью, взвѣсивая всѣ шансы за и противъ.

Удачное наступленiе въ значительной степени подняло духъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими ранеными моего полка,—ни одной жалобы на страданiе, каждый полонъ сознаниа, что принесенная имъ жертва нужна общему дѣлу, и что онъ, проливъ свою кровь, исполнилъ долгъ; каждый выражалъ горячее желанiе поскорѣй поправиться, чтобы вновь вернуться въ строй и вновь поработать для общаго

¹⁾ „Русс. Слово“ 13 *iюня*.

святого дѣла; выражали лишь сожалѣніе, что рано ранены. Встрѣчаемые по пути эшелоны съ пополненіями, идущими на позиціи, поражали своимъ одушевленіемъ; получалось впечатлѣніе, что люди рвутся въ бой.

Плѣнные одѣты въ большинствѣ хорошо, но имѣютъ изнуренный видъ; говорили, что 4 сутокъ не получали пищи; встрѣчались пьяные.

Мое глубокое, искреннее убѣжденіе, что при создавшемся обиліи снарядовъ, при извѣстной выдержкѣ, при наблюдающейся тщательной продуманности операций и методичности ихъ исполненія никакія самыя сильныя позиціи противника не устоятъ.

Когда придетъ время, такъ же будутъ сломлены оборонительныя линіи германцевъ на любомъ фронтѣ.

Разсказъ плѣннаго австріяца.

Очень интересныя подробности передаетъ о нашемъ наступленіи на юго-западномъ фронтѣ одинъ изъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, находившійся въ передовыхъ окопахъ и, по его выраженію, чудомъ спасшійся отъ убійственнаго огня нашей артиллеріи.

— Нашъ „альпійскій“ отрядъ, состоявшій изъ хорватовъ, словинцевъ и тирольцевъ, стоялъ къ сѣверу отъ Черновицъ въ передовыхъ окопахъ, которые и подверглись всеокрушающему огню русской артиллеріи. Кстати могу сказать, что въ частности для нашего отряда русское наступленіе не было полной неожиданностью. Дѣло въ томъ, что одинъ инженеръ-хорватъ сконструировалъ беспроволочный телефонъ и при помощи своего аппарата перехватывалъ телефонныя разговоры и приказы, передававшіеся русскимъ полкамъ, находившимся на передовой линіи. Именно приказъ объ открытіи артиллерійскаго огня по всей линіи былъ перехваченъ задва часа до перваго выстрѣла. Однако, мы не вѣрили въ серьезность этого приказа и не придавали ему никакого значенія, такъ какъ подобныя приказы издавались русскимъ штабомъ 2, 15, 19 и 25-го мая и 1-го іюня, и все-таки послѣ нихъ продолжало царить затишье. Согласно приказу, перехваченному нашимъ беспроволочнымъ телефономъ, общее наступленіе было назначено на 5-е іюня, а, между тѣмъ, оно состоялось 4-го іюня.

Всѣ эти даты я называю по нашему календарю. Потомъ, повторяю, послѣдовалъ приказъ объ открытіи артиллерійскаго огня, и мы опять не повѣрили, но...

Австріецъ оборвалъ свой разсказъ, и лицо его перекошилось при воспоминаніи о пережитыхъ ужасахъ.

— Но мы ошиблись,—продолжалъ онъ.—Артиллерійскій огонь дѣйствительно начался, и съ такой силой, что, казалось, все рушится кругомъ насъ. Насъ сразу окружила огневая завѣса, сквозь которую никто не могъ пробиться. Не только мы, находившіеся въ передовой линіи, но и тѣ, кто стоялъ непосредственно позади насъ, и другіе, стоявшіе еще гораздо дальше, вплоть до того мѣста, куда доставала эта огневая завѣса,—всѣ мы находились въ какомъ-то аду, въ которомъ все бурлило, клокотало отъ страшныхъ разрывовъ. Люди падали, рушились окопы, взрывались наши мины и фугасы. Черезъ какой-нибудь часъ все было разметано, сравнено съ землей, но огонь не стихалъ, а, наоборотъ, дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Но вотъ онъ прекратился, и тронулась пѣхота. Словно волна катилась къ намъ. Послѣ этого страшнаго грохота орудій плавное и мощное „ура“ русскихъ солдатъ, доносившееся до нашихъ ушей, казалось еще страшнѣе, потому что уже двигалась живая сила. А кругомъ насъ были только трупы, трупы и трупы... Изъ шести полковъ альпійскаго отряда почти ничего не осталось: двѣ трети погибло, а одна треть попала въ плѣнъ. Изъ пяти офицеровъ нашей роты остались въ живыхъ только командиръ-мадьяръ и я съ 16-ю солдатами. 230 солдатъ нашей роты погибли, а 14 пропали безъ вѣсти. Насколько былъ сокрушителенъ этотъ русскій налетъ,—видно еще изъ того, что именно здѣсь, на нашемъ фронтѣ, былъ взятъ въ плѣнъ одинъ нашъ генералъ вмѣстѣ со своей женой, которая только что пріѣхала навѣстить его. Онъ даже не могъ отправить жепу въ ближайшій тылъ.

Относительно боевъ на остальномъ фронтѣ нашъ собесѣдникъ могъ сообщить лишь нѣкоторыя подробности объ участкѣ, непосредственно прилегавшемъ къ Черновицамъ.

— Вокругъ Черновицъ и вплоть до румынской границы стояли мадьяры, но у нихъ, пожалуй, было еще хуже, чѣмъ въ нашемъ альпійскомъ отрядѣ. Мои товарищи-офицеры, находившіеся въ этомъ секторѣ, рассказывали мнѣ, что они никогда не могли представить себѣ, чтобы могъ быть такой

ураганный огонь съ русской стороны, какой былъ у Черновицъ. Изъ ихъ разсказа и разсказовъ товарищей изъ районовъ Лупка и Дубны, а также изъ того, что я лично видѣлъ на нашемъ секторѣ, я вывожу заключеніе, что наши войска потеряли во время русскаго прорыва, и то только въ первые дни, одними убитыми отъ 250 до 300 тысячъ. Для насъ особенно чувствительны потери въ офицерскомъ составѣ. У насъ и такъ нѣтъ офицеровъ, а тѣ, что есть,—большей частью мальчишки 17—19-ти лѣтъ. Если русскія войска уже перешли Прутъ,—то наши войска не могутъ оказать имъ никакого сопротивленія вплоть до Карпатъ.

Можетъ-быть, я изнервничался и сталъ цессимистомъ, но я не вѣрю, чтобы мы, австрійцы, вышли побѣдителями изъ этой войны. Вѣдь, у насъ больше не осталось никакихъ резервовъ. Мы взяли даже людей 53-лѣтняго возраста. Другое дѣло, если намъ помогутъ германцы, но хватитъ ли и у нихъ этой живой силы? Вѣдь, всему бываетъ предѣлъ...

При организаціи нашей промышленности на будущее время необходимо, чтобы всѣ отрасли одной промышленности были тѣсно слиты, чтобы фабрики, выдѣлывающія предметы, и заводы, доставляющіе готовый матеріалъ, находились рядомъ.

14 іюня. Корреспондентъ „Развѣдчика“ приводитъ мнѣніе боевого офицера о составѣ людей ¹⁾ на фронтѣ:

Пріѣхавшій къ сосѣдямъ молодой генералъ Р—съ З—чь дѣлится своимъ опытомъ почти двухгодичнаго пребыванія на фронтѣ въ должностяхъ командира полка и начальника штаба дивизіи.

— Фронтъ такъ интересенъ, что я во всю мою жизнь не встрѣчалъ такъ много интересныхъ людей, какъ за короткое время двухъ лѣтъ войны. Вѣдь все слабое, безвольное, больное ушло изъ арміи, устроившись въ тылу, а здѣсь остались лишь люди съ характеромъ, въ большинствѣ случаевъ смѣло смотрящіе смерти въ глаза.

Я говорю, разумѣется, лишь о кадровыхъ офицерахъ. А самая постоянная близость смерти обнаруживаетъ естественныя свойства cadaго, и человекъ видишь, каковъ онъ есть.

¹⁾ „Развѣдчикъ“ 1916 г. 14 іюня.

Вглядитесь въ передовой составъ арміи не только строевыхъ, но также врачей, чиновниковъ, священниковъ, сестеръ милосердія, уполномоченныхъ передовыхъ отрядовъ. Здѣсь теперь на-лицо цвѣтъ Россіи — лучшіе, самые способные, твердые представители всѣхъ классовъ населенія.

Подвижной, энергичный, боевой генералъ, не разъ водившій свой полкъ въ атаку, завладѣваетъ общимъ вниманіемъ, и передъ слушателями развертывается картина жизни передовыхъ частей съ характеристиками ихъ дѣятелей на различныхъ отрасляхъ службы. И въ мастерской обрисовкѣ во весь ростъ встаютъ, какъ живые, скромные представители передового состава арміи, выполняющаго свой тяжелый долгъ передъ Государемъ и родиной, не думая въ страшныя минуты, которыя имъ приходится переживать, объ отличіяхъ, и вспоминая о нихъ лишь въ минуты бездѣлья и скуки.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ¹⁾ такъ свидѣтельствуетъ о количествѣ забираемыхъ плѣнныхъ: Время отъ времени обгоняю колонны пѣхоты. Батальоны, полки, бригады, дѣля дивизіи, — все это течетъ и вливается мощнымъ потокомъ въ прорывъ, произведенный войсками первой линіи.

А навстрѣчу почти непрерывно идутъ синне-сѣрыя колонны плѣнныхъ. И трудно рѣшить, которыя больше: эти или тѣ, которыя я обгоняю?

15 іюня. „Новое Время“ ²⁾ сообщаетъ. „По распоряженію главнаго начальника Одесскаго военнаго округа и генераль-губернатора отъ 6 іюня, Екатеринославскій домовладѣлецъ, мировой судья 5 уч. Екатеринославскаго уѣзда, статскій совѣтникъ Е. Ф. Гудаловскій, за недопустимыя дѣйствія, направленные къ самоуправному выселенію квартирантовъ, отказъ въ отдачѣ квартиры военному чину и повышеніе объявленной квартирной платы, — подвергнутъ штрафу въ 3.000 руб., а при неуплатѣ—высылкѣ административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ военнаго округа.

¹⁾ „Русское Слово“ 14 іюня с. г.

²⁾ „Новое Время“ 15 іюня с. г.

Петроградское телеграфное агентство передаетъ изъ Макарьева: домовладѣлецъ Майоровъ, за самовольное безъ суда выселеніе квартиранта съ семьей и вещами, главноначальствующимъ подвергнуть 3-мѣсячному тюремному заключенію.

Государственной Думой крестьяне уравнены въ правахъ съ другими сословіями.

Князь С. П. Мансуревъ выступилъ съ внѣ-очереднымъ заявленіемъ по вопросу о нѣмецкомъ засилѣ и о необходимости поставить этотъ вопросъ въ первую очередь.

Г. Курдюмовъ въ „Новомъ Времени“ указываетъ о значеніи Галиційскаго наступленія ¹⁾:

Несомнѣнно, ударъ генерала Брусилова явился тѣмъ оживляющимъ электрическимъ токомъ, который пробѣжалъ по всей линіи громаднаго русскаго фронта и зажегъ еще болѣе горячую силу въ рядахъ нашихъ войскъ. Эта сила постепенно накоплялась во время длительной и тягостной войны: подъ ударами хорошо подготовленнаго непріятеля формировалась, крѣпла и обучалась наша армія, въ борьбѣ обрѣтая опытность и возрастающую жажду побѣды. И слышались мнѣніе и старыхъ знающихъ генераловъ, далекихъ отъ увлеченій, и кадровыхъ офицеровъ, продѣлавшихъ еще всю японскую кампанію, и общій голосъ ихъ былъ: приходится удивляться почти чудесному по своей быстротѣ преобразенію нашей арміи. Можетъ быть, мы дѣлали много ошибокъ, но ни одна не пропала даромъ—мы все время учились, неустанно брали кровавые уроки, и нельзя не вѣрить, что „русское войско, выкованное подъ огнемъ, не доведетъ этой войны до побѣднаго конца“.

Передаютъ интересный разсказъ, какъ на фронтѣ пѣли Дубинушку ²⁾.

„И затынетъ родную дубину“..

Даже на фронтѣ. Даже подъ обстрѣломъ.

У деревни Б. наша воздушная артиллерія блестяще подбила нѣмецкій аэробланъ.

¹⁾ „Новое Время“ 15 іюня с. г.

²⁾ „Рус. Сл.“, № 137 сего года.

Пилоту удалось, однако, болѣе или менѣе благополучно добраться до земли, но выборъ самаго мѣста „приземленія“ былъ уже внѣ его воли. И аппаратъ „ткнулся“ какъ разъ посреднякъ между нашими и непріятельскими проволочными загражденіями.

Пилотъ и наблюдатель счастливо бѣжали къ своимъ.

Среди поля одиноко и безпомощно лежала подстрѣленная стальная птица, и теперь сразу же возникъ вопросъ: чьей должна она быть добычей?

Кусокъ былъ слишкомъ лакомый, и поступиться имъ не желала ни та, ни другая сторона.

Началось состязаніе и въ храбрости, и въ ловкости, и въ хитрости, и въ силѣ.

Темной ночью наши смѣльчаки безшумно подползли къ аппарату, и вдругъ сюрпризъ: такіе же смѣльчаки нашлись и у врага.

Неожиданная встрѣча и кровавая возня вокругъ машины, а машина въ результатѣ остается на мѣстѣ.

Ходили наши за „германомъ“ и ночью, и днемъ, но не дремали и нѣмцы: видимо, очень уже имъ не хотѣлось разстаться со своимъ дѣтищемъ,—встрѣчи и схватки безплодно длились цѣлую недѣлю.

И тѣхъ, и другихъ сталъ брать задоръ. Овладѣніе аппаратомъ стало какъ бы вопросомъ боевого самолюбія.

Нашимъ это состязаніе уже стоило двѣнадцати чело-вѣкъ, нѣмцамъ—значительно дороже.

Наконецъ, земляки рѣшили дать послѣдній и рѣшительный бой. Съ великими предосторожностями подобрались они къ аппарату, привязали къ нему веревку и торжественно вернулись къ себѣ. Теперь осталось лишь улучшить моментъ и тянуть,—нѣмецъ будетъ „накрытъ“.

Вотъ насталъ этотъ подходящій моментъ, земляки взяли за конецъ веревки, потянули,—не тутъ-то было! Оказалось, что нѣмцы тоже не зѣвали и съ такою же удачей привязали къ аппарату веревку со своей стороны.

Наши тянутъ, тянутъ и нѣмцы. Пошло дѣло на то, кто кого перетянетъ.

Со смѣхомъ и шутками повысыпали изъ окоповъ земляки, какъ мухи облѣпили веревку, кто-то затынулъ:

Эй, дубинушка, ухнемъ...

Подхватили остальные—и впервые, вѣроятно, надъ око-

нами заколыхалась пѣсня далекаго отсюда мирнаго трудового тыла.

И „родная дубина“ побѣдила,—наши перетянули.

16 *іюня*. Изумительную комедію съ вопросомъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ творить въ Государственной Думѣ прогрессивный блокъ. Къ началу открытія сессіи Г. Думы проектъ былъ совершенно готовъ и разосланъ депутатамъ. Господа блокислы оттягивали всячески его разсмотрѣніе.

Увертки эти не дали явнаго результата, и сегодня пришлось поставить вопросъ ребромъ. Произвести поименное голосованіе о постановкѣ къ разсмотрѣнію этого законопроекта.

Подсчетъ поданныхъ записокъ далъ слѣдующее: за постановку законопроекта о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія на повѣстку въ четвергъ высказалось 115 депутатовъ, противъ 86 депутатовъ; воздержалось отъ голосованія 16 депутатовъ. Отсутствовало въ залѣ засѣданія 195 депутатовъ, изъ которыхъ 94 находятся въ отпуску.

Сохранимъ для потомства имена тѣхъ депутатовъ, которые голосовали противъ разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ въ настоящую сессію вопроса о нѣмецкомъ засильѣ:

Противъ голосовали: *Аджемовъ* (к.-д.), *Александровъ* (к.-д.), *Алмазовъ* (к.-д.), *Арефьевъ* (з.-о.), *Аристарховъ* (лѣв. окт.), *Ахтямовъ* (мусульм.), *Байтеряковъ* (мусульм.), *Барышниковъ* (прогр.), *Бомашъ* (к.-д.), *Бубликовъ* (прогр.), *Бурьяновъ* (безпарт.), *Велиховъ* (к.-д.), *Вершининъ* (труд.), *Винбергъ* (к.-д.), *Волковъ* (к.-д.), *Воронковъ* (к.-д.), *Вороновъ* (безпарт.), *Востротинъ* (к.-д.), *Гамовъ* (к.-д.), *Гладышъ* (к.-д.), *Годневъ* (лѣв. окт.), *Грибуницъ* (прогр.), *Гутопъ* (к.-д.), *Джафаровъ* (мусульм.), *Дзюбинскій* (труд.), *Добровольскій* (к.-д.), *Дрибинцевъ* (з.-о.), *Еникеевъ* (мусульм.), *Еремипъ* (к.-д.), *Ефремовъ* (прогр.), *Ивановъ 1-й* (к.-д.), *Кабановъ* (к.-д.), *Калугинъ* (прогр.), *Каніистъ 2-й* (з.-о.), *Кейнисъ* (труд.), *Керенскій* (труд.), *Клюжевъ* (лѣв. окт.), *Кривоноговъ* (прогр.), *Львовъ 2-й* (центр.), *Маклаковъ* (к.-д.), кс. *Мацѣвичъ* (польск. коло), *Мельгуновъ* (прогр.), *Миляковъ* (лѣв. окт.), *Некрасовъ* (к.-д.), *Николаевъ* (к.-д.), *Новиковъ 2-й* (к.-д.), гр. *Орловъ-Давыдовъ* (прогр.), от. *Остроумовъ* (з.-о.), *Охлябининъ* (з.-о.), *Павлиновъ* (прогр.), *Панкѣевъ* (к.-д.), *Пападжановъ* (к.-д.), *Пепеляевъ* (к.-д.), *Поздняковъ* (к.-д.), *Ржевскій* (прогр.), *Родзевичъ* (прогр.), *Родичевъ* (к.-д.), *Ростовъ*

певъ (з.-о.), Русановъ (труд.), Рысевъ (труд.), Рычковъ (безпарт.), Салазкинъ (к.-д.), Сверчковъ (центр.), *Скобелевъ* (с.-д.), Старлычановъ (труд.), Стемпковскій (з.-о.), Степановъ (к.-д.), Сувчинскій (нац.), Сухановъ (труд.), Таскинъ (к.-д.), Тевкелевъ (мусульм.), Тимиревъ (з.-о.), Тимофеевъ (к.-д.), Туляковъ (с.-д.), Тучковъ (лѣв. окт.), Филатовъ (прогр.), Франгуловъ (прогр.), *Фридманъ* (к.-д.), Хаустовъ (с.-д.), Хохловъ (з.-о.), Черносветовъ 1-й (к.-д.), Черячукинъ (к.-д.), *Шидловскій 1-й* (лѣв. окт.), *Шульгинъ* (нац.), Эрнъ (к.-д.), Янушкевичъ (труд.).

Нелицепріятный судъ исторіи скажетъ впоследствии свое рѣшеніе этимъ господамъ.

17—23 іюня. Изъ Берна и Амстердама сообщаютъ, что подъ предсѣдательствомъ кайзера состоялся военный совѣтъ, который постановилъ отнынѣ на всѣхъ фронтахъ перейти къ оборонѣ. Наступленіе на Верденъ и Ковель имѣеть назначеніемъ парализовать наступленіе союзниковъ. Главной причиной этого рѣшенія является невозможность замѣнить потери и невысокія качества рекрутовъ, слишкомъ молодыхъ или слишкомъ пожилыхъ.

Наступленіе французовъ и англичанъ началось.

Корреспондентъ „Развѣдчика“ ¹⁾ трогательно рассказываетъ о пребываніи Государя Императора въ одномъ изъ городовъ тыла:

Это было въ день пріѣзда Государя. Восторженно и чинно встрѣчалъ Х. своего Монарха. Тихій, сосредоточенный, простой, по-походному, въ рубашкѣ толстаго сукна и коричневой форменной перчаткѣ на лѣвой рукѣ стоялъ Опъ въ соборѣ во время безконечно-длиннаго, торжественнаго архіерейскаго служенія. Чуть-чуть постарѣлъ за эти два года, да ясныя голубые глаза смотрѣли менѣе нѣжно, болѣе сосредоточенно и грустно, какъ будто темнили ихъ глубоко за ними ходившія мысли о тѣхъ страдальцахъ, для которыхъ Опъ пріѣхалъ сюда, думы тяжелыхъ заботъ и бремя великой отвѣтственности, которую ему въ удѣлъ назначила воля Всевышняго Творца. Истово крестился во время ектеніи: „О матери Его Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ“, „о Наслѣдникѣ Его и Великомъ Князѣ Алексѣе Николаевичѣ“... провозглашалъ протодіаконъ Вербицкій

¹⁾ „Развѣдчикъ“, № 1336.

густымъ жирнымъ рокочущимъ басомъ. И вслѣдъ за небольшимъ, какъ бы сжатымъ крестнымъ знаменіемъ Царя, отъ самаго переносья, гдѣ задерживалась рука, до середины груди, подымалось множество рукъ, особенно слѣва, гдѣ стояли дамы, не пестрой, а строгой по формѣ одежды толпой.

Послѣ собора былъ осмотръ университетской клиники, затѣмъ одного изъ лазаретовъ, по несчастью самаго меньшаго изъ организованныхъ дамскимъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ губернаторши и состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ. Тамъ Государь задержался дольше, гораздо дольше, чѣмъ предполагалось по распisanію посѣщеній. Милостиво, подолгу спрашивалъ Своихъ воиновъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя пришлось имъ перенести за Него, Царя Батюшку, за родину, по Его Царской волѣ... И сначала отрывисто, боязливо, отдѣльными словами высказывались несложныя повѣствованія, пока наконецъ подъ ласковымъ, внимательнымъ взоромъ голубыхъ глазъ, ничтожный рядовой, одна изъ капель стихій, выдвинутой противъ врага, не чувствовалъ себя ободреннымъ, и радостно и гордо лился тогда рассказъ.

— Въ Карпатскихъ горахъ поранило... Шли съ ротой рано утромъ; развѣдка донесла, что непріятель близко; подпустили его шаговъ на чetyреста, окопались и стали стрѣлять... Впереди снарядъ разорвался, пули свистали... Ну, мнѣ хотѣлось посмотреть, что онъ тамъ надѣлалъ; приподнялся этакъ изъ-за окопа легонько, а тутъ меня и ударило въ плечо; потомъ уже не помню... Только ихнюю позицію, товарищи сказывали, быстро наши взяли...

И докторъ, въ бѣломъ халатѣ, на разстояніи, чуть дрожащимъ отъ волненія голосомъ, позволяетъ себѣ объяснить:

— У него, Ваше Величество, ключица раздроблена, теперь кости срастаются, но движеніе руки очень медленно восстанавливается; съ позиціи шелъ пять верстъ на перевалочный пунктъ.

Голубые глаза внимательно останавливаются то на докторъ, то на воина, стоящемъ на вытяжку. И вотъ льются милостивыя, ласковыя слова, къ нему обращенныя, къ каплѣ, къ песчаной крупинкѣ... Голосъ дрожить, измѣняется, слезы невольныя и счастливыя навернулись на глаза.

— За Ваше Величество рады... голову сложить... не только что такъ...— Благоговѣнно цѣлуетъ медаль на Георгіевской лентѣ, полученную изъ Царскихъ рукъ. А Царь

улыбается одними глазами. Идетъ дальше и еще, и еще спрашиваетъ, какъ бы жадно прислушивается къ повѣстямъ скромныхъ героевъ, и еще льются какъ бальзамъ на ихъ души милостивыя, незабвенныя слова и благоговѣнно цѣлуются заслуженныя, какъ святыня отнынѣ хранимые, знаки отличія.

— Опоздываемъ — тихо говоритъ кто-то изъ свиты—не усидѣмъ по расписанію.

И много грустныхъ, разочарованныхъ въ этотъ день изъ представителей городскихъ, дворянскихъ, депутацій разныхъ сословій, учрежденій и цеховъ. Царь сѣвшикъ туда, къ своимъ сѣрымъ героямъ, въ лазареты, гдѣ ихъ приковала вражья пуля, въ дома милосердія, гдѣ добрыя, безкорыстныя самаритянки слезами состраданія омываютъ ихъ раны, гдѣ отдыхаетъ, отходитъ душа отъ пережитыхъ еще такъ недавно ужасовъ. И дальше еще сѣвшикъ Царь туда, гдѣ ждутъ тысячи людей, ежесекундно подстерегаемыхъ смертью, гдѣ люди-герои лежатъ въ окопахъ, перенося неисчислимыя лишения въ сырости и грязи, ожидая лишь команды, чтобы броситься впередъ, за Царя и отечество сложить тутъ же голову или дать правому дѣлу славу и побѣду...

Царь отбылъ. Медленно и плавно отходилъ поѣздъ, провожаемый несмолкаемыми криками ура. Царь все стоялъ на ступенькахъ своего вагона, рука у козырька... Бѣжали за поѣздомъ, бѣжали даже, когда былъ уже виденъ лишь задній вагонъ съ царскимъ автомобилемъ, еще кричали ура! когда поѣздъ уже скрылся... Потомъ медленно разошлись, разѣхались кто куда, и было грустно, что все прошло какъ сонъ, какъ очарованіе, такъ быстро... О недавнемъ радостномъ мгновеніи еще свидѣлствуютъ разукрашенныя улицы флагамъ—синимъ, бѣлымъ, краснымъ и новымъ съ царскимъ штандартомъ—знакъ единенія, полного слиянія Царя съ народомъ въ общемъ желаніи, въ общей борьбѣ. Портреты Царской Семьи въ окнахъ магазиновъ и зажженные кое-гдѣ вензеля, лампы. Еще завтра, такъ остро пережитыя сегодня минуты выльются въ бурную патріотическую манифестацію и въ горячія молитвы о здравіи Монарха и милосердіи Царя царствующихъ, Всевышняго Бога, къ чадамъ своимъ на грѣшной землѣ.

Наконецъ такъ образовался Особый комитетъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ.

Въ часъ добрый.

Владѣлецъ им. Падель на островѣ Эзелѣ Эрихъ Буксгевденъ по распоряженію военныхъ властей высланъ изъ района военныхъ дѣйствій ¹⁾).

Г. Валишевскій въ письмахъ съ запада приводитъ интересное видѣніе одного ²⁾ французскаго генерала объ исходѣ боевъ подъ Верденомъ:

Дивизионный генералъ, къ которому я обращаюсь, до войны былъ въ отставкѣ, и теперь вернулся на службу, но не можетъ добиться, чтобы его отправили на фронтъ. Это очень его огорчаетъ, но у всѣхъ генераловъ одинаковое съ нимъ желаніе, и поневолѣ приходится дѣлать выборъ. Его товарищу, о которомъ онъ упомянулъ, въ этомъ отношеніи болѣе повезло: онъ провелъ зиму въ Аргонахъ. Тутъ съ нимъ и случилось происшествіе, ставшее любимой легендой восточной арміи, что очень характерно для мыслей и чувствъ, волнующихъ французскихъ солдатъ.

Во время объѣзда лагерей, отдаленныхъ отъ линіи обстрѣла, генералу доложили, что его хочетъ видѣть монахиня-кармелитка. Она просила его покровительства для сосѣдняго монастыря, гдѣ, по ея словамъ, она жила съ нѣсколькими другими сестрами. Генералъ привялъ ее очень любезно, она горячо благодарила его, сказала, что будетъ молиться за воиновъ, и, уходя, прибавила, что, что бы ни случилось, не слѣдуетъ бояться за Верденъ, потому что, хотя крѣпости будетъ грозить большая опасность, врагъ въ нее не вступитъ.

Генералъ совершенно позабылъ объ этомъ разговорѣ; онъ вспомнилъ о немъ, только когда начались яростныя атаки кронпринца на Верденъ, и ему захотѣлось увидѣть монахиню, слова которой показались ему теперь пророческими. Но когда онъ пріѣхалъ въ монастырь, кармелитки, казалось, не понимали, о чемъ онъ ведетъ рѣчь. Онъ никогда не выходитъ за монастырскую ограду, и ни одна изъ нихъ не могла его посѣтить. Генералъ началъ сер-

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14473 с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ № 14474.

даться, повторяя, что не во снѣ же онъ видѣлъ передъ собою ту монахию. Въ эту минуту онъ замѣтилъ портретъ, висѣвшій на стѣнѣ пріемной.

— Да вотъ она!—воскликнулъ онъ.

Это было изображеніе св. Терезы.

24 июня. Голландскія газеты передаютъ, какъ нѣмецкая труппа, игравшая въ Голландіи репертуаръ Вагнера, занималась контрабандой при возвращеніи въ Германію.

Таможенный чиновникъ, осматривавшій бутафорію труппы, замѣтилъ, что нѣкоторые предметы вѣсятъ слишкомъ много. Сдѣланъ былъ тщательный осмотръ дракона изъ „Зигфрида“, бога Вотана, шапки Альбериха, Брунегильды.

И оказалось:

Драконъ былъ наполненъ мукою.

Богъ Вотана перевозилъ въ себѣ кощенное сало.

Въ шапкѣ Альбериха найденъ голландскій сыръ.

Въ груди Брунегильды, гдѣ должно находиться сердце, — обнаруженъ пудъ колбасы.

Десять торговыхъ Петроградскихъ фирмъ ходатайствовали о вывозѣ 350.000 пудовъ отрубей и кормовой муки въ Финляндію (а дальше куда?). Разумѣется, Калашниковскій биржевой комитетъ поддержалъ это ходатайство, въ виду того, что требованія на эти продукты якобы ограничены въ Петроградѣ. Конечно, наглое ходатайство провалилось.

Мародеры мясники деруть ужасныя цѣны на мясо: на таксу ноль вниманія.

Съ Японіей заключено соглашеніе въ двухъ статьяхъ:

Статья I. Россія не приметъ участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленныхъ противъ Японіи.

Статья II. Въ случаѣ, если бы что-либо грозило территориальнымъ правамъ или особымъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ одной изъ договаривающихся сторонъ, признаннымъ другою договаривающейся стороной, Россія и Японія согласятся между собой относительно мѣръ, кото-

рыя онѣ примуть въ видахъ оказанія другъ другу поддержки и содѣйствія для охраны и защиты сказанныхъ правъ и интересовъ.

Соглашеніе подписано Сазоновымъ и Мотоно.

Это соглашеніе составляетъ заслугу родинѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ.

25 іюня. Корреспондентъ „Новаго Времени“ ¹⁾ передаетъ изъ Кіева:

„Съ изгнаніемъ непріятели вырисовалась во всей полнотѣ „лояльность“ нѣмецкихъ колонистовъ. Выселеніе изъ Волини началось послѣ занятія непріятеlemъ Владиміръ-Волинскаго, Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ, въ которыхъ осталось до 80 тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ. Эвакуироваться, вмѣстѣ съ другимъ населеніемъ, передъ нашествіемъ непріятели, они, конечно, не думали: ни одинъ колонистъ не тронулся со своего мѣста. Теперь же, когда непріятели изгнанъ, въ освобожденныхъ мѣстностяхъ не оказалось ни одного нѣмецкаго колониста: всѣ они ушли съ непріятельскими войсками. Вездѣ колонисты встрѣчали непріятельскія войска съ распростертыми объятіями, и все, что находилось въ колоніяхъ—дома, хлѣбъ, скоть и т. д., было предоставлено въ распоряженіе непріятели. Никакихъ реквизицій въ нѣмецкихъ колоніяхъ не было“.

26 іюня. Какъ и слѣдовало ожидать, вмѣсто лорда Китченера военнымъ министромъ назначенъ тоже человекъ необыкновенной энергіи и талантовъ Ллойдъ-Джоржъ.

27—30 іюня. Опять гнусное германское преступленіе: госпитальное судно „Впередъ“, на пути изъ Батума въ Ризе, потоплено вражеской миной. Команда состояла изъ 60 чел.

„Армейскій Вѣстникъ“ такъ повнимаетъ рѣшеніе Г. Думы не разсматривать вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ.

Всякій знаетъ, насколько остро стоитъ внутри нашей родины вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ. Онъ у всѣхъ на устахъ, онъ каждую минуту даетъ себя болѣзненно чувст-

¹⁾ „Новое Время“ 25 іюня с. г.

вовать, настолько болѣзненно, что наша періодическая печать, издающаяся на русскомъ языкѣ, но, какъ извѣстно, неохотно отстаивающая русскіе интересы, и та подъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія нѣтъ-нѣтъ и пробормочетъ что-то о пѣмедкомъ засильѣ. А вотъ наша Гос. Дума только въ исходѣ второго года величайшей, кровопролитнѣйшей, разорительнѣйшей войны съ нѣмцами удосужилась заговорить о пѣмедкомъ засильѣ. Впрочемъ, у Думы есть болѣе важныя, болѣе сложныя вопросы, напримѣръ, о еврейскомъ равноправіи. Нѣкоторая часть лѣваго крыла не постыдилась отстаивать интересы нашихъ непримиримыхъ враговъ. Противъ кого же эти „избранники“ русскаго народа отстаиваютъ эти интересы? Кому они служатъ? Отвѣтъ ясенъ. И это тогда, когда врагъ, не стѣсняясь никакими недозволенными средствами, льетъ кровь нашихъ воиновъ, падѣвается надъ русскими мирными людьми, не разбирая пола и возраста.

Въ теченіе іюня на нашемъ западномъ фронтѣ ходъ военныхъ дѣйствій слагался слѣдующимъ образомъ:

Въ Буковинѣ на фронтѣ генерала Лечицкаго, несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ и ихъ контръ-атаки, наступленіе сопровождалось неизмѣннымъ успѣхомъ, послѣдовательнымъ занятіемъ территоріи противника, захватомъ плѣнныхъ и боевыхъ запасовъ. Въ теченіе іюня послѣдовательно взяты съ бою слѣдующіе города и соответствующіе участки мѣстности — Снятынь, Черновицы, Радауць, Гура Гумора, Кутты, Кимполунгъ, Коломыя и значительный районъ къ западу отъ Кимполунга.

Въ арміи ген. Щербачева шли упорныя бои въ районѣ Бучача.

Противъ арміи Сахарова на Владимірь-Волынскомъ направленіи и противъ арміи Лечицкаго на Ковельскомъ направленіи непріятель со всѣхъ фронтовъ сосредоточилъ значительныя силы, подвезъ тяжелую артиллерию и съ 3-го іюня повелъ самое энергичное наступленіе, которое достигло наибольшаго напряженія 18 и 21 іюня и затѣмъ стало уменьшаться вслѣдствіе нашего наступленія у Барановичей и на Сарны-Ковельскомъ направленіи съ сѣвера въ районѣ Чарторійска. Мѣста упорныхъ боевъ находились въ районѣ береговъ Стыри, въ окрестностяхъ Колки, Гадо-

мичи, Грузятина, Сокуля, и по Стоходу у Свидниковъ, Раймѣста, Воройчина, а затѣмъ къ югу отъ Стохода у Киселина, Торчина, Затурцы, Локачи, Свинюхи и Горохова.

Затѣмъ противникъ повелъ наступленіе между Стоходомъ и Стырью.

Наибольшаго развитія бои достигли 20 іюня въ срединѣ разстоянія между Дубно и Сокалемъ, а также Лудкомъ и Гороховымъ.

Упорное наше наступленіе у Барановичей очень смутило противника. Онъ бралъ подкрѣпленія прямо съ проходящихъ поѣздовъ, а наши успѣхи 21 и 24 іюня при движеніи съ сѣвера въ окрестностяхъ Чарторійска, Колки, Комарова съ захватомъ станціи Сарны - Ковельской дороги Мапевицей дали возможность нашимъ войскамъ Каледина и Сахарова двинуться впередъ. Упорные бои во всѣхъ этихъ районахъ шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, съ захватомъ плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ и разнаго боевого имущества. На прочихъ участкахъ западнаго фронта происходили лишь небольшія стычки.

Несомнѣнная успѣшность всѣхъ этихъ боевъ выражается цифрой трофеевъ арміи юго-западнаго фронта:

съ 22 мая по 3 іюня включительно взято нами 3.350 оф. 169.134 ниж. чин., 198 орудій, 550 пулеметовъ и 139 бомбометовъ;

съ 22 мая по 10 іюня 4.003 генераловъ, офицеровъ и врачей, 194.041 ниж. чин., 219 оруд., 644 пул. и 196 бомбометовъ;

съ 22 мая по 27 іюня 5.620 офиц., 266.000 ниж. чин. 312 оруд. и 866 пулеметовъ.

На Кавказскомъ фронтѣ непріятель имѣлъ успѣхъ на багдадскомъ направленіи, отбиты его наступательные порывы въ Трапезондскомъ, Равендузскомъ и Діарбекирскомъ направленіяхъ, мы продвинулись къ западу отъ меридіана Эрзерума и вновь захватили Мэхматувъ.

Какъ сражались войска генерала Каледина въ бояхъ подъ Киселинымъ, по свидѣтельству корреспондента „Русскаго Слова“ ¹⁾.

„Какъ въ настоящее время выясняется, когда въ Берлинѣ было получено ошеломляющее извѣстіе о разгромѣ чет-

¹⁾ „Руск. Сл.“ 27 іюня с. г.

вертой австрійской арміи и прорывъ австро-германскихъ укрѣпленій у Лудка, Вильгельмъ растерялся и приказалъ немедленно бросить на нашъ фронтъ свои лучшія силы, находящіяся въ стратегическихъ резервахъ во Франціи.

Авангардомъ германскихъ войскъ, отправленныхъ съ французскаго театра войны на выручку австрійцамъ, былъ десятый имперскій корпусъ, въ составъ котораго входили 19-я ландверная и знаменитая 20-я брауншвейгская „стальная“ дивизія, о боевыхъ дѣйствіяхъ которой въ германской арміи рассказываются цѣлыя легенды. Одна изъ такихъ легендъ гласитъ, что въ началѣ войны эта дивизія была окружена въ Вогезахъ желѣзнымъ кольцомъ французскихъ войскъ и на предложеніе сложить оружіе отвѣтила клятвой умереть или прорваться. Дѣйствительно, отчаяннымъ ударомъ эта дивизія вырвалась изъ рукъ нашихъ союзниковъ, и за этотъ подвигъ Вильгельмъ наградилъ ее наименованіемъ „стальная“ дивизія и приказалъ носить на каскахъ въ память клятвы смерти изображеніе головы Алама, которую въ германской арміи имѣли только пресловутые гусары смерти.

Десятый корпусъ прибылъ во Владимір-Волыпскій изъ Лана, во Франціи, гдѣ онъ стоялъ въ резервѣ, 3-го іюня и уже на другой день бросился навстрѣчу грозному потоку войскъ генерала Каледина. Встрѣча произошла въ мѣстечкѣ Киселинѣ.

Участники многихъ боевъ рассказываютъ, что имъ никогда еще не приходилось принимать участіе въ болѣе ожесточенныхъ бояхъ. Яростный ударъ брауншвейгцевъ приняла на себя прославленная „желѣзная“ дивизія генерала Д—кина. Германцы засыпали насъ десятками тысячъ снарядовъ непрерывно въ теченіе четырехъ дней. Одна отчаянная атака смѣнялась другой. Но всѣ попытки нѣмцевъ оттѣснить насъ къ Лудку оставались тщетными, разбиваясь о непреодолимую, какъ гранитъ, стѣну нашей доблестной пѣхоты.

Къ вечеру третьяго дня боя, во время небольшой передышки, надъ германскими окопами появился плакатъ:

„Ваше русское желѣзо не хуже германской стали, а все же мы васъ разобьемъ“.

На это хвастливое заявленіе наши солдаты отвѣтили тѣмъ же способомъ:

„А ну, попробуй, нѣмецкая колбаса“.

Брауншвейгцы возобновили безумныя атаки. Но въ тотъ же день, неожиданнымъ переходомъ въ контръ-наступленіе, наши опрокинули два ихъ батальона, забравъ при этомъ нѣсколько пулеметовъ и два орудія.

7-го іюня, послѣ сорокъ второй атаки, брауншвейгская пѣхота смерти, наконецъ, присмирѣла. Утромъ 8-го іюня весь десятый корпусъ, въ виду огромныхъ потерь, былъ смѣненъ резервами и вышелъ изъ боя. Теперь онъ стоитъ во Владимірѣ-Волынскомъ въ ожиданіи пополненія, но врядъ ли скоро получить возможность принять участіе въ дальнѣйшемъ сраженіи.

Плѣнные рассказываютъ, что весь этотъ корпусъ за четыре дня боя потерялъ около трехъ четвертей своего офицерскаго состава и болѣе половины нижнихъ чиновъ. Особенно пострадала „стальная“ дивизія, въ которой едва уцѣлѣло по триста-четыреста человѣкъ.

— Никогда,—говорятъ плѣнные брауншвейгцы,—мы не допускали и мысли, что здѣсь, на восточномъ театрѣ, могутъ происходить такіе кровопролитные бои. У насъ, во Франціи, было куда спокойнѣе. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу съ начала войны.

Главною цѣлью германцевъ было отстоять во что бы то ни стало Ковель и нанести въ концѣ концовъ генералу Каледину ударъ десятью дивизіями съ обонхъ фланговъ, какъ это было выработано въ Ковелѣ на совѣтѣ Гинденбурга, Макензена и Линзангена.

Газетѣ „Times“ была передана изъ Амстердама официальная телеграмма германскаго правительства, въ которой полностью приведенъ текстъ рѣчи германскаго императора, произнесенной 23-го или 24-го мая, въ Вильгельмсгафенѣ на борту флагманскаго корабля германскаго „флота открытаго моря“ передъ собранными на немъ представителями экипажей всѣхъ судовъ, принимавшихъ участіе въ бою 18-го мая у Горнсъ-Рифа. Такъ какъ дословный переводъ этой, по выраженію англійской газеты хвастливой, рѣчи занялъ бы очень много мѣста, то для ознакомленія съ ней слѣдуетъ привести только наиболѣе интересныя мѣста этого историческаго документа. Въ началѣ своей рѣчи Вильгельмъ сказалъ, что онъ всегда, посѣщая флотъ и Вильгельмсгафенъ, радовался при обзорѣ той работы, которую совершалъ германскій флотъ въ ожиданіи боя съ значительно превосходящимъ его по силѣ противникомъ. Когда же

началась война, то какъ флотъ, такъ и армія, были готовы къ бою, но для перваго только теперь настало время боевого испытанія.

Въ то время, какъ армія, сражаясь противъ превосходящихъ ее силъ противниковъ, одерживала одну побѣду за другой, флотъ напрасно ждалъ боя, и прошло много мѣсяцевъ, когда на сушѣ были достигнуты громадныя успѣхи, а для него не наступалъ день рѣшительнаго выступленія, такъ какъ всѣ попытки вынудить противника къ бою оставались безуспѣшными.

Наконецъ, этотъ день насталъ, и „гигантскій флотъ Альбіона“, владыка морей, который болѣе ста лѣтъ послѣ Трафальгара наложилъ на весь свѣтъ ярмо морской тирани и считалъ себя непобѣдимымъ и непревзойденнымъ, наконецъ вышелъ въ поле сраженія.

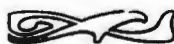
Когда превосходящая насъ въ силахъ британская армада приблизилась и была атакована нашимъ флотомъ, то что же произошло на самомъ дѣлѣ?

Британскій флотъ былъ разбитъ. Произошелъ громовой ударъ и обаяніе британскаго морского могущества исчезло. Какъ электрическая искра эта новость облетѣла весь свѣтъ и заставила радостно забиться сердца нѣмцевъ и ихъ храбрыхъ союзниковъ и это было послѣдствіемъ сраженія въ Сѣверномъ морѣ. „Передъ вами, сказалъ далѣе кайзеръ, открылась новая глава міровой исторіи и германскій флотъ оказался способнымъ нанести поражение англійскому“. Послѣ этого онъ въ напыщенномъ тонѣ благодарилъ отъ своего лица, „Фатерланда“ и арміи всѣхъ начальниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ и закончилъ свою рѣчь утвержденіемъ, что этотъ флотъ совершилъ великое дѣло тогда, когда непріятель у Вердена начинаетъ постепенно уступать напору германскихъ войскъ, а союзникъ Германіи гонитъ итальянцевъ съ одной горы на другую. Затѣмъ онъ сказалъ, что „міръ ожидалъ всего, но не побѣды германскаго флота надъ британскимъ, но ставка была поставлена и ужасъ и страхъ теперь царитъ въ сердцахъ нашихъ враговъ“.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что побѣда германскаго флота закончилась бѣгствомъ въ свои порты.

Такую рѣчь могъ только произнести царственный клоунъ, нѣмецкій кайзеръ.

П. В.





Въ родномъ гнѣздѣ.

Лѣтопись рода Бутовскихъ ¹⁾.

VII.

Въ теченіе всей своей жизни, несмотря на разнообразную служебную, а потомъ хозяйственную дѣятельность, мой отецъ не охладѣвалъ къ интеллектуальнымъ интересамъ. Онъ очень много читалъ и, живя въ деревнѣ, въ нашей глухой Пелеховщинѣ, былъ очень хорошо знакомъ со всѣми новыми явленіями и въ литературѣ и въ тѣхъ научныхъ областяхъ, которыя его интересовали. Онъ также много писалъ, особенно въ молодости, и если не печаталъ, то потому, что самъ относился къ своимъ произведеніямъ съ большою строгостью. У меня есть свидѣтельство, что люди понимающіе дѣло цѣнили его литературныя работы. Вотъ, что писалъ ему, напримѣръ, въ 1832 г., редакторъ альманаха „Сѣверные цвѣты“, Орестъ Сомовъ: „М. г. Дмитрій Петровичъ! Къ сожалѣнію, письмо ваше и приложенная при немъ повѣсть дошли до меня уже поздно: ибо тогда (въ началѣ декабря) прозаическая часть „Сѣверныхъ цвѣтовъ“ была уже совсѣмъ окончена печатаніемъ, и оставалось допечатывать только половину стихотвореній. Вотъ единственная причина, почему повѣсть ваша, замѣчательная по многимъ отношеніямъ, не вошла въ составъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Удерживая оную до вашего отвѣта, я вмѣстѣ съ симъ покорнѣйше прошу вашего позволенія помѣстить оную въ одномъ изъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1916 г.

шести литературныхъ сборниковъ, которые издаю я въ нынѣшнемъ году, для дополненія недоданнаго мною полугодія литературной газеты. Въ сихъ сборникахъ будутъ также пьесы А. С. Пушкина, кн. Вяземскаго, Языкова, Ф. Н. Глинки и прочихъ друзей Русской словесности и ея успѣховъ“...

„Если вамъ угодно будетъ согласиться на мою просьбу, то повѣсть ваша непременно будетъ напечатана въ одной изъ помянутыхъ книжекъ. Первая уже печатается“.

Отецъ мой не далъ разрѣшенія на напечатаніе этой повѣсти въ литературныхъ сборникахъ, и причина тому была такая: сюжетомъ для своей повѣсти онъ взялъ одно романтическое приключеніе, о которомъ много говорили въ то время; въ томъ же году были изданы повѣсти Бѣлкина, и одна изъ повѣстей, „Мятедь“, была основана какъ разъ на томъ же самомъ происшествіи.

Освоившись съ хозяйствомъ, отецъ помѣщалъ время отъ времени сельско-хозяйственныя статьи въ специальныхъ журналахъ. Такова напр. „Ручная книга Новороссійскаго крестьянина“, написанная имъ на задачу, утвержденную Императорскимъ обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи 22 января 1846 г.

Статьи „написанныя имъ въ 1858 и 1859 г.г., именно: „Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи“ и: „Продажныя цѣны на земли въ Полтавской губерніи“, дали солидный матеріалъ для сужденій о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ 1858 году были учреждены губернскіе комитеты по крестьянскимъ дѣламъ. Отъ cadaго уѣзда въ губернскій комитетъ должны были войти предводитель дворянства и два выборныхъ члена изъ дворянъ. Предводителемъ дворянства Кременчугскаго уѣзда былъ въ то время Александръ Александровичъ Остроградскій. Двумя выборными членами отъ нашего уѣзда вошли Василій Семеновичъ Капнистъ и мой отецъ.

Отцу было въ то время уже 53 года, но этотъ выборъ былъ для него едва-ли не самымъ значительнымъ событіемъ въ его жизни. Дворяне выбирали членовъ въ эти комитеты съ большою осмотрительностью, крестьянскій вопросъ слишкомъ близко затрогивалъ ихъ интересы, и, если они остановились на моемъ отцѣ, помѣщикъ не богато, никогда не искавшемъ никакихъ выборныхъ должно-

стей, то значить—они видѣли въ немъ челоѡвка, замѣтно выдѣлявшагося изъ общаго уровня. Его всѣ знали въ уѣздѣ, и въ данномъ случаѣ положились на его большую хозяйственную опытность, на его способность къ общественнымъ дѣламъ, а главное на его нравственную стойкость.

Для отца это была неожиданность, и со свойственною ему мнительностью въ дѣлахъ совѣсти онъ со страхомъ принялъ это избраніе, но онъ оправдалъ оказанное ему довѣріе.

Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ началѣ октября 1858 г., и отецъ мой сразу занялъ въ немъ видное и особенное мѣсто.

Говорю это со словъ дяди Алексѣя Степановича, который, какъ Лубенскій предводитель, тоже былъ членомъ комитета; слышать это и отъ другихъ членовъ комитета, съ которыми былъ знакомъ, такъ какъ служилъ въ то время репетиторомъ при Полтавскомъ корпусѣ.

Особое положеніе моего отца въ комитетѣ состояло въ томъ, что онъ былъ челоѡкъ совершенно безпартійный. Онъ не принадлежалъ ни къ крѣпостникамъ, отстаивавшимъ помѣщичьи интересы въ ущербъ крестьянскимъ, ни къ тѣмъ немногимъ въ то время передовымъ людямъ, которые стремились создать новое сословіе на развалинахъ помѣщичьяго благосостоянія. Онъ убѣжденно заботился о согласованіи интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ и о равновѣсіи между тѣми выгодами и тѣми неминуемыми обоюдными лишеніями, какія должна была принести съ собою обсуждаемая реформа.

На первыхъ порахъ это, разумѣется, не создало ему популярности въ комитетѣ. Но въ его доводахъ всегда была неопровержимая логика, и онъ умѣлъ убѣдительно излагать свои мысли; этими своими качествами онъ завоевалъ себѣ общее уваженіе, и въ немъ признали, наконецъ, одного изъ самыхъ дѣловыхъ работниковъ въ комитетѣ.

Въ первый разъ послѣ своей женитьбы онъ выѣхалъ на такое продолжительное время изъ своей Пелеховщины; ему предстояло прожить въ Полтавѣ цѣлые шесть мѣсяцевъ; никогда еще не былъ онъ въ такой долгой разлукѣ со своею женою; правда, въ Полтавѣ было у него въ то время три сына — офицеръ, кадетъ и гимназистъ и дочь (Ольга Дмитриевна) въ институтѣ; это было для него конечно утѣшеніемъ, но дома оставались еще два малень-

кихъ сына и двухлѣтняя дочь; дома оставлялъ онъ наконецъ всѣ свои хозяйственные интересы и свой напряженный уютный уголь. Естественно, что мысль его постоянно возвращалась къ дому и что онъ ежедневно писалъ длинныя письма къ мамѣ, въ формѣ дневника, и что мама начала отвѣчать ему такими же ежедневными письмами, съ подробными свѣдѣніями о всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ. Этотъ интереснѣйшій для меня двойной дневникъ находится теперь въ моемъ распоряженіи. Онъ интересенъ не тѣми свѣдѣніями о рѣшеніяхъ Полтавскаго комитета, которыя отецъ аккуратно въ него заноситъ—это дѣло старое и давно уже пережитое,—а тѣми иногда случайными замѣтками и правдивыми чертами, которыя характеризуютъ отношенія отца къ своимъ сочленамъ и вообще къ губернскому обществу, его жизнь въ Полтавѣ на одной квартирѣ съ дядею Алексѣемъ Степановичемъ, его любовное отношеніе къ дѣтямъ и проч. О собственныхъ своихъ работахъ въ комитетѣ онъ ничего почти не говоритъ, но изъ нѣсколькихъ, случайно проскальзывающихъ фразъ видно, что онъ много и внимательно работаетъ для комитета.

Беру нѣсколько выдержекъ изъ его дневника.

Вотъ первое его знакомство съ его будущими сотрудниками. „8 октября 1858 г. Сейчасъ отъ (Михаила Павловича) Позена... Къ Позену мы, т. е. я и братъ, пріѣхали въ 3 часа и застали уже всѣхъ его гостей, депутатовъ, всѣхъ насъ было только десять, кромѣ насъ А. А. Остроградскій, Алексѣевъ, Баклаповъ, Маркевичъ, Катериничъ, Богдановичъ, но самое замѣчательное лицо, это извѣстный поэтъ Василій Туманскій, съ прекрасною, доброю, умною фізіономіею, старичокъ лѣтъ за 60, въ парикѣ, который впрочемъ много скрываетъ его лѣта. По пріѣздѣ, черезъ $\frac{1}{4}$ часа, пошли въ столовую... Общество отличное: пріятно и весело было быть въ кругу столькихъ умныхъ людей, но до стола и за столомъ ни слова объ эмансипаціи; послѣ кофе... завелъ кто-то разговоръ объ эмансипаціи, и разговоръ этотъ уже не прерывался до нашего отъѣзда. Позенъ читалъ намъ свой проектъ, имъ написанный, въ опроверженіе устройства начальниковъ уѣзда, становыхъ исправниковъ и волостей... Проектъ написанъ умно, основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Завтра открывается комитетъ“.

На слѣдующій день онъ описываетъ торжественное от-

крытіе занятій комитета. Около полудня въ домъ дворянскаго собранія прибыли всѣ члены комитета, съ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Львомъ Викторовичемъ Кочубеемъ во главѣ. Приѣхаль губернаторъ и рѣчью открыль комитетъ; „вслѣдъ за тѣмъ изъ боковой комнаты вышелъ архіерей (Наѳанаилъ, епископъ полтавскій) во всемъ облаченіи со многими священствомъ, причтомъ и пѣвчими, въ форменныхъ голубыхъ съ золотыми кистями и позументами стихаряхъ, начался молебенъ о благополучномъ успѣхѣ предстоящаго великаго дѣла; всѣ стали на колѣни, послѣ многолѣтія царской фамиліи и полтавскому благородному боярству, архіерей каждому изъ насъ далъ поцѣловать крестъ, окропилъ каждого святою водою, потомъ окропилъ залу, возвратившись на свое мѣсто, сказалъ рѣчь. Рѣчь миѣ и многимъ не понравилась, видно, что архіерей не дворянинъ, и не знаетъ или не хочетъ знать, что были до сихъ поръ дворяне. Сколько могу припомнить, онъ говорилъ: „Вамъ предстоитъ *смыть пятно* съ вашихъ прародителей, съ вашихъ дѣдовъ и отцовъ и съ себя самихъ. Вамъ предстоитъ возстановить правду и воздать должное людямъ, которые неправо, не по праву зависѣли отъ произвола вашихъ предковъ“, и прочее въ этомъ родѣ, заключилъ рѣчь хорошо, но удивляюсь, какъ умный человекъ могъ такъ не знать прежнихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Кочубей боленъ, говорятъ, каменною болѣзнію, онъ ужасно измѣнился и похудаль, кажется, онъ не думаетъ долго быть предсѣдателемъ комитета, и тѣмъ болѣе, что предложилъ намъ завтра въ засѣданіи избрать вице-предсѣдателя. Кто-то будетъ избирать, поговариваемъ и о Позенѣ, и о Туманскомъ, и о Бѣлухѣ, промелькнуло слово и объ Остроградскомъ. Завтра узнаемъ“.

Съ первыхъ дней уже отецъ мой становится человекомъ замѣтнымъ; съ его взглядами считаются и у него образовывается кружокъ знакомыхъ.

11 октября. „Сейчасъ изъ института. Оля здорова, весела, свѣжа и съ бантикомъ... Въ институтѣ видѣлъ князя Голицына, члена комитета. Сегодня онъ былъ у насъ часа три раньше, и первый подалъ миѣ руку, говоря „здравствуйте, мой антагонистъ“. Надобно сказать тебѣ, что вчера въ комитетѣ я оспаривалъ нѣкоторыя его предложенія, и многіе со мною согласились“.

30 октября. „...Пришелъ Кирьяковъ (Григорій Степано-

вичъ) ¹⁾ разговорились, было очень весело. Кирьяковъ такъ умѣеть поразсказать кое что; мы смѣялись, слышимъ: въ передней кто-то спрашиваетъ: дома ли Алексѣй Степановичъ? и входитъ генераль-лейтенантъ Ушаковъ, онъ сегодня прѣхалъ, нигдѣ не былъ и первый визитъ сдѣлалъ брату ²⁾. Поговорили о завтрашнемъ засѣданіи. Ушаковъ того мнѣнія, что можно покончить комитетскія занятія мѣсяца въ три... Пошли разсужденія, предположенія... Ушаковъ просидѣлъ еще съ часъ, говорили о многомъ. Я прочиталъ Ушакову мнѣніе князя Меншикова, Ушаковъ сказалъ, что и онъ написалъ въ этомъ родѣ статью, но гораздо пространнѣе и обѣщалъ доставить ее мнѣ; обѣщалъ также доставить мнѣ мнѣніе о подобномъ предметѣ исторіографа Карамзина, написанное еще въ 1808 г. для императора Александра I, когда Александръ имѣлъ мысль приетупить къ подобной реформѣ. Ушаковъ ушелъ, Кирьяковъ еще оставался до 11 часовъ и много поразсказалъ анекдотовъ о Горленковыхъ, Жеваховѣ, Катериничѣ и проч. и проч. мы смѣялись до умору“.

2 ноября. „...Я собирался послѣ чаю идти къ Кирьякову, но онъ самъ пришелъ къ намъ и по обыкновенію оживилъ нашу бесѣду, какой онъ любезный, какой ловкій, острый человекъ. Только-что мы вдоволь разсмѣялись отъ его неистощимыхъ разсказовъ, вошелъ генераль Ушаковъ разговоръ склонился на прошлую войну; Ушаковъ пишетъ ея исторію и написалъ уже тома два. Часа два мы поговорили съ нимъ, и онъ разсказалъ и вполне объяснилъ разныя обстоятельства прошедшей войны. Его исторія еще не печаталась, нельзя. Онъ оставитъ ее, сказалъ онъ, своей дочери, чтобы издала, когда будетъ можно, лѣтъ черезъ тридцать. Между прочимъ онъ спросилъ меня, не родня ли мнѣ юнкеръ Бутовскій, юнкеръ 1805 г., который такъ прекрасно описалъ войну тѣхъ лѣтъ, который конечно обезсмертилъ свое имя тѣмъ, что пополнилъ и такъ удачно пополнилъ пробѣлъ русской исторіи. Много мы говорили о моемъ почтеннѣйшемъ дядюшкѣ ³⁾, поразсказалъ я о его занятіяхъ, мнѣ извѣстныхъ, и Ушаковъ сказалъ мнѣ: радуюсь сердечно, что этотъ достойный человекъ умѣлъ

¹⁾ Старшій сынъ Степана Григорьевича (см. „Прекратившійся Родъ“), кандидатъ отъ Лубенскаго дворянства.

²⁾ Николай Ивановичъ Ушаковъ, бывшій дежурный генералъ Крымской арміи (1854—56 г.г.), членъ комитета отъ Лубенскаго дворянства.

³⁾ См. тутъ же гл. XII.

обезсмертить свое имя, можетъ быть и не подозревая, что онъ это уже сдѣлалъ“.

17 ноября. „...Генераль Ушаковъ просилъ меня, чтобы я почаще заходилъ къ нему и сказалъ, что до 10 часовъ онъ всегда дома и будетъ поджидать меня къ себѣ. Я пошелъ къ нему пѣшкомъ; онъ живетъ не далеко. Генераль былъ одинъ въ шлафрокѣ и писалъ что-то. Закурили сигары и сигары превосходныя, усѣлись; я располагалъ пробыть у него четверть часа, а пробылъ ровно два часа и время улетѣло какъ одна минута. Онъ разбиралъ выводъ второй главы положенія, вчера доставленной намъ комисією, чтобы разсмотрѣть до завтрашняго засѣданія. Посудили, порядили, кое что онъ прочиталъ мнѣ: я за шапку, а онъ за руку: куда? Пойдите, сидите, время наше; кончилось тѣмъ, что онъ непременно доставитъ мнѣ исторію послѣдней войны, но съ тѣмъ, чтобы прочиталъ ее я одинъ. Исторія еще не переписана, поспѣетъ черезъ двѣ недѣли. Что прикажешь дѣлать? Въ разговорахъ я чуть-чуть не называлъ генерала дядюшкою; такъ и вообразилъ, что говорю съ Иваномъ Григорьевичемъ. Самъ не понимаю, за что эти умные люди меня полюбили“.

Кромѣ Кирьякова, котораго онъ зналъ, когда тотъ былъ еще почти ребенкомъ, и Ушакова, съ которымъ онъ познакомился только теперь, въ Полтавѣ, отецъ поддерживалъ хорошія пріятельскія отношенія со своимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Александромъ Александровичемъ Остроградскимъ, и возобновилъ старинное знакомство съ бывшимъ своимъ гимназическимъ товарищемъ, а теперь членомъ комитета Павломъ Алексѣевичемъ Трипольскимъ. Два сына Трипольскаго учились въ корпусѣ вмѣстѣ съ нашимъ Володей, и это, разумѣется, еще болѣе связывало родителей. Онъ поддерживалъ также и прежнія свои знакомства: съ Александромъ Михайловичемъ Ярошенко, у котораго тоже былъ сынъ въ корпусѣ, въ одномъ классѣ съ Володей, и со старинными пріятелями семейства Райзеръ генераломъ Петромъ Федоровичемъ и полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ Пинкорнелли. Очень хорошо относились къ отцу сановитые члены комитета—Кочубей, Позень, Бѣлуха-Кохановскій. Благодаря именно моему отцу, я и только что пріѣхавшій тогда на должность репетитора въ Корпусъ Николай Васильевичъ Кореневъ, не разъ были и танцевали этою зимою у Бѣлухи.

Подъ 3-мъ ноября отецъ отмѣчаетъ, что утромъ онъ

былъ у Позена и тотъ между прочимъ сказалъ ему:—„Поздравляю васъ, вашъ племянникъ получилъ славное мѣсто, онъ назначенъ директоромъ мануфактурнаго департамента“.

— „Не племянникъ, а братъ мой, в. пр-во“.

— „Да, да, Александръ Ивановичъ, я знакомъ съ нимъ, онъ дѣльный человѣкъ, и непременно при первой почтѣ напишу къ министру, поздравлю его съ такимъ удачнымъ выборомъ“...

Вотъ вѣсколько бѣглыхъ чертъ, характеризующихъ ходъ занятій въ комитетѣ.

3 ноября. Разсмотрѣніе перваго вопроса программы. „... Братъ уже завтракалъ, а Кирьяковъ стоялъ подлѣ него, когда я пріѣхалъ (отъ Позена); наскоро позавтракалъ и я, и втроемъ поѣхали въ собраніе; опоздали немного, но еще ни о чемъ не разсуждали. Нѣтъ возможности рассказать сколько было говору, споровъ, выявлялась оппозиція, съ одной стороны Позень, съ другой Гудимъ-Левковичъ и Остроградскій. Я держалъ нейтралитетъ, если говорилъ, то по чувству убѣжденія и сознанія дѣла. О прямомъ дѣлѣ мало и говорили, просидѣли съ 11 до 5½ часовъ, и больше часа при свѣчахъ; устали страшно, а со всего этого вышло то, что избрали редакторовъ, вотъ они: Туманскій, Маркевичъ, Богдановичъ. Говорятъ, что они люди умные; о Туманскомъ знаетъ вся Россія, а о прочихъ увидимъ впоследствии“...

11 ноября. „... Мы пошли въ собраніе... раздался колокольчикъ князя, всѣ сѣли по мѣстамъ, началось чтеніе выводовъ, составленныхъ редакціонною подготовительною комиссіею, начались споры, сужденія всякія и вкривъ и вкосъ: одни требовали отнести начало первой главы къ концу проекта. Тутъ и я высказалъ мнѣніе, что безъ уничтоженія крѣпостнаго права, не можетъ быть и положенія, что все положеніе вытекаетъ изъ уничтоженія этого права, и поэтому именно этимъ пужно пачать. Сначала князь. Позень, многіе члены, а потомъ и всѣ члены согласились со мною, и въ половинѣ четвертаго была обсуждена вся глава и утверждены положенія, для составленія журнала, по которому редакторы составятъ статьи проекта положенія“.

18 ноября. „Усталъ невыносимо; съ 11 часовъ до половины 5-го былъ въ собраніи, и читалъ громко и много говорилъ тоже громко, чтобъ всѣ слышали: оспаривалъ

мудренныя предложенія, вытекшія изъ мнѣнія поданнаго Позеномъ“...

29 ноября. „... Поданная мною 18 числа записка дѣластъ свое дѣло. Вчера многіе члены пристали къ моему мнѣнію и въ томъ числѣ Маркевичъ и Туманскій, что для меня очень лестно, но это по секрету. Теперь обдумываю другую записку, не знаю поможетъ ли Богъ изложить ее такъ, какъ она развивается въ головѣ. Надо же наконецъ кончить комедію и приняться за дѣло. Это можетъ быть возстановитъ противъ меня главныхъ эмансипаторовъ: Князя Кочубея, Позена, Остроградскаго и N; но я членомъ не для того, чтобы доставить имъ чины, ордена, мѣста, а для того, чтобы устроить дѣло въ пользу дворянъ, удостоившихъ избрать меня, и въ пользу крестьянъ, моихъ меньшихъ братьевъ, и прямо высказывать тѣ убѣжденія, какія угодно было всемогущему Богу усвоить мнѣ. Впрочемъ со стороны N дѣйствуетъ одно только самолюбіе, убѣжденія нѣтъ, а цѣль: *знайте меня*, спорить о всемъ, чтобы только спорить и мѣшать дѣлу“. Это мѣсто въ дневникѣ обведено чертой и на поляхъ написано „секретно“. Отецъ не хотѣлъ, чтобы эти его совершенно интимныя сообщенія распространялись.

2 декабря. „Съ 11 до 5 часовъ были въ собраніи. Ура! наша взяла! Весело на душѣ и усталости вовсе нѣтъ, начала правды всплыли наверхъ и теперь преобладаютъ въ комитетѣ; хватились за умъ, и положеніе о переходѣ крестьянъ во время срочной обязанности на купленные земли, цѣлыми обществами и семействами, безъ воли помѣщика, это положеніе, которое три засѣданія назадъ было принято 30-ю членами противъ 2-хъ, именно противъ Бутовскаго и Райзера; это самое положеніе отвергнуто сегодня 31-мъ противъ 1-го, именно противъ Высоцкаго. Мнѣнія до того перемѣшались, что самъ Позень, который больше всего настаивалъ, сегодня предложилъ вновь баллотировать, говоря: нельзя не согласиться съ изложеніемъ доводовъ Дмитрія Петровича... Туманскій, когда мы встали съ мѣсть и начали составлять кружки, подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ руку на плечо, говоря: вотъ нашъ консерваторъ, потомъ пожалъ мнѣ руку по дружески. Во время засѣданія и особенно при концѣ досталось и мнѣ поговорить порядочно, но теперь это уже не такъ трудно, какъ было на первыхъ порахъ съ непривычки“...

Думаю, что этихъ выдержекъ довольно, чтобы показать,

какъ относился отецъ къ своей работѣ въ комитетѣ. Прибавлю лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ съ особенной сосредоточенностью выражается его настроеніе:

28 ноября. „Сегодня ровно мѣсяць какъ я уѣхалъ изъ дому ¹⁾. Скучно, грустно, да что дѣлать—служба; и служба важная. Авось и я съ Божіей помощію принесу свою лепту на алтарь отечества, для будущей его пользы и возможнаго благоденствія. Дай то Богъ, чтобы и мой вполне безпристрастный и глубоко обдуманый мною взглядъ на предметъ нашель сочувствіе въ комитетѣ. Впрочемъ: да будетъ воля Божія, да направитъ Богъ дѣла наши къ прямому, а не мечтательному благу *русскаго* человѣчества“.

Говорили мнѣ, что въ виду предстоящаго избранія одного изъ членовъ комитета, для участія въ работахъ главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, члены Полтавскаго комитета просили дядю моего Алексѣя Степановича освѣдомиться у моего отца, не согласится онъ выставить себя кандидатомъ на такое избраніе. Но отецъ мой рѣшительно отклонилъ отъ себя эту почетную кандидатуру. Онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ своей нормальной колеи уже въ Полтавѣ, хотя у него были тутъ и дѣти и жилъ онъ съ близкимъ ему человѣкомъ, нашимъ дядею; поэтому понятно, что онъ съ тревогою относился къ перспективѣ ѣхать на неопредѣленное время въ далекую столицу и жить тамъ совсѣмъ одинокимъ, отрѣзаннымъ отъ семьи и въ совершенно непривычныхъ для него условіяхъ. Членомъ главнаго комитета отъ Полтавы былъ избранъ Александръ Васильевичъ Богдановичъ и, кромѣ того, по распоряженію свыше, къ работамъ этого комитета былъ привлеченъ также и М. П. Позень.

Но, какъ бы взамѣнъ этой отстраненной имъ отъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности, отецъ мой, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни въ Полтавѣ, предпринялъ капитальную работу: „Проектъ уплаты помѣщикамъ за отведенія въ пользованіе срочнообязанныхъ крестьянъ земли и усадьбы“. Работа эта была окончена уже въ Пелеховщинѣ, въ маѣ 1859 г., слѣдовательно вскорѣ по возвращеніи изъ Полтавы, и немедленно отправлена на имя генералъ-адъютанта Ростовцова. Отецъ получилъ отъ него официальное благодарственное письмо съ извѣщеніемъ, что проектъ передалъ для соображенія въ состоящія подъ его предсѣдательствомъ комиссіи.

¹⁾ Въ октябрѣ онъ уѣзжалъ на нѣкоторое время въ деревню.

Есть основаніе думать что проектъ этотъ не потерялся въ комиссіяхъ безслѣдно. А. В. Богдановичъ извѣщалъ отца въ октябрѣ того же года изъ Петербурга. „Проектъ вашъ ... поступилъ въ финансовое отдѣленіе, а оно идетъ такъ туго—что до сихъ поръ, съ апрѣля, было только три засѣданія и теперъ дѣло пріумолкло,—какъ видно хотятъ прежде распутать общій государственный финансовый вопросъ—выражающійся въ нововыпускаемыхъ облигаціяхъ. Надо однако полагать что онъ снова всплыветъ на верхъ, такъ какъ многіе комитеты исходомъ ставятъ обязательный выкупъ земель,—признаюсь вамъ, что, вполне убѣжденный въ практичности этой мѣры и въ неудобствѣ всѣхъ другихъ предположеній, у меня руки зудѣли написать и отъ себя тоже, но не имѣя полномочія—не рѣшился“...

Въ дневникѣ есть много замѣтокъ, рисующихъ личность писавшаго и общество, въ которомъ онъ жилъ, но чувствую, что послѣ многихъ и многихъ лѣтъ эти черты сохраняютъ свой жизненный интересъ развѣ только для меня, близко знавшаго это стародавнее общество и сердечно любившаго автора этого дневника. Остановлюсь на немногихъ еще чертахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи нашего семейства.

У губернатора, Александра Павловича Волкова, по субботамъ вечеромъ собиралось все полтавское общество; отецъ мой тоже получалъ приглашеніе на эти вечера; онъ не любилъ большихъ официальныхъ собраній, но для этихъ вечеровъ нарушалъ иногда свой патріархальный образъ жизни. Его побуждало къ этому родительское чувство: третій сынъ Волкова, маленькій Володя, учился въ корпусѣ какъ приходящій кадетъ и подружился съ нашимъ кадетомъ Володей, который сталъ часто бывать у Волкова и былъ обласканъ въ этомъ семействѣ. Вотъ какъ описываетъ отецъ свой первый вечеръ у Волкова:

15 ноября. „Ровно въ 8 часовъ мы пріѣхали къ губернатору; полный домъ уже былъ гостей, вся Полтава, то есть вся здѣшняя аристократія: на диванахъ въ кружкѣ сидѣло разряженныхъ дамъ до сотни. Губернаторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, подвелъ къ губернаторшѣ и сказалъ: отецъ нашего пріятеля Володи Бутовскаго; она сказала мнѣ нѣсколько словъ въ похвалу Володи, а губернаторъ спросилъ: „онъ здѣсь?“.—Не отпустили ваше пр-во

изъ корпуса.— „Почему“?—Завтра смотри.— „А, да, пріѣхалъ Ключфель“. Между тѣмъ зала и всѣ комнаты все болѣе наполнялись гостями, я и не думалъ, чтобы въ Полтавѣ было такъ много звѣздъ на фракахъ и на блестящихъ мундирахъ, разумѣется военныхъ; было до десяти генераловъ, а о полковничьихъ эполетахъ и говорить нечего. Не успѣлъ я осмотрѣться какъ подошелъ ко мнѣ сынъ губернатора Володя, съ которымъ я познакомился въ корпусѣ уже ровно двѣ недѣли, и сегодня за полчаса прежде видѣлъ въ корпусѣ. Славный мальчикъ, присталъ ко мнѣ и цѣлый часъ почти занималъ. Было много и знакомыхъ; но въ такомъ большомъ обществѣ не всѣхъ сейчасъ и замѣтишь, а если и увидишь, то иногда и пробраться невозможно“.

Другой мой братъ, Федя, былъ зачисленъ въ корпусъ только въ слѣдующемъ году. Этою зимою онъ учился въ гражданской гимназій и жилъ на квартирѣ у отца. Ежедневно отецъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ о здоровьѣ, объ ученіи и о время препровожденіи этихъ двухъ бодрыхъ и способныхъ мальчиковъ. Володя бываетъ въ отпуску каждый праздникъ, а Федя ежедневно, передъ вечернею молитвою и отходомъ ко сну сдаетъ отцу приготовленные имъ уроки.

Всякій праздникъ отецъ непременно бываетъ въ институтѣ у сестры Ольги Дмитріевны, оказывающей выдающіеся успѣхи по научнымъ предметамъ и незаурядныя способности къ музыкѣ, и аккуратно сообщаетъ нашей мамѣ о ея здоровьѣ и о всемъ касающемся духовныхъ и житейскихъ интересовъ нашей милой сестры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ его никогда не покидаетъ мысль о младшихъ дѣтяхъ, о женѣ и о близкихъ людяхъ, живущихъ тамъ, въ такъ любимой имъ деревенской глуши. Ежедневно посылаетъ онъ трогательныя благословенія нашей мамѣ и маленькимъ—Колѣ, Евгенію и Машѣ, и проситъ передать свои поклоны „брату и другу Ивану Ивановичу, сестрицамъ, дядюшкѣ Ивану Григорьевичу и нянѣ Агафіи Федоровнѣ“.

Къ старшему сыну, офицеру, зачисленному весной того же года репетиторомъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ, онъ относится вначалѣ нѣсколько холодно; ему не нравилось его юношеское стремленіе къ независимости; однако, скоро, тутъ же въ Полтавѣ, между ними установились самыя сердечныя и искреннія, дружескія отношенія.

Полюбилъ онъ также большого друга моей юности и товарища по речетиторству, только что выпущеннаго въ офицеры и этой осенью прѣѣхавшаго въ Полтаву Николая Васильевича Кореева: „Коля отличный молодой человекъ,—записываетъ онъ подь 13-мъ ноябрю,—весель, разговорчивъ, добръ, въяжливъ, деликатень“¹⁾).

Съ дядей Алексѣемъ Степановичемъ, всѣ эти шесть мѣсяцевъ, онъ жилъ дружески въ настоящемъ значеніи слова; не было даже намека на какія нибудь несогласія, хотя наклонности ихъ и вкусы были довольно различны. Отецъ былъ домосѣдъ, дядя же, перезнакомившійся со всею Полтавою, почти всѣ вечера проводилъ внѣ дома.

Кончаю описаніе этихъ полтавскихъ мѣсяцевъ интереснымъ маленькимъ эпизодомъ, записаннымъ отцомъ подь 21 января 1859 г. Жили они съ дядею въ домѣ Гавриленка, въ переулкѣ, сейчасъ же за Дворянскимъ собраніемъ. Домъ былъ одноэтажный, но квартира была просторная и удобная.

По вечерамъ, когда Федя уже спалъ, а дяди не было дома, въ глубокой тишинѣ, отецъ садился за дневникъ или за очередную работу. „Окна моей комнаты,—пишетъ отецъ,—выходятъ во дворъ на галерею. было уже половинна десятиго, дѣти спали, вездѣ тихо и только въ моей комнатѣ горѣли двѣ свѣчки: я читалъ, и читалъ уже болѣе часа рукопись Ушакова; слышу кто-то идетъ по галереѣ, думалъ, что братъ, но братъ шелъ бы прямо, а тотъ остановился. должно быть посмотрѣлъ въ окно: что я дѣлаю; я не обратилъ вниманія... Вдругъ неожиданно ужасный стукъ въ раму окна: „Кто тамъ?“—Отвѣта нѣтъ, а стукъ продолжается.—„Кто тамъ?“—„Воръ“.—„Да кто тамъ?“—„Говорятъ, что воръ“.—Я со свѣчкою въ переднюю, Осмы нѣтъ, а Игнатъ спалъ, но проснулся.—„Посмотри, кто тамъ стучитъ въ окно“.—Вдругъ дверь отворяется, показался человекъ огромнаго роста, въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ; и когда началъ хохотать, тогда только я узналъ Андрея Васильевича Остроградскаго. Посидѣлъ онъ у меня до 10 часовъ съ четвертью и ушелъ. Онъ прѣѣхалъ за дочерью, чтобы взять ее на свадьбу племянницы своей, которая выходитъ за Родзянку...“.

Андрей Васильевичъ, какъ я сказалъ уже выше, былъ университетскій товарищъ отца. Какъ долго сохраняли

¹⁾ См. „Прекратившійся Родъ“.

тогдашніе люди и юношескую живость и юношескую теплоту отношеній...

По завершеніи крестьянскаго вопроса, отецъ мой былъ избранъ кандидатомъ въ мировые посредники 3-го участка Кременчугскаго уѣзда, и иногда годами исполнялъ должность мирового посредника.

Онъ умеръ скоропостижно 3 февраля 1865 года, въ Пятигорцахъ, и похороненъ на той же самой поэтической площадкѣ въ Грабинѣ, гдѣ была уже могила жены дяди Алексѣя Степановича, Маріи Алексѣевны, и гдѣ потомъ были похоронены послѣдніе фонъ-Райзеры (см. „Прекратившійся родъ“).

Наша милая мама, проживъ послѣ его смерти нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и выждавъ, пока Маша окончитъ полтавскій институтъ, переѣхала съ нею въ Петербургъ, къ великой радости сердечно любившихъ ея сыновей. Часто, лѣтними мѣсяцами, возвращалась она въ Пелеховщину, гдѣ прекрасно хозяйничалъ Федоръ Дмитріевичъ, тотъ самый милый Федя, который въ 1858 г., маленькимъ гимназистомъ жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ.

Она скончалась въ Петербургѣ 13 марта 1885 г., и похоронена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ усыпальницѣ родителей моей жены, Гороховыхъ.

Изъ семи братьевъ и сестеръ, дѣтей нашихъ родителей, насъ осталось теперь только трое: я, сестра Ольга Дмитріевна, въ замужествѣ Кореева, и братъ Николай Дмитріевичъ (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи въ отставкѣ и извѣстный военный писатель).

Владиміръ Дмитріевичъ умеръ въ 1881 году, Федоръ Дмитріевичъ въ 1895 г. Оба служили въ л.-гв. Павловскомъ полку. Владиміръ Дмитріевичъ оставилъ въ полку свое имя какъ его историкъ. Федоръ Дмитріевичъ, выйдя въ отставку, посвятилъ себя сельскому хозяйству, и былъ предпринчивымъ и способнымъ деревенскимъ хозяиномъ. Ему мѣшала его большой размахъ. Вдова его, Надежда Григорьевна, урожденная Пивненкова, владѣетъ теперь Пятигорцами и пользуется тамъ большимъ уваженіемъ, какъ строительница храма въ этомъ селеніи.

Теперь Пятигорцы самостоятельный приходъ.

Евгеній Дмитріевичъ, служившій въ министерствѣ Государственныхъ имуществъ и очень уважаемый за свой характеръ и свою дѣловитость, умеръ совсѣмъ еще не старымъ человѣкомъ въ 1893 г.; сестра Марія Дмитріевна, въ замужествѣ Аистова, умерла въ 1904.

Дѣти Ольги Дмитріевны, Николая Дмитріевича, Евгения Дмитріевича и Маріи Дмитріевны, являются прямыми продолжателями той линіи рода Бутовскихъ, которая ведетъ свое начало отъ вознаго Кирьяка Александровича и жены его Варвары Ивановны.

VIII.

Ближайшая отъ насъ деревня, не дальше какъ за версту, была Вишеньки. Съ нашего крыльца ясно была видна дорога туда, прямо идущая по полю, дальше видна была вѣтряная мельница, за нею садъ, закрывающій отъ насъ постройки на барскомъ дворѣ. Лѣвѣе бѣлѣлись избы крестьянъ.

Это было имѣніе мопхъ двоюродныхъ дядей и тетей, дѣтей Ивана Кирьяковича.

У насъ этой деревни никогда никто не называлъ Вишеньками. Когда надо было послать въ Вишеньки, говорили: „сбѣгай на тотъ дворъ“, когда кто-нибудь приходилъ оттуда, говорили „Прибѣжали съ того двора“. Именно „прибѣжалъ“, потому что ходили туда и оттуда только люди солидные, господа или старики, а за дѣломъ всегда бѣгали.

Пелеховщину въ Вишенькахъ тоже называли „тѣмъ дворомъ“, и велось это такъ еще со временъ прабабушки Варвары Ивановны, которой принадлежали оба эти имѣнія до раздѣла ихъ между ея сыновьями. Она жила въ Пелеховщинѣ у младшаго своего сына, моего дѣда, но пріѣзжала въ Вишеньки, какъ полноправная распорядительница.

Какъ при ея жизни, такъ и послѣ ея смерти, многочисленная Вишеньковская семья, рано лишившаяся отца и матери, по рассказамъ бабы Хотины, часто бывала въ Пелеховщинѣ: лѣтомъ чуть не ежедневно—пѣшкомъ, а зимою, вмѣстѣ съ дѣдушкою и его дочерью Настасьею Петровною, часто устраивали, какъ я уже и говорилъ, веселыя прогулки въ саняхъ; на масляницу рядились, и ря-

женные ѣхали въ Петрашовку, гдѣ тоже было нѣсколько дѣвицъ; затѣвались гаданья, танцы,—это было дружное, веселое общество.

Въ письмахъ дѣда къ отцу я раза два встрѣтилъ фразу: „Настенька не пишетъ потому, что ее нѣтъ дома; уѣхала танцовать“.

Я помню вишеньковскихъ дядей и тетей пожилыми, а потомъ уже старыми людьми. Объ ихъ молодой жизни я узналъ только отъ бабы Хотины, и на моей памяти они уже были не тѣми людьми, какъ въ ея разказахъ.

Ихъ было много: пять братьевъ и четыре сестры, и это было замѣчательное семейство. Большинство изъ нихъ прожило до преклоннаго возраста, и ни одинъ изъ братьевъ не женился, ни одна изъ сестеръ не вышла замужъ; между тѣмъ, всѣ братья были здоровые, красивые, умные люди, прекрасно съ честью служившіе и дѣловито хозяйничавшіе одинъ послѣ другого въ своемъ имѣніи; всѣ сестры въ молодости должны были быть привлекательными дѣвицами.

Я помню ихъ всѣхъ, кромѣ одного, второго по старшинству, Данила, который въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ убитъ въ турецкую кампанію 1828 г.

Теперь объ этой семьѣ вспоминаютъ только старые люди, и скоро, какъ это обыкновенно бываетъ, о нихъ совсѣмъ забудутъ... Но они живутъ въ моей памяти, и я думаю, что люди, носящіе нашу фамилію, не безъ любопытства прочтутъ эти воспоминавія о скромной и своеобразной жизни родныхъ людей, не оставившихъ послѣ себя прямыхъ потомковъ и не увѣковѣчившихъ своей памяти.

Старшій изъ братьевъ, Федоръ Ивановичъ, былъ гораздо старше моего отца. Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 13 и 14 гг., былъ контуженъ ядромъ въ грудь и раненъ пулей въ голову, а по выходѣ въ отставку, въ чинѣ подполковника, занималъ выборную въ то время должность исправника нашего Кременчугскаго уѣзда, я едва его помню. Онъ представляется мнѣ человекомъ крупнымъ, съ военной выправкой, громкимъ голосомъ и веселымъ смѣхомъ. Онъ памятенъ мнѣ потому, что у него были большіе золотые часы съ репетиціей, которые онъ прикладывалъ къ моему уху, когда они звонко отчеканивали число часовъ. О бокъ со старымъ отцовскимъ домомъ, въ Вишенькахъ, онъ выстроилъ себѣ щеголеватый домикъ и жилъ самостоятельно, отдѣльно отъ сестеръ. Позднѣ этотъ

домикъ перешелъ въ собственность любимой его сестры, Анны Ивановны.

Онъ умеръ въ одинъ годъ съ своимъ дѣдомъ. Послѣ его смерти вышелъ въ отставку, слѣдующій по старшинству братъ, Иванъ Ивановичъ.

Это была характерная черта тогдашняго дворянства, по крайней мѣрѣ у насъ въ Малороссіи. Всѣ молодые дворяне считали долгомъ чести служить въ военной службѣ, но не искали въ ней карьеры. Какъ только въ имѣніи требовался хозяинъ, молодой офицеръ выходилъ въ отставку и становился помѣщикомъ.

Иванъ Ивановичъ вышелъ въ отставку капитаномъ и больше двадцати лѣтъ управлялъ Вишеньками. Это былъ не только нашъ ближайшій сосѣдъ, но и хорошій другъ нашей семьи. Онъ былъ человекъ скромный, положительный, очень дѣловитый и, въ обществѣ, которое было ему не чуждо, пріятный собесѣдникъ. Онъ часто бывалъ у насъ по вечерамъ, и лѣтомъ и зимою. Всегда находились у него въ карманѣ какія нибудь лакомства для насъ, дѣтей.

Длинные зимніе вечера проходили въ бесѣдахъ, въ игрѣ въ шашки, въ рабужь или какую нибудь другую карточную игру, въ которой принимала иногда участіе и наша мама; играли разумѣется безъ интереса.

Иванъ Ивановичъ хорошо служилъ. Не получивъ большого образованія, онъ любилъ однако хорошую книгу, и я думаю былъ начитаннѣе многихъ изъ своихъ сослуживцевъ. Помнится, онъ рассказывалъ мнѣ, что служилъ въ томъ полку, которымъ командовалъ Пестель, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ командиромъ. Онъ былъ казначеемъ и замѣчалъ, что вся корреспонденція Пестеля состояла изъ денежныхъ писемъ „со вложеніемъ одного рубля“; потомъ только онъ сообразилъ, что дѣлалось это для обезпеченія писемъ отъ вскрытія или потери...

Любилъ онъ читать и въ отставкѣ. Я еще мальчикомъ видѣлъ у него огромные томы Михайловскаго - Данилевскаго съ портретами генераловъ отечественной войны, сочиненія Скобелева, и другія книги, преимущественно военныя или историческія. Ему было о чемъ поговорить съ моимъ отцомъ. Въ преклонномъ возрастѣ онъ читалъ „О подражаніи Христу“ томы Кемпійскаго.

Смолоду онъ былъ ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, прекрасно стрѣлялъ и любилъ охоту, но деревенская его жизнь проходила чрезвычайно скромно. Я помню

его комнаты въ старомъ вишеньковскомъ домѣ, чрезвычайно чистыя и заботливо убранныя коврами и дорожками, и его постоянное мѣсто на креслѣ у окна на дворѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, почти всегда одинокій, въ свои свободныя часы, и любовался въ окно своимъ хозяйствомъ. Хозяинъ онъ былъ образцовый. Сестры жили на другой половинѣ, и семья сходилась только въ часы обѣда, ужина, вечерняго чая, или когда къ нимъ пріѣзжали всѣ мы цѣлымъ семействомъ.

Слѣдующій по возрасту братъ, Егоръ Ивановичъ, въ чинѣ маіора, былъ смертельно раненъ при штурмѣ Севастополя.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 29 мая 1856 г., № 117, было помѣщено прочувствованное описаніе геройской кончины Егора Ивановича. Статья принадлежала перу нашего родственника Ивана Григорьевича Бутовскаго. Думаю, что члены нашего семейства съ участіемъ прочтутъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи, рисующихъ намъ личность нашего родственника—героя.

„Маіоръ Егоръ Ивановичъ Бутовскій,—разсказываетъ авторъ статьи,—вступилъ въ службу рядовымъ въ Вятскій пѣхотный полкъ, въ 1824 г., еще юношею, имѣя съ небольшимъ 17 лѣтъ, и первый офицерскій чинъ получилъ за отличіе въ дѣлѣ противъ турокъ подъ Андрианополемъ, въ 1829 г. Медленно подвигался потомъ Бутовскій въ чинахъ, и 1846 годъ засталъ его капитаномъ Суздальскаго пѣхотнаго полка... Въ 1847 г. Егоръ Бутовскій произведенъ за отличіе по службѣ въ маіоры и переведенъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ... Въ этомъ чинѣ и съ этимъ полкомъ Бутовскому суждено было вторично выйти на боевое поле, и, по несповѣдному велѣнію промысла, на немъ остаться“.

Въ маѣ 1855 г. 4-я дивизія, къ которой принадлежалъ Олонецкій полкъ, двинулась въ Крымъ. На пути и по прибытіи на мѣсто Егоръ Ивановичъ написалъ Ивану Ивановичу нѣсколько писемъ. Приведенныя изъ нихъ отрывки дышатъ бодростью и чудеснымъ патріотическимъ одушевленіемъ.

„Прошла, прошла, спасибо Царю, томительная тоска отъ праздноя стоянки въ Люблинѣ, тогда какъ наши братья-соратники столько уже мѣсяцевъ предпринимаютъ съ задорными незванцами. Теперь спѣшимъ день и ночь,

чтобы скорѣе обнять родныхъ крымскихъ героевъ, и обще съ ними покончить затѣи врага.

Походомъ и на дневкахъ, которыя у насъ такъ рѣдки, черезъ четыре и пять дней,—я не пропускаю случая, чтобъ не поохотиться; стрѣляю, по пути, дрофъ, стрепетовъ, куропатокъ и зайцевъ, а подъ часъ и дупельшнеловъ, и всей этой лакомой дичи такое множество, что рассылаю ее цѣлыми ягдташами моимъ добрымъ друзьямъ. Простея набиваю все болѣе руку, чтобы порядкомъ отплатить нашихъ милостивцевъ, англичанъ и французовъ. Солдаты такъ и рвутся, чтобъ поскорѣй сойтись съ ними грудъ съ грудью“.

„По выходѣ изъ Бахчисарая, изъ лагеря на рѣкѣ Бельбекѣ, отъ 22-го іюля, письмо его начиналось радостнымъ ура! и благодареніемъ Богу за прибытіе на мѣсто. „Поздравьте насъ“, говорилъ онъ, „мы уже у своего дѣла, котораго такъ долго ожидали: теперь перестаешь и краснѣть передъ товарищами, насъ опередившими, и не будетъ совѣстно брать даромъ царское жалованье“.

Вотъ онъ, наконецъ, въ Севастополѣ, онъ былъ уже въ сраженіяхъ на Мекензиевой горѣ и на Черной рѣчкѣ, и пишетъ брату: „Канонада не прекращается ни днемъ, ни ночью; но при храбрыхъ начальникахъ, какъ Сакенъ, Хрулевъ и Семякинъ, войска одушевлены уже и однимъ ихъ присутствіемъ.—По пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, вся эта трескотня бомбъ и ядеръ, и рѣзкій свистъ еретическихъ пуль для насъ словно тринь-трава: одинаково шутимъ и смѣемся“...

„Скажи, братъ, милымъ сестрамъ, что здѣсь вовсе не такъ страшно, какъ о томъ вдали думаютъ; передъ врагами, мы всѣ той мысли, что двухъ смертей не бываетъ, одной не миновать“.

„Это письмо было последнее. Слѣдующія затѣмы подробности частію заимствованы отъ очевидцевъ, частію изъ послѣднихъ замѣтокъ Бутовскаго, найденныхъ съ завѣщаніемъ между вещами“.

Наступилъ день штурма, 27 августа 1855 г.

„Оловецкій полкъ, еще съ 23-го августа, занялъ, на первой оборонительной линіи, одинъ изъ пунктовъ, самый опасный и наиболѣе поражаемый—бастіонъ № 2-го, смежный съ Малаховымъ Курганомъ. Въ одиннадцать часовъ утра, едва канонада притихла, послышался какъ бы подземный гулъ и скоро что то похожее на шумъ прибли-

жающагося урагана. Мгновенно, какъ волна, хлынулъ непріятель на приступъ большими массами. На всей оборонительной линіи взревѣли крѣпостныя орудія и затрещалъ ружейный огонь. Вдругъ на бастионѣ № 2-го показались французы, и борьба загорѣлась: такъ длилось болѣе часа съ переменнымъ успѣхомъ: наконецъ, непріятель, безпрестанно подкрѣпляемый свѣжими войсками, успѣлъ оттѣснить Олонецкіе батальоны до 2-й оборонительной линіи.

Прибыли подкрѣпленія.

„Несмотря на усиленный приливъ нѣсколькихъ непріятельскихъ бригадъ изъ корпуса генерала Боске, неустрашимый (генералъ) Собашинскій (съ полками 8-й пѣхотной дивизіи) бойко отбилъ, одну за другою, три новыя атаки. По словамъ маіора Бутовскаго, послѣдняя изъ нихъ была всѣхъ упорнѣе, и тутъ то онъ, въ самый разгаръ рукопашнаго боя, какъ бы ускоряя свой конецъ, схватилъ ружье изъ кучи убитыхъ и раненыхъ передъ нимъ французовъ, и съ крикомъ — за мной, Олонцы! дружиѣ! — бросился съ бастиона за бѣгущимъ непріятелемъ. Этотъ геройскій порывъ его былъ послѣдній: двѣ коническія пули въ животъ и въ пятку свалили храбраго, и опечаленные солдаты, въ пылу страшной рѣзни, отпесли за фронтъ любимаго начальника. Чтобъ не ослаблять рядовъ, онъ не велѣлъ нести себя далѣе, и приказалъ людямъ возвратиться на свои мѣста. При немъ остался только его вѣрный слуга Лободенко со штуцеромъ въ рукахъ: „Ну, чего стоять и хныкать надо мною?“ сказалъ Бутовскій, „иди и стрѣлай по врагамъ“. Такъ пролежалъ страдалецъ у самаго побойща почти два часа. Лободенко между тѣмъ продолжалъ стрѣлять, и каждый разъ радовалъ господина извѣстіемъ, что попалъ ловко“.

„Наконецъ понесли Бутовскаго на перевязочный пунктъ“.

Онъ прожилъ еще до 16-го сентября.

„За нѣсколько часовъ до смерти, онъ сдѣлалъ походное завѣщаніе, пригласивъ въ душеприкащики своего соратника, Ладожскаго егерскаго полка капитана Дыммана, пользовавшагося отъ ранъ въ томъ же госпиталѣ. Г. Дымманъ, принимавшій въ завѣщательнѣе участіе, исполнилъ самымъ благороднымъ образомъ волю покойнаго, и мы, родственники, отъ всей души благодарили г. Дыммана“.

„Во все время своихъ страдальческихъ дней, Егоръ Бутовскій съ жадностью освѣдомлялся о ходѣ военныхъ дѣйствій, и горячо молилъ Бога о дарованіи побѣдъ Рус-

скому царю и Его воинству. „Да!“ говаривалъ онъ, въ припадкахъ жестокихъ терзаній: „сладко умирать за отечество! одна уже эта мысль облегчаетъ раздирающія боли. Въдѣ могло же случиться, что, живя и въ хуторѣ, на покоѣ, пришлось бы испытать не менѣе мученій и умереть отъ причинъ вовсе ничтожныхъ; какъ же обойтись безъ жертвъ, отстаивая святую родину!“ При послѣднихъ минутахъ, онъ подозвалъ плачущаго Лободенка, и, простясь съ нимъ, сказалъ ему тихимъ, прерывающимся голосомъ: „Не плачь, скажи и дома, чтобъ обо мнѣ не тужили: смерть солдата честна предъ Господомъ!“

„Пуля, поразившая его въ животъ, не могла быть вынута, и она то низвела его въ гробъ; другая пуля, ударившая въ пятку, прошла насквозь и найдена въ сапогѣ; эти печальные памятники—пробитая рубаха, пробитый сапогъ и ковицеская пуля доставлены брату покойнаго и хранятся въ семействѣ. Вѣрный слуга его, Иванъ Лободенко, несмотря на то, что еще въ дѣлѣ на рѣкѣ Черной раненъ слегка пулей въ икру и контуженъ отломкомъ бомбы у Николаевского форта, не отставалъ отъ своего господина даже при адскомъ штурмѣ, и первый прилагалъ стараніе, чтобъ, съ особою осторожностію, перевезти его на перевязочный пунктъ“.

Тѣло Егора Ивановича похоронили на Симферопольскомъ кладбищѣ рядомъ съ могилою смертельно раненаго въ тотъ же день его земляка и пріятеля генераль-маіора Михаила Захаревича Лысенко.

Къ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ статьи Ивана Григорьевича, прибавлю, что со времени возвращенія Ивана Лободенки съ имуществомъ Егора Ивановича въ Вишеньки, въ комнатѣ Ивана Ивановича, на видномъ мѣстѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ хранились, на особомъ постаментѣ каска, эполеты, орденъ и оружіе брата героя, а въ ящикѣ подъ постаментомъ его рубаха, обувь и сразившая его пуля. Это была святыня, благоговѣнно чтимая въ этой хорошей семьѣ, жившей по стародавнимъ обычаямъ.

Ивана Лободенка, или какъ его звали въ зрѣломъ возрастѣ, Лобода, который будучи еще почти мальчикомъ, не отходилъ отъ своего барина во всѣхъ тяжелые дни осады, вынесъ его изъ схватки и оставался при немъ до его кончины, я хорошо зналъ впоследствии; онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Вишенькахъ и у насъ въ Пелехов-

чинѣ какъ хорошій расторопный человѣкъ и дѣльный хозяинъ. Онъ умеръ въ 1905 г.

Егора Ивановича я видѣлъ всего одинъ разъ, когда прїѣзжалъ въ отпускъ на Рождество 1848 г. Онъ былъ уже тогда майоромъ; это былъ красивый, сильный и здоровый человѣкъ,

У меня есть его портретъ писанный наивною рукою офицера сослуживца, но очень похожій. Онъ висѣлъ въ гостиной во флигелѣ у Анны Ивановны, которая любила украшать свою комнату портретами и образами, и потому не сдѣлался жертвою пожара, уничтожившаго, гораздо позднѣе, весь старыи господскій домъ.

Почтенное семейство! Три брата изъ четырехъ, служившихъ офицерами, запечатлѣли своею кровью свою безупречную службу: два были поражены на смерть, третій контуженъ и раненъ.

IX.

Возвращаюсь къ дядѣ Ивану Ивановичу.

Когда я прїѣхалъ домой офицеромъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, я засталъ его больнымъ: онъ былъ разбитъ параличемъ, плохо владѣлъ лѣвою ногою и рукою, и могъ ходить только опираясь на палку, но сохранялъ всю умственную и нравственную свѣжесть. Онъ обрадовался моему прїѣзду, продолжалъ бывать у насъ такъ же часто какъ и прежде, всегда сопровождаемый младшею изъ сестеръ, Ульяною Ивановною; мы тоже охотно заѣзжали или заходили въ Вишеньки, чтобы провести съ нимъ вечеръ.

Ульяна Ивановна ѣдила съ братомъ на Кавказъ; это принесло ему маленькую пользу, но онъ остался хромымъ и немощнымъ до конца своей жизни.

Умеръ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Вишеньки прїѣхалъ младшій изъ братьевъ, Матвѣй Ивановичъ. Этотъ сравнительно молодой членъ семьи росъ при другихъ условіяхъ и другихъ взглядахъ чѣмъ его старшіе братья. Онъ окончилъ Харьковскій университетъ, опредѣлился по гражданскимъ дѣламъ и подъ конецъ своей службы, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, занималъ большое мѣсто почтъ-директора на Кавказѣ и въ Черноморьѣ.

Какъ и всѣ члены этого семейства, онъ тоже былъ человѣкъ скромный, тѣмъ не менѣе онъ привезъ въ

Вишеньки нѣкоторыя барскія наклонности, которыхъ тамъ не знали. Онъ пилъ вино только высокихъ марокъ, курилъ только гаванскія сигары, ѣздилъ на зиму въ Одессу или Крымъ и образовалъ кружокъ знакомыхъ изъ числа состоятельныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Прожилъ онъ въ Вишенькахъ недолго; онъ умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Изъ четырехъ сестеръ, третья, Анна Ивановна, была живая, говорливая, иногда остроязычная, но вообще добродушная и веселая особа, до старости любила общество и имѣла свой кругъ знакомыхъ, которыхъ принимала въ домѣ, доставшемся ей послѣ Федора Ивановича. Ея острословіе увлекало ее иногда въ неприятности. Даже мой дѣдъ бывалъ иногда недоволенъ за ея разговоры и на нее, а вмѣстѣ съ нею и на Федора Ивановича. Она до старости сохраняла особенно крѣпкія дружескія связи съ Марьей Васильевной Милькевичъ, въ Теренякахъ, и съ одной изъ своихъ раннихъ подругъ, дочерью Петра Даниловича, Елизаветою Петровною, вышедшею замужъ въ Кіевской губ. за Гудимъ-Левковича.

Изъ трехъ другихъ сестеръ я помню Марью Ивановну уже старой, высокой, строгой и молчаливой дѣвицей. Вторая, Татьяна Ивановна, проживала въ Броваркахъ въ небольшомъ домикѣ, на бывшемъ тамъ семейномъ грунтѣ. Мы заѣзжали къ ней, когда бывали въ броварской церкви, но она рано умерла; я едва ее помню.

Младшая сестра, Ульяна Ивановна, тихая и кроткая, вся отдалась уходу за братомъ Иваномъ Ивановичемъ.

Судя по тому, что въ письмахъ моего дѣда къ отцу я нахожу приписки не только моей родной тетки Настасьи Петровны, но иногда и вишеньковскихъ дѣвицъ, чаще другихъ Анны Ивановны, я заключаю, что всѣ онѣ умѣли писать, но сколько я помню, читали онѣ преимущественно по-славянски — псалтырь, прологъ, четьи-минеи, и читала больше Анна Ивановна, у другихъ всегда было много дѣла по хозяйству... Всѣ онѣ были усердны къ церкви; Анна Ивановна благодѣтельствовала семейству броварскаго священника.

Съ братьями своими сестры были очень дружны и гордились ими. Эта черта гордости имѣла въ себѣ что-то трогательное и благородное. Какъ ни скромно служили братья, но они служили честно и достойно и были безупречными людьми; во всякомъ дѣлѣ они умѣли найтись и дѣлали

его хорошо, и сестры это понимали; братья были для нихъ посетителями добраго имени семьи.

Но велика была простота нравовъ въ Вишенькахъ. Сестры, говоря въ домашнемъ кругу о братьяхъ, иначе не называли ихъ какъ уменьшительными именами, не соображаясь ни съ ихъ возрастомъ, ни съ чиномъ. Естественно это пользованіе уменьшительными именами распространялось и между дворовыми людьми и даже между крестьянами. Помню, какъ однажды съ того двора къ намъ прибѣжала сѣнная дѣвушка съ извѣстіемъ, что „вчера пріѣхалъ Матюша съ Кавказа“. Матюша былъ тогда едва-ли уже не дѣйствительнымъ статскимъ и былъ человѣкомъ почтеннаго возраста.

Къ намъ онъ относился дружелюбно, но сдержанно. Побывавъ въ Кременчугѣ, онъ непременно присылалъ намъ французскую булку и лимонъ, а возвратясь изъ Градииска—связку вкусныхъ бубликовъ, но въ семейныя свои дѣла онъ насъ не посвящали.

Съ отцомъ моимъ онъ были очень коротки еще съ дѣтства, но съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ самостоятельнымъ хозяиномъ и женился, онъ сдѣлался для нихъ какъ бы человѣкомъ чуждаго имъ круга. Они чувствовали въ немъ человѣка другой культуры, не одобряли замѣтное въ немъ отрицаніе старыхъ формъ жизни и давали ему иногда это чувствовать; но въ серьезныхъ дѣлахъ все-таки обращались къ нему съ довѣріемъ.

Теперь, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, эта семья представляется мнѣ типичнымъ образцомъ стародавняго и патриархальнаго образа жизни, старыхъ обычаевъ и вѣрованій.

Входишь, бывало, въ довольно большой, крѣпко выстроенный, но низкій домъ и чувствуешь уже, что попалъ въ особое мѣсто, гдѣ живутъ особые люди. Изъ чисто выметенныхъ сѣней съ глинянымъ поломъ, направо—половина сестеръ. Входите въ довольно большую комнату, столовую, и васъ поражаетъ какая-то нерушимая тишина и какой-то особенный пріятный аромат, распространенный въ воздухѣ. Осматриваетесь и видите, что на низкихъ и толстыхъ потолочныхъ балкахъ развѣшаны пучечки травъ и разные мѣшочки съ сѣмянами. Вдоль стѣнъ стоятъ не то сундуки не то скамьи, покрытые то типичной малорусской узорной тканью, то богатымъ иногда восточнымъ ковромъ. Твердые деревянные стулья, нелишенные интереса по своему старо-

давнему фасону, стоять только въ промежуткахъ, плотно заполняя свободныя мѣста. За самоваромъ, у особаго столика сидитъ серьезная Марья Ивановна. Тишина; всѣ говорятъ только вполголоса, пока отецъ мой не заговоритъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ полный голосъ. Всѣ сестры умолкаютъ какъ бы въ видѣ протеста, но Анна Ивановна, увлеченная разговоромъ, вдругъ высказываетъ свое замѣчаніе или возраженіе повышеннымъ тономъ. Тогда Марья Ивановна начинаетъ говорить еще тише и зоветъ къ себѣ маленькую дѣвчонку, Присю, стоящую у дверей въ качествѣ прислуги, совсѣмъ беззвучнымъ: „Прсс!“ Прися частыми шажками неслышно подходитъ къ столику, и Марья Ивановна отдаетъ ей какое-то приказаніе совсѣмъ уже шепотомъ. Сама Анна Ивановна спохватывается и сосредоточенно замолкаетъ на нѣкоторое время.

Иногда, когда я былъ уже офицеромъ, они звали меня къ себѣ обѣдать. Такая же чинность и за обѣдомъ, но обѣдъ особенный, старинный, совсѣмъ малороссійскій, какой готовили въ дѣдовскихъ семьяхъ. Есть тутъ и „сняженный сыр“, и какой-то крѣпкій, очень вкусный борщъ изъ утки, и какія то особенныя вкусныя и жирныя кушанья, запеченныя въ мисочкахъ...

Но это вовсе не значитъ, что мои дяди и тети были гастрономами; нѣтъ, это дѣлалось потому, что такъ это было заведено въ дворянской семьѣ при отцахъ и дѣдахъ.

Дядя Иванъ Ивановичъ выпивалъ передъ обѣдомъ рюмку водки и за обѣдомъ рюмку вина, но не потому, что не могъ безъ этого обойтись, а потому, что это такъ полагалось порядочному человѣку за порядочнымъ обѣдомъ.

Помню, какъ однажды я заслужилъ порицаніе со стороны моихъ вишеньковскихъ тетей. Какъ-то осенью, послѣ обѣда, въ ясный солнечный день, съ юга поднялась черная туча, быстро распространилась по всему небу и закрыла солнце. Это была саранча; туча постепенно стала рѣдѣть, и мы увидѣли, что саранча садится гдѣ-то въ степи за Вишеньками, близъ раскопанныхъ могилъ. Саранча была у насъ явленіемъ очень рѣдкимъ, и естественно, что мы и сестрѣ моей Ольгѣ Дмитріевнѣ (я былъ уже тогда офицеромъ) захотѣлось посмотреть, какъ она садится и покрываетъ землю толстымъ слоемъ. Мы поѣхали и на обратномъ пути по дорогѣ заѣхали въ Вишеньки.

Не замѣчая, что тамъ господствуетъ какая-то сосредоточенность и подавленность, я сталъ рассказывать, что мы

видѣли. Молчаніе и неподвижность. Наконецъ Марья Ивановна произноситъ тихимъ укоризненнымъ голосомъ: — „Гнѣвъ Божій, а вы вѣдите смотрѣть“... — „Да, голубчикъ мой, — продолжаетъ послѣ нѣкотораго перерыва Анна Ивановна, — наша покойница бабушка Варвара Ивановна не пустила бы насъ смотрѣть на саранчу, а заставила бы Богу молиться, чтобы онъ избавилъ насъ отъ такого бѣдствія“...

— „Да, теперешней молодежи все на потѣху“, — заключаетъ какъ бы про себя тетя Ульяна Ивановна.

Тихая, невозмутимая жизнь этой семьи была потревожена уже въ поздніе годы серьезнымъ происшествіемъ. Ивана Ивановича, разбитаго уже параличемъ, ограбили. Случилось это такъ: окно его спальни выходило въ садъ, который съ этой стороны, шагахъ въ двадцати, выходилъ къ широкому полю; онъ отдѣлялся отъ поля глубокимъ ровомъ, но ровъ для лихихъ людей небольшое препятствіе. И вотъ больной Иванъ Ивановичъ однажды темной осенней ночью слышитъ, какъ у самага его изголовья открывается ставня, раздается трескъ разбитыхъ стеколъ, раскрывается окно, и кто-то влѣзаетъ въ комнату. Человѣкъ видимо знаетъ, чего ему надо; не говоря ни слова, ощупью находитъ столикъ, беретъ на немъ шкатулку и направляется обратно въ окно. На трескъ битыхъ стеколъ прибѣжала Ульяна Ивановна, но она увидѣла уходившаго уже человѣка; безстрашно выглянула она въ окно и ей показалось, что тамъ былъ не одинъ человѣкъ...

Въ шкатулкѣ было нѣсколько тысячъ рублей.

Дѣло было смѣлое и какое-то таинственное. Ивану Ивановичу показалось, что онъ слышалъ грохотъ отъѣзжающей телѣги; то же самое слышала и Ульяна Ивановна. Значить, люди были пріѣзжіе, но люди, знавшіе чего имъ нужно и какъ имъ надо было вести дѣло...

На другой день утромъ прикащикъ Ивана Ивановича, Петръ Федоровичъ Штанько, человѣкъ умный и преданный, разсматривая слѣды грабителей, нашелъ палку — „бичъ“ отъ молотильнаго цѣпа, — и тотчасъ же сообразилъ, что это можетъ повести къ открытію злодѣевъ.

Какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ онъ потихоньку, какъ бы по своимъ дѣламъ, опираясь на эту палочку, по тому направленію, откуда, надо думать, пріѣхали грабители, на Петрашовку и на Броварки. Идетъ онъ по Броваркамъ и встрѣчается ему сынъ отца Ивана, священ-

ника. Слово за слово.—„Что это у васъ за палочка, Петръ Федоровичъ?“—„А это такъ . . . бичикъ отъ цѣпа . . .“—„Позвольте, да вѣдь я этотъ бичикъ знаю; съ нимъ ходитъ такой-то изъ Петрашовки; я еще у него торговалъ этотъ бичикъ, онъ изъ хорошаго крѣпкаго дерева“ .

Участники были найдены, деньги однако пропали безслѣдно. Судились два грабителя, но всѣхъ ихъ было три. Третій, настоящаго имени котораго никто не зналъ, былъ и подговорщикомъ и главнымъ дѣятелемъ: онъ лазилъ въ комнату, онъ вынесъ изъ нея шкатулку, но далъ имъ по нѣскольку рублей и въ ту же ночь скрылся. Съ тѣхъ поръ они его не видали и ничего о немъ не слышали.

Былъ другой случай. Иванъ Ивановичъ уже умеръ, но Матвѣй Ивановичъ еще не прїѣзжалъ. Оставались только двѣ барышни, Анна Ивановна и Ульяна Ивановна. Однажды въ юльскій душный день надъ Вишеньками разразилась гроза. Молнія ударила въ кухню, стоявшую противъ стараго дома. Кухня загорѣлась; соломенную крышу охватило пламенемъ, сбѣжались люди, чтобы тушить, но Петръ Федоровичъ, по приказанію барышень, остановилъ:— „грѣхъ тушить то, что загорѣлось отъ Божьяго огня!“ Онъ взялъ нѣсколькихъ людей, вошли въ домъ, вынесли изъ него образа, зажженные страстныя свѣчи, святую воду въ чашѣ, кропило и, предшествуемые барышнями, три раза торжественно обошли горѣвшую постройку, окропляя ее святой водой.

Пылавшій пожаръ внезапно самъ собою прекратился.

Такъ рассказывалъ мнѣ Петръ Федоровичъ.

Послѣднею изъ этой семьи умерла Анна Ивановна, въ концѣ 70-хъ годовъ въ Елизаветградѣ, въ гостяхъ у своего друга, Елизаветы Петровны. Подъ старость она ослѣпла; ей сдѣлали операцію, но зрѣніе къ ней не возвратилось.

Черезъ годъ сгорѣлъ и старый домъ, эта полная чаша всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей, сгорѣлъ до тла, какъ бы унесъ съ собою всѣ слѣды жившихъ здѣсь когда-то людей, всѣ воспоминанія о нихъ.

Теперь въ Вишенькахъ стоитъ только, почти готовый развалиться, старенькій домикъ Федора Ивановича.

X.

Немного дальше, чѣмъ Вишеньки, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины на западъ, лежитъ деревня Петрашовка. Въ годы ранняго моего дѣтства въ ней жилъ большой богатый малороссійскій „панъ“ Петръ Даниловичъ Бутовскій, сынъ того бунчуковаго товарища Давила Александровича, который получилъ высочайшій подарокъ во время путешествія императрицы.

Въ 1801 г., когда составлялось „дѣло“ о дворянствѣ, Петру Даниловичу было уже сорокъ пять лѣтъ, и значился онъ майоромъ въ отставкѣ. Въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно, ему было свыше восьмидесяти, но это былъ крѣпкій, грузный, полнокровный старикъ, разумный, распорядительный и властный хозяинъ.

Онъ приходился двоюроднымъ братомъ моему дѣду и жили они въ хорошихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. На моей памяти онъ одинокѣ доживалъ свои вѣкъ въ Петрашовкѣ, но любилъ когда у него бывали, и самъ нерѣдко заѣзжалъ къ намъ посидѣть часокъ другой передъ вечеромъ.

Я говорилъ уже, что отецъ его былъ самый богатый изъ Бутовскихъ, но и самъ онъ взялъ большое состояніе за женой. Въ степи, по сосѣдству съ нами, подъ Броварками и Грипьяками, у него было два большихъ имѣнія—Петрашовка и Тимашовка, кромѣ того было у него имѣніе за Дибиромъ—Камышеватое, и большіе плавни за Сулою, подъ Еремѣвкой.

Жена его, Марья Михайловна, которую помнилъ еще мой отецъ, была изъ рода Кирьяковыхъ. Въ какомъ родствѣ была она съ Кирьяковыми, нашими сосѣдями, я не знаю: но родство было, кажется, не близкое. Въ письмахъ дѣда я нашелъ случайное указаніе, что Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ, повидимому братъ Марьи Михайловны, жилъ въ Петербургѣ и занималъ какую-то придворную должность.

Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства мнѣ ярко рисуется Петрашовская господская усадьба. Она лежала у самаго вѣззда въ Петрашовку съ нашей стороны. Въ глубинѣ двора, плотно обстроенаго разными хозяйственными службами, виднѣлся просторный, но низкій домъ, а за нимъ довольно большой садъ. Домъ былъ стариннаго малорус-

скаго типа; не было тутъ ни крыльца, ни балкона, а вдоль всего передняго фасада шла неширокая, крытая галерея въ уровень съ землею и съ глинянымъ поломъ. Изъ галереи дверь вела въ сѣни и въ комнаты тоже безъ всякихъ подъемовъ: все было на уровень съ землею. Домъ былъ неправильной формы, съ пристройками разной высоты, но внутри онъ былъ уютенъ и по старинному богато обставленъ. Петръ Даниловичъ сидѣлъ въ глубокихъ мягкихъ креслахъ и казалось, что онъ-то своимъ старческимъ спокойствіемъ и придаетъ особенную уютность этому дому. Въ гостиной висѣли два портрета—его и его жены,—писанные безъ сомнѣнія тѣмъ же броварскимъ отцомъ Демьяномъ, который писалъ и мою прабабушку. Работа была одна и та же. Петръ Даниловичъ на портретѣ былъ лѣтъ на двадцать моложе, чѣмъ я его видѣлъ въ дѣйствительности, но сходство было большое.

Я помню двухъ сыновей Петра Даниловича: Михаила Петровича, отставнаго генераль-маіора генеральнаго штаба и Данила Петровича, служившаго тоже, кажется, въ генеральномъ штабѣ, но рано вышедшаго въ отставку и проживавшаго въ Камышевatomъ. Говорили мнѣ, что третій братъ, Петръ Петровичъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, имѣлъ талантъ къ живописи, но умеръ молодымъ человѣкомъ. Былъ и еще одинъ сынъ у Петра Даниловича, Василій Петровичъ, но о немъ я ничего не слышалъ.

Дочери Петра Даниловича, жившія въ большой дружбѣ съ моею тетеею Настасьею Петровною и съ нашими вишенъковскими родственниками, и весело проводившія свое дѣвическое время, рано пѣвыходили замужъ. Я помню Марью Петровну, пріѣзжавшую въ Петрашовку со своимъ мужемъ, Адрианомъ Сергѣевичемъ Плетневымъ, изъ Кіевской губ., и рано овдовѣвшую Елизавету Петровну Гудимъ-Левковичъ, жившую въ Елизаветградѣ.

Петръ Даниловичъ умеръ въ 1843 г., переживъ моего дѣда на два года. Вскорѣ послѣ его смерти въ Петрашовкѣ поселился старшій его сынъ, Михаилъ Петровичъ, со своею молодою красавицею женою Надеждою Яковлевною и сыномъ Петромъ. Маленькому Петѣ тогда только что исполнился годъ.

Я хорошо помню первое знакомство моихъ родителей съ этимъ семействомъ. Это было въ первый день Свѣтлаго праздника. Какъ всегда, мы были у завтраши и обѣди въ

Кирьяковкѣ, а къ вечерней службѣ поѣхали въ Броварки. Тамъ были всѣ вишеньковскіе, и послѣ службы Татьяна Ивановна пригласила къ себѣ всѣхъ насъ, а также и пріѣхавшихъ въ первый разъ въ церковь новыхъ петрашовскихъ родственниковъ.

Всѣ, увидѣвшіе въ первый разъ Надежду Яковлевну, были буквально поражены ея красотою: ей въ то время едва ли минуло восемнадцать лѣтъ. Безусловно изящныя черты ея лица, нѣжныя, какія я видѣлъ потомъ на стенахъ Латура, одухотворялись мечтательными глазами и какимъ-то пѣвучимъ звукомъ голоса, въ которомъ слышалась и дѣтская вавзность, и нѣкоторая избалованность. Она до сихъ поръ ничего не знала, кромѣ Петербурга, съ его столичными развлечениями и удовольствіями, и собираясь въ Петрашовку, даже не представляла себѣ, что такое малорусская деревня. Ея нѣкоторая растерянность и неувѣренность какъ будто придавали ей новое очарованіе.

Михаилъ Петровичъ былъ на десять лѣтъ старше моего отца. Въ то время ему было уже около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ тогда еще въ военномъ сюртукѣ съ полковничьиными эполетами, помню, что онъ былъ съ палочкой и хромаль, но это было случайно: онъ ушибъ себѣ ногу въ дорогѣ. Роста былъ онъ средняго, держался нѣсколько сутуловато и говорилъ онъ какъ челоѣкъ, привыкшій высказывать опредѣленныя и безспорныя мнѣнія. Но онъ съ перваго же знакомства, видимо, старался установить добрыя родственныя отношенія и съ моимъ отцомъ, и съ Иваномъ Ивановичемъ.

Петрашовка оживилась. Домъ обновили, обставили его на новый ладъ, рядомъ съ портретами Петра Даниловича и Маріи Михайловны появились два большіе поколѣнные портрета Михаила Петровича и Надежды Яковлевны. Образовался довольно большой кругъ знакомыхъ, сѣзжавшихся въ званые дни. Всѣ преклонялись передъ Надеждой Яковлевой какъ передъ красавицей и передъ существомъ не нашего, не будничнаго малорусскаго круга. Она, однако, сколько помню, не сходилась близко съ мѣстными дамами. При ней, въ Петрашовкѣ, всегда проживала ея родственница Луиза Романовна Гейнрихсенъ, и компаньонка полька Костуся, и это составляло домашній кружокъ, который

вмѣстѣ съ заботами о дѣтяхъ наполнялъ ея существованіе ¹⁾).

Съ моею мамой она поддерживала хорошія отношенія. Помню, что какъ разъ въ то время, въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ печатался переводъ Вѣчнаго Жида. Она присылала или привозила номера журнала и дѣлилась иногда съ мамой своими впечатлѣніями. Случилось, что за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія моего въ пансіонъ отъ насъ отошла моя гувернантка; Надежда Яковлевна любезно предложила моему отцу присылать меня черезъ день въ Петрашовку, для занятій съ нею французскимъ языкомъ; эти поѣздки продолжались мѣсяца два, до весны и, я думаю, были для меня не безполезны.

Очень сошлась съ Надеждой Яковлевной Анна Ивановна. Казалось бы, что могло быть общаго между молодой избалованной столичной дамой и пожилой старосвѣтской малорусской дѣвицей, однако эти отношенія оставались неразрывными до самой смерти Анны Ивановны.

Михаилъ Петровичъ поддерживалъ добрыя связи съ моимъ отцомъ. Одно время рѣшили было собираться ежедневно по очереди въ Петрашовкѣ, у насъ и въ Вишенькахъ, и одну зиму дѣйствительно съѣзжались; потомъ это какъ-то разстроилось, но онъ любилъ иногда провести у насъ зимній вечеръ и потолковать съ моимъ отцомъ.

Михаилъ Петровичъ умеръ въ 1853 г.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 14 іюля этого года ему былъ посвященъ небольшой некрологъ, написанный Иваномъ Григорьевичемъ. Вотъ его содержаніе: „28 мая 1853 года, въ одиннадцатъ часовъ утра, Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда, въ деревнѣ Петрашовкѣ, кончилъ свое земное поприще отставной генераль-маіоръ генеральнаго штаба, Михаилъ Петровичъ Бутовскій, на 58 году отъ рожденія. Въ безпредѣльной горести оставилъ онъ прекрасную, молодую жену, съ малолѣтними сыномъ и тремя дочерьми; оставилъ безутѣшными и своего родного брата, близкихъ родныхъ и друзей, любившихъ его искренно. Покойный Михаилъ Петровичъ былъ примѣрный слуга Государю и Отечеству и многократно, за отличную службу, былъ щедро награждаемъ. Дѣятельный и точный исполнитель въ про-

¹⁾ Съ Луизой Романовной я встрѣтился черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1896 г., въ Афинахъ, въ первый день Пасхи, въ домѣ нашего посланника г. Ону. Ея братъ былъ русскимъ консуломъ въ Греціи. Свиданіе было пріятное и много было воспоминаній...

долженіе своего долговременнаго служенія, онъ такимъ же былъ неуспѣшнымъ и почитательнымъ хозяиномъ и въ своемъ родовомъ имѣніи: его уже нѣтъ, но гдѣ трудился онъ, видны во всемъ изобиліе и удивительный порядокъ. Подъ кровлею его крестьянъ нигдѣ не замѣтно нищеты, повсюду видишь довольство и не встрѣтишь людей праздныхъ.—Вѣчная память тебѣ, добрый и честный человѣкъ!»

Надежда Яковлевна, вышедшая замужъ за Евгенія Автоновича Рейбота, умерла только въ 1914 г., на девяностомъ году своей жизни.

Кромѣ сына Петра у Михаила Петровича было еще три дочери: Марія, Софія и Ксеvія.

Съ маленькимъ Петей, въ его дѣтствѣ, я видѣлся довольно часто, но я былъ на четыре года старше его, и потому у насъ не могло быть очень тѣснаго товарищества. Къ тому же девяти лѣтъ, въ 1847 г., я поступилъ уже въ пансіонъ въ Полтавѣ, и мы на долгіе годы потеряли другъ друга изъ вида. Онъ воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія и всю свою жизнь провелъ на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ. Судьба свела меня съ Петромъ Михайловичемъ гораздо позднѣе, когда мы оба приближались уже къ старости. Онъ занималъ тогда высокіе посты оберъ-прокурора въ Сенатѣ, товарища министра юстиціи, члена Государственнаго Совѣта. Въ его отношеніяхъ ко мнѣ я видѣлъ доброе, истинно родственное расположеніе. Онъ былъ пріятный, обходительный человѣкъ, европейски образованный и чуткій къ общественнымъ интересамъ. Это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ умеръ въ 1912 г., на два года раньше своей матери.

Обращаясь мыслью къ нашимъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, я могу сказать, что дѣтство мое совпало съ интереснымъ періодомъ въ жизни малорусскаго дворянства, — интереснымъ не съ исторической, а съ бытовой стороны.

Петръ Даниловичъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей старинныхъ малорусскихъ пановъ, которые помнили еще времена казачества и въ обиходѣ своемъ, несмотря иногда на большіе достатки, мало отличались отъ простаго рядового малорусскаго человѣка. Я помню и другихъ такихъ же старыхъ людей въ числѣ знакомыхъ моего дѣда, людей солидныхъ, по большей части крѣпкихъ и сильныхъ; они ходили въ какихъ-то долгонозыхъ

не то сюртукахъ, не то казакицахъ, говорили уже не со-вѣтъ по-малорусски, но не могли еще хорошо справиться съ русской рѣчью.

Рядомъ съ моимъ дѣдомъ и Петромъ Даниловичемъ передо мною какъ живые стоятъ старикъ Бѣлашъ, старый князь Мещерскій, проживавшій въ Кагамлычкѣ, у гребли, Андрей Федоровичъ Барло-Якубовичъ изъ Марыина, Григорій Семеновичъ Мацокъ. Къ такимъ же стародавнимъ людямъ я могу отнести даже и Александра Захарьевича Лисенко, чудесно пѣвшаго малорусскія пѣсни.

Многіе изъ нихъ охотно бывали у моего дѣда и продолжали бывать у моего отца, который относился къ нимъ съ уваженіемъ.

Это были люди той эпохи, къ которой относятся старо-свѣтскіе помѣшники, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ; они были близки къ типамъ Котляревскаго и Основьяненко. Я не хочу сказать, что у всѣхъ у нихъ было всегда что-либо карикатурное,—о нѣтъ, у такого большого барина, какъ Петръ Даниловичъ, мало было сторогъ, поддающихся насмѣшкѣ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было иногда найти черты, напоминавшія и Вознаго и даже Пана Халаявскаго. Я помню, папримѣръ, у одного изъ такихъ людей, въ его гостиной на видномъ мѣстѣ, оправленную въ хорошую рамку обыкновенную „подорожную“, на томъ основаніи, какъ онъ объяснялъ не безъ гордости, что и онъ ѣздилъ разъ въ жизни по Высочайшему указу.

Бывали между ними и такіе господа, которые не умѣли рѣзать мясо обыкновеннымъ пожемъ и вилкой; въ ихъ молодости не было еще въ ихъ кругѣ этихъ орудій. Когда подавали мясное блюдо, такой господинъ вынималъ изъ кармана свой собственный складной ножъ, а вмѣсто вилки просто работалъ пальцами лѣвой руки. Если того требовали обстоятельства, то онъ добродушно извинялся, объясняя, что и папенька его, хорунжій или возный, всегда кушалъ за столомъ такимъ простымъ способомъ.

На моихъ глазахъ совершался переходъ отъ этого добраго стараго времени къ новому. Старики сходили со сцены; на ихъ мѣсто появлялись новые люди. Это уже были современники моего отца и, какъ я припоминаю, все больше отставные военные въ небольшихъ чинахъ.

Недаромъ одинъ изъ нашихъ остроумныхъ писателей изъ малороссовъ замѣтилъ, что Россія, при всѣхъ своихъ богатствахъ, всего богаче отставными поручиками.

Недалеко отъ насъ, почти противъ Градижска, за Днѣпромъ, въ Крыловѣ или, какъ его называли, въ Новогеоргиевскѣ, стоялъ Орденскій кирасирскій полкъ. Наши молодые сосѣди въ большинствѣ отправлялись служить въ этотъ полкъ и, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, возвращались въ семейные очаги, обзаводились семействомъ и осѣдали на хозяйствѣ.

Изъ этихъ представителей новаго поколѣнія и именно отставныхъ кирасирскихъ офицеровъ я долженъ вспомнить прежде всего Валерьяна Александровича Булюбаша. Онъ жилъ верстахъ въ десяти отъ насъ въ селѣ Столбовахѣ. Бодрый человекъ съ рѣшительнымъ голосомъ и громкимъ смѣхомъ, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и часто бывалъ у насъ. Онъ и мой отецъ помнили другъ друга еще дѣтymi, и я былъ сверстникомъ его дѣтей: ихъ у него было четверо: Николай, Григорій, Александръ и Федоръ. Со всѣми ими, особенно съ Николаемъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и охотно встрѣчался, прѣзжая домой уже много лѣтъ спустя.

Но Валерьянъ Александровичъ рано умеръ и оставилъ свои дѣла въ очень запутанномъ положеніи. Онъ былъ легкомысленъ и недѣловитъ и любилъ играть въ карты. Сыновья росли на рукахъ матери, Амаліи Осиповны, большого друга моей мамы. Эта замѣчательная, энергичная и своеобразная женщина задалась задачею не только разумно воспитать своихъ дѣтей, но и восполнить все то въ имущественномъ отношеніи, что было запущено ея мужемъ; и подъ старость она могла съ гордостью говорить, что хорошо сдѣлала свое дѣло. Сыновья ея получили хорошее образованіе, трое изъ нихъ окончили Кіевскій университетъ; добросовѣстно работали на служебномъ и на общественномъ поприщѣ и были люди съ обезпеченнымъ состояніемъ.

Амалія Осиповна отличалась оригинальными чертами, и этимъ подавала поводъ къ разговорамъ и даже къ насмѣшкамъ въ сосѣдствѣ. Но это была благородная, прямая и смѣлая натура. Маленькая, худенькая, подвижная и рѣшительная, она держала въ повиновеніи своего мужа, она умѣла привязать къ себѣ своихъ дѣтей и твердо хранила помѣщичьи барскія традиціи до конца своей жизни. Рассказывали, какъ въ Кременчугѣ на вокзалѣ, ея лакей, бывшій крѣпостной Карпо, торжественно подавалъ ей на столъ поставленный имъ домашній самоваръ и ставилъ домашній

чайный приборъ; разсказывали, какъ, прѣвзжая въ гости, она запирала дверцы своей кареты особеннымъ замкомъ, чтобы тотъ же Карпо не садился въ нее отдыхать; много ходило толковъ и о другихъ ея странностяхъ, но все это были или выдумки, или большіе пустяки, въ виду ея большихъ положительныхъ достоинствъ. Замѣчательно, что до глубокой старости она не утратила своей живости, не потеряла хорошаго тона своей молодости, любила пересыпать свою рѣчь французскими словами и одѣвалась по модѣ 30-хъ—40-хъ годовъ.

Къ числу отставныхъ офицеровъ Орденскаго кирасирскаго полка принадлежали также Виталій Романовичъ и Андрей Романовичъ Лисенки и Александръ Александровичъ Деконоръ.

Виталій Романовичъ Лисенко былъ женатъ, въ Гринькахъ, на воспитанницѣ или родственницѣ Николая Павловича Булюбаша, Ольгѣ Еремѣевнѣ, и взялъ за женою большое состояніе. Это былъ милый человѣкъ, шутникъ, говорунъ, распространитель нелѣпныхъ разсказовъ, но имѣя свое прожитыя и поль старость служилъ мировымъ посредникомъ по назначенію, въ Западномъ краѣ. Это былъ отецъ талантливаго малорусскаго музыканта и композитора Николая Витальевича Лисенко, автора оперы „Рѣздвяна нічъ“ и собирателя малорусскихъ пѣсенъ. Николай Витальевичъ былъ моимъ сверстникомъ, но я видѣлся съ нимъ гораздо рѣже, чѣмъ съ Булюбашами.

Андрея Романовича, жившаго въ Галицкомъ, на Сулѣ, я не зналъ. Александръ Александровичъ Деконоръ, женатый на Наталіи Николаевнѣ Лисенко, жилъ въ верстахъ въ восьми отъ насъ, въ Николаевкѣ, по дорогѣ въ Чигринъ-Дуброву. Онъ былъ пріятный, остроумный человѣкъ, любившій принять у себя сосѣдей, и славился отличнымъ хозяиномъ. Однако, въ концѣ копцовъ онъ ничего не оставилъ своему семейству, и Николаевка давно уже находится въ чужихъ рукахъ.

Верстахъ въ десяти отъ насъ, Теренякахъ, Хорольскаго уѣзда, поселились въ отцовскомъ имѣніи тоже молодые отставные офицеры, кажется улацкаго полка, Николай Осиповичъ и Андрей Осиповичъ Малькевичи. Это были почтенные люди и добрые сосѣди. Сыновья Николая Осиповича были сверстниками моихъ братьевъ по Полтавскому корпусу, а дочь, Софія Николаевна, была соученицей моей сестры Маріи Дмитріевны въ Полтавскомъ институтѣ.

Изъ обширнаго круга нашихъ сосѣдей и знакомыхъ того отдаленнаго времени, я назову еще Леонтія Дмитріевича Пестрянецкаго и Адама Алексѣевича Кирьякова.

Леонтій Дмитріевичъ былъ полковникъ въ отставкѣ, служилъ еще въ 1812 г. и жепившись въ нашихъ мѣстахъ, основался въ селѣ Мозотѣвкѣ, въ верстахъ восьми отъ насъ, на спускѣ къ днѣпровскимъ плавнямъ. Это былъ пожилой уже человекъ, но совсѣмъ другого разбора, чѣмъ тѣ старыя люди, о которыхъ я только-что говорилъ. У него сохранялась военная выправка, была какая-то солидность и сдержанность чиновныхъ людей того времени, и можетъ быть даже нѣкоторый гоноръ, свидѣтельствующій о его польскомъ происхожденіи. Супруга его была изъ рода Кулябокъ-Корецкихъ. Пестрянецкіе были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моими родителями. Младшая ихъ дочь, Марья Леонтьевна, была моею ровесницею; другая дочь Юлія Леонтьевна и два сына, Андрей и Пларій, были старше меня. Съ Андреемъ Леонтьевичемъ мнѣ приходилось часто встрѣчаться позднѣе, въ 60-хъ годахъ, когда онъ былъ у насъ мировымъ посредникомъ, и мы были съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Адамъ Алексѣевичъ Кирьяковъ былъ сынъ Алексѣя Степановича, жившаго въ Кирьяковкѣ, въ трехъ верстахъ отъ насъ.

Кирьяковы были вообще видными людьми въ нашемъ околоткѣ въ старое время. Ихъ было два родныхъ брата: Григорій Степановичъ въ Броваркахъ и Алексѣй Степановичъ въ Кирьяковкѣ. Не знаю, были ли они тутъ старожилами или пришлыми людьми, но люди они были богатые и, кажется, держали себя не близко со своими сосѣдями.

Григорій Степановичъ былъ жепать на Наталіи Сергѣевнѣ Плетневой и имѣлъ сына Степана Григорьевича, поселившагося въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ Гонцахъ. Я говорилъ уже и о Степанѣ Григорьевичѣ и о Наталіи Сергѣевнѣ въ моихъ прежнихъ воспоминаніяхъ („Прекратившійся родъ“) и теперь возвращаться къ нимъ не буду.

У Алексѣя Степановича было два сына: Алексѣй Алексѣевичъ и Адамъ Алексѣевичъ. Изъ писемъ моего дѣда я вижу, что Алексѣй Алексѣевичъ зналъ моего отца еще въ ранней молодости и считалъ его даже своимъ другомъ. Гдѣ воспитывался и служилъ Алексѣй Алексѣевичъ, я не знаю, но жепившись онъ поселился въ другомъ имѣніи своего отца, Спѣжковѣ, Валковскаго уѣзда, Харьковской

губ., и бывалъ въ Кирьяковкѣ очень рѣдко. Я видѣлъ его, кажется, всего одинъ разъ; встрѣчаясь съ моимъ отцомъ, онъ всегда выказывалъ ему истинное дружеское расположеніе.

Адамъ Алексѣевичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицей, служилъ въ военной службѣ, гдѣ-то въ Польшѣ, вышелъ въ отставку еще при жизни своего отца, женился на Марьи Ѳедоровнѣ Богдановичъ, родной племянницѣ извѣстнаго военнаго писателя Модеста Богдановича, и поселился въ Кирьяковкѣ.

Алексѣя Степановичъ умеръ приблизительно въ годъ моего рожденія; я о немъ мало слышалъ, знаю только, что онъ построилъ кирьяковскую церковь во имя митрополита Алексѣя, котораго и я считаю своимъ святымъ.

Адама Алексѣевича и Марью Ѳедоровну я помню очень хорошо. Это были и близкіе сосѣди, и близкіе друзья моего отца и моей матери.

Адамъ Алексѣевичъ былъ мягкій, отзывчивый человѣкъ, и у него было то широкое литературное и гуманитарное образованіе, которое давалъ Царскосельскій лицей въ славные ранніе годы своего существованія. Марья Ѳедоровна была премилая и предобрая женщина, талантливая — она хорошо рисовала—и безъ всякихъ претензій.

У нихъ было три дочери: Надежда, Александра и Юлія. Старшая была моею ровесницею.

Мы часто видѣлись. Они охотно бывали у насъ, совсѣмъ запросто, и родители платили имъ тѣмъ же. Нерѣдко, простоявъ обѣдню въ церкви, они оставались обѣдать у Кирьяковыхъ.

Но мы не долго пользовались этимъ дружескимъ со-сѣдствомъ. Въ 1846 г. Адамъ Алексѣевичъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поселился въ Кременчугъ, а въ 1848 г. и онъ, и Марья Ѳедоровна умерли въ одинъ и тотъ же день, отъ свирѣпствовавшей въ томъ году холеры.

Малолѣтнія дочери переѣхали въ Снѣжковъ и воспитывались у своей тетки Александры Ивановны, вдовы Алексѣя Алексѣевича, вмѣстѣ съ его дочерью, Анной Алексѣевной.

Отецъ мой былъ назначенъ ихъ опекуномъ въ Кирьяковкѣ и несъ эту обязанность больше десяти лѣтъ безвозмездно.

Припоминая мои раннія впечатлѣнія въ Кирьяковкѣ, я хочу отмѣтить, что тамъ, въ этомъ домѣ, не очень боль-

шомъ и не изысканно обставленномъ, я въ первый разъ увидѣлъ большія, художественныя гравюры. Мнѣ какъ теперь видится огромная Аврора Гвидо Рени, работы Моргена, оправленная въ массивную золотую раму. Я тогда уже засматривался на нее и меня занималъ и ея сюжетъ — лошади, движущіяся фигуры „часовъ дня“, летящая Аврора, море, облака,—и мягкіе переливы тоновъ. Моя милая мама, вмѣстѣ съ Марьей Федоровной старались обратить мое вниманіе на изящныя стороны этого произведенія.

Въ этомъ же домѣ отецъ мой увидѣлъ только что вышедшее тогда французское педагогическое сочиненіе m-me Amable Tastu—„Education Maternelle“. Онъ тотчасъ же выписалъ его для меня, и я учился по этимъ книжкамъ и французскому чтенію, и французскому письму, я выучилъ много заключавшихся въ нихъ стихотвореній, учился по нимъ географіи, и была даже такая книжка „Récréation“, по которой Юлія Осиповна развлекала меня въ праздничные дни сказками, нравоучительными рассказами и загадками. Въ книжкахъ были превосходные для того времени политипажи, которые доставляли мнѣ много удовольствія.

Въ 1855 г. Надежда Адамовна вышла замужъ за Ивана Степановича Кирьякова, своего родственника, сына Степана Григорьевича. Онъ получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Броваркахъ, и такимъ образомъ броварское и кирьяковское имѣнія слились въ одно огромное неразрывное цѣлое.

Иванъ Степановичъ умеръ лѣтъ черезъ пять, проживъ свое броварское имѣніе; года черезъ два Надежда Адамовна вышла замужъ за Виталія Ивановича Горшиченко и поселилась въ Кирьяковкѣ. Горшиченко умеръ въ 1874 г., Кирьяковка была продана съ публичнаго торга, и съ тѣхъ поръ въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ воспоминаній ни объ Адамѣ Алексѣевичѣ, ни о другихъ Кирьяковыхъ, жившихъ въ Кирьяковкѣ и Броваркахъ.

XI.

Въ 1845 г., въ наши мѣста пріѣхалъ родственникъ, о которомъ давно уже никто не вспоминалъ и котораго никто даже не зналъ лично, такъ какъ еще съ конца XVIII столѣтія онъ выбылъ изъ отцовскаго имѣнія и съ тѣхъ поръ никогда въ него не возвращался.

Это былъ Иванъ Григорьевичъ, сынъ служившаго когда-то въ желтыхъ гусарахъ капитана Григорія Александровича Бутовскаго. Онъ приходился, слѣдовательно, двоюроднымъ братомъ моему дѣду и дядей моему отцу.

Хорошо помню первый визитъ его къ намъ. Человѣкъ уже немолодой, лѣтъ шестидесяти, но прямой и добрый, худощавый, съ крупными чертами продолговатаго лица, съ волосами, еще не сѣдыми, зачесанными съ обѣихъ сторонъ на лысину и съ маленькими бакенбардами, какія носили въ александровское время; въ походкѣ, въ мамерѣ, во взглядѣ, какая-то хорошая сдержанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода, показывающая человѣка порядочнаго общества. Костюмъ не нашъ, не провинціальный, а именно что-то тогдашнее визитное.

Отецъ мой принялъ его почтительно, но сдержанно; однако уже къ концу этого перваго посѣщенія онъ былъ уже не только заинтересованъ, но даже почти очарованъ Ивановъ Григорьевичемъ. Прощаясь, онъ называлъ его уже просто „дядюшка“.

По его отъѣздѣ онъ съ удивленіемъ рассказывалъ мамѣ, что этотъ человѣкъ, всю свою жизнь вращавшійся въ столичномъ обществѣ, привыкшій къ утонченнымъ формамъ жизни, человѣкъ много писавшій и печатавшій свои произведенія, намѣренъ теперь поселиться въ своемъ маленькомъ имѣніи, въ Пронозовкѣ, гдѣ у него нѣтъ ни усадьбы, ни дома. Онъ остановился теперь въ избѣ одного изъ своихъ крестьянъ и думаетъ прожить въ ней пока не выстроитъ себѣ порядочнаго домика на бывшемъ господскомъ грунтѣ.— „А между тѣмъ,—говорилъ отецъ,—этотъ человѣкъ имѣлъ большія средства въ Петербургѣ, жилъ въ собственномъ домѣ, имѣлъ связи въ самомъ высшемъ кругу“...

Все это было такъ необыкновенно, что приходилось только разводить руками.

Мнѣ никогда не случалось слышать обстоятельнаго разсказа, почему Иванъ Григорьевичъ рѣшился выйти въ отставку и жить въ Пронозовкѣ. Говорили всегда какъ то глухо, что онъ долго служилъ въ Комисаріатскомъ департаментѣ, чуть ли еще не съ 1810 г., что онъ занималъ тамъ большія должности, но что въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ, начальникъ этого департамента, генералъ П., растратилъ огромную казенную сумму и застрѣлился. Добавляли къ этому, какъ-то еще болѣе

гадательно, что чины Комисаріата, во избѣжаніе слѣдствія, рѣшили восполнить растраченную сумму, и это будто бы, и привело къ тому, что многіе изъ нихъ лишились своего состоянія.

Такъ ли это было или нѣтъ,—передаю то, что слышала. Долженъ однако особенно добавить, что никогда никто не говорилъ по этому поводу чего-нибудь такого, что могло быть истолковано не въ пользу Ивана Григорьевича.

Но ни это одно въ судьбѣ этого человѣка составляло вопросъ, надъ которымъ можно было задуматься. Въ 1801 г., какъ значитъ въ „Родословной“, ему было 16 лѣтъ и служилъ онъ канцеляристомъ въ Кіевскомъ губернскомъ правленіи; образованіе онъ получилъ очевидно домашнее; откуда же у него это прекрасное званіе французскаго языка, эти его литературныя наклонности, этотъ свѣтскій пошибъ, дѣлающій его замѣтнымъ во всякомъ обществѣ?

Въ нашемъ провинціальномъ кругу, когда онъ былъ уже старикомъ, говорили, что никто такъ не умѣетъ изящно поцѣловать дамскую ручку, какъ Иванъ Григорьевичъ; въ Петрашовкѣ Надежда Яковлевна всегда приглашала его своимъ кавалеромъ, чтобы итти къ обѣденному столу и обращалась къ нему обыкновенно по французски. Наши кавалеры изъ молодыхъ подсмѣивались надъ его старческой галантностью. Но имъ далеко было до Ивана Григорьевича. Его манеры были какъ будто врождены ему; въ нихъ не было рѣшительно ничего дѣланнаго или намѣреннаго.

По поводу этихъ званыхъ обѣдовъ въ Петрашовкѣ, припоминаю, что какъ-то, гораздо позднѣе, уже въ шестидесятыхъ годахъ, ѣхалъ я съ нимъ мимо этой деревни.

— „Весело тутъ жили при Михайлѣ“—замѣтилъ онъ мнѣ.—„вѣдь тогда были влюблены въ эту красавицу“...

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— „Да, и меня это не миновало; вѣдь это фатумъ, отъ этого не уйдешь“... И старый человѣкъ вздохнулъ и задумался...

Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о своей молодости, въ одной изъ своихъ статей¹⁾.

¹⁾ Фельдмаршалъ князь Кутузовъ при концѣ и началѣ своего боевого поприща.—Первая война императора Александра I съ Наполеономъ I, въ 1805 г. соч. П. Бутовскаго. (Изъ №№ 64—69-го „Русскаго Инвалида“ 1858 г.).

„На восьмомъ десяткѣ лѣтъ мною пройденной жизни, перебирая въ памяти бывшее, сколько открываю различія между прошедшимъ и настоящимъ, между Россіей временъ Екатерины и Павла, и тою, которую видимъ нынѣ во всемъ ея блескѣ и крѣпости“!

„Изъ эпохи достопамятнаго царствованія Екатерины Великой, помню хорошо одно только 24-е ноября, день тезоименитства нашей безсмертной царицы. Хотя я былъ еще мальчикомъ и дѣтство мое протекло въ самой глуши, но и тамъ всѣ сословія ожидали этого дня съ особыми приготовленіями и, празднуя его, ликовали имя своей Августѣйшей Благодѣтельницы, такъ сказать, въ запуски... Что во дни Ея владычества народъ блаженствовалъ, о томъ былъ общій голосъ. Не разъ доводилось слышать похвалы Ея „Наказу“; не понимая значенія этого слова, и толкуя его въ превратномъ смыслѣ, я дивился, что превозносятъ розгу, которая такъ пугала меня, и была тогда въ обычномъ употребленіи при воспитаніи дѣтей“...

„Еще до вступленія на солдатское поприще, съ дѣтства мною либомое, я уже, на 14-мъ году жизни, считался на службѣ съ октября 1798 года по части гражданской. Покойная матушка моя, оставшись вдовою, слишкомъ рано оторвала меня отъ наукъ и опредѣлила въ Кіевское Губернское Правленіе; въ этомъ-то правительственномъ мѣстѣ, не смотря на юныя лѣта, въ памяти моей сильно запечатлѣлись замѣчательные годы царствованія Императора Павла Петровича. Наибольше мнѣ врѣзались въ душу—неимовѣрная быстрота и точное исполненіе его царскихъ велѣній. Какъ нѣкимъ волшебствомъ, почти одновременно, были прорѣзаны по всѣмъ направленіямъ Имперіи пылѣ существующія широкія столбовыя дороги; вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены по городамъ и селамъ, даже по деревнямъ и деревушкамъ, шлагбаумы. Безъ вида отъ сельскаго старшины или сотскаго, далѣе пяти верстъ отъ мѣста жительства, никто не могъ пройти: и въ самое короткое время прекратились разбои, дотолѣ наводившіе повсемѣстный ужасъ!.. При столь крутыхъ, во общепользныхъ перемѣнахъ, послѣдовало измѣненіе и по части военной: русскія войска явились въ новой формѣ, она была несравненно сложнѣе и тяжелѣе формы временъ Екатерины II, однако это не помѣшало Суворову громить французовъ... Часто я, разиня ротъ, восхищался русскимъ строемъ, и грустилъ, что запрещали послѣдовать непреодолимому влеченію всту-

пить зъ ряды солдатъ. На инспекторскихъ смотрахъ, особенно во время прохожденія корпусовъ черезъ Кіевъ, на сборные пункты подъ Черниговъ, я день въ день, съ утра до вечера, торчалъ на площадяхъ, и съ завистью смотрѣлъ на служивую молодежь; прибывшіе изъ Италіи и того болѣе волновали кровь; многіе изъ офицеровъ имѣли по два или по три креста... Это приводило меня въ отчаяніе до того, что мнѣ хотѣлось бѣжать изъ Губернскаго Правленія въ первый ближайшій полкъ“...

„Съ небольшимъ черезъ годъ по воцареніи Александра, обнаругованъ указъ: что русскій дворянинъ, первоначально не служившій въ военной службѣ, не можетъ быть принять къ статскимъ дѣламъ“.—Содержаніе указа, ясно опредѣлявшее прямую обязанность дворянина, вступающаго на поприще служенія, еще болѣе побудило меня перемѣнить родъ службы. Хотя я уже состоялъ въ чинѣ Коллежскаго Регистратора, однако считалъ позволительнымъ, вопреки запрещенію моей матери, промѣнять перо на шагау. Чтобы скорѣе отдѣлаться отъ чернилъ, я не долго медлилъ и, написавъ на Высочайшее имя прошеніе, явился къ военному губернатору Тормасову. При выходѣ Тормасова къ просителямъ, наружность моя и лѣта обратили его вниманіе; онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и я подалъ ему просьбу: пробѣжавъ се съ улыбкой, онъ спросилъ меня: „Ты желаешь, голубчикъ, служить подъ ружьемъ?“—Точно такъ!—Да знаешь ли, что не иначе будешь принять какъ подпортикомъ: ты теряешь статскій чинъ.—Знаю, отвѣчалъ я,—но готовъ служить даже рядовымъ!“ Военный губернаторъ взглянулъ на приближившагося къ намъ генерала Дмитрія Сергѣевича Дохтурова, и, взявъ меня за подбородокъ, сказалъ: „Поздравляю, ты принять“. Дохтуровъ тутъ же хлопоталъ о назначеніи меня въ Московскій мушкатерскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, и ласково приказалъ мнѣ явиться къ нему на квартиру. Эта сцена, столь торжественная на страницахъ моей жизни, происходила 16 декабря 1803 г. Черезъ два дня я уже былъ обмундированъ, и, сколько помню, отъ радости не чувствовалъ подъ собой земли: такъ было на душѣ весело, что попалъ въ защитники отечества и надѣлъ военный мундиръ“...

„Инспекторскій адъютантъ Галіонка велѣлъ мнѣ явиться къ капитану Клименку, въ 5-ю мушкатерскую роту, занимающую квартиру въ двухъ большихъ селахъ, на лѣво й

сторонѣ Днѣпра. Г. Клименко обошелся со мной привѣтливо и далъ мнѣ въ дядьки бойкаго ефрейтора Качалова. Цѣлый мѣсяць прослужилъ я за простого рядового и Качаловъ усердно преподавалъ лекціи въ ружейныхъ приемахъ и маршировкѣ“...

„Апрѣля 26-го 1805 г. меня произвели въ портупей-прапорщики, съ переводомъ во вторую гренадерскую роту. Въ томъ же году объявленъ походъ въ австрійскіе предѣлы“...

„17-го августа мы перешли русскую границу въ Радзивиловѣ“...

Таково было начало карьеры Ивана Григорьевича.

Мнѣ искренно жаль, что не могу привести здѣсь многихъ военныхъ и бытовыхъ чертъ изъ его талантливой статьи. Но это заняло бы слишкомъ много мѣста и отклонило меня отъ моего сюжета.

Иванъ Григорьевичъ сдѣлалъ всю кампанію 1805 г. въ званіи портупей-юнкера и былъ знаменщикомъ въ своемъ баталіонѣ. Въ Ольмюцѣ онъ впервые увидѣлъ императора Александра I, и съ тѣхъ поръ проникся какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ къ особѣ этого монарха.

Подъ Аустерлицемъ, въ виду рѣшительнаго наступленія врага, онъ сорвалъ знамя съ древка и обмоталъ его вокругъ тѣла подъ мундиромъ; тутъ же, въ схваткѣ, онъ былъ раненъ въ голову, но не покинулъ строя.

Иванъ Григорьевичъ сдѣлалъ также всю кампанію 1807 г. и принималъ участіе въ Финляндской войнѣ въ 1807—9 г.г.

Когда онъ былъ произведенъ въ офицеры и былъ ли онъ произведенъ, мнѣ неизвѣстно, но въ 1812 г. онъ служилъ уже въ учрежденіяхъ по снабженію арміи.

Эти свѣдѣнія не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, гдѣ и какъ юноша изъ тогдашнихъ захолустныхъ дворянъ могъ получить широкое европейское образованіе и развитъ въ себѣ литературные интересы, но они рисуютъ намъ его какъ человѣка энергичнаго и очень расторопнаго. Такіе люди не теряются въ жизни.

Когда онъ пріѣхалъ въ Пронозовку, за нимъ были уже почтенные литературные труды. Онъ перевелъ „Исторію крестовыхъ походовъ“ Мишо, въ пяти томахъ. Первые два тома вышли вторымъ изданіемъ въ 1841 г.; три послѣдніе тома не имѣли кажется 2-го изданія и относятся къ 1835—36 г.г. (Печатано въ военной типографіи). Это была серьезная ра-

бота, стоившая ему большого труда. Позднѣе въ 1843 г. онъ перевелъ Мысли Паскаля (печ. въ тип. Бачарова). Онъ написалъ также еще въ Петербургѣ нѣсколько оригинальныхъ статей, изъ которыхъ я назову очень патріотическую брошюру „Объ открытіи памятника императору Александру I“. Сиб., въ типографіи Н. Греча 1834.

Онъ продолжалъ работать и въ Пронозовкѣ. Такъ онъ помѣстилъ въ Русскомъ Инвалидѣ 1858 г. статью, изъ которой взята только что приведенная выдержка, „Первая война императора Александра I съ Наполеономъ I въ 1805 г.“. А спустя годъ или два другую статью о Тильзитскомъ свиданіи 1). Въ томъ же журналѣ напечаталъ онъ теплую корреспонденцію о Егорѣ Ивановичѣ Бутовскомъ, которая выше была приведена въ отрывкахъ.

Знаю, что онъ оставилъ большой рукописный томъ своихъ воспоминаній. По мѣрѣ того какъ шла работа, онъ прочитывалъ ее моему отцу. Гдѣ теперь эти воспоминанія мнѣ неизвѣстно.

Все смотрѣли у насъ на Ивана Григорьевича какъ на живого свидѣтеля старинной жизни и старыхъ обычаевъ неизвѣстныхъ въ нашей деревенской глуши, и, когда онъ бывало воодушевится, его можно было заслушаться. Это случалось въ особенности у насъ. Мой отецъ, съ которымъ онъ сошелся ближе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ въ нашемъ сосѣдствѣ, умѣлъ его расположить къ разсказамъ и воспоминаніямъ.

XII.

Проживъ около года въ Пронозовкѣ, въ простой крестьянской избѣ, Иванъ Григорьевичъ перешелъ на жительство въ выстроенный имъ повелькій домикъ, въ которомъ прожилъ до своей смерти. Этотъ домикъ, какъ и все, что касалось Ивана Григорьевича, тоже далъ пищу разговорамъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Онъ былъ выстроенъ, какъ говорили у насъ „на юру“, на самомъ высокомъ и открытомъ мѣстѣ въ Пронозовкѣ: онъ первый бросался въ глаза съ какой бы стороны вы не подѣзжали къ этому селу. Но этого мало: съ передняго входа не было ни сѣней, ни прихожей: поднявшись на нѣсколько ступеней и открывъ

1) Этой послѣдней статьи я не нашелъ у себя въ библіотекѣ.

дверь, вы прямо входили въ гостинную, самую большую и лучше другихъ обставленную комнату дома.

Все это дѣйствительно было не такъ, какъ любили устраниваться наши помѣщики въ своихъ деревенскихъ домахъ съ теплыми крѣпко запирающимися сѣнями, изъ которыхъ идутъ топки во всѣ комнаты, съ еще болѣе теплыми передними, защищающими жилия комнаты отъ зимняго холода. Но у Ивана Григорьевича было все это съ задняго хода его домика, а передній подъѣздъ служилъ ему для наслажденія безнодобными видами, открывавшимися съ этого высокаго мѣста во всѣ стороны. Выйдя на площадку, тутъ же, передъ дверью гостиной, вы видѣли передъ собою верстахъ въ пяти, шести, живописную гору, на которой построены Градижскъ; вамъ ярко бросались въ глаза на заходящемъ солнцѣ его церкви и бѣлыя избы; нѣлво, тутъ же, мимо Пронозовки, шла большая дорога, и вы могли охватить ее глазомъ всю, до самаго Градижска и даже прослѣдить ея повороты на горѣ: направо спускъ на широкіе заливные дуга, а дальше Дябуръ въ низкихъ берегахъ, советѣмъ такой, какъ его описалъ намъ великій малорусскій поэтъ: „Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина . . .“. Въ то время парходовъ еще не было, но по рѣкѣ ходили довольно часто большія парусныя суда, которыя въ нашей мѣстности назывались „байдаками“. Мы, дѣти, съ величайшимъ интересомъ слѣдили за ходомъ этихъ судовъ.

Внизу, подъ Пронозовкой, плавни Ивана Григорьевича были недалеко отъ нашихъ. Во время косовицы и уборки сѣна, мы могли его видѣть издали, у его косарей, въ широкополой соломенной шляпѣ и въ просторномъ парусинномъ лѣтнемъ костюмѣ, и дѣти непременно перебѣгали къ нему черезъ чужіе дуга, чтобы передать привѣтъ отъ отца и поискать новыхъ раковинъ на его берегу. Онъ встрѣчалъ насъ, какъ всегда, очень благодушно и самъ отправлялся къ отцу на наши плавни.

Случалось, что въ такіе дни мы заходили къ нему обѣдать, а иногда и почевать.

Онъ любилъ и умѣлъ принять гостей. Его гостиная, она же и столовая была очень недурно обставлена. Это была въ сущности единственная комната, въ которой можно было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ, и однажды, 24-го іюня, въ день его именинъ, къ нему собиралось довольно много гостей. Бывали непременно мои родители.

а когда я сталъ подростать, то брали и меня, бывали Пестржецкіе — Леонтій Дмитріевичъ и Андрей Леонтьевичъ, бывала Амалія Осиповна Булюбашъ, бывала непременно Надежда Яковлевна, пока жила въ Петрашовкѣ, бывалъ Александръ Александровичъ Деконоръ съ супругою, и пріемъ бывалъ всегда на славу; всегда у него былъ не только хорошій малорусскій обѣдъ съ жареною индѣйкой, но и такіе столичные деликатессы, какихъ не знали наши мѣстные гастрономы. Былъ тутъ и лимбургскій сыръ для мужчинъ, и высокаго качества желтый чай, который разливала обыкновенно одна изъ дамъ, и вкусныя недо-модѣльныя печенья и даже бонбоньерки съ конфетами. Самъ Иванъ Григорьевичъ держалъ себя такъ, какъ будто все это въ порядкѣ вещей. Осѣвши въ деревнѣ, онъ можетъ быть и не имѣлъ уже прежняго подтянутаго вида, но у него до глубокой старости сохранилась его изысканная повадка въ обращеніи и выглядѣлъ онъ въ своей единственной пріемной комнатѣ настоящимъ родовитымъ баринномъ.

Какая же волшебная фея помогала ему быть такимъ гостепріимнымъ хозяиномъ?

У этого небогатаго Пронозовскаго землевладѣльца были сыновья въ Петербургѣ и въ Москвѣ, занимавшіе высокое служебное положеніе, люди очень обезпеченные и люди достойные высокаго уваженія уже по одному тому, что они со вниманіемъ и съ заботливостью относились къ своему отцу.

Его небольшое домашнее хозяйство вела его экономка, бойкая Марфа Ивановна, но средства для этого хозяйства доставлялись ему сыновьями.

Они рѣдко бывали въ Пронозовкѣ, но Иванъ Григорьевичъ ѣзжалъ иногда въ Петербургъ по званію, и надо было удивляться какъ онъ рѣшался въ его годы на многодневное путешествіе на перекладныхъ до Москвы. Желѣзной дороги тогда еще не было... Изъ Петербурга онъ писалъ иногда длинныя письма моему отцу. Я зналъ сыновей Ивана Григорьевича.

Старшій, Александръ Ивановичъ, въ званіи камеръ-юнкера, долго занималъ должность агента нашего министерства финансовъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ департамента мануфактуръ и торговли (объ этомъ именно назначеніи и сообщалъ Позень моему отцу въ Полтавѣ въ 1858 г.). Ему принадлежитъ первое поли-

тико-экономическое сочиненіе на русскомъ языкѣ: „Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи“. Въ трехъ томахъ. С.-Пб., въ типографіи Собст. Е. И. В. Канцеляріи 1847. На это сочиненіе обратили вниманіе спеціалисты и свѣдующіе люди, и за Александромъ Ивановичемъ утвердилась репутація авторитетнаго чело-вѣка въ экономическихъ вопросахъ. По привычкамъ и по внѣшности онъ былъ чело-вѣкъ большого размаха и утонченной культуры.

Онъ говорилъ по французски какъ французъ и былъ очень чутокъ ко всему вульгарному, цошлому и мелочному. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Шаховской. Позднѣе, мы съ женой пользовались знакомствомъ его дочери, графини Александры Александровны Толстой, и искренно сожалѣли о рановойременной кончинѣ этой любезной, обязательной и высокообразованной женщины. У нея въ домѣ, благодаря ея особенному къ намъ вниманію, мы имѣли случай познакомиться со всѣми представителями рода Бутовскихъ, находившимися въ Петроградѣ.

Второй, Викторъ Ивановичъ былъ директоромъ Строгоновскаго училища живописи и ваянія въ Москвѣ, и имѣлъ придворное званіе егермейстера.

Въ 1863 г., на пути въ Петроградъ изъ Кременчугскаго уѣзда, гдѣ я былъ прикомандированъ къ мировому съѣзду, я нарочно остановился въ Москвѣ, чтобы побывать у Виктора Ивановича; этого хотѣлъ Иванъ Григорьевичъ.

Я познакомился тамъ съ тремя прелестными его дочерьми, совсѣмъ еще молодыми дѣвками, изъ которыхъ одна, Александра Викторовна, вышла потомъ замужъ за Евгенія Васильевича Богдановича, тогда гвардейскаго стрѣлковаго офицера, а впослѣдствіи навѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Самъ Викторъ Ивановичъ былъ милый, обходительный чело-вѣкъ. По его указаніямъ и по собранымъ имъ матеріаламъ, Віоле-де-Дюкъ написалъ свою извѣстную исторію русскаго искусства.

Гораздо уже позднѣе мы съ женою познакомились съ Богдановичами, и Александра Викторовна относилась къ намъ съ истинно родственнымъ расположеніемъ.

Она умерла осенью 1914 г., черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего мужа. Меньшиковъ посвятилъ ей теплыя строки въ „Письмахъ къ Ближнимъ“. „Она заслуживаетъ, — говоритъ онъ, — долговременной памяти не только тѣхъ,

кто зналъ ее и находить радость въ общеніи съ нею, по и всего русскаго общества, хотя она и не пользовалась при жизни ея сколько нибудь широкою извѣстностью. Очень извѣстенъ былъ мужъ ея, „генераль Богдановичъ“, 85 лѣтній слѣпой старецъ, бардъ самодержавія и православія, всего три мѣсяца назадъ скончавшійся. Онъ достаточно въ свое время гремѣлъ и до болѣзненности интересовался своей славой; она же, кроткая старушка, его жена, все время оставалась въ тѣни, служа ему всѣмъ, чѣмъ можетъ служить глубоко любящая женщина. Она была личнымъ секретаремъ, его сидѣлкой, переписчицей особо-важныхъ бумагъ, чтицей, собесѣдницей, громоотводомъ для старческихъ вспышекъ, а, главное — ближайшимъ къ нему роднымъ сердцемъ, до конца жалостливымъ и самоотверженнымъ. Александра Викторовна скончалась 68 лѣтъ. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій она была душою крайне гостепріимнаго дома, гдѣ ежедневно съѣзжались къ завтраку и обѣду „гости“ — изъ провинціи и изъ Петрограда. Едва ли это былъ слишкомъ широкій кругъ, но согласитесь, что уже одна сотня знакомыхъ, считающихъ долгомъ позавтракать у васъ или пообѣдать раза два въ мѣсяцъ, въ состояніи озадачить хозяйку дома, а у Богдановичей была не одна сотня знакомыхъ, и особенно желанными гостями были, конечно, люди ихъ круга — министры, товарищи министровъ, губернаторы, губерніскіе предводители дворянства, генераль-адъютанты, митрополиты и архіереи“... „Для сколько нибудь черствой и привередливой свѣтской старухи ея роль показалась бы каторжной, и такая старуха разогнала бы своихъ гостей, перессорила бы ихъ, а не соединила. Въдѣ какой соблазнъ при стекающихся со всѣхъ сторонъ интимныхъ новостяхъ, при непрерывной и живой хроникѣ столицы и Россіи, при разговорахъ на скандальныя темы дня, какой соблазнъ, говорю я, посплетничать, вмѣшаться свое женское любопытство и проявить печальный у многихъ женщинъ даръ фантазіи. Отъ Александры Викторовны вы не могли услышать ничего, напоминающаго сілентію. Я не помню ни одного сколько-нибудь рѣзкаго, ни одного озлобленнаго отзыва ея ни о комъ. Отрицательное было какъ будто несвойственно ея мозгу и языку. Не знаю, какъ для другихъ гостей Богдановичей, но меня лично особенно плѣняло у нихъ наблюдать эту чудесную и милую старушку... Въ живомъ образѣ А. В. Богдановичъ, рожденной Бутовской, я наслаждался созерцаніемъ вашей старинной

дворянской культуры, того хорошаго тона, той истинно хорошей воспитацности, которая сквозить во всемъ у тѣхъ счастливицевъ, которые въ свое время ее получили“...

Третій, Леонидъ Ивановичъ, былъ ученикомъ второго выпуска изъ школы Правовѣдѣнія. Почти всю свою жизнь онъ занималъ должность правителя дѣлъ въ Смольномъ институтѣ. Онъ тоже посвящалъ свои досуги литературѣ и оставилъ книжку патриотическихъ и религіозныхъ стихотвореній, писанныхъ на разные случаи. Онъ умеръ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія; сынъ его Дмитрій Леонидовичъ скончался не въ очень еще большомъ возрастѣ, въ 1914 г.

Четвертый, Юлій Ивановичъ, былъ горнымъ инженеромъ, и въ молодыхъ чинахъ служилъ на золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Впослѣдствіи онъ состоялъ при Технологическомъ институтѣ, и оставался въ этомъ заведеніи и по его преобразованіи. Мы были знакомы съ его супругою Юлією Ивановною, урожденною Массонъ, и съ его дочерью Вѣрою Юльевою.

Было и еще два сына у Ивана Григорьевича: Аркадій Ивановичъ и Платонъ Ивановичъ.

Аркадій Ивановичъ былъ способный и остроумный человекъ. Онъ написалъ маленькіе рассказы изъ Русской исторіи для дѣтей; но беспорядочная и разгульная жизнь преждевременно свела его въ могилу.

Платонъ Ивановичъ погибъ жертвой несчастной случайности: ломовикъ, выѣзжая изъ воротъ дома, ударилъ его оглоблей въ високъ и онъ умеръ на мѣстѣ.

Дочь Ивана Григорьевича, Елену Ивановну, я видѣлъ раза два у ея братьевъ, и помню ее какъ энергичную и очень добродушную пожилую даму. Она была замужемъ за Тимковскимъ. Говорили, что онъ былъ замѣшанъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, долго жилъ въ Сибири и былъ помилowanъ только съ воцареніемъ Александра II. Жена была все время приемъ. Онъ былъ извѣстенъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ какъ переводчикъ Кальдерона. Я видѣлъ его всего одинъ разъ. Они жили по Загородному проспекту, въ домѣ, принадлежащему Технологическому институту; верхній этажъ занималъ Александръ Ивановичъ, средній—Юлій Ивановичъ, а въ нижнемъ жили Тимковскіе.

У насъ въ Пелеховщинѣ всѣ сердечно любили Ивана Григорьевича, и взрослые и дѣти. Его пріѣздъ былъ для насъ праздникомъ, и онъ не рѣдко бывалъ у насъ во вся-

кое время года. Прїѣзжалъ онъ обыкновенно къ вечеру и гостилъ дня по два, по три.

Отношенія его къ моему отцу были самыя теплыя, искреннія и дружескія, и отецъ мой платилъ ему тѣмъ же. Всегда былъ у нихъ интересный, животрепещущій предметъ разговора. Обсуждались и хозяйственныя, и сосѣдскія, и общественныя и политическія дѣла. Послѣднія газетныя извѣстія узнавали мы частó только отъ Ивана Григорьевича, такъ какъ онъ получалъ больше газетъ, чѣмъ мы. Во взглядахъ своихъ они однако не всегда сходились. Иванъ Григорьевичъ былъ убѣжденный поклонникъ Александровской эпохи; онъ прѣжилъ лучшіе свои годы въ эту эпоху и смотрѣлъ на нее какъ на невозвратно отошедшее золотое прошлое; это и высказалось въ такихъ его статьяхъ какъ „Александровская колонна“, Воспоминанія о 1805 г., о Тильзитѣ и пр. Александръ I былъ его идеаломъ, предметомъ его поклоненія; самое имя „Александръ“ онъ произносилъ съ какой-то умиленной интонаціей. Отецъ мой былъ человѣкъ новаго времени, и естественно, что иногда ему приходилось высказывать мысли несогласныя съ убѣжденіями его собесѣдника и настаивать на справедливости своихъ мнѣній. Это раздражало Ивана Григорьевича; повышеннымъ тономъ, въ формѣ выговора, онъ говорилъ отцу, что юношамъ рано еще имѣть свои сужденія по важнымъ вопросамъ.

— „Помируйте дядюшка, какой же я юноша,—со смѣхомъ говорилъ мой отецъ, — мнѣ вѣдь уже давно минуло сорокъ“...

— „Сорокъ!—возражалъ съ какимъ-то комическимъ раздраженіемъ Иванъ Григорьевичъ. — сорокъ лѣтъ назадъ я уже служилъ моему незабвенному государю на поляхъ битвъ и больше могу понимать въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ люди новаго поколѣнія“.

Послѣ такихъ размолвокъ они становились какъ будто еще болѣе близкими друзьями.

Иванъ Григорьевичъ живо интересовался работами отца по крестьянскому вопросу. Часто и много говорили они о немъ. Сначала онъ приходилъ въ живѣйшее раздраженіе, замѣчая, что „юноша“ не крѣпко держится сословныхъ интересовъ; наконецъ, послѣ многихъ толковъ, онъ вошелъ въ идеи отца, участливо выслушивалъ его мнѣнія, становился даже иногда на еще болѣе современную точку зрѣнія, и въ заключеніе написалъ свой собственный проектъ

объ освобожденіи крестьянъ, который и передалъ моему отцу въ надеждѣ, какъ онъ говорилъ, что въ немъ найдутся нѣкоторыя полезныя указанія.

Отецъ мой съ удивленіемъ говорилъ, что Иванъ Григорьевичъ въ этомъ проектѣ обнаружилъ такой широкій и гуманный взглядъ на крестьянскій вопросъ, какого не всегда можно было встрѣтить даже у передовыхъ дѣятелей по этому вопросу.

Я сказалъ уже, что отецъ мой умѣлъ расположить Ивана Григорьевича къ воспоминаніямъ и къ разсказамъ. Воспоминанія эти относились главнымъ образомъ къ эпохѣ обожаемаго имъ императора. Въ нихъ не было ничего связаннаго, послѣдовательнаго, все это были эпизоды, но въ нихъ было много интереснаго и иногда неожиданныаго.

Мы, дѣти, любили эти воспоминанія, да и было чего послушать.

Въ 1805 г., въ Браунау, онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней безсмыннымъ ординарцемъ у Кутузова; онъ описывалъ намъ его наружность, его нравъ, его спокойное и умѣлое обращеніе съ солдатами. Прямо скажу, слушая Ивана Григорьевича, мы какъ бы предвкушали того маститаго и мудраго Кутузова, котораго далъ намъ Л. Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ своего начальника дивизіи Дохтурова, онъ близко видѣлъ тогдашняго дежурнаго генерала, заслужившаго впоследствии почетную извѣстность Инзова, онъ часто видѣлъ Милорадовича... Онъ увлекательно разсказывалъ намъ о тогдашнихъ военныхъ порядкахъ, о тѣхъ тягостяхъ, которыя доставляли солдату тогдашняя форма обмундированія, пудра, косы, лосинные панталоны; о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе... о походныхъ случайностяхъ, о правахъ жителей въ чужихъ краяхъ. На него, какъ на молодого и бойкаго человѣка, часто обращали вниманіе высшіе чины въ арміи, и онъ ничего этого не забылъ; онъ тогда уже велъ свой дневникъ. Въ 1807 г. онъ бывалъ ординарцемъ у Багратиона. Онъ часто видѣлъ Платова и говорилъ съ нимъ, близко видѣлъ Беннигсена, разсказывалъ о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи какъ участникъ и, наконецъ, въ Тильзитѣ онъ не разъ видѣлъ обоихъ императоровъ. Онъ много разсказывалъ о Наполеонѣ, описывалъ его наружность, костюмъ, его манеры, выраженіе его лица. Въ его представленіи Наполеонъ, хотя и былъ фигурою своеобразною, замѣтною, но много терялъ по сравненію съ

прирожденнымъ величіемъ и чарующими манерами Александра I.

Онъ ясно помнилъ Тильзитское свиданіе и не разъ говаривалъ, что Денисъ Давыдовъ не совсѣмъ вѣрно описать его обстановку. Это обстоятельство и побудило его написать статью о Тильзитѣ, которую онъ помѣстилъ въ Русскомъ Пивалидѣ.

— „Вы, слѣдовательно, видѣли и королеву Луизу?“ — спросилъ какъ-то мой отецъ.

— „Видѣлъ?!—какъ бы обиженно восклицаетъ Иванъ Григорьевичъ,—да я танцевалъ съ нею и не разъ...“.

— „Танцовали?“

— „Да поймите же вы, я былъ едва ли не единственнымъ изъ моихъ молодыхъ сослуживцевъ, свободно говорившій по французски и знавшій всѣ тогдашніе свѣтскіе танцы; меня въ Тильзитѣ не приглашали, а наряжали на всѣ официальные собранія, и вотъ, балъ начинался обыкно венно полонезомъ; въ первой фигурѣ, въ кругъ, кавалеры мѣняють своихъ дамъ; естественно, что когда до меня доходила очередь, я обязанъ былъ предлагать руку приближавшейся ко мнѣ королевѣ и дѣлать съ нею нѣсколько шаговъ до слѣдующаго сигнала дирижера... Да,—вздыхалъ онъ,—нашъ несравненный императоръ былъ тогда видимо увлеченъ этой нѣмецкой волшебницей“...

Не могу забыть одного забавнаго и трогательнаго случая: какъ-то вечеромъ. уже въ 60-хъ годахъ, сестра моя Ольга Дмитріевна, превосходная піанистка, заиграла мазурку.—„Въ ваше время, дядюшка, мазурки еще не танцовали?“—спросилъ мой отецъ.

— „Какъ не танцовали? мы увлекались мазуркой, видѣливали такіе звучные голубцы, какихъ молодежь не умѣетъ теперь уже дѣлать.... Въ мое время мы танцовали ее съ особенными приплетываніями“...

— „Я танцевалъ ее въ Польшѣ.—замѣтилъ мой отецъ,—и въ тридцатыхъ годахъ мы танцовали ее совсѣмъ беззвучно, мы дѣлали приблизительно такіе па...“,—и онъ показалъ примѣрно основныя шаги мазурки.

— „Да развѣ это мазурка?!—вскричали Иванъ Григорьевичъ,—мы въ наше время вотъ какъ ее танцовали!“—и онъ лихо сдѣлалъ нѣсколько бойкихъ шаговъ,—а такъ, какъ вы, у насъ танцовали только дамы. Дайте сюда вашу руку!“

И эта пара, въ которой одному было 76, а другому 55 лѣтъ, лихо сдѣлала туръ мазурки вокругъ залы. Мама съ умиленіемъ смотрѣла на эту сцену и сказала:

— „Господи, если бы мои дѣти, доживъ до такого возраста были въ состояніи такъ весело и съ такимъ увлеченіемъ танцовать мазурку...“

Но и для дѣловыхъ бесѣдъ, и для воспоминаній, было свое время; выпадали и такіе часы, когда и старые и малые занимались бездѣльемъ. Длинными зимними вечерами, между чаемъ и ужиномъ, и Иванъ Григорьевичъ, и наши родители, и всѣ мы дѣти садились играть въ мельника. Старикъ это доставляло видимое удовольствіе, и мы, дѣти, съ величайшею охотою садились играть съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ игралъ съ большимъ благодушіемъ, но иногда вдругъ всныхивалъ, когда кто-нибудь изъ насъ, особенно изъ младшихъ, Коля или Евгений, клалъ ему младшую карту на его выходъ, или принималъ изъ общей кучи такую карту, которую онъ готовъ былъ покрыть.— „У—у варваръ!“—вскрикивалъ онъ, косясь на партнера. Всѣ мы отъ души смѣялись, смѣялся и онъ самъ; но иногда и онъ умѣлъ во время принять карту, чтобы поставить въ затрудненіе своего сосѣда.

Эти семейные вечера видимо привязывали его къ нашей семьѣ.: У меня сохранилось такое письмо этого когда-то очень близкаго намъ человѣка:

„Посылаю газеты другу Дмитрію Петровичу,—Надеждѣ Степановиѣ лимонъ, Ольгѣ Дмитриевнѣ апельсинъ, Машѣ, моей фавориткѣ апельсинъ и двумъ молодцамъ тоже апельсинъ“.

„До пріятнаго свиданія—Ив. Бутовскій“.

22 апрѣля 1861. Пронозовка.

Онъ сошелся также и съ моимъ дядею Алексѣемъ Степановичемъ и не разъ бывалъ съ нами въ Пятигорцахъ.

Чтобы дать читателю полное представленіе объ Иванѣ Григорьевичѣ, я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ очень твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, которыхъ онъ не высказывалъ и никому не навязывалъ, но которыя сами собою обнаруживались, когда рѣчь заходила о предметахъ вѣры. Въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ онъ былъ неуклонно твердъ. Была у него также и рѣдкая внутренняя чистота побужденій и мыслей. Я помню что онъ безгласно откладывалъ книги, въ которыхъ ему попадались слишкомъ свободныя сужденія о серьезныхъ предметахъ или чтонибудь

безнравственное и циничское. Онъ не любилъ Сервантеса, опошлившаго рыцарскую доблесть, бросилъ какъ-то романъ Фридерика Сулье, за то, что тамъ отведено слишкомъ большое мѣсто дѣволу.

Не найдя у своего пронозовскаго духовника тѣхъ пастырскихъ качествъ, которыя должны украшать священнослужителя, онъ сталъ ѣздить въ церковь въ Кирьяковку и говѣть у нашего отца Кирилла, версть за 10 отъ Пронозовки.

Вспоминается мнѣ чудная апрѣльская ночь, когда еговорившись съ Иваномъ Григорьевичемъ, мы съѣхались у нашего священника въ страстную субботу и, отстоявъ вмѣстѣ съ нимъ заутреню и обѣдню, вмѣстѣ возвратились къ намъ на семейные розговѣны.

Старикъ чувствовалъ себя въ такомъ же праздничномъ подъемѣ и такъ же весело привѣтствовалъ воскресную зарю, какъ и мы дѣти.

Онъ умеръ въ 1870 г. 83 лѣтъ отъ роду.

Я видѣлъ его послѣдній разъ за годъ до его смерти, въ Петербургѣ, въ квартирѣ Юлія Ивановича. Онъ былъ бодръ, но почти ничего не видѣлъ. Сыновья упрашивали его остаться въ Петербургѣ, но ему не хотѣлось разстаться со своимъ домикомъ въ Пронозовкѣ... Наша мама посѣщала его, слабago уже и слѣпого, приводила въ порядокъ его домашнее хозяйство и проводила его до послѣдняго жилища...

Въ заключеніе хочу припомнить о нѣсколькихъ счастливыхъ мѣсяцахъ, проведенныхъ мною въ Пелеховщинѣ, по окончаніи термина моего прикомандированія къ Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу.

По обнаруженіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ виду огромной потребности въ свѣдущихъ землемѣрахъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на прикомандированіе къ мировымъ сѣздамъ, въ качествѣ землемѣровъ, молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, прошедшихъ въ кадетскихъ корпусахъ курсъ дополнительнаго, 3-го спеціальнаго класса. По желанію отца я прикомандировался къ мировому сѣзду Кременчугскаго уѣзда, и работалъ съ 1 августа 1861 до конца февраля 1863 года въ 3-мъ мировомъ участкѣ, гдѣ посредникомъ былъ сначала Андрей Леонтьевичъ Пестржецкій, а по его уходѣ, въ 1862 г., мой отецъ.

Вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ это мое почти

чернорабочее время, оно надолго дало мнѣ запасъ физической и духовной бодрости, и именно оно укрѣпило во мнѣ мою какую-то почти стихійную любовь къ нашей родной степи. По роду моихъ занятій я жилъ въ этой степи, на воздухѣ. во всѣ времена года, я видѣлъ ее во всѣхъ ея нарядахъ, я сроднился съ ея манящею безконечностью и долго потомъ скучалъ по ней, оторванный отъ дому моею дальнѣйшею службою. Въ это время и въ нашей семьѣ чувствовалось какое-то повышенное настроеніе. Отецъ съ понятнымъ подъемомъ работалъ какъ мировой посредникъ; онъ практически приводилъ въ исполненіе то дѣло, надъ которымъ такъ много думалъ и трудился въ губернскомъ комитетѣ... Къ этому времени окончила Полтавскій институтъ моя дорогая сестра Ольга Дмитріевна; она окончила его съ шифромъ, и возвращеніе ея домой внесло въ нашу среду тотъ элементъ свѣжести и мягкости, который составлялъ какъ бы сущность ея молодой и богато одаренной природы... Я сказалъ уже, она была превосходная піанистка; я тоже въ то время порядочно игралъ уже на флейтѣ, и какъ много наслажденія доставляли намъ тогдашнія модныя романтическія музыкальныя вещи и транскрипціи... Мы упивались въ то время мелодіями Беллини, Россини, До-ницетти...

Когда для меня выпадали свободные дни, мы много гуляли и любили предпринимать поѣздки. Нѣсколько разъ за это время мы ѣздили вдвоемъ въ Пятигорцы. На полпути останавливались покормить лошадей, пообѣдать, а то и переночевать въ хуторѣ Сотницкомъ, внизу около ракътъ, у доброй нашей знакомой Маріи Лукивны Езучевской, Дочь ея была подругой моей сестры по институту. Иногда мы заставляли тутъ ея ближайшихъ сосѣдей Козинцевъ и Анну Петровну Чудинову съ дѣтьми, и весело проводили вечеръ въ танцахъ и играхъ. Но о поѣздкахъ пріятнѣе иногда вспоминать, чѣмъ совершать ихъ на самомъ дѣлѣ. Былъ съ нами однажды такой случай: время было подъ масляницу, стояла снѣжная зима; выѣхали мы изъ дому въ открытыхъ парныхъ саняхъ, кажется, во-время, казалось, не слишкомъ долго просидѣли за обѣдомъ въ Сотницкомъ, но едва мы проѣхали Лукомье, начало смеркаться и повалилъ густой, тяжелый, влажный снѣгъ; стало совсѣмъ темно; замѣчаемъ, что ѣдемъ не по дорогѣ, и вдругъ лошади внезапно останавливаются... Что такое? Кучеръ Тарасъ и лакей Иванъ докладываютъ намъ, что мы стоимъ не то

надъ провалемъ, не то надъ крутымъ спускомъ куда то внизъ, по куда? Богъ его знаетъ... Постояли въ нерѣшительности, стали гадать, какъ мы будемъ проводить ночь, не будемъ ли мы засыпаны снѣгомъ. Назадъ до Лукомья, верстъ на десять нѣтъ никакого жилья, есть только дѣсистые овраги, въ которыхъ водятся волки. Какъ вдругъ внизу, гдѣ-то очень далеко послышался собачій лай... Рѣшили, что Ивану надо найти спускъ, разузнать, гдѣ мы находимся, и, если можно, привести проводника. Приказали Ивану при возвращеніи подавать громкіе отклики, чтобы не потеряться. Ждали, ждали, вѣроятно часъ, другой... Наконецъ вдаль послышался тонкій звучный голосъ Ивана; пришелъ и проводникъ. Оказалось, что мы стоимъ надъ провалемъ у Юсковецъ, верстахъ въ пяти въ сторонѣ отъ Пятигорецъ, и что если бы наши лошади сдѣлали еще шага два, три, то мы лежали бы въ глубокомъ снѣгу на днѣ этого провала.

Кончилось все это благополучно, но мы пріѣхали въ Пятигорцы уже послѣ полуночи и на другой день получили не то строгій, не то дружескій репримандъ отъ дяди Алексѣя Степановича.

На другой день, однако, онъ насъ по-родственному повезъ въ своей каретѣ въ Лубны, гдѣ мы танцовали и въ собраніи и у генеральши Бойко, а отпуская насъ домой, взялъ съ насъ слово, что мы переночуемъ въ Сотницкомъ и выѣдемъ на другой день не поздно, чтобы засвѣтло поспѣть въ Пелеховщину.

Въ началѣ марта 1863 г. я выѣхалъ изъ Пелеховщины по вызову начальства л.-гв. Павловскаго полка, въ которомъ я тогда служилъ. 2-я гвардейская дивизія выступила въ то время изъ Петербурга въ Литву, и мнѣ приказано было немедленно явиться въ полкъ.

* * *

На этомъ я заканчиваю мои дѣтскія и юношескія воспоминанія о „Родномъ гнѣздѣ“. Много послѣдующихъ лѣтъ моей жизни я провелъ далеко отъ этого гнѣзда и только позднѣе, уже приближаясь къ старости, я снова сталъ проводить въ немъ спокойныя и счастливыя дни, напоминающіе мнѣ мою молодость. Я снова полюбилъ нашу степь, нашъ большой садъ, нашъ домъ, возобновленный и увеличенный заботами моей милой супруги, и нашу деревню, въ

которой есть теперь и школа, и столярная мастерская, и въ которой я вижу благосостояніе нашихъ сосѣдей крестьянъ. Всѣмъ этимъ наша деревня обязана тоже моей дорогой Аннѣ Васильевнѣ, сердечно отзывавшейся на всѣ матеріальныя и духовныя потребности мѣстнаго населенія. Когда-нибудь, если успѣю, я возвращусь еще къ этимъ хорошимъ днямъ второй половины моей жизни.

* * *

Посвящаю эту часть моихъ воспоминаній дѣтямъ любезныхъ моихъ братьевъ и сестеръ: Ольги Дмитріевны, Николая Дмитріевича и покойныхъ Евгенія Дмитріевича и Маріи Дмитріевны.

Буду думать, что сдѣлалъ свое дѣло, если эти воспоминанія пробудятъ въ нихъ интересъ къ старымъ судьбамъ нашего рода. Питаю надежду, что кто-нибудь изъ нихъ или изъ ихъ потомковъ продолжитъ эту хроніку и передастъ ее въ свою очередь послѣдующимъ поколѣніямъ.

Знаніе судебъ своего рода—великое знаніе; въ немъ и удовлетвореніе и надежда:

„Когда-нибудь и обо мнѣ вспомнятъ мои потомки“...

А. Д. Бутовскій.





Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

Кальцолари.

„И звуки изумрудные
„Всвѣвали жадно въ грудь.
„То были звуки чудные:
„Овъ пѣлъ не какъ нибудь!

Н. А. Некрасовъ.

Генрихъ Кальцолари (Enrico Calzolari) родился въ Пармѣ 22 февраля 1823 года. Одаренный отъ природы прекраснымъ голосомъ (теноръ di-grazia) и большими музыкальными способностями, онъ еще ребенкомъ началъ свое художественное образованіе въ домѣ отца своего, пармскаго негодіанта. По совѣту друзей, разгадавшихъ въ немъ задатки замѣчательнаго артиста, онъ отправился къ профессору Георгу Буркарду (Georg Burkard), даровитому, серьезному и ученому пѣмцу, отъ котораго впоследствии и приобрѣлъ тѣ глубокія и разностороннія познанія въ искусствѣ, которыя поставили его такъ высоко въ современномъ ему артистическомъ мірѣ.

Занятія съ Буркардомъ сопровождались такимъ усиліемъ, что нѣкоторые изъ числа меценатовъ Пармскаго двора заинтересовались юнымъ пѣвцомъ. Вскорѣ о Кальцолари было доложено вдовѣ Наполеона I-го экс-императрицѣ Маріи-Луизѣ, которая выразила желаніе слышать его въ концертѣ въ Пармской академіи изящныхъ искусствъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1837 года, въ этомъ концертѣ, 14-лѣтній Кальцолари впервые выступилъ публично. Романсы изъ „Пуританъ“ (Беллини) и дуэтъ „Mira la bianca luna“ (Россини) доставили ему такой огромный успѣхъ, что Марія-Луиза вскорѣ предложила ему принять участіе въ благотворительномъ оперномъ спектаклѣ.

Въ этомъ спектаклѣ Кальцолари пѣлъ второй актъ изъ „Лукреціи Борджіа“ (Доницетти), и новый успѣхъ, выпавшій на его долю, рѣшилъ его дальнѣйшую судьбу. Кальцолари бросилъ отцовскій прилавокъ и отправился въ Миланъ совершенствоваться въ пѣніи въ превосходной школѣ знаменитаго маэстро Якова Паниццы (Jaques Panizza).

Этотъ учитель, очарованный счастливыми задатками молодого ученика, принялся за него съ большимъ увлеченіемъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ отеческою заботливостью, усердно занимался тончайшею обработкою его голоса и окончательнымъ совершенствованіемъ его методы пѣнія.

Директоръ императорскихъ театровъ въ Миланѣ и Вѣнѣ В. Мерелли, прослушавъ Кальцолари у его учителя Паниццы въ одномъ лишь *andante* изъ „Эрнани“, ангажировалъ его въ свою труппу и далъ ему первый дебютъ въ Миланѣ на театрѣ *La Scala* въ любимой миланцами оперѣ „Эрнани“ (Верди), во время карнавала, 11 марта 1845 года. Триумфъ Кальцолари въ этомъ спектаклѣ раздѣляли г-жа и г-нъ Дебассини.

На другой день послѣ своего триумфа, 12 марта, Кальцолари женился на Генріэттѣ Каваллини ¹⁾, съ которой онъ счастливо прожилъ до конца своей жизни и которая съ тѣхъ поръ неизмѣнно сопровождала своего мужа во всѣхъ его артистическихъ поѣздкахъ.

Въ томъ же 1845 году Кальцолари пѣлъ въ Вѣнѣ съ громаднымъ успѣхомъ въ операхъ Россини и Беллини, къ которымъ такъ хорошо подходилъ его нѣжный, тонко обработанный голосъ.

Съ этихъ поръ до 1853 года Кальцолари съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ пѣлъ въ Триестѣ, Мадридѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ и, наконецъ, въ Парижѣ, дѣля лавры съ первыми знаменитостями того времени, каковы: Тадолини, Ровере, Колини, Бозио, Женни-Лицъ и Зонтагъ ²⁾.

Во всѣхъ этихъ центрахъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ граціозный теноръ, какъ замѣчательный сценическій талантъ, какъ добросовѣстный и трудолюбивый

¹⁾ Ея братъ г. Каваллини былъ преподавателемъ въ Императорскомъ театральномъ училищѣ въ Петербургѣ.

²⁾ Только-что приведенныя свидѣнія заимствованы нами изъ біографіи Кальцолари, напечатанной съ его разрѣшенія въ издававшемся въ Петербургѣ Фракманомъ (Frackmann) журналѣ „Le Monde Musical“, 1857 г. Февраль № 2.

художникъ, и, главное, какъ вокалистъ строгаго вкуса и отличной школы ¹⁾).

Въ 1853 году Кальцолари былъ приглашенъ въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ цѣлыхъ 18 лѣтъ онъ посвятилъ свое искусство исключительно петербургской сценѣ, отклоняя отъ себя самые выгодные посторонніе ангажементы ²⁾).

Однако, не принимая ангажементовъ отъ театральныхъ антрепренеровъ, Кальцолари всегда былъ готовъ служить своимъ талантомъ для дѣлъ благотворительности. Такъ, напримѣръ, по просьбѣ итальянскаго посланника въ Петербургъ маркиза Пейоли, Кальцолари и г-жа Фиоретти въ іюнѣ 1864 года дали въ Болоньѣ концертъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ города. Издававшаяся въ Болоньѣ музыкальная газеты „Арфа“, говоря, что успѣхъ былъ чрезвычайный, сборъ—небывалый, подробно описываетъ торжество Кальцолари и энтузіазмъ публики въ этомъ не концертѣ, а „райскомъ вечерѣ“ (*sera di paradiso*), какъ выражается газета ³⁾). Кальцолари началъ извѣстнымъ романсомъ изъ „Марты“ „*Marrani... tutt'amor*“; потомъ вмѣстѣ съ баритономъ Креши (*Cresci*) и басомъ Цуккини (*Zucchini*) исполнилъ россійевское трио „*Pappataci*“; затѣмъ съ Фиоретти пропѣлъ дуэтъ изъ „Пуританъ“—„*Vieni fra queste braccia*“, которымъ такъ восхищалась всегда петербургская публика. Всѣ эти номера были повторены при изступленныхъ кри-

¹⁾ Велѣдствіе тщательной обработки гибкость его голоса была столь замѣчательна, что въ некоторыхъ операхъ, гдѣ онъ пѣлъ вмѣстѣ съ Патти, онъ своею колоратурою соперничалъ съ этой знаменитой пѣвицей.

²⁾ Лишь въ 1866 и 1867 гг. Кальцолари пѣлъ въ рядѣ спектаклей въ Вѣнѣ и Буда-Пештѣ („Сев. Цирюльникъ“, „Любовн. Напитокъ“ и „Дочь полка“). Сравнивая вѣнскіе и петербургскіе театры, онъ 7-го апрѣля 1866 г. писалъ изъ Вѣны М. С. Лалаеву:—„*Mais... un théâtre d'une laideur éprouvante, et sale. Ah! mon cher ami, les théâtres de la Russie nul part au monde on ne les trouve... non, non... La construction du grand Théâtre fait des progrès énorme et on espère de faire l'ouverture l'année prochaine. Comme monument extérieur il ne me plaît pas du tout... j'espère de le voir intérieurement, mais je suis sûr à l'avance que je ne trouverai pas les théâtres de Pétersbourg*“. (Но театръ... ужасающаго безобразія и грязень. Ахъ, мой дорогой другъ, такихъ театровъ, какъ русскіе, не найдешь нигдѣ въ мірѣ—пѣть, нѣтъ... Сооруженіе большого театра быстро подвигается впередъ и надѣются на его открытіе въ будущемъ году. Что касается наружности постройки, то она мнѣ совершенно не нравится... я надѣюсь его увидѣть внутри, но я впередъ утѣрять, что не найду петербургскихъ театровъ“).

³⁾ „Л'арфа“. 1864. № 45.

кахъ—*fra grida frenetiche*—слушателей. Когда же Кальцолари оковчилъ свою арію изъ „Ричарда и Зоранды“ Россини (ту самую, которую онъ постоянно исполнялъ въ Петербургѣ въ началѣ 2-го акта „Отелло“), то въ аудиторіи уже не было слышно аплодисментовъ: всеобщимъ и продолжительнымъ „ура“ (*da un urrà generale e continuato*) выразился крайній восторгъ присутствовавшихъ. „О если бы, восклицаетъ „Арфа“, великій маэстро слышалъ такое исполненіе своей аріи! Онъ бы пришелъ въ восхищеніе отъ Кальцолари; онъ, который обладалъ гениемъ создать эту мелодію, навѣрно позавидовалъ бы ея исполнителю. Тутъ Кальцолари показали, что музыка есть истинное очарованіе и что человѣческій голосъ можетъ преодолѣть всѣ трудности, можетъ выразить малѣйшіе оттѣнки самой игривой фантазіи. Пѣніе его лилось прямо въ душу, и на всѣхъ устахъ пробѣжало имя Рубини: онъ, одинъ только онъ, могъ пѣть съ такимъ совершенствомъ“.

Въ той же газетѣ, послѣ отчета о концертѣ, напечатано извѣстіе, что „il celebre tenore Calzolari“ получилъ отъ своего короля орденъ св. Мавркія и Лазаря.

Кстати упомянемъ, что Кальцолари, по обѣщанію, разъ въ годъ пѣлъ въ мѣстечкѣ Locarno (на Lago Maggiore) въ церкви Madonna del Sasso.

Чтобы дать понятіе о разнообразіи таланта, трудолюбіи и музыкальныхъ способностяхъ Кальцолари, скажемъ, что репертуаръ его состоялъ изъ 54 оперъ 1).

1) Вотъ составленный самимъ Кальцолари списокъ пѣтыхъ имъ оперъ:

1. Беллини	„Беатриче ди Тенда“.		„Донъ Пасквале“.
	„Норма“.		„Дочь полка“.
	„Пуритане“.	20.	„Кампанелла“.
	„Сонамбула“.	Доницетти	„Линда ди Шамони“.
Бехтовенъ	„Фиделіо“.		„Любвннй Напптокт“.
Бона	„Донъ Карлосъ“.		„Лукреція Борджіа“.
Буальдье	„Бѣлая Дама“.		„Лючія ди Ламерморъ“.
Верди	„Атцлла“.		„Марія ди Роганъ“.
	„Ломбардцы“.		„Олива и Пасквале“.
Ю.	„Макбетъ“.		„Фаворитка“.
	„Травіата“.	Майеръ	„Медя“.
	„Фоскорп“.	Мейерберъ	„Плоермельскій праздникъ“.
	„Эриани“.		
Руно	„Фаустъ“.	30.	„Сѣверная Звѣзда“.
Руэко	„Проба серьезн. оперы“.	Моцартъ	„Донъ Жуанъ“.
Доницетти	„Анна Болейнъ“.		„Сватѣба Флгаро“.
	„Бетли“.	Оберъ	„Густавъ III“.

Въ обширный репертуаръ Кальцолари входилъ значительный рядъ оперъ разныхъ нѣмецкихъ композиторовъ. Между прочимъ, по его инициативѣ, въ Петербургѣ на Большомъ театрѣ были поставлены въ его бенефисъ оперы Бехтовена „Фиделіо“ и Флотова „Страделла“. Последняя, шла 30 декабря 1861 года.

Вотъ отзывъ музыкальнаго критика объ исполненіи Кальцолари роли Страделлы 1). „Роль Страделлы исполняетъ Кальцолари. Она какъ нельзя болѣе подходитъ и къ артистическимъ свойствамъ и къ личному характеру любимца нашей публики. Добродушіе, благочестіе сельскаго пѣвца, спокойную совѣсть человѣка, благоговѣніе къ искусству истиннаго артиста, тихую, но теплую любовь, восторженные чувства вѣры,—словомъ, всю возвышенную, теплую натуру Страделлы, этого *il primo Apollo della musica*, какъ называли его современники, Кальцолари воспроизводитъ съ поразительною вѣрностью и возбуждаетъ живую симпатію къ этой поэтической личности. Самая наружность артиста, пріятная и выразительная, его спокойно серьезное и доброе лицо, его скромныя манеры весьма удачно соотвѣтствуютъ идеалу вдохновеннаго пѣвца XVII вѣка. Всѣ костюмы его въ этой роли весьма красивы и въ то же время исторически вѣрны.

„Въ современной Европѣ нѣтъ пѣвца, который бы соединялъ въ себѣ такъ много условій для передачи подобнаго сочиненія (арія Страделлы, написанная Страделлой два вѣка тому назадъ: *Pieta signore! di me dolente*), какъ г. Кальцолари. Серьезное и основательное музыкальное образованіе, обширное знакомство съ великими твореніями старой школы, отличная метода пѣнія, мягкій и достаточно

	„Фра-Діаволо“.	„Севильскій Цирюль- никъ“.
	„Церлина“.	
Педротти	„Фиорина“.	„Семирамида“.
Риччи	„Криспiano“.	„Сорока-воровка“.
Росси	„Сынъ Фагаро“.	„Чеверентола“.
Россини	„Графъ Ори“.	Герц. Сакс.-
40.	„Итальянка въ Алжирѣ“.	Коб.-Готскій „Козильда“.
Россини	„Конрадъ“.	50. Тальбергъ „Флоринда“.
	„Осада Коринѳа“.	Флотовъ „Марга“.
	„Отелло“.	„Страделла“.
	„Ричардъ и Зоранда“.	Чамверп „Чаттертовъ“.
		54. Чимароза „Тайный бракъ“.

1) М. Л.—л—въ. Итальянская опера въ Петербургѣ. Сезона 1861—1862 года. „Современникъ“. 1862 г. т. LXXXI отд. II.

сильный голосъ, глубокое чувство и тонкое пониманіе искусства дѣлають этого пѣвца незамѣнимымъ въ исполненіи такихъ произведеній“.

Особенно хорошъ былъ Кальцолари въ „Пуританахъ“, „Сонамбулъ“, „Любовномъ Напиткѣ“, „Севильскомъ Циркульникѣ“, „Фра-Дьяволо“, „Донъ Пасквале“, и „Травіатъ“¹⁾.

Въ 1856 году Кальцолари былъ приглашенъ въ Москву пѣть во время коронаціонныхъ торжествъ и тогда же былъ удостоенъ почетнымъ званіемъ „перваго пѣвца Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

Слабое состояніе здоровья побудило Кальцолари къ рѣшенію вовсе покинуть сцену послѣ сезона въ Петербургѣ 1867—68 г., но, благодаря настойчивымъ просьбамъ директора императорскихъ театровъ Геденова, артистъ остался въ Петербургѣ и на сезонъ 1868—69 года.

Императоръ Александръ II и Императрица Марія Александровна, высоко цѣнившіе талантъ Кальцолари, изъявили желаніе слушать его и въ послѣдующіе сезоны²⁾.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Кальцолари закончилъ свою 26-ти лѣтнюю артистическую дѣятельность лишь

¹⁾ И. Ѳ. Горбуновъ увѣковѣчилъ Кальцолари въ своемъ разсказѣ „Травіата“.—„Сейчасъ г-жа Патти напла стаканчикъ красненькаго, подаетъ г-ну Канцелари:—выкушайте, милостивый государь. Тутъ выпилъ, да и говорить: очевидно я въ васъ влюбленъ.—Не можетъ быть! —Вѣрное слово!“

²⁾ Кальцолари преклонялся передъ личностью Царя-Освободителя. Вотъ что онъ писалъ М. С. Лалаеву изъ Вѣны 27 апрѣля 1866 года по поводу покушенія на жизнь Монарха:— „Vous imaginerez facilement notre indignation pour l'attentat contre la vie de l'Empereur Alexandre. Le bon Dieu n'a pas voulu que la vie précieuse d'un tel brave homme soit perdue: lui, le meilleur de toutes les têtes couronnées être exposé d'être massacré par un vil assassin, c'est trop fort. Je veux même penser que l'homme qui a attenté la vie à l'Empereur soit un fou, car autrement je ne puis pas comprendre qu'il y a quelques uns qui puissent commettre un tel crime sur la personne que tout le monde devrait adorer pour tout ce qu'il a fait, et pour son caractère si bon. Non! Dieu soit ben! et remercions Le de tout coeur“. („Вы можете себѣ легко представить наше негодованіе по случаю покушенія на жизнь Императора Александра. Милостивый Господь не пожелалъ, чтобы пресѣклась драгоценная жизнь этого прекраснаго человѣка: ему, лучшему изъ всѣхъ коронованныхъ особъ, быть убитымъ подлымъ убійцей—это чересчуръ. Я хочу даже думать, что человѣкъ, покушавшійся на жизнь Императора,—сумасшедшій, потому что иначе я не могу понять, что есть кто-либо, могущій совершить подобное преступленіе противъ лица, которое всѣ должны обожать за все то, что оно сдѣлало и за его такой прекрасный характеръ“).

1 февраля 1871 года. Въ этотъ день, для прощальнаго бенефиса Кальцолари, дава была опера Доницетти „Любовный Напштокъ“, и роль молодого крестьянина Неморино была послѣдней ролью, сыгранною Кальцолари на театральныхъ подмосткахъ.

Покинувъ Петербургъ, съ которымъ онъ сроднился за 18 лѣтъ ¹⁾, Кальцолари окончательно поселился въ Миланъ, гдѣ на Corso Venezia имѣлъ прокрасный дворецъ (см. 6) съ двойными рамами и хорошими печами. Это онъ проводилъ въ собственной виллѣ Корбетта (Corbetta), близъ Милана,—тамъ онъ занимался мирнымъ трудомъ воздѣлыванія принадлежавшаго ему земельного участка ²⁾.

Въ 1885 году Кальцолари разбилъ параличъ — у него отнялись ноги и, что ужаснѣе всего, отнялся языкъ. Глубококорелигіозный, несчастный артистъ переносилъ свою тяжкую болѣзнь съ удивительнымъ терпѣніемъ, безронотно и съ полною покорностью воли Божіей.

Кальцолари скончался на рукахъ жены 1 марта (нов. стиля) 1888 года и погребенъ 3 марта въ Миланъ на Cimitero Maggiore.

На могилѣ его высѣчена надпись:

— „Qui composte del dolore di moglie desolata Uomo semplice e schietta di onesta antica trovo nelle sublime arte del Canto sommi onnoro compensi nelle virtu domestiche esemplare alla moglie devotissimo consacro il suo bel cuore e con essa candivise gioie e dolori.

¹⁾ 26 янв. 1871 г. Кальцолари писалъ: „Le conserverai une inébranlable reconnaissance pour la famille Impériale, et pour les Pétersbourgeois qui ont bien voulu m'accorder leurs bienveillance pendant les 18 saisons que je passais à Pétersbourg.“ („Я сохранию лучшую и непоколебимую признательность къ Императорской Фамиліи и къ петербуржцамъ которымъ угодно было почтить меня ихъ благосклонностью въ течение 18 сезоновъ, которые я провелъ въ Петербургѣ“).

²⁾ 31 марта 1871 г. Кальцолари писалъ изъ Корбетты М. С. Лазеву — „Nous n'oublierons jamais Pétersbourg, mais je vous avoue que je suis tellement content d'avoir abandonné la scène, que le monde est trop petit pour mon existence heureuse. J'y suis arrivé et je n'ai pas assez de mots pour remercier la Providence d'avoir fini ma longue carrière, en possédant assez de moyens vocans pour la continuer si je l'eusse désiré“. (Мы никогда не забудемъ Петербургъ, но я васъ увѣряю, что я такъ доволенъ, что покинулъ сцену, что міръ слишкомъ малъ для моего счастливаго существованія. Я прибылъ сюда и я не имѣю достаточно выраженій, чтобы благодарить Провидѣніе за окончаніе моей долгой карьеры въ те время, когда я обладаю достаточными голосовыми средствами, чтобы ее продолжать, если бы я этого пожелалъ“).

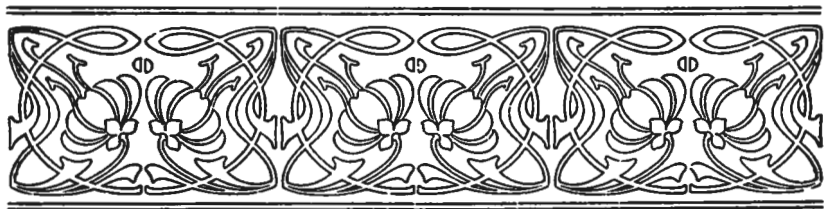
O il amato marito-quando il céel varrè che qui acconto à te sia raccolta la mia solmo allare soltonto mi parè restituito la pace di un faci priva colla tua dipartita! 1).

Супруга Кальцолари скончалась вскорѣ послѣ мужа. У четы Кальцолари дѣтей не было и все ихъ большое состояніе,—результатъ почти нѣмецкой аккуратности и бережливости знаменитаго пѣвца, перешло къ его племянницѣ (дочери сестры) Фелициі, которую Кальцолари взяли къ себѣ ребенкомъ и воспитали какъ родную дочь. Она замужемъ за г. Ривольта (sav. Rivolta).



1) „Погребенный здѣсь горемъ неутишной супруги, человекъ скромный и чистый, благороднаго происхожденія, нашель въ великомъ искусствѣ пѣнія высшія почести: примѣрный въ супружескихъ добродѣтеляхъ, онъ посвятилъ своей супругѣ свое чистое сердце и дѣлалъ съ нею и горе и радость.

Увы! О, любимый супругъ мой, когда Небу угодно будетъ усножить рядомъ съ тобою прахъ мой, тогда только воскреснетъ въ сердцѣ моемъ миръ, похищенный твоею ковчиною!-.



Къ войнѣ 1701—1721 года.

Указъ царя Петра Алексѣевича отъ 31 января 1701 г. вологодскому архіепископу Гавріилу о доставкѣ во Псковъ драгунскихъ лошадей.

Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича вса великия і малыя і бѣлыя Росні самодержца на Вологду богомольцу нашему преосвященному Гавриилу архіепископу Вологодскому і Белоозерскому. Въ нынѣшнемъ 1701 м году генваря въ 30 день по нашему великаго государя указу которые драгунскіе лошади кони и мерены и жеребцы і кабылицы въ прошломъ 170 м году генералы Автамонъ Михайловичъ Головинъ Адамъ Адамовичъ Вейде отдали изъ села Измайлова въ Вологодского уѣзду в вотчины твои на кормъ, нынѣ велено тѣхъ лошадей послать во Псковъ в полкъ к боярину нашему и воеводѣ и военному ковалеру и Малгнскому свидѣтельствуванному к Борису Петровичу Шереметеву тѣхъ твоихъ вотчинъ с провожатыми с людьми и со крестьяны и отдать тѣ лошади во Пскове на срокъ февраля въ 25 числѣ нынѣшняго 1701 г году с вѣдома боярина нашего и воеводы и военного ковалера и малгнскаго свидѣтельствуваннаго Бориса Петровича кому онъ бояринъ нашъ и воевода тѣхъ лошадей принять прикажетъ. А буде іс тѣхъ драгунскихъ лошадей объявятца палицо жеребцы, и тѣхъ жеребцовъ старыхъ оставить в вотчинахъ твоихъ, а молодыхъ вылегчить и держать на корму потомужъ в вотчинахъ твоихъ до нашего великаго государя указу, а вмѣсто тѣхъ жереб-

цовъ и вмѣсто упалыхъ лошадей послать во Псковъ своихъ домовыхъ добрыхъ лошадей тожь число с тѣмижь вышеписанными людьми вмѣстѣ; а о приемѣ тѣхъ вышеписанныхъ лошадей к нему боярину нашему и воеводѣ и военному кавалеру и молтискому свидѣтельствуванному к Борису Петровичу наша великого государя грамота изыноземскаго приказу послана. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, и тыб богомолецъ нашъ преосвященный Гавриилъ архиепископъ Вологодскій і Белоозерскій о посылке тѣхъ лошадей во Псковъ в полкъ к боярину нашему и воеводѣ и военному кавалеру и молтискому свидѣтельствуванному к Борису Петровичу Шереметеву на вышеписанной указной срокъ учинилъ по сему нашему великого государя указу, а в каторомъ числѣ и сколько какихъ лошадей и с кѣмъ во Псковъ послано будетъ, о томъ к нам великому государю писалъ и тѣмъ лошедямъ роспись прислалъ, а отписку и роспись велѣлъ посать в-иноземскомъ приказе генералу нашему камисариусу князю Якову Федоровичу Долгорукову с товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1701 г. генваря въ 31 день.

На оборотѣ написано: діакъ Степан Алексѣевъ. Смотрилъ Лука Колошинъ. Было запечатано черновосковою печатью съ изображеніемъ двуглаваго орла. *Адресъ:* На Вологду богомольцу нашему Гаврилу архиепископу Вологодскому и Белоозерскому.

Помѣчено: 1701 г. февраля въ 9 день великого государя подаль грамоту Иванъ Никитинъ сынъ Пушниковъ.

Отписка Ивана Сечихина, стряпчаго по дѣламъ вологодскаго архіепископа, изъ Москвы въ Вологду по поводу вышеприведеннаго указа.

Государю преосвященному Гавриилу архіепископу Вологодскому и Белоозерскому холопъ твой Ивашко Сечихинъ святаго твоего архіерейскаго благословенія прося челомъ бьетъ. Сего государь генваря въ день в-иноземской приказъ взята у меня холопа твоего о лошадяхъ скаска, и с той скаски списокъ послалъ к тебѣ государю я холопъ твой под сею отпискою и после государь той скаски о тѣхъ лошадяхъ изъ того жъ приказу отлана мнѣ великого государя грамота; велѣно еѣ сослать к тебѣ государю тотчасъ, и тое государь грамоту послалъ к тебѣ государю я холопъ твой с сеюжь отпискою. Изволь государь прика-

зять по той великого государя грамотѣ запятняныхъ лошадей тѣхъ, которые отданы с роспискою домовому твоему архиперейскому сыну боярскому Петру Домаскину, послать незамотчавъ для того чтобъ тѣ лошади поспѣли на указной срокъ к отдачѣ.

На оборотѣ обычный адресъ. *Ниже подклеена Скаска:*

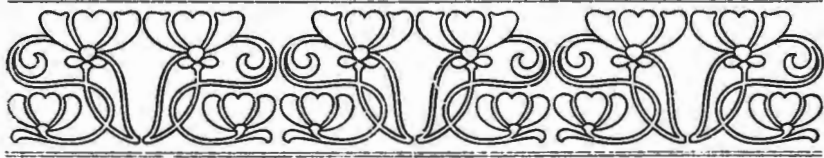
1701 г. генваря въ день в-иноземскомъ приказе передъ генераломъ камисарпусомъ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ с товарищи преосвященного Гавриила архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского домовыхъ его дѣлъ стряпчей Иванъ Сечихинъ сказалъ: в прошломъ де 1700мъ году по указу великого государя генералы Автамонъ Михайловичъ Головинъ Адамъ Адамовичъ Вейде въ его великого государя селѣ Измайловѣ принели домовыхъ преосвященного архіепископа лошадей мериновъ и жеребцовъ и кабылицъ всего тритцать двѣ лошади, а каковы шерстыми и то написано въ ихъ генеральскихъ росписяхъ, и изъ тѣхъ лошадей и к нимъ вдобавокъ всего сто сорокъ трі лошади онъ же генералъ Автамонъ Михайловичъ запятняныхъ орломъ и драгунскимъ пятномъ отдалъ дому ево архиперейского сыну боярскому Петру Домоскину на кормъ на Вологду в домъ ево архиперейской и в монастыри, а изъ тѣхъ лошадей нынѣ всѣ-ль въ цѣлости, того ему Ивану за дальностью невѣдомо, потому что с Вологды к нему Ивану о томъ не писано. Да изъ вышеписаннаго приему генералы Автамонъ Михайловичъ Головинъ отдалъ жеребца гнѣда, а Адамъ Адамовичъ Вейде двѣ лошади сѣрыхъ за старостью отдалъ по прежнему в домъ преосвященного архіепископа.

Распоряженіе по полученному указу.

1701-го февраля въ 9 день по сему великого государя указу и по грамотѣ Вологодскихъ монастырей по стряпчихъ и по слугъ посланы домовые дѣти боярскіе Петръ Немытовъ съ товарищемъ, и того жъ числа Вологодскихъ монастырей стряпчимъ и слугамъ и дворникомъ указъ великого государя сказанъ.

Сообщилъ **Ив. Суворовъ.**





Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины ¹⁾

Наѣзды Г. С. Щербины въ Черниговъ случались обычно поздней весной или среди лѣта. Въ эту же пору обыкновенно туда изъ Кіева на дачную жизнь пріѣзжала вдова старшаго предсѣдателя Кіевской судебной палаты, сенатора, чрезвычайно симпатичная, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ высоко образованная дама Варвара Степановна Ильяшенко. Она останавливалась въ домѣ своего родного брата, прекраснаго мѣстнаго столяра Ив. Ст. Щербины, который приходился дядей Григорію Степановичу. Свою столярную мастерскую онъ завелъ сначала вмѣстѣ со своимъ братомъ Степаномъ Степановичемъ—отцомъ Григорія Степановича; они ее поставили такъ, что она стала образцомъ чисто художественнаго столярнаго заведенія, а когда братъ его,—отецъ достойнаго молодого человѣка — консула, умеръ, Ив. Степ. остался завѣдывать мастерской въ одиночествѣ, при чемъ продолжалъ неустанно совершенствовать свою работу; издѣлія, выходившія изъ его мастерской, носили особую печать необыкновеннаго искусства.

Г. С. Щербина вообще гордился тѣмъ, что его близкіе родные занимались такимъ трудомъ, также равно онъ былъ счастливъ и тѣмъ, что имъ удавалось держать мастерскую на вполне артистической ногѣ; какъ владѣльцы мастерской, такъ и, помогавшіе имъ въ дѣлахъ, ихъ близкіе (родичи) стремились не столько наживать на произведеніяхъ своей мастерской средства и барыши, сколько давали себѣ трудъ совершенствовать эти произведенія; однако же удавалось

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

имъ и то и другое; работа выходила отменно хорошою, а въ матеріальныхъ средствахъ,—въ доходѣ, тоже не было недостатка.

Пропитанный желаніемъ всегда неизмѣнно приходить на помощь учащейся молодежи, Г. С. Щербина, кромѣ того, что уступалъ не разъ свою стипендію въ Лазаревскомъ институтѣ успѣшно подвизавшимся въ наукѣ, не имѣвшимъ средствъ товарищамъ,—онъ постоянно поддерживалъ земляковъ, находившихся въ такомъ же положеніи и легко попадавшихъ ему въ Москвѣ изъ числа гимназистовъ и учениковъ другихъ учебныхъ заведеній. Почти всѣ средства, которыя дядя ему удѣлялъ отъ доходовъ съ мастерской, онъ употреблялъ на это, всегда давая себѣ трудъ старательно вездѣ разыскивать черниговскую бѣдноту; видя, что въ дѣлѣ этого разыскиванья молодой человѣкъ затрудненій не встрѣчалъ, всѣ знавшіе его съ одобреніемъ говорили объ этомъ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“.

Молодой человѣкъ отличался крайнею религіозностью и особою любовью къ дѣтямъ, которыя также очень его любили, чувствуя въ немъ искренняго друга, богатаго сердцемъ. Не было никого изъ знавшихъ его, кто смотрѣлъ бы на него иначе, какъ на человѣка, которому предстояла блестящая будущность.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, познакомившись съ нимъ во время бытности его на учебной службѣ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, пришелъ въ крайній восторгъ отъ всевозможныхъ его качествъ; онъ, при первой же встрѣчѣ со мной, не могъ найти словъ для выраженія по его адресу самой высокой похвалы и затѣмъ, каждый разъ при свиданіи со мной, во-первыхъ, непременно вспоминалъ о немъ, а во-вторыхъ, кромѣ того, что торопился разсыпаться въ самыхъ сердечныхъ похвалахъ ему, высказывалъ по отношенію къ нему самыя лучшія пожеланія свои.

— Оу ужъ, говорилъ о. Іоаннъ, и землякъ же у васъ черниговскій Щербина, вотъ воистину достойный человѣкъ, пошли ему Господи во всемъ добра и счастья, рѣдкость, а не человѣкъ.

Какъ-то о. Іоаннъ, или зналъ, или, можно сказать, видѣлъ насквозь то удовольствіе, которое Г. С. испытывалъ всегда неизмѣнно въ дѣлѣ оказанія помощи малоимущей

братіи, и это покойный Кронштадтскій добрый пастырь особенно превозносилъ.

Нужно удивляться, говорилъ кромѣ того о. Іоаннъ, тому, какъ онъ владѣеть латинскимъ языкомъ, какъ свободно, — мастерски изъясняется по-древнегречески и съ какимъ удовольствіемъ неустанно занимается чтеніемъ священныхъ книгъ на тѣхъ языкахъ! Замѣчательно способный человѣкъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что удивительныя способности Г. С. играли большую роль въ дѣлѣ легкаго изученія имъ языковъ; но нельзя оставить безъ вниманія отзывъ, слышанный мною тогда не разъ отъ тогдашняго черниговскаго губ. предводителя дворянства князя Ник. Дмитр. Долгорукаго, который всегда говорилъ: надо отдать справедливость Черниговской мужской гимназіи; благодаря нынѣшнему личному составу ея, ученики въ ней оказываютъ громадныя успѣхи въ дѣлѣ изученія древнихъ языковъ; по убѣжденіямъ своимъ, я врагъ этого, но, разъ гимназія наша классическая, это должно быть такъ, въ этомъ отношеніи честь и слава, какъ директору Юліану Петровичу Антоюку, такъ и инспектору Владиміру Осиповичу Круковскому, а также и учителямъ.

Г. С. былъ отличный музыкантъ, очень любилъ музыку, прекрасно игралъ на фортепіано и артистически на скрипкѣ. Касаясь подробностей своей службы и отмѣчая косность, царящую за Балканами, Г. С. вовсе не нападалъ на славянъ, грековъ, армянъ, албанцевъ, вообще на коренныхъ жителей Балканскаго полуострова, ни даже на турокъ, хотя всѣхъ ихъ признавалъ всецѣло низкокультурными, носившими въ себѣ задатки грубой жестокости, отчаянной распущенности и безграничной фанатичности; онъ говорилъ: больше всего во всемъ, касающемся ихъ, надо винить „природныхъ“ враговъ, непрошенныхъ гостей, наводняющихъ ихъ край: нѣмцы австрійскіе, а въ послѣднее время еще больше нѣмцы германскіе развращаютъ нравы здѣшняго народца—давятъ его, не давая ему вздохнуть, онъ грубъ, донельзя низменъ, но въ немъ всегда проявляются кое-какія качества, намекающія на его прирожденную скромность, выходящую, правда, изъ той забитости, въ которую его ставятъ люди, мнящіе себя культурными.

Посмотрите, какъ этотъ народъ глубоко чувствуетъ благодарность къ тѣмъ людямъ, правителямъ странъ, странамъ, которые сдѣлали для него что-либо въ жизни! онъ орга-

нически не способенъ забыть (?) услугу ему разъ оказанную ¹⁾. Эти убѣжденія въ Г. С. сидѣли твердо; съ ними онъ неизмѣнно выступалъ заступникомъ за народъ, населявшій Балканскій полуостровъ. А что вышло! Упомяная объ австрійцахъ и германцахъ, говорилъ Г. С., не могу пропустить, что послѣдніе съ нѣкоторыхъ поръ бродятъ среди славянъ и вообще христіанъ толпами, вездѣ все разыскиваютъ къ тому, чтобы заниматься всестороннимъ эксплуатированіемъ мѣстнаго населенія, не пропускаютъ они въ этомъ отношеніи и турокъ, забирая у нихъ все и покоряя ихъ, какъ бы въ стремленіи своемъ подготавливать въ будущемъ свой протекторатъ надъ всей тамошней страной; дѣлали они все это прежде, лѣтъ 15—20 тому назадъ, украдкой и въ одиночествѣ, но примѣрно со времени кончины старика Вильгельма I и его злосчастнаго сына Фридриха III, все пошло какъ-то въ открытую съ полною развратною распущенностью; съ каждымъ годомъ больше и смѣлѣе они прямо учатъ здѣшній народъ не поддаваться ни въ чемъ русскимъ, которые будто бы „со своимъ разбойничьимъ казачествомъ“ стремятся ихъ закрѣпить; очень часто нѣмецкіе пришельцы прямо втемяшиваютъ здѣшнему забитому народу возлагать надежду только на ихняго императора—„онъ васъ любитъ, говорятъ они, и все вамъ доставитъ, всему васъ научитъ и вся жизнь у васъ пойдетъ иначе, когда вы, при его помощи, отдѣляетесь отъ русскихъ и прогоните ихъ отъ себя“. Такіе и подобныя зовѣты пѣмцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, даютъ балканскому населенію, нисколько не стѣняясь тѣмъ, что все вѣдь это еще такъ недавно,—за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, было, казалось, прочно подбито подкладкой дружбы къ Россіи, рассказывалъ Щербина; а когда я, по долгу своему, дошелъ до того, что прямо, безъ удержу началъ писать объ этомъ донесенія съ указаніемъ фактовъ, ставшихся мнѣ извѣстными, тогда это встрѣчалось не только съ полнымъ равнодушіемъ, но даже съ какимъ-то непо-

¹⁾ Какъ онъ ошибался и какъ хорошо, что чистому сердцу его не довелось дожить до того, чтобы это сердце болѣзненно и съ горечью уколола продѣлка отвратительнѣйшихъ теперешнихъ болгаръ, цинично ринувшихся въ дѣло проявленія неблагодарности самой грязной. То, что Г. С. съ выработавшеюся въ немъ стойкостью призналъ бы всецѣло виновными въ этомъ ихъ преступленіи природныхъ нѣмцевъ, конечно, не могло бы послужить и не послужило бы ни оправданіемъ ни намѣннаго поступка ех-братушекъ, ни утѣшеніемъ ему.

натымъ, а во всякомъ случаѣ пагубнымъ недоумѣемъ; такъ все и оставляется безъ вниманія, безъ должнаго воздѣйствія.

Не доведетъ все это до добра; швабы и нѣмцы погубятъ наше дѣло на востокъ; а между тѣмъ есть еще время принять энергичныя мѣры, оборвать и поставить эксплуата-торовъ на мѣсто, сорвавъ личину, хотя бы съ самого Вильгельма. Всему далъ тонъ Берлинскій конгрессъ, все пошло тогда же пороться по всѣмъ швамъ, а что держалось до поры до времени скрытымъ, то теперь цинично и нагло распускается и раскрывается.

Г. С. все это рассказывалъ такъ ясно, такъ обстоятельно и солидно, что, несмотря на всю неожиданность и полную новизну этихъ свѣдѣнй, ни на минуту не закрадывалось сомнѣнй въ истинности всего выставлявшагося имъ.

Каждое слово его дышало правдой, каждый отзывъ его привлекалъ къ себѣ самое полное довѣрйе, ни на минуту нельзя было усомниться ни въ чемъ. Еще съ большимъ довѣрйемъ приходилось относиться ко всему приписывае-мому имъ, послѣ того, когда доводилось отъ Варвары Степановны Ильашенко послушать о проявлявшейся молодымъ человѣкомъ, племянникомъ ея, съ самыхъ малыхъ лѣтъ любви къ правдѣ, объ анекдотической правдивости его и о боязни пророчить что-нибудь похожее на неправду или даже на ошибку въ сужденйяхъ своихъ. Всѣ, говорила она не разъ, серьезно знали и другъ другу передавали, въ какой степени „маленькій Гриша“ держался во всемъ только самой чистой правды и какъ смѣло онъ всегда раз-облачалъ всякую малѣйшую ложь, съ возмущенйемъ, исклю-чавшимъ въ такихъ случаяхъ всякую возможность пред-ставленйя понятйя объ мягкости его характера.

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).





Письмо Н. Н. Раевского старшаго.

25-го сентября.

Письмо мое, писанное съ Муравьевымъ, служить тебѣ, мой другъ Алексаша, отвѣтомъ на теперешнее. Посылаю деньги и письмо Алекс. Львовича (Давыдова).

Я ничего не знаю объ Орловѣ Алексѣѣ, но полагаю, что онъ будетъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Насчетъ Орлова (Мих. Фед.) скажу тебѣ, если онъ малодушенъ, то жалю о немъ, и я въ немъ ошибся,—если нѣтъ, чего боится съ чистой совѣстью? Мой другъ, мое положеніе другое, я имѣю дочерей, коихъ надо пристроить, мнѣ 54 года, онъ зависятъ отъ моего благосостоянія; вы мужчины, вы ужь люди, и я съ вами квитъ; вы можете жить безъ котлетъ и безъ бархата, а сестеръ положеніе другое! Орловъ же еще молодъ, много жизни имѣетъ въ виду. Если онъ не баба, онъ утѣшится. Имѣвши такого спутника жизни, какъ Катенька, можно утѣшиться.

Прощай, мой другъ Алексаша, обнимаю тебя. Скажи отъ меня Арсенію Андреевичу (Закревскому), чтобъ онъ заѣхалъ къ Кіевскому помѣщику Раевскому, что я ему буду радъ, какъ доброму пріятелю, и онъ у меня будетъ не генераль-адъютантъ и не дежурный генераль, а какъ въ деревняхъ добрыхъ сосѣдей принимаютъ.

На оборотѣ.—Его высокблагородію Милостивому Государю моему Александру Николаевичу Раевскому въ Александріи. Письмо относится вѣроятно къ 1823 году: приказомъ отъ 18 Апрѣля этого года М. Ф. Орловъ былъ лишенъ дивизіи и назначенъ состоять по арміи ¹⁾. Какъ известно, М. Ф. Орловъ былъ женатъ на дочери Раевского, Екатерины Николаевны.—Александрія близъ Бѣлой Церкви было имѣніе гр. Браницкой, родственницы Раевскихъ, гдѣ часто и по-долгу гостилъ А. Н. Раевскій.

Сообщ. М. Г.

¹⁾ См. М. Гершензонъ. Исторія Мелкой Россіи, М. 1908, стр. 37.



Б. П. Шереметевъ на аудіенціи у папы Иннокентія XII.

Юня въ 22 день 1697 года изъ царствующаго града Москвы тронулся въ дальный и трудный путь даже до Рима и до Мальтійскаго острова ближній бояринъ и намѣстникъ вятскій Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Цѣль поѣздки—„видѣніе окрестныхъ странъ и государствъ и въ нихъ мореходныхъ, противу непріятелей креста Святого, военныхъ поведеній“. Такъ объясняется эта цѣль въ „журналь“ путешествія ¹⁾, такъ о ней говорится и въ путевыхъ государевыхъ грамотахъ ²⁾. Въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ передъ Августомъ, королемъ польскимъ, передъ императоромъ Леопольдомъ передъ папой и передъ *Грандъ-Магистромъ Мальтійскаго Каравана*, Б. П. Шереметевъ указалъ и другую причину, побудившую его отправиться даже до Рима и до острова Мальты.—Чиня военные промыслы надъ непріятелями креста святого, надъ ханомъ крымскимъ и его ордами и надъ турецкими войсками, онъ, Б. П. Шереметевъ, „начальнѣйшій Воевода и Руконприводитель“, въ теченіе девяти лѣтъ стяжалъ многія победы. „Тогда подь часъ оныхъ побѣдъ имѣлъ я за па-

¹⁾ Записка путешествія генерала фельдмаршала Россійскихъ войскъ... графа Бориса Петровича Шереметева... изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библиотекѣ сына его... графа Петра Борисовича Шереметева. Въ Москвѣ. 1773 года. Стр. 1. См. также въ V т. „Древней Россійской Вивлюики“. М. 1788. Въ X т. „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ по списку, наход. въ Москов. Главномъ Архивъ Мин. Ив. Дѣлъ.

²⁾ Записка, I II, 23, 37, 48.

троповъ и крѣпковажаемыхъ помощниковъ Божіихъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, и далъ обѣщаніе ѣхать въ Римъ (пріяти трудъ пути во преславный сей градъ Римъ), и поклонитися честнымъ ихъ мощамъ, потомъ же возжелалъ видѣти славно противъ непріятелей Креста Святого воинствующихъ моремъ Малтійскихъ Кавалеровъ, дабы видѣвъ ихъ хаброе и отважное усердіе, большую себѣ воспріяти къ воинской способности охоту“ (Записка, 21, 46, ср. 13, 63).

Марта 21 числа Борисъ Петровичъ и его свита вѣхали въ Римъ. Первые дни по пріѣздѣ были заняты пріемомъ знатныхъ лицъ, между которыми былъ и „Генераль Езунтской—Тирсъ Гонзалць“ (Записка, 41—42). Въ тѣ же дни ближній бояринъ и его спутники ѣздили въ каретахъ надежскихъ осматривать достопримѣчательности Рима (Зап. 42—44). „Марта 27 ѣздили на аудіенцію до *Папы*, которая чинъ смотри на гридированномъ листѣ № 3 4)... и какъ пришли за двѣ палаты, гдѣ сидѣлъ *Папа*, то вышелъ тутъ Бискупъ *Магистеръ ди Камора*; и говорилъ, чтобъ братья Боярскіе и всѣ при немъ находящіеся шляпы и шапки оставили тутъ въ палатѣ, а Боярина повелъ до *Папы* въ шапкѣ и съ шляпою; а сказалъ, что де то *Святѣйшій Папа* чинитъ для чести имени твоего, и пришеде Бояринъ передъ *Папу*, уклоняся говорилъ рѣчь“ (Зап. 44). Рѣчь по формѣ и по содержанию въ общемъ та же, что и рѣчи, говоренныя Борисомъ Петровичемъ передъ другими особами во время своего путешествія „трудопріятого“. Послѣ подробнаго титула русскаго государя ближній бояринъ и памѣтникъ вятскій Б. П. Шереметевъ изъявляетъ „о содѣянныхъ чрезъ Бога работъ его дѣлахъ“, а также и то, что побудило его „пріяти трудъ пути сего“ (Зап., 44—45). Въ сочиненіи и учивеніи между христіанскими монархами вѣчнаго покоя и нарушеннаго военнаго святого союза противу непріятеля креста сязогого—„богомерскимъ махометаномъ во отмщеніе—онъ, ближній бояринъ, принималъ дѣятельное участіе. Въ теченіе 9 лѣтъ онъ одержалъ многія побѣды надъ басурманами, „яко въ положеніи ихъ многочисленныхъ въ дикихъ степяхъ поганскихъ труповъ, тако и во взятіи и раззореніи Турецкихъ крѣпкоутвержден-

4) Приложеніе въ изд. 1773 г.

ныхъ городовъ“ 1).—Видѣть „всѣ въ н мѣ (въ Римѣ) святая и православная“, достоительно поклонитися мощамъ первоверховныхъ апостоловъ и прибыть Б. П. Шереметевъ въ преславный сей градъ Римъ (Зап., 46). Представляя „любительныя“ грамоты русскаго государя и римскаго императора, Борисъ Петровичъ заканчиваетъ свою рѣчь: „подношу... до рукъ *Вашею Архикапитулы* и увѣженно припадаю“ (Зап., 46). Передъ другими же особами, передъ королемъ польскимъ Августомъ и передъ императоромъ Леономъ кланялся бояринъ „обыкновенно въ поясъ“ (Зап., 11—21). 2 документа Ватиканскаго архива, представляющіе описаніе аудіенціи Бориса Петровича у папы, выясняютъ, въ чемъ состояло „принижайшее... всеусердное по словамъ „записки“ поклоненіе ближняго боярина папѣ Иннокентію XII. Борисъ Петровичъ Шереметевъ (Boris Sremet) „былъ введенъ по обыкновенію съ трехкратнымъ колѣнопреклоненіемъ (cum tribus genuflexionibus), и, поцѣловавъ туфлю папы, все колѣнопреклоненно началъ свою рѣчь на своемъ родномъ языкѣ (lingua naturali); по знаку папы онъ всталъ и, стоя, рѣчь закончилъ“ 2). Привѣтствуя папу, онъ „не могъ сдержать слезъ“ 3). По окончаніи рѣчи переводчикомъ, „вышереченный вожь опять поцѣловалъ туфлю папы“ 4). Какъ „Записка“, такъ и ватиканскіе документы свидѣтельствуютъ, что Б. П. Шереметевъ былъ принятъ папой съ чрезвычайной благосклонностью 5) и одаренъ высочайшимъ „клепнотомъ“ — золотымъ крестомъ съ частицею животворящаго древа (Зап., 51).

1) Въ рѣдчайшей польской брошюрѣ („Слава героическихъ дѣяній“, напечатанной въ 1695 г. и представляющей обширный панегирикъ Б. П. Шереметеву, восхваляются тѣ же заслуги ближняго боярина. Авторъ этого панегирика былъ Петръ Терлецкій, придворный пиита Шереметева (см. А. Селищевъ. „Слава Б. П. Шереметь“. „Русскій Библіофилъ“, 1915 г. № V, стр. 83—102).—Въ стилѣ въ лексикѣ „Записка Путешествія“ обнаруживается близкое отношеніе къ „Славѣ“. Можно полагать, что П. Терлецкій сопровождалъ Б. П. въ его заграничномъ путешествіи и по его указанію составилъ „записку“.

2) Е. Шмурло, Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго.—Учен. Зап. Юрьевскаго университета, 1900 г., № 4, стр. 354; ср. и 355.

3) Тамъ же, стр. 355.

4) Тамъ же, стр. 354; ср. 355.

5) Pontifex ipsum summo amplexus est et secum locutus fuit tum ostendo amorem erga eius Magnum Ducem, tum erga nationem.—Тамъ же стр. 354.

По возвращеніи съ о. Мальты Борисъ Петровичъ еще разъ былъ на аудіенціи у папы ¹⁾.

О чемъ былъ разговоръ въ эти аудіенціи между ближнимъ бояриномъ и папой? Касался ли опъ лишь обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ разспросовъ о странѣ и о обстоятельствахъ путешествія, или же въ немъ затрагивался и вопросъ церковный, — вопросъ взаимоотношеній церкви западной и восточной? — Ни опубликованные ватиканскіе документы, ни „Записка“ отвѣта не даютъ на этотъ вопросъ. Но имѣется указаніе одного современника, болгарина по происхожденію, воспитанника іезуитской коллегіи, кавошика Печухскаго ²⁾ Христофора (Кърете) Пейкича, — указаніе, что В. П. Шереметевъ изложилъ передъ папой свое положительное отношеніе къ ученію римской церкви и ко всѣмъ постановленіямъ Флорентійскаго собора. По разсказу Пейкича, поѣздка В. П. Шереметева была предпринята по волѣ Петра Великаго въ интересахъ единенія русской церкви съ римской, католической.

Этотъ разсказъ находится въ небольшой книжкѣ Пейкича: „Зерцало истины“ ³⁾. Одинъ экземпляръ этой весьма рѣдкой книги принадлежитъ Имп. Публичной Библіотекѣ (Погодинское собр., № 479). На II стран. находится „Noi Reffomatori dello Studio di Padova“, — объявленіе права печатанія книги подъ титуломъ: „Specchio di verità...“ Въ объявленіи сообщается, что „Зерцало“ было просмотрѣно и одобрено инквизиторомъ Fra Tomaso Maria Gennari. Имъ не найдено въ этомъ „Зерцалѣ“ ничего противъ святой вѣры католической. Равнымъ образомъ аттестовалъ эту книгу и „нашъ Секретарь“ (Agostino), что въ ней нѣтъ ничего противъ „старѣйшинъ (князей—Principi) и добрыхъ правовъ“. Разрѣшеніе на печатаніе „Зерцала“ датировано 14 ноября 1715 г. По содержанію произведеніе Пейкича представляетъ исторію раздѣленія церкви восточной и западной. Въ главѣ (9-й) о Флорентійскомъ соборѣ (стр. 57—61) говорится, что постановленія этого собора были напи-

¹⁾ Записка, 82; Шмурло. Сборникъ, стр. 391, № 532.

²⁾ Pées — мадьяр., Печух — серб., Fünfkirchen — нѣмед. — Городъ въ Венгріи, въ комитатѣ Бараньи.

³⁾ „Зерцало истине мед царкве источне и западне... 8 мнѣние на ходѣт (1714 вѣ. 1715 или 1716 г.) См. В. Цоневъ. Кирилски ръкописи и старопечатни книги въ Загребѣ. „Сборникъ на Вѣд. академия на наукитѣ“. кн. I. Стр. 50. Л. Милетицъ. Изв. исторіята на българската католишка пропаганда въ XVII вѣкъ“ Вѣлг. Прѣгледъ. Год. I. кн. X, 64.

саны въ количествѣ 5 экземпляровъ. 1 экземпляръ остался въ Римѣ, а 4 были взяты на Востокъ, „каждому патріарху по одному“ (83).—„Вотъ правдивыя исторіи, какъ законченны дѣла не только на Флорентійскомъ соборѣ, но и на прочихъ, какъ выше мы видѣли. Если же какой-нибудь непріятель мира не хотѣлъ бы вѣрить, говоря, что этимъ исторіямъ нельзя вѣрить, потому что онѣ латинскія,—пусть онъ покажетъ греческія исторіи, которыхъ нѣтъ, такъ какъ все погибло, когда турчинъ завладѣлъ Востокомъ, и что осталось въ Царьградѣ, все предано огню, когда онъ Царьградъ взялъ. И если бы это не истина, царь Петръ, государь московскій, — да пошлетъ ему Богъ долгую жизнь и острую саблю противъ всякаго непріятели вѣры католической, — не послалъ бы въ Римъ своего главнаго генерала по имени Шереметь, чтобы онъ списалъ всѣ дѣянія и постановленія Флорентійскаго собора, какъ это и было сдѣлано во время папы Иннокентія двѣнадцатаго, когда онъ былъ въ Римѣ для своихъ занятій. Кромѣ того, названный генералъ учинилъ открыто исповѣданіе вѣры католической передъ названнымъ Святымъ Отцомъ папой такимъ образомъ, какъ было установлено на Флорентійскомъ соборѣ“ (84).

Соотвѣтствовало дѣйствительности сообщеніе кѣрсте Нейкича о Б. П. Шереметевѣ?

1) Оффиціальныхъ документовъ, которые свидѣтельствовали бы о томъ, что на обязанности Б. П. Шереметева лежало сдѣлать списокъ подлинныхъ постановленій Флорентійскаго собора, не найдено. Но тѣмъ не менѣе указаніе Печухскаго каноника считать вымышленнымъ имъ самимъ не приходится. Дѣло въ томъ, что въ Римѣ и вообще среди лицъ, причастныхъ къ Ватикану, усиленно циркулировалъ слухъ о склонности русскаго государя и его близкаго боярина къ католичеству и о возможности уни. Поѣздкѣ Б. П. Шереметева въ Римъ придавалось въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе. Близкій бояринъ не чуждался представителей католическаго духовенства. Въ Вѣнѣ онъ „вѣдиль воздавая честь къ высочайшему Кардиналу Колоничу и къ Папезскому Нунціосу, который живетъ у Цесаря за Резидента духовнаго чина“ (Зап., 31; ср. 88); находился въ частомъ общеніи съ „честной породы Езуптомъ Патеромъ Вольфомъ;“ съ нимъ былъ въ іезуитскомъ монастырѣ, слушалъ „ихъ іезуитовъ лши“, раздѣлялъ съ ними трапезу (Зап., 25, 26). Тотъ же знатный іезуитъ Fr. Wolff von Lüdingshausen провожалъ Бориса Петровича

изъ Вѣны, находясь съ послѣднимъ въ одной каретѣ (Зап., 33). Общенье Вольфа и Шереметева облегчалась тѣмъ, что они объяснились безъ переводчика, на польскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ тотъ и другой. О польскомъ языкѣ, какъ разговорномъ между Шереметевымъ и Вольфомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ слѣдующее указаніе „Записки“. На возвратномъ пути изъ Италіи Борисъ Петровичъ во время остановки въ Вѣнѣ былъ принятъ 28 августа императоромъ, привѣтствовавшимъ ближняго боярина. „*Сію Цесарскаго Величества рѣчь переводилъ, и говорилъ боярину по-Польски опытъ Езуитъ Вольфъ*“ (Зап., 87). О знаніи Б. П. Шереметевымъ польскаго языка свидѣтельствуетъ также „Слава героическихъ дѣяній“ (*Sława Heroicznych dzieł...*), написанная его придворнымъ пінтой П. Терлецкимъ на чрезвычайно витіеватомъ польскомъ литературномъ языкѣ того времени ¹⁾. Разговоры съ Вольфомъ велись и на тему о взаимоотношеніяхъ восточной и западной церкви. Вскорѣ по отъѣздѣ Шереметева изъ Вѣны по направленію въ Римъ, Вольфъ писалъ генералу іезуитовъ Тирсу Gonzalez (Гонзалцу—какъ передается въ „Запискѣ“): „имѣется большая надежда, что онъ [Шереметевъ] и его маршалокъ [Алексѣй Курбатовъ] перейдутъ тайно въ унию“ ²⁾.

За нѣсколько дней до отъѣзда Шереметева изъ Вѣны Santa Croce, nunzio apostolico in Germania (—Папезской Нунціосъ—Зап.) писалъ кардиналу Spada (—*Шпадь*, который живетъ въ палатахъ во дворѣ Папезскомъ, и есть управителемъ всего дому его — Зап., 41), что „генералъ Шереметъ (general Sceremet)... ѣздилъ по Вѣнѣ всегда съ отцомъ Вольфомъ іезуитомъ, который говоритъ, что онъ очень обманется, если этотъ снѣборъ не присоединится къ католической вѣрѣ, имѣя наилучшія чувствованія (ottimi sentimenti) и пожелавшій услышать здѣсь мессу, которую служилъ одинъ священникъ греко-униатъ ³⁾“.—И въ

¹⁾ А. Селищевъ. Слава Б. П. Шереметь... „Рус. Библиофилъ“, 1915 г., № V.—Б. П. Шереметевъ зналъ или, по крайней мѣрѣ, повималъ и чешскій языкъ: ср. рассказъ „Записки“ объ обѣдѣ у императора Леопольда, на которомъ присутствовали ближній бояринъ: „кушанье на столъ и питье подавали фреины и придворныя дамы, и цесарева изволила присылать къ боярину фреинъ своихъ двухъ, которыя умѣютъ говорить по Чехскому, чтобъ они съ бояриномъ разговаривали“ (Зап., 16).—Въ спискѣ путешествія, наход. въ Моск. гл. архивѣ мн. ин. д., вм. „по Чехскому“ сказано, „почеркасскому“, что представляетъ повидимому искаженіе подлинника.—Памятники дипломат. сношеній. т. X. стр. 1614.

²⁾ P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Paris. 1907. Стр. 131.

³⁾ Шмурло. Сборникъ, № 450.

другомъ письмѣ то же лицо писало кардиналу Spada о Шереметевѣ, что онъ „возбудить самыя лучшія надежды, что названный генераль Шереметь можетъ присоединиться къ латинскому обряду (al rito latino), и что его унія можетъ со временемъ оказать великое благодѣяніе церкви“). Такія же вѣсти шли изъ Вѣны и отъ Ruzzini, ambasciatore veneto in Germania: „ходитъ молва, распространяемая его спутниками (famigliari), что онъ намѣренъ отправиться на Мальту, чтобы облечься крестомъ ордена (a vestirsi della croce di quella religione), а такъ какъ это невозможно безъ отреченія отъ схизмы, то это даетъ основаніе пустому слуху (ad un vano rumore), что онъ можетъ потомъ вернуться въ Римъ по великому дѣлу соединенія церквей²⁾. И въ Римѣ пріѣзды Б. П. Шереметева связывали съ дѣломъ уніи. „Планъ воссоединенія ихъ Схизматической церкви съ нашею католической Римской, для какового важнѣйшаго дѣла несомнѣнно сюда (въ Римъ) и посланъ онъ“, — „славный Шереметь“³⁾. Кардиналъ Bouillon, французскій представитель въ Ватиканѣ, писалъ 8 апрѣля (н. ст.) 1698 г. Людовику XIV: „Г-нъ Шереметь, генераль Московитовъ, находящійся здѣсь уже нѣсколько дней, имѣлъ вчера аудіенцію у папы. Онъ вручилъ Его Святѣйшеству одно рекомендательное письмо отъ императора и другое очень почтительное отъ Царя Московскаго. Въ прекрасной рѣчи, произнесенной имъ передъ папой, онъ далъ нѣкоторую надежду Его Святѣйшеству на воссоединеніе Московитовъ съ римскою церковью“⁴⁾. Надежду на унію усердно поддерживалъ маршалокъ Шереметева Алексѣй Курбатовъ (Alexius Kurbatou), самъ рѣшительно признавшій унію. Онъ доносилъ папѣ, что въ Россіи съ радостью примутъ ученіе римской церкви; государь недоволенъ патріархомъ и рѣшилъ уздать причину отдѣленія москвитовъ (Mosci) и грековъ отъ римской церкви. Эта причина, по взгляду царя, должна заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ отсутствіи у нихъ достаточныхъ и точныхъ книгъ; имѣвшіяся же у нихъ книги были испорчены. „Затѣмъ, посылая этого генералиссимуса Шеремета, онъ повелѣлъ ему все въ Римѣ наблюдать внимательно и обо всемъ самому до-

1) Тамъ же, № 504. Ср. п. № 459.

2) Тамъ же, № 437.

3) Тамъ же, № 490.

4) Тамъ же, № 493.

ложить“¹⁾. Слухи о католическихъ тенденціяхъ Шереметева дошли и до Россіи. Гваріентъ, императорскій посолъ въ Москвѣ, доноситъ отъ 27 іюня 1698 г. въ Вѣну, что Шереметевъ своимъ поведеніемъ въ Римѣ вызвалъ себѣ проклятіе отъ своей семьи и отъ русскаго народа, а патриархъ угрожаетъ ему церковнымъ отлученіемъ²⁾.

На основаніи слуховъ о возможности перехода Б. П. Шереметева въ католичество и униі русской церкви съ римскою, К. Пейкичъ и могъ сообщить въ своей книжкѣ о томъ, что ближній бояринъ былъ посланъ Петромъ Великимъ для пріобрѣтенія списка постановленій Флорентійскаго собора.

2) Что же касается указанія на то, что Борисъ Петровичъ „открыто“ призналъ ученіе римской церкви, то, надо думать, въ этомъ Пейкичъ смѣшалъ (намѣренно или ненамѣренно) ближняго боярина съ его маршалкомъ. Последній дѣйствительно сталъ ревностнымъ католикомъ и горячо исповѣдовалъ свое „вѣрую“. „Недостойнѣйшій рабъ и покорнѣйшій сынъ“ Его Святѣйшества—Алексѣй Курбатовъ обращается (въ апрѣлѣ 1698 г.) съ длинной суппликой къ папѣ, называя его: „Beatissime Pater. Sanctissime ac beatissime summe pontifex, pastor pastorum et pater patrum. Innocenti XII, papa, doctor, infallibile caput universalis ecclesiae et vere Christi vicari...“³⁾. Выражая свою преданность римской церкви, ея ученію, онъ проситъ Иннокентія XII послать съ нимъ, Курбатовымъ, въ Россію іезуитовъ, знающихъ польскій или чешскій языкъ, опытныхъ учителей и необходимыхъ книги. Какъ объ усердномъ католикѣ отзывается о Курбатовѣ позднѣе (въ 1699 г.) изъ Москвы іезуитъ Францискъ Эмилианъ, „parochus Slavonicensis, missionarius caesareus in Moscuа“; „Шереметевъ, съ тѣхъ поръ какъ возвратился (отъ папы), необычайно прославляетъ нашу вѣру, хвалитъ насъ и говоритъ, что теперь онъ долженъ притворяться вслѣдствіе преслѣдованія собратьевъ; но кто можетъ разгадать, что тутъ скрывается, правда или ложь? Дворовый его человекъ Корбатовъ (Курбатовъ), обращен-

¹⁾ Supplex epistula ab Alexio Kurbatov ad pontificem Innocentium XII missa.—Шмурло, тамъ же № 499, стр. 360—361.

²⁾ Шмурло, Сборникъ, „Ученыя зап. Юр. ун-та“, 1903 г., № 5, стр. 698. Ср. и письмо Santa Croce, тамъ же, 1900 г., № 4, 506.

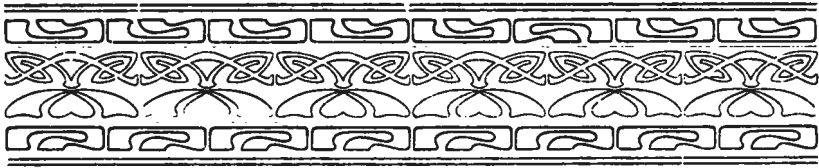
³⁾ Шмурло, Сборникъ, № 499, стр. 359—362.

ный въ латинство или въ унию въ Римѣ однимъ весьма уважаемымъ нашимъ отцомъ, какъ показываютъ его письменныя удостовѣренія, пришелъ къ намъ, говорилъ съ нами, какъ съ отцами ордена, и сказалъ, что привезъ намъ поклонъ отъ отца генерала и отъ отца секретаря, въ жилищѣ котораго онъ произнесъ исповѣданіе вѣры¹⁾.

Сообщилъ А. Селищевъ.



¹⁾ Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. П.-Пб. 1904. Стр. 41.



Императорская Фамилія въ Крыму ¹⁾.

1871 годъ начался на южномъ берегу такими погодами, какихъ не было ни въ одной мѣстности Европы: весь почти январь провели въ легкихъ нарядахъ и ни разу не видѣли снѣгу.

Съ апрѣля показались первые прїѣзжіе и большинствомъ заняли домики аутинскихъ жителей.

Не видя никакихъ причинъ, могущихъ препятствовать Императорской фамиліи прибыть въ Ливадію, надѣялись на большой сѣздъ и были убѣждены, что нынѣшній сезонъ будетъ самымъ блистательнымъ.

Прежде другихъ, какъ это бывало и раньше, пожаловала къ намъ Государыня Императрица съ великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичемъ и любимую дочь Марію Александровною. Впослѣдствіи прибыли Государь Императоръ съ августѣйшимъ наслѣдникомъ и цесаревною Марією Феодоровною и в. к. Владиміромъ Александровичемъ. Затѣмъ пожаловалъ в. к. намѣстникъ Кавказа Михаилъ Николаевичъ съ семействомъ въ свою вновь пріобрѣтенную между Ореандою и Алупкою дачу и наслѣдникъ сербскаго князя Миланъ съ значительною свитою и духовникомъ²⁾. И дѣйствительно на этотъ разъ, когда въ Ливадіи все было устроено вполнѣ, и могло помѣщаться громадное число гостей.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

²⁾ Въ заговорили тогда, что этотъ принцъ имѣлъ виды на в. к. Марію Александровну и желалъ ей показаться.

На этотъ разъ придворнымъ совѣтникомъ и главнымъ распорядителемъ по хозяйственной части являлся д. с. с. С. И. Мережковскій. Это былъ маленькаго роста, сѣхой, тщедушный съ вида, гладко бритый чиновникъ съ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ, вспыльчивый, суетливый, но при всемъ этомъ крайне дальновидный и проникательный распорядитель. Мережковскій былъ малороссъ, прекрасно говорилъ по-французски и нѣмецки, чуждъ былъ гордости и ничѣмъ не брезгалъ. Всѣ его боялись и считали проникательнымъ. Какими судьбами онъ достигъ такого важнаго довѣрія, чтобы быть казначеемъ у Государыни Императрицы, трудно было узнать, но были люди, допускавшіе, что онъ съ малолѣтства пользовался заботами высоко стоявшихъ людей, что заставляло ихъ думать о его аристократическомъ происхожденіи.

Однако съ появленіемъ Мережковскаго Ливадія приняла совершенно другой видъ: по всѣмъ отдѣламъ управленія начали замѣчать строгій порядокъ и расчетъ, никто не жаловался на обиды или притѣсненія, и по-прежнему туземцы свободно начали возить и продавать свои произведенія. Этого мало: по инициативѣ его Ливадія имѣла уже свои собственные экипажи и лошадей, которые рѣзко отличались роскошью отъ частныхъ и постоянно находились въ движеніи, такъ какъ каждый изъ служащихъ имѣлъ право пользоваться ими въ опредѣленное время. При Мережковскомъ, кажется по ходатайству генераль-губернатора Коцебу, было обращено особенное вниманіе на чиновниковъ ялтинской полиціи, которые при всякомъ царскомъ прїездѣ находятъ въ необходимости тратить изъ небольшого жалованья своего много денегъ на безпрестанныя поѣздки въ Ливадію и исполненія другого рода порученій, вслѣдствіе чего постановлено было выдавать исправнику изъ придворнаго казначейства въ зачетъ жаловацья 3000 руб., а всѣмъ прочимъ, смотря по мѣрѣ ихъ дѣятельности и заслугъ, приличное вознагражденіе. Несмотря на такую щедрость, Мережковскій слылъ ужаснымъ скупцомъ и никому не довѣрялъ на слово. Имѣя постоянныхъ поставщиковъ подъ рукою, онъ не ограничивался ими, а велъ переписку съ полицмейстерами ближайшихъ губернскихъ городовъ и при посредствѣ ихъ получалъ различные продукты по значительно дешевымъ цѣнамъ. Расчетливость его дошла даже до того, что онъ посылалъ казенныя суда на кавказскіе берега за дровами, находя, что останется въ

значительныхъ выгодахъ отъ этой операціи. При этомъ распорядитель Ливадія блистала роскошью, довольствомъ и въ то же время крайнею заботливостію не издерживать ничего лишняго безъ надобности.

За нѣсколько дней до пріѣзда Государя Императора въ Ливадію двѣ молодыя татарки изъ деревни Дермской Айше и Анифе, познакомившись съ двумя молодыми греками табаководами въ ихъ округѣ Григоріемъ и Ефимомъ, у которыхъ частенько работали, рѣшились во что бы ни стало принять православную вѣру и выйти замужъ за христіанъ. Рѣшеніе это настолько было твердо, что въ одну ночь онѣ бросили своихъ родителей и, пришедъ въ Ялту, заявили о намѣреніи своемъ полицейской власти, прося защиты отъ родныхъ и единовѣрцевъ. Исправникъ сочелъ долгомъ доложить объ этомъ гостившему тогда въ Ялтѣ генераль-губернатору Коцебу. Павелъ Евстафьевичъ приказалъ помѣстить бѣглянокъ въ надежныя руки впредь до особаго его распоряженія, такъ какъ ему желательно было произвести разслѣдованіе и убѣдиться въ причинахъ такого необычайнаго явленія со стороны двухъ дѣвушекъ, жившихъ безвыѣздно въ изолированной татарской деревнѣ, куда не заглядывали почти никогда христіане.

Тѣмъ временемъ прибылъ Государь, и Коцебу заявилъ объ этомъ Ея Величеству, которая соизволила отвѣчать, что она изъявитъ согласіе быть у нихъ воспріемницею, если у дѣвушекъ этихъ окажется непоколебимое желаніе. На то же самое изъявилъ согласіе и Государь Императоръ. Не успѣлъ генераль Коцебу передать того исправнику, какъ къ нему явились родители бѣглянокъ съ просьбою о возвращеніи ихъ домой. Генераль-губернаторъ, поставленный въ неловкое положеніе, предоставилъ имъ самимъ повліять на дочерей своихъ словомъ убѣжденія.

Когда выяснилось, что дѣвушки ни за какія блага не хотятъ возвратиться къ прежнему образу жизни, приказано было родителямъ ихъ уѣхать изъ дому, а священнику заняться подготовленіемъ къ принятію нашей вѣры.

Черезъ нѣкоторое время татарки Айше и Анифе совершенно были готовы къ крещенію. Въ назначенный священникомъ Аутинской церкви отъ Іорданомъ часъ прибыли изъ Ливадіи тайный совѣтникъ Озеровъ и баронесса Пиллеръ. Татарки прилично одѣтыя стояли въ церкви, когда фрейлина спросила: какія причины понуждаютъ ихъ принять христіанство.

— Не знаю—отвѣчалъ Озеровъ.

— А я полагаю—продолжала она—что это дѣлается въ расчетахъ на полученіе отъ царской фамиліи великихъ милостей. При чемъ она ѣдко улынулась.

Такое мнѣніе о бѣдныхъ дѣвушкахъ, которыя не думали ни о чемъ и не знали раньше, что въ нихъ приметъ участіе Императорскій домъ, какъ-то непріятно подѣйствовало на всѣхъ. Ясно было, что баронесса, придающая большое значеніе деньгамъ и подаркамъ, предполагала, что и туземцы Крыма готовы пожертвовать всѣмъ священнымъ ради того, чтобы блеснуть мишурой предъ другими.

Тѣмъ временемъ вошелъ священникъ, и въ небольшомъ кругу собравшихся здѣсь придворныхъ чиновниковъ, также единогласно твердили, что татарки эти принимаютъ христіанство изъ корыстныхъ видовъ.

По окончаніи таинства крещенія Озеровъ подарилъ священнослужителямъ 25 руб. и обѣщалъ подарки отъ имени Ея Величества, которые и выданы были впоследствии 1).

Кромѣ этого, узнавъ отъ священника, что неофитки предполагаютъ выйти замужъ, онъ оставилъ ему 100 рублей для раздачи имъ по равной части послѣ бракосочетанія. Этотъ благородный человѣкъ, какъ кажется отъ себя пожертвовалъ эти деньги въ честь Государыни, чего конечно не сдѣлалъ бы Мережковскій, не понимавшій, что каждое доброе дѣло Государей можетъ занять цѣлую страницу въ исторіи ихъ жизни.

Затѣмъ былъ устроенъ обѣдъ, за этимъ обѣдомъ Айше, нареченная Марією, созналась, что она была замужемъ и бросила мужа своего.

— Зачѣмъ же ты выдавала себя за дѣвушку? спросилъ священникъ.

— Я боялась, чтобы не лишили меня права достигнуть моей цѣли.

При концѣ обѣда въ комнату зашли два молодыхъ довольно прилично одѣтыхъ анатольца, которые, поцѣловавъ духовнику руки, заявили, что они женихи неофитокъ и желаютъ узнать, когда можетъ быть совершено ихъ бракосочетаніе. Священникъ Іорданъ Пафдаси, какъ самъ анатолецъ, очутившись въ средѣ земляковъ, предложилъ имъ вѣнчаться сегодня же и показалъ сторублевку, предназначенную Озеровымъ въ придаюе новобрачнымъ.

1) Священникъ получилъ золотые, а дьячекъ серебряные часы.

— Намъ не нужны чужія деньги—отвѣчали анатольцы— спасибо и за то, что чужіе перекрестили ихъ. Дай Богъ имъ всего лучшаго!

— Ихъ крестили Государь и Государыня — отвѣчалъ священникъ.

Лишь только произнесъ священникъ эти священныя имена для народа, угнетеннаго въ продолженіе иѣсколькихъ вѣковъ и понимающаго высокое значеніе монархической единовѣрной власти, анатольцы стали на колѣна и безъ сомнѣнія горячо помолвились о благоденствіи Его Величества.

Три дня спустя неофитки были перевѣчавы, не подвергнувшись никакому со стороны ихъ жениховъ расходу, и по обычаю греческому снесли въ Ливадію для представленія Государынѣ Императрицѣ по одному тарту. Ея Величество приняла ихъ чрезвычайно благосклонно и всемилостивѣйше приказала одарить каждую изъ нихъ дорогими бриллиантовыми серьгами. Послѣ чего эти люди возвратились къ своимъ занятіямъ и никогда послѣ этого не считали приличнымъ безпоконть своихъ благодѣтелей, хотя Марія и Анна считали священнымъ долгомъ именовать своихъ дѣтей именами членовъ Императорской семьи въ предположеніи, что этимъ докажутъ предъ Божествомъ свою безпредѣльную благодарность.

На слѣдующій день свадьбы Маріи и Анны Государь вновь, проѣзжая мимо, остановился и, увидѣвъ неофитокъ въ русскомъ нарядѣ, спросилъ одного изъ присутствующихъ:

— Это татарки?

— Тѣ самыя, Ваше Величество, которыхъ Вы изволили уже видѣть—отвѣчалъ одинъ изъ присутствующихъ,—и которыя уже приняли православіе.

— Онѣ двѣницы?

— Одна была двѣницею, а другая замужняя.

— Откуда онѣ?

— Изъ Дегерменкоя, Государь.

Но два дня спустя Его Величество вновь посѣтилъ Лутку и заблагоразсудилъ зайти въ деревенскую церковь послѣ окончанія вечерняго богослуженія.

Ваша церковь, сдѣлалась благообразнѣе — сказалъ Императоръ, приложившись къ кресту, и затѣмъ вошелъ въ алтарь, внутри котораго находилась надпись о посѣщеніи этой церкви Его Августѣйшимъ семействомъ. Прочитавъ ее, Государь спросилъ:

— Какимъ образомъ попало сюда мое семейство?

Священникъ отвѣчалъ, что настоящій алтарь въ прошломъ году составлялъ прежнюю церковь и что надпись эта очутилась въ алтарѣ вслѣдствіе перестройки храма.

— Вы грекъ?

— Грекъ, Ваше Величество.

— Довольны своимъ приходомъ?

— Я совершенно счастливъ.

— А перевѣнчали окрещенныхъ татарокъ?

— Перевѣнчалъ, Государь.

— А довольны ли онѣ?

— Онѣ вѣчно будутъ молиться о долгоденствіи Вашего Величества.

На третій день послѣ бракосочетанія Маріи и Анны въ сопровожденіи своихъ мужей выѣхали обратно въ Дегерменкой, гдѣ послѣдніе имѣли табачныя плантаціи. Всѣ думали, что озлобленные ихъ примѣромъ татары и татарки потребуютъ удаленія ихъ и прибѣгнутъ 'пожалуй къ насилію, но ничего этого не случилось, благодаря тому, конечно, что всѣмъ было извѣстно участіе, принятое въ нихъ Ихъ Величествами.

Одновременно по желанію Государыни Императрицы прибылъ въ Ялту художникъ Московской оружейной палаты С..., которому поручено было запятыся раскопами древностей на южномъ берегу и снимками ихъ на бумагу.

Тѣмъ временемъ въ Ливадію по какому-то особенному влеченію всѣ почти пріѣзжіе большые стремились къ придворнымъ медикамъ, изъ которыхъ Карель дѣйствительно представлялъ образецъ честнаго, добраго и заботливаго врача. Презирая взятки, онъ перѣдко, чтобы избавлять обращающихся къ нему отъ расходовъ на экипажъ, общалъ имъ лично посѣщать ихъ и свято исполнялъ свое слово.

Благодарные пациенты его конечно сознавали, что этотъ лейбъ-медикъ дѣйствовалъ въ духъ Императора и что, не будь здѣсь Царской Фамиліи, имъ не удалось бы пользоваться даровыми совѣтами и рецептами такого опытнаго и такъ высокопоставленнаго человѣка. Есть люди, которые небрежно относятся къ устарѣвшимъ врачамъ, занимавшимъ почетныя должности, но не слѣдуетъ забывать, что медицина наша всегда почти шла ощущею, что теоретическія знанія не даютъ еще права на удачныя успѣхи и что гораздо разумнѣе тѣ большые, которые предпочитаютъ убѣленнаго сѣдинами и превознесеннаго врача. Такіе медики

рѣже ошибаются въ діагностику и очень часто производятъ на пациентовъ благоприятное впечатлѣніе и вызываютъ въ нихъ своимъ авторитетомъ безграничное довѣріе.

Жизнь Августѣйшихъ гостей по прежнему ничѣмъ не отличалась и проходила въ святой простотѣ. Всѣ просыпались довольно рано, однажды въ сутки купались въ морѣ по совершенно логичному выводу или вѣрнѣе правилу доктора Кареля, который говорилъ, что больные дважды купавшіеся въ день теряютъ на второмъ купаніи то, что приобрѣтаютъ въ пользу на первомъ; кушали виноградъ, гуляли въ рощахъ, любясь цвѣтами, или совершали небольшія поѣздки въ окрестности въ экипажахъ и верхами. Въ жаркіе часы дня, а иногда по вечерамъ составлялась картежная игра; при появленіи же въ Ялтѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ артистовъ и даже мажиковъ они приглашались для развлечения великихъ князей и тѣхъ, которые не имѣя серьезныхъ занятій, не могли понимать удовольствія жизни вдали отъ шумныхъ и безсодержательныхъ комедій большого свѣта.

Для этихъ господъ, безъ сомнѣнія, привыкшихъ поражать своими эполетами, аксельбантами, звѣздами и крестами и болтать одно и то же ежедневно въ 20-ти различныхъ домахъ столицы, естественно здѣсь казалось точно какъ въ монастырѣ, а сблизиться съ лучшими семействами мѣстныхъ или вновь поселившихся дачевладельцевъ они считали какъ-бы унижительнымъ для своего имени. Понятно, что эти люди не настолько бы тяготились своимъ легкомысліемъ, если бы имъ представлялась возможность всегда быть на глазахъ Императорской семьи, но такъ какъ они размѣщены были въ постройкахъ внѣ дворцовой ограды и только переступали ее по обязанности или особымъ приглашеніемъ, то тоска ихъ съ каждымъ днемъ усиливалась. Только одинъ Мережковскій, кажется, благоденствовалъ въ этомъ отношеніи: занятый съ утра до 4-хъ часовъ счетами и расчетами, онъ послѣ этого времени ѣздилъ на свою миниатюрную вновь приобретенную по дорогѣ къ водонаду дачу, куда привозили ему обѣдъ изъ царской кухни и гдѣ онъ съ супругою своею предавался полнѣйшему кейфу.

Въ теченіе этого сезона Императорскому семейству такъ было удобно и пріятно въ Ливадіи, что они рѣже прежняго выѣзжали на прогулки и не дальше Алуки и Массандрскаго парка. Для Государя и Государыни, казалось, весь міръ заключался на балконахъ дворца, съ которыхъ открывался чудный

видѣ на горы, море и Ятточку, какъ называла этотъ городокъ Императрица. Видя ежеминутно около себя своихъ Августѣйшихъ Дѣтей въ занятіяхъ и дѣтскихъ невинныхъ играхъ, окруженные преданными людьми и чувствуя себя вполне дома въ странѣ, населенной неспорченными еще туземцами, надо полагать, что всѣ эти условія благотворно дѣйствовали на ихъ добрыя сердца.

Что Государыня ничѣмъ не интересовалась здѣсь за исключеніемъ добрыхъ дѣлъ, это видно было изъ ея ежедневныхъ нарядовъ, состоящихъ изъ ситцевыхъ или простыхъ барежевыхъ платьевъ, и обсужденія такихъ мелочей, которыя не пришли бы въ голову никому кромѣ родной матери. Такъ, напр., Ея Величество пожелала съѣздить на Айтодорскій маякъ, смотрителемъ котораго былъ престарѣлый маіоръ ластоваго экипажа Стукалинъ, обремененный большимъ семействомъ и именно 7-ю дочерьми и однимъ сыномъ, изъ которыхъ три старшія состояли при отцѣ на службѣ, а остальные учились въ Николаевѣ и Симферополѣ. Надо было удивляться, какъ эти несчастные родители, отдаленные отъ города за 10 верстъ, при неимѣніи лошади и получая ничтожное содержаніе, могли просуществовать на краю дикой безводной скалы. Государыня съ перваго взгляда на ихъ обстановку поняла тяжелое безвыходное состояніе и удручающую скуку взрослыхъ уже дѣвушекъ. Прежде всего по ея приказанію доставлены были сюда нѣсколько десятковъ книгъ для развлеченія бѣдныхъ людей, затѣмъ подарены были теплые костюмы каждой служащей, чтобы предохранить ихъ отъ простуды въ зимнія холодныя ночи во время стоянки на вахтѣ или постоянномъ выходѣ на дворъ для наблюденія за свѣтомъ фонаря.

Впослѣдствіи, когда Ея Величество вполне убѣдилась въ честномъ и безупречномъ поведеніи этого семейства, на всѣхъ учащихъ дѣтей Стукалина отпускались изъ казны стипендіи и кромѣ этого оказывалось денежное пособіе. Сочувствіе Ея Величества къ этимъ бѣднымъ и никому неизвѣстнымъ тогда изолированнымъ людямъ не остановилось и на этомъ: сколько извѣстно, Стукалину пожалована была на Кавказѣ земля въ размѣрѣ, кажется, 200 десятинъ, чтобы имѣть пріютъ подъ старость, но когда онъ заявилъ о несостоятельности обработывать ее, то ему рѣшено было дать взамѣнъ нѣсколько десятинъ лѣсной земли подъ водопадомъ „Учапъ-су“ для постройки жилыхъ помѣщеній и гостиницы, но къ сожалѣнію это вдвойнѣ полезное пред-

положеніе не могло исполниться изъ боязни лѣснаго вѣдомства подвергнуть казенные лѣса случайностямъ пожара отъ жилыхъ помѣщеній неотвѣтственныхъ лицъ.

Ихъ Величества считали за особенное удовольствіе помогать людямъ нуждающимся и достойнымъ поощренія. Въ сказанный сезонъ въ Ялту переѣхалъ на поселеніе академикъ художествъ Филиповъ, навѣстный своими кавказскими батальными произведеніями, на которыя многіе смотрѣли съ наслажденіемъ, но никто почти не покупалъ ихъ. Лишь только Ихъ Величества освѣдомились о затруднительномъ положеніи этого труженика, они не только соизволили купить у него лучшія картины, но предоставили вдобавокъ большую работу на фермѣ для украшенія стѣнъ ея снимками съ природы всѣхъ породистыхъ коровъ и телятъ масляными красками. Всѣ понимали отлично, что заказъ этотъ не представлялъ необходимости, но что онъ предоставленъ былъ бѣдному человѣку для улучшенія своего быта и поддержки таланта.

Погода стояла во все время сухая и ясная, что конечно благопріятствовало слабому организму Ея Величества и радовало всѣхъ окружавшихъ ее: въ Таврической губерніи былъ хорошій урожай на фрукты и сѣно и посредственный на хлѣбное зерно. Къ этому надо добавить фактическое возрожденіе Черноморской флотиліи, окончательное утвержденіе Лозово-Севастопольской желѣзной дороги и полное спокойствіе въ Европѣ. Естественно, что при такихъ условіяхъ Царской Семьи вдвойнѣ было пріятнѣе оставаться въ Ливадіи и по примѣру минувшихъ лѣтъ въ торжественные дни приказывать устраивать для народа праздники съ призами и фейерверками, а люди чиновные, принадлежавшіе къ администраціи и чѣмъ-либо оказавшіе услуги, поощрялись наградами. Изъ числа ихъ начальникъ губерніи Рейтеръ получилъ орденъ Станислава 1-ой степени, правитель его канцеляріи—бриллиантовый перстень, симферопольскій губернский голова—генеральскій чинъ, мѣстный исправникъ Владиміра 4-ой степени, городскіе старшины—по 2-ой медали на шею и т. д. Не забыты были также и отсутствующіе по губерніи бѣдные, для пособія которымъ дано было 2 т. рублей изъ кабинетныхъ суммъ Ея Величества.

На этотъ разъ Императорская Фамилія разсталась съ излюбленною Ливадіею въ послѣднихъ числахъ ноября, хотя погода продолжала стоять по прежнему теплая.

Въ 1872 году извѣстно было, что Ея Величество прибудетъ въ Крымъ съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней. Слухи эти разнесены были газетами по всей Россіи, вслѣдствіе чего начали получаться въ Ялтѣ изъ различныхъ городовъ имперіи письма съ вопросами: можно ли будетъ найти въ окрестностяхъ города квартиры въ маѣ мѣсяцѣ и какая на нихъ цѣна, а равно и на жизненные продукты?

Цѣны тогда были такія: за комнату въ Ауткѣ требовали 15 руб. въ мѣсяцъ и столько-же за обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ; говядина продавалась по 9-ти коп. за фунтъ, молодой барашекъ по 12 к., цыпленокъ по 30 коп., бѣлый фунтовой хлѣбъ 5 коп., свѣжая рыба 3 к. фунтъ, сливочное масло 50 к., сотня яицъ 1½ руб.

Благодаря минувшей теплой зимѣ въ окрестностяхъ Ялты покончены были садовыя работы, и домовладѣльцы приступили къ ремонту квартиръ въ ожиданіи продолжительнаго сезона. Одновременно съ этимъ введено было новое городское управленіе и головою избранъ былъ послѣ купца камергеръ Галаховъ, и начались постройки зданій на всѣхъ почти участкахъ земли, прибрѣтенныхъ въ прошлыхъ годахъ и оставленныхъ безъ вниманія впредь до убѣжденія, будетъ ли этотъ край и въ будущемъ посѣщаться Царскою Фамиліею. Число этихъ построекъ дошло уже до того, что Ялта почти соединилась съ двумя греческими селеніями Фарфора и Аутка, до которыхъ прежде считалось отъ города около двухъ верстъ пустого пространства. Такое неестественное приращеніе безспорно свидѣтельствовало, что происходило оно только потому что на край этотъ обращены были взоры Высочайшихъ Особъ. Одновременно началъ постройку въ Ялтѣ громадной 3-хъ этажной гостиницы Антонинъ Княжевичъ. Послѣ чего всѣ пришли къ убѣжденію, что отнынѣ посѣтителю южнаго берега не будутъ испытывать недостатка въ квартирахъ, какъ бывало прежде, и каждый властень будетъ выбирать себѣ помѣщеніе по средствамъ и вкусу. Въ виду такой дѣятельности и того, что окрестности стараго города Ялты принадлежать такимъ магнатамъ, которые не желали продавать ихъ ни за какія деньги, аутинскіе жители рѣшили не отдѣлать отъ общей дачи своей около 30 десятинъ земли, расположенной по склону горы между ними и Ливадіею съ предоставленіемъ каждому главѣ семейства дѣлать съ участкомъ своимъ то, что онъ пожелаетъ. Этимъ способомъ предполагалось предоставить бѣднымъ людямъ возможность по-

селиться въ прославленномъ краѣ и пріобрѣтать свое существованіе на счетъ работъ въ Ливадіи. Словомъ, Царскіе пріѣзды настолько оживили предпринимчивость и дѣятельность въ окрестностяхъ Ялты, Корензѣ и Мисхорѣ, что не вѣрилось глазамъ.

Его Величество въ этотъ годъ пожаловалъ въ Ялту 22-го марта съ Августѣйшею супругою и королевою Виртембергскою Ольгою Николаевною въ 2 часа по полудни на общественномъ пароходѣ „Ольга“. Погода стояла лѣтняя.

Видѣвшіе Ея Величество на пристани нашли значительную перемѣну въ ея наружности и заключили, что сѣверный климатъ преждевременно убьетъ эту безцѣнную для Россіи и семейства мать. Въ свитѣ Его Величества находился извѣстный профессоръ лейбъ-медикъ Боткинъ, что свидѣтельствовало о плохомъ состояніи здоровья Царицы. На слѣдующій же день Государь объѣхалъ верхомъ ближайшія окрестности Ливадіи по обыкновенію съ однимъ казакомъ, чего не прекращалъ дѣлать почти ежедневно въ теченіе двухъ недѣль, пока оставался въ Ливадіи, наблюдая за здоровьемъ супруги, и лишь только замѣтилъ улучшение ея, по необходимости возвратился обратно въ Петербургъ. Къ счастью погоды у насъ стояли довольно хорошія, что давало надежду на быстрое улучшение силъ Августѣйшей больной. И дѣйствительно Ея Величество къ Свѣтлomu Воскресенью (16 апрѣля) настолько чувствовала себя хорошо, что соблаговолила допустить къ себѣ для христосованія всѣхъ почти служителей и служительницъ, которые съ благоговѣніемъ прикладывались къ Ея бѣдной рукѣ и тутъ же получали отъ великихъ князей по крашенкѣ, а вслѣдъ за тѣмъ отъ имени Государя деньги, а женщины вдобавокъ отъ Царицы и в. к. Маріи Александровны ситца на два платя.

При христосованіи этомъ произошелъ одинъ эпизодъ, довольно хорошо характеризующій Ея Величество. Одна изъ служапокъ, уроженка Курской губерніи, Ефросинья Зиберова также удостоилась поцѣловать Императрицѣ руку и получить неожиданные подарки, которые такъ обрадовали эту простосердечную женщину, что она, вышедъ изъ дворца, пала на колѣни предъ дверьми придворной церкви и начала класть поклоны, не замѣчая, что за нею наблюдала изъ окна Государыня, которая заинтересовалась узнать причину, побудившую ее къ этому. — „И вотъ меня вто-

рично потребовали во дворець, — говорила Ефросинья, — и начали допрашивать, что я дѣлала за окномъ царицы. Богу молилась“, — отвѣчала я. — „Что тебя заставило это дѣлать на глазахъ Ея Величества?“ — А я имъ въ отвѣтъ: „Да помилуйте, ваше благородіе, кому же другому молиться, какъ не мнѣ. Меня поцѣловала въ щеку сама матушка царица и вдобавокъ одарила крашенкою, одеждою и деньгами. Видали ли мои бабушки и прабабушки такую Божію милость, нѣтъ, покуда я буду въ живыхъ, я всегда буду молиться.“ Когда этотъ отвѣтъ былъ переданъ Императрицѣ, она приказала добавить ей еще 5 рублей и похвалить ее за умѣніе цѣнить царскую милость. „Лишь только я вышла на дворъ, — продолжала Зиберова, — всѣ бабы и лакеи начали меня укорять въ простотѣ и сожалѣть, что я потеряю мѣсто, а я имъ въ отвѣтъ показала на пятирублевку и посовѣтовала и самимъ всегда поступать по правдѣ и простотѣ.

23 апрѣля изъ Ливадіи выѣхала королева Виртембергская, а вслѣдъ затѣмъ посѣтили насъ американскій генералъ Шериданъ съ сыномъ президента Соединенныхъ Штатовъ.

По мѣрѣ того, какъ Ея Величество поправлялась, до нея начали доходить слухи, что въ Ялтѣ квартиры настолько поднялись въ цѣнѣ, что недоступны для бѣдныхъ больныхъ. Вѣсть эта, отчасти совершенно справедливая, показалась Ея Величеству крайне прискорбною, и она близко приняла къ сердцу тѣхъ несчастныхъ, которые кромѣ физическихъ страданій принуждены были лишать себя можетъ быть самаго необходимаго для сбереженія денегъ на расплату за квартиру. Вскорѣ послѣ этого всѣмъ стало извѣстно, что во главѣ Боткина, Губонина, графа Мордвинова, инженера Струве, адмирала Чихачева съ пожертвованіемъ 50 тысячъ рублей со стороны Государыни Императрицы образовалось общество съ цѣлью удешевленія квартиръ и содержанія пріѣзжихъ въ Ялтѣ. Естественна, что благая мысль эта принадлежала заботливой матери, но, увы, къ всеобщему сожалѣнію она не была реализирована такъ, какъ думала Государыня. Антрепренеры, на составленный ими между собою капиталъ, задумали воздвигнуть въ Ялтѣ роскошную гости-

ницу, стоимость и содержаніе которой не позволяли имъ облегчить участь бѣдныхъ ¹⁾.

Пріѣздъ Ея Величества съ прославленнымъ Боткинымъ, о которомъ почему-то рассказывались чудеса, доставилъ ялтинскимъ домовладѣльцамъ просто нечаянные доходы тѣмъ, что всѣ почти одержанные хроническими недугами изъ ближайшихъ городовъ и губерній стремились къ нему въ надеждѣ быть исцѣленными, но такъ какъ у доктора этого установлено было число ежедневныхъ консультацій, то понятно, что многимъ долго приходилось ожидать очереди, что приносило, разумѣется, выгоду городскимъ обывателямъ, умѣвшимъ пользоваться удобнымъ случаемъ. Больные эти, безъ сомнѣнія, остались бы на весь лѣтній сезонъ какъ требовалъ отъ нихъ Боткинъ, если бы не измѣнились наши погоды и если бы къ ужасу всѣхъ не появилась у насъ холера, которая на первыхъ порахъ своимъ характеромъ привела въ трепеть не только чужихъ, но и мѣстныхъ жителей, знакомыхъ съ нею съ 1848 года. По общему мнѣнію болѣзнь эта завезена была изъ одного изъ портовыхъ городовъ кавказскаго побережья и развилась здѣсь благодаря ежедневнымъ дождямъ, продолжавшимся около 2-хъ недѣль. По другимъ толкамъ ее приписывали вліянію недавнихъ вулканическихъ изверженій на солнцѣ, которыя по вычисленіямъ астрономовъ возносились на 5-ть тысячъ миль и покрывали пространство на 60 миль въ окружности. Находились и такіе пророки, которые бѣдствіе наше относили къ приближенію къ землѣ показавшейся кометы и утверждали, что дожди не перестанутъ до половины августа.

Такъ или иначе, но въ Ливадіи были приняты строгія мѣры охраны и, разумѣется, скрывали отъ Государыни о печальномъ настроеніи народа и безпрестанныхъ жертвахъ въ средѣ рабочаго люда и преимущественно анатольцевъ-каменщиковъ, питавшихся большинствомъ рыбою, которая какъ на бѣду въ тотъ годъ ловилась въ значительномъ изобиліи и продавалась по копѣйкѣ за фунтъ. Чтобы не пугать остававшихся по неволѣ въ Ялтѣ пріѣзжихъ, послѣдовало распоряженіе не звонить болѣе по мертвому и безотлагательно хоронить умершихъ.

¹⁾ Построенное ими зданіе. нынѣ гостиница „Россія“ сдается в аренду и не можетъ быть доступна для средствъ не зажиточныхъ людей и теперь.

Къ удовольствію нашему смертоносная гостя не долго свирѣпствовала и послѣ 60—70 убійствъ разсталась съ краемъ; одновременно прекратились и дожди, несмотря на то, что на солнцѣ продолжались твориться какія-то чудеса, на сѣверѣ видѣлось по ночамъ сѣверное сіяніе, а зловѣщая комета не измѣняла своего направленія къ нашей планетѣ.

Въ теченіе этого времени въ Ялтѣ устроенъ и открытъ былъ второй бульваръ, на которомъ чрезъ день играла, по соизволенію Ея Величества, состоящая при Ливадіи военная музыка.

Каждый знаетъ, что та мѣстность, гдѣ появляется злокачественнаго свойства эпидемія, не посѣщается долго больными. Подобная участь ожидала и Ялту, но такъ какъ Императрица не покидала ее и безъ малѣйшаго страха разѣзжалась съ дѣтьми, чувствуя себя вполне хорошо и настолько хорошо, что доѣзжала даже до аутинскаго водопада: но вновь устроенной по ея приказанію дорогѣ, то естественно, что большинство больныхъ начали возвращаться на прежнія квартиры, а съ ними вмѣстѣ и сотни другихъ гектическихъ страдальцевъ. Замѣтивъ это, ялтняцы единогласно признали, что героическое присутствіе Ея Величества въ печальное время въ Ялтѣ съ Августѣйшими дѣтьми вновь спасаетъ ихъ отъ значительныхъ потерь, которыя были бы неминуемы. Чтобы взвѣсить эту неожиданную выгоду, приходится сказать, что пріѣзжихъ въ половинѣ іюля насчитывали около 2-хъ тысячъ человекъ, т. е. гораздо больше обитателей города и окрестныхъ дачъ. У лейб-медика же Боткина по разсказамъ перебывало около 800 больныхъ, которымъ большинствомъ пришлось получить однѣ и тѣ же позолоченныя пилюли. Пилюли эти чуть-ли не день и ночь приготавлились всѣми служащими въ единственной ялтнянской аптекѣ и если немногимъ приносили облегченіе, то навѣрно всѣмъ стоили не дешево.

По мѣрѣ того какъ начиналъ соарѣвять знаменитый сладостію виноградъ и доктора оглашали, что онъ составляетъ специфическое средство противъ горловыхъ болѣзней и катара желудка, въ Ялту прибывали съ каждымъ пароходомъ новыя лица и про холеру никто болѣе не вспоминалъ.

Вскорѣ законченъ постройкой лѣтній дворецъ на прекрасной мѣстности за Ливадією въ урочищѣ Эрикликъ¹⁾

¹⁾ Названіе это татарское въ переводѣ означаетъ рощу сливъ.

куда рѣшено было Боткинымъ переселить Государыню съ наступленіемъ жаркихъ дней. Эрикликъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ въ Крыму. Кромѣ значенія въ гигиеническомъ отношеніи онъ приводилъ каждаго въ паумленіе очаровательнымъ видомъ и представилъ пріѣзжимъ еще одно удовольствіе, которое не доступно было раньше по отсутствію сюда дороги и густотѣ лѣсной растительности.

Эрикликъ, именемъ котораго впоследствии названъ былъ пріобрѣтенный правительствомъ отъ русскаго общества пароходства пароходъ „Ольга“, представляетъ страдное воспоминаніе о покойной Государынѣ и ея любви къ граціознымъ картинамъ природы. Не менѣе ей обязаны ялтинскіе жители и всѣ нынѣ ѣдущіе въ роскошныхъ экипажахъ на трудно доступный въ прежнее время водопадъ „Учанъ-су“, и нѣтъ сомнѣнія, что дорого стоящая дорога эта, впоследствии доведенная по ея же приказанію до вершины Яйлы, будетъ до существованія своего свидѣтельствовать о заботливости ея улучшить бытъ края и въ то же время дать возможность туземцамъ возить лѣсъ на колесахъ.

Тѣмъ временемъ послѣ свиданія въ Берлинѣ съ Императорами Вильгельмомъ и Фр. Іосифомъ прибылъ вторично въ Ливадію Государь Императоръ съ блестящею свиткою на вновь построенномъ прекрасномъ пароходѣ, получившемъ названіе „Ливадія“. Его улыбающееся лицо и заявленіе удовольствія видѣть Ялту съ извѣстными уже представителями власти у всѣхъ почти слышавшихъ эти милостивыя слова вызвали слезы умиленія и восторга.

Съ этой минуты Ялта озарилась новымъ сіяніемъ.

Все засуетилось и какъ будто очулось отъ продолжительнаго летаргическаго сна. Улицы снова покрылись роскошными ливадскими экипажами, управляемыми нарядно одѣтыми кучерами, на бульварахъ стали играть вмѣсто одного хора два хора музыки, нарочно высылаемыхъ изъ ливадскихъ казармъ для публики; военные и коммерческіе пароходы почти каждый день доставляли провізію, пассажировъ, новости и т. п., а почтовое вѣдомство открыло ежедневный пріемъ и отправку корреспонденціи, чего не было принято въ то время въ другихъ городахъ.

За нѣсколько дней до прибытія Его Величества здоровье Императрицы настолько окрѣпло, что она пожелала совершить поѣздку до Судака, которую и совершила благопо-

лучно съ великою княжною Марією Александровною и нѣсколькими придворными дамами.

Газеты опять наполнились корреспонденціями со стороны, разумѣется, проѣзжавшихъ въ Ялту туристовъ, которымъ приходилось ночевать въ бильярдныхъ комнатахъ, за неимѣніемъ свободныхъ номеровъ въ гостиницахъ и которые безжалостно отзывались о только что начинавшей оживать Ялтѣ. И чего только не говорилось въ этихъ письмахъ какъ бы съ намѣреніемъ подорвать къ ней кредитъ и направить соотечественниковъ по-прежнему за границу; но чѣмъ болѣе она позорилась, тѣмъ болѣе собиралось больныхъ въ виду доказательствъ на лицо — скорого поправленія царицы. Впрочемъ хула эта не осталась безъ нѣкоторыхъ добрыхъ послѣдствій: туземцы для удешевленія многихъ привозныхъ продуктовъ, которымъ не занимались раньше, рѣшились сами завести овощные огороды и фабрики зельтерской воды, лимонадъ-газесъ и другихъ прохладительныхъ напитковъ.

Пріѣздъ Императора снова поднялъ на ноги татаръ, имѣвшихъ обыкновеніе привѣтствовать цѣлымъ обществомъ государя. Аметъ и Мустафа, чуть не ежедневно бывавшіе въ Ливадіи, поощряли этотъ исконнъ принятый мусульманами обычай и восторгались, если ходатайство ихъ увѣнчивалось успѣхомъ.

Въ этотъ годъ въ Ялтѣ образовалось маленькое благотворительное общество, которое задалось мыслью открыть пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей, остававшихся безъ родителей, но, несмотря на всѣ усилія свои, распорядителямъ его не представлялось возможности собрать такой суммы денегъ, какая необходима была для открытія дѣйствій. Тогда одинъ изъ членовъ задумалъ довести о нашей неудачѣ августѣйшимъ владѣльцамъ Ливадіи, въ надеждѣ, что Ихъ Величества не откажутъ милостивымъ содѣйствіемъ. Лишь только доведено было это благое намѣреніе общества до Высочайшихъ особъ, всѣ они изъявили согласіе принять теплое участіе въ реализаціи доброй цѣли и предназначили устроить въ городскомъ саду на открытомъ воздухѣ подъ навѣсами большое аллегри и базаръ подъ главнѣйшимъ распоряженіемъ великой княжны Маріи Александровны. Не знаемъ, что дѣлалось потомъ въ Ливадіи, но велѣдъ за тѣмъ увидѣли, что на вновь открытомъ Мордвиновскомъ бульварѣ начали устраиваться роскошные полотняные павильоны и палатки со стойками,

декорированные флагами, цвѣтами въ вазопахъ и т. п. Всѣ проходящіе мимо сада предвидѣли, что Ихъ Величества, кромѣ желанія положить основаніе ялтинскому дѣтскому пріюту, хотятъ одновременно предоставить массѣ пріѣзжихъ пріятное развлеченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность сдѣлать не даромъ доброе дѣло. Нѣсколько дней спустя временныя эти постройки были окончены; извѣстила полиція, что праздникъ начнется въ 11 часовъ утра, въ первый воскресный день. Тогда же узнали, что будутъ разыгрываться въ числѣ прочаго много цѣнныхъ вещей, что всѣ безъ изъятія будутъ пользоваться правомъ бесплатнаго входа въ садъ, гдѣ будутъ по перемѣнамъ играть два хора полковой музыки; что билеты будутъ продаваться по 25 к.; что сама великая княжна, статсъ-дамы и фрейлины будутъ торговать чаемъ, прохладительными напитками, букетами и т. п. мелочами и что Его Величество соблаговолитъ пріѣхать на эту, такъ сказать, закладку пріюта для несчастныхъ сиротъ. Естественно, что на такое печальное торжество началъ валить народъ съ раняго утра, не изъ-за того, конечно, чтобы выиграть какую-нибудь вещь, но чтобы быть около обожаемаго Государя и его августѣйшей дочери, чтобы услышать вблизи его голосъ, чтобы посмотрѣть на доброе и милостивое обращеніе съ тѣми, которые на перерывъ будутъ его заманивать въ свои лавочки съ цѣлью какъ можно больше выручить денегъ для выполненія его же державнаго желанія.

Было около 2-хъ часовъ, когда полицейскіе заявили, что Государь ѣдетъ съ великою княжною въ сопровожденіи чуть-ли не всѣхъ состоящихъ при немъ и служащихъ въ Ливадіи чиновниковъ. При заявленіи этомъ масса народа моментально разступилась и грянула музыка. Шапки и шляпы снялись какъ по командѣ, и громкое ура не прекращалось до того момента пока Его Величество не подошелъ къ розыгрышному павильону, а дамы не заняли своихъ мѣстъ въ палаткахъ. Любо было смотрѣть на величественный станъ и въ то же время на величественную красоту монарха, который рѣзко отличался отъ всѣхъ окружавшихъ его и бывшихъ на праздникъ. Присматриваясь въ его прелестныя глаза и замѣчательной правильностію носъ, многіе какъ-то невольно вспомнили рассказы объ одной барынѣ, кажется, Тузиковой, которая, считая его мифологическимъ божествомъ древнихъ грековъ, дошла до той степеніи, что начала убѣгать въ лѣсъ и кончила тѣмъ, что

мѣстная власть въ предупрежденіе чего-либо непріятнаго вынуждена была выслать ее изъ южнаго берега.

Царственная красота Императора Александра II несколько не преувеличена; это могутъ подтвердить сотни разновременно снятыхъ съ него портретовъ и миллионы людей еще живущихъ и имѣвшихъ возможность видѣть его вблизи. Государь, сопровождаемый министромъ двора и многими другими сановниками, съ ласковою улыбкою началъ обходить прелестныхъ торговокъ и щедро одарять ихъ за тѣ бездѣлицы, которыя онъ выбиралъ. Естественно, что лица, сопутствовавшія ему, старались и въ свою очередь не скупиться на доброе дѣло: по слѣдамъ ихъ слѣдовали богатые приважіе, а остальные напирали на розыгранный павильонъ, сіяющій правильно разставленными вещами и бутылками хорошихъ ливадскихъ винъ. Крикъ, смѣхъ, требованіе выигрышей, тщеславіе и новый рискъ—все это въ виду Императора съ улыбкою на устахъ, около прелестной и нѣжно любимой дочери, при звукѣ музыки и разнообразной толпы одинаково преданныхъ подданныхъ—представляло такое нѣчто счастливое, чего не въ силахъ создать никакое искусство.

Въ 4 часа Государь покинулъ городской садъ, а вельдъ за нимъ и многіе изъ сановниковъ, по розыгрышъ и торговля чаемъ и другими мелочами не прекращались до тѣхъ поръ, пока въ импровизированныхъ лавочкахъ ничего не осталось. Простой народъ на память этого дня поносилъ даже черепки отъ случайно разбитой посуды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщила В. Мелега.



П о п р а в к а .

Подпись автора статьи „Императорская фамилія въ Крыму“, напечатанной въ книгахъ №№ 9 и 10 с. г., Мелеха—редакція просить считать неправильной. Слѣдуетъ читать В. Мелега.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЙ

„ДЕЖА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и №.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскаго Острова,
Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудованіе радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К⁰, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудованія воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

памятниками и медалями“. Описывая монументы, медали, жетоны, кресты, находящіяся въ связи съ событіями славной эпохи, г. Ашикъ положительно спасаетъ отъ забвенія цѣлый рядъ затерянныхъ въ глуши и уже никѣмъ не охраняемыхъ памятниковъ, приводитъ въ извѣстность рѣдкія медали, напоминаетъ о могилахъ, которыя должны быть дороги народному сердцу. Эта книга потребовала много любви и терпѣнія, вдохновеннаго истиннымъ, культурнымъ патриотизмомъ. Въ своей работѣ г. Ашикъ талко не всегда встрѣчалъ поощреніе: „несмотря на мои просьбы о сообщеніи мнѣ тѣхъ или иныхъ данныхъ о памятникахъ, поставленныхъ вообще на Руси и за границею, лица и учрежденія, къ которымъ я обращался, въ большинствѣ случаевъ или оставляли мои просьбы безъ всякаго отвѣта, или сообщали такія данныя, которыя не представляли никакой исторической цѣнности; одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ оказалось полученіе снимковъ и описаній памятниковъ, поставленныхъ въ 1912 г. на Бородинскомъ полѣ“. Но, преодолевъ всѣ эти препятствія, г. Ашикъ создалъ настоящій „памятникъ памятникамъ“, и всѣ, кто любитъ русскую исторію, искусство, будутъ эту замѣчательную книгу съ удовольствіемъ и пользою читать и разсматривать (она очень щедро иллюстрирована). Особенно горячо рекомендовали бы мы ее учащейся молодежи.

Библиологическій Сборникъ. Т. II, вып. 1. Матеріалы по исторіи бібліотековѣдѣнія въ Россіи. Изд. Русскаго Библиологическаго Общества. Пг. 1916. „Въ этомъ сборникѣ“—говорится въ предисловіи—„предположено собрать свѣдѣнія о бібліотекахъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и исчезнувшихъ, а равно дать біографіи и характеристики дѣятельности выдающихся русскихъ бібліотековѣдъ и бібліотекарей, личными своими трудами, зачѣтую въ весьма скромномъ служебномъ положеніи, содѣйствовавшихъ научной постановкѣ бібліотековѣдѣнія въ Россіи“. Е. В. Гогель вспоминаетъ о покойномъ Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ, какъ попечителѣ бібліотеки Имп. женскаго педагогическаго института. Великій Князь чрезвычайно заботился объ институтской бібліотекѣ, давалъ средства на приобрѣтеніе книгъ, самъ пожертвовалъ много тысячъ книгъ и привлекалъ другихъ жертвователей и всячески способствовалъ росту бібліотеки. С. А. Гамеловъ-Чураевъ рассказываетъ объ интересномъ челоѣкѣ—А. И. Лужковѣ, бібліотекарѣ и хранителѣ Эрмитажа при императрицѣ Екатеринѣ II: Н. В. Ястребовъ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ страницъ „Памяти В. И. Ламаускаго, какъ друга книги“:—„онъ хотѣлъ, чтобы въ Россіи любили, уважали, а прежде всего знали и изучали славянскую книгу, какъ носительницу и выразительницу славянскаго духа, культуры и самобытности; онъ хотѣлъ и болѣе того, именно того, чтобы въ знаніи и изученіи славянской книги, какъ части науки славяновѣдѣнія, изученіе славянства вообще, Россія и русскій народъ занимали и въ славянствѣ и въ мірѣ вообще первое мѣсто“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государстве, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи прелыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII- о и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитвыя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращенію и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ увичтожаются.—Обратныя высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1886, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаиль Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакціи Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, В. Подъяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

ДЕКАБРЬ.

1916 годъ

СОДЕРЖАНИЕ:

- | | | | |
|--|---------|---|---------|
| I. Изъ дневника русской въ Турціи. Е. Рагозиной | 321—327 | итальянской оперы въ Петербургѣ. Тамберликъ. Сообщ. В. А. Бернапкій | 434—456 |
| II. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ. | 328—339 | VIII. Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины. Е. К. Андреевскаго | 457—464 |
| III. Копія письма И. А. Гончарова П. Н. Полевому. Сообщ. Э. П. Юргенсонъ | 340—342 | IX. Къ вопросу о бракѣ Дантеса со священницей А. С. Пушкина. Eremita | 465—466 |
| IV. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. | 343—411 | X. По поводу записокъ Н. А. фонъ-Розенбаха. У. Тевяшевой. | 467—468 |
| V. Изъ архивныхъ матеріаловъ. Сообщилъ С. Шницеръ | 412—424 | XI. Дневникъ Патрика Гордона. Сообщ. П. А. Майковъ | 469—476 |
| VI. Мимоходомъ (Дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ) В. И. Мерцалова | 425—433 | XII. Къ портрету графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова | 477 |
| VII. Изъ золотого вѣка | | XIII. Объявленія. | |

Приложение: Портретъ графа И. П. Воронцова-Дашкова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помещается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.



XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1916 года.

Бібліографическій листокъ.

Село Троице — Кайнарджи и Сельцо Зенино, Мариѣво-томъ. Историческій очеркъ Ц. 1 р.

Очеркъ этотъ—историческое описаніе граничащаго съ Москвою имѣнія, принадлежавшаго некогда знаменитому фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Въ настоящее время „Зенино“ принадлежитъ городскому управленію Первопрестольной, которому оно уступлено въ интересахъ оздоровленія древней столицы Ив. Ив. Шаховскимъ, владѣвшимъ имѣніемъ свыше 45 лѣтъ. Внеся въ „Зенино“ всѣ улучшения современной сельско-хозяйственной культуры, И. И. Шаховской въ то же время тщательно сохранилъ всѣ историческіе памятники, связанные съ дѣяніями знаменитаго фельдмаршала и побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ. Уступивъ Москвѣ „Зенино“, послѣдній владѣлецъ его внесъ въ городскую думу капиталъ, проценты съ котораго обезпечили изданіе настоящаго очерка и стипендію для одного студента Петровской сельско-хозяйственной Академіи съ цѣлью приготовленія образованнаго завѣдующаго новымъ городскимъ владѣніемъ. Очеркъ изданъ очень красиво, снабженъ многочисленными хорошими рисунками въ текстѣ и 14 великолѣпно выполненными фотографіями на вкладныхъ листахъ. Среди послѣднихъ портреты историческихъ дѣятелей и прекрасные снимки съ видовъ имѣнія. Такія изданія слѣдуетъ, конечно, горячо привѣтствовать, такъ какъ они содѣйствуютъ лучшему ознакомленію съ отдѣльными прекрасными уголками нашего обширнаго отечества и предохраняютъ ихъ отъ печальнаго забвенія.

С. Я.

Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга I. Изд. Императорской Академіи наукъ. Петр. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга эта—первый выпускъ сборника, издаваемаго Академіей Наукъ въ память ея покойнаго сочлена И. И. Срезневскаго по поводу столѣтія со дня рожденія извѣстнаго филолога и слависта. Въ этотъ выпускъ включены рѣчь извѣстнаго академика А. А. Шахматова о значеніи жизни и дѣятельности И. И. Срезневскаго, очеркъ жизни его, описаніе выставки въ память столѣтія рожденія и матеріалы для біографіи (научная бібліографія),—составленные В. И. Срезневскимъ; статьи: проф. Н. Θ. Сумцова—харьковскій періодъ научней дѣятельности И. И. Срезневскаго, А. И. Соболевскаго—заслуги И. И. Срезневскаго, В. А. Францева—В. И. Срезневскій и славянство, И. В. Цвѣтаева—изъ студенческихъ воспоминаній о Срезневскомъ, И. В. Ягича—воспоминанія о Срезневскомъ, О. И. Срезневской—художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще. Къ книгѣ, изданной изящно, на хорошей бумагѣ, приложены: превосходно выполненная фотографія съ портрета И. И. Срезневскаго, многочисленныя воспроизведенія съ его рисунковъ и автографовъ, съ автографовъ знаменитыхъ друзей и современниковъ И. И. Срезневскаго—Н. И. Костомарова, В. Гавки, В. Караджича и многихъ другихъ. Цѣна книги поразительно дешевая.

С. Ш.

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1917 годъ.

Вступая въ 1917 г. въ сорокъ восьмой годъ своего существованія, ред. журн. „**РУССКАЯ СТАРИНА**“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кош.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣателя“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневный записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексія Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. **М. М. Богословскаго.**—Дѣтство Петра Великаго. **В. М. Бочирева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Евгеньева.**—**Неизданныя статьи (1863—64) И. А. Гончарова.**—Московскія Вѣдомости (Каткова) и День (Аксакова).—**А. П. Нефлова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ. **Е. С. Шумигорскаго.**—Довесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина. Рассказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. — **Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова.** **Сообщено В. Я. Бахтіровымъ.**—Изъ дневника М. Н. Галкина-Врасскаго. Замѣчательныя слова Императора Николая Павловича. Изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго. Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ (1868 г.). Взгляды на Остзейскій вопросъ: Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Цесаревича и Цесаревны, В. К. Елены Павловны, пр. П. Г. Ольденбургскаго, В. К. Константина Николаевича, канцлера кн. Горчакова, гр. В. А. Перовскаго и гр. П. А. Шувалова. **Е. А. Рагозинной.**—Дарданеллы и Египетъ при Измаиль-пашѣ. **А. Д. Бутовскаго.**—Первые шаги на учебной службѣ. (Вр. Милютина, Исакова, Ванновскаго, Махотина). **Т. Т. Стефанова.**—Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Изъ жизни декабристовъ на Кавказѣ **А. А. Бестужева** (Марлинскаго) и **В. Толстого**. Кн. **С. П. Мансырева.**—Къ исторіи русской цензуры. **А. В. Лонгина.**—Обзоръ записокъ графа Матвѣева и вариантъ о стрѣлцкомъ полковникѣ Сухаревѣ. **В. А. Мустафина.**—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валчеву. **А. М. Чижовскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **М. В. Сильвергельма.**—Закладыванное зало. **А. В. Полторацкаго.**—Петръ Великій и шведскіе послы 1692 г. **Н. А. Лашкова.**—Петровъ день въ Грузинѣ. **В. Сихарулидзе.**—Краткое увѣщаніе преосвященнаго къ народу своей епархіи о Пугачевѣ. **Л. И. Сазонова.**—Изъ-за волшебной веревочки. **И. Морозова.**—Люди и нравы за пелвѣка. **А. Вольноходова.**—Письма Драгомирова и его жены Радецкому. **М. Ф. Чулицкаго.**—Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбытіи отъ караула женокъ. **А. Е. Науфмана.**—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника. **З. А. Слезинской.**—Дворянство 40-хъ годовъ и литература. **А. И. Нонорова.**—Провѣдъ варшавскаго архіепископа Никавора черезъ Маріамполь. **В. Грузинцева.**—Воспоминанія о Вел. Кн. Алексѣѣ Александровичѣ.—**А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. Записки **Н. В. Исанова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.** Записки генерала М. А. Домонтовича. Воспоминанія ген. Савельева, Веселовскаго, Андріяшева, Леваковскаго, Андреевскаго и др. **Штрайха—Неизданныя письма Пирогова.**

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣателей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 11 руб. съ пересылкой, за границу 13 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 5% съ cadaго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

П Р И Ж У Р Н А Л Ъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

„Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ създаній стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По вхождѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русск. Старина“ (гдѣ помещается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостинный дв., 18 и Невскій, 13;

въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

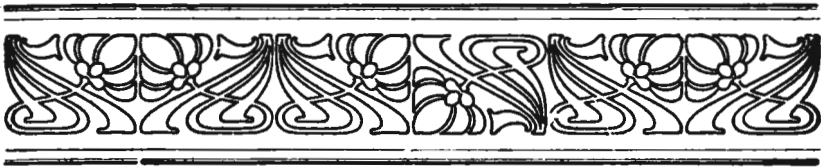
За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по проверкѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи cadaго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, плаять: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.



Графъ Илларионъ Ивановичъ ВОРОНЦОВЪ-ДАШКОВЪ.



Изъ дневника русской въ Турціи.

Г л а в а XLII 1).

Итакъ, угасла на политическомъ горизонтѣ яркая звѣзда Мидхатъ-паши: онъ былъ вознесенъ европейской дипломатіей до вершины славы; но сверженъ оттуда внизъ фатальной силой Абдуль-Гамидъ, и ему, такимъ образомъ, даже не пришлось вкусить отъ плодовъ триумфа своего родного дѣтища, взлелѣяннаго имъ на почвѣ западныхъ идеаловъ.

Такова была развязка трагедіи жизни автора парламентаризма, инсценированнаго тогда для Европы на берегахъ волшебнаго Босфора...

Но въ тѣ историческіе дни меня болѣе всего поражала крайнимъ недоумѣніемъ роль иностранной прессы, такъ какъ она почти не реагировала на фактъ изгнанія Мидхатъ-паши изъ столицы падишаховъ, тогда какъ прежде все ея вниманіе было исключительно обращено именно въ его сторону. Левантинская печать также сбавила тонъ, и на ея страницахъ умолкли побѣдныя фанфары въ честь торжества новаго режима, а въ благодарность за дарованную ей „свободу слова“ выпустила карикатуру, изображавшую палату засѣданій съ уснувшими на скамьяхъ депутатами въ чрезвычайно смѣшныхъ и довольно рискованныхъ, неприличныхъ позахъ.

Однако, и дни „юнаго парламента“ уже были сочтены: 21 марта его безъ всякихъ церемоній распустили и объ-

1) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1916 г.

явили новые выборы!.. Словомъ, произошло именно то, чего никакъ не могла ожидать Западная Европа, диктовавшая свою волю турецкому правительству. Но почему такъ?! Развѣ не добровольно подписалъ Абдуль-Гамидъ великій актъ о равенствѣ передъ законами всѣхъ безъ исключенія народовъ, подвластныхъ его коронѣ?..

На эти вопросы никто не давалъ прямого отвѣта: въ дворцовыхъ сферахъ, напримѣръ, говорили, что Мидхатъ-паша обманулъ вообще довѣріе султана, а по версіямъ изъ дипломатическаго міра „новорожденный“ парламентъ оказался будто бы неработоспособнымъ и, такимъ образомъ волей-неволей его пришлось распустить; но въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ интернаціональной прессы рассказывали такія удивительныя легенды, что повторять ихъ было бы даже не умно: кому не извѣстно, что за границей пишутъ о насъ лишь однѣ глупѣйшія сказки; но для курьеза отмѣчаю только одну изъ нихъ, гдѣ авторъ, не стѣсняясь границами своей дикой фантазіи, увѣрялъ публику, что закрытіе первой сессіи турецкаго парламента не обошлось конечно безъ интригъ русской дипломатіи да еще при благосклонномъ якобы участіи бѣлыхъ медвѣдей, казаковъ и... *самоваровъ!*

Какъ могло это случиться — никто не спрашивалъ, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ исчерпанъ. Зато эллинскія газеты, руководимыя изъ Аѳинъ политикою задора, отводили, какъ говорится, душу во всю: на ихъ страницахъ въ лучахъ розовыхъ перспективъ древняя Византія уже склоняла голову передъ Императоромъ „Константиномъ“, еще тогда носившимъ титулъ герцога Спартанскаго и „діадоха“¹⁾ греческаго престола. Къ моменту, о которомъ идетъ сейчасъ моя рѣчь, ему было всего лишь 9 лѣтъ, и каждый туристъ, посѣщавшій столицу древней Эллады, свободно могъ созерцать его въ извѣстные часы играющимъ въ лошадки съ дѣтьми горожанъ на какой-нибудь площадкѣ сквера или же гуляющаго съ нянькой по широкимъ аллеямъ великолѣпнаго аѳинскаго бульвара. И дѣйствительно, образъ жизни королевской семьи поражалъ иностранца своими упрощенными формами, которыя, вообще, не могли отвѣчать нашимъ условнымъ понятіямъ объ этикетѣ: королева, напримѣръ, ѣдила въ гости къ обыкновеннымъ смертнымъ и заходила въ магазины, чтобы купить себѣ пер-

¹⁾ Въ буквальномъ переводѣ съ греческаго „преминикъ“.

чатки или шляпку, а ея августѣйшій супругъ проводилъ нерѣдко часть - другой времени за кружкой пива въ какойнибудь brasserie на улицѣ Гермеса. Въ данныхъ случаяхъ присутствіе монарха нисколько не стѣсняло публику и не роняло въ ея глазахъ престижа королевской власти. Но мнѣ хотѣлось бы сказать въ этой главѣ еще нѣсколько словъ о малолѣтнемъ діадохѣ, вокругъ имени котораго эллинскій народъ строилъ и продолжаетъ до нашихъ дней включительно строить воздушные замки, населяя ихъ плѣнительными грезами и красивыми легендами. А вотъ одна изъ нихъ, и хотя она извѣстна каждому образованному человѣку, но я тѣмъ не менѣе передаю еѣ здѣсь. Мы знаемъ также, что христіанская исторія храма св. Софіи начинается въ царствованіи Константина Великаго, а заканчивается тѣмъ моментомъ, когда султанъ Магометъ II во главѣ своихъ полководцевъ вѣзжаетъ на конѣ въ соборъ и провозглашаетъ формулу Ислама: „Нѣтъ бога кромѣ бога, а Магометъ пророкъ его“. Такъ говоритъ лѣтописецъ а греки еще добавляють къ этому легенду объ одной замураванной двери, черезъ которую будто бы скрылся патріархъ съ чашей св. Даровъ въ ту роковую минуту, когда турки ворвались въ храмъ св. Софіи. Но таинственная дверь, гласить преданіе, откроется сама собой: оттуда появится священнослужитель и въ присутствіи „императора Константина“ докончить литургію, прерванную 29-го мая 1453 года...

На этихъ туманныхъ преданіяхъ греки и строили свою политику, въ которой имя діадоча „Константинъ“ занимало первое мѣсто. Такъ шло время: о благахъ конституціи даже въ газетномъ мірѣ перестали говорить, и жизнь обывателя на патріархальномъ островѣ стала входить въ свою прежнюю колею.

Но вотъ 7 апрѣля рано утромъ, когда я спала еще крѣпкимъ сномъ, меня вдругъ разбудилъ голосъ тети Marie: „Вставай! Вставай! — повторяла она тревожно, при чемъ слезы катились градомъ изъ ея глазъ:—надо собираться и укладываться...

— Боже мой, что случилось?! Что такое — революція? Мидхатъ-паша?..—спрашивала я, дѣлая усилія понять ее.

— Война! Война Россіи съ Турціей, — перебила она: — дядя получилъ условную телеграмму изъ нашего посольства — какой ужасъ! Неужели еще мало крови?! Теперь

ясно какъ день, для чего распустили парламентъ!.. Ахъ, какую ужасную роль играетъ христіанская Европа!..

И дѣйствительно это былъ ударъ судьбы для восточныхъ христіанъ, такъ какъ они наивно вѣрили, что западная дипломатія лишь ради ихъ прекрасныхъ глазъ навязала Абдуль-Гамиду свою конституцію, чтобы такимъ образомъ безъ всякихъ потрясеній рѣшить навсегда большой вопросъ о реформахъ и тѣмъ избавить міръ отъ зрѣлища кровавой борьбы за права человѣка подъ небомъ Оттоманской имперіи...

Но Европа менѣе всего думала о такихъ мелочахъ: ей надо было, какъ знаемъ мы теперь, собрать чужими руками обильную жатву на берегахъ классическихъ морей, и вотъ куда вела она покорную ей Турцію...

Безумная тоска захватила всѣ фибры моей души, и я увидѣла словно на экранѣ волшебнаго фонаря что-то безконечно дорогое и страшно близкое мнѣ; но въ слѣдующее короткое мгновеніе точно какая-то невидимая рука вдругъ стала опускать темную занавѣсъ надъ милымъ видѣніемъ и скрыла отъ меня призраки минувшаго...

Г л а в а XLIII.

По расписанію на другой же день, 8-го апрѣля прибывалъ изъ Яффы пароходъ „Императоръ Александръ II“; но это былъ уже послѣдній нашъ рейсъ въ турецкихъ водахъ.

Но такъ какъ по служебному долгу мой дядя обязанъ былъ увезти бумаги консульства и архивъ агентства до начала военныхъ дѣйствій, то ничего другого не оставалось, какъ бросить домъ на волю судьбы, а укладывать въ ящики только этотъ хламъ, который представлялъ собою цѣлыя горы пакетовъ и шнурованныхъ книгъ, занимавшихъ на протяженіе 25 лѣтъ весь чердакъ агентской конторы.

Надо было видѣть картину нашего отъѣзда изъ Хиуса, чтобы никогда не забыть ее: я все это вижу и теперь, закрывъ глаза, когда вереница воспоминаній уноситъ меня къ берегамъ синихъ морей, въ царство прелестныхъ видѣній и классическихъ образовъ. Почти все населеніе города, а также изъ дальнихъ плантацій явилось проводить насъ, и зрѣлище это вызвало бы у наблюдателя слезу умиленія — достаточно будетъ сказать, что даже наши политическіе враги, турки, наперекоръ логикѣ фанатизма

пришли также выразить намъ свои добрыя чувства. Бѣдный Хассанъ-эфенди прямо рыдалъ надо мной; гаремныя дамы плакали и увѣряли, что якобы въ моемъ лицѣ онѣ теряли послѣднiя лучъ свѣта, проникавшiй въ ихъ унылое существованiе изъ вѣшняго мiра. До нѣкоторой степени это была правда, такъ какъ затворницы Востока чрезвычайно любятъ общество иностранокъ, а ихъ визиты къ нимъ разсматриваются въ гаремахъ, какъ событiя первѣйшей важности. Къ сожалѣнiю, по нѣкоторымъ мотивамъ дипломатическаго свойства ни самъ Кiамиль-паша, ни его семья не могли находиться въ числѣ провожавшихъ насъ, и я уѣхала, не сказавъ даже прости моей бывшей подругѣ. Нашъ вѣрный слуга и другъ, кавасъ Али, также рыдаетъ, какъ ребенокъ, и отчаянiе бѣднаго старика не знаетъ границъ. Уложить всю обстановку дома не пришлось; но друзья выручили и здѣсь: все наше личное имущество они забрали къ себѣ на храненiе до окончанiя войны и, такимъ образомъ, устроили дѣло...

Но вотъ и послѣднiй моментъ нашего отъѣзда изъ страны, которая была для меня земнымъ раемъ, гдѣ подъ шатромъ вѣчно голубого неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленью южной флоры, долинъ, покрытыхъ розами, синей, какъ индиго, водой у береговъ—я пережила экстазъ любви короткой весны моей жизни. Послѣднiя слезы, объятiя, горестныя восклицанiя, а затѣмъ лодка греческаго консула перевозитъ насъ къ спущенному трапу съ палубы „Александра II“. Мы поднимаемся наверхъ и вступаемъ, такимъ образомъ, подъ сѣнь нашего русскаго флага...

Ночь зажигаетъ на черномъ фонѣ небосклона яркiя звѣзды: вотъ и Большая Медвѣдица раскинула свою громадную колесницу и смотритъ, не моргая глазами, на уснувшiя волны, по которымъ тихо скользятъ нашъ плавучiй домъ, гдѣ все населенiе заснуло, убаюканное нѣжнымъ шопотомъ Эгейскаго моря и равномернымъ стукомъ машины.

На палубѣ никого — только порхая съ мачты на мачту гуляетъ и рѣвится свѣжiй вѣтерокъ.

Морфей протягиваетъ мнѣ также свои объятiя; но я убѣгаю отъ него и остаюсь одна, чтобы разобраться въ хаосѣ тѣхъ противорѣчiй, которыя наполняли всю мою душу.

Съ каждымъ поворотомъ винта дальше и дальше уходитъ отъ меня милый, незабвенный островъ, и я прощаюсь

съ пимъ навсегда. Долго еще тянутся очертанія Хіоса, а затѣмъ мы углубляемся въ бурный потокъ Чапдарли, этой Сциллы и Харибды турецкаго Архипелага; здѣсь бѣшенныя волны принялись штурмовать насъ, раскачивая то вправо, то влѣво могучій корпусъ нашего „Александра II“; но я уже не въ силахъ держаться на ногахъ и ухожу въ каюту, гдѣ погружаюсь въ хаосъ болѣзненныхъ видѣній.

На утро, осторожно лавируя въ тѣсной бухтѣ Смирнскаго залива, мы бросаемъ якорь: агентская лодка „Русскаго Общества“ встрѣтила насъ и, подброшенная волной до уровня трапа, передала капитану срочную денешу. Тогда оказалось, что по распоряженію адмирала Чихачева „Александръ II“ немедленно долженъ былъ покинуть гавань и уходить къ Дарданеламъ, чтобы не позже 7 часовъ утра слѣдующаго дня выбраться изъ нихъ въ Мраморное море. Такъ гласилъ приказъ, и не прошло 20 минутъ, какъ загремяли опять цѣпи якорей, пароходъ, нѣсколько разъ вздрогнувъ, точно его била лихорадка, повернулся носомъ къ выходу изъ бухты, а затѣмъ набережная и городъ стали уплывать назадъ.

Я стою на верхней палубѣ, вооруженная сильнымъ биноклемъ, и съ напряженнымъ любопытствомъ рассматриваю знакомыя картины, чтобы навсегда удержать ихъ въ моей памяти.

Теперь мы несемся вдоль берега древней Трои: вотъ могила Ахиллеса, высокій холмъ, окутанный зеленью и кустарникомъ; далѣе еще возвышенія, подъ которыми, гласитъ устное преданіе, лежатъ развалины царства Пріама; но сколько я ни наводила туда зрительныя трубки, а въ окуляры ихъ ни разу не попадала тѣнь „прекрасной, широколилейной“, какъ называлъ ее Гомеръ, супруги Атрида Мелелая, ни очаровательнаго ловеласа античнаго міра, красавца Париса, ни „царя царей“ Агамемнона или же, на примѣръ, храбрѣйшаго полководца Троянской эпохи Гектора, сраженнаго „сыстроногимъ“ Ахилломъ, и другихъ богоподобныхъ лицъ, воспѣтыхъ Гомеромъ.

— „Sic transit gloria mundi“ — повторяла я, удивленная такимъ оборотомъ дѣла; но, вспомнивъ, что всѣ эти господа уже давно перекочевали въ оперетку, съ негодованіемъ отошла въ сторону отъ нихъ. Зато родныхъ братьевъ „прекрасной Елены“, славныхъ діоскуровъ¹⁾, боговъ мореход-

1) Сыновья Зевса.

ства, Кастора и Поллукса я видѣла очень ясно въ ту историческую ночь, горѣвшими, какъ брильянты въ области созвѣдія Близнецовъ.

— Господа, кто желаетъ! Дарданеллы! пожалуйста наверхъ!—такъ говорила прислуга, обходя всѣ каюты. Было всего только пятый часъ утра: солнце еще не поднималось надъ горизонтомъ; но красная лента восхода уже тянулась по небосклону, разгоняя ночныя тѣни. Проходитъ минута, другая, и все населеніе „Александра II“, покинувъ душныя койки, бѣжитъ наверхъ. Осторожно и точно оглядываясь, входимъ мы въ роковой проливъ.

Картина внушительная: обставленные высокими горами въ нѣсколько ярусовъ, оба берега превращены въ земляныя и каменныя укрѣпленія, откуда сурово глядятъ ряды крупновскихъ пушекъ.

Два лоцманскихъ бота встрѣчаютъ нашъ пароходъ и ведутъ его по узкому фарватеру черезъ площадь минныхъ загражденій. Сильное теченіе уноситъ пароходъ все дальше и дальше, а мы переживаемъ моменты глубокой тревоги. Но и было надъ чѣмъ задуматься: подъ волнами, на гребняхъ которыхъ тихо скользятъ наше временное убѣжище, лежатъ страшныя торпеды: всего лишь одинъ невѣрный поворотъ за лоцманомъ, и мы взлетимъ къ облакамъ! Положеніе не изъ пріятныхъ, а главное исключительное: война хотя пока не официально, а уже объявлена — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, такъ какъ не стануть же воевать спеціально изъ-за одного пущеннаго къ дну непріятельскаго судна?..

Наконецъ „Александръ II“, елѣдую за лоцманами, дѣлаетъ крутой поворотъ въ стороны фортовъ Чанакъ и Килидъ Бахра, гдѣ ширина пролива измѣрена не болѣе, какъ въ $\frac{1}{4}$ версты. Здѣсь турецкіе путеводители ведутъ насъ такими мудренными зигзагами, что пароходу' нашему ничего другого не остается, какъ переломиться на двѣ равныя части: весь онъ трещитъ и гнется, лавируя между торпедами; но въ концѣ концовъ измученный, усталый выходитъ изъ этого ада и несется въ пространство Мраморнаго моря. Безпокойная зыбь пролива не докатывается сюда, а синяя вода, отражая, какъ въ зеркалѣ, огненные блики солнца, тихо и робко журчитъ подъ кормою „Александра II“..

Къ 4 часамъ дня мы уже находились въ предѣлахъ Босфора.

Е. Рагозина.



За пятьдесятъ лѣтъ¹⁾.

Воспоманія артистки М. М. Глѣбовой.

(Окончаніе).

Г л а в а 13.

Изъ ближайшихъ для меня ролей и очень отвѣтственныхъ была роль городничихи. Комическое впечатлѣніе производила я, 17 лѣтняя жена Сквозника-Дмухановскаго рядомъ со своей дочерью героиней въ пятьдесятъ лѣтъ. Замѣнить меня не было возможности. Приглашенная на это артистка не пріѣхала, а комическая старуха играла свою излюбленную роль Пошлепкиной. Какъ я играла эту роль, не знаю, не могу дать себѣ отчета. Должно быть выходило жалко и смѣшно. Изъ лица моего парикмахерь устроилъ цѣлую географію, наклеили сѣдья брови, во молодость не замажешь, и я походила на кого угодно, но только не на городничиху.

Время шло, наступила зима. Жила я впроголодь, а обшубенкѣ нельзя было и думать. Вотъ я и ходила въ лѣтнемъ бурнусикѣ и въ дырявыхъ ботинкахъ. Купить было не на что, все мое жалованье почти цѣликомъ уходило на надобности сцены. Чтобы не такъ были замѣтны зянія на ботинкахъ, я купила черные вѣтяные чулки. Въ одинъ изъ спектаклей меня познакомили съ морякомъ, занимавшимъ въ городѣ видное положеніе. Сидитъ онъ у меня въ уборной, а я заговорила и не успѣла ноги подобрать чтобы изъянь ботинокъ спрятать, да на зло еще были надѣты свѣтлые чулки. Морякъ улыбнулся и говоритъ:

— Вы, барышня, не стѣсняйтесь, бѣдность не порокъ, а большое свинство. Я вамъ пришлю матроса, онъ вамъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

сошьеть ботинки на славу! Прочные будутъ на удивленіе! Лѣтъ десять пронесите! Желаете?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я такъ..., — отвѣчала я, вся покраснѣвъ до корней волосъ.

— Такъ не годится. Можетъ, денегъ нѣтъ, такъ онъ подождетъ... Я прикажу. Сошьеть онъ изъ коннаго матеріала... подождетъ... Это уже мѣняло дѣло. Слово „подождетъ“ было магическимъ, и я согласилась. Я приходила домой съ окоченѣвшими погами, красными, какъ у гуся, и даже раза два приходилось оттирать тѣ пальцы, что съ любопытствомъ смотрѣли на свѣтъ Божій. Туфли, легкія для сцены, я бы умирала, не надѣла. Это была неприкосновенная святыня. Я написала свой адресъ и дала благодѣтелю рода человѣческаго. Такимъ мнѣ показался сѣдовласый морякъ. На другой же день явился матросъ, снялъ мѣрку и ушелъ, я даже не спросила о цѣнѣ, въ ожиданіи пришлось по-прежнему черпать снѣгъ и морозить ноги. Прошла недѣля, и рано утромъ ко мнѣ явился матросъ, въ рукахъ онъ держалъ пару ботинокъ на резинкахъ. Какъ матросъ, онъ ихъ сдѣлалъ очень похожими фасономъ на барки, а подошвы были такъ толсты и крѣпки, что когда я надѣла ботинки и пошла, то онѣ застучали, какъ коло-тушка ночного сторожа, я была въ восторгѣ. Конецъ морозенью ногъ.

— Барышня, обратился ко мнѣ матросикъ, ботиночками не нахвалитесь. Командиръ изъ остатковъ приказалъ сшить, да и фасонистые, въ магазинѣ не сошьютъ лучше..

Я поблагодарила, дала ему гривенникъ на чай, и матросикъ довольный ушелъ. Какъ только онъ скрылся за дверью, я отъ радости захопала въ ладоши и прошлась мазуркой. Выходило великолѣпно! Подошвы отстукивали такъ, что самый усердный турецкій барабанъ не смогъ бы заглушить. Ходила я уже смѣло, ногъ не прятала и была очень довольна тѣмъ, что почти всѣ смотрѣли на мои ботинки. Я приписывала это ихъ эффектной виѣшности. Тѣмъ же менѣе и въ ботинкахъ жить было трудно, ахъ, какъ трудно! Ъла Богъ знаетъ что, пила гадкій чай, прикусывая сахаромъ и стряхивая въ чай сахарный соръ. Работала я много и играла, и танцевала, и въ живыхъ картинахъ участвовала, и въ водевиляхъ пѣла, и мимическія сцены изображала, а домой прійдешь—кушать нечего. Походишь, поищешь, не заболтался ли гдѣ кусочекъ хлѣба. Найдешь, хорошо, а не найдешь—тоже хорошо. Жалованье выплачи-

валось копѣйками и не полностью. Да что говорить, тяжело было. Какъ-то по театру пронесся слухъ, что пріѣхалъ знаменитый артистъ Николай Карловичъ Милославскій, что онъ намѣренъ кое-кого взять для Харькова. Всѣ подтянулись, пріодѣлись. Актриса, изображавшая бѣдную женщину, надѣла свой лучшій туалетъ, актеры безъ надобности понадѣвали фраки. У одного второстепеннаго актера не было въ манишкѣ запонки, такъ онъ ихъ нарисовалъ гриммированнымъ карандашомъ. Я играла водевиль и танцевала. Представьте мой ужасъ. Послѣ спектакля Милославскій подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Хочешь служить въ Харьковѣ?

Я что-то пробормотала, появился антрепренеръ мой, здѣшній. Онъ заискивающе обратился къ Милославскому.

— Михаилъ Карловичъ, Вы ужъ не сманивайте у меня актрису, а то я вынужденъ буду прекратить дѣло.

— Пошелъ прочь,—оборвалъ его Милославскій. Антрепренеръ спрятался.—Жалованья будешь получать сорокъ рублей.—Переговоривъ съ комиками и комической старухой и давъ на дорогу, онъ уѣхалъ домой. Мы трое на другой день собрали свои пожитки, наняли лошадей и на перекладныхъ маршъ въ путь-дорогу. Я въ легкомъ бурнусѣ...

Когда все уже было уложено, и я должна была садиться въ кибитку, отворяется дверь и является матросикъ, работавшій мнѣ ботинки. Видъ его былъ смущенный, онъ обратился ко мнѣ:

— Вы барышня уѣзжаете?

— Да, уѣзжаю...

— Командиръ приказалъ отобрать ботинки...

Разорвавшаяся неожиданно бомба не могла меня изумить больше, чѣмъ это заявленіе.

— Какъ же я...

— Не могу знать, приказано снять и привести на квартиру...

Матросъ двинулся ко мнѣ. Я сѣла и покорно вытянула ноги. Матросъ, снявъ ботинки и завернувъ ихъ въ ситцевый платокъ, ушелъ. Я сидѣла босая и уже не плакала. Ужасъ положенія заморозилъ меня. Сидѣла я часъ, сидѣла два. Наконецъ, ожидавшіе меня комикъ и старуха, съ которыми я должна была ѣхать, прибѣгаютъ ко мнѣ. Узнаютъ въ чемъ дѣло и разводять руками. Наконецъ подумавши комикъ беретъ листъ бумаги, велитъ поставить мнѣ на нее ногу, обчерчиваетъ и бѣжитъ къ Милославскому. Тотъ

залился смѣхомъ и вынулъ пять рублей на ботинки. Комикъ едва его засталъ, черезъ минуту онъ уже уѣхалъ. Словомъ, ботинки были куплены, и мы тронулись. Меня посадили въ середину, чтобы было теплѣй. Какое тутъ! Вѣтеръ свистѣлъ и рвалъ и проникалъ до мозга костей. Я стучала зубами и начала каменѣть. На мое счастье перегоня былъ небольшой, и мы вошли въ домъ. Меня отогрѣли и когда мы двинулись дальше, я была завернута въ свое одѣяло и въ одѣяло комической старухи. Это было болѣе чѣмъ тепло. Это было и хорошо и удобно. Я чувствовала себя счастливой. Словомъ, меня какъ Аркашку доставляли на мѣсто службы. Съ тою только разницей, что меня заворачивали въ одѣяло, а его въ коверъ. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а какъ только наступаетъ моментъ отъѣзда, закатаютъ. Ъхали мы долго, питались болѣе чѣмъ скромно. Передъ самымъ Харьковомъ на насъ напали волки, но лошадь подхватила и донесла насъ до слободки. Волки, почуя жильѣ, отстали, и мы нѣсколько времени слышали ихъ неприятный вой. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили остановиться гдѣ-нибудь подешевле, а стало быть подальше, и вотъ нашъ послѣдній возница высадилъ насъ въ заѣзжемъ домѣ. Мы съ комической старухой помѣстились вмѣстѣ. Я попала въ хорошую труппу. Тамъ служили артисты и артистки, которые потомъ приобрѣли большую извѣстность. Жилось мнѣ нѣсколько легче. Сорокъ рублей мнѣ казались чѣмъ-то большимъ. Роли раздавались толковѣй, и режиссеръ проявлялъ свою дѣятельность. Объ этомъ я поговорю подробнѣй.

Г л а в а 14.

Въ Харьковѣ я прослужила два сезона. Особенно отвѣтственныхъ ролей я не играла, но тѣмъ не менѣе исполняла роли видныя. Преимущественно водевили. Николай Карловичъ Милославскій, часто режиссировавшій, находилъ меня очень способной, и я играла нѣкоторыя роли подъ его наблюденіемъ и пользовалась его совѣтами. Затѣмъ у меня явилась мысль поѣхать искать счастья въ Петербургъ. Скопивъ рублей двѣсти денегъ, я, взявъ съ собой мою горничную, которая была очень привязана ко мнѣ, отправилась въ Петербургъ, не представляя себѣ дороговизны жизни и трудности достать работы. Когда я ѣхала съ вок-

зала, видъ столицы, ея суетливая жизнь поразили меня, и я почувствовала страхъ. Все было холодно и чуждо, и моя горничная казалась мнѣ близкимъ и дорогимъ существомъ. Я сказала, чтобы извозчикъ везъ меня въ гостиницу, но не объяснила въ какую. Я думала, что и въ Петербургѣ можно имѣть номеръ за десять рублей въ мѣсяцъ, а за пятнадцать представляла себѣ палатку. Подѣхали мы къ гостиницѣ „Франція“ на Малой Морской улицѣ. Меня высадили швейцары и—о ужасъ!—помѣстили въ номеръ, стоящій тридцать пять рублей по-мѣсячно. Отказаться у меня не хватило рѣшимости, и мнѣ просто-на-просто было совѣстно. Куда обратиться, я не знала; объ Императорской сценѣ не смѣла думать, а частныхъ театровъ, къ моему ужасу, тогда не оказалось.

Время шло, деньги таяли, и вотъ, какъ-то заглянувъ въ кошелекъ, я увидѣла въ немъ послѣдніе 15 рублей. Хорошо, что за номеръ еще разъ было уплачено впередъ. Положеніе критическое, и вотъ мы съ горничной цѣлый мѣсяцъ (фактъ) питались салатомъ, приправу для котораго т. е. прованское масло брали бесплатно въ буфетѣ. Это было форменно голодное существованіе. Какъ-то въ газетѣ я прочла что-то объ управляющемъ Императорскими театрами графѣ Борхѣ. Это и главное голодъ натолкнули меня на мысль ѣхать къ нему и просить дебюта. Въ Харьковѣ я имѣла большой успѣхъ въ роли Полины („Доходное мѣсто“ Островскаго) и рѣшила въ этой роли появиться передъ петербургской публикой; не испытывая я голодъ, мнѣ бы никогда не пришелъ въ голову такой рѣшительный шагъ. Узнавъ, когда графъ принимаетъ, одѣвшись въ черное платье, собственно подходящее для визита, я наняла извозчика и поѣхала. Въ приемной не было никого. Было очень рано. Наконецъ, появился чиновникъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснила. Онъ записалъ въ книжку. Приемная стала наполняться, и мнѣ было почему-то и страшно и совѣстно. Мнѣ казалось, что всѣ знали о моемъ салатѣ съ прованскимъ масломъ и догадывались о причинѣ, меня въ приемную толкнувшей. Вызывали по очереди, моя была первая.

— Мадамъ Глѣбова, пожалуйста, вызвалъ меня чиновникъ. И вотъ мадамъ Глѣбова съ упавшимъ сердцемъ, съ дрожащими колѣнами двинулась въ кабинетъ управляющаго театромъ. Войдя, я увидѣла старика высокаго, гладко-причесаннаго, одѣтаго въ черный сюртукъ. Это былъ въ

полномъ смыслѣ баринъ-аристократъ. Онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и попросилъ сѣсть. Лицо его свѣтилось такой добротой и привѣтливостью, что робость моя спала на половину.

— Вы желаете дебютировать?— обратился ко мнѣ съ вопросомъ графъ.

— Да,— отвѣчала я.

— Къ сожалѣнію, это невозможно...

Эта фраза разомъ погубила меня.... Я беспомощно заморгала глазами и вертѣла носовой платокъ. Видъ мой былъ жалокъ и видно тронулъ графа. Онъ снова заговорилъ:

— Дебютъ невозможенъ потому, что теперь вторая половина сезона. Въ это время дебюты не разрѣшаются, Вы явились въ неудобное время. Вы изъ провинціи?

— Да...

Слезы потекли по моему лицу...

— У васъ есть въ Петербургѣ родные, знакомые?

— Нѣтъ. У меня только горничная...

Графъ улыбнулся.

— А средства есть?

— Нѣтъ...

— Какъ же вы будете жить?

— Не знаю...

Графъ задумался.

— Бываете въ театрахъ?

— Нѣтъ...

Графъ удивленно посмотрѣлъ.

— Почему?

— Денегъ нѣтъ,— бухнула я.

Графъ снова улыбнулся и снова задумался.

Онъ молчалъ, я тоже...

— Ну вотъ что, началъ онъ въ третій разъ разговоръ, я, если хотите, дамъ вамъ дебютъ, но не на сценѣ Александринскаго театра, а на сценѣ Императорской школы. Желаете?

Я такими радостными и счастливыми глазами посмотрѣла на графа, что давать словеснаго согласія не пришлось. Онъ всталъ. Я тоже.

— Прошу васъ оставить Вашъ адресъ у чиновника. Запишите тоже въ чемъ желаете выступить. До свиданія.

Графъ протянулъ мнѣ руку. Аудіенція была кончена. Я вышла. Въ приемной было много мужчинъ и женщинъ. Мужчины были все бриты. Я подошла къ чиновнику и

весело улыбнулась, попросила его записать адресъ, онъ тоже невольно улыбался, занесъ въ свою книжечку мое мѣсто-жительство, нааваніе пьесы, и я ушла. Выйдя на улицу, я готова была каждому встрѣчному повѣдать мою радость, ноги не шли, а несли меня. Я думала, что если дебютъ данъ, то дѣло въ шляпѣ. Войдя въ номеръ, я бросилась на шею горничной и плакала слезами радости. Мнѣ и моей вѣрной спутницѣ было хорошо; мы были счастливы, вполне счастливы.

На другой день, часовъ въ десять утра въ мой номеръ постучались. Я сама отворила дверь, и передо мной стоялъ театральнй курьеръ съ конвертомъ и книгой. Онъ просилъ расписаться. Я исполнила. Онъ ушелъ. Разорвавъ конвертъ, я была поражена. Въ немъ было письмо и двѣсти рублей денегъ. Это прислалъ Борхъ, объяснивъ, что это мнѣ, какъ молодой артисткѣ, которой необходимо посѣщать театры, на театральныя удовольствія. Я прямо застыла. Обратилась въ соляной столбъ. Горничная намѣревалась всплеснуть руками, но тоже замерла, и ея рука остановилась въ воздухъ. Сумма эта спасла меня. Впервые мы обѣдали и съѣли четыре обѣда. Послѣ мѣсячнаго питанія салатомъ, это немного, смѣю увѣрить, немного. Затѣмъ доживъ до срока, мы отыскиали себѣ дешевую комнату и переѣхали. О перемѣнѣ адреса я заявила въ контору Императорскихъ театровъ. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала дебюта.

Но не все такъ скоро дѣлается, какъ желаешь... Улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

Я заходила въ контору театровъ, справлялась, но никакого распоряженія и увѣдомленія не было. Я уже стала думать, не забылъ ли графъ, не передумалъ ли, и разныя непріятныя мысли лѣтали мнѣ въ голову. Деньги я берегла, какъ зеницу ока.

Кушанье готовили дома, и я рѣшилась опять начать ѣсть салатъ, но дожидаться желаемого дебюта.

Раза два я позволила себѣ пойти въ Александринскій театръ. Я была очарована игрой старика Сосницкаго, Самойлова и старухи Линской. Боже, какіе это были чудные актеры. Да вообще труппа мнѣ казалась очень хорошей, неужели, думалось мнѣ, и я когда-нибудь заиграю на этихъ подмосткахъ. Неужели? Я снова набиралась терпѣнія и ждала. Я не помню точнаго времени, сколько пролетѣло его, но... снова появился курьеръ. Я расписалась въ полученіи казеннаго пакета. Разорвавъ его, я въ немъ денегъ

не нашла, а мнѣ назначили часъ явиться къ начальнику репертуарной части Павлу Степановичу Федорову.

Явиться я должна была черезъ нѣсколько дней, и эти дни тянулись педѣлями. Но вотъ насталъ завѣтный часъ отъѣзда, и я опять отправилась на мытарство. Жилъ Федоровъ у Александринскаго театра, на казенной квартирѣ. Я позвонила. Отворилъ швейцаръ и довольно грубо спросилъ:

— Вамъ кого:—начальника?—и не дождавшись отвѣта и захлопывая передъ носомъ дверь, проговорилъ:—черезъ полчаса, рано.

Пріемъ былъ не изъ вѣжливыхъ, но я не теряла бодрости и пошла маршировать вокругъ театра. Маршировала я добросовѣстно и наконецъ снова пошла къ подъѣзду. Дверь была не заперта, и я вошла. Сняла верхнее платье и сѣла въ пріемной. Это была вполнѣ казенная комната. Народу стало прибывать, но немного. Человѣкъ восемь. Чиновника предварительнаго не было. Мы всѣ ждали, тоскливо поглядывая то на потолокъ, то на стѣны, то на мебель. Послышались шаги, отворилась дверь, и появился Павелъ Степановичъ Федоровъ..

Г л а в а 15.

Вошелъ старикъ ниже средняго роста. Выраженіе его лица было кисло-презрительное. Всѣ встали и приняли почтительный видъ. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, остановился на мнѣ и сейчасъ же повернулся спиной, обратясь къ одной изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ по очереди переговорилъ со всѣми. Разговоры были чисто театральные: объ отпускѣ, объ роляхъ и пр. Голосъ его былъ полуженскаго тембра, и губы шамкали; какъ я потомъ узнала, прозвали его актеры: губошленомъ. Всѣ разошлись, осталась я одна. Павелъ Степановичъ пошелъ къ себѣ. Неужели онъ забылъ обо мнѣ, подумала я, но начальникъ вдругъ повернулся и издали спросилъ, прищуривая глаза:

— Вамъ что? Вы вызваны? Вы Глѣбова?

— Да, это я...

— Гм... Дебютника желаете?

— Да.

— Обратились прямо къ графу... что-жь... хорошо... такъ дебютника?

Въ голосѣ его чувствовалось нотка раздраженія.

— Что жъ Вамъ графъ сказалъ?.. а?.. Дебютика дать нельзя? Не во время беспокоили?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что дебютъ дастъ...—осмѣлилась я возразить.

— Дастъ? Вотъ какъ! Вы, г-жа Глѣбова, такъ ли поняли? Среди сцены дебютовъ нѣтъ и быть не можетъ. И для васъ не могу ломать репертуаръ! Вамъ бы слѣдовало въ началѣ ко мнѣ обратиться... да-съ... ко мнѣ. Я начальникъ репертуарной части. Дебюта быть не можетъ! Совѣтую ѣхать въ провинцію, а тутъ—словомъ, ничего не выйдетъ!

Я рѣшилась идти напроломъ.

— Я знаю, графъ тоже сказалъ, что въ театрѣ дебюта быть не можетъ, но сказалъ, что дастъ мнѣ его на сценѣ Императорскаго училища.

— Знаю, знаю... но это забава... я думаю, что это вамъ не послужитъ ни къ чему... и не совѣтую настаивать...

— Нѣтъ, я все-таки прошу...

— Хорошо-съ... но это не скоро... Надо мнѣ время... затруднительно... Постомъ, Великимъ постомъ.

— Слушаю-съ...

— А въ чемъ бы вы желали похвастаться? Удивить насъ!

— Въ Доходномъ мѣствѣ...

— Такъ-съ... Какую же роль?

— Полины.

— Такъ-съ. Полину желаете играть... роль трудная. У насъ ее хорошая артистка играетъ. Выгодно ли будетъ сравненіе? Можетъ быть Юлиньку сыграете, или тамъ есть роль горничной. Роль небольшая и не отвѣтственная, спокойнѣй будетъ.

— Нѣтъ, я прошу въ Полинѣ меня выпустить.

— Стало-быть вы отъ предлагаемыхъ ролей отказываетесь? Я такъ и передамъ графу...

— Позвольте, я не отказываюсь, а прошу выпустить меня въ подходящемъ, въ чемъ я увѣрена.

— Но я предлагаю дебютъ въ другихъ роляхъ... Я передамъ графу, что Вы выбрали неудобную роль... а отъ удобныхъ отказываетесь.

Я поняла, что онъ меня жметъ и желаетъ выжить. Впереди салатъ, прованское масло... грудь мою сжало, и я, лишаясь сознанія, сказала:

— Какъ Вамъ, г-нъ начальникъ, будетъ угодно, но я поѣду еще разъ просить графа разрѣшить дебютъ въ Полинѣ.

Наступило молчаніе. И. С. Федоровъ шурился и шамкалъ губами. Я ждала. Онъ началъ.

— Что-жъ жаловаться на меня желаете?.. Хорошо-съ... чтобы не беспокоить пустяками графа... я устрою вамъ это..

Г л а в а 16.

Насталъ Великій постъ.

Наконецъ, желаемое извѣщеніе я получила. Меня вызвали на репетицію. На одной репетиціи присутствовали начальникъ репертуарной части. Ему кланялись, онъ отвѣчалъ, какъ будто это не касалось его. Я ему не поклонилась. Онъ прищурился, зашамкалъ губами и пристально посмотрѣлъ на меня. Я спокойно смотрѣла на него, но только смотрѣла. Сердце билось сильно, сильно, и откуда взялась храбрость—не знаю. Я только чувствовала, что передо мной мой врагъ. Почему, что, какъ? Это было для меня тайна. Вдругъ онъ быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ, шлепая губами:

— Вы меня не узнаете?

— Узнаю, отвѣчала я и сейчасъ же спросила: А вы меня?

— Какъ же, какъ же... г-жа дебютантка... ну, вотъ и дебютируйте.

Сказавъ это, онъ отошелъ и сталъ о чемъ-то говорить съ режиссеромъ Яблочкинымъ. Репетиція продолжалась. Режиссеръ сталъ у будки и почти на каждомъ словѣ останавливалъ меня. По-просту говоря; придирался. Останавливая и говоря, что я дѣлаю неправильно, тѣмъ не менѣе указаній не дѣлалъ никакихъ. Окружающіе не давали мнѣ тона, репетировали про себя, а я старалась играть во всю и чѣмъ болѣе придирался ко мнѣ г-нъ Яблочкинъ, тѣмъ я старалась играть въ тонъ. Репетиція окончилась. Ко мнѣ подошелъ режиссеръ и, надѣвая пенсне, произнесъ:

— Слабо-съ! Преждевременно-съ! Не по силамъ-съ! Совѣтую не дебютировать.

Я молчала.

— Какъ же вы рѣшаете, М-ме Глѣбова?

— Дебютировать, отрѣзала я.

— Какъ угодно-съ... Спектакль состоялся черезъ два дня.

Г-нъ Яблочкинъ повернулся на каблучкахъ и отошелъ. Я отправилась домой. На меня напала трусость. А что, если и впрямь я играю скверно? Но сейчасъ же передо мной вставалъ мой успѣхъ въ роли Полины въ Харьковѣ, отзывы газетъ, товарищей, и все это ободряло меня и я боролась страхъ. Ночью я просыпалась, точно отъ предчувствія чего-то сквернаго... затѣмъ засыпала и опять просыпалась.

Насталъ вечеръ спектакля. Я имѣла большой успѣхъ. Въ театрѣ присутствовалъ Государь Александръ II и великіе князья: Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ. Я видѣла, что они тоже мнѣ аплодировали, и была безумно счастлива. Насталъ антрактъ, послѣ моего лучшаго дѣйствія. Я стояла за кулисами, вдругъ ко мнѣ запыхавшись подбѣгаетъ Яблочкинъ и, любезно улыбаясь, произноситъ:

— Государь, Государь, пожелалъ васъ видѣть.

Я замерла и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Пожалуйте!

Я шла и чувствовала, что лишаюсь силъ. Въ глазахъ мутилось, дыханье останавливалось. На сценѣ я увидѣла Государя и великихъ князей. Меня поразили и ихъ красота, величіе и любезность. Государь удостоилъ меня разговоромъ, подалъ мнѣ руку, похвалилъ за игру, спросилъ, откуда я, гдѣ родилась и гдѣ воспитывалась. Послѣдній вопросъ засталъ меня врасплохъ, и я послѣ короткаго молчанія отвѣтила: я получила домашнее образованіе, меня папаша училъ. Государь улынулся, пожелалъ мнѣ успѣха. Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ тоже похвалили меня и ушли. Боже, какъ я была счастлива, какъ радостно билось мое сердце, какой восторгъ охватывалъ меня. Судьба моя была рѣшена, меня приняли на Александринскую сцену съ окладомъ въ 600 рублей въ годъ. Ахъ, какъ это было хорошо и много, и эта сумма мнѣ казалась куда больше, чѣмъ я впоследствии получала восемьсотъ и тысячу рублей въ мѣсяцъ.

Словомъ, я артистка Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, я добилась своего, и голодовка на пропала даромъ, да и начала мнѣ казаться чѣмъ-то отдаленнымъ. Точно все это было во снѣ. Меня кто-то поздравлялъ. Я кого-то благодарила. Раздѣвшись и разгриммировавшись, я въ казенной каретѣ-колымагѣ отправилась домой. Карета

была большая, широкая, старая и тряская. Медленнѣй я никогда въ жизни не ѣздила. Такой счастливой, какъ въ тотъ вечеръ, никогда до этого себя не чувствовала. Спала крѣпко и вѣроятно не видѣла сновъ.

Въ то время на Александринской сценѣ служили корифеи нашего искусства: Струйская, Стрѣльская, Жулева, Левкѣева, Сосницкій, В. В. Самойловъ, Сазоновъ и друг.

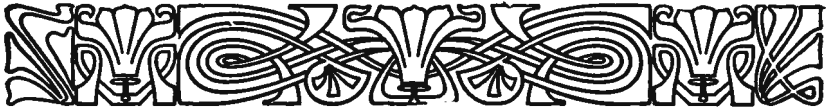
Дебютировала я въ роли Полины въ „Доходномъ мѣстѣ“ съ большимъ успѣхомъ, затѣмъ въ пьесѣ „Не первый не послѣдній“. Въ этой пьесѣ успѣхъ возросъ, и отдѣльныя фразы прерывались аплодисментами.

Никогда я не забуду слѣдующаго: во время аплодисментовъ г-нъ Никольскій началъ шептать мнѣ: „кланяйтесь, кланяйтесь, что же вы“. Я по глупости среди пьесы и давай откланиваться публикѣ. Кончился актъ, ко мнѣ подходитъ Сосницкій и говоритъ: „Зачѣмъ вы среди акта, стоя на сценѣ, кланялись, это не слѣдуетъ!“ Я ему и говорю: „это г-нъ Никольскій сказалъ мнѣ, чтобы я сдѣлала“. Старикъ удивленно отведъ глаза и только могъ сказать: „Какая мерзость! Не слушайте, не дѣлайте этого!“

Отношенія ко мнѣ графа Борха, чисто-отеческія, породили неудовольствіе. Режиссеръ Яблочкинъ сталъ меня тѣснить и заставлялъ играть въ опереткѣ Венеру, говоря: „Вы красавица, вы должны играть эту роль“, а роль была въ три слова, да и вообще у меня не было ни слуха, ни голоса. Прослуживъ годъ, я уѣхала въ провинцію, получивъ ангажементъ въ гор. Тифлисъ. Тамъ моими сослуживцами были такіе талантливые актеры, какъ напр. Градовъ-Соколовъ и Журинъ, а режиссеромъ былъ г-нъ Агравовъ. Съ этого момента я начала занимать первенствующее положеніе и пошла быстро въ гору.

Сообщ. П. Скуратовъ.





Копія письма Ивана Александровича Гончарова—
Петру Николаевичу Полевому.

Я очень радъ, многоуважаемый Петръ Николаевичъ, что, не смотря на свою лѣнь и неповоротливость, мнѣ удалось исполнить Ваши любезныя требованія относительно моей біографіи и фотографической карточки удовлетворительно, то есть во-время. Я боялся опоздать, потому что, какъ Вы говорили, Вамъ надо посылать карточки для гравированія въ Парижъ: а теперь, изъ письма Вашего вижу, что это дѣлается здѣсь, слѣдовательно, боязнъ моя и была напрасною. Въ такомъ случаѣ можно было бы подождать нѣсколько дней еще — такъ какъ на будущей недѣлѣ Г. Бергамаско обѣщаль приготовить образцы карточки во всѣхъ позахъ, въ которыхъ онъ меня снялъ—и Вы, увидѣвъ ихъ у меня, сами могли бы выбрать лучшую. Г. Крамской тоже обѣщаль написать въ Москву, чтобы сняли и прислали сюда нѣсколько карточекъ съ портрета его работы: такимъ образомъ есть возможность имѣть очень вѣрный портретъ. Но я нахожу, что это было бы дѣлать много шума изъ ничего и что посланный мною Вашъ образецъ вполне удовлетвори-теленъ. На Ваши дополнительные вопросы объ моей біографіи я очень радъ отвѣчать Вамъ, и лично и письмен-но и съ удовольствіемъ принимаю любезное Ваше предложе-ніе пожаловать ко мнѣ на будущей недѣлѣ. Если Вы избе-рете послѣдніе три дня, то, можетъ быть, тогда уже будутъ у меня готовы и всѣ прочія карточки. Застать меня можно

всегда—отъ трехъ до пяти часовъ: исключеніе можетъ быть только въ такомъ случаѣ, если хорошая очень погода выманитъ меня куда-нибудь въ Царское, Павловскъ или Петергофъ,—но это рѣдко. На нѣкоторые же изъ Вашихъ вопросовъ я готовъ отвѣтить сей часъ же: напримѣръ на вопросъ, о какихъ прежнихъ свѣдѣніяхъ, напечатанныхъ о моей біографіи, говорю я—я замѣчу, что напечатанныхъ я не видалъ и не знаю, были ли онѣ. Но ко мнѣ раза три обращались съ требованіями свѣдѣній—и я давалъ ихъ, и довольно подробно: но кому именно—теперь совсѣмъ забылъ. Помню однако, что отъ Мюнстера приходилъ какой-то господинъ, назвавшій себя, кажется Полонскимъ (но не одинъ изъ тѣхъ кого я знаю)—и я далъ страницы двѣ—три, изъ которыхъ Вы показывали мнѣ только три—четыре строчки. Куда дѣвались прочія свѣдѣнія я не знаю—и теперь затрудняюсь вновь давать свѣдѣнія, потому что многое и самъ забылъ о времени и чего добраго я могу впасть въ противорѣчіе съ данными прежде свѣдѣніями, если послѣднія гдѣ-нибудь печатались или будутъ напечатаны. Напримѣръ на вчерашнихъ моихъ листахъ я показалъ кое-какія названія читанныхъ мною книгъ, но я теперь отчасти забылъ, всѣ ли онѣ, и какія еще другія были въ разрозненной бібліотекѣ того священника, у котораго въ частномъ домашнемъ пансіонѣ я началъ учиться, или же нѣкоторыя изъ этихъ книгъ (и многія другія) я читалъ уже въ училищѣ—въ полной бібліотекѣ, и у себя дома и въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывалъ въ гостяхъ. Я и боюсь перепутать: тамъ показать одно, въ другомъ же мѣстѣ другое—и потому упомянулъ вчера сплошь, какія книги пришли мнѣ на память, читанныя мною въ дѣтствѣ (9, 10 и 11 лѣтъ) и потомъ въ юношествѣ до 18 лѣтняго возраста, т. е. до поступленія въ Московскій университетъ.

Считая все это неимѣющимъ никакого значенія, я и желалъ бы, чтобы просто сказано было: учился въ Московскомъ университетѣ по филологическому факультету и что обязанъ много вліянію Пушкина, Карамзина, новому тогда составу профессоровъ—Надеждина, Шевырева, Давыдова и здравымъ критическимъ понятіямъ въ новыхъ тогда журналахъ—Телескопъ, Телеграфъ и пр. Этого, кажется, весьма довольно, чтобы объяснить, какія обстоятельства и какая среда дѣйствовала на развитіе литературы. Отвѣтъ на этотъ первый вопросъ, я полагаю, можетъ служить отвѣтомъ и на вторые два: именно 2, о помѣщеніи слышанныхъ Вами

отъ меня подробностей въ моей біографіи и 3, о помѣщеніи туда цѣликомъ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній объ университет. жизни, сдѣланныхъ на статью Пыпина.

Я не смѣю стѣснять Васъ въ способахъ и предѣлахъ Вашего взгляда на біографіи вообще, относительно моей я только желаю, чтобы она была сдѣлана какъ можно короче. Я думаю, что строкъ 15—20 было бы за глаза довольно для меня, чтобы занять мѣсто въ исторіи литературы, и потому и старался дать требуемыя свѣдѣнія въ такомъ именно размѣрѣ. Замѣчаній моихъ Пыпину я еще не послалъ—если Вы желаете, я прочту ихъ вамъ вторично при свиданіи—представляя Вашему благоусмотрѣнію—извлечь изъ нихъ, что Вамъ будетъ угодно. Новаго и оригинальнаго въ нихъ ничего нѣтъ: въ послѣдней книжкѣ Вѣст. Европы, въ послѣдней статьѣ Пыпина говорится о томъ же, и гораздо полнѣе.

Я очень, очень Вамъ благодаренъ за доброе намѣреніе показать мнѣ предварительно до напечатанія мою біографію, а также и гравированный портретъ—и буду надѣяться на исполненіе этого обѣщанія, какъ и на продолженіе Вашего добраго ко мнѣ расположенія.

И. Гончаровъ.

Сообщилъ Э. П. Юргенсонъ.





Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—6 июля. Въ своихъ замѣткахъ за май позабылъ написать объ осмотрѣ складовъ Комитета Великой Княгини Маріи Павловны, снабжающаго одеждою нашихъ воиновъ, увольняемыхъ за ранами и болѣзнию на родину.

Весною этого года мнѣ пришлось подробно осмотрѣть эти склады, помѣщающіеся на Новгородской улицѣ. Всѣ помѣщенія, склады, а также веденіе этого весьма обширнаго дѣла любезно показывалъ стоящій во главѣ Комитета, бывшій преображенецъ, членъ Государственнаго Совѣта, неутомимый и энергичный Дмитрій Борисовичъ Нейдгардъ.

Запасы одежды очень велики: они занимаютъ громадное помѣщеніе. Чего только тутъ нѣтъ: и нижнее бѣлье, и теплая одежда, и сапоги, фуфайки и варежки и др.

Во время обхода я просилъ показать образцы изъ разныхъ мѣстъ склада. Было показано, и всѣ предметы оказались отличнаго качества.

Въ другихъ помѣщеніяхъ хранились матеріалы, доставляемые изъ глубины Россіи; изъ нихъ комитетскими мастерскими заготавливается одежда.

Нуждающіеся и подлежащіе увольненію на родину солдаты прибываютъ на Новгородскую улицу, здѣсь ихъ кормятъ, даютъ почлегъ, и если нужно, временно помѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

щаютъ въ прекрасно устроенный лазаретъ, одѣваютъ, снабжаютъ деньгами и отправляютъ, щеголевато и тепло одѣтыми, на родину.

Здѣсь устроено какъ бы отдѣленіе воинскаго начальника, которое выдаетъ за надлежащими подписями, скоро и быстро, всѣ слѣдующіе закономъ документы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ приводитъ описаніе дѣйствій нашего бронированнаго автомобиля, послѣ того, какъ нѣмцы, подъ прикрытіемъ свезенной громадной массы артиллеріи, переправились на нашъ берегъ Стохода и начали тамъ спѣшно укрѣпляться подъ защитой той же артиллерійской завѣсы. Выбить ихъ оттуда, такимъ образомъ, обычной пѣхотной атакой не было возможности безъ риска большого урона въ людяхъ. Тогда рѣшено было попробовать пустить въ дѣло одинъ изъ нашихъ бронированныхъ автомобилей. Получивъ приказъ о выступленіи, нашъ броневикъ съ поручикомъ М. тотчасъ же выѣхалъ на шоссе полнымъ ходомъ. Едва нѣмцы успѣли опомниться, какъ броневикъ очутился уже у ихъ передовыхъ цѣпей и началъ въ упоръ разстрѣливать оторопѣвшаго непріятеля изъ пулеметовъ. Несмотря на переполохъ, вызванный неожиданнымъ появленіемъ бронированнаго автомобиля, нѣмцы засыпали нашихъ смѣльчаковъ градомъ пуль и снарядовъ. Нѣмецкимъ солдатамъ въ послѣднее время во множествѣ были розданы особыя бронебойныя пули въ мѣдной оболочкѣ, противъ которыхъ съ трудомъ устоитъ лучшая англійская броня. Нѣмцы теперь стрѣляли этими пулями, но нашъ броневикъ былъ неуязвимъ и по прежнему методически своими пулеметами скашивалъ атакующія его группы нѣмцевъ, нагромождая горы тѣлъ. Вскорѣ нашъ броневой автомобиль оказался уже въ тылу непріятельской колонны войскъ. Нѣмцы не выдержали и съ крикомъ: „тейфель, тейфель!“ бросились вразсыпную, зажигая красныя ракеты, что являлось сигналомъ бѣдствія и вызовомъ подкрѣпленій.

На тревожные сигналы съ лѣваго берега Стохода поспѣшили на выручку разгромленнымъ частямъ два свѣжихъ батальона германской пѣхоты. Лишь только они перешли мостъ и очутились на нашемъ берегу, автомобиль былъ направленъ имъ навстрѣчу. Врѣзавшись въ толпу нѣмцевъ,

¹⁾ „Русское Слово“ 2 іюля с. г.

онъ переѣхалъ по ихъ тѣламъ черезъ мостъ, а оттуда началъ вновь свою убійственную работу. Видя себя отрѣзанными отъ моста, нѣмцы окончательно поддались паникѣ и, охваченные ужасомъ, стали въ безпорядкѣ разсыпаться по окрестнымъ болотамъ, ища спасенія въ густомъ кустарникѣ отъ губительнаго огня броневой машины.

Благопріятный моментъ замѣшательства въ рядахъ противника, конечно, нами не былъ упущенъ. Вслѣдъ за бронированнымъ автомобилемъ ринулась впередъ наша пѣхота и великолѣпно завершила блестяще начатое имъ дѣло. Наступленіе противника было отбито, и, кромѣ того, въ нашихъ рукахъ вновь оказалась переправа черезъ Стоходъ.

Начальникъ автомобиля, поручикъ М., представленъ за этотъ подвигъ къ высокой боевой наградѣ.

Баталіоны русскихъ войскъ, участвовавшіе въ парижскомъ парадѣ 14 іюля, возвратились сегодня вечеромъ на фронтъ. На пути отъ казармъ до вокзала населеніе устроило русскимъ солдатамъ грандіозную, незабываемую овацію. Огромная толпа, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сопровождала русскія войска по всему пути ихъ слѣдованія, привѣтствуя ихъ и забрасывая ихъ цвѣтами. Площади Согласія и Оперы, а также большіе бульвары были совершенно запружены народомъ. По улицамъ русскіе солдаты едва могли двигаться впередъ среди живыхъ шпалеръ. Незабываемое зрѣлище это превзошло своимъ народнымъ энтузіазмомъ наиболѣе прекрасные дни франко-русскаго союза. Проходя черезъ площадь Согласія, русскіе офицеры возложили цвѣты на статую Страсбурга.

Въ „Свѣтѣ“ г. Филипповъ рассказываетъ изумительную исторію съ типографіей Бенке въ Новомъ переулкѣ № 2 противъ Асторіи, на зданіи типографіи теперь красуется вывѣска съ государственнымъ гербомъ: „Типографія А. Бенке“, а г. Бенке живетъ въ Германіи и агитируетъ противъ Россіи во всю.

Газеты наполнены свѣдѣніями, какими подлыми и наглými путями нѣмцы захватили въ свои руки всю восковую торговлю Россіи, задушили русскихъ купцовъ и устранили другихъ ѣконкурентовъ.

Въ Парижѣ скончался Илья Ильичъ Мечниковъ.

9 июля. Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ¹⁾ передаетъ интересныя подробности о недавнихъ бояхъ въ Буковинѣ.

Германцы, чтобы спасти своихъ союзниковъ, стали спѣшно кидать имъ свою помощь. Въ первую голову подошелъ на нашемъ участкѣ корпусъ прямо изъ подъ Вердена. Мы и германцевъ покрошили, взявъ однихъ только плѣнныхъ пять тысячъ. Съ первыми полками подошедшихъ на помощь германцевъ вышла та же трагикомедія. Все еще надѣявшіеся на твердыни своихъ окопныхъ сооружений, подошедшіе германцы никакъ не ждали небывало быстрого передвиженія большихъ нашихъ силъ. Поэтому послѣ многодневной дороги, прибывъ къ назначенному мѣсту, германскіе офицеры передъ боями рѣшили вымыться въ ваннахъ, переодѣться, а тутъ, какъ снѣгъ на голову въ іюнѣ, наши войска. Немало германскихъ офицеровъ защищалось, а потомъ и бѣжало безъ штановъ, въ однихъ рубахахъ. Ясно, что все и личное, и войсковое добро прибывшихъ осталось нашимъ въ добычу.

Въ Черновицахъ и въ Буковинѣ были ваяты цѣлые погреба дорогихъ винъ: рому, коньяку, шампанскаго. Войскамъ нашимъ былъ устроенъ настоящій праздникъ. Подъ тѣмъ же Бучачемъ наши неожиданно нагрянули на одну станцію, а туда только-что телеграфировали съ сосѣдней:

— Будьте спокойны: идетъ помощь, сейчасъ отираваемъ три эшелона.

Наши, наскочивъ на станцію, заняли, конечно, телеграфъ и прочли телеграмму: идутъ три эшелона. Имъ приготовили встрѣчу. Подходятъ одинъ за другимъ три батальона, три тысячи солдатъ съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ и обозомъ, открываютъ двери вагоновъ,—имъ навстрѣчу изъ-за горъ шпаль и провіанта, изъ-за станціонныхъ зданій, дальше по линіи, изъ-за канавъ и кустовъ русскіе батальоны. Пулеметы, ружья наведены, каждый вагонъ ваятъ подъ обстрѣлъ. Въ вагонахъ суматоха, крики, отрывочныя команды, одни захлопываютъ двери, другіе хотятъ соскакнвать,—на нихъ наши со штыками. Кой-гдѣ раздались изъ вагоновъ одиночныя слѣпыя выстрѣлы.—тѣ вагоны тотчасъ же были осыпаны градомъ пуль. Все быстро смолкло,—сдались. Быстро обезоружили всѣхъ.

¹⁾ „Русс. Слово“ 7 іюля 1916 г.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ описывается такъ блестящая атака нашихъ славныхъ гусаровъ.

Это было 2-го іюня, въ 7 часовъ вечера, на фронтѣ боевого участка, о которомъ пойдетъ рѣчь. Наша пѣхота занимала окопы въ лѣсу у д. В... На его западной опушкѣ шагахъ 300—400 отъ нашихъ окоповъ, тянулись окопы противника, укрѣпленные тремя рядами проволочныхъ загражденій. Только-что было получено приказаніе о переходѣ въ наступленіе, которое на сосѣднемъ справа участкѣ, слышно было, уже началось.

Весь лѣсъ позади гремѣлъ и трещалъ отъ разрывовъ надъ нимъ,—главнымъ образомъ, надъ дорожкой, которая вела сквозь его гущу къ нашимъ окопамъ,—шрапнелей. Этой завѣсой желѣзнаго дождя противникъ стремился преградить путь нашимъ резервамъ; а къ опушкѣ изъ его окоповъ летѣлъ ураганъ свинца изъ ружей и пулеметовъ.

Приближалась самая жуткая минута, когда нашимъ героямъ нужно было вылѣзть изъ своего укрытія и идти навстрѣчу этому урагану, навстрѣчу смерти... Вотъ въ этотъ-то именно моментъ и произошло то, что своею неожиданностью и безумствомъ отваги такъ поразило равно и „нашихъ“ и „ихъ“. Только наши, придя въ себя и понявъ, въ чемъ дѣло, разразились радостнымъ „ура“, а „оттуда“ неслись крики ужаса и вопли о пощадѣ.

По узкой лѣсной дорожкѣ черезъ завѣсу огня и желѣза въ карьеръ неслась наша конница на вороныхъ коняхъ. Ни на мгновеніе не останавливаясь, всадники одинъ за другимъ перескакивали черезъ окопы надъ головами пѣхоты и, усиливая аллюръ, бросились къ непріятельскимъ окопамъ. Казалось, прямо въ объятія смерти летятъ эти безумцы; казалось, ни одинъ изъ нихъ не дойдетъ до окоповъ, а тѣ, кто доскачетъ, погибнуть въ колючей паутинѣ загражденій. Но такова сила внезапности, такова сила доблести, творящей чудеса, что не успѣли еще головные всадники доскакать до проволочныхъ загражденій, какъ, точно встревоженные муравьи, посыпали изъ своихъ окоповъ австрійцы, съ воплями поднимая кверху руки и моля о пощадѣ. Они сами бросились навстрѣчу атакующимъ сквозь оказавшійся въ ихъ загражденіяхъ проходъ, которымъ тѣ и не преминули воспользоваться.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 9 іюля 1916 г.

Но проходъ былъ слишкомъ узокъ, а терпѣніе преодолѣть препятствіе слишкомъ велико, ибо все же часть австрійцевъ и ихъ пулеметы еще продолжали защищаться, и всадники грудями коней своихъ рвали проволоку вмѣстѣ съ кольями, другіе перерѣзали ее ножницами.

Тамъ, за окопами, пощады не было никому, кто еще держалъ въ рукахъ оружіе; въ одинъ моментъ была изрублена прислуга у пулеметовъ, и вскорѣ изъ занятыхъ окоповъ не раздавалось уже ни одного ружейнаго выстрѣла, гремѣлъ лишь артиллерійскій да фланговый ружейный огонь съ содѣльныхъ участковъ австрійской позиціи.

За взятой позиціей, верстахъ въ 1½ къ западу, видѣлась деревня К., куда и устремились гусары, уничтожая по пути искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ враговъ. Вихремъ ворвавшись въ деревню, они завладѣли ею, но дальнѣйшее преслѣдованіе, какъ вслѣдствіе малочисленности доскакавшихъ, такъ и въ виду наступившей темноты, было невозможно, и, сдавъ занятая позиціи двинувшейся вслѣдъ за ними пѣхотѣ, гусары стали собираться въ лѣсъ.

Вотъ они, наконецъ, всѣ тутъ, эти чудесные всадники... Ихъ почти не видно среди сѣро-голубой массы плѣнныхъ, запрудившихъ всю большую лѣсную поляну.

— Это дьяволы какіе-то, — взволнованно и какъ бы оправдываясь, говорилъ по-нѣмецки усатый австрійскій офицеръ нашему. — Мы здѣсь никакъ не ожидали конной атаки на насъ. Это было невозможно. Мы не могли этого предполагать... Такъ нельзя...

А эти „дьяволы“ въ это время, перебивая другъ-друга, съ дѣтской радостью обмѣниваются впечатлѣніями, ласково утѣшаютъ раненыхъ товарищей и добродушно подтруниваютъ надъ плѣнными, вытирая, какъ ни въ чемъ не бывало, со своихъ шашекъ и пикъ кровь...

Въ глубокомъ мракѣ, при свѣтѣ фонарей, окончилась лихорадочная работа перевязочнаго пункта; лазаретныя линейки увезли послѣднихъ раненыхъ, и сѣрая колонна плѣнныхъ двинулась завершать свой „Drang nach Osten“ подъ эскортомъ гусарь...

То былъ дивизионъ (три эскадрона) славныхъ N гусарь, подъ командой подполковника А.

Изъ Москвы сообщаютъ, что скоро ликвидируется извѣстная транспортнорочная контора Гергардъ и Гей.

Посмотримъ, какія позорныя имена русскихъ людей своими именами превратятъ эту фирму въ якобы руссiйское акціонерное предпріятіе.

„Новое Время“¹⁾ приводитъ объявленіе главноначальствующаго Саратовской губерніи, рисующее одну изъ оригинальныхъ отраслей дѣятельности мѣстныхъ колонистовъ.

„Съ конца прошлаго года,—читаемъ въ объявленіи,—замѣчается разсылка редакціями нѣкоторыхъ выходящихъ за границу повременныхъ изданій печатныхъ писемъ на нѣмецкомъ языкѣ, адресованныхъ на имя поселенъ Саратовской и Самарской губерній съ просьбой о сообщеніи редакціямъ свѣдѣній о призванныхъ на войну, раненыхъ и вернувшихся на родину солдатахъ, дѣнахъ на различные продукты и т. п., а также о пересылкѣ редакціямъ переводовъ изъ русскихъ газетъ относительно военныхъ событій, при чемъ для отвѣтовъ къ каждому письму прилагалось по нѣсколько печатныхъ конвертовъ.

Поступающая въ военную цензуру корреспонденція свидѣтельствуешь, что письма эти не остаются безъ отвѣта, и многіе получатели ихъ сообщаютъ въ означенныя газеты интересующія ихъ свѣдѣнія.

Сообщеніе этихъ свѣдѣній за границу представляется несомнѣнно опаснымъ, такъ какъ они могутъ быть использованы агентами непріятеля въ интересахъ послѣдняго.

Въ виду сего приглашаю населеніе Высочайше звѣренной мнѣ губерніи не сообщать такого рода данныхъ за границу и въ интересахъ государства оставлять поступающія изъ газетъ письма по сему предмету безъ отвѣта“.

Объявленіе это прямо ужасно и особенно поучительно для всѣхъ русскихъ и въ особенности депутатовъ Государственной Думы Керенскаго, Скобелева и барона Мейендорфа, нашихъ колонистолобовъ.

Вотъ каковы наши лояльные колонисты Саратовской и Самарской губерній, которыхъ мы пригрѣли на нашей груди въ теченіе 150 лѣтъ. Этимъ колонистамъ приказываютъ изъ ихъ настоящаго отечества, Германіи, сообщить измѣнническія свѣдѣнія относительно Россіи, и они сообщаютъ. Дальше этого идти нельзя. Непонятно, почему ихъ не называютъ въ объявленіи колонисты, а поселяне. Можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ депутатовъ будетъ имъ вы-

1) „Новое Время“, 9 іюля 1916 г.

хлопатывать казенный паекъ, когда ихъ будутъ выселять. Несомнѣнно, что и другіе колонисты получаютъ и исполняютъ подобныя германскія повелѣнія.

10—15 июля. Предсѣдатель Совѣта Министровъ гофмейстеръ Штурмеръ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто гофмейстера Саазонова.

Сегодня арестованъ въ Петроградѣ предсѣдатель правленія Русско-французскаго банка Д. А. Рубинштейнъ.

Русское общество торговли аптекарскими товарами состоитъ изъ 45 русскихъ акціонеровъ и 255 нѣмцевъ. Хорошее русское общество.

Нѣмецкая фирма Сименсъ и Шукертъ прикончена въ Японіи и Франціи, а у насъ безмятежно процвѣтаетъ, устраиваетъ лазареты и благотворительныя жертвованія.

„Новое Время“ ¹⁾ приводитъ рассказы недавно взятыхъ плѣнныхъ.

Въ данной партіи, состоящей преимущественно изъ мадьяръ, нѣмцевъ и чеховъ, два чеха говорили по-русски превосходно почти съ едва замѣтнымъ акцентомъ. Они служили и переводчиками, такъ какъ нѣмцы тоже оказались слово-охотниками; только мадьяры держались совсѣмъ въ сторонѣ и на всѣ предлагаемые вопросы односложно отвѣчали— „мадьяръ“ и уходили въ сторону.

Изъ всей партіи видъ воиновъ имѣли мадьяры и отчасти чехи, остальные вполнѣ подходили подъ мѣткое опредѣленіе ополченца „суклевастые“. Несмотря на очень недурное обмундированіе, хорошую обувь и, если хотите, далеко не переутомленный видъ (успѣли уже отъѣсться на промежуточныхъ этапахъ), они тѣмъ не менѣе напоминали случайную толпу съ единственной общностью—одинаковой формой,

¹⁾ „Новое Время“ 14 іюля 1916 г.

— Когда взяты?

— Сегодня ночью у деревни Д. прикрывали отступление, но ваши прорвались и кромѣ насъ взяли два обоза и батарею.

— Что же, жаркое было дѣло?

— Не видалъ еще такого страха,—какъ-то скороговоркой заговорилъ чехъ,—на всѣхъ фронтахъ былъ, недавно съ итальянскаго, а нигдѣ огонь не достигалъ такой силы. Ваша артиллерія не стрѣляетъ, а уничтожаетъ все на своемъ пути; такой мѣткости стрѣльбы нѣтъ ни на одномъ фронтѣ, у васъ рѣдкій снарядъ пропадаетъ даромъ.

— Гдѣ же держаться при нашемъ огнѣ, изъ нашего полка мало осталось, остальные побиты. Мы спаслись только потому, что въ заднихъ землянкахъ засѣли и тамъ смерти ждали.

— Ну, а ваше начальство и офицеры тоже пошли въ плѣнь?

— Не знаемъ, должно быть, въ обозѣ взяты, они ушли, когда бой сталъ разгораться, а двое дежурныхъ остались при насъ: одинъ убитъ, другой въ плѣнь пошелъ. Наши офицеры,—чехъ приостановился и продолжалъ затѣмъ съ грустью,—далеко отъ насъ, рѣдко мы ихъ видимъ, только дежурныхъ, но и они въ своихъ землянкахъ, подальше отъ перваго окопа; приказываютъ все по телефону. Мы сами, положимъ, знаемъ свое мѣсто, у каждаго оно опредѣлено: кто и когда долженъ замѣнить другого, тоже задолго объявляется. Мы совсѣмъ отдѣльно отъ офицеровъ; чужихъ ротъ и въ глаза не знаемъ, никогда иного не видѣли. А въ бою такъ и всегда командуютъ унтеръ-офицеры. Вонъ тотъ, что серебряныя звѣздочки на воротникѣ.

Теперь мнѣ стало понятно, что послѣдніе бои дали огромный процентъ плѣннаго австрійскаго офицерства сразу большими партіями только потому, что ихъ забирали не на передовыхъ линіяхъ, а въ относительномъ тылу, гдѣ они группировались вмѣстѣ.

— Скажите, а кормятъ васъ ничего, всего хватаетъ?

— До боевъ пищи было достаточно. Чистаго мяса почти не давали, но консервы всякіе были. Хлѣба порціи убавили и онъ сталъ хуже, но жить было можно. И изъ дому много присылали шоколада, кофе, консервовъ. Жаловаться нельзя, хотя и тутъ обижали, вѣтцамъ и мадьярамъ отдѣльную пищу готовили, говорятъ—лучше. А во время боевъ очень голодали, все поѣли и ничего намъ не доставляли. При-

шло съ ѣсть одни сырые овощи, которые подъ рукой въ огородахъ были, картошку печеную и сырую два дня ѣли. Очень много тяжелаго перенесли, хворать слабые начали. Теперь такихъ прислали цѣлыя роты. Кто зиму провелъ на позиціяхъ, мало осталось, выбиты, ранены. Сильно пострадали и пополненія съ другихъ фронтовъ, хотя ихъ и старались беречь. Стали тогда пополнять почти совсѣмъ необученными, только-что призванными въ строй стариками и малолѣтними. Пользы отъ нихъ нѣтъ, тяжелѣе еще съ ними.

— А отношенія между австрійцами и нѣмцами сейчасъ какія?

— У насъ нѣмцевъ мало, и они насъ не беспокоятъ. Вотъ въ другихъ частяхъ, гдѣ ихъ много, рассказываютъ, что намъ, словакамъ, русинамъ и другимъ славянамъ, совсѣмъ житья нѣтъ. Исполняютъ одну черную работу и первыми идутъ въ бой. Возврата имъ уже нѣтъ; вы не убьете, свои убьютъ. Въ спокойное время побои терпятъ, у офицеровъ есть особня камышевыя палочки. Нѣмца и мадьяра тронуть не смѣютъ! Въ отпускъ намъ тоже трудно попасть, совсѣмъ не пускаютъ; награды лишаютъ, вообще хуже живется, чѣмъ нѣмцамъ и мадьярамъ.

— Ну, значить, вы должны быть довольны, что въ плѣнъ взяты?

Но на этотъ вопросъ я не получилъ отвѣта. Раздалась команда отправляться. Плѣнные выстроились опять по родностямъ: нѣмцы, мадьяры, чехи—отдѣльно.

Партія зашагала дальше.

Вотъ одинъ изъ любопытѣйшихъ эпизодовъ во время допроса плѣннаго австрійскаго майора въ одномъ изъ штабовъ корпуса послѣ взятія нами почти непреступныхъ позицій подъ К.

Бой здѣсь продолжался трое сутокъ при ураганномъ огнѣ нашей артиллеріи. Австрійцы держались крѣпко, и взять позиціи удалось только хитростью; были устроены нѣсколько ложныхъ атакъ, и непріятель, оставлявшій окопы для ихъ отраженія, попадалъ подъ перекрестный огонь артиллеріи и пулеметовъ. Враги, въ результатъ, обезумѣли отъ ужаса и послѣднюю атаку отражали слабо. Въ наши руки достались не только позиціи, но свыше 3.500 человекъ солдатъ и свыше 200 офицеровъ и много оружія, снаряженія и провіанта.

Плѣнный майоръ, видимо, вполнѣ довольный своей судьбой послѣ всего пережитаго, охотно отвѣчалъ на задаваемые вопросы.

— Какъ вы только могли сдать ваши почти неприступныя позиціи?—спрашиваетъ его начальникъ штаба.

— Не сумѣю вамъ сказать, лучше вотъ вы отвѣтите — какъ вы ихъ могли взять? Единственное объясненіе — это судьба, другого быть не можетъ.

— Скажите, пожалуйста, а какъ наши сосѣди слѣва — сдались или нѣтъ?—продолжалъ майоръ.

— Да. И они пошли въ плѣнъ.

— Ну, слава Богу! А то еще этотъ ландверъ свалилъ бы вину на насъ, сказали бы, что насъ прорвали...

Пауза.

— Скоро вы пригласите меня къ завтраку, я очень голоденъ? Вашихъ офицеровъ мы всегда приглашаемъ къ себѣ,—спросилъ майоръ.

— Васъ скоро накормятъ, но пригласить къ завтраку мы лишены всякой возможности. Вчера мы взяли 105 человекъ офицеровъ, а сегодня около ста. У насъ въ штабѣ готовится всего на 10—15 человекъ, гдѣ же тутъ накормить болѣе ста офицеровъ? Придется пользоваться солдатскимъ столомъ.

— Да, вы правы, — майоръ нѣсколько задумался. — У насъ никогда не было такого количества плѣнныхъ офицеровъ.

— А послѣ обѣда вы сразу же меня отвезете въ тылъ?

— Сегодня, къ сожалѣнію, мы лишены возможности отвезти васъ. Такое количество плѣнныхъ, что и повозокъ можетъ не хватить, и сколько же потребуются конвойныхъ... Вамъ придется идти нѣсколько верстъ пѣшкомъ со своей частью.

— Со своей частью?!—Майоръ, видимо, нѣсколько удивился.—Знаете, командовать и въ плѣну своими солдатами это немного скандально. Но я вполнѣ васъ понимаю, иначе ничего нельзя сдѣлать; около пяти тысячъ плѣнныхъ — очень, очень много. У насъ этого не было.

.....
 Майоръ успокоился вполнѣ и съ удовольствіемъ затушевался предложенной ему папирсой.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ приведено описаніе дѣятельности въ летучемъ отрядѣ:

Перевязочный пунктъ полка пріютился на площадкѣ у подножья балки. На гребнѣ ея чернѣютъ силуэты какихъ-то деревьевъ, а тамъ, за этимъ рубежомъ, простирается боевое поле.

Глубокая тишина окутала окрестность. Сейчасъ здѣсь много людей, но всѣ молчатъ. Тихо и на позиціяхъ. Только изрѣдка гдѣ-то сзади въ лѣсу бухнетъ орудіе, прозоетъ посланный снарядъ, и снова воцаряется томительная, напряженная тишина.

При свѣтѣ одинокаго артиллерійскаго фонаря ротные фельдшера перевязываютъ двоихъ раненыхъ, только - что доставленныхъ изъ окоповъ.

— Можно видѣть дежурнаго врача?

— Они въ убѣжищѣ, — говоритъ санитаръ. — Дозвольте, провожу.

Убѣжище — небольшая пещера.

Влѣзть туда пришлось на четверенькахъ.

— Докторъ, гдѣ вы?

— Здѣсь.

Кто-то беретъ меня за руку.

— Вздремнулъ немного. Двое сутокъ работалъ. Теперь стихло, вотъ и позволилъ себѣ понѣжиться...

Хозяинъ освѣщаетъ свою нору карманнымъ электрическимъ фонаремъ.

Онъ лежитъ на соломенныхъ матахъ, бочкомъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Скверность такая, знаете, — протянуться нельзя. Вы съ летучкой, что ли?

— Такъ точно.

— Грузитесь помаленьку. Пока раненыхъ нѣтъ. Трудно очень вытаскивать. Нѣмцы изъ винтовокъ норовятъ бить по ходамъ сообщеній. Да и у насъ здѣсь не важно. То снарядъ залетитъ, то пули свищутъ. Мудрено ли: холмъ этотъ впереди, — такъ, видимость одна, защиты отъ него никакой. Хотите, къ командиру полка пройдемъ?..

— Стоитъ ли? Полковникъ, навѣрное, занятъ.

— Нѣтъ, онъ гостямъ всегда радъ. Тѣмъ болѣе теперь, работа кончена, полкъ сегодня смѣняются.

¹⁾ „Русское Слово“, 13 июля 1916 г.

Штабъ полка устроился въ блиндажѣ. Въ скудно освѣщенной землянкѣ подѣ знаменемъ и иконой въ чехлахъ сидитъ командиръ полка.

Онъ отдаетъ послѣднія приказанія уходящимъ съ позиціи батальонамъ. То-и-дѣло заходятъ къ нему офицеры съ докладами и вопросами.

Два дня назадъ полкъ ходилъ въ атаку, и этотъ самый блестящій, выхолонный офицеръ шелъ впереди своихъ людей такой же спокойный и ровный, какъ всегда.

Несмотря на ураганный огонь и отчаянное сопротивление противника, С. полку удалось выполнить поставленную ему задачу, — захватить часть германскихъ окоповъ и закрѣпиться въ нихъ.

Полковой командиръ уцѣлѣлъ чудомъ въ адскомъ огнѣ этого боя. Въ одномъ изъ окоповъ вражеской снарядъ ударилъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полковника. Его засыпало по поясъ землей. Солдаты откопали командира ручными лопатками, невзирая на обстрѣлъ.

Доктора и меня зовутъ на пунктъ. Несутъ раненыхъ. Полковымъ музыкантамъ удалось вытащить девять человекъ изъ-подъ нѣмецкихъ проволочныхъ загражденій. Они молчатъ, и только одинъ молить:

— Братцы, снимайте же съ меня сапоги!

— Не угодно ли полюбоваться, — тянетъ докторъ, — на этого героя.

На носилкахъ лежитъ тщедушный немолодой человекъ, мягко улыбающійся подошедшимъ.

— Что съ тобой?

— Шесть день, ваше благородіе, у нѣмецкаго окопа лежалъ раненый. Днемъ не шевелился, чтобы въ плѣнъ не взяли, а по ночамъ ползалъ къ лужѣ пить. Только замѣтили они меня, — стрѣляли; однако, Богъ миловалъ, — къ себѣ не забрали.

Это уже не первый случай. Нашихъ раненыхъ германцы не подбираютъ, предоставляя имъ гибнуть на полѣ отъ голода и жажды.

Ночь тянется мучительно долго. Тамъ, за холмомъ, — тишина. Молчатъ и наши батареи. То-и-дѣло изъ темноты выносятъ новыя носилки.

Повозки дворянскаго отряда постепенно наполняются ранеными.

Уже свѣтаетъ, — надо уѣзжать.

— Стой, обожди, еще дадутъ...

— Нѣтъ, ваше благородіе,—говорить одинъ изъ носильщиковъ,—этому ѣхать не надо.

— Скончался?

— Никакъ нѣтъ: такъ-что они убиты еще третьяго дня,—нашъ полуротный, прапорщикъ О.

— Я видѣлъ, какъ они упали,—вздыхаетъ раненый с-ць, лежащій въ телѣгѣ,—вмѣстѣ въ атакѣ были.

— Трогай!

Надо спѣшить увезти оставшихся въ живыхъ до начала новаго боя.

Передаютъ, что высокіе заработки на фабрикахъ и работахъ вызвали въ деревняхъ стремленіе къ нарядамъ. Лавки, гдѣ торгуютъ дорогими матеріями, буквально осаждаются щеголихами. Грабительскія цѣны на товаръ нисколько не смущаютъ покупателей.

Съ начала войны до 25 іюня сего года Финляндія пропускала германскіе товары по особо льготному для нихъ тарифу и снабжала этими товарами Россію контрабанднымъ путемъ ¹⁾.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾ г. Филатовъ описываетъ бой на Буковинскомъ фронтѣ:

Взятіе Печенѣжина было лишь первымъ шагомъ, и намъ важнѣй всего было пересѣчь желѣзную дорогу черезъ Карпаты на Сигетъ, ибо по ней, главнымъ образомъ, притекали подкрѣпленія изъ Македоніи и Италіи.

Делатынь стоитъ совсѣмъ въ горахъ на берегу Прута, гдѣ тотъ поворачиваетъ на востокъ. Мы повели наступленіе по обоимъ берегамъ Прута. Раньше мы постоянно сталкивались съ тѣмъ, что позиціи южнаго берега были менѣе укрѣплены, чѣмъ позиціи сѣвернаго, но Делатынь, какъ важный пунктъ, былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ; однако, главныя позиціи все-таки проходили съ сѣвера на югъ, и, маневрируя, ихъ можно было брать во флангъ.

При наступленіи на Делатынь наши войска наткнулись на южномъ берегу Прута на крѣпкія позиціи, построенныя

¹⁾ „Нов. Вр.“ 15 іюля 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 15 іюля 1916 г.

въ горахъ и занятыя большими силами. Штабъ N дивизіи, наступавшей вдоль Прута, рѣшилъ поддержать сосѣдей, выйдя въ тылъ делатынскимъ позиціямъ.

Лишь только развѣдчики вышли на линію Делатынь—Коломыя, идущую вдоль Прута, показался бронированный поѣздъ: два вагона и паровозъ съ пушками и пулеметами.

Развѣдчики испугались, какъ бы онъ не проникъ до главной массы войскъ, гдѣ онъ могъ натворить бѣдъ, и начали его обстрѣливать, а часть забѣжала дальше, чтобы его перехватить, но у нихъ не было подрывныхъ патроновъ, потому оказалось невозможнымъ испортить путь, — безъ инструментовъ никакъ не вывернешь шпаль и не сорвешь рельсовъ.

Пытались бросить ручныя гранаты,—онѣ оказались для этого слабы. Нѣсколько человекъ кинулось тащить большой каменный крестъ, чтобы повалить его на рельсы, но на поѣздъ замѣтили эти хлопоты и повернули обратно. На спѣхъ брошенные на рельсы жерди и камни его не задержали.

Развѣдчикамъ пришлось выдержать жестокой огонь поѣзда, особенно тѣмъ, которые пытались загородить ему путь, но пострадало всего 12 человекъ.

— Идетъ гладкій, ни одной дырки не видать,—говорятъ солдаты,—а вдругъ откроютъ окошечки,—и прямо засыплютъ пулями.

Главные позиціи австро-германцевъ были расположены въ районѣ деревни С., гдѣ и произошелъ 23-го іюня необычайный по своей ожесточенности штыковой бой.

Здѣсь у непріятеля была сильная артиллерія, и цѣпямъ, двигавшимся по сѣверному берегу, пришлось очень трудно. Лишь только подошли къ деревнѣ С., занимавшей ее германскій полкъ, при поддержкѣ австрійскаго полка, повелъ рядъ контръ-атакъ; первыя были отбиты, но при одной изъ нихъ онъ прорвалъ нашъ фронтъ. Прорывъ снова закрыли, нѣмцевъ отбросили, но все-таки положеніе могло стать труднымъ, если бы не вышли нѣмцамъ во флангъ наши части, наступавшія по южному берегу.

Тамъ наши заняли деревню К. и, при поддержкѣ горной артиллеріи, стали наступать между холмами. Цѣлью ихъ было продвинуться возможно дальше и атаковать главную позицію С. у церкви съ юга на сѣверъ.

Переходя боемъ съ холма на холмъ, къ вечеру вышли къ берегу Прута. Здѣсь онъ крутой, обрывистый, покрытый лѣсомъ и кустами. Артиллерійскій и пулеметный огонь не

давалъ возможности выйти на крутой скатъ, что спускается къ рѣкѣ, но, на счастье, здѣсь оказалось глубокое ущелье. Наступавшій батальонъ сбѣжалъ въ него, многіе солдаты прямо скатывались по его отвѣснымъ берегамъ и изъ ущелья, какъ изъ коридора, выскочили къ рѣкѣ.

Нельзя было задерживаться ни на минуту, ибо берегъ Прута былъ подъ жестокимъ обстрѣломъ.

Батальонъ кинулся въ бродъ. Не очень глубоко, лишь кое-гдѣ по плечи, больше по поясъ, но теченіе очень быстрое, человекъ удерживается съ трудомъ, а огонь былъ такой, что вода прямо кипѣла отъ шрапнельныхъ и ружейныхъ пуль. Но это ни на секунду не задержало нашихъ. Переходили бродъ быстро.

Офицеры, бросаясь въ бродъ, рассчитывали, какъ перейдутъ, залечь на томъ берегу у виднѣвшагося земляного валика, передохнуть, оправиться и наступать дальше. Но лишь только поднялись изъ-за берега, какъ увидѣли передъ собой ряды германцевъ.

Стройные, сѣрые, шли они въ четыре линіи со штыками наперевѣсь, безъ одинаго выстрѣла,—это была образцовая контръ-атака.

Не только передохнуть, но и перестраиваться нашимъ некогда было. Какъ вылѣзли на берегъ мокрые не рядами, а кучками, такъ съ крикомъ „ура“ и бросились на нѣмцевъ. Все сразу смѣшалось во взаимномъ штыковомъ ударѣ.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось отмѣчать, что нѣмцы не выдерживаютъ нашей штыковой атаки, и здѣсь, несмотря на то, что они были многочисленнѣе, они сразу подались, ибо, видно, никакъ не ожидали такого сильнаго удара, а четвертая линія, не дойдя до мѣста свалки, повернула и бѣжала назадъ. Все смѣшалось. Наши пробѣгали сквозь ряды нѣмцевъ, возвращались, схватывались вновь. Очень важно, что наши солдаты между собой не разъединяются и всегда стараются помочь товарищу. Постепенно свалка стала катиться отъ рѣки къ церкви. Нѣмцы бѣжали въ одиночку, группами, наши ихъ преслѣдовали, и къ 9-ти часамъ бои, начавшіяся въ 8^{1/2}, докатились до церкви.

Это—деревянная пятиглавая униатская церковь, видно, недавно построенная.

Она обнесена крѣпкой оградой изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, съ тесовой крышей и нѣсколькими воротами. Нѣмцы за оградой устроили окопы, продѣлали бойницы, на колокольнѣ поставили два пулемета. Эта импровизованная крѣ-

пость буквально опоясывалась огнемъ выстрѣловъ. Достигнувъ ограды, наши солдаты пытались перескочить ее, подсаживая другъ друга, но пулеметь, наведенный на верхъ стѣны, скошилъ первыхъ смѣльчаковъ. Тогда навалились на ворота и вышибли ихъ.

Съ криками:

— Лови!

— Держи!

— Помоги!.. Коли!..

гонялись наши солдаты за нѣмцами въ церковной оградѣ, ворвались въ церковь, и когда увидѣли, что она осквернена нѣмцами, перекололи находившихся тамъ пятнадцать чело-вѣкъ. Одного вытащили изъ-подъ престола. На колокольнѣ взяли два пулемета.

Роты, наступавшія по сѣверному берегу, тоже ворвались въ С., и штыковой бой начался на улицѣ, между хатъ и въ хатахъ.

Солдаты, взявшіе церковь, лишь только очистили ее отъ врага, зажгли въ ней свѣчи передъ всѣми иконами, и среди кипящаго боя озарилась она яркимъ свѣтомъ.

Около 11-ти часовъ вечера нѣмцы снова повели контръ-атаку, чтобы вернуть позиціи у С., а по церкви открыли сильный артиллерійскій огонь, такъ что свѣчи пришлось потушить.

Снова вспыхнулъ беспощадный ночной бой, опять неудачный для нѣмцевъ,—позиціи С. остались за нами. На нихъ поставили легкую и тяжелую артиллерію и стали обстрѣливать во флангъ укрѣпленія южнаго берега, прикрывавшія транскарпатскую желѣзную дорогу.

Австрійцы не могли выдержать двойного удара—съ фронта и фланга—и отошли, а наши 24-го іюня вступили въ Делатынь.

На утро представилась страшная картина разбросанныхъ по деревнѣ и у церкви труповъ. У рѣки, гдѣ былъ первый бой, они лежали кучками, въ пропорціи: 10—15 нѣмцевъ, 3—5 русскихъ. Штыковые удары были страшные: стволъ вмѣстѣ со штыкомъ выходилъ изъ спины. Въ одномъ мѣстѣ два уятеръ-офицера,—нашъ и нѣмецъ (видимо, оба вели свои взводы),—упали, видимо прозенные штыками. Всѣ участники въ одинъ голосъ говорятъ, что и не запомнятъ такого жестокаго боя. То же можно сказать и глядя на поле битвы,—сражались почти безъ выстрѣловъ, какъ въ старыя времена.

Этотъ бой интересенъ не только по своимъ маневрамъ и по своей ожесточенности, но и по взаимной связи, которую проявили наши части, поддерживая другъ друга.

Одинъ изъ начальниковъ дивизій, наступавшихъ рядомъ, телеграфировалъ сосѣду:

„Сердечно благодарю васъ и части N пѣхотной дивизіи за полное содѣйствіе, неоднократно оказанное моему правому флангу въ послѣднихъ бояхъ. Горжусь такимъ сосѣдомъ. Генераль Б.“

На что начальникъ N дивизіи отвѣтилъ:

„Дорогая для насъ телеграмма сообщена всѣмъ чинамъ N дивизіи. Полки N дивизіи всегда рады драться рядомъ съ доблестными полками вашей дивизіи, съ которыми ихъ соединяють узы боевого братства. Генераль П.“

Конечно, при поддержкѣ германцевъ, австрійцы еще могутъ сопротивляться, но ударъ имъ нанесенъ очень тяжелый, отъ котораго они оправятся не скоро, если только смогутъ оправиться.

Но, конечно, и намъ это наступленіе досталось нелегко,—приходилось брать упорно защищаемыя превосходныя позиціи, приходилось совершать колоссальные переходы.

Я, главнымъ образомъ, говорилъ въ своихъ корреспонденціяхъ о работахъ пѣхоты и артиллеріи, ибо на нихъ падаетъ вся тяжесть боевъ, но много работала и кавалерія, были завалены работой и санитарныя части,—надо только представить, какъ была трудна при такомъ быстромъ наступленіи вывозка раненыхъ; напимѣръ, работающимъ въ автомобильной колоннѣ Д. Н. Терещенко первыя сутки прямо приходилось не спать. Но всѣхъ соединяло и окрыляло одно:

— Побѣда! Побѣда! Побѣда!—слово, которое на фронтѣ является смысломъ всего существованія.

Вотъ на какіе подвиги способны русскія женщины:

Приказомъ по N-ской арміи крестьянка деревни П. Виленской губерніи, Паулина Андреевна Савукъ (она же Саукъ) награждена Георгіевской медалью 4-й степени.

Даже въ простомъ официальномъ изложеніи подвигъ этой женщины-героини выдѣляется своею исключительностью, полнымъ безстрашіемъ, овѣяннымъ глубокимъ русскимъ патріотизмомъ, и вызываетъ восхищеніе.

„Проживая въ занятомъ нѣмцами мѣстечкѣ П. А. Савукъ укрывала въ теченіе двухъ дней трехъ нижнихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна и просившихъ

ее провести черезъ германскія позиціи до расположенія нашихъ войскъ, что было сопряжено съ большою опасностью, такъ какъ въ мѣстечкѣ стоялъ какой-то германскій штабъ, и по мѣстечку ходило много германскихъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе, 19-го января, поздно вечеромъ, она вывела ихъ изъ мѣстечка и провела мимо германскихъ часовыхъ до рѣки, по льду которой они благополучно вмѣстѣ съ ней добрались до нашихъ проволочныхъ загражденій, гдѣ и были задержаны нашими развѣдчиками“.

Савукъ—жена фельдшера лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка. Ей не больше 25-ти лѣтъ. Разобщенная съ мужемъ, она не успѣла уѣхать изъ занятыхъ непріателемъ мѣстъ и осталась жить у родныхъ въ Виленской губерніи.

— Давно я уже мечтала перейти на русскую сторону,—разсказывала П. А. Савукъ,—особенно послѣ смерти 11-го октября единственной моей малютки-дочери. Искала только удобнаго случая. Жизнь подъ нѣмцемъ стала ужасно тяжелой. Зарабатывала я немного шитьемъ. Но недостатокъ продуктовъ и дороговизна дошла до того, что нельзя было существовать на скромные заработки. А тутъ какъ-разъ кстатѣ наши плѣнные. Вотъ и рѣшила провести ихъ, несчастныхъ, да и самой уйти отъ нѣмцевъ.

Съ 1-го по 15-е іюля военныя дѣйствія у насъ происходили слѣдующимъ образомъ:

За это время въ Рижскомъ районѣ происходило успѣшное наше наступленіе въ Кемернскомъ направленіи и на лѣвомъ флангѣ Рижскаго района, несмотря на энергичныя контръ-атаки германцевъ.

Въ районѣ Барановичей наше продвиженіе впередъ шло значительно медленнѣй и тоже сопровождалось контръ-атаками непріятеля.

Германцы подвезли значительныя подкрѣпленія на Волынской театрѣ и, несмотря на это, армія генерала Сахарова съ 3-го по 12-е іюля прорвала центръ противника въ Львовскомъ направленіи, невзирая на его отчаянныя контръ-атаки и атаки въ районѣ Свинюхъ и Горохова, а также на южной Стрыпѣ.

15-го іюля ген. Сахаровъ въ селѣ Броды съ 3 по 15 іюля захватилъ 34.000 плѣнныхъ. Наши войска, наступавшія отъ Луцка, къ западу, взяли за это же время 46 орудій и 9.000 плѣнныхъ. Въ Буковинѣ мы успѣшно утверждались въ предгорьяхъ Карпатъ и Цорьяты.

Генераль Юденичъ на Кавказѣ наступалъ къ западу отъ Эрзерума, Гюмишъ-Халу, взялъ Байбургъ и Эраинжанъ и разгромилъ въ этихъ районахъ турецкія арміи.

За то въ Моссульскомъ направленіи турки потѣснили насъ.

Въ № 189 „Русскаго Инвалида“ приведены интересныя данныя о прусскомъ ордень Іоаннитовъ:

Всемирная война открыла передъ глазами народовъ Европы невѣроятную подготовленность и организацию Германіи подъ руководствомъ Пруссіи. Одна составная часть прусской системы до сихъ поръ еще недостаточно точно описана. Я подразумѣваю прусскій Орденъ Іоаннитовъ „іезуитскій Орденъ прусскаго короля“; его обыкновенно смѣшиваютъ съ извѣстнымъ Мальтійскимъ Орденомъ.

Прусское королевское правительство эдиктомъ секуляризаціи отъ 30-го октября 1810 года и грамотой объ упраздненіи отъ 23 го января 1811 года прекратило существованіе прусской вѣтви Ордена Іоаннитовъ (Die Balley Brandenburg des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Jerusalem). Государственная казна присвоила себѣ все имущество Ордена. Въмѣсто него грамотой отъ 23-го мая 1812 г. былъ основанъ королевскій прусскій Орденъ Іоаннитовъ (der Königlich Preussische Iohanniter Orden), который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другихъ орденскихъ учрежденій прусской монархіи.

Въ текстѣ грамоты, подписанной королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, сказано: „Мы будемъ, когда Намъ благоугодно будетъ, такимъ лицамъ, которыя отличились въ службѣ Намъ, Нашему Королевскому Дому и Нашей Монархіи, давать Нашъ Королевскій Пруссскій Орденъ Іоаннитовъ по Нашему Собственному побужденію, а также предоставляемъ себѣ право давать его по докладу Великаго Мастера Ордена, послѣ совершившагося испытанія, даже тогда, когда Мы находимъ нужнымъ потребовать отзывъ Нашей Генеральной Комиссіи Орденовъ“.

Замѣчательно, что мы не встрѣчаемъ англійскихъ именъ въ спискахъ этого Ордена, хотя послѣ Ватерло можно было бы полагать, что англичане все же оказали нѣкоторыя услуги по крайней мѣрѣ прусской монархіи. Встрѣчаются даже французскія имена, правда, весьма немногочисленныя. Напротивъ, число членовъ изъ нѣмецкихъ государствъ, также изъ Швеціи, Даніи, Голландіи весьма значительное. Еще замѣчательнѣе число русскихъ подданныхъ въ ордень

и не только нѣмецкаго происхожденія; въ спискахъ встрѣчаются имена многихъ наиболѣе извѣстныхъ родовъ русской православной высшей аристократіи.

1852 годъ — былъ годомъ преобразованій Ордена. Въ Орденъ принимается молодой Оттонъ фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, посолъ при Германскомъ Союзѣ. Въ Франкфуртѣ онъ ясно понялъ, что гегемонія Пруссіи и объединеніе Германіи требуютъ другихъ основъ, чѣмъ демократическія или либеральныя. Можно прослѣдить, какъ будущему объединителю Германіи все видѣлась могущественная организація Ордена іезуитовъ; да не только онъ одинъ, а цѣлыя поколѣнія государственныхъ мужей склоняли головы въ глубокомъ раздумьѣ надъ твореніемъ св. Игнатія. Онъ взялъ Орденъ іезуитовъ за примѣръ, чтобы изъ аристократовъ создать организацію, служащую прусскому королю съ такимъ же усердіемъ, какъ іезуиты служили папѣ. Къ счастью для молодого государственнаго мужа политикой Пруссіи, въ качествѣ президента министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, руководилъ высокодаровитый фонъ-Мантейфель, котораго отъ потомства заслоняетъ гигантская фигура Бисмарка. Къ реорганизаціи Ордена приступили сейчасъ, и съ весьма большимъ искусствомъ.

Бисмаркъ-Шенгаузенъ вступилъ въ Орденъ въ 1852 году, и уже 15-го октября того же года послѣдовалъ приказъ о возстановленіи упраздненнаго въ 1810 и 1811 годахъ Ордена. Теперь онъ обыкновенно именуется: *die Balley Brandenburg des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Ierusalem, oder der Iohanniter-Orden*.

Прусскій король по-прежнему состоитъ протекторомъ Ордена. Первымъ *Herrenmeister* омъ назначается, 17-го мая 1853 года, Карлъ, принцъ прусскій. Капитулъ собрался въ первый разъ 24-го іюня и подписалъ статуты. Любопытно, что большинство изъ подписавшихся не кореннаго нѣмецкаго происхожденія. Съ свойственной прусской политикѣ осмотрительностью и ироніей говорится въ грамотѣ отъ 8-го августа 1853 года: „Согласно всегда принадлежащимъ нашимъ предкамъ въ Бранденбургѣ и особо въ XII статьѣ Вестфальскаго договора ясно признаннымъ сувереннымъ и патронатскимъ правамъ надъ названной вѣтвью Ордена, она опять возстанавливается и возвращается къ первоначальному назначенію“. Итакъ, мысли нѣмецкихъ государственныхъ людей постоянно возвращались къ политическому художественному созданію кардинала Ришелье—Вест-

фальскому договору, который раздробить Германію и такимъ образомъ обезпечилъ Европѣ миръ на долгіе годы. Какое удовольствіе, опираясь на этотъ договоръ, ковать оружіе окончательнаго его разрушенія!

Нынѣ протекторомъ Ордена состоитъ король Пруссіи; его *Herrenmeister*'омъ принцъ Эйтель. Братъ императора Генрихъ рыцарь права и сыновья принцы Августъ и Оскаръ рыцари чести.

Капитулъ Ордена, по статутамъ отъ 30-го сентября 1886 года, состоитъ изъ *Herrenmeister*'а, который предсѣдательствуетъ, изъ комендаторовъ и почетныхъ комендаторовъ, изъ *Ordenshauptmann*'а, канцлера Ордена и тѣхъ чиновниковъ Ордена, которымъ въ теченіе исполненія своихъ обязанностей дается право голоса.

Орденъ распредѣляется по 15 „провинціямъ“ изъ нихъ 10 прусскихъ и Вюртембергъ, Мекленбургъ, Гессенъ, Саксонія и Баварія. Каждая провинція имѣетъ во главѣ комендатора. Остальные комендаторы сохраняютъ право голоса въ капитулѣ, также и почетные комендаторы. Рыцари присоединяются къ одной изъ провинцій; иностранные рыцари обыкновенно примыкаютъ прямо къ центральному учрежденію.

При вступленіи вносится 1000 марокъ и ежегодно около 60—75 марокъ. На эти деньги содержатся больницы, пріюты въ Германіи и за границей. Во время войны Орденъ приходитъ на помощь государству. Число рыцарей нынѣ около 3.500.

Судъ чести принадлежитъ капитулу, но, если рыцари состоятъ въ германской арміи, тогда дѣла ихъ разбираются военными судами чести.

Особенность Ордена заключается въ томъ, что „въ рыцари чести можетъ быть назначенъ каждый дворянинъ евангелическаго вѣроисповѣданія, кто своимъ поведеніемъ обнаруживаетъ убѣжденія, соответствующія цѣлямъ Ордена“. Но не смотря при этомъ на набожность, не требуютъ ухода за больными, какъ этого можно было бы ожидать. Когда протестантскій дворянинъ выразилъ желаніе вступить въ Орденъ, то капитулъ приступаетъ къ наведенію справокъ, которыя относятся главнымъ образомъ къ генеалогіи, къ социальному имущественному положенію кандидата. Послѣ этого, если свѣдѣнія благоприятныя, о томъ извѣщается *Herrenmeister*'у, который, по своему усмотрѣнію, заноситъ или нѣтъ имя въ списокъ. Этотъ списокъ

представляется прусскому королю, который, по своимъ соображеніямъ, назначаетъ кандидатовъ въ рыцари чести или имъ въ томъ отказываетъ. Они не получаютъ посвященія въ рыцари (рыцарскаго удара). Въ рыцари принимаются лишь люди не моложе 30 лѣтъ, со зрѣлымъ характеромъ; такъ Орденъ страхуетъ противъ непріятныхъ неожиданностей. Если они иностранцы, то рыцари испытываются особенно тщательно. Въ рыцари права назначаются не раньше 4-хлѣтняго пребыванія въ рыцаряхъ чести, чѣмъ открывается дорога къ высшимъ ступенямъ и, наконецъ, и въ капитулъ.

Нужно отмѣтить сравнительную легкость принятія въ рыцари чести (Ehrenritter). На этой ступени совершается энергичная моральная обработка, совершенное подчиненіе, податливость, прусскому вліянію. Потомъ уже, постепенно и осторожно, начинается введеніе въ тайны, а также и использованіе „въ цѣляхъ Ордена“...

Въ статутахъ 1853 года требуется: Рыцарь права (Rechtsritter) долженъ принадлежать къ нѣмецкому дворянству, или къ дворянству прусской монархіи, долженъ быть протестантскаго (евангелическаго) вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. 12-го марта 1890 года новая имперія уже чувствуетъ себя столь сильной, что требованія къ рыцарямъ права понижаются. Рыцарь права долженъ быть протестантскаго вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. Это весьма облегчаетъ работу Ордена за границей, и трудно теперь охватить всю громадную пользу этой организаціи для Германіи.

Принятіе въ рыцари права совершается обыкновенно въ Ивановъ день, на основаніи списка, составленнаго Herrenmeister'омъ въ капитулъ и одобреннаго королемъ. Церемонія происходитъ въ Зонненбургѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, вдали отъ глазъ міра. Все происходитъ какъ-будто открыто, всѣ думаютъ, что все ясно понимаютъ. И странно, что эта блестящая толпа, разодртая въ пышныхъ костюмахъ, такъ мало привлекала вниманія постороннихъ... Здѣсь въ Зонненбургѣ рыцари права получаютъ рыцарскій ударъ и признаютъ и общаются, что тѣ три удара, которые получаютъ отъ меча Herrenmeister'a, они будутъ терпѣть послѣдними. Изъ длинной присяги, которую приносятъ рыцари права, приведемъ здѣсь только нѣсколько пунктовъ: онъ долженъ признать и общать, что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, своему государю и высокому покровителю Ордена, всегда и при всѣхъ обстоя-

тельстввахъ будетъ вѣренъ въ готовности служить и послушенъ, что будетъ стремиться къ благополучію и искать всего лучшаго для отечества, что всѣми силами и своей жизнью будетъ бороться за короля и отечество, храбро и безстрашно. Для иностранцевъ имѣется слѣдующее измѣненіе этого пункта: онъ долженъ признать и обѣщать, что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, высокому покровигелю, въ дѣлахъ ордена, будетъ благосклоненъ (hold) и готовъ услужить (gewärtig), и въ то же время своимъ примѣромъ въ своей вѣрности прирожденному (angeboren) государю желаетъ быть свѣточемъ и дѣлать честь ордену. Здѣсь уже видно, какъ прусскій король присваиваетъ себѣ верховную моральную власть надъ иностранными протестантами, прокладывая путь къ старой мечтѣ о томъ, чтобы Берлинъ сдѣлался протестантскимъ Римомъ съ папой-королемъ во главѣ. Кромѣ того даются еще обѣщанія подчиненія и послушанія орденскимъ уложеніямъ и правителямъ. Рукопожатіемъ это подкрѣпляется Herreimeister'омъ и комендаторами.

Картина была бы неполной, если орденъ позабылъ бы въ своей организаціи благороднѣйшую кровь. Уже 5-го ноября 1861 года мы находимъ слѣдующее: иностраннымъ государямъ, ихъ супругамъ и вдовамъ, а также супругъ Herrenmeister'a, Его Величество король даетъ знаки ордена, когда они признаютъ себя членами протестантской церкви и, черезъ посредство Herrenmeister'a, и изъявили желаніе принадлежать къ Ордену. Эта война ясно показала, какое значеніе для успѣховъ германской политики имѣютъ тѣ, кто, признавая себя членами германской расы, занимаютъ троны иностранныхъ государствъ. Эта замѣтка интересна тѣмъ, что показываетъ, какъ давно это введено въ систему.

Весьма увлекательно изученіе Ордена въ новѣйшей исторіи Пруссіи. Такъ, напримѣръ, до 3-ей войны Бисмарка мы повсюду въ правящихъ кругахъ, гдѣ „благороднѣйшая кровь“ и Орденъ Іоаннитовъ успѣли потрудиться, встречаемъ большое благожеланіе къ Пруссіи и полную политическую слѣпоту. Но мы видимъ и другія явленія. Послѣ разгрома Даніи представители нѣкоторыхъ датскихъ родовъ (Мольтке, Ревентловъ) быстро опѣмечиваются; раньше среди нихъ было много іоаннитовъ. Еще болѣе важную роль сыгралъ Орденъ въ моральномъ подготовленіи Германіи къ объединенію. Во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ руководящія мѣста занимаютъ іоанниты, какъ около 1866, такъ и

1870 года. То же самое можно сказать и о нынѣшнихъ временахъ. Такъ, напримѣръ, въ Курляндіи и въ остальной Россіи, повсюду іоанниты были наиболѣе усердными поборниками германскаго дѣла; іоанниты занимали весьма высокіе посты и ихъ присяга королю прусскому ихъ обязывала по крайней мѣрѣ къ благосклонности. Сказанное относится и къ голландскимъ и шведскимъ герmanoфиламъ: наиболѣе ярые среди нихъ суть іоанниты... И не удивительно, что изъ всѣхъ знаковъ отличія, какими столь богатъ Божій міръ, только одинъ Орденъ Іоаннитовъ старательно отмѣчается въ генеалогическихъ ежегодникахъ Гота. Онъ заслужилъ того своей усердной, тихой, еле замѣтной для постороннихъ, но важной работой pour le roi de Prusse.

16 іюля. Сегодня „Вечернее Время“ передаетъ возмутительный фактъ, что высланный въ Пензу, германскій подданный Германъ Антоновичъ Кохъ исправно получаетъ черезъ своихъ служащихъ доходы со своихъ петроградскихъ домовъ. Сильно сомнѣваемся, что какой-либо русскій подданный могъ получать доходы со своего имущества въ Германіи въ настоящее время.

Бетманъ-Гольвегъ отправился въ главную квартиру восточнаго фронта, куда его вызвалъ кайзеръ, созвавшій верховный совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе Гинденбургъ и Фалькенгайнъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати въ Финляндіи наложило арестъ на всѣ вышедшія въ теченіе войны изданія учебника нѣмецкаго языка, *одобреннаго финляндскимъ училищнымъ въдомствомъ* и принятаго почти во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ которомъ между прочимъ помѣщена нѣмецкая пѣсня „Deutschland über alles“ и рассказъ о Вильгельмѣ II, написанный въ симпатизирующемъ нѣмцамъ тонѣ ¹⁾.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 16 іюля с. г.

Г. Маура сообщает ¹⁾:

Маленькій, но знаменательный и глубоко печальный признакъ.

Лицо, занимающее официальный постъ, прислало мнѣ треугольный конвертикъ для ножницъ, теперь предлагаемыхъ для продажи. На лицевой сторонѣ конверта напечатано: 1) кружокъ съ изображеніемъ серпа и съ надписью вокругъ: „Fabrik-Marke, Die Sichel“, а внизу надъ изображеніемъ ножницъ: „Die magnetische Scheere“, на поляхъ лицевой стороны конверта виднѣется мелкая надпись на русскомъ языкѣ.

„М. И. Терехина Сыновья“. С. Павлово. Рисунокъ заявленъ отдѣлу торговли и промышленности.

Пусть сыновья М. И. Терехина — рабы, жалко идущіе въ хвостъ любезной ихъ сердцу германской промышленности, но министерство торговли и промышленности, казалось бы, должно было образумить такихъ „Богомъ убитыхъ“ отечественныхъ „имитаторовъ“. Повторяю — фактъ мелкій, ничтожный. Однако, на немъ основано очень много расчетовъ германскихъ купцовъ. Еще недавно въ „Börsen-Zeitung“ появилась статья С. Герцога. Онъ повторяетъ столь любезные для пѣмцевъ успокоительные доводы, что кончится война и „все образуется“. „Неуклюжій юноша“ — Россія вернется къ прежнимъ привычкамъ и „смутно постигаемымъ влеченіямъ“.

— Мы приучили, — говоритъ Герцогъ, — русскихъ покупателей къ тому, что германскій товаръ дешевле, хорошъ и несетъ съ собою кредитъ. До чего они привыкли къ нѣмецкому товару, лучше всего доказывается тѣмъ, что они стараются подражать нашей укупоркѣ, нашимъ образцамъ, нашимъ фабричнымъ клеймамъ и фирмовымъ знакамъ! Однако разница въ томъ, что ихъ товары — дороги, наши — дешевы. Лишь только откроется граница и замолкнетъ грохотъ орудій — русскіе купцы придутъ къ намъ за защитой отъ дороговизны отечественнаго производства. Въ Россіи умѣютъ подражать нѣмецкому виду товаровъ и не умѣютъ лишь удержать нѣмецкую цѣну. При такихъ условіяхъ о конкуренціи не можетъ быть и рѣчи“.

Развивая далѣе свою мысль, Герцогъ говоритъ, что германцы не только доставляютъ въ Россію свои товары, но они приспособили рынокъ и домашній обиходъ къ нѣ-

1) „Веч. Вр.“ 16 іюля 1916 г.

мецкому товару. Вытѣснить послѣдній не такъ-то легко товару англійскому или французскому. Съ нимъ, пожалуй, не сумѣютъ и справиться. Къ нему не привыкли, не приспособились.

И на эту тему очень много разсужденій въ германской экономической печати. Всѣ они сводятся къ тому, что „не-уклюжіи юноша“, не учитывающій своихъ силъ, не страшень для германской торговли, мало того—онъ просто „Quantité négligeable“.

И вотъ, когда читаешь такія изліянія, на которыя мы дали нѣмцамъ право нашей безпечностью и бездѣятельностью въ вопросахъ міровой промышленности и торговли, всѣ эти русскіе „Die Sichel“, теребинскія рабскія привычки и великодушное равнодушіе официальныхъ руководителей русской торговли къ такъ называемымъ „мелочамъ“ становятся особенно обидными, мало того—оскорбительными.

Неужели же у насъ все „made in Germany“? Не хочется вѣрить этому, когда докатываются до насъ мощные раскаты русскихъ побѣдъ.

„Кельнская Газета“ передаетъ, что кайзеръ прибылъ съ восточнаго фронта, вошелъ въ соборъ въ сапогахъ, покрытыхъ грязью, и въ запыленномъ плащѣ. Ставъ на колѣни, онъ молился 20 минутъ. Совершенно случайно упавшій на него лучъ солнца, проникшій черезъ цвѣтныя стекла окна, залилъ его лицо краснымъ свѣтомъ, будто кровью. Многіе молящіеся, видѣвши въ этотъ мигъ кайзера, ужаснулись, и вѣсть эта передается изъ устъ въ уста.

17 июля. Г. Ксюнинъ ¹⁾ въ своей корреспонденціи описываетъ такъ наше наступленіе у Луцка:

Когда на четвертый день нашего наступленія во время допроса плѣнныхъ австрійскимъ офицерамъ сообщили, что русскими взяты Луцкъ—плѣнные не повѣрили.

— Не закручивайте намъ головы,—съострилъ одинъ по-польски, а остальные съ недовѣріемъ пожимали плечами и дѣлали большіе глаза.

— Положимъ, вы прорвали нашу первую линію,—говорили плѣнные,—но Луцкъ ваять не такъ легко. Предъ нимъ сильныя укрѣпленія...

Австрійцы правы. Передъ Луцкомъ были очень серьез-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 17 июля 1916 г.

ныя укрѣпленія съ множествомъ опорныхъ пунктовъ по берегу Стыри. Взятіе города пришлось готовить штурмомъ, который былъ блестяще завершенъ въ теченіе пяти часовъ.

Тѣ же плѣнные офицеры рассказывали, что зимой въ Луцкъ пріѣзжалъ самъ императоръ Вильгельмъ. Слухи объ этомъ доходили и до мѣстныхъ жителей. Вильгельмъ осматривалъ позиціи на Стыри и призналъ ихъ неприступными.

Въ Луцкъ стоялъ штабъ эрцгерцога Іосифа-Фердинанда и только послѣ австрійскихъ неудачъ, послѣ того, какъ „неприступное“ оказалось приступнымъ, когда русскія войска перешли Икву, Стырь и грозной лавиной стали на Стоходѣ, послѣ того, какъ австрійцы и постепенно вливавшіеся къ нимъ германцы потеряли около трехсотъ тысячъ плѣнными и до полумилліона убитыми и ранеными, только тогда общее командованіе перешло къ фельдмаршалу Макензену.

Луцкъ мы вернули на четвертый день наступленія. Артиллерія открыла пальбу съ десяти утра, подготовила штурмъ, а къ восьми вечера, послѣ сильнаго боя, наши передовыя части входили въ городъ.

Недавній предѣлъ на узенькой Иквѣ остался далеко позади. Австрійскіе окопы, строившіеся будто на вѣчныя времена, ихъ офицерскіе городки, подземныя сооруженія— все это уже перешло во владѣніе русскаго солдата.

О непріятельскихъ укрѣпленіяхъ волынскаго и галиційскаго районовъ много писалось. Мнѣ самому въ апрѣлѣ, за мѣсяць до наступленія, приходилось слышать то же самое отъ многихъ нашихъ офицеровъ. На наблюдательныхъ пунктахъ мнѣ показывали безконечныя ряды толстой проволоки, за которой бѣлѣли бетонированныя траншеи. По ту сторону австрійскихъ окоповъ таяли дымки поездовъ, а летчики рассказывали, что узкоколейка подходила у непріятеля къ самымъ землянкамъ и подвозила припасы и сваряды. Тѣ, кто сидѣли противъ австрійцевъ и, постепенно сближаясь съ ними, мѣстами подошли на шестьдесятъ или на сто шаговъ, знали, сколько пулеметовъ и минометовъ стоятъ у противника въ первой линіи и сколько за ней притаилось орудій. Сильной и выросшей казалась австрійская техника, но настроеніе нашихъ войскъ еще передъ наступленіемъ обѣщало, что въ случаѣ нужды оно выльется въ большое и грозное.

Австрійскія землянки, ихъ норы и офицерское жильѣ часто крѣпче и прочнѣ нашихъ деревенскихъ избъ. Онѣ выстроены изъ толстыхъ бревенъ и перекрыты желѣзо-бетонными балками. Если и это казалось не надежнымъ, везли рельсы и укладывали ихъ вмѣсто потолка надъ землянками австрійскихъ офицеровъ. Смотришь на нихъ, ходишь по длиннымъ высокимъ галлерейамъ, и кажется, что люди заботились только о собственномъ благополучіи, о своей неприкосновенности и о пріятномъ житьѣ, не взирая ни на какія условія. Въ двухъ-трехъ верстахъ шла жесточайшая борьба, а за второй линіей въ дѣлу офицеры благодушествовали въ своихъ маленькихъ крѣпостяхъ и, чтобы тѣшить свой взоръ, разбивали передъ окнами клумбы, усаживали ихъ цвѣтами и оплетали свои сады и огороды березчатыми заборчиками. Нѣкоторые понастроили даже причудливыя узорчатыя бесѣдки изъ бересты, вколотили подъ каждой вишней по скамейкѣ и проложили къ своимъ домамъ дороги изъ сплошныхъ брусевъ.

До чего доходили заботы о самосохраненіи. Подъѣхавшіе офицеры осматриваютъ австрійскія укрѣпленія. Подходятъ къ башенкѣ, сложенной изъ кирпичей и декорированной подъ тонъ общей обстановки.

— Замѣчаете вы что-нибудь въ этой башнѣ?

— Ничего... Обычная австрійская землянка, крытая цементированными балками...

Вошли во внутрь. Небольшое убѣжище съ едва замѣтнымъ окопцемъ для наблюденія.

Снова вышли изъ блиндажа и стали разглядывать.

— Видите окно...—спрашиваетъ артиллеристъ.

Опять никто ничего не видитъ. Стали разглядывать вблизи. Совсѣмъ мозаичная работа. Обожженные кирпичи, положенные вдоль и поперекъ и окна не отличить, такъ какъ оно маскировано подъ черный кирпичъ. Художественная работа.

Сидѣвшіе на Иквѣ и Стыри слишкомъ понадѣялись на бездушныя силы войны. Они считали себя неприступными за своими цементированными блиндажами, въ своихъ лисьихъ норахъ, врытыхъ сажени на двѣ въ землю, въ своихъ высокихъ ходахъ сообщеній; а послѣ авторитетнаго свидѣтельства императора Вильгельма, вѣроятно, и вовсе успокоились.

Потому и удивились плѣнные австрійскіе офицеры, когда имъ сказали, что на четвертый день наступленія русскіе

взяли Луцкъ. Захваченные въ первый день, они не знали объ успѣхахъ арміи генерала Каледина.

А успѣхи были.

Въ первый день прорывъ оказался на пятнадцать верстъ, во второй на двадцать пять и въ третій на сорокъ. Артиллерія была по проволокамъ, блиндажамъ, а пѣхота гнала неприятеля.

Все, что сидѣло въ нашемъ окопѣ, встало и пошло. Хлынула волна людей и захлестнула австрійскія траншеи.

Неприятеля какъ смывало. Во многихъ мѣстахъ близость окоповъ позволила настигнуть противника въ одну перебѣжку. На другихъ участкахъ давалось труднѣе, и не прекращавшіеся до Луцка бои вспыхнули подъ этимъ городомъ съ новой силой.

Слышалъ такой разговоръ: идутъ по Гороховой послѣ полудня трое рабочихъ. Двое пожилыхъ и одинъ молодой. Молодой обращается къ своимъ товарищамъ и говоритъ — пойдемъ и закусимъ икоркой.

Пропаганда Финляндскаго сепаратизма удается куда лучше во враждебныхъ Россіи странахъ, чѣмъ у союзниковъ. „Московскія Вѣд.“ отмѣчаютъ крайнее неудовольствіе финляндской печати помѣщенною въ „Political Quarterly“ статьей лектора англійскаго языка въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, Артура Рида.

Отдѣленіе отъ Швеціи и благосклонность русскихъ царей и ихъ могучая защита дали странѣ возможность расти и развиваться, какъ никогда ранѣе. Населеніе быстро шло впередъ, богатства страны постоянно возрастали. Финляндія получила самоуправленіе и являлась почти самостоятельной. Но Финляндія не созрѣла для этой самостоятельной задачи, и, когда Россія увидѣла, что центробѣжныя тенденціи Финляндіи заходятъ слишкомъ далеко, она должна была поставить преграду этимъ силамъ. Нельзя также признать, что финляндцы не виноваты въ настоящемъ положеніи своей страны. *Финляндцы только пользовались незаслуженными привилегіями, данными имъ Россіей, не стараясь взаимно понять и оцѣнить русскія точки зрѣнія и русскія проблемы, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ мѣстныя финляндскія. Тамъ, въ Финляндіи, никогда не дѣ-*

дали серьезныхъ попытокъ понять значеніе и различіе между подданствомъ Имперіи и національнымъ, провинціальнымъ гражданствомъ. Никогда финляндскіе политики не проявляли серьезнаго намѣренія изучить русскій языкъ и основу русскаго законодательства. Скорѣе можно было констатировать пагубную склонность увеличивать пропасть между Финляндіею и Россіей. Политическое сопротивленіе, процвѣтавшее 16 лѣтъ, представляетъ опасность для существованія страны, *ибо терпѣніе Россіи въ одинъ прекрасный день можетъ лопнуть, хотя* Россія, въ противоположность Германіи, никогда не угнетала малыя націи и не проводила той послѣдовательной политики противъ нихъ, какъ, напримѣръ, Пруссія, Австро-Венгерія и Турція.

Питье денатурата рабочими въ Петроградѣ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Бутылочка денатурата стоитъ 20 копѣекъ, а шинкари продаютъ за 3 р. Политура стала слишкомъ дорога, и теперь денатуратъ измѣнился по вкусу.

Уже теперь казенки не будемъ пить, говорятъ рабочіе, денатуратъ гораздо лучше.

Одинъ рабочій, пропустивъ стаканчикъ денатурату, побѣждалъ къ водопроводному крану и, спустивъ струю воды, жадно наглотался холодной воды.

Вотъ какія картинки рисуютъ корреспонденты при недавнемъ занятіи нами городовъ на Волыни:

Австрійцы забыли, между прочимъ, уничтожить новаго свидѣтеля ихъ безцеремоннаго отношенія къ нашимъ святынямъ. Они оставили несожженной нашу деревянную церковь, оборудованную подъ пивную.

Очищая Броды, австрійскія войска бросились разбивать винные погреба и склады. Напивались до безчувствія и тутъ же сваливались. Въ канавахъ у большого склада на Рынецкой улицѣ нами была захвачена цѣлая кутящая компанія австрійскихъ унтеръ-офицеровъ. Они были такъ пьяны и такъ весело настроены, что при появленіи нашего

развѣзда встрѣтили его привѣтственными возгласами и предложениемъ принять участіе въ попойкѣ.

Въ одномъ веселомъ заведеніи захватили шестерыхъ австрійскихъ офицеровъ. Когда вошли наши развѣдчики, австрійцы были страшно сконфужены и очень просили не выводить ихъ раздѣтыми на улицу. Солдаты, шутки ради, разрѣшили имъ надѣть только мундиры и кепи, а брюки заставили нести въ рукахъ.

18 июля. Во время послѣдней сессіи Государственной Думы и Государственного Совѣта, на современный обывательскій взглядъ, обнаружилось замѣчательное явленіе. Въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ не нашлось ни одного государственнаго чловѣка, который бы забилъ набать объ организаціи продовольственнаго дѣла въ странѣ. Кажется, видно ясно, что въ этомъ дѣлѣ мы катимся по наклонной плоскости. Скоро уже будетъ два года съ начала войны. Цѣны на продукты и товары растутъ неимоვნю, и въ государственныхъ учрежденіяхъ молчатъ, что надо по этому вопросу работать и работать. Пока предержащіе додумались только до того, что запретили вывозъ продуктовъ изъ раіоновъ. Конечно, мѣра эта кромѣ зла ничего не принесетъ. Всѣ г.г. депутаты большую часть своего времени посвящали политикѣ, а не мѣшало бы имъ подумать и о хлѣбѣ насущномъ.

Дѣло, кажется, слагается просто. Единая твердая властная рука съ объединеніемъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ и съ привлеченіемъ сюда же силъ торговаго люда, люда наиболѣе практичнаго въ этомъ дѣлѣ.

Общественныя силы уже ясно показали свою исключительную жизнеспособность въ дѣлѣ организаціи снабженія арміи. Земскіе союзы и союзы городовъ на пути этомъ творили чудеса. Почему же ими не воспользовались властные руки, по набатному голосу, раздававшемуся съ думскихъ скамей.

Оттуда предпочитали слать моленія о казенномъ пайкѣ для бѣдныхъ колонистовъ и дѣлать изліянія о несправедливомъ привлеченіи ихъ къ военной службѣ, совместно съ ликвидаціей ихъ земель.

Вотъ какъ работаютъ наши сестры милосердія на питательныхъ пунктахъ ¹⁾, по словамъ г. Ксюнина:

Проѣзжаю мимо разваливъ церкви. Уцѣлѣла только часть ограды и чтобы сохранить мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ его обнесли березовымъ заборомъ.

Въ сторонѣ питательный пунктъ. Толпа солдатъ. Подъ навѣсомъ поятъ и кормятъ.

Меня тоже предупредили, чтобы непременно зашелъ къ сестрѣ Смирновой. Молодая, а по энергіи совсѣмъ. Пуришкевичъ въ юбкѣ. Одно время гдѣ-то въ захолустьѣ она ухитрилась доставать провизію на двѣ тысячи чело-вѣкъ въ день. А когда интендантство ей плохо помогало, пріѣхала въ штабъ корпуса и распекла генерала. Тотъ потомъ всѣмъ разсказывалъ:

Ни отъ кого выговоровъ не выслушивалъ, а отъ сестры Смирновой пришлось выслушать...

Въ просторной палаткѣ за стаканами чаю сидятъ офицеры. Кто-то сообщилъ, что на дняхъ неподалеку бомбами съ аэроплана убило и ранило нѣсколько санитаровъ и уполномоченнаго.

— Мало я вѣрю въ аэропланы, — усмѣхается поручикъ, — а все-таки съ удовольствіемъ бы нанялъ парочку, чтобы они сбросили пятокъ бомбъ надъ Петроградомъ, — хотя бы при развѣздѣ съ острововъ или гдѣ-нибудь на Невскомъ.. Противъ же города трудно придумать...

— Всякому вадору вѣрять, — соглашается другой, недавно побывавшій въ нашей милой столицѣ.

Такъ говорили о Петроградѣ тѣ, которые сейчасъ въ наступленіи. Они далеко отъ васъ. Они у крайней черты, на берегахъ Стохода. Я не могу не передать ихъ словъ.

Сидѣвшая противъ меня сестра Смирнова вспомнила излюбленныя австрійцами березки и разсудила по-своему:

— Говорятъ, культуру наводили, а какая культура, если уничтожались деревья. Не вѣрю я вообще въ ихъ культуру... Допустимъ, что пристрастна къ нимъ, но я этого не скрываю. Они перевернули весь мой міръ... Не понимаю, зачѣмъ мы учились, ходили въ школы, читали хорошія книги, если приходится жить въ вѣкѣ Вильгельма-варвара... Я теперь и книгъ въ руки не беру, да и некогда, — кормлю. Корову зарѣзать — дѣло, достать хлѣба или сахару — дѣло. Солдатъ накормить — тоже дѣло, а зачѣмъ книга...

1) „Нов. Вр.“ 18 іюля 1916 г.

— Развѣ не устаете?—спрашиваетъ кто-то изъ офицеровъ.

— Не чувствуешь. Можетъ быть, потомъ и наступитъ реакція и захочется запереться ото всѣхъ и, взявъ ненавистную сейчасъ книгу, забраться поглубже на диванъ, чтобы никого не видѣть и не слышать, а пока подбодряетъ хорошее отношеніе... Уходить изъ палатки сытыми—вотъ и пріятно...

Капитанъ англійскаго коммерческаго парохода Фразъ защищалъ свой пароходъ отъ потопленія германской подводной лодкой, и былъ за это разстрѣлянъ дикими тевтонами. Казнь эта возбудила негодованіе во всей Британской имперіи. Въ Лондонѣ учреждена лига британскихъ подданныхъ, которая требуетъ суда надъ императоромъ Вильгельмомъ за умерщвленіе Фразы и другихъ жертвъ.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ сообщаетъ такія свѣдѣнія о Кіевскихъ чудесахъ ¹⁾.

Городской продовольственный отдѣлъ, несмотря на полугодовое его существованіе и на миллионъ рублей, уже истраченный имъ, не оказалъ рѣшительно никакого вліянія на торговцевъ, рѣшительно ничего не измѣнилось къ лучшему въ смыслѣ обезпеченія населенія жизненными продуктами.

Вы подумаете, быть можетъ, что въ дѣйствительности и нѣтъ никакихъ городскихъ продуктовъ, что миллионъ, отщепенный на ихъ закупку, истраченъ на другую какую-нибудь надобность, что обычно водится въ кіевскомъ городскомъ управленіи? Жестоко ошибаетесь: городскіе продукты есть въ дѣйствительности. Сколько ихъ и на какую сумму, никто, конечно, не знаетъ, но что они закуплены и существуютъ—это всѣ узнали на дняхъ изъ доклада завѣдующаго городскимъ продовольственнымъ отдѣломъ А. Н. Шефтеля объ... уничтоженіи большого количества хранившейся на городскихъ складахъ рыбы, которую продовольственному отдѣлу, закупившему ее еще зимою, „не удалось“ (sic!) до сего времени сбыть и которая оказалась „совершенно испорченной“. Вы думаете, что это и все, что, кромѣ рыбы, го-

¹⁾ „Новое Время“, 18 іюля 1916 г.

родскимъ продовольственнымъ отдѣломъ ничего больше не закуплено? О нѣтъ! Кромѣ рыбы имъ закуплено большое количество и муки, но... Но съ ней ему, какъ видно изъ того же доклада г. Шефтеля, тоже „не удалось“: одна часть закупленной муки стала „горѣть“ на складахъ отъ солнца, а другая часть оказалась подмоченной дождемъ. Въ результатѣ—70 тысячъ пудовъ муки, стоимостью до 200 тысячъ рублей, оказались испорченными.

Итакъ, въ то самое время, когда кievляне платили 70 и 80 к. за фунтъ рыбы,—городскому продовольственному отдѣлу, закупившему по сравнительно дешевой цѣнѣ еще зимой большое количество рыбы, „не удалось“ сбыть ее, и она сгнила на городскихъ складахъ. Муку, закупленную для снабженія населенія, тоже „не удалось“ сбыть, и она тоже частью сгорѣла, частью сгнила.

Передавали, что одинъ изъ торговцевъ говорилъ: „Спасибо нѣмцамъ, благодаря имъ мы теперь понаживемся“.

Въ „Вечернемъ Времени“ сообщаютъ ¹⁾, какъ зимовали въ Луцкѣ.

Каждый зимоваль по-своему.

Завоеванные жили впроголодь, гордые завоеватели веселились. Развлекались не попросту, а съ толкомъ и въ зависимости отъ чина и ранга.

Въ Луцкѣ было устроено четыре увеселительныхъ учрежденія: для генераловъ, для офицеровъ, для унтеръ-офицеровъ и для солдатъ. Каждый шелъ, куда ему надлежало, и веселился, какъ умѣлъ. Въ генеральское учрежденіе, гдѣ устраивались танцевальные вечера и попойки, съ дамами, вывезенными изъ Вѣны и изъ Польши, впускали чиномъ не ниже полковника.

„Для объединенія“ предполагали построить общій кафешантанъ, заложили основаніе, но стѣнъ вывести не успѣли. Этому „полезному“ начинанію помѣшало русское наступленіе.

Изъ Москвы передаютъ въ „Вечернее Время“ ²⁾:

Сегодня городской голова выѣзжаетъ въ Петроградъ, чтобы представить предсѣдателю Совѣта Министровъ, ми-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 18 іюля с. г.

²⁾ „Веч. Вр.“ 18 іюля 1916 г.

нистру внутреннихъ дѣлъ и министру торговли и промышленности новыя докладныя записки по дѣлу общества 1886 года. Въ этихъ запискахъ возбуждается вопросъ о скорѣйшей ликвидаціи предпріятія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражается протестъ противъ повышенія тарифа на электрическую энергію. Въ связи съ представленіемъ этихъ записокъ въ городскомъ управленіи складывается убѣжденіе въ необходимости освѣтить дѣятельность предсѣдателя правленія общества ген. Свенторжецкаго по отношенію къ общественнымъ организаціямъ. Генераль былъ назначенъ предсѣдателемъ послѣ Тимирязева, до этого онъ состоялъ въ фирмѣ Сименсъ и Гальске, одного изъ крупныхъ акціонеровъ общества 1886 г. Въ обществѣ 1886 года генераль явно занялъ враждебную позицію по отношенію къ общественнымъ организаціямъ и покровительственную по отношенію къ акціонерамъ.

Корреспонденты съ фронта подмѣтили ¹⁾ новое отрадное явленіе, которое сопровождаетъ теперь наши военныя дѣйствія:

„Помимо личной лихости и самоотверженности русскихъ войскъ, не знающихъ непреодолимыхъ преградъ, успѣху содѣйствовало, главнымъ образомъ, искусство нашихъ генераловъ и офицеровъ, сумѣвшихъ сохранить свои приготовления къ новому натиску въ строгой тайнѣ. Австріяцы были захвачены врасплохъ.

Вообще, теперь замѣчено отрадное явленіе: противники какъ-то меньше стали освѣдомлены о нашихъ планахъ и намѣреніяхъ. Былину о томъ, какъ перевелись предатели на святой Руси, еще не скоро повѣдаютъ намъ баяны, но, во всякомъ случаѣ, темныя слуги кроваваго кайзера сильно присмирѣли. А, вѣдь, совсѣмъ недавно едва лишь какой-либо полкъ появлялся на позиціяхъ, какъ австро-германцы уже посылали ему привѣтъ: „Здоровы, братцы такого-то полка. Мы васъ ждали еще вчера. Что же вы оцандываете?“

Теперь наоборотъ. На-дняхъ былъ найденъ при одномъ изъ плѣнныхъ приказъ генерала Пухалло, въ которомъ говорится, что русскіе, благодаря прекрасно поставленной развѣдкѣ, узнали о готовящемся 4—5 іюля наступленіи австро-германской группы войскъ на Лицъ и неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе предупредили ихъ замыслы.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 18 іюля 1916 г.

„Биржевыя Вѣдомости“ ¹⁾ сообщаютъ со словъ изобрѣтателя Н. П. Пузыревскаго о его изобрѣтеніи.

„Сущность моего изобрѣтенія состоитъ въ слѣдующемъ. Представьте себѣ 2 большихъ поплавка, которые находятся на различныхъ горизонтальныхъ уровняхъ воды: Каждый поплавокъ представляетъ собою довольно большой величины ящикъ изъ желѣзо-бетона, имѣющій форму усѣченной пирамиды, безъ дна. Въ верхней части каждаго поплавка имѣется углубленіе, въ которое помѣщается судно. Оба поплавка соединены между собою трубой. Какъ я уже упомянулъ, поплавки безъ дна, и въ нижней части ихъ, подъ небольшимъ давленіемъ, находится извѣстное количество воды. Вся система поплавковъ уравновѣшена такъ, что она находится въ состояніи безразличнаго равновѣсія, и стоитъ только добавить небольшой грузъ, чтобы верхній поплавокъ началъ опускаться, а нижній началъ подыматься, до тѣхъ поръ, пока оба они не очутятся на одномъ уровнѣ. Тогда судно, находящееся на верхнемъ поплавкѣ, по горизонтальной плоскости легко можетъ быть передвинуто на нижній поплавокъ, который затѣмъ снова опустится до самаго нижняго положенія, т. е. будетъ достигнуто то, что теперь достигается шлюзами“.

19 іюля. Въ Кіевѣ образовалась негласная компанія дѣльцовъ капиталистовъ, начавшихъ усиленно скупать сахарныя заводы, платя очень крупныя суммы.

Для назиданія заячьихъ душъ тыла приводимъ письмо прапорщика Осипова къ матери ²⁾. Это письмо было написано еще при жизни для отправленія въ случаѣ его смерти:

Прапорщикъ Осиповъ 6 января 1916 года былъ смертельно раненъ и умеръ на перевязочномъ пунктѣ, а письмо это отправлено его матери. Копія съ него была прислана теткой Осипова къ свѣдѣнію г.г. офицеровъ 19-й артиллерійской бригады, гдѣ онъ доблестно служилъ:

„Милая мамочка, мнѣ невыразимо больно, что я долженъ тебѣ писать все то, что ты найдешь ниже. Я думаю, что все же лучше написать „на всякій случай“. Ты, конечно,

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 18 іюля 1916 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 19 іюля 1916 г.

поймешь, что, идя на войну охотникомъ, я само собою разумѣется, шелъ въ дѣло при первой возможности. Много я уже видѣлъ, многое увижу впереди и, можетъ быть, заплачу за это даже жизнью. Это недорогая цѣна за все пережитое, вѣдь, только рискуя головой ежесекундно, начинаешь испытывать чувство жизни во всей ея остротѣ. Безъ этого жизнь—пустое прозябаніе, я не хотѣлъ прозябать и можетъ быть погибну. Но найди утѣшеніе въ томъ, что сынъ твой хотѣлъ быть гражданиномъ своей родины на дѣлѣ и погибъ, не прячась за другія спины, а прикрывая собою другихъ. Мама, вспомни маленькую беззащитную Бельгію, вспомни стоны польскаго пограничнаго населенія, вспомни несчастную страну героевъ, Сербію и Черногорію, и ты, я думаю, согласишься, что даже самое глубокое горе отдѣльнаго человѣка окажется лишь малой каплей въ морѣ слезъ, проливаемыхъ сейчасъ въ Европѣ. Со мною встрѣчался одинъ сербъ (бывшій русскій офицеръ), недавно пріѣхавшій сюда по дѣламъ своего правительства. Онъ говорилъ, что въ Сербіи не осталось мужчинъ—мирныхъ обывателей, всѣ, какъ одинъ, встали на защиту своего отечества. Въ Парижѣ молодому человѣку моихъ лѣтъ стыдно показаться на улицѣ, въ Англии то же самое. Наша родина выдержала страшный натискъ тевтоновъ. Не долгъ ли каждому гражданину защищать свою землю и всѣхъ на ней находящихся? Вѣдь, зная свои гражданскія права, надо не забывать и гражданскія обязанности, чтобы послѣ можно было прямо держать свою голову, заявляя о своихъ правахъ. Да ко всему этому, какъ ни мало я жилъ, я уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что жизнь далеко не такъ хороша, чтобы за нее стоило цѣпляться. Я думаю, что ты, которая пожила больше меня, не станешь оспаривать этого. Ты, я полагаю, поймешь, къ чему я пишу все это. Я хочу разъяснить свой взглядъ на вещи, чтобы по возможности ты меньше сокрушалась, если со мной что-либо случится, а постаралась бы всю свою любовь и заботу обо мнѣ перенести на другихъ дѣтей, и дѣлать изъ нихъ честныхъ гражданъ, способныхъ къ мирной созидательной работѣ на благо русскому народу. На землѣ я сдѣлалъ свое дѣло, дѣло маленькое, незамѣтное, но оно оставитъ свой слѣдъ, слѣдовательно, я не даромъ жилъ. Я отлично понимаю, что причиняю (хотя и невольно) тебѣ страшное горе, но взгляни трезво на вещи, подумай и скажи, стоитъ ли мучиться зря. Я видѣлъ здѣсь кучи солдатскихъ труповъ. По каждомъ

изъ нихъ будутъ убиваться матери, жены. Но, мама, такое горе—животное горе: простымъ людямъ трудно возвыситься до сознанія того долга, о которомъ я говорю, и преклониться передъ нимъ. Тебѣ, какъ матери, конечно, будетъ очень тяжело, но, мама, вспомни, насколько выше ихъ стоишь ты, вѣдь ты училась, жила сознательной жизнью интеллигентнаго человѣка, и это даетъ мнѣ увѣренность, что ты исполнишь мою послѣднюю просьбу, возьмешь себя въ руки и разумомъ поймешь, что то, что случилось, не таить въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, не все ли равно, дожить до 50—60 лѣтъ, болѣть послѣднія десять лѣтъ и умереть на кровати, промучившись исправно.. или погибнуть въ 21 годъ съ сознаніемъ исполненнаго долга.. Я думаю, что послѣднее лучше во всѣхъ смыслахъ. Прощай, мама. Утѣшься, помни, что если сынъ твой и погибъ, то гибель его недешево стоила врагамъ нашей родины. Твой и въ этой и въ той жизни Володя“.

Изъ полученныхъ въ бригадѣ писемъ матери и тетки видно, что и младшій братъ его, увлеченный доблестнымъ примѣромъ старшаго брата, не задумываясь, идетъ по его стопамъ, поступивъ въ военное училище.

Мать прапорщика Осипова, имѣя еще трехъ дѣтей, служить санитарнымъ врачомъ въ гор. Тифлисѣ (предмѣстье Ваке) и помимо получаемаго незначительнаго содержанія другихъ средствъ не имѣетъ. Потерявъ въ лицѣ прапорщика Осипова своего старшаго сына, опору семьи, она посылаетъ другого ему на смѣну!

Общая площадь намѣченныхъ къ ликвидаціи нѣмецкихъ земель составляетъ 3.256.033 десятинъ. Позапаслись таки г.г. нѣмцы русской землицей.

А сколько ея не вошло въ эту цифру?

Съ введеніемъ таксы на обувь, въ Твери, какъ и въ другихъ городахъ, сапожные магазины, будто по щучьему велѣнію, оказались безъ обуви. Однако, тверичи, до нѣкоторой степени, нашли выходъ изъ создавшагося положенія, широко пользуясь обувью на деревянныхъ подошвахъ, получаемой изъ Корчевы. По словамъ „В.“ такая обувь изготовляется арестантами корчевской тюрьмы.

Мужскіе желтые ботинки съ ремнями изъ простой кожи стоятъ 1 р. 85 к., дамскіе изъ черной кожи—2 р. 90 к. Подошвы у такихъ дешевыхъ ботинокъ сдѣланы изъ основныхъ дощечекъ.

Спросъ на обувь огромный. Корчевская тюрьма не успѣваетъ выполнять заказы.

19—20 июля. Его королевское высочество королевичъ греческій Николай 19 сего іюля возвратился изъ побѣдки и прослѣдовалъ въ Павловскъ ¹⁾.

Г. Паозерскій въ „Вечернемъ Времени“ сообщаетъ о такихъ продѣлкахъ російскихъ духовныхъ нѣмцелюбовъ по торговлѣ воскомъ, что жутко ихъ приводитъ въ нашихъ замѣткахъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ²⁾ передаетъ свое впечатлѣніе о мѣстахъ недавнихъ боевъ, которыя онъ посѣтилъ:

„Мнѣ рассказывали, что переправа эта была трудна, но я убѣдился, что она была ужасна. За рѣкой простиралось двухверстное болото съ переброшенной черезъ него узкой деревянной настилкой, которое наши войска взяли подъ ураганнымъ огнемъ батарей противника. Австрійцы не жалѣли снарядовъ, чтобы помѣшать нашей переправѣ. Въ этомъ они расписались огромными черными воронками, усѣявшими все болото, задернутое теперь легкими клубами вечернихъ испареній. Насъ неприятно поразили, между прочимъ, воздухъ этого израненнаго болота. Это не было трупное зловоніе, а нѣчто еще болѣе кошмарное, — это былъ запахъ мясной лавки въ жаркій лѣтній день, гдѣ залежался товаръ, и неопратно смываются стойки. Глаза невольно всматривались въ каждую кочку, въ каждую тряпку на болотѣ. Но бездонная трясина заботливо схоронила слѣды недавней трагедіи: ни раненыхъ, ни мертвыхъ— все впитала въ себя холодная тина. Но вотъ, наконецъ, кончилось это братское кладбище для живыхъ и убитыхъ,

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 іюля 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 19 іюля 1916 г.

а тутъ новое царство ужаса — маленькій лѣсъ передъ деревней Клекотовомъ.

Я много разъ видѣлъ лѣса, изломанные сильнѣйшими ураганами, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что произвела въ лѣсу наша артиллерія.

Вѣковыя разбитыя въ щепы сосны, бревна окоповъ и блиндажей, остатки какихъ-то строеній,—все смѣшалось, какъ въ мусорномъ ящикѣ. Неудивительно, что австрійцы не усидѣли здѣсь и двухъ часовъ. Утромъ въ этомъ лѣсу они чувствовали себя въ своихъ окопахъ прекрасно, а въ полдень ихъ убѣжища стали могилами. Что ни окопъ, то гекатомба труповъ, обезображенныхъ адскими взрывами снарядовъ. Только теперь мнѣ стало понятно, почему австрійскіе солдаты такъ боятся нашего артиллерійскаго огня.

Мы съѣздили въ Клекотовъ, переходившій изъ рукъ въ руки. Какимъ-то чудомъ эта деревня уцѣлѣла. Только на мѣстѣ господскаго двора дымилась гряда черныхъ балокъ.

1, 7, 18 и 19 городскія попечительства возбудили ходатайство объ отпускѣ имъ средствъ на 3 года на организацію общественныхъ столовыхъ для борьбы съ современной дороговизной. Въ добрый часъ. Отчего этому благому примѣру не послѣдуютъ другія попечительства?

Въ Россію является значительный наплывъ тѣхъ лицъ, которыя вышли изъ російскаго подданства и приняли подданство С.-А. Штатовъ, Аргентины и Голландіи. Эти бывшіе русскіе безпрестанно выѣзжаютъ и возвращаются въ Россію. Какими темными дѣлами они занимаются? Необходимо ограичить ихъ права.

Передаютъ, что въ послѣднее время петроградскіе блуднички стали спекулировать съ мукой.

Вотъ одна изъ картинокъ недавнихъ боевъ ¹⁾:
Сдѣлали версты четыре. Дальше ѣхать нельзя. Непро-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 іюля 1916 г.

лазное болото. По кочкамъ набросаны сучья, по нимъ везли орудія, и изъ подъ нихъ просачивается вода.

Вчера тутъ шель бой, который мы видѣли издали, съ наблюдательнаго пункта.

Совсѣмъ, какъ послѣ урагана. Я помню въ журналахъ французскіе снимки тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя прошла война. Но тѣсь за Слоневкой страшнѣе всѣхъ картинъ.

Старыя громадныя деревья какъ бы спилены. Другія глядятъ причудливыми расщеплинами. Одно раскололо звѣздой, и оно бѣлѣетъ надъ грудой наваленныхъ сосенъ.

Между деревьями воронки отъ тяжелыхъ снарядовъ. Пруды, а не воронки.

Тѣсь валило, ломало и счищало старые дубы и высоченныя сосны. Кололо, какъ щепу. Трупный запахъ, удушливый, разлагающій.

Вчерашніе окопы и землянки австрійцевъ. Они брошены поневолю. И около нихъ лежатъ распластанные трупы австрійцевъ. Кто ничкомъ застигнутый пулями вдогонку, кто на спинѣ, пораженный шрапнелью.

Изъ землянокъ выброшенъ всякій хламъ. Торчатъ зеленныя жестяныя кровати съ мѣдными украшеніями, валяются умывальники и зеркала, катки для бѣлья, пустые боченки, множество гранатъ, ранцевъ и патроновъ.

По тѣсу и дальше по болоту синѣютъ брошенныя шинели австрійцевъ. Раскиданы ружья, лопаты, кирки, груды патроновъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ напечатано:

„Завѣдывающій дѣлами общества тарифныхъ съѣздовъ циркулярно предложилъ всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и заинтересованнымъ организаціямъ считать отмѣненнымъ его циркуляръ отъ 21 мая о запрещеніи платежей фирмъ Гергардъ и Гей. Циркуляръ отмѣненъ на основаніи полученнаго управляющимъ отдѣломъ общества тарифныхъ съѣздовъ отношенія правленія общества Московско-Казанской жел. дороги, въ которомъ онъ сообщаетъ, что какъ разъясненіе правленія акціонернаго общества Гергардъ и Гей, скрѣпленное подписью правительственнаго инспектора, такъ и разъясненіе особой канцеляріи по кредитной части установили, что названная фирма является русской.“

Небезынтересно напомнить, что въ послѣднемъ совѣщаніи засѣданія по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ подѣ

предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго постановлено секвестровать предпріятія общества Гергардъ и Гей, какъ явно германскаго.

Ну, а какъ считать „Гергарда и Гей“ въ Лейпцигѣ, русской фирмой или нѣмецкой?

Строитель Нижегородской тюрьмы инженеръ Коль посаженъ въ эту же тюрьму губернаторомъ на 3 мѣсяца за двукратное произнесеніе крайне дерзкихъ выраженій, оскорбляющихъ русское національное чувство.

21 іюля. Медицинская академія въ Парижѣ заслушала доклады докторовъ Николлѣ и Влэзо о достигнутыхъ ими результатахъ успѣшнаго леченія сыпного тифа посредствомъ впрыскиванія особой сыворотки. Опытъ сдѣланъ на 38 тяжелыхъ больныхъ, недавно прошедшихъ курсъ леченія впрыскиваніемъ, которое привело къ быстрому выздоровленію. Пятая часть больныхъ выздоровѣла безъ всякихъ осложненій, весьма частыхъ при этой болѣзни. Смертность въ тяжелыхъ случаяхъ, при указанномъ способѣ леченія, понизится съ 25 проц. до 3 проц. ¹⁾

Г. Ксюнинъ ²⁾ передаетъ, какъ во время нашего послѣдняго наступленія наши войска берегли посьвы:

— И вы посмотрите, какъ они удивительно прошли!— замѣчаетъ мой спутникъ, полковникъ Б—въ.—Взгляните на посьвы!

Дѣйствительно, есть чему удивиться, и чѣмъ полюбоваться.

Всюду, куда ни глянь—безбрежныя, благодатныя нивы, поля ржи, ячменя, высокой конопли и кукурузы, веселые квадраты желтыхъ подсолнуховъ, въ стройномъ и дисциплинированномъ равненіи повернувшихъ свои головы къ ослѣпительному богу жизни и лѣта...

И ни одной погравы, ни одного вытопаннаго мѣста.

Все цвѣгетъ, рстетъ и зрѣетъ, и на поляхъ спокойно работаютъ одѣтые въ свой бѣлый нарядъ буковинцы, убирающіе спѣлое и высокое „жито“.

¹⁾ „Нов. Вр“ 21 іюля 1916 г.

²⁾ Тамъ же.

Все это даетъ возможность сдѣлать два вѣскихъ и неоспоримыхъ заключенія, весьма пріятныхъ для русскаго сердца.

Первое—это то, что ни австрійцы, ни нѣмцы не вѣрили въ возможность нашего наступленія и во всякомъ случаѣ въ такую его быстроту и силу.

Въ противномъ случаѣ они никогда бы не оставили намъ несжатými своихъ полей и успѣли бы скосить и увезти съ собою уже въ то время почти совсѣмъ зрѣлые хлѣбные злаки.

Во-вторыхъ—не учли нашихъ силъ и знаменитые учителя австрійцевъ, господа нѣмцы. Если бы они знали, что мы не только умѣемъ отступать передъ ними, но и сами въ свое время сумѣемъ раздавить врага и заставить его бѣжать въ глубь страны—они научили бы своихъ голодныхъ союзниковъ использовать каждый колосъ и не отдавать его въ наши руки.

Въ-третьихъ—нетронутыя и зрѣющія нивы указываютъ на то, какъ хорошо велось наше наступленіе и какъ увѣренно и въ какомъ порядкѣ двигались за врагомъ наши войска.

Доказываетъ и то, что сбереженныя поля дадутъ покой и сытые дни деревнямъ Буковины и не превратятъ ихъ въ голодныхъ бѣженцевъ и бездомныхъ бродягъ, причиняющихъ намъ новыя заботы.

И вотъ идетъ среди этихъ благодатныхъ и освященныхъ русскою побѣдой полей нашъ поѣздъ.

Передаютъ, что мукомолы въ Саратовѣ Шмидтъ, Борель и Рейнеке держатъ въ плѣну весь Саратовъ. Они сплавляютъ муку въ своихъ баржахъ по Волгѣ миллионами пудовъ по 18 руб. за пятипудовый мѣшокъ и отказываютъ въ продажѣ муки горожанамъ.

Вотъ какіе разговоры раненыхъ приходится выслушивать сестрѣ милосердія ¹⁾:

— Сестра,—шепчетъ раненый, стараясь не нарушить покоя спящихъ,—напиши моей женкѣ, что я живъ, что мы нѣмца прогнали съ нашей деревни; наша изба цѣла, только дверь сняли.. Зарытыя вещи германъ не трогаль, трава

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 21 іюля 1916 г.

на томъ мѣстѣ высокая растеть, видно, что никто туда не ходилъ. Я хотѣлъ разрыть и поглядѣть, да боялся землю ворошить, еще злодѣю дорогу покажешь къ своему же добру... Сестричка, скажи только правду—я не помру?—неожиданно прерывая свою мысль, говорить больной, съ тревогой глядя на меня.

Я его успокаиваю, но онъ не слушаетъ моихъ словъ, а пристально и мучительно долго смотритъ мнѣ въ глаза, желая только въ нихъ найти правдивый отвѣтъ; затѣмъ медленно переводитъ свой взоръ на икону св. Николая Чудотворца, и, забывая о письмѣ и обо мнѣ, начинаетъ горячо молиться Угоднику.

22 июля. Въ Гельсингфорсѣ исчезаетъ мелкая размѣнная монета. Куда она дѣвается, не извѣстно. Между тѣмъ за время войны монеты отчеканено столько, сколько ея выпущено за послѣднiя 30 лѣтъ до начала войны. Кому г.г. финляндцы препровождаютъ монету сію?

Корреспондентъ „Новаго Времени“ ¹⁾ такъ описываетъ боевую дѣятельность нашей батареи:

Бой въ разгарѣ, батарея работаетъ во всю. Наводчики то и дѣло протираютъ наболѣвшіе глаза, правильные падаютъ отъ усталости, подносчики патроновъ, хотя въ помощь имъ приданы нѣкоторые изъ денщиковъ и уборщиковъ офицерскихъ лошадей, обливаются потомъ и насилу успѣваютъ подносить по ходамъ сообщеній патроны изъ глубокихъ и солидныхъ блиндажей-хранилищъ. Установщики трубокъ тоже переутомились работой и хотя, когда стрѣляли гранатой, прямого дѣла у нихъ не было, но небывалое прежде количество патроновъ, выпускаемыхъ батареей, принудило и ихъ принять участіе въ переноскѣ „гостинцевъ“.

Командующій на батареѣ штабсъ-капитанъ Л—ловъ тоже еле держится на ногахъ. Еще бы, теперь офицеры артиллеристы на расхватъ; командиръ на своемъ пунктѣ, одинъ изъ офицеровъ на боковомъ наблюдательномъ пунктѣ, другой на передовомъ — съ пѣхотой. Одному неустанному шт.-капитану Л—лову приходится держать въ своихъ рукахъ батарею. Одна только подача команды при несмолкаемомъ грохотѣ орудій требуетъ такого напряженія голосовыхъ связокъ, которое не каждому прославленному тенору

¹⁾ „Нов. Вр.“ 22 июля 1916 г.

въ моготу, а вѣдь это только одна изъ многихъ и сложныхъ обязанностей старшаго офицера. Хорошо, что въ батарее есть такіе лихіе помощники, какъ взводные фейерверкеры Шкира, Медикъ и Шинкаренко, хорошо, что батарея слажена и сбита прежними боями, прогремѣвшими и прославившимися своей напряженностью на весь міръ.

Четверка храбро наступала,
 Но врагъ сильнѣе былъ разъ въ пять
 И подъ Бреслау показала,
 Какъ нужно съ пользой помирать...

Такъ поется въ бригадной пѣснѣ и со времянь перваго нашествія русскихъ полковъ въ Восточную Пруссію, со времянь августовскихъ боевъ 1914 г. создала себѣ славу выходящая съ честью изъ самыхъ тяжелыхъ положеній героическая бригада сначала подъ командой ген. Ч—а, а потомъ руководимая доблестнымъ ген. Сед—вымъ.

Такого запаса снарядовъ не было еще никогда. По вырытымъ ходамъ сообщенія ихъ приходилось таскать изъ спеціально построенныхъ подземныхъ хранилищъ. Хранилища эти были положительно переполнены шрапнелями и главнымъ образомъ „тротилками“; сдѣланы они были насколько возможно основательнѣе, но, конечно, выдержать массивный снарядъ артиллеріи крупнѣйшихъ калибровъ они не могли, и на батарею всемъ было ясно, что, попади хоть одинъ „чемоданъ“ въ любой изъ погребовъ, и не только отъ людей, но и отъ самой батареи не останется и слѣда. Какъ вѣтромъ карточный домикъ разнесеть.

Стрѣляли съ трехъ часовъ утра. Сначала часа два врагъ молчалъ, вѣроятно ошеломленный небывалой силой огня. Но около пяти, очевидно, непріятель пришелъ въ себя и все его батареи набросились въ поискахъ нашихъ. Онѣ открыли адскій огонь. Пока еще наша пѣхота не двигалась, онѣ прилагали все усилія, чтобы насъ нащупать. Наблюденія съ привязныхъ шаровъ, смѣлые полеты аэростатовъ, обстрѣлъ площадями, по картѣ, все было пущено ими въ ходъ.

Вотъ очередь снарядовъ разрывается впереди прикрывающаго насъ гребня.

— Три секунды выстрѣлъ,—охрипшимъ голосомъ передаетъ полученную по телефону отъ командира батареи команду, штабсъ-капитанъ Л—ловъ.

— Три секунды выстрѣль,—слышны голоса взводныхъ между разрывами непріятельскихъ снарядовъ.

Черезъ каждыя три секунды стрѣляютъ орудія, какъ по часамъ, какъ по секундомѣру. А разрывъ непріятельскихъ снарядовъ все ближе и ближе. Съ того мѣста, гдѣ далеко отъ телефона стоитъ во весь ростъ, безъ прикрытія шт.-кап. Л—ловъ, не видно праваго фланга батареи, а тамъ уже вышло два орудійныхъ номера. Одинъ убитъ на мѣстѣ, другому оторвало руку.

Подбѣжали санитары, насилу волоча по узкому ходу сообщенія носилки. Но о потерѣ дальше своего орудія да случайно увидавашаго несчастье сосѣдняго орудія никому неизвѣстно.

Боевая традиція бригады никого не беспокоитъ убылью во время боя. Каждый знаетъ свое дѣло: санитары окажутъ помощь пострадавшимъ, замѣнятъ ихъ своимъ распоряженіемъ тѣ, кому полагается „по уставу“, и не дѣло отрывать для этого отъ боя командный составъ.

Уже надъ самой батареей бѣшено несутся непріятельскія гранаты и шрапнели, но какъ ни въ чемъ стоитъ во весь ростъ на своемъ мѣстѣ офицеръ и, не обращая вниманія на убыль, точно исполняетъ телефонныя приказанія командира.

Орудійная прислуга работаетъ, какъ машина. Убывшіе замѣняются „по уставу“ и съ точно устанавливаемыми командуемыми установками, какъ по хронометру, черезъ три секунды рывкаютъ трехдюймовки.

А по ходамъ сообщенія работаютъ санитары.

— Братцы, попить бы...—проситъ раненый.

На ходу бросаетъ ему наводчикъ флягу и сейчасъ же углубляется въ свое дѣло; ни на секунду не въ правѣ онъ прекратить свою работу.

Раненому поможетъ санитаръ и каждый полонъ сознанія, что бы ни случилось, онъ долженъ дѣлать свое дѣло, и прервать его хоть на секунду, хотя бы для помощи товарищу,—преступленіе.

Въ этомъ вся сила, въ этомъ ключъ побѣды, успѣхъ.

Здѣсь, на батарею, выбываютъ единицы, ну, десятки, а тамъ, гдѣ наступаетъ пѣхота, тамъ идетъ дѣло о сотняхъ. Одинъ снарядъ, выпущенный не черезъ три секунды, а съ запозданіемъ, неправильная установка на какое-нибудь дѣленіе трубки прицѣла, и ужъ непріятель имѣетъ возмож-

ность, имѣть лишній шансъ укрѣпиться, перебѣжать, а какъ слѣдствіе этого—лишнія жертвы у насъ.

Подбѣгаетъ къ раненому, упавшему около орудія, санитарь.

— Отлежусь я, — бормочетъ раненый герой, — снаряды вона носить трудно, пособи-ка, поднеси, а я отлежусь, доберусь до хода-то какъ-нибудь...

И идутъ санитары подносить снаряды и не рѣдѣетъ огонь батареи. Одному изъ установщиковъ трубокъ осколкомъ серьезно ранить ногу.

— Ползи въ лазаретный блиндажъ, — говоритъ ему наводчикъ.

— Успѣю, — хмуро отвѣчаетъ раненый и, сидя на краю ровика, продолжаетъ устанавливать трубки.

Всѣ, всѣ хотятъ участвовать въ вырисовывающейся побѣдѣ. Раненые „забываютъ“, что они ранены, отказываются признать себя, пока идетъ бой, негодными къ участию въ общей побѣдной работѣ. А другимъ „цѣльнымъ“, кромѣ специально приставленныхъ къ санитарному дѣлу, теперь, въ данный моментъ, дороже „работающие“. Другъ, братъ родной раненъ: ну, что же? Судьба. Онъ одинъ, а если вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, идти къ нему на помощь, оставить пушку, оставить снаряды, то убитыхъ и раненыхъ будутъ уже десятки, сотни. И сами пострадавшіе думаютъ такъ же и, какъ бы имъ тяжело ни было, гонятъ къ „работѣ“ тѣхъ малодушныхъ, которые, ради жалости, пытаются оставить свою работу для помощи раненому.

Въ этомъ есть героизмъ, въ этомъ наша сила, въ этомъ самопожертвованіи ради общей цѣли наша побѣда, наше могущество.

— Братцы, иди же къ пушкѣ, стрѣлять надо, — вотъ тотъ окрикъ, съ которымъ встрѣчаютъ раненые своихъ добрыхъ, но малодушныхъ товарищей, спѣшащихъ къ нимъ на помощь во время стрѣльбы.

И они конфузятся.

— Лучше смерть, лучше муки, лишь бы побѣда, — вотъ лозунгъ нашихъ сѣрыхъ героевъ, и этотъ кличъ святъ имъ и тогда, когда на дѣлѣ приходитъ страданіе.

Г. Филатовъ такъ описываетъ недавнюю ¹⁾ атаку текинцевъ:

¹⁾ „Русское Слово“ 22 іюля 1916 г.

Вотъ замолчалъ послѣдній пулеметь, и пѣхота бросилась на штурмъ высоты, а батарея получила приказъ:

— Скакать слѣдомъ и бить по отступающимъ австрійцамъ.

Выскочили на высоту, прямо на открытую позицію. По лощинамъ прямо на виду тянутся синеватая ленты отступающихъ, но батарея пришлось сдѣлать по нимъ лишь два выстрѣла, ибо изъ лощины Чернаго Потока вылетѣли текинцы подъ командой полковника.

Какъ рожь подъ вѣтромъ, колеблются ихъ неровныя, мчащіяся группы, вьются пестрые халаты, высоко вздымаются огромныя бараньи шапки.

Страшно смотрѣть.

Австрійцы оборачиваются, нѣкоторые стрѣляютъ, большинство просто бѣжитъ. Офицеры пытаются организовать сопротивленіе, одинъ даже стрѣляетъ изъ револьвера въ непослушныхъ, но все напрасно: палика охватываетъ отступающихъ, и все тонетъ.

Вотъ доскакали. Колютъ и рѣжутъ. Именно рѣжутъ, а не рубятъ. Въ этомъ и есть настоящее искусство сабельнаго удара. Падаютъ люди, падаютъ головы.

Текинцы преслѣдуютъ уже группы и отдѣльныхъ людей. Сзади, среди убитыхъ, поднимаются нарочно упавшіе и стрѣляютъ въ спины всадниковъ.

Замѣтили, повернули. Хитрецы стрѣляютъ, бѣгутъ и снова падаютъ, но текинцы пронзаютъ ихъ пиками, иногда саблями, склоняясь съ сѣдла къ самой землѣ; удары бываютъ такъ сильны, что пики, прокалывая тѣла, падаютъ землю, и ломаются дровки.

Иногда назадъ налетаетъ одинокая фигура текинца, — онъ вывозитъ раненаго или убитаго товарища, иногда добычу, складываетъ въ тылу и снова мчится въ бой.

Во главѣ полка пошелъ въ атаку его командиръ. Одна пуля сбита шапку, другая ранила въ ногу. Офицеры остановили полковника, перевязали, и онъ смогъ съѣсть верхомъ и обратно доѣхать самъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо артиллеріи, то сказалъ:

— Вы говорите моимъ (невольнo хотѣлось добавить „чертямъ“, какъ зовутъ текинцевъ солдаты), чтобы собирались вояъ въ лошинку, туда весь полкъ съѣдется.

Текинцы, благодаря своему удару, не только разогнали отступающихъ, но и сбили ихъ съ пути отступленія, и австрійцы побѣжали прямо на нашу пѣхоту, вѣроятно, вы-

бирая изъ двухъ золъ меньшее. Взято ихъ было болѣе 3.500, и даже возникъ споръ, чьи это плѣнные. Но, по справедливости, это—плѣнные текинцевъ, ибо пѣхота ихъ только ловила, и безъ кавалеріи они бы ушли, даже оказывая сопротивление.

Долго еще рыскали текинцы по полю битвы, подбирая товарищей, ловя австрійцевъ, подгоняя плѣнныхъ. И горе тому, кто захочетъ улизнуть, пользуясь тѣмъ, что большую толпу провожаютъ 2—3 всадника. Ударъ пики или сабли,— и порядокъ установленъ.

Линія прорвана, и вся масса австрійцевъ начинаетъ отходить даже съ еще держащихся позицій. Это сразу чувствуется по артиллеріи: то она бьетъ ровпо, мѣтко, то вдругъ начинается какая-то нелѣпая пальба. „Пахъ, пахъ!“— рвутся высоко на небѣ шрапнели. „Ж-жъ, чекъ!“—клянется иная въ землю. То вдругъ цѣлая очередь улетитъ куда-то далеко черезъ головы. Это значитъ, что наблюдатели побѣжали со свихъ пунктовъ, и батареи стрѣляютъ наугадъ, оглядываясь на передки, чтобы только поугадать наступающаго. Но это мало помогаетъ, и часто идетъ прямо безудержное бѣгство.

23 іюля. Комитетъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ постановилъ ликвидировать извѣстныя предпріятія: фирму Швабе въ Москвѣ, Яковъ и Іосифъ Конъ и Артуръ Коппель.

Г. Болеславъ Шашковскій предлагаетъ 1) воскресить Польшу отъ Карпатъ до Балтійскаго моря и отъ Бѣлороссіи до нѣмецкихъ границъ.

Въ этомъ предложеніи недостаетъ только Украины, которая совершенно опредѣлила границы воскресшей Польши отъ моря до моря.

Охрана интересовъ нѣмецкихъ подданныхъ назначеніемъ особыхъ для того лицъ, якобы не заинтересованныхъ въ предпріятіи, ведется этими лицами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ усердно, что предпріятія становятся непри-

1) „Новое Время“ 23 іюля с. г.

ступной нѣмецкой крѣпостью. За примѣрами ходить недалеко.

На ст. Твери обнаружено, что безыменными накладными на конфеты въ Петроградъ слѣдоваль сахаръ.

Г. Носковъ сообщает ¹⁾ интересныя данныя о нашей берестѣ:

Во всѣхъ портахъ на моемъ пути изъ Бергена вплоть до Вардо (Сѣверная Норвегія)—и въ самомъ бойкомъ портовомъ городѣ Бергенѣ, и въ бывшей столицѣ Норвегіи Дронтгеймѣ, и въ маленькихъ портахъ, скорѣе предназначенныхъ для рыбопромышленниковъ, — Буде, Нарвикѣ, Тромсе, Гамерфестѣ, Санднесеенѣ и Варде, огибая дикую Скандинавію и бродя по оживленнымъ пристанямъ, я былъ удивленъ обилію бересты. Береста эта, въ видѣ громадныхъ тюковъ, сложенная, какъ складываются листы хлопка или кожи, поднималась лебедками, пароходными кранами съ пристаней и трюмовъ пришедшихъ откуда-то морскихъ судовъ высоко въ воздухъ, потомъ тѣмъ же способомъ опускалась въ другіе трюмы—направляющихся на югъ пароходовъ.

Этотъ странный грузъ очень удивлялъ меня, и я обратился однажды къ одному норвежцу, видимо, моряку, судя по формѣ.

— Вы спрашиваете про бересту? — переспросилъ онъ, улыбувшись.

— Да,—отвѣтилъ я, немного даже смутившись.

— Да это самый дорогой нашъ грузъ!—воскликнулъ морякъ, даже довольный тѣмъ, что какой-то туристъ обратилъ свое вниманіе на невзрачныя тюки драной бересты.

— Почему?

— Да потому, что его сильно спрашиваютъ теперь вездѣ и въ Швеціи, и въ Норвегіи, и повсюду, гдѣ растетъ только крупная береза. Къ сожалѣнію, у насъ въ горахъ Скандинавіи мало рослаго березоваго лѣса; но все же, вы видите, на нашу пристань доставляется этотъ нужный матеріалъ, и рѣдкое судно не привозитъ его изъ нашихъ фіордовъ. Но все же главный грузъ его слѣдуетъ къ намъ сюда съ сѣвера,—говорятъ, тамъ масса бересты...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 23 іюля 1916 г.

— Куда же требуется эта береста?—спрашиваю.

Онъ даже удивился этому, казалось, вопросу:

— Разумѣется, въ Германію и въ Австрію. Береста теперь прекрасно замѣняетъ подметки, подошвы. Она и ранѣе употреблялась для обуви, но теперь особенно, когда въ Германіи совсѣмъ нѣтъ подошвенной кожи.

Но каково было мое удивленіе, когда въ Варде, этомъ пограничномъ, сосѣднемъ портѣ съ нашимъ Мурманомъ, я увидѣлъ тоже знакомые тюки съ берестой. Оказывается, она идетъ изъ Архангельска и идетъ самымъ незамѣтнымъ образомъ, даже не обращая на себя вниманія нашихъ властей.

Въ Архангельскѣ, въ газетѣ „Сѣверное Утро“, я даже встрѣтилъ такое объявленіе: „Иностранецъ желаетъ купить бересту, а также желаетъ зафрахтовать пароходы или парусныя суда, чтобы доставить бересту въ Тромсе“. Слѣдуетъ адресъ иностранца, скупающаго цѣлыми пароходами и судами бересту.

24 июля. Почти два года войны въ достаточной степени выяснили германскую стратегію. Ни въ одной изъ всѣхъ предпринятыхъ германцами операций они не достигли поставленной цѣли. Въ началѣ войны они стремились разбить французскую армію, взять Парижъ и овладѣть Франціей. Шалонская битва положила конецъ первой германской операции. Она окончилась полууспѣхомъ: занята Бельгія и часть Франціи. Армія французовъ цѣла, Парижъ не взятъ и германцы Франціей не овладѣли.

На слѣдующій 1915 годъ германцы поставили цѣлью обойти безснарядную и безпатронную русскую армію, съ обоихъ фланговъ, уничтожить ее. Операция не удалась. Армія осталась цѣла и германцы заняли Волынь, Польшу, Литву и Курляндію. Захватили часть территоріи—дѣло ограничилось полууспѣхомъ.

Цѣлью операции второй половины 1915 года поставлено уничтоженіе Сербіи, Черногоріи, и полный захватъ Балканскаго полуострова. Несмотря на измѣну болгаръ Германія только овладѣла Сербіей и Черногоріей. Германія овладѣла территоріей Сербіи и Черногоріи, но кадры сербской арміи появились на Корфу, а войска союзниковъ прочно укрѣпились въ Салоникахъ. Опять полууспѣхъ.

Въ началѣ 1916 года германцы поставили цѣлью пробиться у Вердена во Францію. Несмотря на страшныя жертвы людьми, это имъ не удалось, и они овладѣли только окраин-

ными фортами Вердена. Уже тутъ явился не полууспѣхъ, а скорѣе, по принесеннымъ жертвамъ, полный неуспѣхъ.

Во второй половинѣ 1916 года Германія рѣшила наброситься на Румынію. Увидимъ, чѣмъ это кончится.

И такъ за все время войны повсюду германская стратегія нигдѣ не достигла намѣченной цѣли. Выполнена только одна цѣль—захватъ части территоріи противника для кормленія Германіи, а это не составляетъ задачи стратегіи.

Г. Филатовъ въ своей корреспонденціи ¹⁾ указываетъ, на какія сверхъестественныя усилія способенъ нашъ герой-солдатъ.

Въ самый критическій моментъ подошла подмога—полурота съ двумя пулеметами, но этой подмогѣ приходилось идти подъ дождемъ стали: одинъ пулеметъ былъ разбитъ тяжелымъ снарядомъ, немного не доходя до позиціи.

Подтащили другой.

— Вонъ ставьте тамъ,—указываетъ офицеръ на удобное мѣсто шагахъ въ 25—30-ти.

Въ этотъ моментъ унтеръ-офицеръ Ткачевъ, командуя пулеметомъ, падаетъ. Приподнимается, держась лѣвой рукой за грудь, ползаетъ на колѣняхъ за пулеметомъ, который номера тащатъ на позицію, указываетъ, гдѣ встать, и руководитъ огнемъ. Струя его пуль коситъ наступающихъ вѣмцевъ, и атака отбита.

Черезъ нѣсколько времени офицеръ спрашиваетъ одного изъ пулеметчиковъ:

- Ну, какъ Ткачевъ себя чувствуетъ?
- Позвольте доложить, ваше благородіе: Ткачевъ убитъ.
- Что же, это вторая пуля попала?
- Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, отъ первой умеръ.
- Когда?
- Минуть черезъ пятнадцать, какъ ранили.
- Не можетъ быть...

Ткачевъ получилъ смертельную пулю у самого сердца, но у него хватило силы духа доползти до пулемета, руководитъ огнемъ и отбить атаку, а когда миновала смертельная опасность для другихъ, прошелъ подъѣмъ героическаго порыва, и онъ упалъ мертвымъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г., № 172.

Унтеръ-офицеръ Ткачевъ N стрѣлковаго полка представленъ къ посмертному Георгію 2-й степени, ибо 3-й и 4-й уже имѣлъ.

Чрезвычайно важное открытіе по хлѣбопашеству свершилъ В. Мельниченко. Онъ изобрѣлъ коловратный ¹⁾ плугъ:

Испоконъ вѣка обработка земли начинается съ пахоты сохою или обыкновеннымъ плугомъ съ такъ называемымъ „отваломъ“, винтообразно-изогнутой желѣзной лопатою для отворачиванія въ сторону цѣльныхъ, неразбитыхъ глыбъ земли. Плугъ смѣняется каткомъ-глыбодробомъ, а катокъ—бороною, разрыхляющей поверхностный слой вспаханнаго поля. Но и при боронованіи много мелкихъ комьевъ не попадаетъ на зубья бороны, и эти комья сильно мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ злаковъ.

Коловратный плугъ, съ тою же лошадиною тягою, замѣняетъ собою сразу три машины: отвальный плугъ, катокъ и борону.

Тѣмъ же лемехомъ онъ подрѣзываетъ пластъ земли, и этотъ пластъ, нижней сырою частью его, поднимаетъ на себя особый барабанъ съ ножами (коловратъ, фреза), плавно вращающійся въ сторону противоположную движенію самого плуга. Ножи самой разнообразной формы, смотря по качеству почвы, легкой, средней, тяжелой. Коловратъ одновременно и разбиваетъ, и разрыхляетъ глыбы земли, замѣняя, такимъ образомъ, и катокъ, и борону. Отвала у такого плуга совсѣмъ нѣтъ.

Ксюнинъ описываетъ, какъ австрійцы надругались ²⁾ надъ Почаевской лаврой.

Въ кинематографъ была превращена церковь великомученицы Варвары. Она расписана изображеніями страданій Спасителя. Австрійцевъ это не смутило: они вторично распяли Христа.

Они сняли иконостасъ съ царскими вратами и перенесли ихъ на другое мѣсто, устроивъ заднюю стѣнку для кинематографа. Передъ царскими вратами за особой перегородкой стоятъ кресла почетныхъ посѣтителей.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 27 іюля.

²⁾ Тамъ же.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь, — пюпитры музыкантовъ, а остальная часть церкви занята стульями зрителей, состоявшихъ изъ австрійскихъ офицеровъ и навѣщавшихъ ихъ дамъ.

Австрійцы жили въ Почаевѣ вообще со всѣми удобствами. Кинематографа оказалось мало, и въ архіерейской церкви св. Петра соорудили кабаре.

Чрезвычайно весело. Изъ кинематографа въ трактиръ и обратно съ острымъ ощущеніемъ, что въ этихъ стѣнахъ вѣками молился народъ, въ нихъ искалъ успокоеніе и утѣшеніе, — что на мѣстѣ полпивныхъ столиковъ былъ престолъ Того, Кого именуютъ Богомъ.

Не правда ли, сильное ощущеніе...

Кабаре „Reminet“ расписано гривуазными картинками какимъ-то хорошимъ художникомъ. Вѣроятно специально выписывали. Обычная обстановка нѣмецкихъ ресторановъ. Полуголая женщина въ объятіяхъ солдата, лейтенантъ, преслѣдующій дѣвицу, кадетъ, соблазняемый перерѣлой дамой, и тутъ же трогательный видъ въ сторону милого отечества.

Гдѣ былъ ходъ въ архіерейскіе покои, тамъ дверь въ билліардную и въ кабинетъ.

Веселились до упаду, развлекались и отдыхали, оставили груды пустыхъ бутылокъ, конкурирующія съ горами проволоки, не защитившей отъ нашего нашествія.

Стариковъ монаховъ выселили изъ лавры, а когда они приходили поклониться образамъ, тащили къ себѣ въ трактиръ и заставляли фигурировать на фотографіяхъ въ уничижительныхъ позахъ въ обществѣ пьяныхъ офицеровъ.

Г. Филатовъ передаетъ ¹⁾, каковы нѣмецкіе доктора:

Былъ взятъ въ плѣнъ докторъ, раненный въ грудь штыкомъ. Онъ возмутился этой раной. Его спросили:

— При васъ было оружіе?

— Да, револьверъ.

— Сколько въ немъ было патроновъ, когда его у васъ взяли?

— Одинъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 27 іюля 1916 г.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Благодарите Бога, что живы остались.

Это очень характерно для доктора-нѣмца.

Корреспондентъ „Times“ на русскомъ фронтѣ Уошбернъ отмѣчаетъ, что русское наступленіе длится болѣе 60 дней и что оно лишило нѣмцевъ и австрійцевъ инициативы на всемъ фронтѣ, и уничтожило всѣ планы, которые нѣмцы строили на лѣто, доказавъ непріятелю, что его превосходство исчезло. Уошбернъ приходитъ къ двумъ выводамъ: Австрія должна будетъ покориться, но что Германія покорится еще не скоро, и если даже она потеряетъ Ковель, Брестъ, Варшаву и даже всю Польшу, то придется, быть можетъ, еще бороться съ ней не менѣе года. Что могло бы привести къ побѣдѣ и вызвать отчаяніе нѣмцевъ—это подготовка союзниковъ еще къ двумъ годамъ войны.

Уошбернъ восхищается генераломъ Алексѣевымъ и его способностями и талантомъ. Благодаря ему Брусиловъ достигъ успѣха, и операциі Алексѣева помѣшали германцамъ перевозить резервы съ мѣста на мѣсто. Попытки германцевъ къ наступленію два раза заканчивалась неудачей ¹⁾.

Нельзя не отмѣтить такого явленія въ Петроградѣ. Сталъ недостатокъ въ сахарѣ. Прежде было можно его вездѣ купить, даже въ мелочной и фруктовой лавкѣ. Теперь кто-то учредилъ особые магазины для продажи сахару. Не вездѣ можно его купить, а потому у избранныхъ къмъ-то лавокъ громадныя хвосты желающихъ купить сахаръ.

Булки въ Петроградѣ начинаютъ продавать горячими, и къ 9 часамъ утра въ булочныхъ уже нѣтъ товара.

29—31 іюля. Знаю многихъ дамъ, которыя прекрасно изготовляютъ обувь. Теперь это особенно кстати. Въ Одесскихъ среднихъ женско-учебныхъ заведеніяхъ, по инициативѣ попечителя округа Соковнина, уже послѣдовали этому благому примѣру. Для желающихъ учиться изготовленію обуви или выдѣляются часы классныхъ занятій или занятія эти производятся во вѣкъклассное время.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 26 іюля 1916 г.

На дняхъ населеніе города Кралево было свидѣтелемъ выходящаго изъ ряда вонъ звѣрства пруссаковъ. Нѣкто Милица Стояновичъ раздобыла 25 килограммовъ муки. Вопреки обязательному постановленію, она не объявила объ имѣвшемся у нея запасѣ, а скрыла его, такъ какъ мука эта была единственнымъ продуктомъ для пропитанія всей семьи, сильно уже изголодавшейся. Узнавъ объ этомъ, комендантъ Кралева, командиръ 118 прусскаго ополченскаго полка, велѣлъ отрѣзать объ руки какъ у Милицы Стояновичъ, такъ и у ея старшей дочери. Эта безчеловѣчная казнь была совершена публично. Обѣ женщины вскорѣ скончались¹⁾.

Крайне желательно, чтобы нѣмецкія земли попали въ крестьянскія руки. Для этого необходимо, чтобы крестьянскій банкъ выдавалъ крестьянамъ скорѣе ссуды, и опредѣлялъ назначеніе наивысшаго размѣра банковскихъ ссудъ при покупкѣ крестьянами земель колонистовъ. Иначе земли попадутъ въ руки скупщиковъ, которыми, какъ говорятъ, являются чины мѣстной администраціи разныхъ округовъ.

В. М. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ“ также описываетъ дѣйствія нашей артиллеріи во время недавнихъ боевъ.

Когда наши вошли въ австрійскіе окопы:

— Волосы въ первую минуту зашевелились на головѣ отъ ужаса.

— Пахло свѣжей говядиной. Какъ въ мясной лавкѣ.

— Окопы были наполнены не тѣлами, а краснымъ мясомъ.

Горка, по которой нѣсколькими рядами окопы.

Тутъ труповъ не было.

Были окровавленные руки, оторванные ступни, куски мяса неизвѣстно отъ какихъ частей тѣла.

— Это былъ какой-то паштетъ изъ человѣческаго мяса! Снаряды вбили эти куски мяса въ землю.

И такъ было много крови, смерти, что нервы деревенѣли.

Въ окопѣ снарядомъ австрійца вколотило въ землю.

Торчали изъ земли только его ноги.

¹⁾ „Новое Время“ 29 іюля 1916 г.

Всѣхъ припасовъ въ Россіи много, а наладиться съ довольствіемъ мы никакъ не можемъ. Дѣло казалось бы очень просто, призвать къ этому дѣлу тѣхъ, которые всю свою жизнь занимались продовольствіемъ, и предложить взять это дѣло въ свои руки, предложивъ имъ 12—15%.

На указанныхъ выше условіяхъ надо привлечь къ этому дѣлу людей опыта: земскихъ людей, представителей крупныхъ торговыхъ фирмъ и капитала, при самомъ широкомъ контролѣ свыше. Изъ этихъ людей, специалистовъ по каждой отрасли довольствія, надо организовать особыя учрежденія. Подобнымъ образомъ дѣло валажено у нашихъ союзниковъ и идетъ хорошо. Надо слѣдовать испытанному и хорошему примѣру и не искать лучшаго.

Лучшее, говорятъ, врагъ хорошаго.

Послушаемъ показанія плѣнныхъ о нашихъ недавнихъ военныхъ дѣйствіяхъ ¹⁾, и вотъ что они говорятъ.

Особенно много интереснаго сообщилъ лейтенантъ Н полка баропъ Ш.

— Наступленіе генерала Брусилова на южномъ фронтѣ, — говорилъ онъ, — было для насъ совершенно неожиданнымъ. У насъ привыкли думать, что укрѣпленія, созданныя тамъ нашими и австрійскими инженерами, неприступны, и защита ихъ не представляетъ большой трудности. Кромѣ того, отъ своихъ шпионовъ мы знали, что ваше высшее командованіе рѣшило предпринять наступленіе на Вилну.

Подъ вліяніемъ этихъ данныхъ мы взяли съ австрійскаго фронта почти всѣ германскія части и сосредоточили ихъ въ виленскомъ районѣ.

Первые дни наше наступленіе на Волыни даже увѣрило насъ въ точности полученныхъ сообщеній. Мы считали его простой демонстраціей и не послали на помощь австрійцамъ ни одного батальона.

Въ этомъ была роковая ошибка.

Тѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ мы не рѣшались дѣйствовать, можетъ-быть, будутъ причиной пораженія Германіи. Важно не то, что мы потеряли нѣсколько километровъ, а то, что выпустили изъ своихъ рукъ инициативу. Изъ господина стали рабомъ, противящимся, но идущимъ туда, куда гонитъ его плеть хозяина.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г. № 175.

Когда, наконецъ, у насъ поняли всю важность совершающихся событій, то началось лихорадочное перебрасываніе войскъ въ ковельскій районъ, признанный наиважнѣйшимъ на всемъ южномъ фронтѣ.

Нужные полки брали отовсюду, гдѣ представлялось возможнымъ: изъ-подъ Риги, съ Двины, съ западнаго фронта.

Въ этотъ самый моментъ вы нанесли ударъ по Барановичамъ.

Въ нѣсколько часовъ все смѣшалось. Потѣзда, переполненные солдатами, прѣстайвали на путяхъ, не получая маршрута. Изъ Волини и Галиціи спѣшно везли въ барановичскій районъ только-что прибывшія туда дивизіи. Нѣсколько генераловъ, „протѣвавшихъ“ дѣйствительную угрозу, были отставлены самимъ кайзеромъ.

За все время войны я не запомню такого безпорядка, который царилъ въ штабахъ, всегда спокойныхъ, хладнокровно-рѣшительныхъ.

Нѣмецкіе перебѣжчики показываютъ, что изъ безлошадныхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ образуютъ особыя стрѣлковыя части, которыхъ отправляютъ въ окопы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“, приводитъ рассказъ офицера о занятіи австрійскаго окопа ¹⁾:

Благополучно прошли мимо перваго бокового хода. Оставилъ противъ него трехъ стрѣлковъ, по телефону велѣлъ притащить сюда, противъ входа въ боковой лазъ, пулеметь. Полземъ дальше,—два австрійскихъ пулемета. Испорчены. Телефонные провода куда-то во вторую линію. Оборваны. Люди по окопу дальше. Ползеть впереди уже одинъ телефонщикъ съ трубкой у рта, другой конецъ у меня на головѣ, подлѣ ушей.

— Ваше благородіе, въ окопѣ сыро... вода, какъ налито что... Воняетъ... какъ въ отхожемъ мѣстѣ.

Новый поворотъ окопа,—и по насъ издали навстрѣчу частый огонь. Послышались стоны нашихъ раненыхъ. Замолкъ телефонъ. Кричу въ трубку:

— Телефонщикъ, что такое?

Нѣтъ отвѣта: или проводъ оборвался или телефонщикъ убитъ.

Вызываются человекъ десять:

— Дозвольте, прополземъ впередъ. Узнаемъ, много ли тамъ австрійцевъ. Мы пополземъ лѣвою стороною, а вы по-

¹⁾ „Русское Слово“ 1916 г. № 150.

верху, по правой пускайте фонари. Пусть они лупячь больше туда.

Поползли. Минуты через три слышу въ телефонъ шопоть одного изъ только-что ушедшихъ:

— Ваше благородіе, слышите ли меня?

— Слышу.

— Значить, проводъ цѣль. Слушайте, ждите вѣстей.

Прошло долгихъ, томительныхъ минутъ десять. Впереди ни выстрѣла, ни криковъ. Вдругъ въ телефонъ довольно громко тотъ же голосъ:

— Ваше благородіе, разрѣшите укрѣпляться.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Отгородитесь отъ австрійцевъ. Они недалеко тутъ, за поворотомъ.

— Чѣмъ? Сапогами, что ли?

— Есть чѣмъ,—говорить бодро и радостно такъ.

Время терять некогда,—даю согласіе:

— Валяя! Укрѣпляйся! Довося обо всемъ подробно.

Оказывается, мои охотники нашли въ углубленіи окопа большой складъ мѣшковъ для земли. Мѣшки, какъ послѣ я разсмотрѣлъ,—разказывалъ поручикъ Т.,—были особаго, машиннаго производства. Ткань довольно рѣдкая,—материалъ недорогой, но тутъ же была большая яма съ какимъ-то, въ родѣ известковаго, растворомъ, которымъ насыпанная землею мѣшки большими кистями сильно смачивались снаружи, и тогда земля прочно держалась, не сыпалась сквозь рѣдкую ткань. Прошло минутъ двадцать, слышу въ телефонъ:

— Ваше благородіе, можете придти посмотрѣть наше сооруженіе,—безопасно.

Пробираюсь осторожно съ фонарикомъ. По дорогѣ дѣйствительно сыро, даже мокро и смрадно. Австрійцы, уходя, проткнули цинковые баки съ горячею водою для ваннъ и разворотили околное отхожее мѣсто. Только перебрался черезъ зловонную топь,—слышу, изъ-за поворота встрѣчный шопоть:

— Ваше благородіе, тише! Дайте руку. Сюда! Теперь сверкните фонарикомъ. Чуть-чуть выше себя, посерединѣ.

Глянулъ и чуть не крикнулъ отъ удивленія. Сквозь мѣшки съ австрійской стороны просунулась кирка—не кирка, большой какой-то шурупъ. За нимъ конецъ трубки, какъ у насоса. За мѣшками мѣрно застучала какая-то машина. Думаю, газы удушающіе. Только-что хотѣлъ крик-

нуть своимъ: „Бѣги скорѣе назадъ“, какъ трубка вдругъ плюнетъ въ нашу сторону горячею жидкостью. Какъ-разъ подъ нею, у самой земли, при мѣшкахъ лежалъ мой новый телефонщикъ, сверлилъ самъ дыру въ мѣшкахъ, хотѣлъ хоть услышать, что тамъ стучаеъ. Онъ, словно готовый ко всему, сгрѣбъ горсть земли и прямо въ дуло трубки,—струя остановилась.

— Ваше благородіе, труба задохлась,—кричитъ радостно.

На его крикъ—выстрѣлъ сквозь мѣшки, другой, третій,—равило телефонщику плечо, перебило ключицу.

— Ложись!—шепчу я.

Подползаетъ младшій унтеръ-офицеръ, здоровякъ, изъ мясниковъ, быкобоецъ. Проситъ:

— Разрѣшите мнѣ съ семью человекъ вѣзаться на мѣшки, пустить туда, къ австрійцамъ, фонарь и, глядя по дѣлу, скомандовать.

— Для чего?

— А провѣрить. Тамъ или австрійцевъ мало, или они думаютъ, что здѣсь насъ двое-трое развѣдчиковъ.

— Лѣзьте, — говорю,—и чуть что, увидите много людей, давайте по нимъ залпъ, а сами кубаремъ назадъ и на землю.

Ползали, сверкнули въ тьму впередъ фонарями, и безъ слова всѣ восьмеро на ту сторону. Тихо. Потомъ залпъ, другой, третій,—и никакихъ криковъ. Мои остальные съ фонариками также черезъ мѣшки. Я имъ: „Стои, стой! Куда?“—а они уже тамъ. Я за ними. Слышимъ, гдѣ-то впереди возня, глухіе голоса. Бѣжимъ туда, готовые стрѣлять и колоть. Выскочили за траверсъ,—длинный окопъ, огоньки, и вверху, надъ землею, и внизу, на полу, стоятъ фонарики нашихъ. Десятка два австрійцевъ поддерживаютъ другъ друга, ухватились за край окопа руками и лѣзутъ наружу, въ темное поле. Наши нижнихъ прикладами по затылку, а повисшихъ буквально штыками въ задъ и хриплыми голосами негромко:

— Лѣзь, лѣзь. Я те подсажу... Садись, поддержи... Мягко ли?

— Пощекоти, пощекоти ихъ,—кидаются и прибѣжавшіе со мною.

Г. Ксюнинъ описываетъ ¹⁾ такими словами безсмертный подвигъ рядового Кипріяна Сиваго.

Въ мѣстечкѣ Барятинѣ, верстахъ въ шести отъ Луцка, на фортѣ незамѣтная могила съ маленькимъ крестомъ, а на немъ надпись:

„Здѣсь была Россія и будетъ Россія“.

Ихъ сказалъ тотъ, который лежитъ подъ крестомъ— нижній чинъ русской арміи, Кипріянь Сивый.

Исторія его недолга, но ее надо запомнить.

Кипріянь Сивый съ другими однополчанами осенью прошлаго года попался въ плѣнъ къ австрійцамъ. Онъ былъ родомъ изъ-подъ Луцка и когда услышалъ, что Луцкъ тоже временно перешелъ къ непріятелю, переодѣлся въ крестьянское платье и добрался до своихъ мѣстъ.

Въ родную деревню, однако, жить не пошелъ, опасаясь, чтобы не выдали, а поселился работникомъ у знакомой помѣщицы, къ которой бѣгалъ еще подросткомъ. Жилъ, работалъ и приглядывалъ за непріателемъ, а когда набралъ достаточно свѣдѣній, рѣшилъ перебраться черезъ линіи войскъ и донести русскимъ о томъ, что дѣлается въ тылу у врага. Не посчастливилось. Какіе-то два чеха провѣдали про побѣгъ и довели властямъ. Бѣглаго судили и приговорили къ смертной казни.

Привели Кипріяна къ свѣжей вырытой для него могилѣ. Священникъ сказалъ напутственное слово. Хотѣли уже „приступить“, но приговоренный остановилъ:

— Я скажу, батюшка, тоже передъ смертью два слова: „Была здѣсь Россія и будетъ Россія во вѣки“...

Эти слова Кипріяна Сиваго и написали на его крестѣ.

Могила даже не огорожена, какъ слѣдуетъ, но жуткое мѣсто на фортѣ воскрешаетъ казнь солдата, умершаго за отечество, за Россію, которой онъ жилъ и въ которую вѣрилъ до гроба. Онъ — сѣрый русскій солдатъ какими вся война ведется, взятый изъ народа, какъ и Макуха и Рябовъ и другіе безвѣстные мученики-герои, сердца и души которыхъ намъ трудно постигнуть. Они мало получили и много дали, и они останутся у насъ вѣчнымъ укоромъ и вѣчной славой нашей. Жизнь прожили не для себя и умерли со словами о Россіи.

Подвигъ Кипріяна Сиваго не можетъ забыться: о немъ надо рассказать солдатамъ и дѣтямъ въ школахъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 31 іюля.

Древніе и средневѣковые герои давно окаменѣли, а на примѣрахъ своихъ, можетъ быть, мы наконецъ больше узнаемъ и скорѣе полюбимъ свой народъ.

А. П. Тупинъ передаетъ ¹⁾ рассказы бѣженцевъ о теперешней жизни въ Курляндіи, занятой германцами:

Слишкомъ много балтовъ осталось въ Курляндіи, по одному Тальсенскому уѣзду осталось не менѣе 25 бароновъ, владѣльцевъ имѣній. Многие изъ нихъ поступили на германскую службу, сидятъ комиссарами; это люди съ довольно темнымъ прошлымъ. Нѣкоторые бароны поступили въ германскую контръ-развѣдку. Извѣстный Сильвіо Бредерихъ состоитъ гольдингенскимъ уѣзднымъ начальникомъ, пользуясь среди германцевъ большой популярностью: онъ хозяйничаетъ, какъ сатрапъ въ своей вотчинѣ.

Въ Митавѣ по-прежнему жизнь бьетъ ключомъ. Устраиваются спектакли, концерты. Въ германскомъ обществѣ крупную роль играетъ курляндское дворянство, на благотворительныхъ вечерахъ живое участіе принимаютъ дамы-патронессы...

Нельзя не отмѣтить одно отрадное явленіе,— въ Петроградѣ и во многихъ городахъ Россіи устраиваются ремесленные курсы для увѣчныхъ воиновъ, и дѣятельность ихъ очень плодотворна. Недавно въ Старой Руссѣ открыты бесплатные курсы учительскіе, бухгалтерскіе и сапожнаго ремесла.

Приведемъ для сравненія двѣ корреспонденціи, какъ работаютъ вражескіе плѣнные у насъ и наши тамъ у нашихъ враговъ.

Какъ живетъ нашимъ военнопленнымъ въ Германіи и Австро-Венгріи, наврядъ ли слѣдуетъ много говорить: давнымъ-давно извѣстно, что ихъ бьютъ „культурные“ варвары, истязаютъ, морятъ голодомъ, за малѣйшую провинность гноятъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, разстрѣливаютъ и вѣшаютъ и принуждаютъ къ самымъ тяжелымъ частнымъ, общественнымъ и казеннымъ работамъ, при чемъ, разумѣется,

1) „Нощ. Вр.“ 31 іюля 1916 г. .

или платять за эти работы гроши, или же совсѣмъ ничего не платять.

Совсѣмъ другое видимъ у насъ ¹⁾.

Сравнительно недавно въ Суражскій уѣздъ было отпущено на полевья работы въ помѣщичьихъ экономіяхъ 169 военно-плѣнныхъ румынъ, венгровъ и русиновъ, а нынѣ отпущена большая партія плѣнныхъ венгерцевъ на постройку желѣзной дороги въ районахъ Могилевщины и сѣверной Черниговщины. Въ день приѣмки плѣнныхъ ихъ напоили чаемъ и накормили вкуснымъ ужиномъ въ клинцовскомъ земскомъ лазаретѣ, а при раздачѣ плѣннымъ помѣщикамъ, послѣднихъ уѣздное земство обязало непремѣннымъ условіемъ: кормить такъ, какъ кормятъ въ войскахъ нашихъ нижнихъ чиновъ, или въ солидныхъ экономіяхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ страдающую пору, одѣвать и содержать въ чистыхъ помѣщеніяхъ казарменнаго типа и платить имъ по 4 руб. въ мѣсяцъ. Продолжительность рабочаго дня плѣнныхъ не должна превышать обычнаго сельско-хозяйственнаго дня, а въ праздничные дни плѣнные могутъ быть наряжаемы на работу по особому соглашенію съ помѣщикомъ.

Теперь намъ говоритъ помѣщикъ В. Б. Польковскій, что въ его экономіи плѣнныхъ кормятъ великолѣпно: утромъ поять чаемъ съ хлѣбомъ и масломъ, въ полдень даютъ обѣдъ изъ мяса, супа и гречневой каши, часа въ четыре дня—вечерній чай, вечеромъ—горячій ужинъ. Хлѣба же—сколько хочешь. И такъ во всѣхъ 10 имѣніяхъ, гдѣ имѣются военноплѣнные.

Между тѣмъ, работаютъ плѣнные потихоньку, да полеговьку; тотъ же помѣщикъ Польковскій утверждаетъ, что его плѣнные плохіе работники: исполняютъ работы очень неохотно и небрежно. Нѣсколько лучше себя показали было въ первые дни плѣнные румыны въ имѣніи Довбровской, но теперь и они уже начинаютъ отказываться отъ работъ (нѣсколько дней назадъ плѣнные не вышли на уборку сѣна, хотя сѣно надо было убрать въ тотъ же день обязательно).

Въ послѣдніе дни мы имѣли случай наблюдать работу плѣнныхъ на желѣзнодорожной линіи. Ходять плѣнные отъ одного участка насыпи до другого не спѣша—словно

¹⁾ Тамъ же.

„среда на пятницу“, трубки покуриваютъ, на дивчатъ по-добострастно поглядываютъ, а работы не видно.

Зато свободушка плѣннымъ полная, да отношеніе къ нимъ подрядчиковъ распрекрасное. Въ праздничные дни въ уѣздныхъ городахъ можно всегда видѣть военноплѣнныхъ разгуливающими по базарамъ безъ всякаго за ними присмотра. Что касается желѣзнодорожныхъ плѣнныхъ, то ихъ въ Суражѣ, на примѣръ, имѣютъ честь лицезрѣть базарные завсегдатаи ежедневно, какъ только солнышко скроется за горкой. Подрядчикъ Юкишъ въ своемъ увлеченіи покровительствомъ военноплѣннымъ венграмъ дошелъ до того даже, что ужъ одного изъ нихъ „благословилъ“ авансомъ въ 50 руб., тогда какъ русскимъ рабочимъ никакихъ авансовыхъ выдачъ не полагается. Другой подрядчикъ — Шахновичъ переодѣлъ плѣннаго въ штатскій костюмъ и сдѣлалъ его шофферомъ.

Вотъ и выходитъ, что вражескимъ плѣннымъ у насъ не житье, а масляница.

Гор. Суражъ, Черниг. губ.

А вотъ какъ работаютъ наши плѣнные ¹⁾.

Если взглянуть на карту Южной Буковины, то мѣстность покажется совсѣмъ непроходимой. Даже на послѣднихъ австрійскихъ картахъ, изданныхъ передъ самой войной, показаны въ горахъ южной Буковины все больше горныя тропки. На самомъ же дѣлѣ здѣсь проходятъ превосходныя шоссе, проведенныя лишь за послѣдній годъ руками нашихъ плѣнныхъ. Сколько труда и силъ убито здѣсь! Полуголодные, подъ угрозой штыка, копали они горы, пробивали скалы, засыпали пропасти.

Есть и нѣмой свидѣтель ихъ ужаснаго положенія — захваченный нашими войсками лагерь военноплѣнныхъ.

Лагерь расположенъ въ урочищѣ Даугоришъ, по дорогѣ на Кирлибабу, въ районѣ конскаго завода Бабейко.

Недалеко отъ дороги находится огромный баракъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ изгородью изъ колючей проволоки. Баракъ раздѣляется на двѣ части: въ первой коридоръ и шесть комнатъ, по три на каждой сторонѣ, это — комнаты караула и канцелярія; затѣмъ идетъ помещеніе

¹⁾ „Рус. Сл.“, 1916, № 176.

для военноплѣнныхъ: огромный сарай, весь задѣланный нарами, съ двумя проходами въ длину и однимъ въ ширину, такъ что здѣсь можно только лежать и сидѣть на нарахъ, иначе помѣщаться невозможно. Воздухъ, несмотря на отсутствіе людей, тяжелый, ибо тутъ же, у бокового прохода, помѣщается отхожее мѣсто. Помѣщалось въ этомъ сараѣ человекъ 300—400.

Съ одной стороны колючая изгородь немного отходить отъ барака и образуетъ нѣчто въ родѣ дворика, служившаго, вѣроятно, для гулянья плѣнныхъ; здѣсь же помѣщается отхожее мѣсто для стражи.

Съ другой стороны барака, у самой сторожки, мѣсто наказаній: небольшой крытый навѣсъ для часовыхъ и сосна четверти четыре въ обхватъ. Въ нее вбитъ желѣзный крюкъ въ палецъ толщины, сбоку еще какой-то толстый гвоздь. Здѣсь подвѣшивали нашихъ солдатъ: скуютъ наискось лѣвую ногу и правую руку и повѣсятъ такъ чтобы до земли немного не доставалъ; вѣшаютъ иногда на нѣсколько часовъ, вѣшаютъ за самыя пустыя провинности, и, по словамъ окрестныхъ жителей, двое нашихъ солдатъ умерли на этомъ крюкѣ, не вынеся пытки.

Сестра милосердія приводитъ трогательный, христіанскій разсказъ ¹⁾ умирающаго одного изъ нашихъ героевъ мучениковъ:

Въ лазаретъ послѣ отправки остался только одинъ тяжело больной солдатъ. Онъ былъ раненъ въ темя. Пуля зашла въ мозгъ. Мучительная боль не давала ему покоя ни на одно мгновеніе. Находясь все время безъ сознанія, солдатъ инстинктивно держалъ голову неподвижно, такъ какъ малѣйшій поворотъ вызывалъ острую боль.

Мы не знали, кто онъ. Билетъ, сопровождающій больного съ обозначеніемъ его имени, фамиліи и съ указаніемъ раненія, былъ утерянъ по дорогѣ. Въ нашъ лазаретъ онъ поступилъ, какъ неизвѣстный. Мы нѣсколько разъ спрашивали, какъ его зовутъ, но онъ не слышалъ насъ. Все время, сидя на кровати, онъ пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ начиналъ осторожно сползать съ койки и тихо, тихо звалъ товарища слѣдовать за нимъ.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 1916 г. № 15710.

Больной мозгъ рисоваль ему удачную развѣлку, и онъ улыбаясь докладываль кому-то о расположеніи врага. Но улыбка скоро замѣнялась страдальческимъ выраженіемъ лица. Протяжныя стоны наполняли собою пустую палату и гулко раздавались въ ней

Больной замѣтно слабѣль съ каждымъ часомъ. Никакія средства не помогали и не въ силахъ были спасти молодой организмъ отъ медленно надвигающейся смерти.

Сознавая свою беспомощность, сестрѣ приходилось бездѣятельно сидѣть подлѣ умирающаго и только слѣдить, чтобы ему было удобно лежать.

Стоны затихли, дыханіе сдѣлалось ровнымъ. Нѣсколькo минутъ больной лежалъ совершенно спокойно. Потомъ приподнявшись, удивленно осмотрѣлся вокругъ и спросилъ:

— А гдѣ же нѣмецъ? Я его долженъ поколотить. Онъ попросилъ перевязать рану, а какъ только я нагнулся къ нему, онъ больно ударилъ меня по головѣ, а можетъ и равилъ; почему такъ жжетъ лобъ? Ты, сестрица, къ нему не подходи, надо сперва взять у него револьверъ, а то всѣхъ перестрѣляетъ,—начиная волноваться, говорилъ больной.

— Нѣмца уже обезоружили. Скажи, какъ тебя зовутъ и откуда ты,—спрашивала сестра, стараясь отвлечь мысли раненаго.

— Зовутъ?... Какъ зовутъ...—силаясь что-то вспомнить, повторяль больной...—Зовутъ... не знаю...,—прошепталъ онъ и жалобно по-дѣтски заплакалъ...

Мучительный бредъ сталъ снова тревожить больного. Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался.

Снявъ съ него фотографію, чтобы отпривить въ полкъ для свѣдѣнія, мы положили его подлѣ покойника, умершаго ночью отъ сильныхъ ожоговъ горючей жидкости, примѣненной нѣмцами во время послѣдней атаки.

Устанавливають твердыя цѣны на предметы довольствія, иначе говоря, якобы постоянную таксу. Будеть ли отъ того лучше? Опыты въ Петроградѣ показали отрицательную его сторону. Стоило только установить таксу, какъ припасы исчезали неизвѣстно куда. Не лучше ли было установить вольныя цѣны, отмѣнить запрещеніе вывоза изъ раіоновъ; распредѣлить вагоны для вывоза запасовъ, гдѣ находятся, снабдить сначала столицы и города, а затѣмъ и всю Россію припасами, разумѣется, при участіи людей, востоянно занимающихся довольствіемъ.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть такое событіе въ трамваѣ. Въ трамваѣ входитъ сестра милосердія и тяжело раненные на костыляхъ. Нѣкоторымъ раненымъ были уступлены мѣста, и въ числѣ уступившихъ мѣсто былъ одинъ генераль, который затѣмъ ушелъ къ выходу изъ трамвая.

Хлынувшая публика заполнила совсѣмъ вагонъ и когда много вышло народу, то выяснилась такая обстановка. Генералу уступили мѣсто въ началѣ вагона, а три раненыхъ на костыляхъ все еще стояли въ началѣ вагона и никто не хотѣлъ имъ уступить мѣсто.

Генераль зоветъ кондуктора и проситъ его привести къ нему раненаго, затѣмъ, уступивъ ему мѣсто, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ солдатки на костыляхъ, и говорить сидѣвшимъ: „стыдитесь, вы сидите, а тяжело раненные стоятъ“.

Эти слова прошибли героевъ тыла. Всѣ повскакали съ мѣсть и раньше всѣхъ женщины. Всѣ раненные были размѣщены.

Во второй половинѣ іюля военныя дѣйствія происходили такимъ образомъ: германцы подвезли къ Ковелю значительныя подкрѣпленія, и самъ кайзеръ создалъ планъ дѣйствій—прорвать нашъ фронтъ и овладѣть Луцкомъ.

Этотъ планъ не удался. Русскія войска перешли въ Галиціи сами въ наступленіе на правомъ флангѣ отъ линіи желѣзной дороги Рожище—Ковель до р. Бродъ и на лѣвомъ флангѣ по направлѣнію на Станиславовъ на сѣверъ и къ западу отъ деревни Кутты. На крайнемъ правомъ флангѣ завязались упорные бои на р. Стоходѣ, которые тянулись всю половину іюля съ нѣкоторымъ нашимъ движеніемъ впередъ, войска генерала Сахарова прорвали фронтъ германцевъ, овладѣли г. Броды и достигли р.р. Граберки и Середа, при чемъ съ 15 по 16 іюля взяли 2 генераловъ, 651 офицеровъ, 32.000 нижнихъ чиновъ и 144 орудія, и съ 22 по 24 іюля 166 офицеровъ и 8415 нижнихъ чиновъ.

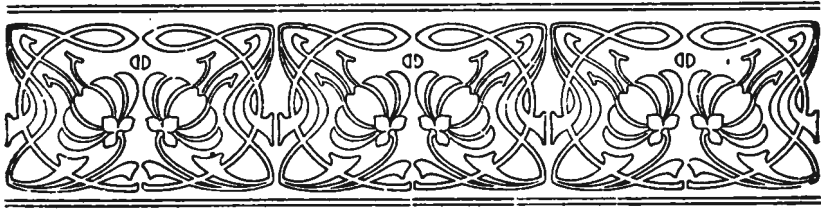
На лѣвомъ флангѣ войска генерала Лечицкаго успѣшно продвигались къ западу отъ Кутты къ р. Ворохтѣ, и къ сѣверу взяли г. Станиславовъ, Тлумачъ и Нижніовъ, прорвали фронтъ противника на 25 верстѣ и овладѣли пространствомъ въ 160 кв. верстѣ. И 25 іюля взяли 88 офице-

ровъ и 7.400 нижнихъ чиновъ. Послѣдствіемъ дѣйствій войскъ генерала Сахарова и генерала Лечицкаго на обоихъ флангахъ австро-германцевъ было то, что сильно укрѣпленный центръ непріятельской арміи Ботмера передъ Тарнополемъ и Бучачемъ не могъ устоять передъ напоромъ войскъ Щербачева и сдалъ всю линію р. Стрыпы—укрѣпленія д. Глядки, Цеброва, Езерна и Козлова.

Кайзеровскіе приспѣшники турки повели наступленіе на Мушъ-Битлисскомъ, Моссульскомъ и Керманшахскомъ направленіи и взяли Хамаданъ. Наши продвигались успѣшно къ западу отъ Эрзерума.

П. В.





Изъ архивныхъ матеріаловъ.

Незданные письма И. С. Тургенева къ своему управляющему, историка и романиста П. П. Каратыгина къ Ю. М. Богушевичу и Н. Курочкина, А. В. Старчевскаго, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. Н. Мамни-Сибиряка и Д. Л. Мордовцева къ редактору „Наблюдателя“ А. П. Пятковскому.

I. — „Парижъ, 7 февраля / 26 января 1878 г. Любезный Николай Александровичъ, сѣдѣ отвѣчать на Ваше послѣднее письмо (вмѣстѣ съ отчетомъ) отъ 19/31 января. Прежде всего (неразборчиво) — Вамъ на мѣстѣ видѣте — и если Вы полагаете, что арендная цѣна въ 4,000 руб. сер. удовлетворительна — то я даю Вамъ полное согласіе. — Если для этого нужна довѣренность особенная, то пришлите сюда черновую и я тотчасъ отправлю ее къ Вамъ. — Главное дѣло — выбрать человѣка надежнаго (не въ родѣ Волнова) — и выговорить неустойку на случай продажи, какъ это дѣлается въ каждомъ контрактѣ. Что касается до Волнова, то, разумѣется, слѣдуетъ постараться взять, хоть по суду, съ этого плута что будетъ возможно; намѣреніе Ваше — отдать Холодовскимъ крестьянамъ тамошнюю землю въ аренду — одобряю; во всякомъ случаѣ они будутъ надежнѣе Волнова. Мнѣ будетъ пріятно, если Вы, какъ только возможно будетъ, вышлете мнѣ деньги за Казненскій овесъ и первую часть Спасской аренды; теперь же курсъ поправился и, вѣроятно, поправится еще больше, вслѣдствіе мира. Извѣстите меня о мальчикѣ Никитѣ — хорошо ли онъ учится? Надѣюсь, отъ Вашего нездоровья не осталось уже слѣда, кланяюсь Вашимъ родителямъ и всѣмъ

Вашимъ, и жму Вашу руку. Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ. P. S. Я получилъ отъ г-жи Гинтеръ письмо съ приложеніемъ Вашего, въ которомъ Вы отъ моего имени предлагаете ей 10 руб. сер. — съ тѣмъ, чтобы она извѣстила Васъ о своемъ согласіи; она увѣряетъ, что извѣстила, но отвѣта отъ Васъ не получила, при чемъ снова повторяетъ просьбу о помѣщеніи ея мужа куда-нибудь въ мое имѣніе прикащикомъ.— Будьте такъ любезны и сообщите г-жѣ Гинтеръ, что у меня теперь, за раздачей всѣхъ имѣній въ аренду, никакихъ мѣстъ для ея мужа нѣтъ—и перешлите ей отъ моего имени 15 руб., въ которыхъ испросите расписку. Адресъ ея: Анна Дмитріевна Гинтеръ, Тамбовской губ., Моршанскаго уѣзда, село Заметчина“.

П.—„Буживаль (возлѣ Парижа). Воскресенье, 26/14 авг. 77 г. Любезнѣйшій Николай Александровичъ, я сейчасъ получилъ Ваше письмо.—Благодарю за доставленныя свѣдѣнія о братѣ; г-нъ Малыровскій также написалъ мнѣ подробный отчетъ—и я ему отвѣтилъ. Радуюсь также, что урожай въ К. . . оказался хорошимъ—и съ готовностью даю Вамъ разрѣшеніе застраховать скирды: мѣра весьма полезная. Не знаю, каковы теперь цѣны на хлѣбъ—здѣсь меня увѣряютъ, что стоятъ хорошія; — и потому, если бы Вамъ было возможно къ сентябрю выслать мнѣ нѣсколько денегъ, то онѣ бы пришлись очень кстати. Прошу Васъ передать прилагаемое письмо ко мнѣ Губернскаго Предводителя Тютчева — г-жѣ Малиновской. Анна Ивановна продолжаетъ быть довольна своимъ пребываніемъ въ Спасскомъ — и я Вамъ очень благодаренъ за Ваши хлопоты. Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ и принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности. Ив. Тургеневъ“.

ПИСЬМО Н. С. КУРОЧКИНА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

„Любезный Александръ Петровичъ. Очень сожалѣю, то здоровье не позволило мнѣ воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ въ Соляной Городокъ, но я вынужденъ болѣзпью выѣзжать не тогда, когда хочу, а тогда только, когда могу. Такъ, напр., къ Вамъ я собираюсь каждый день, а сегодня, имѣя даже до Васъ надобность, принужденъ ограничиться письмомъ. Дѣло вотъ въ чемъ Завтра выбираютъ комитетъ Литературнаго Фонда и тамъ

составилась партія, не желающая пропускать никого изъ людей извѣстнаго направленія въ литературѣ. Между тѣмъ, если это имъ удастся, то выйдетъ дѣло не красивое. Поэтому я попросилъ бы Васъ написать къ Стоюнину, Никитину и Косенискому, чтобы они были, если могутъ, на собраніи и поддержали кандидатовъ, которыхъ желаетъ наша партія, а именно:

Некрасова,
Гаевского,
Ефремова и
Гайдебурова.

Каждый голосъ важенъ, такъ какъ предполагается, что соберется не болѣе 30 человѣкъ и дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Любящій Васъ Н. Курочкинъ".—1874 г.

ПИСЬМО П. КАРАТЫГИНА къ Ю. М. БОГУШЕВИЧУ.

„1 декабря 1876 г. Милостивый Государь Юрій Михайловичъ. Чтобы не задерживать Вашего посланнаго я отпустилъ его съ книгами и рукописью безъ письменнаго отвѣта на Ваше любезное письмо. Прощу извинить меня за эту торопливость. Дѣлаясь сотрудникомъ Вашего журнала, я, само собою, позволяю себѣ считаться въ числѣ людей искренно желающихъ Вамъ совершеннѣйшаго успѣха и по мѣрѣ силъ ему содѣйствующихъ. Лыщусь надеждою, что дверь Вашего кабинета не будетъ заперта для меня; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, душевно благодаря Васъ за радужное приглашеніе посѣщать Васъ въ опредѣленные дни, считаю долгомъ сознаться, что не имѣю возможности имъ воспользоваться. Образъ моей жизни самый замкнутый и уединенный, границы его — четыре стѣны моего кабинета. Отчужденный отъ общества я совершенный медвѣдь и нелюdimъ. Моя молчаливость въ кругу лицъ, размѣняющихся мнѣніями или интимно бесѣдующихъ, будетъ неприятной паузой въ гармонической симфоніи. Кромѣ того мое *инкогнито* (о которомъ я просилъ Васъ) будетъ нарушено: *явное* сотрудничество въ новомъ періодическомъ изданіи можетъ поставить меня въ непріятное положеніе предъ М. И. Семеvскимъ, съ которымъ до сихъ поръ я нахожусь въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Надѣюсь,

что мое откровенное признаніе будетъ принято Вами *sine ira* и не нарушитъ Вашего добраго ко мнѣ расположенія. При нашемъ свиданіи у М. А. Хана я упоминалъ Вамъ о переводахъ съ нѣмецкаго: если въ настоящее время у Васъ есть въ виду какая-нибудь новинка изъ нѣмецкой литературы, то позволю себѣ ояты напомнить о сестрѣ моей: зная отлично оба языка, она переводитъ чисто и *очень скоро*. При семъ препровождаю къ Вамъ оглавленіе двухъ главъ мною переведенныхъ—по присланному Вами изданію книги Клячко: въ *Revue des Deux Mondes* главы были расположены и нумерованы иначе. Поручаю себя Вашему доброму ко мнѣ расположенію, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, постоянной и усердной готовности къ услугамъ Вашимъ П. Каратыгызъ“.

ПИСЬМА А. В. СТАРЧЕРСКАГО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „Честь имѣю препроводить къ Вашему Превосходительству, по Вашему желанію, сегодня вечеромъ, статьи мои о Дружининѣ и гр. Е. П. Ростопчиной. Такихъ статей, кромѣ профессоровъ, нельзя ожидать теперь отъ нашего молодого поколѣнія, которое много толкуетъ, а мало дѣлаетъ. Надъ Дружининимъ я порядочно посидѣлъ, зато вышла вещь хоть куда. Не многіе ваши журналы могутъ похвалиться такими статьями. Это скорѣе беллетристическій рассказъ, чѣмъ литературный этюдъ—такъ легко написана вся статья. Пришлось разобрать до 160 писемъ его ко мнѣ, изъ которыхъ приведено только 20, характеризующихъ его личность. Я сдѣлалъ такъ, какъ Вы желали, нигдѣ не расхваливалъ его, а старался воздать ему по заслугамъ. Въ статьѣ очень много фактовъ, вовсе неизвѣстныхъ нашимъ даже ученымъ литераторамъ. Письма Ростопчиной тоже представляютъ не малый интересъ—баба была гениальная, въ этомъ нельзя отказать ей. Завтра, въ 2 часа буду имѣть честь явиться къ Вамъ. Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства готовый къ услугамъ А. Старчевскій. P. S. Мнѣ все что-то чудится, что С. О. не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. А. С. 6-го марта 1885 г. Спб.“

2. „Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Отъ такъ называемаго А. В. Старчевскаго, автора Монферрана, остался одинъ скелетъ или чучело, напиханное не деревянными

опилками, а разнаго рода и вида медикаментами. Этотъ скелеть уже три недѣли не оставляетъ постели. Такъ какъ сегодня уже 6-ое декабря и по прочитанной мною корректурѣ видно, сколько выйдетъ изъ моей статьи, и слыша, что подписка на „Наблюдатель“ идетъ лучше, чѣмъ на другіе журналы, поэтому рѣшаюсь всепокорнѣйше просить Васъ выдать мнѣ въ счетъ декабрьской статьи моей двадцать пять рублей сер., въ которыхъ при семь прилагаю росписку. Доктора, аптека и дневное пропитаніе мучаютъ меня, а я лежу безъ гроша мѣднаго—прежній владѣлецъ дома Монферрана и Румянцевскаго Музея. Что дѣлать. Sic fata tulere... Едва-ли статья о Монферранѣ не послѣдній мой трудъ. Искренно уважающій Ваше Превосходительство и готовый къ услугамъ скелеть А. В. Старчевскій, 6-го декабря 1885 г. P. S. Деньги прошу передать въ заклееномъ конвертѣ подательницѣ этого письма. А. В. С.“.

3. „Ваше Превосходительство. Отъ всей души приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за Ваше-любезное письмо. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что Вы цѣните по достоинству мои труды. Теперь и стороной до меня доходятъ слухи, что моей статьей о Монферранѣ очень довольны. Здоровье мое поправляется, но медленно. Позвольте пожелать Вамъ веселыхъ праздниковъ и богатой подписки. Я не сомнѣваюсь, что дѣло Ваше пойдетъ хорошо. Обращаюсь къ прозѣ жизни: покорнѣйше прошу Васъ приказать выдать подательницѣ моего письма слѣдующія мнѣ за мою статью деньги, за вычетомъ уже присланныхъ мнѣ въ прошлый разъ. Пожелавъ Вамъ еще разъ здоровья и громадной подписки, считаю долгомъ сказать, что какъ только окрѣпнутъ мои силы, я постараюсь побывать въ редакціи и объясниться на счетъ будущихъ трудовъ. Теперь же мнѣ остается просить Васъ возвратитъ мнѣ оригиналъ статьи о Монферранѣ и приказать выдать два отдѣльныхъ оттиска послѣдней статьи. Съ глубокимъ уваженіемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій. 20 го декабря 1885 г. Сиб.“.

4. Позвольте, Ваше Превосходительство, поблагодарить Васъ за благородный поступокъ относительно меня. Появленіе статьи моей о Сѣровѣ для меня очень важно... Теперь позвольте предложить Вамъ для апрѣльской книжки „Наблюдателя“ статью объ умершемъ на дняхъ В. П. Гаевскомъ, какъ литераторѣ, начавшемъ у меня въ „Библіотекѣ

для чтенія“ свое поприще, сдѣлавшемъ себѣ извѣстность статьей о Пушкинѣ и откуда онъ почерпалъ для того материалы и наконецъ какое значеніе имѣлъ Гаевскій для русской литературы, хотя и не оставилъ послѣ себя капитальныхъ трудовъ. Онъ былъ даровой литературный посредникъ, литературная повивальная бабка, ходатай по литературнымъ дѣламъ и проч. За адвокатство онъ взялся какъ за болѣе вѣрный кусокъ хлѣба, чѣмъ какой ему могла доставить литературная сума, съ которой бы ему приходилось ходить по редакціямъ и собирать литературную милостыню...

Я съ Гаевскимъ былъ друженъ, много объ немъ знаю и могу написать объ немъ очень горячую статью, которую прочтутъ съ удовольствіемъ и которая можетъ быть готова къ 20 марта. Жду отвѣта, согласны ли Вы на мое предложеніе. Имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій, 6 марта 1888 г.“

ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „10 августа 1892 г. „Политика“ отправляется въ типографію сегодня же вмѣстѣ съ рецензією новыхъ книгъ—въ четыре страницы. Поэтому продолжайте себѣ купаться въ вашемъ залнвѣ, если находите это полезнымъ, и не спѣшите очень въ Петербургъ, пока въ немъ неопредѣлится ходъ эпидеміи. Покамѣстъ 60—70 человѣкъ въ день съ десяткомъ-другимъ смертей при населеніи въ (неразборчиво)—немного. Да на болѣзнь мало кто и вниманіе обращаетъ, мокнутъ попрежнему подъ дождемъ въ Аркадіяхъ, а согрѣваются въ давкѣ у тотализаторовъ на разныхъ скачкахъ. Подаль въ отставку Вышнеградскій—неизвѣстно только отъ финансовой или отъ дѣйствительной болѣзни и рекомендовалъ вмѣсто себя—Витте—вотъ вамъ и всѣ петербургскія новости. Августовская книжка интересна и разнообразна. Но что сдѣлалось съ Чуйко, отстаивающимъ въ своей статьѣ мегафизику и цитирующимъ цѣлыя страницы изъ Вл. Соловьева? Не для противодѣйствія ли метафизическимъ бреднямъ и восхваленію философа, тащившаго наше плохое православіе подъ благословеніе еще болѣе плохого католичества—помѣстили вы вслѣдъ за чуйковскою статьею другую, осмѣивающую по заслугамъ этого Хлестакова отъ философіи. Жаль только, что авторъ вмѣстѣ

съ тѣмъ отдѣлать и Волынскаго, да такъ рѣзко, что противъ такой полемики возсталъ и Буренинъ во вчерашнемъ фельетонѣ, цитируя выходы К—скаго. О бездарномъ В. критикамъ пожалуй дѣйствительно не стоило отзываться съ такою запальчивостью, но Соловьева стоило продержуть не только со стороны его литературныхъ благоглупостей, но за его дикія мнимофилософскія замышленія. Отдыхайте жъ сколько можете въ Майоренгофѣхъ и не спѣшите въ вашъ Генераленгофъ, гдѣ по прежнему достаточно скверно и грязно. С. С. поблагодарите за память обо мнѣ. Вашъ В. Зотовъ“.

2. „25 апрѣля. Удѣльная. Посылаю вамъ рецензію въ іюньскую книжку журнала и прошу представить еще разъ въ цензурный комитетъ мою рецензію на книгу Любимова. Комитетъ можетъ выбрасывать изъ моей статьи то, что ему кажется невозможнымъ, но ему можно напомнить, что даже въ елагинскія и муснигъ-пушкинскія времена никогда не запрещались отзывы о книгахъ, только что вышедшихъ изъ печати, и только потому, что отзывъ былъ неблагопріятный, а книга благонадежная. Критика эстетическая и литературная вовсе не обязана слѣдить за благонамѣренностью книгъ—на это существуетъ цензура. Мало ли въ каждой литературѣ совершенно благонамѣренныхъ, но и совершенно бездарныхъ вещей. Да и въ книгѣ Любимова я указываю на многія хорошія стороны ея. Она поручена мнѣ для отзыва редакціею—и моя обязанность была высказать объ ней безпристрастное мнѣніе. Непомѣщеніе моей рецензіи доказываетъ согласіе редакціи съ цензурой, чего я впрочемъ не думаю, и если отзывъ мой хотя бы съ урѣзками не появится въ іюньской книжкѣ, это принудитъ меня, для избѣжанія напрасной потери труда и времени, обратиться къ работамъ другого рода, тѣмъ болѣе, что рецензія—трудъ вовсе не легкій и не привлекательный. Вашъ В. Зотовъ“.

3. „12 іюня 1895 г. Воспитанница моя говорила мнѣ о желаніи вашемъ, чтобы лѣтомъ мои статьи доставлялись раньше; но при моемъ нездоровьи это для меня положительно невозможно. Я пишу съ трудомъ, да и диктовать не могу скоро. Поэтому вамъ надо прислать сотрудника помоложе меня. Я не только не буду въ претензіи, если вы дадите, послѣ 15 сезонной работы у васъ отдыхъ на лѣто, но буду даже очень благодаренъ. Раньше 5 числа (рецензіи) и 12 (политика) я не могу прислать статьи. Поэтому

распорядитесь какъ вамъ будетъ удобнѣе и за мѣсяць или за два дайте мнѣ знать, когда я долженъ прекратить мою работу. Преданный Владиміръ Зотовъ“.

4. „29 сентября 1895 г. Въ началѣ сентября я думалъ окончательно проститься съ вами и съ „Наблюдателемъ“— до того мнѣ было плохо. Силы до того ослабѣли, что меня поворачивали съ боку на бокъ на кровати. Въ то же время это былъ дѣйствительный первый отдыхъ, заставившій меня бросить перо, за которое я взялся 60 лѣтъ назадъ, съ 15-ти лѣтняго возраста, когда началъ писать. Но къ моему и къ общему удивленію кризисъ этотъ кончился постепеннымъ укрѣпленіемъ и къ половинѣ мѣсяца я уже могъ и читать и бесѣдовать, какъ прежде, а теперь я думаю, отдохнувъ еще немного, попробовать опять диктовать. Надо кончить біографію Сѣрова по неизданнымъ его письмамъ ко мнѣ, начатую для Шубинскаго, а потомъ примусь за обѣщанные вамъ „Очерки иностранной литературы“ и повѣсть. Пожалуй вамъ и еще не такъ скоро придется разстаться съ вашимъ сотрудникомъ. Посланная вамъ „политика“ опоздала въ сентябрьскую книжку, хотя въ нее вошла статья о новой части свѣта и еще что-то. За книгой я не посылалъ и потому прошу прислать ее съ октябрьской, съ небольшимъ гонораромъ, причитающимся за нихъ. Въ октябрь я еще вѣроятно ничего не пришлю, но это будетъ послѣдній отдыхъ. Теперь чувствую себя гораздо крѣпче. Искренно преданный В. Зотовъ“.

5.—„7 ноября 1895 г. Посылаю три рецензіи въ декабрьскую книжку и „Фонографъ“. „Очерки иностранной литературы“ не окончилъ: боюсь утомить себя усиленной работой и отдыхаю въ ничегонедѣланіи, чего не испытывалъ лѣтъ 60-тъ. Видѣли, какъ газеты набросились на Сѣрова. „Новое Время“ напечатало даже панегирикъ по поводу 30-ти лѣтней годовщины постановки „Рогнѣды“ и помѣстило его бюстъ намогильный. Теперь было бы самое удобное время тиснуть въ „Наблюдатель“ его неизданныя любопытныя письма. Я болѣе потому прислать вамъ статью поторопился, что хотѣлъ послѣ болѣзни возродиться въ вашемъ журналѣ. Въ случаѣ затрудненій съ вашей стороны возвратите статью; я пошлю ее Шубинскому, но надо поскорѣе. Вашъ преданный Вл. Зотовъ“.

ПИСЬМО В. ЧУЙКО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

„Спб., 28 іюля 1892 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Въ Вашей конторѣ мнѣ сказали, что Вы благополучно добрались до Маіоренгофа. Поэтому, пишу туда, исполняя Ваше порученіе сообщить Вамъ тѣ, что я задумалъ для моихъ работъ на осеннія книжки. Кромѣ статьи о Зола, статьи, о которой мы уже бесѣдовали съ Вами, было бы недурно, мнѣ кажется, дать небольшую статью о Мопассанѣ. Послѣ Зола, Мопассанъ—самый выдающійся изъ современныхъ беллетристовъ; онъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ его произведеніяхъ замѣтна новая нота французскаго натурализма. Кромѣ того, благодаря душевной болѣзни, постигшей его въ прошломъ году,—его литературная дѣятельность закончена, слѣдовательно, о немъ можно говорить теперь безъ всякихъ оговорокъ. Болѣе важной статьей я бы считалъ еще статью о Шелли, англійскомъ лирическомъ поэтѣ, столѣтняя годовщина со дня рожденія котораго будетъ праздноваться въ Англии въ августѣ. Шелли—величайшій изъ лирическихъ поэтовъ 19 вѣка. У насъ онъ мало извѣстенъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайней трудности переводить его. Въ Англии вотъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ специальное ученое общество, посвященное Шелли. Вообще, огромное значеніе его для современной европейской литературы не подлежитъ сомнѣнію. Сообщите мнѣ, какъ вы смотрите на мои предложенія. Какъ только я получу Вашъ отвѣтъ, сейчасъ же примусь за дѣло. Преданный Вамъ Вл. Чуйко“.

ПИСЬМА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „8 декабря 1887 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Прежде всего считаю своею обязанностью обратить ваше вниманіе на мое комическое положеніе, именно, обыкновенно г.г. редакторы предлагаютъ авторамъ дѣлать поправки и передѣлки, а г.г. авторы обижаются и уступаютъ, скрѣпя сердце, здѣсь же авторъ предлагаетъ свои покорныя услуги, а редакторъ отмахивается обѣими руками. Большихъ передѣлокъ я не буду дѣлать, уступая Вашему желанію, но то, о чемъ писалъ Вамъ при

посылкѣ статьи, я долженъ исполнить, какъ добросовѣстный авторъ. Количество главъ и печатныхъ листовъ пусть остается то же, но послѣднія главы я переработаю—кромѣ убытка для меня въ этомъ хорошемъ намѣреніи ничего нѣтъ, поэтому Вы обязаны смилостивиться въ концѣ концовъ... Во-первыхъ нужно мотивировать самоубійство Сажина, во-вторыхъ выяснить его разрывъ съ генеральшей и отношенія къ ней послѣ этого разрыва и, въ третьихъ, сгладить слишкомъ рѣзкое превращеніе либераловъ въ индифферентистовъ. Нужно оставить хоть 3 праведниковъ, ибо безъ этихъ 3 „нѣсть граду стоянія“. Что касается названія, то Господь съ нимъ: мнѣ все равно, какъ и Вамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не въ названіи. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности Д. Маминъ. Р. С. Передѣлки пришлю въ январѣ. Беру смѣлость попросить Васъ еще разъ, нельзя ли будетъ высылать мнѣ отписки, а то я „Летныхъ“ не имѣю совсѣмъ“.

2.—„27 февраля 1888 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Судьбѣ угодно, чтобы Ваше желаніе исполнилось: романъ останется безъ передѣлокъ. Причина этому та, что, не смотря на все свое желаніе, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи передѣлать еще разъ—нѣтъ времени. Мое прекрасное далеко мѣшаетъ дѣлу больше всего: когда напишешь, когда перепишешь, когда рукопись дойдетъ до Петербурга, а тамъ уже книжка въ наборъ пошла. По хохлацкой пословицѣ, выше лба очи не растутъ... Извиняюсь за несдержанное обѣщаніе и утѣшаюсь только тѣмъ, что понесу за него соответствующую казнь, яко авторъ „романа“. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Д. Маминъ. Р. С. Нельзя ли будетъ выслать мнѣ отписки „Именинника“. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ, но до сихъ поръ отвѣта еще не получилъ и поэтому рѣшаюсь напомнить вторично“.

3.—„25 мая 1891 г. Лѣсной. Ваше Превосходительство Александръ Петровичъ. Былъ лично въ редакціи недѣлю тому назадъ и оставилъ рукопись легенды о ханѣ Кучеомѣ, —это своего рода татарское „Слово о полку Игоревѣ“. Мои условія 100 руб. за листъ. Вещь въ свремъ родѣ единственная. Хотѣлось лично переговорить съ вами, но въ тотъ четвергъ не удалось передать Вамъ своей карточки, а въ назваченные Вами дни не могъ быть, потому что переѣзжалъ на дачу въ Лѣсной. Предметъ моихъ перего-

воровъ слѣдующій: я хотѣлъ предложить Вамъ романъ на 1892 годъ. Романъ будетъ о хлѣбѣ, дѣйствующія лица—крестьянинъ и купецъ хлѣбникъ. Хлѣбъ—все, а въ Россіи у насъ въ особенности. Цѣна „строить цѣпу“ на все остальное, и отъ нея зависитъ вся промышленность и торговля. Собственно въ Россіи тотъ процессъ, какимъ хлѣбъ доходитъ отъ производителя до потребителя, трудно прослѣдить, потому что онъ совершается на громадномъ разстояніи и давно утратилъ типичныя переходныя формы отъ первобытнаго хозяйства къ капиталистическимъ операціямъ. Я беру темой Зауралье, гдѣ на разстояніи 10—15 лѣтъ всѣ эти процессы проходятъ во-очію. Собственно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является р. Исеть, перерѣзывающая благословенное Зауралье. Это единственная въ Россіи рѣка по своей населенности и работѣ; на протяженіи 300 верстъ своего теченія она заселена почти сплошь напей 20 большихъ мельницъ, 2 города, нѣсколько фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и разныхъ сибирскихъ „заимокъ“. Бассейнъ Исети снабжалъ своей пшеницей весь Уралъ и слылъ золотымъ дномъ. Центръ хлѣбной торговли—уфадный городъ Шадринскъ процвѣталъ, мужики благоденствовали. Все это существовало до того момента, когда открылось громадное випокуренное дѣло, а затѣмъ уральская желѣзная дорога увезла зауральскую пшеницу въ Россію. На сценѣ появились громадные капиталы—мелкое хлѣбное кунечество сразу захудало. Хлѣбные запасы крестьянъ были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки. Теперь это недавнее золотое хлѣбное дно является ареной періодическихъ голодовокъ и главными виновниками ихъ являются випокуреніе и вторженіе крупныхъ капиталовъ. Всѣ эти процессы проходятъ наглядно, и тема получаетъ глубокій интересъ. Я собиралъ для нея матеріалы въ теченіе 10 лѣтъ и все не могъ рѣшиться пустить ихъ въ ходъ. Главное условіе для меня то, чтобы не представлять въ редакцію всего романа заразъ, а частями—первыя части будутъ готовы къ концу октября. Относительно условій гонорара, надѣюсь сойдемся. Вообще, мнѣ интересно было видѣть Васъ лично, чтобы переговорить объ этомъ подробно, а всего не напишешь. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и глубокой преданности. Д. Маминъ“.

ПИСЬМА Д. Л. МОРДОВЦЕВА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ

1.—3 декабря 1883 г. Милостивый Государь Александръ Петровичъ. Ныѣшней весной, послѣ зимняго леченія въ Ментонѣ, я совершилъ поѣздку по Испаніи и по Италіи. Результатомъ моихъ скитацій являются два описанія въ формѣ записокъ бродяги: первое—окончено раньше и сдано Стасюлевичу, который и начнетъ его печатать въ „Вѣстн. Европы“ съ позаго года; второе „По Италіи“ я желалъ бы предложить для Вашего журнала. Если, въ принципѣ, Вы ничего не имѣете противъ моего имени и моего труда, то я передалъ бы его Вамъ для ознакомленія съ нимъ и рѣшенія—годится ли онъ для Васъ. Хотя онъ еще не оконченъ (остаются замѣтки только о Флоренціи и Венеціи: Геную, Пизу, Римъ, Неаполь, Помпею—я кончилъ), но я могу дать Вамъ то пока, что уже готово. Если же для Васъ эта работа не нужна, то будьте добры увѣдомить меня: тогда я отошлю ее Юрьеву въ Москву. Искренно Васъ уважающій Д. Мордовцевъ“.

2. „17 января 1885 года. За что Вы меня презираете, многоуважаемый Александръ Петровичъ? Али я не достоинъ получать „Наблюдатель“? Я не имѣлъ чести получить 1-й кн. А потому—царь государь, смилуйсь, пожалуй!—вели выслать мнѣ твой журналъ, а пошлину за оный указомъ твоимъ государевымъ повели взимать съ меня, съ твоего государева жалованья за мои тебѣ, холопа твоего Данилки вѣриую службу моими „похоропами“ всяя великія Русіи Холопъ твой и богомалецъ Данилка, Мордовскія земли твой, государевъ, служилый человѣчишко“.

3. „8 декабря 1893 года. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Встрѣтивъ васъ (въ кон то годы) на юбилейномъ обѣдѣ Григоровича, я вспомнилъ, что давно уже, очель давно не появлялся въ печати подъ вашимъ любезнымъ „наблюденіемъ“. Ну, и потянуло вновь на знакомыя страницы... Если „портфель редакціи“ почтеннѣйшаго Ефима Простосердова, какъ говорится, не переполненъ до краевъ, то не всунете ли Вы, хотя на вторую половину 1894 г., въ оный (портфель) мое новсе историческое чадо—романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа, собственно Абхазіи. Это—событія—съ 1808 по 1824 г.г.—полныя кроваваго драматизма. Вѣдь абхазцы—это самое строптивое племя, чистые сыны Прометея, когда-то томившагося въ ихъ горахъ.

Романъ поэтому озаглавленъ—„Прометеево потомство“.— Если Вы не переполнены черезъ край и ничего не имѣете противъ новаго романа (Алексѣи Михайловичи и проч.— ужь слишкомъ истерты господами романистами), то благоволите черкнуть—когда я могу представить вамъ моихъ Прометеевъ, терзаемыхъ „двуглавымъ“ орломъ Юпитера. Искренно уважающій васъ Д. Мордовцевъ“.

4. „1 января 1897 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Простите „дѣда Данилу“ и спизойдите къ его старческой дряхлости. Я собирался, по Вашему письму, быть у Васъ на праздники, но немощь моя распорядилась иначе:—Бертенсонъ, въ виду моего „arteriites chron“ прописалъ мнѣ порядочную порцію kalii jodati. А это кушанье дѣлаетъ со мною то, что мой организмъ долженъ избѣгать охлажденія, особенно въ настоящіе морозные дни. Если поправлюсь—тогда другое дѣло. А теперь—пока—съ Новымъ годомъ и новой кипучей дѣятельностью, обусловливаемой „Гласностью“. Глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ. Искренно преданный. Д. Мордовцевъ“.

5. „17 октября 1887 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Преподносимая Вамъ книга три раза была арестована цензурой, три раза велѣли перепечатать ея заглавіе (была она раньше названа—„Жертва общественнаго педуга“, что можно видѣть внизу 2-го печатнаго листа и на другихъ листахъ; теперь она „Изъ прошлаго“; (уничтожили въ ней 70 страницъ) см. стр. 32—43, 184—192, а во 2 мѣ томѣ—187—202 и т. д. и т. д., чего—т. е. такой пагинаціи въ книгахъ у насъ не бывало). А сколько пришлось перепечатать, перебросьюровать. Третій арестъ былъ послѣ 1-го марта!—точно моя книга—динамитъ. И съ издателя Лебедева взяли подписку—не публиковать о ней. А продавать можно! Весь Вашъ Д. Мордовцевъ“.

Сообщилъ С. Шпицеръ.





МИМОХОДОМЪ.

Дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ.

Въ 1858 году генераль-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, по занятіи Амурскаго края, опубликовалъ въ газетахъ вызовъ на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, преимущественно юридическимъ, для опредѣленія на предположенныя тамъ должности по гражданскому управленію.

Соблазнившись этимъ вызовомъ, четверо студентовъ нашего (Кіевскаго) университета: Реутскій, Линко, Корсунъ и я, рѣшились попытать счастья въ далекой странѣ, привлеченные славой Муравьева, который, по словамъ газетъ „цѣнить въ людяхъ только честность и трудъ, а на протекціи и связи не обращаетъ никакого вниманія“.

Первый изъ насъ, Реутскій, устроился благополучно, благодаря случайной встрѣчѣ съ кяхтинскимъ градоначальникомъ Деспотомъ-Зеновичемъ, который предоставилъ ему должность по судебному вѣдомству съ достаточнымъ вознагражденіемъ. А какъ устроились остальные, видно изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Я пріѣхалъ въ Иркутскъ въ августъ 1859 г. Время это было самое неблагопріятное. Весь городъ раздѣлился на два лагеря: одни утверждали, что между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ происходила правильная дуэль, другіе — что Беклемишевъ убилъ Неклюдова предательскимъ способомъ. Мои товарищи-студенты принадлежали ко второй категоріи, очутились такимъ образомъ въ оппозиціи къ преобладающей власти, стоявшей за Беклемишева, и, конечно, претерпѣли разныя невзгоды.

Вотъ, что они разсказали. Николай Николаевичъ Муравьевъ окружилъ себя молодежью изъ числа лиценстовъ, во главѣ которыхъ стоялъ любимчикъ „Фединька“ Беклемишевъ, какъ звали его въ обществѣ, вѣроятно, за его маленькій ростъ и узенькіе татарскіе глаза. Онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Муравьева; ему поручались огромной важности дѣла, сопряженные съ крупными расходами казны, напр. водвореніе переселенцевъ въ Забайкальской области, и никакія жалобы, что бы онъ ни дѣлалъ, не принимались во вниманіе. Все работѣствовало предъ Беклемишевымъ; кому онъ благоволилъ, тотъ пользовался благосклонностію Муравьева, кто попалъ въ немилость „Фединьки“, тому приходилось очень плохо.

Ближайшими друзьями Беклемишева и товарищами по Александровскому лицее были Анненковъ и Гурьевъ. Первый былъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и, какъ человекъ богатый (помѣщикъ Тверской губерніи), служилъ исключительно изъ-за отличій — чиновъ и орденовъ. Второй—Гурьевъ, родной внукъ извѣстнаго министра финансовъ, состоялъ Иркутскимъ исправникомъ и считался честнымъ и распорядительнымъ чиновникомъ. Событіемъ о служебныхъ дѣйствіяхъ Анненкова и Гурьева неблагопріятныхъ отзывовъ въ обществѣ не было, но близость ихъ къ Беклемишеву бросала невыгодную тѣнь и на ихъ репутацію.

Былъ еще одинъ чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Неклюдовѣ, правотѣль по образованію и аристократъ по происхожденію. Его отца въ то время уже не было въ живыхъ, а мать была статсъ-дамой при Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Этотъ юноша былъ совѣтъ много склада: умный, хорошо воспитанный, обезпеченный матеріально, онъ не для карьеры пріѣхалъ въ Иркутскъ — карьера обезпечена ему была и въ Петербургѣ, — а съ горячимъ желаніемъ принести обществу и государству посильную пользу и пріобрѣсть служебный опытъ для будущей дѣятельности. Увы, желанію этому не суждено было осуществиться. Суровый Муравьевскій режимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольные поступки его любимца и крайняя приниженность общества оттолкнули его отъ Муравьевскаго кружка и отъ сибирской службы и побудили желать возвратиться въ Петербургъ.

При Муравьевѣ, какъ извѣстно, происходили крайне

оживленныя сношенія съ центральнымъ управленіемъ Китая, такъ какъ мѣстные амбань-бейсы уклонялись принимать какое-либо участіе въ рѣшеніи не только общихъ, но даже и мѣстныхъ пограничныхъ дѣлъ, изъ опасенія павлечь на себя неудовольствіе властолюбиваго и всемилостиваго князя Гун-си-вана. Это вызывало необходимость частой отправки въ Китай курьеровъ съ политическими депешами.

Путевыя пособія курьерамъ съ Иркутска до Троицко-савска выдавались по чинамъ и по числу верстъ (550), далѣе же по Монголіи до Пекина — по числу станцій или, вѣрнѣе, подставъ свѣжихъ лошадей для курьера и его багажа, по 3 плитки ямбоваго серебра (т. е. 6 р.) на каждую подставу, а впослѣдствіи по 3 серебряныхъ рубля = по курсу 4 р. 50 к., при чемъ никакой отчетности въ расходѣ того и другого вида путевыхъ пособій не требовалось.

Обыкновенно курьерами посылали или чиновниковъ дипломатической канцеляріи или кого-либо изъ переводчиковъ китайскаго и монгольскаго языковъ. Но одинъ разъ такое порученіе было дано Неклюдову. И вотъ, когда онъ возвратился изъ Пекина, то неизвѣстно кѣмъ былъ пущенъ слухъ, что онъ не уплачивалъ ящикамъ монголамъ сполна всѣхъ денегъ по положенію, а оставилъ будто бы прогоны въ свою пользу. Кто распустилъ эту клевету, осталось неизвѣстнымъ; но предполагать можно, что—тотъ, кому это было нужно, кто чувствовалъ за собою грѣхи и опасался разоблаченія ихъ Неклюдовымъ.

Несмотря на всю недѣльность этого слуха, несмотря на разслѣдованіе, произведенное переводчикомъ Головкинымъ, при чемъ опрошенные ящики монголы рѣшительно заявили, что свои ланы они получили сполна, несмотря на удостовѣреніе китайскаго пограничнаго начальника (дзаргучея), что къ нему отъ ящиковъ не поступало ни одной жалобы,—клевета, какъ всегда, сдѣлая свое дѣло: иркутское общество изъ угодливости предъ Беклемишевымъ закрыло двери Неклюдову. Ему остались вѣрными только двое друзей Папасевичъ и Чаплевскій; но первый былъ тяжело боленъ и много мѣсяцевъ лежалъ въ постели, а второй былъ командированъ въ тайгу на частныя прински для разслѣдованія злоупотребленій, допущенныхъ золотопромышленниками въ отношеніи рабочихъ. Неклюдовъ остался одинокимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца

весенней распутницы, чтобъ воспользоваться обѣщаннымъ ему отпускомъ въ Петербургъ.

Но этому не суждено было сбыться. Въ апрѣлѣ 1859 г., въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, Неклюдовъ, истомленный одиночествомъ и невеселыми думами „безъ вины виноватаго“, рѣшился пойти въ Иркутскій клубъ, чтобъ почитать газеты и журналы. Не будучи членомъ клуба, онъ всегда записывался на имя своего друга Панасевича; такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Но, какъ только онъ вошелъ въ танцевальную залу въ моментъ перерыва танцовъ, къ нему обратился дежурный старшина Беклемишевъ, и узнавъ, что онъ записался на Панасевича, умышленно громко сказалъ: „здѣсь Панасевича нѣтъ, уходите вонъ“. Неклюдовъ не сталъ спорить, понявъ, что Беклемишевъ желалъ устроить крупный скандалъ, и поэтому, повернувъ обратно, онъ тихо и спокойно сказалъ: „помните, Единька вамъ это даромъ не пройдетъ“.

Можно представить, каково было душевное состояніе Неклюдова послѣ нанесеннаго ему оскорбленія: онъ весь былъ поглощенъ мыслью отомстить, жестоко, безпощадно, отомстить немедленно. Съ этою цѣлью онъ сталъ поджидать Беклемишева невдалекѣ отъ его квартиры, и когда онъ возвратился изъ клуба, Неклюдовъ черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ домъ, сказавъ слугѣ, что онъ—къ Осодору Андреевичу по приказанію временнаго генералъ-губернатора генерала Венцеля. Что затѣмъ произошло между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, конечно, никто не видѣлъ, а слугѣ приказано было молчать; но на другой же день весь Иркутскъ уже зналъ, что Беклемишевъ избитъ, что у него сине-багровыя пятна подъ глазами, что все лицо обложено компрессами и проч. Конечно, всѣ предполагали что этимъ дѣло не кончится, что дуэль неизбежна. И она дѣйствительно состоялась въ половинѣ апрѣля 1859 г., за кладбищемъ въ мелколѣсѣ, невдалекѣ отъ казенныхъ складовъ—порохового и соляного, отстоявшихъ одинъ отъ другого не болѣе версты.

Какъ происходила дуэль, были ли соблюдены обычныя дуэльныя правила,—мнѣнія раздѣлились: сторонники Беклемишева утверждали, что—дуэль была правильная, честная; противники говорили иное. По словамъ послѣднихъ, это было организованное убійство, такъ какъ во-первыхъ у Неклюдова не было секунданта, хотя ему навязали Молчанова (изъ Беклемишевской партіи), да и тотъ къ мѣсту

дуэли въ назначенный часъ не прѣхаль, во-вторыхъ никто изъ врачей не былъ приглашенъ, въ третьихъ раненаго Неклюдова болѣе часа возили по городу, разыскивая кого-либо изъ докторовъ, которые, кстати сказать, всѣ попрятались, пока наконецъ Неклюдовъ не скончался. Не догадался также никто пригласить священника, чтобы подать ему послѣднее утѣшеніе. Вотъ, что говорили противники и выражали надежду, что слѣдствіе раскроетъ правду.

Объ этомъ происшествіи, конечно, было донесено генералъ-губернатору Муравьеву, который въ это время находился въ Кяхтинскомъ градоначальствѣ, при чемъ доложено, что производство слѣдствія поручено дѣйств. стат. сов. Успенскому. Муравьевъ выборъ этотъ одобрилъ. Но противники Беклемишева этимъ выборомъ были крайне опечалены, такъ какъ знали, что Успенскій—одинъ изъ самыхъ льстивыхъ чиновниковъ, преклонявшійся предъ Беклемишевымъ и этимъ путемъ заслужившій благоволеніе Муравьева. И Успенскій вполне оправдалъ это незавидное объ немъ мнѣніе: онъ разрѣшилъ трупъ Неклюдова безъ вскрытія похоронить на другой же день; платье Неклюдова не было описано подробно, что въ особенности было необходимо сдѣлать относительно мѣста, гдѣ пуля вошла въ грудь Неклюдова, для точнаго выясненія—не былъ ли выстрѣлъ сдѣланъ въ упоръ, при чемъ края пулевой дыры на платьѣ были обожжены; извошки, находившіеся вблизи мѣста „дуэли“ (?) скрылись изъ Иркутска (или имъ было приказано скрыться) и „по самымъ тщательнымъ розыскамъ не обнаружены“, на показанія часовыхъ у порохового и соляного складовъ, что они слышали только одинъ выстрѣлъ, не было обращено должнаго вниманія; показанія Беклемишева и его сторонниковъ приняты какъ самая истина и оставлены безъ провѣрки; не введено Успенскимъ въ слѣдствіи и то обстоятельство, о которомъ громко говорилъ весь городъ, что вице-губернаторъ Шелеховъ и полицеймейстеръ Сухотинъ влѣзли на кладбищенскую колокольню и оттуда въ бинокли наблюдали кровавую расправу Беклемишева съ Неклюдовымъ, и проч.

Въ такомъ видѣ слѣдственное производство было представлено въ судъ, которому не оставалось ничего иного, какъ назначить Беклемишеву самое легкое наказаніе—церковное покаяніе.

Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ губернской прокуроръ Ольдскопъ, хотя и неохотно и

съ великимъ страхомъ, опротестоваль его въ Правительствующій Сенатъ.

Здѣсь необходимо объяснить, что Ольдскопъ былъ правовѣдъ по образованію и вообще честный человекъ, но слабаго характера и крайне боязливый. Его рѣшимость опротестовать, послѣ долгаго колебанія, приговоръ суда не была результатомъ его собственной инициативы, а была вызвана нравственнымъ давленіемъ прибывшихъ въ Иркутскъ на службу студентовъ разныхъ университетовъ и нѣкоторыхъ иркутскихъ гражданъ. Всѣ эти лица постоянно сходились въ библиотекѣ М. В. Шестунова и, помимо чтенія газетъ и журналовъ, сообщали другъ другу городскія новости и обсуждали текущія событія и дѣйствія администраціи.

Конечно, и слѣдственное производство о дуэли и судебное о немъ рѣшеніе не могли остаться безъ суровой критики молодыхъ юристовъ, которой вполнѣ сочувствовалъ и самъ Ольдскопъ.

Вслѣдствіе протеста прокурора Сенатъ отмѣнилъ все производство по мотивамъ, указаннымъ въ рапортѣ Ольдскопа, и предписалъ произвести новое слѣдствіе. Конечно, на этотъ разъ даже и чрезвычайно смѣлый Успенскій не осмѣлился уже отступать отъ строгихъ указаній Сената, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Иркутскѣ настойчиво говорили, что Муравьевъ будетъ скоро отозванъ и, слѣдовательно, почтенному Петру Николаевичу не на кого будетъ надѣяться.

Нѣтъ необходимости подробно описывать слѣдственные дѣйствія, которыя въ этотъ разъ произведены Успенскимъ правильно, какъ-то: вырытіе изъ могилы трупа, оказавшагося замороженнымъ, а по оттаиваніи—не подвергшимся разложенію, вскрытіе трупа въ присутствіи понятыхъ, розыскъ извошниковъ и проч. Но нельзя не упомянуть, что при вскрытіи обнаружено было одно крайне странное обстоятельство, о которомъ рассказывали понятые, а именно: пуля вошла между вторымъ и третьимъ ребромъ правой стороны груди, прошла внутри *вертикально внизъ* и остановилась у одного изъ поясничныхъ позвонковъ. Конечно, пуля изъ слабаго пистолета, встрѣтивъ твердое препятствіе (напр. ребро), можетъ нѣсколько измѣнить свое горизонтальное, обычное при дуэляхъ, направленіе; но прямо вертикальное ея направленіе даетъ большое основаніе предполагать, что выстрѣлъ сдѣланъ былъ сверху внизъ, т. е.

что Беклемишевъ, какъ многіе были убѣждены, подѣхавъ на извозчикѣ къ Неклюдову вплотную, поднялся на пролеткѣ во весь ростъ и выстрѣлилъ сверху въ упоръ. Обстоятельство это слѣдователемъ не было выяснено; но повторяю, значительная часть иркутскихъ жителей была убѣждена, что дѣло именно такъ происходило.

Какъ бы то ни было, новое слѣдствіе и судъ имѣли для Беклемишева результатъ неблагопріятный—годъ крѣпости, но безъ лишенія или ограниченія правъ. А такъ какъ въ Иркутскѣ крѣпости не было, то Беклемишеву пришлось отбывать наказаніе въ военной гауптвахтѣ. Конечно, для такого важнаго арестанта помѣщеніе караулни приведено было въ такой видъ, въ какомъ оно никогда не было: появились ковры, цвѣты и проч., и самый режимъ этого военнаго учрежденія для Беклемишева не существовалъ—во всякое время дня и ночи къ нему свободно прѣзжали знакомые мужчины и женщины, привозили разное угощеніе, развлекали разговорами и игрою въ карты. По истеченіи года Беклемишевъ вышелъ въ отставку и навсегда уѣхалъ изъ Сибири.

Тяжело отразилась эта, такъ называемая „дуэль“ на нѣкоторыхъ студентахъ, о которыхъ Муравьеву было донесено, что они громко порицаютъ дѣйствія слѣдователя, администраціи и суда. Въ наказаніе имъ Муравьевъ издалъ приказъ: „Вновь причисленныхъ къ главному управленію Восточной Сибири студентовъ разныхъ университетовъ никуда не назначать и ни къ чему въ Иркутскѣ не командировать, дабы они не просили о содержаніи“.

Этотъ актъ Муравьевской прославленной мудрости не нуждается въ какой-либо иллюстраціи: онъ самъ за себя говоритъ.

Особенно пострадали двое: Линко и Подлѣсный. Первый, очень способный, трудолюбивый и глубоко честный человекъ, прибывшій въ Иркутскъ за полгода до „дуэли“, сначала еще получалъ въ главномъ управленіи судебную работу, которою начальство оставалось довольнымъ, но никого однако же вознагражденія ему не давало, а потомъ послѣ „дуэли“ и этой работы лишился. Издержавъ на квартиру и свое продовольствіе жалкіе остатки отъ путевыхъ пособій, Линко доведенъ былъ до необходимости продавать свое небогатое имущество, т.-е. платье, обувь и часть бѣлья; а когда и этого не стало, онъ взялъ у хозяина топоръ и сталъ ходить на „точокъ“ (биржа труда) съ предложеніемъ

услугъ по расколкѣ пиленыхъ сутунковъ на „швырокъ“ (мелкія дрова). Немного онъ, бѣдняга, зарабатывалъ этимъ тяжелымъ непривычнымъ трудомъ, но все-таки—достаточно, чтобъ платить за квартиру и существовать впроголодь. Наконецъ, убѣдившись, что ему въ Иркутскѣ ждать нечего, и сознавая, что доведенный до отчаянія онъ можетъ совершить кому-либо изъ властныхъ лицъ непоправимое зло (*ira pessimus consultor*), Линко подалъ въ отставку и пѣшкомъ ушелъ изъ Иркутска, присоединившись къ чайному обозу.— Слышно было, что онъ добрался до Казани и тамъ устроился на одномъ изъ частныхъ пароходовъ, въ качествѣ помощника капитана.

Второй, Подлѣсный, тоже вышелъ въ отставку и поступилъ къ горному ревизору Чайковскому вольнонаемнымъ писаремъ. Но къ чести Чайковскаго нужно сказать: онъ недолго пользовался услугами Подлѣснаго въ такой несоответственной его образованію и способностямъ должности, онъ разстался съ нимъ, но широко помогъ ему устроить въ Красноярскѣ собственное дѣло. Обладая хорошею учительскою подготовкою и зная теоретически французскій и нѣмецкій языки, Подлѣсный задумалъ открыть пригготовительную школу, пригласивъ священника для преподаванія Закона Божія и одного изъ учителей уѣзднаго училища—для Русскаго языка. Епископскій губернаторъ Павелъ Никол. Замятинъ (родной братъ бывш. министра юстиціи) вполне одобрилъ проектъ Подлѣснаго и далъ „словесное“ разрѣшеніе на открытіе школы. Дѣло пошло весьма успѣшно. Разумная и добросовѣстная постановка преподаванія, полное отсутствіе наказаній и ровное дружелюбное отношеніе къ дѣтямъ привлекли къ Подлѣсному всеобщія симпатіи красноярцевъ, называвшихъ его „учитель благій“. Такъ процвѣтала школа болѣе двухъ лѣтъ, какъ вдругъ изъ Иркутска пришло предписаніе школу закрыть, какъ устроенную безъ должнаго „письменнаго“ разрѣшенія, а съ Подлѣснаго взыскать такой-то штрафъ.—Послѣ такого погрома Подлѣсному оставалось только бѣжать по-добру по-здорову изъ непривѣтливой Сибири, администрація которой и послѣ Муравьева руководилась его системой: разбить, сокрушить и отдать подъ надзоръ полиціи.

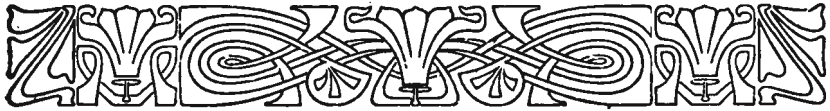
Вѣроятно, такая же подобная, какъ Линкъ и Подлѣсному, участь грозилъ и мнѣ, по меня спасъ неожиданный вызовъ кяхтинскаго градоначальника съ приглашеніемъ

на небольшую, но опредѣленную должность. Я рѣшился воспользоваться этимъ приглашеніемъ и въ концѣ ноября 1859 г. оставилъ Иркутскъ.

Наконецъ и остальные студенты: Кожошкинъ и Слотвинскій, прождавъ напрасно цѣлый годъ въ качествѣ причисленныхъ къ главному управленію В. Сибири, переѣхали въ кяхтинское градоначальство, гдѣ и были устроены на дѣйствительную государственную службу.

В. Мерцаловъ.





Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

Тамберликъ.

— „Or, l'insaisissable Moteur de l'univers doit bien un jour permettre à ces parcelles, qui se sont aimées et estimées dans la vie passagère, de se rencontrer et de se reconnaître dans l'Eternité“¹⁾.

Изъ рѣчи Тамберлика 18 апр.
1884 г.

Генрихъ Тамберликъ (Enrico Tamberlick)²⁾ родился въ Римѣ 11 марта (нов. стиля) 1820 года. Родители хотѣли видѣть его юристомъ и съ этою цѣлью помѣстили его въ семинарію Монте Фіасковэ. Окончивъ семинарію Тамберликъ, однако, не сдѣлался юристомъ, а сталъ учиться пѣнію подъ руководствомъ стараго пѣвца Guglielmi.

Въ 1841 году онъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ теноровой партіи въ Миланскомъ театрѣ дель-Фандо въ оперѣ Беллини „Капулетти“. Въ послѣдующіе годы Тамберликъ пѣлъ въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, Барселонѣ и Лондонѣ.

¹⁾ „Непостижимый Двигатель вселенной позволить же въ одинъ прекрасный день этимъ чапудамъ, любившимъ другъ друга въ тѣлѣной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности“.

²⁾ Извѣстный востоковѣдъ М. А. Гамазовъ говорилъ однажды, что фамилія „Тамберликъ“ указываетъ какъ бы татарское происхожденіе ея носителя: „тамберъ“ — музыкальный инструментъ, „ликъ“ — вращательный механизмъ.

Въ 1848 году, явившись въ Петербургъ еще совѣмъ молодымъ пѣвцомъ, безъ ореола европейской извѣстности, онъ выступилъ въ скромной роли Полліона въ „Нормѣ“ (съ Гризи) и уже на нашей сценѣ завоевалъ имя перво-класснаго артиста, въ особенности послѣ созданія ролей Арпольда въ „Вильгельмъ Теллъ“ и Отелло. Въ Петербургѣ Тамберликъ пѣлъ съ небольшими перерывами до 1867 года, получивъ званіе „солиста Двора Его Императорскаго Величества“. Въ 1858 году Тамберликъ впервые дебютировалъ въ Парижѣ въ Большой Оперѣ, въ роли Отелло. Гастролировалъ онъ также въ Сѣверной и Южной Америкѣ.

Тамберликъ былъ привлекательной наружности, роста средняго, классически сложенный, хотя и нѣсколько полный. Онъ превосходно одѣвался и держался на сценѣ благородно и скромно.

Голосъ его, не говоря уже о силѣ и красотѣ тембра, отличался необыкновеннымъ огнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивостью, трогаящею глубоко. Его фразировка (речитативъ), вѣрность интонаціи и слуха были безукоризненны. Съ низахъ голосъ Тамберлика былъ немного глухъ, но чѣмъ выше—тѣмъ становился яснѣе, прозрачнѣе и теплѣе. При выраженіи страсти голосъ его производилъ потрясающее впечатлѣніе.

Личность Тамберлика была обаятельна. Что въ немъ поражало—такъ это его скромность. Выходя на бурные вызовы публики, онъ застѣпчиво улыбался, какъ бы конфузясь. И эта скромность всемірно прославленнаго артиста привлекала къ нему всѣ сердца.

Въ области вокализаціи Тамберликъ уступалъ своему товарищу Кальцолари; вотъ почему профессиональные музыканты всегда предпочитали Кальцолари, называя его итѣніе классическимъ. Но публика на это не обращала вниманія: она ждала отъ Тамберлика другого—его порыва, его огня, его вдохновенія. Онъ возносилъ ее своимъ чуднымъ голосомъ и силою духовнаго горѣнія до полнаго восторга.

Удивительно: у Тамберлика не было никакихъ приемовъ хорошаго актера, не было мимики; вся сила его была въ его душѣ, и своею великою, благородною, страшною душою онъ дѣйствовалъ именно на душу слушателя.

Повсюду публика восторгалась его замѣчательнымъ *ut (do) diès'омъ*.

Вотъ что писалъ самъ Тамберликъ о своемъ „ut diès“¹⁾: „я рѣшилъ дебютировать (въ Парижѣ въ 1858 г.) въ „Отелло“, ибо я понималъ, что для парижанъ, пресыщенныхъ артистическими знаменитостями того времени, слѣдуетъ прибавить къ искусству нѣкій сюрпризъ. Этимъ сюрпризомъ и былъ ut diès, который, по словамъ теноровъ, имъ не обладавшихъ, былъ результатомъ лишь простого случая. Совершенно напротивъ, я долженъ удостовѣрить, что я его приобрѣлъ только постоянной и осторожной работой, ибо мой голосъ былъ менѣе обширенъ, когда я началъ свои музыкальныя занятія... Итакъ я дебютировалъ. Успѣхъ вскорѣ разсѣялъ мой страхъ и мой ut diès вызвалъ взрывъ восторга. Съ каждой новой ролью благоволеніе публики ко мнѣ увеличивалось. Это обстоятельство было мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ энтузіазмъ, вызванный помощью ut diès'a, ибо эту ноту я беру только въ „Отелло“.

По поводу ut diès'a у Тамберлика произошла въ Петербургѣ любопытная исторія съ нѣкимъ г. Гарсіа, учителемъ пѣнія, который въ своей книгѣ давалъ совѣтъ всѣмъ учащимся избѣгать „непечислимыхъ опасностей отъ изверженія болѣе или менѣе естественныхъ ut-овъ, тѣхъ невозможныхъ рѣзкихъ звуковъ, которые господами тенорами di forza называются грудными ut-ами“. Намекъ на Тамберлика былъ слишкомъ очевиденъ, и г. Гарсіа, по собственной инициативѣ, поспѣшилъ письменно извиниться передъ Тамберликомъ. Вотъ отвѣтъ послѣдняго:—„Я только-что получилъ Ваше письмо и, признаться сказать, не понимаю въ немъ ровно ничего. Вы говорите, что имѣете поводъ быть увѣреннымъ, что я смотрю на Васъ равнодушно и объясняетесь о такихъ вещахъ, о которыхъ я никогда и не думалъ по той причинѣ, что я нисколько не занимаюсь критиками, обращенными ко мнѣ въ качествѣ артиста. Для того, чтобы Вы могли вполне убѣдиться въ томъ, я объясню Вамъ мой образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Критики въ дѣлѣ искусства не существуютъ, потому что наука эстетики не установилась и, слѣдовательно, нѣтъ постоянныхъ правилъ для опредѣленія „прекраснаго“. Это позволяетъ каждому блуждать наудачу въ области искусства, руководствуясь только собственными способностями, собственнымъ вкусомъ и, въ особенности, модою. Вы най-

¹⁾ Изъ письма Тамберлика къ г-ну Перивье. Статья „L'ut diès de Tamberlick“. „Le Figaro“, 24 nov. 1883.

дете, быть можетъ, что я приблизился къ парадоксу, но, повторяю, таковъ мой образъ мыслей“ 1).

Популярность тамберликовскаго *ut diès'a* была такъ велика, что онъ сдѣлался сюжетомъ для цѣлаго ряда карикатуръ и даже водевилей 2).

Репертуаръ этого перваго изъ совершенныхъ *tenori di forza* былъ обширенъ и разнообразенъ 3).

Съ особеннымъ успѣхомъ онъ пѣлъ партіи Отелло, Трубадура, Пророка, Герцога („Риголетто“), Арнольда („Вильгельмъ Телль“), Васко-ди-Гама („Африканка“) и Дона Альворо („Сила Судьбы“).

Любопытно отмѣтить, что Верди только въ Петербургѣ познакомился и впервые слышалъ на сценѣ Тамберлика 4), талантъ котораго такъ много содѣйствовалъ успѣху вердиевскихъ оперъ.

1) „Современное Слово“. 1862 г. №№ 130 и 146.

2) Напр., въ итальянск. журналѣ „il Secolo illustrato“ въ 70-хъ годахъ была напечатана карикатура Джурандо на Тамберлика съ надписью: „Il tenore Tamberlick, il cui do diesis fu celebre nel mondo“.

Въ Петербургѣ въ Михайловскомъ театрѣ шелъ французскій водевилъ „Ut dièsè“. Старикъ-равъте (Lemenil), страстный поклонникъ Тамберлика, поклялся выдать свою единственную дочь замужъ лишь за того, кто сможетъ взять *ut gièsè*. Но дочь и ея возлюбленный одурачиваютъ старика: они переключиваютъ известный дуэтъ Отелло и Иго для болѣе низкихъ голосовъ, а затѣмъ хитрецы, исполняя съ товарищемъ этотъ дуэтъ, берутъ *ut-dièsè* (тотъ, да не тотъ) и покоряютъ старика, который и соглашается на бракъ обладателя „*ut'a*“ съ его дочерью.

3) 1. Ариетт.	„Море“.	Гарольдъ.	„Цампа“.	
	Беллини.	„Канзулетти“.	Гуно.	„Фаустъ“.
		„Норма“.	20. Давидъ.	„Геркуланумъ“.
	Берлюозъ.	„Боввенуто Челлини“.	Доницетти.	„Велларій“.
	Верди.	„Атилла“.		„Лукреція Борджиа“.
		„Баль-Маскарадъ“.		„Поліевктъ“.
		„Юанна Д'Аркъ“.		„Фаворитка“.
		„Ломбардцы“.	Мейерберъ.	„Африканка“.
		„Луиза Миллеръ“.		„Гугеноты“.
10.		„Навуходоносоръ“.		„Проркъ“.
		„Разбойники“.	Моцартъ.	„Водшебн. Стрѣлокъ“.
		„Риголетто“.		„Донъ-Жуанъ“.
		„Сила Судьбы“.	30. Рячи.	„Мужъ и Любовникъ“.
		„Травиата“.	Россини.	„Вильгельмъ Телль“.
		„Трубадуръ“.		„Моисей“.
		„Фоскаръ“.		„Отелло“.
		„Эрнани“.	34.	„Севильск. Цирульн“.

4) Это было въ 1861 г. 24 ноября 1861 г. Верди прибылъ въ Петербургъ для постановки своей оперы „La Forza del destino“ („Сила Судьбы“).

„Найдется ли во всемъ музыкальномъ мірѣ, восклицалъ современный критикъ ¹⁾, хоть одинъ дилеттантъ, который бы не восхищался Тамберликомъ въ роли венеціанскаго мавра („Отелло“)? Мы говоримъ, конечно, не объ одномъ только его *ut dièse*, а разумѣемъ, что роль эту отъ первой ноты до послѣдней Тамберликъ исполняетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ“ ²⁾. Въ „Трубадурѣ“ лучшая роль остается по-прежнему за Тамберликомъ (Манрико) ³⁾, талантливая натура котораго постоянно встрѣчаетъ восторженное сочувствіе всѣхъ людей съ сердцемъ, одаренныхъ музыкальнымъ слухомъ. Всѣ нумера исполняетъ онъ съ тѣмъ твердо-выработаннымъ искусствомъ, которое составило его прекрасному, симпатичному голосу такую громкую славу“. Въ „Пророкъ“ (роль Іоанна) Тамберликъ „исполняетъ свое дѣло художнически во все продолженіе оперы, какъ и слѣдуетъ такому прекрасному артисту. Особенно превосходенъ онъ въ дуэтѣ послѣдняго акта съ Фидесъ; что же касается до одушевленія и искусства, съ которымъ онъ исполняетъ извѣстный гимнъ третьяго акта „*Roi de ciel et des anges*“, то они выше всякихъ похвалъ и достойны лучшихъ его вдохновеній въ „Карлъ Смѣломъ“ или „Отелло“.—Въ „Карлъ Смѣломъ“ („Вильгельмъ Телль“) Тамберликъ въ роли Арнольда — выше всякой похвалы... тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Тамберликъ, исполнены потрясающей силы, неудержимо увлекаютъ слушателя и настраиваютъ его очень высоко... Лучшая роль его обширнаго и разнообразнаго репертуара—роль Арнольда Мельхтала... Тамберликъ безспорно первый Арнольдъ изъ современныхъ пѣвцовъ Европы“. По поводу исполненія роли Ричарда (въ оперѣ Верди „Баль-Маскарадъ“) тотъ же критикъ отмѣчаетъ важное достоинство Тамберлика: „никто изъ современныхъ артистовъ не говоритъ серьезныхъ речитативовъ такъ выразительно, какъ онъ; даже самъ Рубини уступалъ ему въ этой важной части искусства. Не гово-

¹⁾ М. Д.— въ: Итальянская опера въ Петербургѣ. „Современникъ“, т. LXXXV, LXXXVI и XCIV отд. II, т. XLII отд. VI.

²⁾ 11 января 1863 г. въ бенефисъ Тамберлика давали „Отелло“. Барбо—Дездемона послѣ словъ: „*Uccidimi... t'affretta, saziati al fin, crudel!*“ стрѣлой бросилась отъ Тамберлика—Отелло; до того видъ его былъ страшенъ. Поскользнувшись, Барбо упала на спину и долго не могла оправиться отъ ушиба и испуга.

³⁾ Тамберликъ былъ первый „Трубадуръ“ на русской сценѣ (съ 1855 г.).

римъ уже о его безукоризненной чистотѣ итальянскаго произношенія — достоинство, которымъ на нашей сценѣ, кромѣ его да Кальцолари, никто не можетъ похвалиться“.

Тамберликъ былъ чрезвычайно добрый человекъ, чутко относившійся къ бѣдѣ ближняго, онъ щедро помогаль нуждающимся и не копилъ денегъ, подобно своему коллегѣ Кальцолари.

Когда въ 1860 году (16 августа) скончался знаменитый актеръ А. Е. Мартыновъ, оставившій семью безъ всякихъ средствъ, Тамберликъ устроилъ въ ея пользу спектакль, въ которомъ, между прочимъ, пѣлъ романсъ „Его ужъ нѣтъ, любимца славы“. Публика, растроганная до слезъ, заставила Тамберлика трижды спѣть этотъ романсъ. На нескончаемые вызовы Тамберликъ вывелъ на сцену трехъ маленькихъ дѣтей Мартынова и, обнявъ ихъ одною рукою, другою указаль на нихъ публикѣ, какъ бы отдавая ихъ подъ ея покровительство ¹⁾.

Однажды въ Петербургѣ явился къ Тамберлику нѣкій малоизвѣстный, весьма нуждавшійся въ деньгахъ композиторъ съ просьбою участвовать въ его оперѣ „Дмитрій Донской“. Тамберликъ отнесся сочувственно къ просителю и добросовѣстно разучилъ по-русски партію Донскаго. Была поставлена лишь одна сцена этой незаконченной оперы. Тамберликъ въ шлемѣ и кольчугѣ взываль: „къ оружію, Россіяне!“ Онъ имѣль большой успѣхъ, сборъ былъ огромный.

Желая какъ-то помочь бѣдному художнику и въ то же время щадя его самолюбіе, Тамберликъ сталъ брать у него за большія деньги уроки живописи, хотя самъ хорошо рисоваль.

Въ 70-хъ годахъ Тамберликъ спеціально ѣздилъ изъ Петербурга въ Шамбонъ (Chambon), близъ Блуа, для участія въ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ тамъ по иниціативѣ газеты „Фигаро“ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ текстъ романса на смерть Мартынова (музыка Булахова) со словами Куликова, передѣланный изъ романса „Ея ужъ нѣтъ“ (на смерть Возио):

I.	II.
„Его ужъ нѣтъ, любимца славы,	„Но ты на вѣкъ талавта силой
„Кто такъ искусство уважалъ,	„Зажегъ любовь въ сердцахъ къ себѣ,
„Кто изучаль родные нравы,	„Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милой,
„Кто самъ творилъ—не подражалъ.	„Но память вѣчная тебѣ!..

²⁾ „Le Figaro“. 1877. 21 mai.

Тамберликъ неоднократно выступалъ въ Петербургѣ въ концертахъ въ пользу бѣдныхъ учащихся и благотворительныхъ заведеній. Одинъ благотворительный концертъ его 11 апрѣля 1884 года въ залѣ Дворянскаго Собранія далъ чистаго сбора 6.433 рубля¹⁾.

Въ концертахъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ Тамберликъ обыкновенно исполнялъ; „Ave Maria“ Гуно, „Crucifixus“ Фора, „Le Printemps“ Мендельсона, „Cujus animam“—арія изъ „Stabat Mater“ Россини, дуэтъ изъ оперы „Отелло“ Россини и др. Изъ русскихъ романсовъ онъ пѣлъ: „Скажите ей!“ (княгини Е. В. Кочубей, слова кн. Н. А. Долгокурова), „Я очи зналъ“ (княг. Кочубей, слова Ф. И. Тютчева), „Отчего скажи, душа-дѣвица“ (А. Н.), „Ты, волна моя морская“, „Ее ужъ нѣтъ“ (П. Булахова), „Его ужъ нѣтъ“ (П. Булахова, слова Куликова), „Съ озера вѣтъ прохладой и нѣгой“ (Дингельштета, слова Ф. И. Тютчева).

Особенною популярностью пользовался пѣтый Тамберликомъ романсъ „Скажите ей“. Одинъ изъ петербургскихъ друзей Тамберлика, нынѣ покойный Иванъ Осиповичъ Каргановъ обладалъ недурнымъ теноромъ и замѣчательнымъ даромъ подражанія. Онъ удачно имитировалъ пѣніе многихъ артистовъ, но особенно удавалась ему имитация Тамберлика. Объ этомъ узналъ Императоръ Александръ II. Каргановъ былъ приглашенъ во дворецъ, и Государь сказалъ ему: „Я слышалъ, что ты прекрасно подражаешь Тамберлику, покажи, какъ Тамберликъ поетъ „Скажите ей“. Государь остался очень доволенъ исполненіемъ Кар-

¹⁾ Изъ этой суммы 433 руб. были розданы бѣднымъ по личнымъ ихъ просьбамъ самимъ Тамберликомъ, а остальные 6000 руб. были распределены комитетомъ, избраннымъ Тамберликомъ, между слѣдующими учреждениями: Университету—500 р., Технолог. Институту—340 р., Женск. Ветужевск. курсамъ—180 р., Высш. Женск. Врачеб. курсамъ—180 р., Женск. Педагог. курсамъ—180 р., начальнымъ городскимъ училищамъ—120 р., Ксерваторіи—1000 р., Академіи Художествъ—300 р., Музыкальн. классамъ при Педагог. Музеѣ воен.-учебн. завед.—200 р., Итальянск. благотв. общ-ву—300 р., Общ-ву ночлежныхъ пріютовъ—240 р., Обществу дешевыхъ квартиръ—240 р., Попечительству о бѣдн. дѣтяхъ—240 р., Попечительству о бѣдн. Рожд. части—240 р., Славянск. благотв. общ-ву—120 р., Евангелич. больницѣ—120 р., Филармоническому общ-ву—600 р., Кассѣ музыкальн. художниковъ—600 р. и Литературн. Фонду—300 р. См. „Нов. Вр.“ 1884 г. №№ 2919 и 2922. Въ составъ комитета входили: М. С. Лалаевъ, Н. П. Нарашовичъ, Н. К. Шведовъ, К. Ю. Давыдовъ, К. И. Бергамаско, И. О. Каргановъ, П. А. Петерсенъ и г. Ротеръ.

гапсга и нѣскольکو разъ заставилъ его повторить „подъ Тамберлика“ этотъ романсъ.

Петербургская публика обожала „Андрея Ивановича“—такъ называли Тамберлика. Извѣстный ¹⁾ покойный Скальковскій по этому поводу писалъ:—„Буквально въ значительной части петербургскихъ кружковъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Тамберликѣ, что остроумно, описалъ въ одной изъ своихъ повѣстей Николай Успенскій. Трудно выдумать картину болѣе эффектную, какая представлялась ежегодно въ бенефисъ Тамберлика. Давался обыкновенно „Отелло“ и при появленіи тонора въ гондолѣ въ 1-мъ актѣ буквально весь театръ, даже дамы въ ложахъ, вставали съ своихъ мѣстъ и неистовыя оваціи продолжались минутъ пять.

„Молодежь просто боготворила Тамберлика; оваціи были особенно сильны тамъ, гдѣ видѣли малѣйшій случай для намековъ на тогдашнія либеральныя вѣянія. Фразу „сег-сег la liberta“! въ „Вильгельмъ Телль“ заставляли Тамберлика повторять по 3 и по 5 разъ“ ²⁾.

Немудрено, что молодежь „боготворила“ Тамберлика.—„Кромѣ поклоненія Тамберлику, какъ великому, феноменальному пѣвцу, писало „Новое Время“ ³⁾, ему поклонялись какъ человѣку, какъ задушевнѣйшему другу учащейся молодежи. Не говоримъ о томъ, какіе сборы въ свое цвѣтущее время онъ дѣлалъ концертами въ пользу учащейся молодежи (главнымъ образомъ, студентовъ университета), на его личный гонораръ воспитывались десятки молодыхъ людей. Получая громадную плату отъ дирекціи, Тамберликъ никогда не имѣлъ денегъ и, если вывезъ что-нибудь изъ Петербурга, то это была сумма ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы вывезти. Тамберликъ такъ много помогалъ русской учащейся молодежи и такъ деликатно помогалъ какъ никто и никогда изъ чужеземныхъ артистовъ, пріѣзжающихъ къ намъ для сбора денегъ“.

27 февраля 1867 года въ „Африканкѣ“ Тамберликъ протѣлся съ петербургской сценой, на которой пѣлъ почти безирерывно 19 лѣтъ.

¹⁾ К. Скальковскій. Въ театральномъ мѣрѣ. СПб. 1899 года. Стр. IX—X.

²⁾ Любопытная подробность: послѣ смерти Тамберлика остался собранная имъ большая коллекція автографовъ извѣстныхъ революціонеровъ всего страчъ міра.

³⁾ „Новое Время“. 1881 г. № 2905 (30 марта).

Осенью 1870 года, послѣ 3-хъ лѣтняго отсутствія, Тамберликъ вновь прїѣхалъ въ Россію. Знаменитому пѣвцу было уже 50 лѣтъ. Выступленіе его 24 сентября въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ въ „Трубадурѣ“ было для него печально: онъ сдѣлался жертвою интриги и былъ ошиканъ ватагою наемныхъ негодяевъ при первомъ появленіи на сцену.

„Зававѣсь взвился, пишетъ рецензентъ „Русскихъ Вѣдомостей“¹⁾, и когда послѣ первыхъ речитативовъ изъ-за кулисъ полились звуки серенады, сверху сейчасъ же раздалось единодушное шиканье. Тамберликъ, впервые выступившій передъ московской публикой и съ замираніемъ сердца ожидавшій ея привѣтствія, былъ встрѣченъ такъ, какъ можно встрѣтить развѣ только уличнаго гаера, случайно попавшаго на сцену. Первый представитель драматическаго пѣнія въ Европѣ, пѣвецъ, равнаго которому нѣтъ и теперь по музыкальной декламации и фразировкѣ, артистъ, стяжавшій уваженіе образованнаго міра, былъ ошиканъ московскими плебеями. Участъ спектакля была рѣшена: оперы уже не было—начался скандалъ въ четырехъ актахъ. Стогло пѣвцу выйти изъ-за кулисъ и открыть ротъ, какъ неистовое шиканье сейчасъ же заглушало и его голосъ и звуки оркестра. Крики „браво“ и аплодисменты въ партерѣ и ложахъ, какъ протестъ противъ этой трактирной вакханалии, покрывались ревомъ верхняго ряда, перемѣшаннымъ съ шипѣньемъ сотни наемныхъ ртовъ. Оркестръ четыре раза начиналъ играть, чтобы чѣмъ-нибудь остановить расходившуюся и никѣмъ не остававшуюся сволочь—но ничто не помогало. Изобрѣтая новыя оскорбленія артисту, эта толпа уличнаго сброда продолжала неистово реветъ, настаивая, чтобы выходили всѣ артисты, участвовавшіе въ предыдущей сценѣ, исключая только Тамберлика...

„Описывать далѣе все безобразіе этого вечера мы не считаемъ нужнымъ. Скажемъ только, что Тамберликъ пѣлъ всю свою партію подъ аккомпаниментъ не оркестра, а громкаго шиканья райка и еще болѣе громкаго, ничѣмъ не сдерживаемаго, раздававшагося на весь театръ дружнаго гоготанья наемнаго сброда и непристойныхъ криковъ болѣе нахальныхъ его запѣвалъ...

„Обращаясь затѣмъ къ г. Тамберлику, мы съ увѣренностью позволимъ себѣ сказать, что онъ, безъ сомнѣнія,

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“. 1870 г. № 205 (25 сент.).

отнесется къ этому дѣланному и направленному противъ него скандалу съ тѣмъ презрѣніемъ, какого онъ заслуживаетъ. Г. Тамберликъ долженъ знать, что все, что было истинно порядочнаго въ этотъ вечеръ въ театрѣ, было до глубины души возмущено безпримѣрнымъ, невѣжесственнымъ поведеніемъ подставной ватаги купленной сволочи. Та же сволочь, мы убѣждены, будетъ черезъ нѣсколько дней нестово аплодировать г. Станьо, неумѣющему разинуть рта безъ фальшивой ноты, и за него будетъ такъ же драть свое наемное горло, какъ теперь пускало его въ дѣло для панесенія знаменитому артисту самаго тяжкаго изъ оскорбленій, какія только могутъ быть наносимы сценическимъ дѣятелямъ“.

Вскорѣ имена устроителей скандала были выяснены 1). Въ числѣ ихъ были два представителя иностранной купеческой колоніи въ Москвѣ и одинъ богатый юноша изъ коренной московской семьи. Эти лица скупили бѣдшую часть мѣстъ 5-го яруса и роздали ихъ подъ извѣстнымъ условіемъ разнымъ темнымъ личностямъ. Въ скандалѣ принимали участіе и кое-кто изъ студентовъ Московскаго университета. Повидимому, эти юнцы не вѣдали, что творится.

28 сентября Тамберликъ получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ товарищей по Петербургскому Сѣзду по Художниковъ слѣдующаго содержанія:—Глубоко возмущенные оскорбленіемъ Вашего таланта въ Московскомъ театрѣ, шлемъ Вамъ дружескій привѣтъ, какъ артисту, таланту котораго удивляются всѣ русскіе артисты и художники“ 2).

Тамберликъ отвѣтилъ на эту телеграмму 3):—„Я до глубины души тронутъ Вашимъ добрымъ участіемъ. Я не могъ ожидать иного отъ собратьевъ моихъ по искусству и людей сердца. Я очень счастливъ, имѣя возможность сказать, что и здѣсь, въ Москвѣ, встрѣтилъ я и въ публикѣ, и въ средѣ артистовъ русскихъ и итальянскихъ, и въ частныхъ кружкахъ полное сочувствіе и людей, давшихъ мнѣ, подобно Вамъ, живыя и драгоцѣнныя доказательства ихъ сердечной симпатіи и пособившихъ мнѣ въ первыя минуты перенести тяжелыя оскорбленія, а потомъ съ презрѣніемъ отнестись къ низкой интригѣ, ихъ породившей. Примите мою благодарность. Тамберликъ“.

1) „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 206 (26 сент.).

2) „Московскія Вѣдомости“ 1870 г. № 208 (29 сент.).

3) „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 207.

1-го октября депутація Русскаго Музыкальнаго Общества поднесла Тамберлику адресъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ ¹⁾: „Пѣвцу-Солисту Двора Его Императорскаго Величества г. Тамберлику.

— „Мы, нижеподписавшіеся, глубоко огорченные прискорбнымъ событіемъ 24 сентября, считаемъ долгомъ заявить Вамъ, Милостивый Государь, что профессора Московской Консерваторіи энергически протестуютъ противъ неприличнаго отношенія московской публики къ первому выходу на нашей оперной сценѣ одного изъ замѣнчившихъ и достойнѣйшихъ представителей европейскаго искусства.

„Примите, Милостивый Государь, отъ насъ увѣреніе, что мы всегда умѣли цѣнить Вашу высокій талантъ и что мы глубоко огорчены тѣмъ, что, вынужденные, встѣдствіе нанесеннаго Вамъ оскорбленія, покинуть нашъ городъ, Вы лишаете насъ возможности и впредь наслаждаться Вашимъ искусствомъ“.

Этотъ адресъ подписали: Н. Рубинштейнъ, П. Чайковский, Александръ Розмадзе, Ф. Л. Лапгеръ, Николай Кашкинъ, Вильгельмъ Фитценхагенъ, Ferdinand Laub, Н. Гурбертъ, В. Кашперовъ, G. Galvani.

Въ тотъ же день Тамберликъ получилъ адресъ отъ Московскаго Артистическаго Кружка съ 73 подписями ²⁾.

Несмотря на обращенія къ нему настоятельныя приглашенія продолжать свое участіе въ московской оперной труппѣ, Тамберликъ рѣшительно отказался отъ дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ и, какъ выразился, отъ чести служить искусству на такой сценѣ, гдѣ артистъ такъ легко можетъ сдѣлаться жертвою дешевой закулисной спекуляціи“.

3-го октября Тамберликъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Другъ и горячій поклонникъ Тамберлика М. С. Л.—въ тогда же написалъ экспромптъ, посвященный „московскимъ меломанамъ“:

- „Крыловъ намъ предсказалъ о томъ скандалѣ днкомъ,
- „Случившемся въ Москвѣ, въ началѣ октября, ³⁾
- „Гдѣ роли старья „Осла“ и „Соловья“
- „Такъ живо сыграны Москвой и Тамберликомъ.

¹⁾ „Русск. Вѣдом.“ 1870 г. № 210 и „Моск. Вѣдом.“ 1870 г. № 211.

²⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1870 г. № 210.

³⁾ По новому стилю.

А вотъ экспромптъ и другого поклонника Тамберлика М. А. Г—зова:

„Мы ждемъ сегодня Тамберлика—
„Пввца, какихъ ужъ больше нѣтъ,
„Что изъ Москвы поганцевъ клика
„Чуть не на тотъ послала свѣтъ!

* * *
„Москва, ошिकाвъ Тамберлика,
„С-бя ошикала до дна,
„И показала, что ни лыка
„Не вяжетъ въ музыкѣ она,

* * *
„Что видѣть, слышать Тамберлика,
„Не по плечу, не къ рожѣ ей,
„Что прелесть Станьовскаго ¹⁾ крика
„Одна во вкусѣ москвичей.

* * *
„Все это вадорь для Тамберлика,
„Кабакъ московскій онъ забылъ;
„Пусть онъ Москвой былъ принять дико,
„Но намъ всегда онъ дорогъ былъ!

15 окт. 1870 г.

По прїѣздѣ Тамберлика въ Петербургѣ, его поклонники занялись хлопотами объ устройствѣ въ Большомъ театрѣ спектакля съ его участіемъ. Рѣшено было дать того же „Трубадура“. Спектакль состоялся 17 октября.

Приведемъ выдержку изъ отчета объ этомъ спектаклѣ изъ газеты „Голось“ ²⁾:—„Сегодня, 17 октября, въ „Трубадурѣ“ дебютировалъ нашъ давнишній и любимый знакомый г. Тамберликъ, бросившій Москву, гдѣ такъ нелѣпо, такъ безтактно поступила съ нимъ публика при первомъ его появленіи на сцену. Не то было здѣсь. Такого восторженнаго пріема, какого мы нынче были свидѣтелями, давно не удостоивался ни одинъ артистъ на нашей сценѣ. Это былъ истинный фюге. При первомъ появленіи Тамберлика раздался такой громъ рукоплесканій и криковъ браво, отъ котораго нѣсколько минутъ буквально дрожало зало театра. Восторженные вызовы и восклицанія продолжались до конца оперы; аплодировалъ весь театр—отъ партера до райка: дамы, стоя въ ложахъ, махали платками; музыканты въ оркестрѣ аплодировали еще усерднѣе. Словомъ, торжество артиста было полнѣйшее и, прибавимъ, вполне заслуженное“.

¹⁾ Станьо—итальянскій теноръ, любимецъ Москвы.

²⁾ „Голось“ 1870 г. № 288.

„Journal de S-t Pétersbourg“ ¹⁾ по поводу этого спектакля писалъ:—„Знаменитый артистъ отомщенъ, достойно отомщенъ за непонятное и гнусное коварство, которымъ онъ былъ оскорбленъ въ Москвѣ. Никогда, конечно, во всей его блестящей карьерѣ, онъ не имѣлъ успѣха, подобнаго тому, какой онъ имѣлъ въ этотъ вечеръ. Никогда онъ не заслуживалъ болѣе овацій, которыя ему доставлялъ его великолѣпный талантъ... Далекій отъ потери голоса, съ тѣхъ поръ какъ онъ насъ покинулъ, онъ пріобрѣлъ, сохраняя звучность голоса, нѣжность оттѣнковъ и искусство *tendre mezza voce*, которое мы въ немъ не знали... Тамберликъ уже не молодой артистъ, но въ то же время и не старій, и успѣхъ останется вѣрнымъ этому священному таланту, этому первоклассному артисту, этому великому—пѣвцу и въ то же время драматическому артисту и великому лирическому трагичу“.

Появленіе Тамберлика въ 1870 году въ „Трубадурѣ“ было послѣднимъ выступленіемъ его на русской сценѣ ²⁾.

Прошло 14 лѣтъ, и Тамберликъ, на порогѣ 65-го года жизни ³⁾, вновь появился въ Петербургѣ, приглашенный сюда своими друзьями и почитателями, узнавшими о его тяжеломъ матеріальномъ положеніи.

23-го марта 1884 года, встрѣчая Тамберлика на Варшавскомъ вокзалѣ, М. С. Л.—въ привѣтствовалъ его слѣдующими словами (на франц. языкѣ):—„Дорогой Тамберликъ! Мы, ваши старые петербургскіе друзья, благословляемъ Бога, давшего намъ счастье снова видѣть Тамберлика бодрымъ и здоровымъ, какъ всегда, радость обнять этого дорогого всѣмъ намъ челоуѣка и „*la dolce Spreme*“ слышать еще разъ перваго пѣвца въ мірѣ. Будьте увѣрены, дорогой другъ, что сегодня болѣе чѣмъ когда-либо Вы будете желаннымъ гостемъ въ Петербургѣ“.

¹⁾ 1870 г. № 230.

²⁾ Съ тѣхъ поръ онъ пѣлъ лишь за границей. 1871-й годъ былъ особенно обиленъ его гастролями: съ 1 янв. по 15 апр.—въ Мадридѣ. Здѣсь, между прочимъ, онъ пѣлъ по-испански въ оперѣ испанскаго композитора Арріаза „*Magina*“; съ 15 апр. по 15 мая—на Мартиникѣ, на о-въ Св. Томы, въ Гаваннѣ и въ Вера-Круцѣ, съ 15 мая по 15 сент.—въ Мексикѣ.

³⁾ В. В. Бертенсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ „За тридцать лѣтъ“ („Историч. Вѣстн.“ 1913 г. Окг. Стр. 109—111) ошибся, сказавъ что въ 1884 г. Тамберликъ пріѣхалъ „семидесятипятилѣтнимъ старикомъ“.

— „Онъ здѣсь! восклицалъ хроникеръ „Новаго Времени“ 1), этотъ когда-то несравненный теноръ, чудесный актеръ, обладавшій огненною энергіею, заставлявшій трепетать сердца. Ни одинъ теноръ не пользовался такою любовью публики и, можетъ быть, именно потому, что ни одинъ не обладалъ такою энергіею, такою страстностью... Тенора обыкновенно любимцы дамъ. Тамберликъ былъ по преимуществу любимецъ мужчинъ, онъ дѣйствовалъ на толпу именно тою стороною могучаго своего таланта, которая находила откликъ въ мужской душѣ.

„Встрѣча его была самая задушевная, дружеская, трогательная. Нѣкоторые встрѣтили его въ Псковѣ, другіе въ Гатчинѣ. Объятія, поцѣлуи и слезы. Пѣвецъ былъ растроганъ, погомъ воодушевился; много говорили, вспоминали старину. Тамберликъ напѣвалъ русскіе романсы... Пріѣхали, сѣли въ карету и тронулись въ отель 2), гдѣ все было приготовлено, даже бумага для писемъ съ его вензелемъ.

„Только-что лошади пробѣжали нѣсколько шаговъ, крики: „стой, стой!“ Что такое? „Стой, говорятъ тебѣ!“ Никольскій и Орловъ заградили дорогу. Никольскій, этотъ тоже удивительный русскій теноръ, бросился въ объятія Тамберлика, повторяя: „Тамберликъ, Тамберликъ, Тамберликъ!“ а слезы радостной встрѣчи такъ и текли по щекамъ этого россиянина, плохого актера, но лучшаго русскаго тенора, какой когда-либо существовалъ“.

Въ Петербургѣ Тамберликъ выступилъ въ четырехъ концертахъ въ залѣ Дворянскаго Собранія: 26 и 29 марта, 11 3) и 18 апрѣля.

В. Б. Бертенсонъ такъ вспоминаетъ о генеральной репетиціи этого концерта: 4) „На генеральной репетиціи, куда были допущены только нѣсколько старинныхъ друзей Тамберлика и въ видѣ особаго исключенія, благодаря К. Ю. Давыдову, и я, взоры всѣхъ устремились на знаменитаго пѣвца. Аккомпанировалъ тогда талантливый Коръ-де-Лась.

1) „Нов. Время“. 184 г. № 2901.

2) Въ Европейскую гостиницу. Здѣсь Тамберликъ занималъ № 17.

3) 11-го же апрѣля утромъ Тамберликъ въ Мальтійской Католической церкви, что при Пажескомъ Корпусѣ, за обѣдней исполнялъ „Sanctus“ Гунѣ съ замѣчательною выразительностью. Небольшая церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ его слышать, и на дворѣ корпуса образовалась огромная толпа народа. „Нов. Время“. 1884 г. 12 апр. № 2916.

4) В. В. Бертенсонъ „За тридцать лѣтъ“.

крупная, нѣсколько тучная фигура съ не особенно большою крашеною черною стриженою бородою, съ рѣдкою шевелюрою, черными глазами и большимъ, нѣсколько широкимъ носомъ, очень походила на всѣмъ извѣстныя маленькія фотографіи, сохранившіяся еще съ того времени, когда онъ въ послѣдній разъ пѣлъ въ Петербургѣ.

„Несмотря на то, что изъ семи ¹⁾ присутствовавшихъ на генеральной репетиціи только, кажется, я одинъ не слышалъ его раньше, меня, какъ и всѣхъ прочихъ, охватило замѣтное волненіе. Началась репетиція съ „Stabat Mater“ Россини.

„Въ первую минуту пѣнія Тамберлика я глубоко началъ сожалѣть стараго пѣвца. Отсутствіе низовъ и распатанная середина голоса, съ какимъ-то особеннымъ звукомъ, заставили меня придвидѣть неудачу концерта, но, о чудо, чѣмъ дальше пѣлъ этотъ волшебникъ, тѣмъ больше крѣпнуть его голосъ, приобрѣтая непонятную силу и звучность; когда же Тамберликъ взялъ высокое „си“ ²⁾ въ знаменитомъ дуэтѣ „Stucifixus“ Фора, спѣтомъ имъ съ о Корсовымъ (какъ извѣстно, тоже очень хорошимъ пѣвцомъ), восторгу нашему не было конца“.

Въ первомъ концертѣ (26 марта)—съ участіемъ г-жи Тарьянъ-Каргановой и г.г. Корсова и Ауэра, Тамберликъ исполнилъ: тріо изъ оп. „Вильгельмъ Телль“ Россини (съ Карсовымъ и Угетти), „Ave Maria“ Гуно (съ Ауэромъ), „Stucifixus“ Фора (съ Корсовымъ) и романсъ „Скажите ей“ изъ: Кочубей.

— „Тамберликъ юнъ и свѣжъ по-прежнему ³⁾; это ясно всѣмъ тѣмъ, кто никогда не слышалъ его въ блестящіе его дни. Только немногимъ избранникамъ, истиннымъ артистамъ, въ родѣ Маріо, Ноделъ, Петрова и др., дано чаровать слушателей на склонѣ дней, какъ и въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Публика это сознавала, и даже тѣ, кто пріѣхали просто изъ любопытства послушать—какой голосъ еще остался у Тамберлика, были поражены. Но равнодушно-

¹⁾ В. В. Бертеновъ ошибается: на генеральной репетиціи присутствовало множество лицъ—едва-ли не половина залы Дворянскаго Собранія была ими заполнена.

²⁾ Не только верхнее „си“, но и знаменитый *ut dièse* Тамберликъ въ 1854 г. сохранилъ еще во всей неприкосновенности: сила, съ которою онъ во 2-мъ концертѣ исполнилъ весь дуэтъ „*Si dorò lei*“ превзошла всякія ожиданія. См. „Нов. Время“. 1884 г. № 2904 (29 марта).

³⁾ „Новое Время“. 1884 г. № 2902 (27 марта).

любопытныхъ было немного. Въ Залѣ Дворянскаго Собранія было тѣсно отъ горячихъ почитателей артиста, знавшихъ его во всемъ блескѣ его рѣдкаго таланта и силы. Казалось, эти лица сами помолодѣли. Безъ сомнѣнiя, всѣ сердца бились въ униссонъ, всѣ также были заинтересованы успѣхомъ пѣвца, какъ и онъ самъ, всѣ точно такъ же волновались, какъ и артистъ, который долженъ былъ появиться передъ старыми друзьями. А онъ сильно волновался. Передъ началомъ концерта, сидя въ артистической комнатѣ, онъ говорилъ одной дамѣ, что робѣеть и боится такъ, какъ будто бы дѣло идетъ о первомъ дебютѣ. На дѣлѣ водноваться не приходилось. И артистъ, и слушатели разомъ возобновили прежнiя сердечныя отношенiя. Тамберлика, очень бодрого и свѣжаго по виду, встрѣтилъ громъ рукоплесканiй; вся зала невольно поднялась на ноги... О голосѣ Тамберлика мы не будемъ говорить: дѣло не въ голосѣ, хотя высокiя ноты его замѣчательно сохранились, но въ умѣнii владѣть имъ, въ безподобной фразировкѣ, въ огнѣ и мужественной силѣ, поражающей и подчиняющей слушателей и теперь, какъ прежде. Тамберликъ производилъ такое впечатлѣнiе, точно мы встрѣтили стараго, дорогого намъ друга, который разбудилъ въ насъ милое намъ прошлое и заставилъ взглянуть иначе и на прошедшее и на настоящее“.

— „Случалось ли вамъ видѣть, писалъ А. С. Суворинъ), прекрасныя античныя статуи, тронутыя временемъ, статуи, у которыхъ недостаетъ руки или ноги, но которыя, несмотря на это, производятъ такое полное впечатлѣнiе своей изящной красотой, что вы невольно забываете недостающiя части и вполне воспроизводите въ воображенiи цѣлое, созданное художникомъ, и оно предстаетъ вамъ въ такой чудесной красотѣ и свѣжести, какъ будто вышло сейчасъ изъ-подъ его рѣзца, какъ будто сокрушающая рука времени не касалась ихъ? Вотъ точно такое же впечатлѣнiе произвело на меня, да, вѣроятно, и на многихъ слушателей пѣнiе Тамберлика въ залѣ Дворянскаго Собранiя въ поведѣльникѣ. Удивительное гармоническое сочетанiе таланта и артистичности, вдохновенiя) и технической выработки до такой степени дѣйствовало на слушателей, что, несмотря на нѣкоторыя, весьма естественныя въ преклонномъ возрастѣ артиста недочеты въ голосѣ, его пѣнiе казалось

) „Новое Время“. 1884 г. № 2903 (28 марта).

все такимъ же, какимъ оно было въ высшій періодъ процвѣтанія его артистической карьеры: взволнованное чувство и воображеніе невольно пополняло то, чего недостаетъ въ голосѣ пѣвца. Такъ волшебна, такъ обаятельна артистичность и задушевность Тамберлика, такъ горячо увлекаетъ пѣвецъ всю залу, такъ волнуешь и электризуетъ его пѣвіе.

„Необычайное и поучительное зрѣлище представляли въ понедѣльникъ и этотъ маститый пѣвецъ, и собравшая послушать его публика. Это зрѣлище было необычайно и поучительно потому, что въ наше время всевозможной напряженной гоньбы за выраженіемъ фальшивыхъ, тенденціозныхъ сочувствій, мы отвыкли отъ искренняго, сердечнаго энтузіазма, а здѣсь этотъ энтузіазмъ господствовалъ въ полной силѣ. Старый пѣвецъ, столько лѣтъ не появлявшійся передъ этою публикою, надъ которой когда-то онъ царилъ полновластно, выступилъ передъ ней съ видимою робостью молодого дебютанта: ноты дрожали въ его рукахъ отъ волненія. Но вотъ раздался его голосъ и, несмотря на вибраціи, на недостатокъ нѣкоторыхъ нотъ, въ немъ послышалась и былая мощь, и былая красота, и не охлажденная годами артистическая страстность... Служители замерли, художникъ-пѣвецъ захватилъ ихъ душу, и знакомое волненіе овладѣло всей залой. Тамберликъ, прежній Тамберликъ, стоялъ передъ ними и сколькимъ изъ нихъ онъ напоминалъ

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ...

Подъ конецъ концерта, послѣ романса „Скажите ей“ многіе слушатели бросились къ эстрадѣ и протягивали руки артисту, и растроганный пѣвецъ, съ простодушной старческой улыбкой, со слезами на глазахъ, встрѣчалъ горячія пожатія этихъ рукъ. И онъ, и публика переживали, конечно, одну изъ лучшихъ исторій ихъ жизни“.

Вотъ любопытное стихотворное описаніе перваго концерта Тамберлика¹⁾.

На концертъ Тамберлика.

(Набросокъ съ натуры).

Шумитъ роскошный залъ дворянскаго собранья,
Волнуется толпа при свѣтѣ яркихъ свѣтъ,
Съ невнятнымъ шепотомъ отрывистая рѣчь
Слышна и здѣсь, и тамъ, въ тревогѣ ожиданья.

¹⁾ „Петербургскій Листокъ“. 1894 г. № 86. Въ этомъ же номерѣ пространный и восторженный отзывъ объ этомъ концертѣ.

Какой же силой, кто могъ сюда согнать
 Всю эту пестроту, и чопорную знать,
 Съ цвѣтущей младостью, вѣдыхающую дряхлость,
 Избытокъ юныхъ силъ и старческую чахлость?
 Кто этотъ чародѣй, плѣнительный кумиръ??
 Губами шамкая, старушекъ цѣлый мѣръ,
 Въ уродливыхъ чепцахъ, не дорожа боками,
 Насильно лѣвъ впередъ и дѣйствовалъ руками.
 Я видѣлъ дряхлаго съдого старика,
 По лѣстницѣ его вели два гайдука,
 А третій, взятый имъ, конечно, для подмоги,
 Ему передвигалъ ослабнувшія ноги,
 Но радостно сиялъ почтенный старца ликъ
 И полнымъ счастьемъ дышала вся фигура...
 Чу, загремѣлъ оркестръ... умолкла увертюра,
 Съ взволнованной душой явился Тамберликъ.
 И грянулъ дружный взрывъ такихъ рукоплесканій,
 Что будто дрогнулъ залъ до самыхъ основаній;
 Затѣмъ — все замерло, и съ голосомъ пѣвца
 Восторженно слились и мысли, и сердца...

.....
 Съ надменностью смотря на молодое племя,
 Твердила межъ собой сълая старина:
 — „Такіе-то пѣвцы бывали въ наше время! .
 За то и слава имъ не даромъ отдана.

Съ прямою честностью, свѣтлую силу чувства
 Не сгладить быстрый ходъ неумолимыхъ лѣтъ;
 А нынче—кто живетъ святынею искусства?
 Кто истинный пѣвецъ? кто истинный поэтъ?
 И съ грустью посмотрѣвъ на нынѣшніе нравы,
 Невольно молвилъ я: „старушки-то вѣдь правы“!

Классикъ.

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ концерта въ обществѣ залѣ „Европейской Гостиницы“ въ честь Тамберлика кружкомъ его поклонниковъ, первымъ говорилъ почтенный генералъ М. С. Л—въ.

— 12 марта 1856 года, сказалъ онъ, въ той же самой залѣ (Дворянскаго Собранія) молодой поручикъ, слышавшій вдохновенное пѣніе Тамберлика, до такой степени пришелъ въ восторгъ, что бросился на эстраду и вырвалъ у артиста его носовой платокъ, который въ то же мгновеніе былъ разорванъ толпою поклонниковъ великаго артиста на тысячу кусковъ. Этотъ поручикъ—былъ я, а вотъ обрывокъ носового платка, который я сохранилъ въ память живого энтузіазма, который не остынетъ.

— „Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много лѣтъ однообразной и прозаической жизни, которые заставили

меня думать, что нѣтъ уже силы на свѣтъ, которая была бы способна вырвать мою душу изъ оцѣпенѣнія. „Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria!“ ¹⁾).

Но... въ эти дни я могъ убѣдиться, что, слава Богу, такая сила существуетъ: восхищаясь и обнимая дорогого и добраго Тамберлика, слушая восхитительное пѣніе этого знаменитаго артиста, я почувствовалъ, что мое сердце оживаетъ, благодаря священному огню генія, и въ мои старые годы я плакалъ, да, господа, я плакалъ „Comme on pleure à vingt ans!“ ²⁾ (Какъ плачутъ въ 20 лѣтъ!) Мнѣ пришли на память слова нашего великаго поэта:

„И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.“

Кто изъ насъ не проливалъ этихъ слезъ, слушая Тамберлика, кто не поднижется съ восхищеніемъ: Questo e il vero canto?

Вотъ почему мы должны вновь благодарить Небо, сохранившее намъ во всей своей чистотѣ этотъ неизсякаемый источникъ глубокой радости! Поднимаемъ же наши бокалы за драгоценное здоровье нашего дорогого гостя, за столь симпатичный талантъ, за этого несравненнаго артиста, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердець. Evviva. Тамберликъ, evviva!!!“ ³⁾).

Четвертый концертъ Тамберлика (18 апрѣля) былъ наиболѣе блестящимъ. Триумфъ его раздѣляли съ нимъ А. В. Панаева, г.г. Тартаковъ и Давыдовъ (віолончель). Программа этого концерта заключала, между прочимъ, новостъ въ репертуарѣ Тамберлика—первыя строфы изъ „Герона“

Послѣ этой пьесы Тамберлику были поднесены серебряный жбанъ и двѣ великолѣпныя серебряныя вазы—результатъ устроенной В. А. Рубинштейнъ ⁴⁾ подлинки, давшей около 2.000 рублей.

¹⁾ „Нѣтъ большей скорби, какъ вспоминать о счастливомъ времени—въ несчастіи“. (Эти слова пѣсни гонимольера въ оперѣ Россини „Отелло“ заимствованы у Данте изъ „Божественной Комедіи“).

²⁾ „Comme on pleure à vingt ans!“—выраженіе, взятое изъ популярнаго въ то время романа.

³⁾ Эта рѣчь была произнесена по французски.

⁴⁾ Сударуга знаменитаго А. Г. Рубинштейна.

Материальный результатъ этихъ четырехъ концертовъ Тамберлика былъ исключительно блестящъ: валовой сборъ выразился суммою въ 32.500 руб., чистый сборъ—25.000 руб. Изъ этихъ денегъ, какъ мы говорили раньше, великодушный Тамберликъ удѣлилъ нуждающейся молодежи около 6.000 руб. (сборъ съ 3-го концерта ¹⁾).

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ четвертаго концерта въ „Европейской Гостиницѣ“, генералъ Л—въ отъ имени поклонниковъ Тамберлика поднесъ ему золотой жетонъ съ изображеніемъ самого Энрико ²⁾.

Много горячихъ, задушевныхъ рѣчей было сказано за ужиномъ ³⁾. Не лишено оригинальности прочитанное тогда же письмо (на франц. языкѣ) отсутствовавшего поклонника Тамберлика г-на Рем—скаго, вспоминавшаго, какъ въ 1854 году, въ послѣдній день масляницы, онъ, будучи морскимъ кадетомъ, пришелъ отъ Тамберлика (шла опера „Zora“ или „Моисей“) въ такой бѣшенный восторгъ, что произвелъ въ Большомъ театрѣ буйство, за которое попалъ, гнлся тремя сутками ареста. Вспоминая этотъ эпизодъ, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній юности. Р. высказалъ, что онъ радъ-радехонекъ и теперь, какъ 30 лѣтъ назадъ, попасть даже на „сѣзжую“, чтобы только побывать „au siège des heureux de cette terre“, слушающихъ Тамберлика.

Лучше всѣхъ говорилъ, однако, самъ Тамберликъ, ока завшился превосходнымъ ораторомъ. Старый Энрико съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ, между прочимъ:— „Горячія изъявленія симпатіи, которыя я встрѣтилъ среди васъ, подняли мои силы. Такъ же плодотворныя, какъ живая вода, ваши горячія оваціи позволили мнѣ повѣрить въ возвращеніе молодости. Иллюзія была почти полная, но... дѣйствительность скоро придетъ заявить свои права.

¹⁾ Подробные отчеты о 2-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2906 (31 марта), о 3-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2916 (12 апр.), о 4-мъ концертѣ—въ „journal de St. Pétersbourg“. 1884 г. № 104 (20 апр.).

²⁾ Тамберлику было поднесено еще 9 такихъ жетоновъ для: его сына, дочери, старшаго внука, 2-хъ племянниковъ (г.г. Новинскаго и Горскаго), пѣвца и композитора Фора—друга Тамберлика, В. А. Рубинштейнъ, А. В. Панаевой и Н. О. Карганова.

³⁾ Говорили рѣчи (на франц. языкѣ): М. С. Лалаевъ, г.г. Сабуровъ, Пинто, Панаевъ и Михайловъ.

„Приближается моментъ, когда я долженъ съ вами расстаться, и мои юныя иллюзіи исчезнуть, какъ только я васъ покину. Но вотъ что никогда не исчезнетъ отъ меня—это воспоминаніе о вашей дружбѣ, это чувство признательности къ вамъ...

„Милостивые государи! Бываютъ минуты, когда самый скептическій человѣкъ, поверхъ матеріальнаго существованія, провидитъ нѣчто такое, что возноситъ его въ высшія сферы невѣдомаго и что привлекаетъ его къ мыслямъ наиболѣе возвышеннаго порядка.

„Это неуволимое дуновеніе, этотъ родникъ, эта искра, отдѣляющаяся отъ земли, чтобы летѣть къ небу, суть частицы таинственной души вселенной. Непостижимый Двигатель вселенной позволяетъ же въ одинъ прекрасный день этимъ частицамъ, любившимъ другъ друга въ тлѣнной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности.

„Вотъ надежда, друзья мои, которую я уношу, покидая ась, а потому, поднимая бокаль въ честь нашей вѣчной, дружбы, я не говорю Вамъ „прощайте“.—я говорю Вамъ: „до свиданья!“ 1).

1-го мая Тамберликъ въ сопровожденіи И. О. Карганова отправился концертировать по югу Россіи. Это путешествіе сопровождалось бурными оваціями и крупнымъ матеріальнымъ успѣхомъ 2). Тамберликъ далъ концерты: въ Кіевѣ—4-го и 6-го мая, въ Курскѣ—9-го мая, въ Полтавѣ—10-го мая, въ Харьковѣ—11-го мая и въ Одессѣ—16-го мая.

Восторженный „импрессарио“—Каргановъ сообщалъ съ пути въ Петербургъ М. С. Лалаеву:—„Вы не можете себѣ представить, какъ онъ чудно пѣлъ во 2-мъ концертѣ въ Кіевѣ! Просто съ ума всѣхъ сведъ. *Ut diese* взялъ два раза такъ, какъ будто изъ пушки выпалилъ... Вчера въ концертѣ въ Полтавѣ меня удивило, что масса кадетъ входитъ въ залу, имѣя во главѣ своихъ наставниковъ... Меня очень заинтересовалъ вопросъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе Тамберликъ. Я помѣстился между ними. Послѣ 1-го № („*La mia letizia*“) осатавѣли! Но что меня болѣе всего удивило—это восторгъ, въ который они пришли отъ

1) Эти грустныя ноты въ словахъ стараго пѣвца гармонировали со взглядомъ его странныхъ, пронзительно смотрящихъ и печальныхъ глазъ.

2) Въ Кіевѣ 2 концерта дали чистаго сбора 2.200 рублѣй.

„Stabat Mater“, а чтобы одѣнить тонкое исполненіе Энрико въ этой молитвѣ, нужно дѣйствительно тонкое и чуткое ухо. Тамъ же одинъ отставной генераль (ну, конечно, артиллеристъ), 70 лѣтъ, вышелъ изъ зала до окончанія концерта, утирая публично платкомъ слезы. Я спросилъ его, что съ нимъ, и онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: „33 года тому назадъ я былъ на дебютѣ Тамберлика въ Петербургѣ. Онъ пѣлъ „Ломбарди“, съ тѣхъ поръ я его не слыхалъ и вдругъ теперь, точно съ того свѣта, я слышу тѣ же звуки, которые такъ меня потрясли, что я не въ силахъ естаться въ залѣ—душа вырывается изъ груди“.

Послѣдніе годы жизни Тамберликъ прожилъ въ Мадридѣ, гдѣ пѣлъ въ театрѣ и давалъ уроки пѣнія.

Тамберликъ былъ женатъ, имѣлъ сына¹⁾ и дочь. Онъ не на много пережилъ жену (умерла въ 1885 г.) и скончался отъ воспаленія легкихъ 13-го марта (нов. стиля) 1889 г.²⁾, 69 лѣтъ отъ роду, въ бѣдности, въ Парижѣ, въ квартирѣ дочери (Boulevard Haussmann, 103), бывшей замужемъ за докторомъ-окулистомъ Галезовскимъ (Galezowski). Погребенъ на кладбищѣ Père Lachaise³⁾.

БИБЛИОГРАФІЯ О ТАМБЕРЛИКѢ.

1. „Отечественныя Записки“. 1861 г. № 11. Стр. 19.
2. „Современникъ“. Тт. LXXXV, LXXXVI и XCIV отд. II и т. XLII отд. VI. Статьи М. Л.-л-ва „Итальянская опера въ Петербургѣ“.
3. „Современное Слово“. 1862 г. №№ 95, 130 и 146.
4. Ф. Толль. Настольн. Словарь для справокъ СПб., 1864 г., т. III. Стр. 603—604.
5. „Русскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 205, 206, 207—210.
6. „Московскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 208 и 211.
7. „Голосъ“. 1870 г. № 288.
8. „Journal de St Pétersbourg“ 1870 г. № 230 и 1884 г. № 104.
9. „République Française“. 1874 г. 1 окт.
10. М. К. Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы. Москва. 1874 г. Стр. 152—153.

1) Сынъ знаменитаго тевора не пѣлъ; у него былъ басъ.

2) Пользуемся случаемъ исправить ошибки, допущенныя въ „Русскомъ Биограф. Словарѣ“ и въ Энцикл. Словарѣ Брок. и Ефрона: въ первомъ сказано, что Тамберликъ умеръ въ 1882 году, а во второмъ—въ 1888 году.

3) Некрологъ его въ „Нов. Вр.“ 1889 г. № 4674 (4 марта).

456 ИЗЪ ЗОЛОТОГО ВЪКА ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

11. „Le Figaro“, 1877 г. 24 маі и 1883 г. 24 nov.
12. „Новое Время“, 1884 г. №№ 2901—2906 и 2916; 1889 г. № 4674.
13. „Петербургскій Листокъ“, 1884 г. № 86.
14. В. Михневичъ. Наши знакомые. Сиб. 1884.
15. И. Д. Перепелицынъ. Исторія музыки въ Россіи съ древн. врем. и до нашихъ дней. Сиб. 1883 г. Стр. 150 и 192.
16. Русскій Біографическій Словарь.
17. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона.
18. К. Скальковскій. Въ театр. міръ. Сиб. 1899. Стр. IX—X.
19. В. Б. Бертенсонъ. За тридцать лѣтъ. „Историч. Вѣстникъ“ 1913 г. Октябрь. Стр. 109—111.

В. А. Бернацкій.





Памяти нашего Консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины ¹⁾

Однажды въ 1903 году въ концѣ марта я въ Почтамтской улицѣ въ Петербургѣ, сидѣлъ въ своей квартирѣ, углубившись въ дѣло составленія всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Черниговской губерніи, при чемъ торопился окончаніемъ этого дѣла, порученнаго мнѣ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаремъ Плеве къ спѣху, несмотря на то, что мѣсяца за полтора передъ тѣмъ я, послѣ девяти лѣтъ управленія тою губерніею, сдалъ его, при чемъ полагалъ болѣе правильнымъ отнести составленіе отчета къ числу обязанностей моего замѣстителя - вновь назначеннаго губернатора.

Спокойно сидѣлъ я за писаніемъ отчета; еще большее спокойствіе мною овладѣло, когда я прочелъ принесенное мнѣ почтальнономъ письмо съ турецкими марками, заклеенными штемпелемъ г. Митровицы. Авторомъ письма, какъ я сразу догадался былъ Г. С. Щербина, о которомъ мнѣ за послѣднее время имѣть извѣстій не приходилось и отъ котораго писаніе не могло доставить мнѣ ничего кромѣ спокойнаго удовольствія.

Г. С., видимо, радовался тому, что приближалось время полученія имъ отпуска для поѣздки въ родной Черниговъ.

— „Надо силы набрать и нервы успокоить, писалъ онъ: силы слабѣютъ, а нервы порядочно разстроились, только тамъ у васъ, при совершенно спокойномъ ходѣ дѣлъ управленія, можно надѣяться возстановить то и другое. Дѣла,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

о которыхъ я вамъ такъ откровенно и съ такой массою грусти рассказывалъ, больше и больше портятся, готовые разстроиться въ конецъ; по временамъ становится совершенно жутко и тяжело знать и видѣть все совершающееся. О принятіи свыше какихъ-либо мѣръ нѣтъ помину, а обидѣе всего то, что видишь полное содѣйствіе, оказываемое дѣлу распущенности со стороны не только коллегъ моихъ, но и сослуживцевъ: не одни иностранные консулы играютъ прямо въ руку врагамъ нашимъ, а и наши должностныя лица, русскія, слѣдуя примѣру, показываемому свыше, потакаютъ разнузданности своимъ полнымъ бездѣйствіемъ и равнодушіемъ ко всему намъ дорогому. Не дай Богъ скоро, а все же придется дожить до того, что мы убѣдимся, насколько все, еще такъ недавно казавшееся намъ дружескимъ, теперь уже полностью обратилось во вражеское; я съ твердымъ убѣжденіемъ вамъ высказываю и повторяю, что не турки или албанцы, или боснійцы погубятъ здѣсь и насъ и наше дѣло; надъ всѣмъ сидятъ и крѣпко караулятъ, — какъ бы лучше и вѣрнѣе нанести намъ ударъ, и дунайскіе швабы, и тевтоны съ береговъ Шпрее; перечисленные народцы сотворятъ лишь то, чему будутъ научены и на что науськаются зловерными нашими врагами, затаившими свои ужасные планы и держащими за пазухой острый ножъ наготовѣ противъ насъ“.

„Гсрячо извиняюсь передъ Вами въ томъ, что своими сѣтованіями нагоняю на Васъ мрачное расположеніе духа, тяжелыя мысли и не менѣе тяжелыя чувства; одно лишь общаю, что это въ послѣдній разъ, — скоро я выѣду въ Черниговъ, а пріѣхавши туда, буду представать предъ ваши очи только въ веселомъ, беззаботномъ видѣ, — не потому что хочу вооружиться тѣмъ малодушіемъ, которое можетъ подсказать легкомысленно забыть дѣло, оставленное вдали и отнестись къ нему, хотя бы на минуту, несерьезно; нѣтъ, много и серьезно размышляя объ этомъ тяжкомъ дѣлѣ, которое готово свалиться на насъ, если не теперь, то въ недалекомъ будущемъ большой бѣдой, а иногда, — въ минуту наитія на меня хорошаго расположенія духа, — позволяю себѣ думать такъ: авось получающее мои донесенія начальство еще успѣетъ во-время спохватиться, можетъ быть, оно одумается и направитъ все къ оказанію самыхъ серьезныхъ препятствій дѣяніямъ столь нагло расходившихся враговъ нашихъ; съ другой стороны, думается мнѣ, быть можетъ, отчасти дѣло обстоитъ и не такъ, т.-е.

не такъ страшно, какъ я его малюю, главное же, я, ни минуты не останавливаясь на томъ, чтобы врагъ могъ бы удариться въ добросовѣстность и измѣнить свой образъ дѣйствиій, наполнился полными надеждами на то, что Господь Богъ все, по отношенію къ нашему великому отечеству, тяжкое въ создавшемся здѣсь положеніи, можетъ направить совершенно иными путями, придерживаясь тѣхъ безконечныхъ,—великихъ и богатыхъ милостей, коими Онъ всегда щедро одѣляетъ святую Русь, вѣчно вѣрующую въ Его десницу“...

„Въ минуты такого размышленія я ободряюсь и окрыляюсь, уже мысленно, съ большою радостью перелетая во вѣренныя Вамъ родные края мои“...

Вотъ содержаніе письма, подъ впечатлѣніемъ котораго я радъ былъ тогда остаться на часъ — другой съ самимъ собой.

Затѣмъ немного задумался я надъ припиской, поставленной въ P. S.: „представьте себѣ, говорить въ ней Г. С. мое удивленіе: пришлось мнѣ увидѣть такъ скоро, насколько Вы были правы въ высказанныхъ Вами заключеніяхъ Вашихъ объ Конст. Петр. Побѣдоносцевѣ; полная неожиданность для меня“!

Задумался я надъ этимъ потому, что никакъ не могъ припомнить, какія были тѣ мои заключенія? До сихъ поръ я не могу себѣ отдать въ этомъ точнаго отчета и получить отвѣтъ на этотъ вопросъ,—о какомъ моемъ заключеніи идетъ рѣчь? Такъ это и останется неразрѣшеннымъ.

Но нѣчто ужасное произошло вслѣдъ затѣмъ, часа черезъ два: принесенныя мнѣ почтальономъ вмѣстѣ съ письмами газеты были мною отложены въ сторону; я рѣшилъ позаняться еще немного писаніемъ отчета, дабы наскоро закончить хоть одинъ изъ составлявшихъ его отдѣловъ и уже тогда взяться за чтеніе газетъ.

Домашніе мои всѣ очень рано разѣхались больше по учебнымъ заведеніямъ, и семья-то вся наша тогда состояла изъ лицъ школьнаго возраста и кромѣ нихъ изъ сильно болѣвшихъ, требовавшихъ больше всего сношеній съ докторами-спеціалистами, которыхъ и приходилось съ утра ожидать. Такимъ образомъ газетные листки остались лежать на моемъ письменномъ столѣ.

Можно себѣ представить, какимъ ужасомъ я былъ охваченъ, когда первая страница раскрытаго мною въ свое время номера „Новаго Времени“ натолкнула меня на такую вѣсть:

Митровица 19 го марта.

„Вчера, во время происходивших здѣсь безпорядковъ, солдатъ албанецъ, мусульманинъ, занимавшій постъ часового, предательски выстрѣлилъ въ проходившаго мимо него нашего консула Григорія Степановича Щербину, при чемъ нанесъ ему тяжелую рану въ лѣвый бокъ на вылетъ. Фанатикъ схваченъ и арестованъ, жизнь консула находится въ большой опасности“.

Очевидно, письмо было написано и отправлено мнѣ въ Черниговъ за нѣсколько дней до катастрофы; лишь послѣ я доглядѣлъ на конвертѣ ясныя слѣды пересылки письма изъ Чернигова по моему Петроградскому адресу,—по новой создавшейся тогда должности моей—нач. главн. управленія почтъ и телегр. Не зпалъ еще Г. С. о моемъ перемѣщеніи, хотя по времени, прошедшему со дня послѣдовавшей въ моей службѣ перемѣны,—съ середины января,—до него могло уже дойти извѣстіе о ней, но, какъ выяснилось потомъ, видимо среди сумбура, происходившаго въ ту пору въ Митровицкомъ районѣ, ставшемъ вдругъ крайне мягкѣшимъ,—далеко не до того ему было, чтобы разбираться въ этомъ.

По сообщеніямъ, явившимся тогда на столбцахъ мѣстныхъ,—турецкихъ, албанскихъ и сербскихъ,—газетъ, а впоследствии перепечатанныхъ и нѣкоторыми нашими органами печати, на пять таборовъ озвѣрѣвшихъ мусульманъ—албанцевъ, кои кинулись грабить беззащитный городъ Вучитинъ и осадили Митровицу, бросился, во главѣ православныхъ сербовъ, консулъ Щербина, явившійся защитникомъ ихъ и своихъ единовѣрцевъ—сербовъ же, которыхъ разбунтовавшіея сыны Магомета собрались поголовно перерѣзать. Онъ принялъ самое близкое и живое участіе въ оборонѣ Митровицы, при чемъ, невзирая на раздававшіеся со всѣхъ сторонъ предостереженія относительно хорошо извѣстнаго и ему самому крайняго фанатизма албанцевъ и яро проявлявшейся ими мстительности,—на глазахъ у всѣхъ, явился и тотчасъ же далъ пребывавшимъ въ бѣзумной ярости албанцамъ жестокой отпоръ, а тѣмъ самымъ показалъ стремленіе стойко заступиться за притѣсненныхъ совершенно невинно страдавшихъ христіанъ. Энергіей и

мужествомъ этого, въ свою очередь ставшаго звѣремъ, несколько не жалѣвшаго себя, молодого человѣка, вооружившагося больше всего беззавѣтно храбримъ желаніемъ съ честью и доблестью исполнить свой долгъ,—албанцы, почувствовавъ себя поработенными, потѣснились къ отступленію; они начали было бросать оружіе, а сами стали обращаться въ утекавшую разбродную орду; на другой же день, приведенные своими военачальниками къ нѣкоторому подобію порядка начали какъ будто со смиреніемъ встрѣчать прижавшихъ и большими массами истребившихъ ихъ православныхъ сербовъ, стремившихся группироваться къ защитѣ своего консула, который успѣлъ для нихъ стать доблестнымъ вождемъ,—какъ вдругъ, видя этого консула мужественно обходившимъ ряды своихъ и чужихъ, одинъ изъ часовыхъ, дѣлая видъ, что отдаетъ ему воинскія почести проводилъ его, а затѣмъ тутъ же предательски подстрѣдилъ.

Найдется ли теперь кто-либо, кто скажетъ, что этого достойнѣйшаго слугу Царскаго убили не швабы и тевтоны? тогда, по новизнѣ всего этого, открывавшагося съ такой ясностью самимъ дорогимъ Григоріемъ Степановичемъ нельзя было и подумать объ этомъ, а какимъ яснымъ представляется теперь это совершенно увѣренное предположеніе: албанецъ, часовой, мусульманинъ несомнѣнно явился орудіемъ нашихъ друзей, науськавшихъ и подговорившихъ его при посредствѣ какого либо такого же мерзавца, какой выведенъ въ рассказѣ А. М. Колюбакина и названнаго имъ шпиономъ въ его статьѣ,—„Нѣмецъ шпионъ въ азіатскій Турціи“.

Слишкомъ не скрываясь, на виду у всѣхъ, выступалъ и дѣйствовалъ Г. С., подъ часъ обнаруживая своему начальству все то, что ему доводилось замѣчать и указывать въ дѣятельности швабовъ и тевтоновъ; такой пройдоха, какимъ являлся прожженный, каторжный Францъ Трауфе,—имъ же имя легіонъ,—не могъ не замѣтить энергичную наблюдательность нашего молодого консула, не могъ онъ отказаться отъ того, чтобы досаждать Берлину своими доносами.

Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Трауфе прошелъ черезъ Малую Азію и былъ случайно отмѣченъ А. М. Колюбакинымъ, какъ типъ шпиона изъ-подъ берлинской „Unter den Linden“, т.-е. съ 1886 года до дня совершеннаго албанцемъ часовымъ преступленія 1908 г., прошло семнадцать лѣтъ и

какихъ семнадцать лѣтъ! за эти годы, дѣдъ Вильгельма II-Каипа, какъ и отецъ его Вильгельмъ I и Фридрихъ III, успѣли умереть, а онъ самъ Кантъ уже успѣлъ сдѣлать преступное покушеніе на то, чтобы устранить вступленіе отца его въ царствованіе; онъ также успѣлъ основательно искутиться на всевозможныхъ путяхъ преступнаго шествія своего къ созданію вражескаго намъ положенія среди преданныхъ намъ балканскихъ народцевъ, а также вполне установилъ тайкомъ измѣннической и по отношенію къ намъ вѣроломный образъ дѣйствій своихъ агентовъ, начиная съ принца Рейсса и кончая какимъ-нибудь мерзавцемъ Трауфе.

Мы же, если что-нибудь нашимъ глазамъ и открывали такіе энергичные недремавшіе молодые люди, какимъ являлся Григорій Степановичъ Щербина—консулъ,—мы все это съ полною ясностью для швабовъ и тевтоновъ и совершенно открыто передъ ними, отгоняли отъ себя все раскрывавшееся и указывавшееся намъ нашими добросовѣстными неутомимыми Царскими слугами.

Для мерзавцевъ, посылавшихся недалеко отъ нихъ ушедшими Францемъ Иосифомъ и Вильгельмомъ, явилось цѣлью и задачею снѣжное устраненіе съ пути такихъ слугъ; это устраненіе или явное стремленіе къ нему установилось, какъ послѣдствіе такихъ разглагольствованій, какія отмѣчены А. М. Колюбакинѣмъ на послѣдней страницѣ его сообщенія: въ этомъ сообщеніи какъ бы цитируются проповѣдныя рѣчи Франца Трауфе, распространявшагося въ пьяноразмякшемъ состояніи передъ пріютившимъ его для ночлега мѣстнымъ армянскимъ священникомъ, проявившимъ доброжелательство по отношенію къ европейцамъ:

„Нашъ императоръ очень любитъ армянъ, говоритъ эготъ негодяй, жалѣетъ ихъ и хочетъ освободить отъ турецкаго владычества, но для этого надо прежде всего прогнать русскихъ съ Кавказа, постронть много дорогъ, устронть нѣмецкія фабрики, завести хорошее хозяйство, создать нѣмецкія колоніи. Русскіе ничему васъ не научатъ, они сами ничего не знаютъ, а казаки ихъ хуже, чѣмъ турецкіе башибузуки. Русскихъ сюда пускать не падо, вы имъ не вѣрте“.

Такъ втихомолку, тайкомъ въ 1886 году поучалъ здѣшнее населеніе одиночный ходокъ,—посланецъ Берлина, и недаромъ его поученія были отмѣчены, повидимому, не зѣвавшимъ консуломъ нашимъ; но иначе стали поучать это населеніе тѣ же берлинскіе ходоки въ тысяча девятисотыхъ

годахъ; тогда они уже начали бродить толпами и съ большою наглостью вѣзлись стѣять передъ тамошними инородцами то же самое. Не даромъ и теперь консуль нашъ все отмѣнилъ; жаль, очень жаль, что отмѣченное имъ прошло для существа дѣла безъ результатовъ, а для него оказалось рѣшительно гибельнымъ, благодаря особому упорству подлежащихъ властей, которыя съ неподдающимся уясненію злостнымъ предумышленіемъ, задали себѣ легкомысленную задачу „не зрѣть“.

Конечно, консуль 1886 года, замѣтившій быть можетъ всего одинъ разъ то, что ему довелось записать себѣ на память, много рѣшительно ничего не могъ сдѣлать, какъ вставить въ свою записку примѣчаніе о томъ, что назвавшийся Францемъ Трауфе, выдававший себя за мекленбургскаго уроженца, специалиста по бухгалтеріи, прослужившаго якобы цѣкоторое время въ Самсунскомъ (на южномъ берегу Чернаго моря) табачномъ бюро, былъ вѣроятно, говоритъ А. М. Колюбакинъ, *первымъ* германскимъ агентомъ, забравшимся сюда, но конечно не послѣднимъ. Мы же вмѣстѣ съ покойнымъ Г. С. Щербиной могли бы смѣло заключить, что этотъ Трауфе былъ безъ сомнѣнія *не первымъ* германскимъ агентомъ; ничто не мѣшало ему оказаться и не послѣднимъ. Смѣло присоединяясь къ замѣчанію, сдѣланному А. М. Колюбакинымъ дальше, мы могли бы еще сказать: надо думать, что въ германскомъ генеральномъ штабѣ имѣется обстоятельное и крайне мѣтко составленное военно-статистическое описаніе прилегающихъ къ нашему Закавказью турецкихъ, обследованныхъ всесторонне вдоль и поперекъ, разныхъ областей; не безъ справедливости вставляетъ онъ къ этому свое замѣчаніе о томъ, что это описаніе такихъ господъ Трауфе явится болѣе подробнымъ и болѣе современнымъ, чѣмъ тѣ матеріалы, которыми располагаетъ великобританское правительство, горлящееся научными трудами своихъ знаменитыхъ географовъ и изслѣдователей—Раулисона, Лейярда и другихъ.

Не мало истомились мы въ теченіе нѣсколькихъ дней ожиданія извѣстій объ исходѣ раненія, нанесеннаго фанатикомъ Григорію Степановичу; телеграммы, посылавшіяся мною въ Митровицу, не приносили ничего кромѣ краткихъ печальныхъ вѣстей о томъ, что раненый въ болѣшихъ мученіяхъ и въ безнадежномъ состояніи переживаетъ свое тяжкое болѣзненное положеніе, и лишь 29 марта было по-

лучено официальное сообщеніе о томъ, что онъ, не получивъ облегченія, продолжая до конца пребывать въ тѣхъ же мученіяхъ, скончался...

Теперь, надо полагать, для читателя сдѣлалось вполне яснымъ,—въ чемъ именно ярко проглянула причина того, что, при чтеніи статьи А. М. Колюбакина, предо мной статья и неотступно стоялъ образъ достойнѣйшаго Григорія Степановича, столь тяжело поплачившагося за предвидѣніе и за стремленіе къ обнаруженію грязныхъ дѣяній, надъ которыми дѣятельно работали подлые представители „центральныхъ державъ“, принимавшихся нами за друзей. — Вполнѣ правъ былъ А. М. Колюбакинъ, закончивъ свою статью словами:

Характерно, что работа германскаго правительства въ этомъ направленіи началась въ то время, когда на германскомъ престолѣ былъ старый Вильгельмъ, близкій родственникъ (родной дядя) и другъ Императора Александра II.

Тѣло мученика-консула было перевезено въ родной ему Черниговъ и, переданное тамъ безконечно любимымъ и цѣнвившимъ его роднымъ, было, при тяжело пережитыхъ искренно оплакивавшимъ тяжкую утрату населеніемъ печальныхъ торжествахъ, предано тамъ родной ему землѣ... Миръ и вѣчный покой тебѣ, незабвенный, достойный слуга дорогого твоему сердцу святого отечества нашего!

Евг. Конст. Андреевскій.

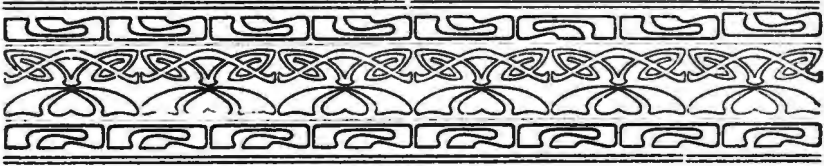
P. S. Согласно извѣстіямъ, пришедшимъ на дняхъ изъ Чернигова, между друзьями, вспоминающими гибель, постигшую покойнаго на служебномъ посту при *славномъ боевомъ* исполненіи имъ долга, сложилось намѣреніе почтить его доблестныя дѣянія постановкою ему памятника возлѣ здания воспитавшей его мужской гимназіи черниговской.

Это очень похоже на любвеобильный Черниговъ.

Но приведеніе въ исполненіе этого въ высокой степени симпатичнаго и похвального порыва должно быть по неволѣ отложено до окончанія тяжестей, наложенныхъ на теперешнее время виною того же сумасброднаго негодяя, который въ свое время очевидно явился главнымъ виновникомъ гибели достойнѣйшаго доблестнаго слуги Царскаго.

Е. Андреевскій.





Къ вопросу о бракѣ Дантеса со свояченицей А. С. Пушкина.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы считаться безразличнымъ, если бы женитьба Дантеса на Екат. Ник. Гончаровой не обсуждалась обыкновенно въ связи съ фатальной для поэта дуэлью съ его шуриномъ. Въ книжкѣ Льва Павличева, родного племянника Пушкина, „Ковчина А. С. Пушкина. СПб. 1899“, приводятся два объясненія того, какимъ образомъ состоялась упомянутая свадьба: одно приписано извѣстному пріятелю поэта, А. Н. Вульфъ, другое матери автора названной брошюры, сестрѣ Александра Сергѣевича, Ольгѣ Сергѣевнѣ. По мнѣнію перваго (стр. 68—70), Дантесъ, получивъ вызовъ, на просто струсилъ и предпочелъ „заслониться отъ дуэли добрѣйшею К. Н. Гончаровой, поставилъ ея счастье на карту“. Напротивъ, какъ полагала сестра Пушкина (стр. 33 и 70), Дантесъ, поступавшій „во всемъ очертя голову“, „затѣялъ женитьбу съ бухты-барахты, увѣривъ самъ себя, что сватается по непобѣдимому чувству, о которомъ этотъ 23-лѣтній вѣтрогонъ и понятія не имѣлъ“, а „намѣренія разбить семейный очагъ Александра Сергѣевича опъ не имѣлъ“:

Отъ покойнаго В. А. Бильбасова я слышала переданный ему старухой графиней Толстой, проживавшей въ Одессѣ, рассказъ такого рода: Пушкинъ, однажды вернувшись откуда-то домой, прошелъ прямо въ находившійся при домѣ садъ ¹⁾, гдѣ и натолкнулся на слѣдующую сцену: передъ сидѣвшей на садовой скамейкѣ женой поэта стоялъ на колѣняхъ Дантесъ, съ увлеченіемъ цѣлуя ея руки; замѣтя, какъ это поразило ея мужа, Наталья Нико-

¹⁾ Не было ли это еще на Каменноостровской дачѣ, гдѣ лѣтомъ 1836 г. сестра Пушкина встрѣтила однажды Дантеса? (Павличевъ, I. с. стр. 65).

лаевна заявила ему, что это Дантесъ умоляетъ ее склонить ея сестру Екатерину, въ которую онъ безумно влюбленъ, на бракъ съ нимъ. Дантесъ же, захваченный врасплохъ и понимая, что жена поэта прибѣгла къ такому экспромпту, чтобы отнюдь не остаться скомпрометгированной въ глазахъ мужа, счелъ долгомъ подтвердить ея слова и въ свою очередь сталъ упрашивать и самого Пушкина содѣйствовать полученію согласія его свояченицы выйти за Дантеса замужъ. Дальнѣйшій ходъ обстоятельствъ, разрѣшившійся такъ печально для великаго писателя и вмѣстѣ для всей Россіи, извѣстенъ.

Прибавлю, что Бильбасовъ въ заключеніе своего разсказа выразилъ сожалѣніе, что не успѣлъ осуществить свое намѣреніе еще разъ повидаться съ графиней, чтобы просить ее повторить раньше рассказанное ею возможно подробнѣе, и прямо записать съ ея словъ; а когда Василій Алексѣевичъ передавалъ мнѣ слышанное имъ отъ старушки, ея уже не было въ живыхъ.

Eremjta.





По поводу записокъ Н. А. фонъ-Розенбаха.

По поводу напечатанныхъ въ мартовской книгѣ журнала ст. „Записки Н. А. фонъ-Розенбаха“ редакція получила отъ У. А. Тевяшевой слѣдующее письмо.

Ред.

„Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, кто издастъ записки Генер. Адъют. Розенбаха, сынъ или дочь его, то обращаюсь въ Редакцію журнала „Русская Старина“ по поводу статьи, вышедшей въ мартъ 1916 г. касательно инцидента Гн.-Ад. Скобелева и касающейся моего покойнаго мужа Генерала Тевяшева и затрагивающей пѣкоторымъ образомъ и меня.

„Въ статьѣ говорится, что я отказалась принять Ген. Ад. Скобелева подъ предлогомъ, что не могу въ отсутствіи мужа принимать неизвѣстныхъ мнѣ людей. Это не отвѣчаетъ дѣйствительности. Было бы смѣшно, въ мои лѣта (мнѣ было уже 35—36 лѣтъ) выставить такой предлогъ, тѣмъ болѣе, что я знала Скобелева. Я познакомилась съ нимъ, при началѣ Турецкой кампаніи, которую дѣлала съ мужемъ, командиромъ Ахтырскаго Гусарскаго полка—на ст. Журжево. Когда первый снарядъ изъ Рущука, попавъ въ станцію, разрушилъ одну изъ стѣнъ, въ публикѣ, ожидавшей поезда изъ Букареста, произошла паника. Скобелевъ, находившійся здѣсь же, старался успокоить метавшуюся толпу—приглашая всѣхъ подойти къ нему, такъ какъ онъ якобы засѣрахованъ отъ пуль и снарядовъ. Всѣ бросились къ нему—я осталась одна на своемъ мѣстѣ, чѣмъ обратила на себя его вниманіе. Узнавъ отъ сопровождающаго меня денщика мою фамилію, онъ представился мнѣ и

спросилъ, не боюсь ли я, на что я отвѣтила, что еслибъ боялась, то не шла бы на войну.

Значить, незнакомствомъ съ нимъ я не могла отговариваться отъ приѣма Скобелева—я просто не *хотѣла* его принять, предчувствуя, что вся эта исторія причинитъ большія несприятности мужу. А разсержена я тѣмъ, что полковой адъютантъ, обязанность котораго ограждать, а не подводить Полкового Командира, въ сообществѣ двухъ старшихъ офицеровъ нѣсколько разъ забѣгали ко мнѣ съ просьбой принять Скобелева, рассчитывая вѣроятно на его обаяніе. Я отвѣтила, что у входныхъ дверей есть звонокъ, что Ген.-Ад. Скобелевъ можетъ безъ всякаго посредничества позвонить, и если я буду дома, я его прийму. Но такъ какъ изъ словъ осаждающихъ меня г. офицеровъ прекрасно понимала, зачѣмъ Ген.-Ад. Скобелевъ желалъ меня видѣть, меня конечно не было дома—когда онъ позвонилъ”.

У. Тевяшева





Дневникъ Патрика Гордона ¹⁾.

22 числа выступили изъ Кіева два стрѣлецкихъ полка, изъ которыхъ въ одномъ было 515, а въ другомъ 380 человекъ, такъ что теперь гарнизонъ Кіевскій состоялъ только изъ 2.241 человекъ пѣхоты, 125 ч. кавалеріи и 35 констаблеровъ.

24 числа я получилъ съ Иваномъ Поадѣвымъ письма изъ Сѣвска, въ которыхъ сообщалось, что окольнічій Леонтій Романовичъ Неплюевъ, по приказанію Ихъ Величествъ, отправился въ Батуринъ, чтобы переговорить съ гетманомъ о положеніи дѣлъ. Подробности этого не были извѣстны; узнали только, что Неплюевъ съ мнѣніями гетмана долженъ былъ немедленно поѣхать въ Москву. Такъ какъ мы уклонились послать въ Крымъ ежегодныя деньги татарамъ, то ханъ отправилъ посла къ польскому королю. Узнали также краткій отвѣтъ короля писцу, посланному царемъ, по совѣту гетмана. Деньги, доставленныя къ мѣсту размѣна плѣнныхъ, надлежало теперь переслать въ Москву и онѣ были снова привезены изъ Бѣлева въ Сѣвскъ.

Я отвѣчалъ въ этотъ день на полученныя письма въ Москву съ полковымъ писцомъ полка Боркова и писалъ въ Москву голландскому резиденту, полковнику Менгдену, г. Виніусу и г. Гуаскони, сообщая имъ частью новости, частью различныя повседневныя дѣла.

25 числа было получено извѣстіе, что супруга гетмана, съ сыновьями и многими другими лицами, находятся на пути въ Кіевъ, чтобы присутствовать при погребеніи тѣла супруги боярина.

¹⁾ См. „Русск. Старину“ май 1916 г.

26 числа пришло приказаніе выдать Кіевскому гарнизону четвертую часть полученнаго имъ жалованья.

27 числа прибыли изъ Москвы четыре царскія письма, чрезъ Переяславль въ Кіевъ. Въ одномъ изъ нихъ сообщалось, что присланныя изъ Кіева дописанія переданы по принадлежности. Оно содержало въ себѣ также поощреніе продолжать служить по-прежнему и содержать вѣрную, добрую стражу. Второе письмо касалось сдѣланнаго представленія о постройкѣ хлѣбныхъ амбаровъ для гарнизона, изъ котораго было усмотрѣно, что имѣется на лицо 46.000 шеефелей ржи и 25.000 рублей деньгами, именно серебромъ— 12.000 р., остальные же — мѣдною монетою. Остальныя два письма касались маловажныхъ предметовъ. Супруга гетмана, съ сыновьями и сопровождавшими ее лицами, переехала по льду Днѣпръ и остановилась ночевать въ городѣ въ Печерскомъ монастырѣ.

28 числа супруга гетмана съ дѣтьми и прочими лицами направилась въ Св. Михайловскій монастырь и при сильномъ плачѣ присутствовала при богослуженіи. Потомъ она поѣхала боярина, который, будучи еще боленъ, лежалъ въ кровати; затѣмъ она поѣхала ребенка и тотчасъ же разстались опять, не сказавъ слова другъ другу.

29 числа все духовенство изъ соседнихъ мѣстъ собралось въ Св. Михайловскомъ монастырѣ. Бояринъ былъ доставленъ на санкахъ, внесенъ на коврахъ въ церковь и нѣсколькими людьми поднятъ, чтобы проститься съ тѣломъ покойной супруги его; онъ много пролилъ слезъ при этомъ. Послѣ этого носилки, на которыхъ былъ принесенъ гробъ, были вынесены слугами умершей изъ церкви и монастыря. Бояринъ, по своей слабости, отправился къ себѣ домой; всѣ же прочіе пошли пѣшкомъ изъ города. Архимандритъ и настоятели сѣли въ кареты и поѣхали впередъ. Тѣло покойной три раза дорогой ставили на землю и пѣли молитвы (служили литіи). Гробъ былъ обитъ желтымъ муаромъ, по обѣимъ сторонамъ его, а также по концамъ висѣли гербы боярина съ изображеніемъ двухъ львовъ, держащихъ корону, надъ которою вмѣсто шлема находились три креста; все это было на зеленомъ полѣ. Начальныя буквы именъ боярина были изображены такъ $\frac{\text{П.}}{\text{И. Г.}}$ и $\frac{\text{Ш. Б.}}{\text{В. К.}}$ что означало Пелагея Ивановна, гетмана дочь Шереметева, боярина воеводина Кіевская. Четверо украшенныхъ носилокъ несли впереди, затѣмъ слѣдовали парадныя траурныя

сани, на которыхъ должно было везти тѣло боярыни, потомъ сочли за лучшее тѣло нести на рукахъ и при томъ въ слѣдующемъ порядкѣ. При входѣ въ монастырь стояли настоятель и священники въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ; они встрѣтили тѣло и провожали до половины церкви. Все духовенство шло впереди; плакальщицы и всѣ прочіе слѣдовали за тѣломъ. Въ церкви былъ устроенъ великолѣпный траурный помостъ, на который и былъ поставленъ гробъ, среди четырехъ столбовъ, обтянутыхъ матеріею и украшенныхъ лампами и пирамидами свѣчей. Вездѣ висѣли изображенія смерти, а также таковыя лежали по тремъ сторонамъ помоста. Послѣ продолжительнаго чтенія священныхъ молитвъ и окончанія погребальной церемоніи, настоятель Св. Кирилловскаго монастыря, по имени Монастырскій, крещеный еврей, произнесъ свѣтскую рѣчь. По окончаніи отпѣванія, тѣло покойной, въ сопровожденіи множества свѣчей, было вынесено изъ церкви и отнесено на то мѣсто, гдѣ было предано землѣ,—въ небольшой, вновь сооруженный склепъ,—который долженъ былъ быть такъ задѣланъ сверху, что получалъ видъ подпоры церковной стѣны. Провожавшіе тѣло возвратились спять въ церковь и слушали надгробныя слова, произнесенныя студентами и учеными. Послѣ этого, сопровождавшіе тѣло, были приглашены въ домъ Максима и угощены номинальнымъ обѣдомъ.

30 числа прибылъ въ Кіевъ Мазепа съ братомъ жены гетмана. Они имѣли порученіе отъ гетмана къ боярину, чтобы онъ прислалъ въ Батуринъ ребенка (внука гетмана) для его тамъ воспитанія. Равнымъ образомъ бояринъ долженъ былъ возвратить все, что гетманъ далъ своей дочери при замужествѣ ея, при чемъ гетманъ обѣщаль, что это имущество не только не уменьшится, но умножится и даже удвоится. Послѣ нѣкотораго объясненія бояринъ объявилъ, что не можетъ отпустить своего сына въ Батуринъ, не испросивъ на это предварительно приказанія Ихъ Величествъ и разрѣшеніе своего отца. Что же касается имущества умершей, то онъ очень доволенъ, что оному сдѣлана опись, для большей вѣрности подписанная, съ которою обѣимъ сторонамъ даны списки, но самое имущество останется у него въ рукахъ. Оба уполномоченные гетмана, отлично видя, что они ничего не добьются и ничего не получаютъ, ушли, повидимому, довольные и этимъ.

На другой день 31 числа Мазепа съ бунчужнымъ и еще съ Кіевскимъ полковникомъ, арецдаторомъ Максимомъ,

городскимъ судьей (фохтомъ) и бургомнстромъ пришли снова. Все имущество покойной было переписано, при чемъ оказалось до 2 пудовъ и 9 фунтовъ серебряной посуды, большею частью вызолоченной, много дорогихъ платьевъ, по оцѣнкѣ на 1.600 рублей, много жемчуга, колець, драгоценныхъ камней на 1.000 рублей. Все это хотѣли опечатать, но бояринъ не допустилъ этого, а приказалъ поставить все на прежнее мѣсто. Пришедшіе остались этимъ недовольны и ушли, сказавъ, что когда инвентарь будетъ подписанъ сторонами, то каждая должна получить по экземпляру. Сыновья гетмана, повидимому, этимъ остались недовольны: никто не подписалъ инвентаря и всѣ въ тотъ же вечеръ ушли.

Замѣчательно, что супруга боярина, недѣль за семь до своей кончины, проснулась однажды ночью и видѣла, будто отвратительная женщина въ бѣлой одеждѣ подошла въ ея кровати. Она очень испугалась и громко закричала. Сбѣжались всѣ ея служанки, и она приказала имъ осмотрѣть позади печки, откуда, по ея словамъ, появилась эта фигура. Послѣ этого она стала до того боязлива, что не хотѣла болѣе лежать на этой сторонѣ постели и малѣйшій шорохъ пугалъ ее до чрезвычайности.

Равнымъ образомъ, очень благочестивый молодой человекъ, жившій въ ея домѣ, рассказывалъ, черезъ день послѣ кончины боярыни, что за четыре дня до этого, ночью, выйдя изъ нижней комнаты, онъ увидѣлъ множество дѣвушекъ, одѣтыхъ всѣ въ бѣлое и шедшихъ съ лѣстницы внизъ, однѣ направо, а другія налево, которыя трубили. Онъ чрезвычайно напугался этимъ и побѣжалъ назадъ въ нижнія комнаты и отсюда видѣлъ, какъ эти дѣвушки вышли изъ комнату, по двору и въ садъ и тамъ скрылись. Все это онъ тотъ же часъ, а за затѣмъ и на слѣдующій день рассказывалъ своимъ сотоварищамъ.

1-го апрѣля я писалъ полковнику фонъ-Менгдену и г. Гуаскони, которому поручилъ получить, за счетъ моего свояка, 60 рублей, такъ какъ мнѣ, Гордону, приходится уплатить эту сумму въ Кіевѣ. Я писалъ также полковнику Гамильтону и Ронаеру и въ пакетъ перваго вложилъ письмо къ лорду Грехаму, которому письмо принадлежало отправить черезъ Курскъ или съ другимъ какимъ-либо вѣрнымъ случаемъ. Первое письмо я отдалъ капитану, прибывшему изъ Москвы, а всѣ остальные рейтарамъ, сопровождавшимъ стрѣльцовъ въ Сѣвскъ.

2 числа бояринъ прислалъ къ гетману слугу, съ письмомъ, въ которомъ извинялся во всемъ происшедшемъ и приводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ основанія, по которымъ онъ не могъ отпустить своего сына и возвратить оставшееся послѣ умершей супруги имущество.

Рѣка начала мѣстами расходиться.

3 числа по почтѣ получены были два царскихъ письма. Въ одномъ изъ нихъ повелѣвалось заготовить изъ пеньки, которая имѣется въ Кіевѣ, корабельные канаты; другимъ же приказывалось выслать въ Козельскъ одного стрѣльца полка Ивана Озерова, чтобы сдать его присланному отъ гетмана для его приѣма.

5 числа, по желанію Архимандрита, я ѣздилъ въ Печерскій монастырь, чтобы дать совѣтъ, какъ предотвратить обвалъ холма, на которомъ стоитъ церковь, ведущая къ подземнымъ пещерамъ, въ которыхъ погребены мощи святыхъ угодниковъ. Я совѣтовалъ отвести воду, которая подъ холмомъ протекаетъ и уносить съ собою много земли, и затѣмъ заполнить пустоты и промоины, сдѣланныя уже водой. Это сочли вполне разумнымъ средствомъ и меня, послѣ хорошаго угощенія и большихъ благодарностей, отпустили.

7 числа рѣка очистилась отъ льда.

8 числа я отправилъ свою плохую лошадь на траву.

9 числа были готовы всѣ суда для моста.

10 числа были приведены плоты.

11 числа всѣ плоты и суда поставлены и покрыты, по мостомъ и мостъ черезъ Черторой наведенъ.

13 числа мостъ былъ готовъ вполне и по немъ могли проѣзжать возы.

14 числа я отправился на островъ „Каролину“ на охоту, которая была очень удачна.

Надлежало отправить въ Москву офицера съ извѣщеніемъ, что мостъ готовъ, и я писалъ 15 числа кн. В. В. Голицыну, Петру Васильевичу, кн. Борису Васильевичу, кн. Ивану Степановичу, Леонтію Романовичу Неплюеву, Венедикту Андреевичу Змѣеву, Емельяну Пгнатъевичу Украинцеву, Фѣдору Андреевичу и полковнику Тимофею Киск....., Василию Боркову, Ивану Якимову, а также голландскому резиденту, полковнику фонъ-Менгдену, г. Випіусу, патеру Шмидту и полковникамъ Гамильтону и Ронаеру. Всѣ эти письма я отдалъ фендриху Маесу, который и былъ отправленъ съ извѣстіемъ объ изготовленіи моста.

16 числа явился священникъ по имени Евстафій изъ Винницы и сообщилъ, что, когда онъ былъ въ Полонномъ 8 числа, туда прибылъ козацкій полковникъ, по имени Палѣй, съ 3 повозками, каждая въ шесть лошадей и нагруженная деньгами. Эти деньги посылалъ король польскій запорожскимъ и донскимъ казакамъ, чтобы побудить ихъ явиться къ нему это лѣто на помощь. Полковникъ имѣлъ при себѣ для сопровожденія только четырехъ казаковъ и на другой же день отправился далѣе. Эти свѣдѣнія были также сообщены въ Москву съ упомянутымъ выше фендрихомъ, который и поѣхалъ туда въ среду.

Счетъ полковника Ронаера:

за 2½ локтей краснаго сукна (cloth) по	1 руб. 3 алт. 2 деньги	2 руб. 15 алт. 5 ден.
.. плату мастеру за работу	4 " — " — "	
.. кожу, чемоданъ, подпругу для лошади и стремена	1 " — " — "	
.. муаръ, набивку и обкладку	1 " 3 " 2 "	
.. шитье недоуздка	4 " — " "	
.. самый недоуздокъ	" 13 " 2 "	

Всего . 9 руб. 3 алт. 1 деньга

17 числа въ Пятницу Страстную я отправился съ многими другими лицами въ Братскій монастырь, чтобы присутствовать на актѣ въ школѣ.

18 числа на открытѣи мѣстѣ, передъ церковью Св. Софїи, были выставлены 12 орудій, изъ которыхъ должно было стрѣлять въ ночь при возглашенїи Воскресенія Спасителя изъ гроба.

19 числа незадолго до полуночи, былъ поданъ условный знакъ, по которому послѣдовали три пушечныхъ выстрѣла изъ каждаго орудія. Я былъ у боярина съ обычнымъ поздравленіемъ; послѣ обѣда онъ прибылъ ко мнѣ, а вечеромъ я былъ у окольногочаго и ужиналъ у боярина.

20 числа послѣ обѣда меня посѣтилъ окольныйчій.

21 числа я обѣдалъ у боярина, посѣтилъ окольногочаго, а затѣмъ все общество пошло за Дѣвирь.

23 числа всѣ мы обѣдали у окольногочаго и пили усердно за здоровье наше. Прибыло Царское повелѣніе отпустить одного изъ дьяковъ въ Москву. Изъ газетъ и писемъ изъ Москвы я узналъ, что король англійскій Карль II скон-

чался, а герцогъ Гюркъ пастѣдовалъ ему во всѣхъ владѣніяхъ королевства.

26 числа я писалъ въ Москву Леонтію Ромаповичу Неплюеву и просилъ его снова, чтобы меня отпустили изъ страны, приводя основанія, по которымъ я это прошу. Объ этомъ же самомъ я писалъ также Емельяпу Игнатьевичу Украинцеву. Кромѣ того, я писалъ: Федору Андреевичу—одни комплименты, Ивану Бирину—о соли для гарнизона; Василию Тимофеевичу Пошвинкову—о Вилліамѣ Гордонѣ: голландскому резиденту — съ препровожденіемъ книги „Описаніе рѣки Дуная и другихъ вещей“; полковнику фонъ-Менгдену—съ просьбою освѣдомиться—какія приказанія, вѣроятно, послѣдуютъ обо мнѣ самомъ; г. Гуасконн—объ отпускъ моему слугѣ ящика съ платьями, большого футляра для бутылокъ, ящика съ оружіемъ, также лошадиной упряжи съ приборомъ бѣлаго желѣза для кареты. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его переслать въ Кіевъ мою карету, а также сафиръ цѣною въ 10 р., вправивъ его въ кольцо, на что я посылаю ему червонецъ. Я также писалъ слѣдующимъ лицамъ: 1) католическому патеру, чтобы онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, о чемъ я уже ранѣе просилъ его въ письмѣ, посланномъ съ фендрикомъ Массомъ; 2) князю Василию Васильевичу Голицыну—съ просьбою разрѣшить священнику пріѣхать въ Кіевъ; 3) г. Шлатеру—о присылкѣ воды противъ эпилептическихъ припадковъ; 4) г. Коку—препровождая 40 фунтовъ шкуры, уложенной въ три посылки, одна въ 20 фунтовъ, а остальные двѣ—по 10 фунтовъ, для доставленія Меверелю; необходимыя къ этому препроводительныя письма будутъ присланы вслѣдъ за этимъ; 5) Боетенату — съ просьбою передать г. Гуасконн мою серебряную верховую одежду; 6) г. Гартману—съ просьбою сообщить о моихъ денежныхъ пересылкахъ въ Англію, по возможности, точно; 7) полковнику Девиду—частью комплименты, частью сообщая ему о положеніи его дѣлъ съ полковникомъ Иванцкимъ; 8) полковнику Ронаеру—возвращая ему взятые у него сѣдло и чепракъ; 9) полковнику Гамильтону—весьма откровенно; 10) г. Виніусу—объ обыкновенныхъ вещахъ. Всѣ эти письма отправилъ частью съ майоромъ Иванцкимъ, частью съ моихъ слугою.

27 числа пришло извѣстіе, что польскій сеймъ законченъ и на немъ рѣшено продолжать войну съ турками и всячески стараться о пріобрѣтеніи содѣлствія русскихъ царей.

28 числа уѣхалъ изъ Кіева дьякъ Осипъ Зиповьевичъ Таториновъ и я писалъ съ нимъ боярину Ивану Михайловичу, Алексѣю Петровичу и Феодору Андреевичу. Я отправился съ бояриномъ и окольнымъ на островъ, гдѣ паслись мои лошади на лугу и мнѣ удалось застрѣлить зайца.

29 числа я подавъ записку объ исправленіи Иванова бастіона.

1 мая прибылъ крестьянинъ изъ *Уфдимира* съ извѣстіемъ, что во время его пребыванія тамъ были получены письма изъ Немирова, сообщавшія, что татары произвели набѣгъ и захватили много плѣнныхъ: что поляки однако, узнавъ объ этомъ, немедленно стянули свои войска, достигли татаръ, отбивъ у нихъ всѣхъ плѣнныхъ и обратили ихъ въ бѣгство; что при этомъ значительное количество татаръ и въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ были убиты; и что, наконецъ, взятые въ плѣнъ татары увѣряли, что къ Троицѣ придетъ къ польской границѣ самъ ханъ со всѣми силами.

2 числа съ означенными извѣстіями былъ отправленъ въ Москву голецъ.

3 числа я передалъ списокъ бревень, балокъ и другихъ предметовъ, потребныхъ эту весну, а именно:

1,500 балокъ длиною двѣ сажени и толщиною въ верхнемъ концѣ 5—6 вершковъ,

100 половицъ, длиною 3 сажени, шириною 9 вершковъ,

500 дубовыхъ кольевъ для палисада, въ одну сажень длины и толщиною въ верхнемъ концѣ три вершка,

10,000 штукъ гонта, длиною $1\frac{1}{2}$ сажени и шириною 6 вершковъ,

4 лафета для тяжелыхъ орудій.

10 лафетовъ для орудій средняго калибра и короткихъ пушекъ,

10 лафетовъ къ короткимъ пушкамъ, привезенныхъ изъ Москвы въ 1682 году,

20 осей для короткихъ орудій,

40 осей къ короткимъ пушкамъ и пушкамъ средняго калибра,

60 осей для орудій малаго калибра.

Въ этотъ день праздновалась память св. Феодосія Печерскаго въ Печерскомъ монастырѣ и бояринъ со всѣми офицерами былъ приглашенъ на это празднество. Но по болѣзни боярина и худому настроенію духа окольного никто не пошелъ на это торжество. Сообщ. П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ портрету графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова.

Помѣщаемъ портретъ графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, скончавшагося 15 января сего года, въ Алупкѣ. Предполагаемъ составить біографическій очеркъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и рыцаря безъ страха и упрека.

Р е д.



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО электро-механическихъ сооруженийъ

„ДЕКА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К^о.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Антекарскій Островъ,
Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406 26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sauter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрические насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудованіе радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланныхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К^о, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измѣрительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудованія воздухоплавателей парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода: конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. За пятьдесятъ лѣтъ (воспоминанія Глѣбовой). Сообщилъ Б. Скуратовъ . . . 7—16, 164—170, 328—339	
II. Записки В. Н. Виноградскаго. Сообщ. А. Рубушъ 123—131	

Ислѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Вильгельмъ I и Ѳ. Ѳ. Радецкій. Сообщ. А. Вольноходовъ 5—6	
II. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ. I. Бозіо. Сообщ. В. А. Бернадкій 17—24	
III. Памяти нашего консула въ Албаніи, Григорія Степановича Щербинны. Е. К. Андреевскаго 25—29, 287—291, 457—464	

- IV. Изъ записной книжки „Русской Старины“.
Реставрація памятниковъ 30
- V. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время
русско-нѣмецкой войны. П. В. . . . 31—85,
173—218, 343—411
- VI. Въ родномъ гнѣздѣ (лѣтопись рода Бутов-
скихъ). А. Д. Бутовскаго . . 86—114, 219—275
- VII. Три записки Н. А. Некрасова. Сообщ.
Н. Кафташиковъ 115—116
- VIII. Письмо изъ Москвы архіепископа вологод-
скаго и бѣлозерскаго Симона въ Вологду
въ архіерейскій домъ отъ 17-го марта
1674 г. о разныхъ дѣлахъ. Сообщилъ
Ив. Суворовъ 117—119
- IX. О постройкѣ въ гор. Орлѣ храма во имя
Св. Павла. Сообщ. Н. А. Мурзановъ. . 120—122
- X. Императорская Фамилія въ Крыму. Сообщ.
В. Мелега 132—157, 302—319
- XI. Рапортъ Прозоровскаго—Румянцеву 17 по-
ября 1777 года. Сообщ. Федоровъ . . 158—160
- XII. Къ портрету Я. Ю. Гольдмана. Ред. . . 163
- XIII. Письмо П. А. Плетнева къ К. С. Весе-
ловскому. Сообщ. Э. П. Юргенсонъ. . . 171—172
- XIV. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ
Петербургѣ. II. Кальцолари. Сообщ. В. А.
Бернацкій 276—283
- XV. Къ войнѣ 1701—1721 гг. (указъ Царя
Петра Алексѣевича отъ 31-го января
1701 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ . . . 284—286
- XVI. Письмо Н. Н. Раевского старшаго 292
- XVII. Б. П. Шереметевъ на аудіенціи у папы
Иннокентія XII. Сообщ. А. Селищевъ . 293—301

XVIII. Изъ дневника русской въ Турціи. Сообщ. Е. А. Рагозина	321—327
XIX. Копія письма И. А. Гончарова къ П. Н. Полевому. Сообщ. Э. П. Юргенсонъ . .	340—342
XX. Изъ архивныхъ матеріаловъ. Неизданныя письма И. С. Тургенева, П. П. Каратыгина, Н. Курочкина, А. В. Старчевскаго, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. Н. Мамина-Сибп- ряка и Д. Л. Мордовцева. Сообщ. С. Щ п п церъ	412—424
XXI. Мимоходомъ. Дуэль Беклемишева съ Не- клюдовымъ. В. И. Мерцалова	424—433
XXII. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ. III. Тамберликъ. Сообщ. В. А. Бернацкій	436—456
XXIII. Къ вопросу о бракѣ Дантеса со своячени- цей А. С. Пушкина. Eremita	465—466
XXIV. По поводу записокъ Н. А. фонъ-Розенбаха. У. Тевяшовой	467—468
XXV. Дневникъ Патрика Гордона	469—476
XXVI. Къ портрету графа И. И. Воронцова-Дашкова	477

Приложенія:

- I. Портретъ В. Н. Виноградскаго (при 10-й книгѣ).
- II. Портретъ Я. Ю. Гольдмана (при 11-й книгѣ).
- III. Портретъ графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (при 12-й книгѣ).

Библиографическій листокъ.

1. Л. М. Василевскій. По слѣдамъ войны. Впечатлѣнія военнаго врача. Пгр. 1916 г. (на обложкѣ октябрьской книги).

2. Одиннадцать интермедій XVIII вѣка. Изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXVII. Пгр. 1915 г. (тамъ же).

3. Императорское Русское Историческое Общество. 1866—1916 г. Пгр. 1916 г. (на обложкѣ ноябрьской книги).

4. В. А. Ашикъ. Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 гг. и въ память Императора Александра I. Пгр. 1913 г. (тамъ же).

5. Библиографическій Сборникъ. Т. II, вып. I. Матеріалы по исторіи бібліотековѣдѣнія въ Россіи. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

6. Село Троицко—Кайнарджи и Сельцо Зенино, Карнѣвѣв-тожь. Историческій очеркъ. Ц. 1 р. (на обложкѣ декабрьской книги).

7. Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга I. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Пгр. 1916 г. Ц. 2 р. (тамъ же).

8. С. С. Троицкіи. Костромской Край. Историческій сборникъ 1613—1913 гг. Кострома 1913 г. Ц. 75 к. (тамъ же).

9. С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Пгр. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к. (тамъ же).

10. Профессоръ Н. Н. Фирсовъ. Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. М. 1916 г. Ц. 60 к. (тамъ же).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ 165—168 ТОМАХЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1916 года.

А.

- Абаза, Алед. Аггеев. мин. финанс.. т. CLXVI, май, 182, 183, 216, 244.
- Абрамовъ, оф. 1878 г., т. CLXV. мартъ, 525, 526, т. CLXVI, июнь. 368.
- Абрамовъ, ген. начальн. зара-вшанск. воен. окр., 1880 г., т. CLXVI, май, 173.
- Августъ III, курфироть саксон-скій т. CLXV, февр., 275, 276, 277, 278, 279, 283.
- Авенариусъ, Н. сообщ. „Вос-поминанія О. Н. А. Вышнеград-скомъ“, т. CLXVII, июль, 144, 145.
- Аграмовъ, артистъ. т. CLXVIII. дек. 339.
- Адамъ, (Adam) г-жа, т. CLXV. янв., 35.
- Адельсонъ, СПБ, 2-й комен-дантъ, ген. м. 1881 г., т. CLXV. мартъ, 436.
- Адлербергъ, А. В., поруч. 1839 г., т. CLXVI, июнь. 473.
- Адлербергъ, Вл. Фед. мин. двора. † 1884 г., т. CLXV, янв., 69, февр., 365, мартъ, 435, т. CLXVII. сент. 412, 420, 427.
- Азадовскій, Маркъ, сообщ. „Къ биографіи А. П. Щапова и митрополита Иннокентія“. т. CLXVI, июнь, 394—399.
- Айвазовскій, Ив. Конст. ху-дожн., т. CLXVII, сент. 429, 432, т. CLXVIII, окт. 140.
- Акацатовъ, П. Ю. предвод. дворян. Ольвѣн. уѣзда 1798 г., т. CLXVII, июль, 36—38.
- Аксаковъ, Ив. Серг., писат., † 1886 г., т. CLXV, февр., 294, 302, 303, 304, мартъ, 523.
- Акшарумовъ, инспект. 1797 г., т. CLXVI, июнь, 386.
- Аладьинъ, Егоръ Вас. изд. СПБ. Вѣстникъ † 1860 г., т. CLXVI, май, 273, 274, 275.
- Алединскій, Алед. Ив., 1832 г., т. CLXVII, июль. 62.
- Александра-Лосифовна, вел. княг., т. CLXV, янв., 52.
- Александра-Феодоровна, императрица, † 1860 г. т. CLXV, февр., 261, 262, 263, 264, мартъ. 430, т. CLXVIII, окт. 111.
- Александръ I, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CLXV, янв., 6, 108—116, февр., 257, 342, мартъ, 429, т. CLXVII, июль, 3—21, 62, 63, 146—149, авг., 203, 243, 244, сент., 374, 383, 405, 408, т. CLXVIII, окт. III. нояб., 261.
- Александръ II, императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. CLXV, янв., VI. 5, 45, 48—53, 59, 62,—76, 83, февр., 257, 259, 256—267, 297, 304, 306, 365—372, мартъ, 427, 432—437, 514—517, 523, 524, май, 284, июнь, 358, 373, 473, 474, т. CLXVII, сент. 405—410, окт. 132—156, июль. 81, нояб., 281, 302—319, дек., 338.
- Александръ III, императоръ, р. 1845 † 1894 г., т. CLXV, т. CLXV, янв., 76, февр., 366—373, мартъ, 432—442, 517, т. CLXVI, апр., 100—114, май, 177, 180, 181, 185, 183, 205, 209, 214, 217, 218, 219.

- 225, 228—243. т. CLXVIII, окт. 5, 132—156.
- Александрскій, эмигрантъ 1916 г., т. CLXV, февр., 340.
- Александревъ, ген. 1916 г., т. CLXV, февр., 337, 343. т. CLXVIII, дек., 398.
- Алексѣй Михайловичъ, царь, † 1676 г., т. CLXV, янв., 129, 131, мартъ, 535. т. CLXVII, июль, 45, авг., 247.
- Алексѣй Николаевичъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, т. CLXV, февр., 373, мартъ, 477, 478, т. CLXVI, май, 304.
- Александревъ, ген. 1916 г., т. CLXVII, авг., 277.
- Алибековъ, лейтен. 1916 г., т. CLXVII, авг., 304—314.
- Алихановъ, полковн. 1889 г., т. CLXVI, май, 220, 221.
- Алмазовъ, Семень, 1697 г., т. CLXV, мартъ, 402.
- Анонусъ, Амаля Самойл., т. CLXV, янв., 113.
- Анонусъ, Нв. Самойл., т. CLXV, янв., 113.
- Альбединскій, Петръ Павл., виленск. ген. губернат. † 1883 г., т. CLXV, янв., 152.
- Альбемарле, гр., бургом. г. Дордрехта. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 3 2, 332, 339.
- Альбертъ, присяж. повѣрен. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 405.
- Андрева-Чарская, артистка, т. CLXVII, июль, 33.
- Андреевскій, Е. К., сообщ.: „Памяти нашего консула въ Албани Григорія Степановича Щербини“. т. CLXVIII, окт., 25—29, нояб., 287—291, дек. 457—464.
- Аничинъ, Борнсъ 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400.
- Анна Иоанновна, императрица, † 1740 г., т. CLXV, мартъ, 530, т. CLXVII, июль, 59. т. CLXVIII, октябрь 87.
- Анненковъ, Ник. Ник. Кіевск. ген.-губ., 1864 г., т. CLXV, май, 217, июнь, 349.
- Анненковъ, Мих. Ник., стронт. Закасп. дороги, т. CLXVI, май, 193, 196, 197, 198, 199, 201, 272.
- Анненковъ, чиновн. 1850 г., т. CLXVIII, дек., 426.
- Анохинъ, ниж. 1916 г., т. CLXVII, сент., 340.
- Антоновъ, 1916 г., т. CLXVI, июнь, 451.
- Антонскій - Прокоповичъ, А. А., предс. Москов. общ. любит. російск. слов., † 1848 г., т. CLXVI, июнь, 471.
- Апостолъ „Даниилъ, Пав.“ Гетманъ † 1734 г., т. CLXVIII, окт. 89.
- Апостолъ, Пав., украинск. полк. 1665 г., т. CLXVI, май, 295, 296.
- Апраксина, графиня Фрейлина 1887 г., т. CLXV, февр., 369.
- Апраксинъ, гр. Петръ, ген.-адм., т. CLXV, февр., 202.
- Апраксинъ, П. Ѳ. фельдмарш. † 1811 г., т. CLXV, февр., 271, 272, 274, 275.
- Апраксинъ, Фед. Андр., ген.-лейт. 1697 г., т. CLXV, янв., 8.
- Апраксинъ, гр., ген. 1861 г., т. CLXV, февр., 301.
- Аракчеевъ, гр., Алекс. Андр., р. 1769 † 1834 г., т. CLXV, янв., VII 109, т. CLXVI, июнь 363, т. CLXVII, авг. 203—207, сент. 383.
- Арбутовъ, Дм. Андр., т. CLXV, мартъ, 123.
- Армаковъ, майоръ 1798 г., т. CLXVII, июль, 36.
- Арескинъ, лейбъ-мед. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 320.
- Аристовъ, Н. Я., проф. † 1882 г., т. CLXVI, июнь, 395, 396.
- Аристовъ, 1878 г., CLXV, мартъ, 525.
- Аригольдъ, сестра милосерд. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 418.
- Ариольди, К., сообщ.: „Авантюристъ начала XVIII вѣка“. т. CLXVII, авг., 175—191.
- Арсеньевъ, К. К., юристъ 1869 г., т. CLXVI, апр., 73, т. CLXVII, авг., 232.
- Архаровъ, Ник. Петр. † 1814 г. Москов. воен. губернат. 1797 г., т. CLXVI, июнь, 384, 385, 389.
- Артъ, промышленникъ 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 178; 179.
- Арцибановъ, Ник. Серг., писатель, † 1841 г., т. CLXVI, май 246, 255.
- Аршеневскій, Петръ, москов. губернат. 1797 г., т. CLXVI, июнь, 384, 389.
- Ауэръ, скрипачъ, т. CLXVIII, дек., 448.
- Афанасовичъ, адъют. Преобр. полка 1868 г., т. CLXV, янв., 69, 81.
- Афонасій, игумень Оеропонтов. монаст. 1679 г., т. CLXVII, сент., 399.

Б.

- Бабковъ, т. CLXV, мартъ, 455.
- Багратионъ, кн., 1717 г., т. CLXV, янв., 8, февр., 202, т. CLXVI, апр. 8.

- Багратионъ, кн., Петръ Иван., р. 1765 † 1812 г., т. CLXVIII, нояб., 269.
- Базилевскій, А. П., 1818 г., т. CLXV, мартъ. 458, т. CLXVI, май, 287.
- Балакиревъ, Милій Алексѣев., композит., т. CLXV, янв., 30, 32, 36, т. CLXVIII, окт. 117.
- Балинскій, инжен. 1887 г., т. CLXVI, май, 196, 197, 202.
- Барановъ, гр., Эд. Трофим., ген.-ад. † 1884 г., т. CLXV, янв., 45—51, февр., 367, мартъ, 435, 436.
- Баратынскій, Евг. Абр. поэтъ † 1844 г., т. CLXVI, май, 248.
- Барбо, пѣвица 1860 г., т. CLXVIII, дек., 438.
- Бардовскій, инспект. Спб. 1-й гимназіи 1848 г., т. CLXVII, июль, 151.
- Барсуковъ, Н. П., т. CLXVI, май, 287, 288, 289.
- Бартевевъ, Петръ Ив. изд. „Рус. Арх.“, т. CLXVI, май, 287.
- Барышевъ, артистъ 1860 г., т. CLXVII, июль 33.
- Барятинскій, кн. Алек. Ив., намѣстн. Кавказ. † 1879 г., т. CLXV, янв., 49, 68, т. CLXVI, июнь, 473.
- Барятинскій, кн., ген.-м. свиты 1916 г., т. CLXV, февр., 355, 356, 369.
- Баташевъ, ген.-лейт. 1916 г., т. CLXV, февр., 356.
- Батуринъ, кап. л.-гв. Московск. полка 1854 г., т. CLXV, янв., 46, 47, 48, 49.
- Бахтинъ, Н. И., 1829 г., т. CLXVI, май, 249.
- Безобразовъ, В. П. [акад., т. CLXVII, авг., 227.
- Безсоновъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, май, 287, 288.
- Бейерсдорфъ, Отто Вильгельм., служ. въ экспедиц. заго. оул. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Бекетовъ, Никита Афанас., астраханск. губернат. съ 1763 по 1772 г., т. CLXV, янв., 122, 124, 125.
- Беккеръ, Францъ „мастеръ“ сел.-лочнонаго дѣла 1782 г., т. CLXV, янв., 127, февр., 215.
- Беклемишевъ, Фед. Андр., чин. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Бендеръ, А. А., полковн., завѣд. воен.-уч. архив. 1-й штаба 1916 г., т. CLXV, янв., 139.
- Бенкендорфъ, гр. Алекс. Христоф., шефъ жанд. р. 1783 † 1844 г., т. CLXVI, май, 247, 248, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 267, 271, 272.
- Бенкендорфъ, гр. ф.-л.-ад. 1890 г., т. CLXVI, май, 231, 239.
- Бергамаско, фотогр., т. CLXVIII, дек., 340.
- Бергманъ, помѣщ. 1916 г., т. CLXVI, апр., 133.
- Березина, Ек. Дм., въ зам. Пирогова; † 1846 г., т. CLXV, янв., 92, 98.
- Бернацкій, В. А., сообщ.: „Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ“. Возро. Кальцолари. т. CLXVIII, окт., 17—24, нояб., 276—283. Тамборликъ, дек., 434—456.
- Бернгарди, ювелиръ 1758. т. CLXV, февр., 281.
- Берне, 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Берневицъ, пасторъ, 1916 г., т. CLXVII, авг. 273.
- ванъ-Берстейнъ, 1697 г., т. CLXV, февр. 216.
- Бертенсонъ, В. Б., т. CLXVIII, окт. 18, дек., 446—448.
- Бертранъ, инж.-ген. 1701 г., т. CLXVII, авг. 175—191.
- фонъ-Бессеръ, церемоніймейст. курф. бранденбургскаго 1697 г., т. CLXV, 10.
- Бестужевъ, Марлинскій А. А., декабр., т. CLXVI, май, 273.
- Бестужевъ—Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., канцлеръ, † 1766, т. CLXV, февр., 278, 281.
- Бестужевъ—Рюминъ, Конст. Ник. † 1897, т. CLXVI, апр., 90.
- Бетманъ—Гольбергъ, Германск. канцлеръ 1916 г., т. CLXVII, июль, 114.
- Бибасова, княж. Екат. Гаврил., т. CLXV, февр., 290.
- Билентейнъ, Радомскій пасторъ 1916 г., т. CLXV, янв., 145.
- Вильбасовъ, В. А., т. CLXVIII, дек., 465, 466.
- Бинеманъ, служ. въ экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- фонъ-Биненштамъ, служ. въ экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр. 344.
- Биронъ, Юг. — Эрнст. герм. Курлянд. † 1772 г., т. CLXV, янв., VII.
- Бисмаркъ, гр., Гербертъ 1888 г., т. CLXVII, май, 233.
- Бистромъ, Ал. Ант. баронесса въ зам. Пирогова, т. CLXV, янв. 89—107, февр., 224—247, мартъ, 415—416.
- Бистромъ, бар., Ант. Родригов., ген. 1850 г., т. CLXV, янв., 75, 93.

- Вистромъ, Евг. Фед., см. Козень.
 Біанки, пѣвецъ, т. CLXV, янв. 31.
 Блескеръ, Небрандъ, 1697 г., т. CLXVI, апр., 8.
 Блокъ, Юганна 1697 г., т. CLXV, февр., 212.
 Блокъ, Корнелій 1697 г., т. CLXV, янв., 21.
 Блудова, гр-ня, Ант. Дм., т. CLXV, февр., 294, 303, мартъ, 516, 517.
 Блудовъ, Дм. Ник. госуд. дѣят. † 1886 г., т. CLXVI, май, 254, 269.
 Блюмъ, Клаасъ Арендзоонъ, членъ Заандамск. муницип. управл. 1697 г., т. CLXV, янв., 19.
 Блюмъ, Мейнертъ Арендзоонъ, Заандамск. негоціантъ 1697 г., т. CLXV, янв., 19, 20, мартъ, 395.
 Бобриковъ, ген 1882 г., т. CLXVI, мартъ, 438, т. CLXVI, апр., 107, май, 236.
 Бобринскій, гр., фл.-ад. 1861 г., т. CLXV, февр., 297.
 Бобровъ, Е. А. проф., т. CLXVII, июль, 49.
 Богдановичъ, Алед. Васил. т. CLXVIII, нояб., 226, 228, 229.
 Богдановичъ, Алед. Викт. рожд. Бутовская, † 1914 г. т. CLXVIII, нояб., 265, 266.
 Богдановичъ, Евгений Васил., Обществен. дѣятель, † 1914 г., т. CLXVIII, ноябр., 265, 266.
 Богдановичъ, Марія Фед., вл. зам. Кирьякова, † 1848 г., т. CLXVIII, нояб., 255.
 Богдановичъ, Мод. Нв. писат., р. 1805, † 1882 г., т. CLVIII, нояб., 255.
 Богдановскій, А., 1916 г., т. CLXV, февр., 353.
 Богдановскій, врачъ, т. CLXV, т. CLXV, янв., 39.
 Богушевичъ, Юр. Мих. журналъ 1876 г., т. CLXVIII, дек., 412—400.
 Богушевичъ, Ю. М. докт. 1818 г., т. CLXV, янв., 111, т. CLXVIII, 414.
 Бодуненъ, пасторъ 1916 г., т. CLXV, янв. 145.
 Бозіо, Анжела, по мужу Кендавелонисъ, пѣвица, род. 1829 † 1859 г., т. CLXVIII, окт., 18—24, нояб., 277.
 Бокинъ, Пав., полковн. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 405.
 Бокховенъ, майоръ 1697 г., т. CLXV, мартъ 404, 406, 408.
 фонъ - Бокховенъ, Филиппъ, полковн. 1665 г., т. CLXV, янв. 131.
 Бокховенъ, см. Гордонъ.
 Болъска, пѣвица, т. CLXV, янв., 31.
 Бооненъ, живописецъ. 1697 г., CLXVI, июнь, 335.
 Боровиковскій, Вл. Лукничъ, художн., т. CLXVIII, окт. 99.
 Боровиковскій, Ив. Нв. инспекторъ полтавск. гимназій 1847 г., т. CLXVIII, окт. 99.
 Бородаевскій, помощн. отдѣла торговли, 1916 г., т. CLXVII, июль, 104, 105.
 Бородина, Ал., сообщ. „Мос. воспоминаніе объ А. С. Даргомыжскомъ“, т. CLXV, янв., 25—44.
 Бородинъ, Алед. Порф., проф. химіи, композиторъ † 1887, т. CLXV, янв., 36.
 Бородулинъ, золдѣльмастеръ 1850 г., т. CLXV, мартъ, 430.
 Бороздинъ, Конст. Матв. почет. членъ, сиб. окр. 1830 г., т. CLXVI, май, 249, 252, 258, 259, 262, 263, 265, 269, 274, 277, 278, 279, 281.
 Борхъ, гр., управл. имп. театр., т. CLXVIII, дек., 332—339.
 Боткинъ, Вас. Петр., писатель, р. 1811 † 1869 г. т. CLXVI, апр., 89.
 Боткинъ, Серг. Петр. проф., лейбъ-медикъ, † 1889 г., т. CLXV, янв., 38, т. CLXVIII, нояб., 313, 314, 315.
 Бродка, Бруно Генр., служ., экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 341.
 Бранловскій, С. Н., 1830 г., т. CLXCI, май, 272, 273, 276, 277.
 Брактеръ, докт. хирургъ 1861 г., т. CLXV, янв., 58.
 Фонъ Браденбургъ, Оскаръ, гор. голова, г. Бауска 1916 г., т. CLXV, янв. 115.
 Брандтъ, резидентъ въ Голландіи 1697 г., т. CLXVI, июнь, 322, 323, 327, 342, 343.
 Брандъ, В. Генр., служ. экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 341.
 Бранницкій, 1758 г., т. CLXV, февр., 284, 285.
 Брантъ, полковн. 1866 г., т. CLXV, янв. 65, 66, 67, 71.
 Брескъ, кап. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 404.
 Брикнеръ, проф., т. CLXV, янв., 136.

- Бринеръ, Ю. И. 1916 г., CLXVIII, нояб., 178, 179.
 Брокдорфъ, ген. 1756 г., CLXV, февр., 282.
 Бротьо, 1757 г., т. CLXV, февр., 278, 279.
 Бромзенъ, А. Густ., тов. управл. экспед. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 Брусиловъ, ген.-ад. 1916 г., т. CLXVII, окт., 69, 73, нояб., 177, 205, дек. 398, 400.
 Брюлловъ, Фед. Пав., художн. † 1869 г., т. CLXV, февр., 257, 260.
 Брюль, гр., т. CLXV, февр., 278, 279.
 Брянскій, В. Д., тов. москов. город. головы 1916 г., т. CLXVII, сент. 340.
 Будбергъ, баронесса 1881 г., т. CLXV, марта, 437.
 Будимличъ, сек.-маіоръ 1794 г., т. CLXVII, авг., 245, 246.
 Булаховъ, Пав. Петр., пѣвецъ † 1886 г., т. CLXV, янв., 28, т. CLXVIII, окт., 22.
 Булацель, Никол. Ильичъ, т. CLXV, мартъ, 518, 519, 520.
 Булацель, (графиня Остенбургская) т. CLXV, мартъ, 519.
 Булгаковъ, (Али-бей), предводит. яттин. дворянства 1860 г., т. CLXVII, сент., 424, т. CLXVI, окт., 140, 141, 145, 146.
 Булгаринъ, Фед. Венед., писатель, † 1859 г., т. CLXVI, май, 245, 247, 257, 266, 273, 276, 280, 281.
 Булыгина, Варв. Петр., т. CLXV, янв., 112.
 Булыгина, Марія Ив., воспит-ца великихъ князей, т. CLXV, янв., 112.
 Булюбашъ, Амалия Осип., т. CLXVIII, окт., 108.
 Булюбашъ, Валер. Алед., т. CLXVIII, окт. 108.
 Булюбашъ, Ольга Еремѣев., възам. Лисенко, т. CLXVIII, нояб., 253.
 Бунге, Никол. Христоф. мин. финанс., † 1895 г., т. CLXVI, май, 182.
 Бургавенъ, проф. 1697 г. т. CLXV, мартъ, 387.
 Буренинъ, публицистъ, т. CLXV, янв. 35, дек. 418.
 Бурова, врачъ 1916 г., т. CLXVII, авг., 284.
 Бутковъ, Вл. Петр. государст. секретарь † 1881 г., т. CLXV, февр., 294, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 305, 306, 307, 309.
 Бутовская, Анна Васил., рожд. Пешанская, т. CLXVIII, окт. 95.
 Бутовская, А. М., см. Богдановичъ.
 Бутовская, Варв. Ив., рожд. Козинецъ, т. CLXVIII, окт. 91, 93.
 Бутовская, Над. Григ., рожд. Ивахненкова, т. CLXVIII, окт. 101, ноябр. 232.
 Бутовская, Надежда Степ., рожд. фонъ-Райзеръ, т. CLXVIII, окт., 101, 103.
 Бутовская, Над. Яковл., во втор. бракъ Рейнботъ, † 1914 г., т. CLXVIII, нояб., 250.
 Бутовская, Наст. Петр., въ зам. Ивахненкова, т. CLXVIII, окт., 96.
 Бутовская, Ольга Дмит., въ зам. Коренева, т. CLXVIII, окт. 101, нояб., 230, 232, 233, 270, 271, 273.
 Бутовскіе, помѣщики, (свѣдѣнія о родѣ Бутовскихъ), т. CXVIII, окт. 86—114, нояб. 219—275.
 Бутовскій, А. Д., сообщ., „Въ родномъ гнѣздѣ“, т. CLXVII, сент., 364—373, т. CLXVIII, окт., 86—114, нояб., 219—275.
 Бутовскій, Алед. Ив., директ. деп. торговли 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 264, 265.
 Бутовскій, Алед. Юрьев., выходецъ изъ Молдавіи, родонач. фамилии Бутовскихъ, т. CLXVIII, окт. 86, 89, 90.
 Бутовскій, Алексѣй Степ., т. CLXVIII, нояб. 221, 222, 231.
 Бутовскій, Викт. Пав., директ. Строганов. учил. живописи, т. CLXVIII, нояб., 265.
 Бутовскій, Вл. Дм., историкъ, т. CLXVIII, нояб. 229, 230, 232.
 Бутовскій, Дм. Петр., р. 1805 г., † 1865 г., т. CLXVIII, окт. 93, 95, 109, нояб. 219, 232.
 Бутовскій, Евг. Дм., чиновн. мин. Гос. Им. † 1893 г., т. CLXVIII, нояб., 233.
 Бутовскій, Егоръ Ив., маіоръ, † 1855 г., т. CLXVIII, нояб., 236, 237, 239.
 Бутовскій, Ив. Григ., р. 1785 † 1870 г., т. CLXVIII, окт. 92, нояб., 261—272.
 Бутовскій, Мих. Петров., г.-м. † 1853 г., т. CLXVIII, нояб., 249.
 Бутовскій, Петръ Данил., 1801 г., т. CLXVIII, окт., 92.
 Бутовскій, Петръ Кирьков., † 1841 г., т. CLXVIII, окт., 92, 94, 95, 96, 101.

- Бутовскій, Петръ Мих., тов. мин. юстиц., † 1912 г., т. CLXVIII, нояб., 250.
- Бутовскій, Фед. Дм., † 1895 г., т. CLXVIII, окт., 101, нояб., 230, 232.
- Бутовскій, Юрій, молдавск. бояринъ, т. CLXVIII, окт., 90.
- Бутурлинъ, Петръ Пв., † 1724 г., т. CLXVI, июнь, 321.
- Бутырскій, цензоръ 1830 г., т. CLXVI, май, 258.
- Бушъ, В. П., д-ръ медиц. 1848 г., т. CLXV, февр., 289, 290.
- Бѣлинскій, Виссар., Григ., критикъ, † 1848 г., т. CLXVI, май, 276, т. CLXVIII, окт., 123.
- Бѣловъ, ген. 1916 г., т. CLXV, янв., 141, февр., 325.
- Бѣлосельскій - Бѣлозерскій, кн. шт.-ротмистръ. 1878 г., т. CLXV, мартъ, 433, 434.
- Бѣлуха - Кохановскій, т. CLXVIII, нояб., 225.
- Бѣлявскій, новгород. губерн. прокур. 1812 г., т. CLXVII, авг., 203, 205.
- Бѣляевъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
- фонъ - Бюнтингъ, арханг. губернат., т. CLXVIII, окт., 57.

В.

- Вагинъ, В., авт. ст. о Щаповыхъ 1889 г., т. CLXVI, июнь, 394, 395.
- Вагнеръ, композиторъ, т. CLXV, янв., 31, 32, 34, 36.
- Вайсбейнъ, М. А., т. CLXV, янв., 105.
- Валентинеръ, докт. 1861 г., т. CLXV, янв., 61.
- Валишевскія, пис. т. CLXVIII, нояб., 211.
- Валуевъ, Петръ Александ. мин. вн. дѣлъ † 1890 г., т. CLXV, февр., 299, 306, т. CLXVI, июнь, 346—365, т. CLXVIII, авг., 227.
- Валь, профес. 1877 г., т. CLXV, янв., 82.
- Вальтеръ, ливланд. ген.-суперинтенд. 1861 г., т. CLXVI, июнь, 353, 355, 356.
- Вамбери, профес., т. CLXVI, май, 195, 198.
- Ванновскій, Петръ Сем. воен. мин. 1881 г., т. CLXV, мартъ, 440, т. CLXVI, апр., 102, 103, 104, 105, 107, май, 179—181, 209—244.
- Вартенбургъ, Фел. Оскар., служ. экспедиц. заготовл. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Василевскій, эстлянд. вице-губернат. 1890 г., т. CLXVI, май, 232.
- Васильковскій, А. С., ген.-м. 1887 г., т. CLXV, февр., 369.
- Васильчикова, г-жа 1916 г., т. CLXVI, апр., 138.
- Васильчиковъ, 1878 г., т. CLXVI, июнь, 375, авг., 227.
- Васмундъ, полков. 1880 г., т. CLXV, февр., 373.
- Введенскія, А. И., т. CLXVIII, июль, 48.
- ванъ-Веде, 1697 г., т. CLXV, февр., 222.
- Ведель, гр. ген.-мар. 1890 г., т. CLXVI, май, 233.
- Везелевъ, 1704 г., „мастеръ“ рыбнаго дѣла, т. CLXV, янв., 126.
- Вейзляръ, Якобс. 1697 г., т. CLXV, февр., 203.
- фонъ-Вейхбрехтъ, г.-м. нач. астрахан. губерн. жандарм. управл., т. CLXVIII, окт., 57.
- Велецкій, генеральн. консулъ въ Санъ-Франциско, т. CLXV, мартъ, 518.
- Венгеровъ, С. А. писатель. т. CLXVI, май, 248, 254, 276.
- Венцель, ген. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 428.
- Вернадскій, Н. В., профес. 1849 г., т. CLXVI, май, 286.
- Верховскій, кор. „Рус. Слова“, т. CLXV, мартъ, 504.
- Веселаго, М., директ. товарищ. „К. Шнапъ и сыновья“, 1916 г., т. CLXV, янв., 151.
- Веселовскій, Конст. Степ., секрет. акад. наукъ, род. 1819 † 1901 г., т. CLXVIII, ноябр., 171, 172.
- Веселовскій, резидентъ въ Лондонѣ 1697 г., т. CLXV, июнь, 326.
- Вестманъ, чиновн. мин. вн. дѣлъ. т. CLXV, мартъ, 514.
- Видовъ, царскосельск. придворн. архитект., т. CLXV, янв., 114, т. CLXVI, апр., 108.
- Вилламовъ, Григ., дипломатъ, т. CLXV, мартъ, 514.
- Вилли, корректоръ. „Рус. Слова“, 1916 г., т. CLXVI, июнь, 414, 424—427.
- Виллярдъ, Ф., учредит.-ца О-ва „Всемирн. Союзъ“ резвости женшинъ, т. CLXV, мартъ, 460, 462.
- Вильгельмъ I, имп. германск., т. CLXV, мартъ, 440, 441, т. CLXVIII, окт., 5, 6, III, дек., 464.
- Вильгельмъ II, имп. герман. 1916 г., т. CLXV, февр., 362, мартъ, 440.

- 506, 507, т. CLXVI, май, 231, 232—242, т. CLXVII, авг. 282, сент. 356, 359, 362, т. CLXVIII, окт., 6, дек., 371, 377, 462.
- Вильгельмъ, король голланд. 1697 г., т. CLXV, февр., 222, т. CLXVI, апр., 5, 6, 7.
- Вильке, капит. 1916 г., т. CLXV, янв., 157.
- Вильгельсонъ, авт. соч. по хлопководству 1888 г., т. CLXV, май, 172.
- Вилькинсъ, натурал. 1782 г., т. CLXV, апр., 114.
- Вилькицкий, Борисъ Андр., изслѣдов. морск. пути Владивостокъ—Архангельскъ, т. CLXV, янв., 144, 145 т. CLXVII, июнь, 429, 430.
- де-Вильневъ, завѣд. Феодос. музеемъ 1860 г., т. CLXVII, сент. 420.
- Вильомъ, полковн. 1890 г., т. CLXVI, май, 233.
- Виниусъ, дьякъ т. CLXV, мартъ, 399, 407, 409, 416, т. CLXVI, апр., 95, 97.
- Виноградскій, Вл. Ник. р. 1843 † 1900 г., директ. реальн. учил. въ Екатеринб. и Астрахани, т. CLXVII, сент. 441-474, т. CLXVIII, окт. 123—131.
- Витбергъ, Ф. А., т. CLXVII, июль, 49.
- Витгенштейнъ, кн., ген.-м., 1881 г., т. CLXVI, апр., 108.
- Витгенштейнъ, Ник. Петр., 1848 г., т. CLXV, янв., 92.
- Витте, гр. Серг. Юл., мин. финанс. т. CLXVII, авг., 237, дек., 417.
- Виттинъ, ген.-адъютант. 1890 г., т. CLXVI, май, 233.
- Витценъ, Ник. бургом. г. Амстердама 1697 г., т. CLXV, февр., 197—221, мартъ, 393, 394, т. CLXVI, апр., 8, 9, июнь, 325, 337, 344, т. CLXVII, июль, 10.
- Вихерсъ, чл. собранія Генеральн. штатовъ Голланд. 1697 г., т. CLXV, февраля, 216.
- Віардо-Гарсія, Полина, цѣвница, 1860 г., т. CLXV, янв., 42.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. CLXV, февр., 373, 374, мартъ, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 440, т., CLXVI, апрѣл., 101, 105, 106, 107, 108, май, 216, 232, 233, 234, 236, 243, т. CLXVIII, нояб., 302.
- Владимірекій, проф., богословія, 1860 г., т. CLXIII, окт. 131.
- Вогюе, гр., т. CLXVLI, май, 199.
- Войковъ, Алек. Фед., т. CLXVI, май, 247.
- Вознесенскій, Г. Арс., жур-налистъ. 1916 г., т. CLXVII, авг., 314.
- Возницынъ, Прокоп. Богданов., канцлеръ 1697 г., т. CLXV, янв., 8, февр., 218, т. CLXVI, апр., 8, 14, Возницынъ, проф., 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
- Волкова, Анна Серг. 1848 г., т. CLXV, янв., 113.
- Волкова, Елис. Феодос., въ зам. Ушневичъ, т. CLXV, янв., 113.
- Волкова, Мар. Феодос., т. CLXV, янв., 113.
- Волковъ, А. Б., сенаторъ т. CLXVII, июль, 69.
- Волковъ, Алек. Павл., Полтавск., губернат. 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 229.
- Волконскій, кн., Мих. Андреев., стольникъ 1684 г., т. CLXV, февр., 317.
- Волконскій, кн. Петръ Мих., мин., двора, † 1852 г., т. CLXVII, июль, 63, т. CLXVIII, окт., 111.
- де Волланъ, Григ. Алек., писат., его „Очерки прошлаго“ т. CLXV, мартъ, 514—529, т. CLXVI, апр. 15—50, май, 315—317, июнь, 366—382.
- Волохинъ, И. П., членъ Херсон., уѣздн., управы 1889 г., т. CLXVII, июль, 87.
- Волуйскій, докт. 1916 г., т. CLXVII, авг., 271—272.
- Волькенштейнъ, гр., австр., посольт. т. CLXVI, май, 242.
- Вольноходовъ, А., общ. „Вильгельмъ I и Ф. 6. Радецкий“, т. CLXVIII, окт., 5—6.
- Вольфъ, бар., В., 1916 г., т. CLXV, февр., 322, 323.
- Воронецъ, 1889 г., т. CLXVI, май, 206.
- Вороновъ, Пав. Ник., ген. лейт., т. CLXVI, май, I, II.
- Воронцовъ, Елизавета Роман., фрейлина 1762 г., т. CLXV, февр., 282, 284, 285.
- Воронцова, княгиня, т. CLXVIII, окт., 134.
- Воронцовъ, Мих. Иллр. канцл. 1758 г., † 1767 г., т. CLXV, февр., 284.
- Воронцовъ, кн. Мих. Сем., новорос. ген. губ., † 1856 г., т. CLXVII, сент., 415, 435, 436.
- Воронцовъ, кн., С. М., ген.-м., команд., л.-гв. Преображен. резервн., полка 1854 г., т. CLXV, янв., 46, 47.
- Воронцовъ-Вельямпиновъ, 1864 г., т. CLXVI, июнь, 351.

- Воронцовъ - Дашковъ. гр. Пл. Ив. ген., ад. нач., штаба гвард. корп., 1869 г., посл. управл. Коннозав., позднѣе мин. высоч. двора, т. CLXV., янв., 73, 77. февр., 366, 367, 368, мартъ, 437, дек., 477.
- Воротниковъ, Вл. С. уполномоч. мин-ва землед., по воен. заготовкамъ. 1916 г., т. CLXVIII. окт., 33.
- Воскресенскій. Б. Д., инж., путей сообщ., 1916 г., т. CLXV. февр., 352. т. CLXVI. июнь. 414, 424—427.
- Воутеръ-де-Йонгъ, негоціантъ 1697 г., т. CLXV, янв., 20, 21.
- Врангель, бар. Никол. Никол., писатель, †1915 г., т. CLXV, янв. I—VIII.
- Врангель, бар., ген., 1890 г., т. CLXVI, май, 238.
- Вревскій, бар., г.-л., Туркестан. ген., губернат., 1890 г., т. CLXVI. май, 229, 230.
- Вреденъ, Эдг. Роб., служ., экспедиц. заготовл., Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV. февр., 344.
- Врублевскій. юристъ. т. CLXVII, сент., 303.
- Вульфбергъ, подполков., 1869 г., т. CLXV, янв., 73, мартъ. 525.
- Вульфъ, А. Н., 1830 г., т. CLXVI. май, 246, дек., 465.
- Вышнеградскій. Ив. Алексѣев., мин., финанс., т. CLXVI. май, 215, 219, дек., 417.
- Вышнеградскій. Ник. Алексѣев., проф., т. CLXVII, июль. 144, 145.
- Вяземскій. кн. Петръ Андр., академикъ, р. 1792†1878 г., т. CLXVI. май, 246, 247, 252—266, т. CLXVII. авг., 206. т. CLXVIII. ноябр., 171, 172.
- Вяльцева, Анаст. Дм., пѣвица. т. CLXV. янв., 41.

Г.

- Гавриилъ, архіеп. вологодск., 1701 г., т. CLXVIII, нояб. 284.
- Гагаринъ, кн., Гавр. Петр., 1797 г., т. CLXVI. июнь. 391.
- Гагаринъ, кн. С. С., 1832 г., т. CLXVI. май, 290.
- Гаевскій. Викт. Павл., писат. † 1888 г., т. CLXVI. май, 248, 258, т. CLXVIII. дек., 414, 417.
- Газенкамиръ, ген. 1900 г., т. CLXVI, июнь. 423.
- Гайдебуровъ, литерат., 1878 г., т. CLXVIII. дек., 414.
- Гайдуконъ, В. сообщ. „Изъ разеказовъ объ архіерей Сма-рагдѣ“, т. CLXVII, авг., 171—174.
- Галаховъ, камергеръ 1871 г., т. CLXVIII. ноябр., 311.
- Галезовскій, окулистъ 1889 г., т. CLXVIII, дек., 455.
- Галионка, кап. 1803 г., т. CLXVIII. нояб. 260.
- Галлеръ, пасторъ 1915 г., т. CLXV. янв., 162.
- Гамазовъ, М. А., т. CLXVIII. дек., 431.
- Гомильтонъ, полковн. 1697 г., т. CLXV, мартъ. 398, 406, 408, 415, 416, 420, 421, 424, т. CLXVI, апр., 95, 96, май, 293, 298, 299, 300.
- Ганнеке, ген.-ад. 1890 г., CLXVI. май, 233.
- ванъ-Гаренъ, 1697 г., т. CLXV, февр., 222.
- Гармензоонъ, Вильг. 1697 г., т. CLXV, янв., 16.
- Гарновскій, архитект. 1835 г., т. CLXV, февр., 257, 260.
- Гарсія, учит. пѣнія, 1860 г., т. CLXVIII, дек., 436.
- Гартанъ, лейбъ-мед. 1860 г., т. CLXVIII, окт., 134.
- Гартвичъ, послан. въ Болгарію 1915 г., т. CLXV. мартъ. 517, 518, т. CLXVII. сент. 331.
- Гартманъ, лейбъ-мед. 1860 г., т. CLXVII, сент. 408.
- Гартцукеръ, астрономъ 1697 г., т. CLXV, февр., 204, 205.
- Гарусовъ, проф. 1848 г., т. CLXVI. май, 287.
- Гасселькустъ, служ. въ эспедиція заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- де-Гверенъ, полуполковн. 1701 г., т. CLXVII, авг., 179.
- Геггардъ, по 2 мужу Ростъ, т. CLXV, февр., 265.
- ванъ-Гессе, гл. собранія Генеральныхъ штатовъ Голланд. 1697 г., т. CLXV, февр., 216.
- ванъ - Гейденамъ, механикъ 1697 г., т. CLXV, февр., 212.
- ванъ-деръ-Гейденъ, 1697 г., т. CLXV, февр., 219, т. CLXVI. июнь. 325.
- Гейденъ, гр. ген., ад. 1861 г., т. CLXV, янв., 62.
- Гейнеманъ, Эля Эрнестова. 1916 г., т. CLXV, февр., 335.
- Георгіевъ, Евлогій, болгарскій дѣят., т. CLXVI, апр., 18.
- Георгіевская, † 1848 г., т. CLXV, февр., 292, мартъ. 454.
- Георгіевскій, А. сообщ. „Мои воспоминанія и размышленія“.

- т. CLXV. февр. 286-293, мартъ, 454—459, т. CLXVI, апр., 88—92, май, 282—292.
- Георгиевскій, Васил., т. CLXV, мартъ, 455.
- Георгиевскій, Дм., т. CLXV, мартъ, 454, 455.
- Георгій, Конисскій, архіеп. моголевскій, т. CLXVI, июнь, 474.
- Гентнеръ, Алфр. Ром., служ. въ экспедиц. заготовк. госуд. бумагъ, 1916 г., т. CLXV, февр., 311.
- Гербель, С. Н., гл. Госуд. Сов. 1889 г., т. CLXVII, июль, 87.
- Герингросъ, тов. мин. Госуд. Имущ. 1864, т. CLXVI, июнь, 356.
- Герценъ, Алед. Ив., писатель, † 1870 г., т. CLXV, янв., VI.
- Герцъ, бар., мин. герца голитинскаго 1897 г., т. CLXVI, июнь, 319, 320, 326, 342.
- Гершельманъ, служ. въ экспедиц. заготовк. госуларства, бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр. 344.
- Гершензонъ, М., сообщ.: „Письмо Н. Н. Раевского старшаго“, т. CLXVIII, нояб., 292.
- Гессе, пасторъ въ Леввѣ 1915 г., т. CLXV, янв., 162.
- Гетлихъ, служ. въ экспедиц. заготовк. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Гецъ, Бр., 1916 г., т. CLXVII, авг., 273.
- Гиллембургъ, т. CLXVI, июнь, 326.
- Гильденштуббе, ген.-ад., команд. московск. воен. округа 1867 г., т. CLXV, янв., 65, 66.
- Гинденбургъ, ген. 1916 г., т. CLXVII, июль, 110, т. CLXVIII, дек., 366.
- Гинтеръ, Анна Дм., 1878 г., т. CLXVIII, дек., 413.
- Гирсъ, Ник. Карл., мин. ин. дѣлъ, т. CLXV, мартъ, 514, 516, т. CLXVI, апр., 108, 111, май, 184, 208, 209, 211, 213, июнь, 369, 375, 376.
- Гирсъ, Ф. К., 1860 г., т. CLXVIII, окт., 137.
- фонъ-Гиршъ, нач. астрахан. порта, т. CLXVIII, окт., 57.
- Гитманъ, Марія, 1697 г., т. CLXV, янв., 15.
- Гіельтъ, А., проф. 1910 г., т. CLXVI, июнь, 419.
- Глазенавъ, Эмил. Амосов., рожд. Моллеръ, т. CLXV, янв., 92.
- Глазенавъ, нач. Черноморскаго флота, 1860 г., т. CLXVII, сент., 423.
- Глазуновъ, композит. 1916 г., т. CLXVIII, окт., 36.
- Глезеръ, пасторъ 1916 г., т. CLXVII, сент., 343.
- Глинка, Мих. Нв., композит. † 1857 г., т. CLXV, янв., 41, 42.
- Глинка, Фед. Ник., писат., † 1880 г., т. CLXVI, май, 248.
- Глинка, ген.-ад. 1888 г., т. CLXVI, май, 233.
- Глѣбова, артистка. Ея воспоминанія, т. CLXVI, июнь, 464—469, т. CLXVII июль 22—32, авг. 161—170, сент. 375—382, т. CLXVIII, окт. 7—16, нояб., 164—170, дек., 323—339.
- Глѣбовъ, И. Т., т. CLXV, февр., 290, 291, 292.
- Глѣбовъ, 1861 г., т. CLXV, февр., 303.
- Гнѣдичъ, Ник. Ив., писат., † 1833 г., т. CLXVI, май, 248.
- Гогель, жена управл. Парск. Селомъ, т. CLXV, февр., 265, мартъ, 427.
- Гогенлоэ, кн., 1891 г., т. CLXVI, май, 241.
- Гоголь, Ник. Вас., писатель, † 1852 г., т. CLXVI, май, 248, 273, июнь, 392, 393, т. CLXVII, авг., 193.
- Гоголь, поруч. 1863 г., т. CLXV, янв., 56.
- Голенищевъ-Кутузовъ, гр., ген.-м., 1890 г., т. CLXVI, май, 232, 239.
- фонъ-Голц. Густ. Густ., служ. въ экспедиц. заготовк. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Голиковъ, Нв. Ив., писат., † 1801 г., т. CLXV, янв., 6.
- Голицынъ, кн. Вас. Вас. † 1713 г., т. CLXV, янв., 132, 133, февр., 310, 318, мартъ, 398, 400, 404, 405, 416, 420, т. CLXVI, апр., 94, 95.
- Голицынъ, кн., Григ. Серг., сенат. 1889 г., т. CLXVI, май, 229.
- Головачева-Панаева, А. Я., авторъ воспоминаній, т. CLXVIII, окт., 21.
- Головачевъ, т. CLXVII, авг., 226, 230.
- Головинъ, гр., Фед. Алексѣев., намѣстн. Сибири † 1706 г., т. CLXV, янв., 7, 8, 9, 14, февр., 206, 217, 218, т. CLXVII, авг., 177, 179, 183, 185, 187.
- Головкинъ, гр., Гавр. Нв., канцл., † 1731 г., т. CLXV, янв., 8, февр., 205, т. CLXVI, апр., 5, 7, 8, 12, июнь, 321, 340.
- Головкинъ, гр., Мих. Гавр., † 1755 г., т. CLXV, янв., 8.
- Головкинъ, Алек. Вас., мин. нар. просв., † 1886 г., т. CLXV, февр., 306, 307, т. CLXVI, июнь, 358.

- Гололобовъ. Краснояр. губернат. 1916 г., т. CLXVI, апр., 135.
- Голохвастовъ, Петръ, ротмистръ 1697 г., т. CLXV, мартъ. 412
- Голубковъ, гл. Петрг. город. управы 1916 г., т. CLXVI, июнь. 401.
- фонъ-Гольбергъ, гр., коменд., г. Риги 1697 г., т. CLXV, янв., 10.
- Гольдманъ, Янъ Юрьевъ, депутаты. 1916 г., т. CLXVII, июль. 119—124, т. CLXVIII, нояб., 163.
- Гольдштейнъ, I. M., профес., 1916 г., т. CLXVI, июнь, 456—459.
- Гольстъ, полковн., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 425.
- Гомлиусъ, т. CLXV, янв., 151.
- Гончаровъ, Ив. Алек., писат., т. CLXVIII, дек., 310—342.
- Гончарова, Ек. Ник., т. CLXVIII, дек., 465—466.
- Гончаровъ, С. С., предсѣд. Киевск. судебн., палаты. 1875 г., т. CLXVII, июль, 65, 66.
- Гоофтъ, Герритъ, бургом., г. Дельфта 1697 г., т. CLXVI, июнь. 322, 344.
- Горбатовскій, ген. 1916 г., т. CLXV, мартъ, 478.
- Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ. т. CLXVIII, нояб., 281.
- Гордонъ, Алек.†1752 г., т. CLXV, янв., 130, 134.
- Гордонъ, Екат., въ зам. Штрасбургъ, во 2 бракѣ Гордонъ, т. CLXV, янв., 134.
- Гордонъ, Марія, рожд. Огильви, т. CLXV, янв., 130.
- Гордонъ, Марія, зъ зам. Крауфурдъ, во 2 бракѣ Снивинсъ, т. CLXV, янв., 134.
- Гордонъ, рожд. Бокховень, †1687 г., т. CLXV, янв., 131, 134.
- Гордонъ, рожд. Ронаэръ, т. CLXV, янв., 134.
- Гордонъ, Патрикъ, ген., рус., службы, р. 1635†1699 г., его дневникъ, т. CLXV, янв., 129—139, февр., 310—319, мартъ, 397—426, т. CLXVI, апр., 93—98, май, 293—303, дек., 469—477., упом., янв., 9, апр., 13.
- Гордонъ, Тома,†1750 г., т. CLXV, янв., 129, мартъ. 399.
- Гордонъ-Гунтли (Яковъ) богословъ†1620 г., т. CLXV, янв., 129.
- Горлэвъ, проф., 1848 г., т. CLXVI, май, 287, 288.
- Горностаевъ, проф., архитект., т. CLXV, янв., 114.
- Гортынскій, Г. Н., сообщ. „Описание губерни., гор. Могилева“. т. CLXVI, 472—474.
- Горчаковъ, кн., Алек. Мих. канцл.,†1882 г., т. CLXV, февр., 248, мартъ. 514. 520. 524. т. CLXVI, июнь, 376, т. CLXVII, сент., 427.
- Горяевъ, т. CLXVIII, окт., 127, 131.
- Гоутманъ, Заандамск., негоцианта 1627 г., т. CLXV, янв., 20, 21.
- Гофманъ, М. Л., т. CLXVI, май. 246, 248.
- Градовскій, Алек. Дм., проф., †1891 г., т. CLXVII, авг., 225.
- Градовъ-Соколовъ, артистъ, т. CLXVIII, дек., 339.
- Грановскій, Тим. Ник., проф., †1855 г., т. CLXVI, апр., 88.
- Грезининъ, Аванасій, подполковн. 1685 г., т. CLXVI, апр., 96.
- фонъ-Грехамъ, гр., ген.-м. 1685 г., т. CLXVI, май, 299.
- Гречъ, Никол. Ив., писат.,†1867 г., т. CLXVI, май, 245, 247, 251, 252, 273, 280.
- Григоровичъ, Вас. Ив., конференц. секрет. акад. худож., 1829 г., р. 1787†1865 г., т. CLXVI, май, 311, 312, июнь, 393.
- Григоровичъ, журнал., 1916 г., т. CLXVIII, окт., 79.
- Григорьевъ, Н. Г., предсѣд. миров. съѣзда 1889 г., т. CLXVII, июль, 88.
- Гридневъ Ф. Я., 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Гродековъ, ген. м., губернат. Сыр-Дарьинской обл. 1885 г., т. CLXVI, апр., 109, 111. май, 177, 192.
- Громовъ, Васил. Федулов., т. CLXV, февр., 263.
- Громовъ, Федулъ Григ., т. CLXV, февр., 257, 263.
- Гросъ, пасторъ 1916 г., т. CLXVII, авг., 275.
- Гротгусъ, бар., 1916 г., т. CLXVII, сент., 327.
- Гротенгельмъ, ген.-м. 1882 г., т. CLXVI, апр., 110. май, 188.
- Гротъ, Як. Карл., акад.,†1893 г., т. CLXVI, май, 312.
- Грузенбергъ, адвокат., т. CLXVII, сент., 388.
- Грузиновъ, 1916 г., т. CLXVII, сент., 340.
- Грузинцевъ, В. П., сообщил., Казанская старина. Павелъ I въ „Козмодемьянскъ“. т. CLXVI, ан., 244—246.

Губастовъ, К. А., дипломатъ, т. CLXVIII, окт., 28.
 Губонинъ, 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 313.
 Гудимъ-Левковичъ, т. CLXVIII, нояб., 226, 211.
 Гулица, полковн., 1685 г., т. CLXVI, апр., 96.
 ванъ-деръ Гультъ, 1697 г., т. CLXV, янв., 14, февр., 199.
 Гурко, Иосифъ Вл. Варшав. ген-губ., т. CLXV, янв., 77, 78, 79, 81, февр., 367, 371, 372, 373, т. CLXVI, май, 244.
 Гуро, ген. француз. службы 1916 г., т. CLXVIII, окт., 39, 40.
 Гурьевъ, Иркутск. исправн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425—433.
 Гутманъ, 1916 г., т. CLXV, янв., 145.
 Гуцаловскій, Е. Ф., ст.-сов. 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 204.
 Гучковъ, Н. П., т. CLXVII, сент., 340.

Д.

Давыдова, Марія Антон., 1850 г., т. CLXV, мартъ, 430.
 Давыдовъ, Алед. Львов., т. CLXVIII, нояб., 292.
 Давыдовъ, Денисъ Вас., поэтъ, поручикъ, †1839 г., т. CLXVI, май, 248, 249, 310, т. CLXVIII, нояб., 270.
 Давыдовъ, проф., т. CLXVIII, дек., 341.
 Давыдовъ, К. Ю. виолончелистъ, 1870 г., т. CLXVIII, дек., 452.
 Дамъ, Янъ, штурманъ 1697 г., т. CLXV, февр., 203.
 Дандевиль, ген. 1878 г., т. CLXVI, апр., 17, 24, 37.
 Данилевскій, Григ. Петр., писатель, †1890 г., т. CLXV, янв., I.
 Даниловъ, В. П., ген. 1890 г., т. CLXV, янв., 53—59, т. CLXVI, май, 238.
 Данилъ, княжичъ, черногорскій т. CLXVIII, окт., 28.
 Дантесъ-Геккернъ, 1835 г., т. CLXVIII, дек., 465, 466.
 Дароганъ, Анна Мих. нач-ца Николаевск. инст., † 1875 г., т. CLXVII, сент., 404.
 Даргомыжская, Людм. Серг., т. CLXV, янв., 26.
 Даргомыжская, Соф. Серг., см. Степанова.
 Даргомыжская, Эрминія Серг., т. CLXV, янв., 26, 29.

Даргомыжская, рожд. княжна Козловская, т. CLXV, янв., 26.
 Даргомыжскій, Алед. Сергѣев., кампозит., †1869 г., т. CLXV, янв., 25—44.
 Даргомыжскій, Викт. Серг., CLXV, янв., 26.
 Даргомыжскій, С. Н., присяжн. стряпчій 1865 г., т. CLXV, янв., 26.
 Даргомыжскій, Эрастъ Серг., т. CLXV, янв., 26.
 Дассанжъ, аббатъ, т. CLXV, янв., 105.
 Даугель, служ. въ экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 Деконоръ, Алед. Алед., т. CLXVIII, нояб., 253.
 Деллигегаузенъ бар., 1916 г., т. CLXV, янв., 154.
 Дельбе, проф. 1916 г., т. CLXV, янв., 143.
 Дельвицъ, бар., Ант. Ант., писат., † 1831 г., т. CLXVI, май, 245—281.
 Деляновъ, гр. И. Давид. мин. нар. проsv. т. CLXVI, апр., 69, 70, 71.
 Дерфельденъ, Вил., ген.-отъ квал. 1790 г., т. CLXVII, июль, 37.
 Деспотъ-Зиновичъ, кяхтинскій градонач. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425.
 Дессауеръ, 1916 г., т. CLXV, февр., 349.
 Десятревъ, смотрит. конюшенъ въ Царск. Селѣ † 1853 г., т. CLXV, февр., 258.
 Дзабановскій, секретарь новорос. ген. губ. 1860 г., т. CLXVII, сент., 416.
 Дибичъ, Забалканскій, град. Пв. Пв., † 1830 г., т. CLXVIII, окт., 111.
 ванъ-Динтеръ, Фридр., гофмейст. двора въ Голландіи 1697 г., т. CLXV, янв., 194, 195.
 Дитмаръ, чл. Гос. Сов., 1916 г., т. CLXV, мартъ, 503.
 Дмитріевъ, Пв. Пв. мин. юстиц. писат., † 1837 г., т. CLXV, янв., 109, май, 290.
 Дмитріевъ, Радко ген. 1916 г., т. CLXV, февр., 343, мартъ, 477, т. CLXVI, апр., 154, т. CLXVII, июль, 112, 126, т. CLXVIII, окт., 54—57.
 Долгорукій, кн., 1860 г., т. CLXVII, сент., 435.
 Долгорукій, кн., т. CLXV, февр., 264.

Долгорукій, кн. воен. агентъ въ Германіи 1882 г., т. CLXV, мартъ, 441.

Долгорукій, кн. Нв. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 321.

Долгорукова, княжна, Ек. Мих., (княгиня Юрьевская), т. CLXVII, сен., 411, 414, 419, 422, 435.

Долгоруковъ, кн., Гринг, посоль въ польск. дворъ, 1701 г., т. CLXVII, авг., 176, 177.

Долгоруковъ, кн., Вл. Андр., москов. ген.-губ., † 1890 г., т. CLXVI, май, 180.

Долгоруковъ, кн. Яковъ 1697 г., т. CLXV, янв., 8, т. CLXVI, июнь, 321.

Доманскій, поруч. 1914 г., т. CLXV, янв., VIII, т. CLXVI, июнь, 403.

Домерчнковъ, 1878 г., т. CLXVI, апр., 41.

Домонтовичъ, 1878 г., т. CLXVI, июня, 376.

Дондуковъ - Корсаковъ, князь, Ал. Мих., главнонач. на Кавказѣ, 1882 г., т. CLXVI, апр., 101, 103, май, 217, т. CLXVII, июль, 66.

Дорнъ, академикъ 1861 г., т. CLXVIII, нояб., 171, 172.

Дорошевичъ, В. М., журналистъ, 1916 г., т. CLXVII, сент., 317, т. CLXVIII, дек., 399.

Дохтуровъ, Дм. Серг., ген. 1878 г., т. CLXVI, апр., 34, 45, 46, май, 315, июнь, 366, т. CLXVII, нояб., 260, 269.

Драшусовъ, Алед. Ник., т. CLXV, мартъ, 457.

Дрентельнъ, ген.-м. 1863 г., т. CLXV, янв., 52, 53.

Дрессенъ, служ. въ экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.

Друммондъ, ген.-лейт. 1685 г., т. CLXVI, апр., 97.

Дунинъ, А., т. CLXVII, июль, 49.

Дурново, Н. Н., мин. вн. дѣлъ 1894 г., т. CLXVI, май, 214, т. CLXVII, авг., 233.

вант-дёръ, Дусъ, т. CLXV, февр., 215, 216.

Духонинъ, полковн., т. CLXV, февр., 356.

Дѣевъ, Филиппъ, стольникъ 1684 г., т. CLXV, февр., 317.

Дюбюкъ, А. И., т. CLXV, мартъ, 455.

Е.

Евлановъ, врачъ 1863 г., т. CLXV, янв., 57.

Евренновъ, практ. 1863 г., т. CLXV, янв., 57.

Европеусъ, Алед. Нв., т. CLXV, янв., 113.

Егоровъ, корресп. „Нов. Врем“, т. CLXVIII, окт., 53.

Егузинскій, И. Н., 1916 г., апр., 139.

Едемскій, П., сообщ. „Александръ I въ Архангельскѣ“, т. CLXVII, июль, 146—149.

Езучевская, Марія Лукининн., т. CLXVIII, 273.

Екатерина I, императрица, † 1727 г., т. CLXV, янв., 115, т. CLXVI, июнь, 320—345.

Екатерина II, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. CLXV, янв., VI, 111—118, февр., 264, 278, 279, 280, 281, 282, 283, мартъ, 523, т. CLXVI, апр., 79, 81, май, 285, июнь, 383, 462, 473, т. CLXVII, июль, 61, 63, авг., 217.

Екатерина Павловна, королева вюртембергская, † 1819 г., т. CLXVII, июль, 6.

Елена Георгиевна, принцесса Саксенъ - Альтенбургская, т. CLXV, янв., 42.

Елена Павловна, Великая кн. † 1873 г., т. CLXV, янв., 42, 92, т. CLXVI, апр., 69.

Еленевъ, Ѳ., т. CLXV, февр., 296, 297.

Елисавета Алексѣевна, Императрица, † 1826 г., т. CLXV, янв., 109.

Елисавета Петровна, Императрица † 1761 г., т. CLXV, янв., VII, февр., 271, 277, 283, мартъ, 430, т. CLXVI, июнь, 474.

Елисеевъ, почт. чиновн. 1916 г., т. CLXV, февр., 323.

Енохинъ, лейб.-хвр. 1839 г., т. CLXVI, июнь, 473.

Ермолаевъ, М. А., Казанск. гор. гол. 1798 г., т. CLXVII, авг., 245.

Ермолова, Ек. Петр., т. CLXVI, апр., 89, 90.

Ершовъ, пѣвецъ, т. CLXV, янв., 31.

Ефремовъ, П. А., т. CLXVII, июль, 48, 49, 50, т. CLXVIII, дек., 414.

Ешевскій, проф., т. CLXVI, апр., 90, 92, май, 287.

Ж.

Ждановъ, сен. 1864 г., т. CLXVII, июль, 150.

Желябовъ, 1881 г., т. CLXVII, июль, 81.

Жемчужникова, 1888 г., т. CLXVI, май, 207.
 Жербинъ, Ф. П., т. CLXV, мартъ, 435.
 Жилинскій, ген. 1916 г., т. CLXVII, авг., 278.
 Жомини, бар., Алекс. дипломат. † 1888 г., т. CLXV, мартъ, 514, 520
 Жуковскій, Вас., Андр., писат., † 1852 г., т. CLXV, янв., 5. т. CLXVI, май, 246. т. CLXVIII, окт., 17.
 Жуковскій, губернат. 1860 г., т. CLXVII, сент., 416. т. CLXVIII, окт. 154.
 Жуковъ, Вас. Григ. спб. гор. гол., т. CLXV, янв., 111, 116, 117, мартъ, 429.
 Жуковъ, Мих. Мих., астрах. губернат. съ 1781 по 1786 г., т. CLXV, янв., 127, 128.
 Жулева, артистка. т. CLXVIII, дек., 339.
 Журинъ, артистъ. т. CLXVIII, дек., 339.

З.

фонъ-Заленъ, полковн. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 404.
 Загоскинъ, Мих. Ник., писатель, † 1852 г., т. CLXV, янв., IV, т. CLXVI, май, 276.
 Зайцевскій, 1829 г., т. CLXVI, май, 249.
 Закревскій, гр. Арс. Андр., москов. ген.-губерн. т. CLXV, февр., 289, т. CLXVIII, нояб., 292.
 Залитъ, И. П., латышск. депутат. 1916 г., т. CLXVIII, июль, 118.
 Залѣсскій, В., сообщ.: „Казанскіе лашманы“, т. CLXVII, авг., 247—260.
 Замковъ, Н., сообщ.: „Къ исторіи Литературной газеты“ барона А. А. Дельвига, т. CLXVI, май, 245—281.
 Заринъ, Серг. Мих., проф. петрогр. духовн. акад. 1916 г., т. CLXV, янв., 97, 105.
 Засыпкинъ, купецъ, т. CLXVI, апр., 79.
 Захаржевская, Анна Вас., т. CLXV, февр., 265, 269.
 Захаржевская, Елена Вас., въ зам. Чулкова, т. CLXV, февр., 266.
 Захаржевскій, Яковъ Васил. ген. управ. Царск. Селомъ съ 1818 по 1865 г., т. CLXV, февр., 257, 259, 265—269, мартъ, 427.
 Звегинцевъ, лифляндск. губер. 1916 г., т. CLXVIII, окт. 81.

Здоровой, Харлампій Данил., директ. Хорольск. уѣзд. учил. 1830 г., т. CLXVIII, окт. 99, 100.
 Зедделеръ, бар. ген.-м. 1877 г., т. CLXV, янв., 79.
 Зедергольмъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
 Зейби, докт. 1916 г., т. CLXVI, май, 306.
 Зеленой, воен. агентъ въ Константиноп. 1878 г., т. CLXVI, апр., 34, июнь, 366, 375.
 Земцевъ, архитект. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 337.
 Зилотти, пианистъ 1916 г., т. CLXVIII, окт. 36.
 Зиновьевъ, В. В. ген.-ад., гоф-марш. 1887 г., т. CLXV, февр., 369.
 Зиновьевъ, нач. Азіатск. депар. 1836 г., т. CLXV, май, 184.
 Змачинскій, юриста, т. CLXVII, сент. 393.
 Змѣевъ, Венедиктъ Андр., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400, 415, т. CLXVI, апр., 95.
 Знаменскій, т. CLXVI, июнь, 397.
 Зотовъ, Вл. Рафаил. 1878 г., т. CLXVIII, дек., 412—419.
 Зофироуло, Илья Пв. исправн. 1860 г., т. CLXVII, сент. 415, 416, 435.
 Зубковъ, В. М., 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
 Зубовичъ, артистъ, 1860 г., июль, 33.
 Зубовскій, М. И., юристъ 1897 г., т. CLXVII, сент. 387.

И.

Иваницкій, полковн. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 409, 412.
 Иванова, Мира Мих., сестра милосердія † 1915 г., т. CLXV, янв., 159, т. CLXVI, июнь, 418.
 Иванова, Надежда Никол., Фрейлина 1855 г., т. CLXV, янв., 113, февр., 259.
 Ивановъ, И. М., севастоп. гор. голова 1860 г., т. CLXVIII, окт., 144.
 Ивановъ, кишиневскій исправникъ 1878, т. CLXV, мартъ, 526.
 Ивановъ, ген.-ад. 1916 г., т. CLXV, февр., 356, 357.
 Ивановъ, ген.-м., воен. губернат. фергамск. обл. 1884 г., т. CLXVI, май 174, 178, 181.
 Ивахненкова, Н. Г. см. Бутовская.
 Ивахненковъ, Григ., Ив., помѣщикъ, 1834 г., т. CLXVIII, окт. 96.

- Ивковъ, капит. 1881 г., т. CLXV, мартъ, 437.
- Игнатъевъ, Г. А., 1873 г., т. CLXVI, июнь, 362, 363.
- Игнатъевъ, гр., ген.-м. свиты 1878 г., т. CLXV, мартъ, 434.
- Игнатъевъ, гр., Никол. Павл., мин. вн. дѣль, 1881 г., т. CLXV, февр., 250, мартъ, 523, т. CLXVI, апр., 108, май, 175, 180, 181, 182, 183, т. CLXVII, июль, 128.
- Измайловъ, Алекс. Ефим. баснописецъ † 1831 г., т. CLXVI, май, 277.
- Измайловъ, А. П., посолъ въ Копенгагенъ 1701 г., т. CLXVII, авг., 186.
- Икскуль, гр., ген.-м. 1891 г., т. CLXVI, май, 241, 242.
- Иловайскій, Пантелейм. Алед., т. CLXV, мартъ, 518.
- Ильяшенко, Варв. Степ., рожд. Щербина, т. CLXVIII, нояб., 287, 291.
- Имеретинскій, кн., ген.-ад. 1887 г., т. CLXV, февр., 372, 373, мартъ, 432, т. CLXVI, апр., 101, май, 241.
- Изовъ, ген. 1812 г., т. CLXVIII, нояб., 269.
- Инокентій, Гизель, архим. † 1685 г., т. CLXVI, май, 297.
- Инокентій, архiep. камчатскій, въ посл. митроп. москов., т. CLXVI, июнь, 391—399.
- Иполитовъ, Ив., дьяк. 1685 г., т. CLXVI, май, 298.
- Исаевъ, докт. 1830 г., т. CLXVIII, окт., 99.
- Исаковичъ, оф. 1878 г., т. CLXVI, июнь, 367, 368.

I.

- Иоаннъ Грозный, царь, † 1584 г., т. CLXV, янв., 123, мартъ, 393.
- Иоаннъ Алексѣевичъ, царь, 1696 г., т. CLXV, янв., 132, февр., 310, 317.
- Ивановичъ, сербскій министр, 1878 г., т. CLXVI, апр., 26, 27.
- Ионинъ, Алед. Семен., генеральн. консуль въ Рагуль, т. CLXV, мартъ, 515, 516, 517, 520, 524, т. CLXVI, июнь, 376.
- Юоръ, Алевинъ Виллемзонъ, бургомистръ Заандама 1697 г., т. CLXV, янв., 18, 19.
- Иорданскій, corresp. „Рус. Слова“, 1916 г., т. CLXV, мартъ, 488.

K.

- Каваллини, Генриэтта въ зам. Кальцолари, т. CLXVIII, нояб., 277, 282, 283.
- Каваллини, преподават. театр. учил. въ Сиб., 1856 г., т. CLXVIII, ноябр., 277.
- Кавелинъ, Конст. Дм., проф. писат., † 1885 г., т. CLXVI, июнь, 473, т. CLXVII, авг., 227.
- Казанскій, П. С., проф. москов. духовн. духовн. акад. 1865 г., т. CLXVIII, нояб., 195.
- Казанцевъ, нач. Чарджуйск. гарнизона 1887 г., т. CLXVI, май, 195.
- Кайданова, 1830 г., т. CLXVI, май, 270.
- Кайзерлингъ, гр., митавск. предвод. дворян. 1874 г., т. CLXV, янв., 153, 154.
- Каладинскій, Семень, стольникъ 1685 г., т. CLXVI, апр., 96.
- Калатузовъ, В. П., студентъ. 1858 г., т. CLXVI, июнь, 396.
- Калбасинъ, управл. Ливадией, 1860 г., т. CLXVII, сент., 406.
- Калединъ, ген. лейт. 1916 г., т. CLXV, февр., 356, т. CLXVIII, нояб., 215.
- Калимахи, жинд.-полков. 1860 г., т. CLXVIII, окт., 140.
- Калита, Ив. Данил., вел. князь москов., т. CLXVII, июль, 41.
- Калмыковъ, предсѣд. Киевск. палаты уголов. и гражд. суда, 1865 г., т. CLXVII, июль, 65.
- Калмыковъ, директ.-Сиб. 1-й гимназии 1848 г., т. CLXVII, июль, 153.
- Кальфъ, Корнелій, коммерсантъ въ Заандамъ 1697 г., т. CLXV, янв., 6, 19, 21, февр., 213, мартъ, 395, т. CLXVI, апр., 9, 11, 12, июнь, 325, 328, 329, 343.
- Кальцолари, Генриэтта, см. Каваллини.
- Кальцолари, Генрихъ, пѣвецъ р. 1823, † 1888 г., т. CLXVIII, нояб., 276—283.
- Камбуровъ, архитект., т. CLXVI, июнь, 472.
- Каннинъ, адм. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 438.
- Канкринъ, гр., 1855 г., т. CLXVII, сент., 435.
- Кантакузинъ, Ив., полков. 1789 г., т. CLXVII, июль, 37.
- Канистъ, гр., директ. Азіатск. деп., т. CLXV, мартъ, 520.
- Канриви, германск. канцл. 1890 г., т. CLXVI, май, 233, 236, 240.

- Каразовскій, Морицъ, биограф., Шопена, т. CLXVIII, окт., 17.
- Карамзинъ, Никол. Мих., историограф. † 1826 г., т. CLXVI, май, 245, 246, 254, 255, т. CLXVIII, дек., 341.
- Каратыгинъ, П. П., историкъ и романистъ, т. CLXVIII, дек., 412—424.
- Карчановъ, Н. О., т. CLXVIII, дек., 454.
- Кардинаалъ, Якобсонъ, кораблестроит. 1697 г., т. CLXV, февр., 203.
- Карель, лейбъ-мед. 1860 г., т. CLXVII, сент. 408, т. CLXVIII, нояб., 307, 308.
- Карлыгофъ, Елисавета Алексеевна т. CLXV, февр., 288, мартъ, 437.
- Карлъ XII, Кор. шведскій, т. CLXVI, июнь 319, 474.
- Кармартенъ, маркизъ, адм. 1697 г., т. CLXVI, апр., 6.
- Каррингтонъ, учитель 1873 г., т. CLXVI, июнь, 361.
- Карцевъ, П. П., полковн. 1858 г., т. CLXV, янв., 51, мартъ, 523, 524.
- Карцевъ, дипломатъ, 1877 г., т. CLXV, мартъ, 520, т. CLXVI, апр., 27, 31, июнь, 369, 370, 374.
- Карцевъ, шт. кап., 1885 г., т. CLXVI, май, 178, 179.
- Касторскій, пѣвецъ, т. CLXV, янв., 31.
- Катенинъ, Пав. Алел., писат., † 1855 г., т. CLXVI, май, 248, 249.
- Каткова, въ зам. книг. Шаховская, т. CLXV, мартъ, 516.
- Катковъ, Мих. Никиф., публицистъ, † 1887 г., т. CLXV, февр., 287, 288, мартъ, 515, 517, т. CLXVI, май, 180, 186, 283, 286, июнь, 346—365, т. CLXVII, авг., 230, 231.
- Катуаръ, Л. Л., гласн. москов. думы 1916 г., т. CLXVII, сент. 340, 341.
- Кауфманъ, Конст. Петр., турк.-ст. ген.-губ., † 1882 г., т. CLXVI, май, 177, 187, 213, 219.
- Кафтанниковъ, Н., сообщ., „Три записки Н. А. Некрасова (1821—1911) т. CLXVIII, окт. 115—116.
- Каченовскій, Мих. Троф., историкъ, † 1842 г., т. CLXVI, май, 253, 255, 257.
- Кашкинъ, книгопрод. 1842 г., т. CLXV, 85.
- Квитницкій, оф. л.-гв. Конноартил. бригады 1873 г., т. CLXVI, июнь, 360.
- Келеповская, сестра. милосерд. 1916 г., CLXV, мартъ, 486.
- Келлеръ, бар. Дм. Егор., † 1838 г., т. CLXV, янв., 138, 139.
- Келлеръ, гр., ген. 1878 г., т. CLXVI, май, 315—317, июнь, 366, 367.
- Кене, бар., оф. 1877 г., т. CLXV, янв., 81., 83.
- Кенпель, Арнольдъ, бургом. г. Амстердама 1697 г., т. CLXVI, июнь, 322.
- Керенскій, членъ госуд. Думы 1916 г., т. CLXV, февр., 334, т. CLXVIII, дек., 349.
- Кибальчичъ, 1831 г., т. CLXVII, июль, 81.
- Кибальчичъ, педагогъ. 1860 г., CLXVIII, окт. 127, 130, 131.
- Кизеветтеръ, А., 1916 г., т. CLXVII, авг., 203, 204, 205, 206.
- Кинъ, г.-жа, авт. запис. „Семь лѣтъ при германск. дворѣ“, т. CXVII, авг., 282, 283.
- Кипренскій, Орестъ Адам., † 1836 г., художникъ, т. CLXV, янв., VII.
- Кирьякова, М. О., см. Богдановичъ.
- Кирьяковъ, Адамъ Алексѣев., помѣщ. † 1848 г., т. CLXVII, сент. 366, т. CLXVIII, нояб., 254, 255.
- Кирьяковъ, Алексѣй Степ., т. CLXVIII, июль, 254.
- Кирьяковъ, Григ. Степ. 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 224, 225, 226.
- Киріаковъ, М. М., сообщ. „Свидѣтельство, данное Н. Ю. Аксакову дворянами Ольвиоп. уѣзда“, т. CLXVII, июль, 36—38.
- Кирьяковъ, Петръ, т. CLXVII сент. 369.
- Кирѣевъ, т. CLXV, мартъ, 520, 521.
- Кистъ, Гарриъ, 1697 г., т. CLXV, янв. 13, 18.
- Кистяковскій, проф., т. CLXVII, июль, 84.
- Клейнмихель, гр., Петръ Андр., главноупр. пут. сообщ. г.-ад., † 1869 г., т. CLXV, февр., 257, 260.
- Клейнъ, служ. эксед. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Клименко, кап. 1803 г., т. CLXVIII, нояб., 260.
- Ключарева, В. П., сообщ. „Воевода Путникъ, генералиссимусъ сербскихъ войскъ“, т. CLXVI, май, 313. „Тому сто лѣтъ“, т. CLXVII, авг., 243.
- Кнеллеръ, Готфр., художн. 1700 г., т. CLXVI, апр., 7.

- Княжевичъ. Антоннъ Дм. т. CLXVIII, окт. 134, 139.
- Кобеко. Дм., сообщ.: „Письмо директора Царкосельскаго лицея Малиновскаго объ открытіи лицея“. т. CLXV, янв., 108—110. „Письмо П. А. Плетнева къ В. И. Григоровичу“. т. CLXVI, май. 311—312. упом. янв., 138.
- Кобылинъ. О. А., тов. прок. 1869 г., т. CLXVI, апр., 73.
- Ковальскій, 1880 г., т. CLXVII, июль. 81.
- Кодинецъ. Варв. Ив., см. Бутовская.
- Кодинецъ, Дм. Фед. т. CLXVIII, окт., 91.
- Кожевниковъ, тов. город. головы въ Ташкентъ. 1882 г., т. CLXVI, апр., 113.
- Кожуховъ, корреспонд. 1916 г., т. CLXVI, апр., 137.
- Казарскій. 1829 г., т. CLXVI, май, 249.
- Козенъ. Евг. Фед., рожд. Бистромъ, т. CLXV, янв., 92, 93, 99, 106, февр., 235.
- Козенъ, поруч. л.-гв. Преображен. полка 1854 г., т. CLXV, янв., 47.
- Козловская. княжна, см. Даргомыжская.
- Козловскій. Карлъ Андреев., губернёръ 1848 г., т. CLXV, февр., 286, 287.
- Козловъ, П. И., писат. † 1840 г., т. CLXVI, май, 248.
- Козловъ, поруч. 1863 г., т. CLXV, янв., 52, 53, 59.
- Козубскій, т. CLXV, янв., 137.
- Кокоревъ. М. М., 1878 г., т. CLXVI, июнь, 363.
- Кокоулинъ. К., 1858 г., т. CLXVI, июнь, 396.
- Кокшкннъ. чиновн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 433.
- Колесниковъ, купецъ 1798 г., т. CLXVIII, авг., 246.
- Колпаковскій. ген. 1890 г., т. CLXVI, май, 230.
- Колычевъ, капит. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 422.
- Кольбергъ. Э. И., преподаватель. 1916 г., т. CLXVII, июль. 97.
- Кольцова. Анисья Вас., т. CLXV, янв. 85.
- Кольцовъ, Алексѣй Васил., писат., † 1842 г., т. CLXV, янв., 84—88.
- Колубакинъ, А. М., консулъ въ Ванъ. т. CLXVIII, окт., 25—29, дек., 460—464.
- Комаровская, гр-ня, фрейлина 1863 г., т. CLXV, янв., 52.
- Комаровскій, гр., 1878 г., т. CLXVI, июнь, 370, 371.
- Комаровъ, Алед. Виссар, нач. Закасп. обл. 1886 г., т. CLXVI, апр., 35, 36, 37, 43, май. 177, 184, 217, 220, 221, 223.
- Комиссаржевскій, пѣвецъ. т. CLXV, янв., 28.
- Кондогури, кап. лейт. Ялтнн. городнич. 1860 г., т. CLXVII, сент., 409.
- Кони, Анат. Фед., сообщ.: „Памяти барона Н. Н. Врангеля“, т. CLXV, янв., I—VIII, 172.
- Кониковъ, Е. А., 1966 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Конингъ, Як., ученый 1697 г., т. CLXV, февр., 213.
- Коновницынъ, гр., 1878 г., т. CLXVI, апр., 29, 42.
- Константинъ Николаевичъ вел. князь, † 1892 г., т. CLXV, янв., 52, т. CLXVI, апр., 73, июнь, 353, 358, т. CLXVII, сент., 405, 406, 407, т. CLXVIII, окт. 135, 137, 138, 148, 150, дек., 338.
- Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, т. CLXV, янв., 112, февр., 258, т. CLXVII, авг., 244.
- Коренева, О. Д., см. Бутовская.
- Кореневъ, Алед., Васил., т. CLXVIII, окт. 101.
- Кореневъ, Никол. Васил., т. CLXVIII, нояб., 225.
- Корончунскій, Григ. Карпов., полков., 1697 г., т. CLXV, мартъ. 328, 405.
- Корсаковъ, ген. губ. восточн. Сибири 1866 г., т. CLXV, янв., 62.
- Корсунецъ, Семень, полковн. 1685 г., т. CLXVI, май, 295.
- Корсунъ, чиновн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Кордъ, гр., Мод. Андр., директ. публ. библ., † 1876 г., т. CLXVII, авг., 228.
- Корфъ, П. Л., т. CLXVII, авг., 232.
- Коръ-де Ласъ, музыкантъ. т. CLXVIII, дек. 447.
- Космусъ, Петръ, капит., т. CLXV, мартъ, 105.
- Коссаковскій, тов. предѣд. суда въ Вильно. 1897 г., т. CLXVII, сент., 385, 386.
- Коста, скульпн., 1860 г., т. CLXVIII, окт. 22.
- Котляревскій. Мих. Мих., сенат. 1916 г., т. CLXVII, сент., 390, 391.

- ванъ Коувентгоузенъ. Ант. 1697 г. т. CLXV, янв. 16.
- Кохъ. Германъ Ант., 1916 г. т. CLXVIII, дек. 367.
- Конецбу, гр., П. Е., варшавск. воевод. поворог. ген. губ., 1879 г., т. CLXVIII, окт., 5, 137, 140, 144, 147, 151, 155, нояб., 303, 304.
- Кочубей, кн. Левъ Викт., полтав. преда. дворян. 1858 г. т. CLXVIII, ноябр., 223, 227.
- Кочульскія дочери гр. С. П. Румянцева. т. CLXVII, июль, 62.
- Кошкарева. Марія, т. CLXV, янв., 30.
- Кошкаревъ. Мих., т. CLXV, янв., 29, 10.
- Краевскій, Антр. Алесд. журналнсть, † 1889 г., т. CLXVI, май, 245.
- Крамержъ, Анна, фрейлина 1694 г., т. CLXVI, июнь, 327.
- Крамскій, художн., т. CLXVIII, дек., 340.
- Красикова, жена. Царско-сельск. полицеймейст., т. CLXV, февр., 264.
- Краснокутскій, ген.-ад. 1878 г., т. CLXV, мартъ, 432.
- Крауфурдъ, Даниль, капит. 1690 г., т. CLXV, янв., 134.
- Крауфунрдъ, Марія, см. Гордонъ.
- Крейсъ, (Cruys), Корнелій, т. CLXV, февр., 210.
- Крестовниковъ, коммерсантъ 1916 г., т. CLXVII, авг., 299.
- Крещенко-Кравченко, Пав., рядовой 1916 г. т. CLXVIII, окт., 39.
- Кривошеинъ, мин. пут. сообщ. 1894 г., т. CLXVI, май, 244.
- Кривцовъ, сенат. 1916 г., т. CLXVII, июль, 143, авг., 319, т. CLXVIII, окт., 38.
- Кропъ, адм. 1824 г., т. CLXV, мартъ, 428.
- Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ † 1844 г., т. CLXVI, май, 248.
- Крымскій, Дм., 1860 г., т. CLXVIII, окт. 126, 127.
- Крюгеръ, Вас. Вильгельм., служ. въ эскадр. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Кенидавелоннсть, мужъ Бозю, т. CLXVIII, окт., 20.
- Ксюнинъ, корреспондентъ. 1916 г. т. CLXV, мартъ, 478, 485, т. CLXVIII, дек. 369, 375, 385, 396, 404.
- ванъ Кугоорнтъ, ниж. ген. 1697 г. т. CLXV, февр., 222, 223.
- Кудреватовъ, С. К., ниж. пут. сообщ. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 415.
- Кулрявцевъ, Петръ Ник., профес. т. CLXV, мартъ, 455, т. CLXVI, апр., 88, 89, 90, май, 289.
- Кудряшовъ, прапорщ. † 1916 г., т. CLXVI, апр., 124.
- Кузьминскій, оф. 1878 г. т. CLXVI, апр., 41, 42, 44.
- Кузьминъ, сенат., 1916 г., т. CLXVII, авг., 304, сент. 343.
- Куликовъ, 1860 г., т. CLXVIII, окт. 22.
- Кулишъ, П., 1861 г., т. CLXV, февр., 298.
- Кумани, тн. сов., 1765 г., т. CLXV, янв., 123.
- Кунцкій, Стеф., гетм. польск. казаковъ 1697 г., т. CLXV, мартъ, 398.
- Кунцынъ, профес. 1811 г., т. CLXV, янв., 110.
- Куракина, княг., гофмейстерина, 1887., т. CLXV, февр., 369.
- Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокур. 1797 г., т. CLXVIII, окт. 120, 121.
- Куракинъ, кн. Борисъ Пв. дипломатъ, † 1727 г., т. CLXV, янв., 8, февр., 295, т. CLXVI, июнь, 319, 322, 326, 329, 332, 340, 342, 344.
- Курбатовъ, Алексѣй, маршалокъ 1696 г., т. CLXVIII, ноябр. 299, 300.
- Курдюмовъ, corresp. „Нов. Врем.“, т. CLXVIII, нояб., 205.
- Курзакъ, лейт.-лейт. 1882 г., т. CLXVI, апр., 102, 103, 104.
- Куропаткинъ, Алексѣй Ник., ген., 1916 г., т. CLXVI, май 217, июнь, 454.
- Курочкинъ, писат., т. CLXVIII, дек., 412—413.
- Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., гофмарш. 1798 г., т. CLXVII, авг., 244.
- Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих., Цлар., фельдмарш. р. 1745 † 1813 г., т. CLXVIII, нояб., 269.
- Кутузовъ, ген.-м. 1860 г., т. CLXVII, сент., 427.
- Кушелева - Безбородко, т. CLXV, февр., 264.
- Кушелевъ, ген. 1798 г., т. CLXVII, авг., 244.
- Кюи, Цезарь Ант., компознт., 1916 г., т. CLXV, янв., 31, 32, 34, 38, 40, 41.

- Кюхельбекеръ. представит. об-ва 1886 г., т. CLXVII, сент. 342.
- Лабунскій, восп. сбб. 1-й гимн. 1818 г., т. CLXVII, июль. 157.
- Лаврентьевъ. 1878 г., т. CLXVI, апр., 35.
- Лавровъ, ген.-м. 1877 г., т. CLXV, янв., 80.
- Ладыженскій, секрет. диплом. агенства въ Константинополь 1878 г., т. CLXVI, июнь. 369.
- Лажечниковъ, Пв. Ив., писат., † 1869 г., т. CLXV, янв., IV.
- Лалаевъ, М. С., т. CLXVIII, окт., 17, нояб., 281, 282, дек., 454.
- Ламедорфъ, гр., дипломатъ. т. CLXV, мартъ, 517.
- Ланаръ, И., чиновн., 1860 г., т. CLXVII, сент., 421, 422.
- Лангенбекъ, проф. мед., 1861 г., т. CLXV, янв., 61.
- Ланская, Варв. Пв., рожд. кн. Одолевская, р. 1800 † 1844 г., т. CLXVI, май. 258.
- Ланской, гр. Серг. Степ., мин. вн. дѣлъ. † 1862 г., т. CLXV, февр., 299.
- де-Ласси, Казанск. воен. губернат. 1798 г., т. CLXVII, авг., 244.
- Ланцинскій, А. С., сообщ.: „Петръ Великій Императоръ Россіи въ Голландіи и въ Заандамъ въ 1697 и 1717 г.г.“, т. CLXV, янв., 5—24, февр., 193—223, мартъ, 387—396., т. CLXV, апр., 5—14, июнь, 319—345. „Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I въ Голландіи и Саардамъ“. т. CLXVIII, июль, 3—21.
- Лачинова, Ек. Петр., т. CLXV, февр., 290.
- Левашова, Елис. Стен., т. CLXV, февр., 290.
- Левашовъ, Конст. Алекс., ст. сов. 1848 г., т. CLXV, февр., 290.
- Левинъ, Я. М., 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Левкѣва, артистка, т. CLXVIII, дек., 339.
- Ледоховскій, кардиналъ. т. CLXV, янв., 149.
- ванъ-Лейвенчукъ, ученый, т. CLXV, мартъ, 387.
- Лейкенъ, Янъ, художн. 1697 г., т. CLXV, февр., 200.
- фонъ-Лейцигеръ, астрахан. город. голова, т. CLXVIII, окт., 57.
- Леманъ, Ром. Робер., служ. экон. заготовл. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Лемке, М. К., писатель, т. CLXVI, май. 248.
- Лемкеръ, чл. собранія Генеральн. штатовъ Голланд. 1697 г., т. CLXV, февр., 216.
- Леммъ, эстлянд. суперинтендентъ 1915 г., т. CLXV, янв., 162.
- Ленскій, артистъ 1860 г., т. CLXVII, июль, 33.
- Леонова, Дарья Мих. пѣвица. т. CLXV, янв., 28.
- Леонтьева, Марія Павл., статск. дама, начальница Смольн. инст., т. CLXV, янв., 112, т. CLXVII, сент. 404.
- Леонтьевъ, Пав. Мих. профес., т. CLXV, мартъ, 455, 456, 457, 458, 459, т. CLXVI, апр., 88, май, 233.
- Леонтиѣ, бывший баронъ фонъ-Вимпфенъ, еписк. Эриванскій. 1916 г., т. CLXVI, апр., 131.
- Лернеръ, Н. О. сообщ. „Къ портрету Бонапарта“, т. CLXVI, май, 310. „Письмо Н. В. Гоголя В. П. Григоровичу“, июнь. 392, 393. „Вѣнокъ на гробъ Пушкина“, июль, 48—58.
- Лерхе, Г. Г., камергеръ, 1916 г., т. CLXV, мартъ, 503.
- Лестоковъ, гр., лог., лейбъ-хирургъ. † 1767 г., т. CLXVI, июнь, 327.
- Лефортъ, Францъ Яковл., † 1699 г., т. CLXV, янв., 7, 8, 131, 132, февр., 196, 207, 214, 217, 218, т. CLXVI, апр., 5, 9, 14, т. CLXVII, авг., 180.
- Лечицкій, ген. 1916 г., т. CLXVIII, окт. 83, ноябр., 214, дек., 410, 411.
- Ливень, кн., Карлъ Андр., мин. нар. проsv., † 1845 г., т. CLXVI, май. 249, 259, 260, 261, 264, 266, 267, 268, 269, 278, 279, 281.
- Ливень, ген. 1756 г., т. CLXV, февр., 272, 275.
- Ливень, кн., 1874 г., т. CLXV, янв., 152.
- Лидеревъ, ген. 1860 г., т. CLXVIII, ост. 145.
- Лильфельдъ, - Тоаль, см. гр-ня Ранцау.
- фонъ-Лильфельдъ - Тоаль, архангельск., вице - губернат., т. CLXVIII, окт., 57.
- Лимониусъ, врачъ 1916 г., т. CLXVII, авг., 275.
- Линдсей, Джемсъ, 1685 г., т. CLXVI, май, 293, 300.
- Линко, чиновн., 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425, 431, 433.
- Линская, артистка, т. CLXVIII, дек., 334.
- Лисенко, Виталий Романов., т. CLXVIII, нояб., 253.
- Лисенко, Ник. Вит., композит., т. CLXVIII, нояб., 253.
- Лисенко, Мих. Захар., г.-маир. † 1855 г., т. CLXVIII, нояб., 249.

- Листовъ, протоіер., т. CLXVII, авг., 245.
- Личицкій, ген. 1916 г., т. CLXVIII, дек., 410, 411.
- Лишинъ, офиц., 1878 г., т. CLXV, мартъ, 526, т. CLXVI, апр., 15, 20, 31, 33, июнь, 372.
- Ловичъ, княгиня Жанетта Ант., супруга цес. Константина Павловича, т. CLXV, февр., 257, 258.
- Логадинъ, оф. 1916 г., т. CLXVII, июль, 130.
- Логиновичъ, медиц. инспект. въ Ташкентъ † 1888 г., т. CLXVI, май, 207, 208.
- Логофетъ, корреспонд. 1916 г., т. CLXVI, май, 307, т. CLXVII, авг., 276, т. CLXVIII, окт., 6, 3.
- Ломновскій, ген.-м. 1916 г., т. CLXV, февр., 356.
- Лонгиновъ, Инк. Мих., кол. сов. 1815 г., т. CLXVI, июнь, 462.
- Лопиталь, маркизь, французск. послан. 1757 г., т. CLXV, февр., 277, 279.
- Лопухина, Анна Никол., помѣщица 1797 г., т. CLXVI, июнь, 383—391.
- Лоспицкій, полковн. 1685 г., т. CLXVI, май, 295.
- Лохвицкій, т. CLXVI, апр., 90.
- Львовъ, кн., Г. Е., предсѣд. всерос. земск. союза 1916 г., т. CLXVII, июль, 137.
- Льбимовъ, Л. Н., инж., путей тообщ. 1916 г., т. CLXV, февр., 352.
- Львовицкій, флигель-ад. 1877 г., т. CLXV, янв., 78, 80.
- Льбомирскій, кн., могилев., предвод. дворян. 1860 г., т. CLXVI, июнь, 474.
- Людекъ, Христіанъ Фридрихъ, садоводъ 1765 г., т. CLXV, янв., 119—123.
- Люгъ, учитель 1848 г., т. CLXVII, июль, 151.
- Лялинъ, корреспондентъ „Нов. Времени“ 1916 г., т. CLXV, февр., 325, мартъ, 484.
- Лярскій, М. П., полковн. команд., 3-го батал. Преображенск. полка 1854 г., т. CLXV, янв., 46.
- Ляховъ, ген. 1916 г., т. CLXVII, авг. 317.
- Мазена, гетманъ, † 1709 г., т. CLXV, мартъ, 398, 399, т. CLXVIII, дек., 471.
- Майдель, бар., предвод. Эстлянд. дворян. 1890 г., т. CLXVI, май, 232.
- Майдель, бар., ген.-лейт., 1863 г., т. CLXV, янв., 53, 54, 55.
- Майковъ, П. М., сообщ. „Дневникъ Патрика Гордона“, т. CLXV, янв., 129—139, февр., 310—319, мартъ, 397—426, т. CLXVI, апр., 93—98, май, 293—303, „О портретѣ фельдмарш. гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго“, т. CLXVII, июль, 59—63.
- Майманъ, комерсантъ 1916 г., т. CLXV, февр., 341.
- Макензенъ, фельдмарш. 1916 г., т. CLXV, февр., 321, 349, 350, 353, т. CLXVII, июль, 110.
- Маклаковъ, В. А., депутатъ 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 173.
- Максимовичъ, М. А., 1831 г., т. CLXVI, май, 257.
- Максимовичъ, офиц. 1878 г., т. CLXV, мартъ, 526, 529, т. CLXVI, апр., 15, 20.
- Максимовскій, ген. - лейт. 1890 г., т. CLXVI, май, 221.
- Макъевъ, П. Н., 1916 г., т. CLXVIII, окт., 42.
- Малиновская, т. CLXVIII, дек., 413.
- Малиновскій, В. Ѳ., директ., лицей 1811 г., т. CLXV, янв., 108—110.
- Малиновскій, Ив. Васил., воспит. лицей, 1811 г., т. CLXV, янв., 109.
- Малновскій, Пав. Ѳед., т. CLXV, янв., 109.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н., писат., т. CLXVIII, дек., 412—420.
- Мансуровъ, Г., т. CLXV, 30.
- Манасенъ, мин., юстиц. 1889 г., т. CLXVII, июль, 86.
- Мантейфель, бар. Георгъ 1916 г., т. CLXV, мартъ, 484.
- Мансыревъ, кн., С. П., депутатъ 1916 г., т. CLXVII, июль, 116, 118, 119, т. CLXVIII, окт., 58, нояб., 205.
- Мантейфель, бар., депут. 1916 г., т. CLXVII, июль, 120, 121.
- Мантейфель, гр., Э. Э., землевлад. 1916 г., т. CLXVII, июль, 104.
- Маньковскій, юристъ 1916 г., т. CLXVII, сент., 387.
- Маріо, пбвецъ, 1860 г., т. CLXVIII, окт. 19, 20.
- Марія Александровна, императрица, † 1880 г., т. CLXV, янв.,

М.

- Магалифъ, врачъ 1916 г., т. CLXVI, апр., 149.
- Магницкій, Мих. Леонт., попечит. Казанск. учеб., окр., † 1855 г., т. CLXVI, май, 287, июнь, 363.

- 68, 82, февр., 264, мартъ, 430, 523, т. CLXVII, сент., 408—440, т. CLXVIII, окт., 132—156, нояб., 281, 302—319, дек., 426.
- Марія Александровна, вел. княжна, въ зам. герцогиня Эднбургская, т. CLXVII, сент., 408, 411, 422, т. CLXVIII, окт., 139, 146, нояб., 302—319.
- Марія Павловна, вел., княгиня, т. CLXV, мартъ, 437, т. CLXVIII, дек., 343.
- Марія Θεодоровна, императрица, † 1828 г., т. CLXV, янв., 113, 116, февр., 259, т. CLXVI, июнь, 383, т. CLXVII, сент., 405.
- Марія Θεодоровна, императрица 1880 г., т. CLXV, мартъ, 433—435, т. CLXVI, май, 180, 219, 229, 241, т. CLXVIII, нояб., 302.
- Маркевичъ, т. CLXVIII, нояб., 226, 227.
- Маркелъ, архіеп., Вологодскій, (XVII вѣкъ), т. CLXV, мартъ, 535—536.
- Маркова, Вѣра, сестра милосерд., 1915 г., т. CLXV, янв., 167.
- Марковъ, чл. Гос. Думы 1916 г., т. CLXVII, авг., 241.
- Марковъ, ген.-м. 1916 г., т. CLXV, февр., 356.
- Мартенсъ, чл., суда 1897 г., т. CLXVII, сент., 390.
- Мартыновъ, Алек. Евстаф., артистъ, † 1860 г., т. CLXVIII, окт., 22, дек., 439.
- Мартыновъ, И. И., директ. депорт., просвѣщ. 1811 г., т. CLXV, янв., 103.
- Масленниковъ, депут. 1916 г., т. CLXVII, июль, 114.
- Масловичъ, Вас. Григ., баснописецъ, изд., журн. „Харьковск. Демократъ“ р. 1793—1841 г., т. CLXVI, май, 251, 252.
- Масловъ, В. И., т. CLXVI, май, 273.
- Матвѣевъ, Андр., 1697 г., т. CLXV, янв., 8.
- Матвѣевъ, полковн., помощн. нач-ка окружн. штаба 1882 г., т. CLXVI, апр., 112.
- Матвѣевъ, художн., 1697 г., т. CLXVI, июнь, 337.
- Матвѣенко, поруч., 1867 г., вполн., фл., ад., т. CLXV, янв., 68.
- Маура, керресп. „Вечерн. Врем.“, 1916 г., т. CLXVII, авг., 303, сент., 337, т. CLXVIII, окт., 61, нояб., 178.
- Мацкевичъ, Л., вольноопред., 1916 г., т. CLXVI, апр., 153.
- Межениновъ, полков., 1863 г., т. CLXV, янв., 57, 66.
- Меерманъ, историкъ, 1697 г., т. CLXV, февр., 207.
- Мееровичъ, С., юристъ, т. CLXVII, сент., 393.
- Меетье, Арриенъ, корабельн. плотникъ 1697 г., т. CLXV, янв., 15.
- Мейендорфъ, бар., депутатъ 1916 г., т. CLXVII, июль, 116, 117, 118, 119, 127, авг., 273, 276, т. CLXVIII, дек., 349.
- Мейерсонъ, 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Мейманъ, Эрнстъ, ученый, т. CLXVII, авг., 196.
- Мелега, Е., сообщ., „Императорская фамилія въ Крыму“, т. CLXVII, сент., 405—440, т. CLXVIII, окт., 132—156, нояб., 302—319.
- Мельба, арт-ка, 1895 г., т. CLXVIII, окт., 36.
- Мельгунова, Натал. Алексѣев., рожд. Георгіевская, т. CLXV, февр., 286, 287, 290, мартъ, 455, т. CLXVI, май, 282.
- Мельгуновъ, Алек., Стоп., т. CLXVI, май, 282.
- Мельгуновъ, Алексѣй Ив., 1797 г., т. CLXVI, июнь, 390.
- Мельниковъ, дипломатъ 1878 г., т. CLXV, мартъ, 514, 520, 523, т. CLXVI, июнь, 375, 376.
- Мельниченко, В., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 396.
- Менгденъ, полковн., 1697 г., т. CLXV, февр., 310, мартъ, 409, 418, 420, т. CLXVI, май, 293—300, т. CLXVIII, дек., 473, 475.
- Меньшиковъ, кн., Алек. Данил., † 1729 г., т. CLXV, янв., 8, 14, февр., 196, 205, 207, т. CLXVI, апр., 5, июнь, 340, т. CLXVII, июль, 147, авг., 186.
- Мережковскій, С. И., чиновн., придворн., вѣд., завѣд., хозяйств., частью въ Ливадіи 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 303.
- Мерзляковъ, Н. И. Херсонск. прокур., 1889 г., т. CLXVII, июль, 86.
- Мерингъ, служ., экспедиц., заготовл. Госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Меркурьевъ, художн., 1697 г., т. CLXVI, июнь, 337.
- Мерцаловъ, В., сообщ.: „Мямоходомъ“, т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Мечниковъ, Илья Ильичъ, † 1916 г., т. CLXVIII, дек., 346.
- Мещерская, княгиня, т. CLXVIII, окт., 134.

- Мещерскій, кн., Вл. Петр., писат., т. CLXVI, апр., 40, май, 180.
- Мещерскій, кн., 1878 г., т. CLXVI, июнь, 363.
- Мзура, журналистъ 1916 г., т. CLXVIII, дек., 368.
- Миклашевскій, сенат., 1812 г., т. CLXVII, авг., 201, 207.
- Миланъ, Кор. Сербии, т. CLXV, янв., 74, т. CLXVIII, нояб., 302.
- Миллеръ, завѣд., казнач., частью походы, канцел., т. CLXVII, сент., 418.
- Миллеръ, О. Ѳ., профес. † 1889 г., т. CLXV, мартъ, 521, 522.
- Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., † 1825 г., т. CLXVI, июнь, 462, т. CLXVIII, нояб., 269.
- Милордовъ, оф., 1878 г., т. CLXVI, апр., 43, 44.
- Милославскій, Борись Дм., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400.
- Милославскій, Нв. Мих., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400.
- Милославскій, Ник. Карлов., артистъ, т. CLXVIII, дек., 331.
- Мицкевичъ, Никол. Осипов., помѣщ., 1830 г., т. CLXVIII, окт., 99, нояб., 253.
- Милюковъ, Пав. Ник., депутатъ 1916 г., т. CLXVII, июль, 114, 115.
- Милютинъ, гр., Дм. Алексѣев., † 1912 г., воен., мин., т. CLXV, янв., 62, 65, февр., 368, 372, мартъ, 435.
- Милютинъ, Ник. Алексѣев., тов., мин-ра вн., дѣлъ, р. 1818 г. † 1872 г., т. CLXV, февр., 295.
- Милютинъ, депутатъ 1916 г., т. CLXVII, июль, 127, 128, 129.
- Минихъ, Бурх. Христ., фелдм. † 1767 г., фельдмарш., т. CLXV, янв., 12.
- Мироновъ, адвокатъ 1897 г., т. CLXVII, сент., 388.
- Митчель, адм., 1697 г., т. CLXVI, апр., 5, 6, 7.
- Митусовъ, С. Н., сообщ., „Копія съ собственноручной записки имп. Александры I“. т. CLXVII, сент., 374.
- Митусовъ, Новгород., губернат. 1802 г., т. CLXVII, сент., 374.
- Миханлъ Александровичъ, вел., князь, т. CLXVI, июнь, 449, 451.
- Миханлъ Николаевичъ, вел. князь, намѣстн., кавказскій, † 1909 г., т. CLXVI, апр., 105, май, 238, 243, т. CLXVIII, окт., 134, 141, 149, 150, нояб., 302.
- Миханлъ Павловичъ, великій князь, † 1849 г., т. CLXV, янв., 112, февр., 264, т. CLXVI, май, 284, т. CLXVII, июль, 59, 60, 61, т. CLXVIII, окт., 101.
- Михайловъ, врачъ 1916 г., т. CLXVI, апр., 149.
- Мицкевичъ, Адамъ, писатель † 1855 г., т. CLXVII, авг., 193.
- Мицкевичъ, повстан., 1863 г., т. CLXV, янв., 53, 54.
- Могила, Андрей казацк. гетманъ 1697 г., т. CLXV, мартъ, 398, 406, 411, 417, 423, 424, т. CLXVI, май, 294—299.
- Моласъ, А. Н., см., Пургольдтъ, т. CLXV, янв., 38.
- Моллеръ, Эмил. Антонов., см. Глазенапъ.
- Моллеръ, Ѳ. А. художн. † 1875 г., т. CLXV, янв., 92, 93, февр., 231.
- Монигетти, архитект. 1860 г., т. CLXVII, сент., 406.
- Монтеверде, 1878 г., т. CLXVI, апр. 37, июнь, 376.
- Мордвиновъ, гр., 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 313.
- Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, писатель, т. CLXVIII, дек., 412—424.
- Морель, г-жа, т. CLXV, янв., 152.
- Музаловъ, кап. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 405.
- Муравьевъ - Амурскій, Нялай Никол., † 1881 г., т. CLXVI, июнь, 394, 398, т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Муравьевъ - Вилескій, Мих. Ник., † 1866 г., т. CLXVI, июнь, 350.
- Муравьевъ, гр., Н. Л., москов. губернат. 1916 г., т. CLXVII, сент. 340.
- Мурашевъ, Харлампій, священ. 1858 г., т. CLXVI, июнь, 399.
- Мурзановъ, П. А., сообщ.; „О постройкѣ въ г. Орлѣ храма во имя Св. Павла“, т. CLXVIII, окт. 120—122.
- Мусоргскій, Мод. Петр., композиторъ, † 1881 г., т. CLXV, янв., 32, 33.
- Мустафинъ, В. сообщ.; „Письма М. И. Каткова къ П. А. Валуеву“, т. CLXVI, июнь, 346—365.
- Мушь, Генрихъ, 1697 г., т. CLXV, янв., 21.
- Мушь, Ник., 1697 г., т. CLXV, янв., 16, 21.

Н.

- Набоковъ, Курлянд. губернат. 1916 г., т. CLXV, янв., 145.
- Надеждинъ, Ник. Ив., проф. † 1856 г., т. CLXVI, май, 257, т. CLXVIII, дек., 341.

- Накашидзе, князь, т. CLXVI, апр., 101.
- Наливкинъ, руководит. курсовъ восточн. яз. въ Ташкентѣ 1884 г., т. CLXVI, май, 191.
- Наозерскій, журналистъ 1916 г., т. CLXVIII, дек. 382.
- Наполеонъ, I, императоръ, т. CLXV, мартъ, 427. т. CLXVI, май, 310.
- Наполеонъ, III, императоръ, т. CLXVI, июнь, 358.
- Направникъ, пѣвица, т. CLXV, янв., 31.
- Нарановичъ, врачъ, т. CLXV, янв. 39.
- Нарожницкій, 1916 г., т. CLXVII, сент. 340.
- Нарышкинъ, 1717 г., т. CLXVI, июнь, 345.
- Нарышкинъ, 1878 г., т. CLXV, мартъ, 525, т. CLXVI, апр., 31.
- Нарышкинъ, Алексѣй 1697 г., т. CLXV, янв. 8, февр., 205.
- Нарышкинъ, Левъ, Алед. гоф-маршалъ, 1760 г., 1697 г., т. CLXV, янв., 9, февр., 280, 281, 284.
- Наставина, Серафима Мать., т. CLXVII, сент. 404.
- Нахимовъ, А. Н., поэтъ, т. CLXVI, май, 250.
- Наванайлъ, список. полтавск. 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 223.
- Недригайловъ, проф. 1916 г., т. CLXVII, авг., 284.
- Нейдгардъ, Дм. Борис., гл. Госуд. Сов., т. CLXVIII, дек., 342.
- Нейдгардъ, шт.-кап., 1863 г., т. CLXV, янв., 57.
- Неклюдовъ, чиновн. 1858 г., т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Некрасовъ, Никол. Алексѣев. † 1877 г., т. CLXVIII, окт., 18, 22, 115—116, дек., 414.
- Неледянской, ген. 1798 г., т. CLXVII, авг., 244.
- Нелидова, Варв. Арсеньев., въ зам. Кудрявцева, т. CLXVI, апр., 88, 91, 92.
- Нелидова, Екат. Ив., фрейлина, † 1830, г., т. CLXV, февр., 259.
- Немировичъ - Данченко, корреспонд., 1916 г., т. CLXVIII, окт., 39.
- Неофитъ, список. туркест. 1888 г., т. CLXVI, май, 204, 207.
- Неплюевъ, Леонг. Романов., окольнич. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400, 415, 424, т. CLXVI, апр., 95, 78, т. CLXVIII, дек., 469.
- Неплюевъ, Семень, стольникъ, 1697 г., т. CLXV, мартъ, 412.
- Непокойничкій, Артуръ Адам., ген., † 1881 г., т. CLXV, янв. 76, февр., 372.
- Нестеровскій, управл. канцел. туркест. ген. губ., 1888 г., т. CLXVI, май, 202.
- Нефлова, Анаст. Петр., 1848 г., т. CLXV, янв., 111, 112.
- Нефлова, Елена Петров., т. CLXV, янв., 112.
- Нефловъ, А. П. сообщ.: „Изъ дальнихъ лѣт.“, т. CLXV, янв., 111—117, февр., 250—270, мартъ, 427—431.
- Нефловъ, Вас. Ив., т. CLXV, янв., 114, 115.
- Нефловъ, Илья Вас., т. CLXV, янв., 114.
- Нефловъ, Петръ Васильевичъ, Царскосельск. придворн. архитекторъ, р. 1734, † 1848 г., т. CLXV, янв., 113, 114, 115, 116.
- Нефловъ, Алед. Петр., кап. 2 ранга 1824 г., т., CLXV, мартъ. 428.
- Норбергъ, капит., команд. Норвежск. судна 1916 г., т. CLXVIII, окт. 49—52.
- Никитенко, Алед. Вас., проф., † 1877 г., т. CLXVI, май. 247, июнь, 360, 361.
- Никитинъ, художн. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 337.
- Николай, бар., 1886 г., т. CLXVI, май, 183.
- Николай I, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CLXV, янв., 46, 48, 112, 115, 177, 138, февр., 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, мартъ, 429, т. CLXVI, май, 260, 262, 267, 268, 269, 278, 289, 290, 291, июнь, 398, т. CLXVII, июль 59, 62, 63.
- Николай II, императоръ, т. CLXV, февр., 338, 346, 347, 356, мартъ, 434, 477, 478, т. CLXVI, май, I, II, 244, 284, 304, т. CLXVII, сент., 321, 323, т. CLXVIII, нояб., 208—210.
- Николай Александровичъ, наследникъ цесаревичъ, † 1864 г., т. CLXVIII, сент., 427, т. CLXVIII, 134—143.
- Николай Константиновичъ, великій князь, т. CLXVI, апр. 73.
- Николай Николаевичъ, вел. князь, † 1891 г., т. CLXV, янв., 75, 76, 82, 83, февр., 373, т. CLXVI, май, 238, т. CLXVIII, окт., 27, дек., 338.

Николай, князь черногорскій, т. СXLVІІІ окт., 28.
 Никольскій, артистъ, т. CLXVI, янв. 31, 32, т. CLXVІІІ, дек., 339, 447.
 Никоновъ, т. CLXV, мартъ, 523.
 Нильсенъ, протестант. проповѣдникъ 1850 г. т. CLXV, янв., 106, 107, февр., 241.
 Новиковъ, 1878 г. т. CLXV, мартъ, 52, 524.
 Новицкій, ген.-м. 1800 г. т. CLXV, февр., 363.
 Новоселовъ, 1878 г., мартъ. 528, т. CLXVI, апр., 32.
 Полькенъ, сенат. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 405.
 Нооменъ, Иоаннъ, чл. заандамск. городов. совѣта 1697 г., т. CLXV, янв., 6, 18, 20, 21, февр., 206, 219, 221, т. CLXVI, апр., 12, июнь, 323, 329.
 Носиловъ, корресп. 1916 г. т. CLXVIII, окт., 60.
 Носковъ, журналистъ 1916 г., т. CLXVІІІ, дек., 363.

О.

Оболенская, княг., Аделаида Петр., т. CLXV, февр., 290, мартъ, 454.
 Оболенскій, кн. чиновн. мин-ва вн. дѣлъ, т. CLXV, мартъ, 517.
 Оболенскій, кн., 1850 г., т. CLXV, янв., 136, 137.
 Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур. † 1841 г., т. CLXV, февр., 364, т. CLXVI, июнь, 388, 389.
 Обручевъ, Никол. Ннк., ген.-ад., т. CLXVI, май, 183, 186, 217, 244, т. CLXVII, авг., 244.
 Овсяннико-Куликовскій, Д. Н., т. CLXV, янв., 95.
 Огильви, Марія, см. Гордонъ.
 Огильви, фельдмарш. 1701 г., т. CLXVII, авг., 185.
 Огонь-Догановская, Е. Н., т. CLXV, янв., 92.
 Одоевскій, кн., Алед. Нв., дек., † 1839 г. т. CLXVI, май, 248, 258.
 Одоевскій, кн., Влад. Фед., ин-сатель † 1869 г. т. CLXVI, май, 248.
 Одоевскій, Гавр., священ. т. CLXV, февр., 267, мартъ, 431.
 Одоевскій, кн., Нв. Нв., т. CLXVI, май 258.
 Озембловскій, воен. педагогъ т. CLXVІІІ, окт., 22.
 Озерецковскій, акад. т. CLXVI, май, 251.
 Озерова, Фрейлина 1887 г. т. CLXV, февр., 369.
 Озеровъ, Нв. Григ., полковн. 1797 г. т. CLXV, мартъ, 423. т. CLXVI, апр., 96, май 295, 293.
 Озеровъ, тн. сов. 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 304, 305.
 Оленинъ, Алексѣй Никол., презид. акад. худож. † 1843 г. т. CLXVII, июль, 63.
 Осеуфьевъ, гр. Адамъ Васил. 1765 г., т. CLXV, янв., 119.
 Осеуфьевъ, гр., адъют. 1916 г. т. CLXV, февр., 369.
 Осеуфьевъ, оберъ-гофмарш., т. CLXV, янв., 112.
 Ольга Николаевна, королева Виртембергская. т. CLXVIII, нояб., 312, 313.
 Ольдесконъ, прокур., 1859 г. т. CLXVIII, дек., 429, 430.
 Ольденбургскій, принцъ, Александръ Петровичъ. 1880 г., т. CLXV, февр., 373.
 Ольденбургскій, принцъ, Никол. Петров., т. CLXV, мартъ, 519.
 Ольденбургскій принцъ, Георг., т. CLXV, февр., 373.
 Ольриджъ, 1860 г. т. CLXVII, июль, 33.
 Опель, присяжи. новѣрен. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 405.
 Ординъ, К. Ф., писат., т. CLXVI, апр., 136.
 Орловъ, Н. Я., т. CLXVIII, окт., 131.
 Орловъ, Мих. Иван., педагогъ 1860 г., т. CLXVIII, окт., 125.
 Орловъ, пѣвецъ. 1860 г., т. CLXVIII, дек., 447.
 Осендовскій, А. М., 1916 г., т. CLXV, мартъ, 481.
 Оеннскій, 1880 г. т. CLXVII, июль, 81.
 Осиновъ, прапорщ. 1916 г., т. CLXVIII, дек., 379—381.
 Осипковскій, 1860 г., т. CLXVIII, окт., 127.
 Осокинъ, проф. 1860 г., т. CLXVIII, окт., 130.
 Остенъ-Сакенъ, бар., вице-директ. деп. внутрен. сношеній, т. CLXV, мартъ, 514.
 Островскій, ст.-секрет., 1890 г., т. CLXVI, май, 215.
 Остроградская, къ зам. Милькевичъ, т. CLXVIII, окт., 99.
 Остроградскій, Алск. Алек., 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 222, 225, 226, 227.

- Остроградскій. Андр. Вас., т. CLXXIII, окт., 99, 100, нояб., 231.
 Остроградскій. Мих. Васил., математикъ. т. CLXVIII, окт., 90.
 Отмарштейнъ. П. Р., 1860 г., т. CLXVIII, окт., 137, 145, 146.

П.

- Павель I. Императоръ, † 1801 г., т. CLXV, янв., 111, 113, 115, февр., 363, т. CLXVI, июнь, 383, 384, т. CLXVII, июль, 61, авг., 244—246, т. CLXVIII, окт., 120.
 Павелъ Александровичъ, вел. князь, т. CLXVII, сент., 408, 411, т. CLXVIII, нояб., 302.
 Павлиновъ. 1860 г., т. CLXVIII, окт., 127.
 Павловичъ. Живко, нач. сербек. генералн. штаба, 1914 г., т. CLXVI, май, 313.
 Павловскій, премьеръ—маіоръ, 1798 г., т. CLXVII, июль, 36.
 Павловъ, Ник. Филли., журнал., † 1864 г., т. CLXVI, май, 253.
 Павловъ, Родіонъ, Мих., думскій дворянинъ 1685 г., т. CLXVI, апр., 96, май, 293, 297.
 Пазухинъ, чиновн. мин. внутр. дѣлъ 1864 г., т. CLXVII, авг., 223.
 Палей, полковн. 1685 г., т. CLXVI, май, 295.
 Паленъ, гр. К. К., сенат. 1910 г., т. CLXVI, июнь, 419, 422.
 Панаева, т. CLXVIII, дек., 452, 453.
 Панаевичъ, чиновн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 428.
 Панинъ, гр., Никита Ив., † 1783 г., т. CLXV, янв., XII.
 Панинъ, Петръ, ген. 1756 г., т. CLXV, февр., 272, 274.
 Паница, Як., преподават. пѣнія, 1837 г., т. CLXVIII, нояб., 277.
 Паренсовъ, ген. т. CLXVI, июнь, 455.
 Парижская, Марія, въ зам. Жукова, т. CLXV, янв., 116, 117, 429.
 Паткуль, Юганнъ, † 1707 г., т. CLXVII, авг., 187.
 Паукеръ, ин-ф. ген.-лейт. 1880 г., т. CLXVI, май, 197.
 Пашковъ, Вас. Алек., егермейст., 1815 г., т. CLXVI, июнь, 462.
 вагъ - Пее. Генриетта, 1697 г., т. CLXVI, июнь, 335.
 Пенчковскій, корресп. „Нов. Врем.“, т. CLXVI, апр., 135.
 Перетцъ, Е. А., предѣд. деп-та законов. 1891 г., т. CLXVI, май, 241.
 Перовская, 1881 г., т. CLXVII, июль, 81.
 Перовскій (Погорельскій), А. А., литерат. 1830 г., т. CLXVI, май, 248.
 Перри, Джонъ, инж. 1700 г., т. CLXVI, апр., 6.
 Персиани, т. CLXV, мартъ, 514.
 Пестржецкій, Леонт. Дм., полковн. т. CLXVIII, окт., 108, нояб., 254, 272.
 Петень, франц. ген., 1916 г., т. CLXVII, июль, III, 124.
 Петерсонъ. 1878 г., т. CLXVI, апр., 43.
 Петерсъ, докт. 1830 г., т. CLXVII, сент., 408.
 Петровъ, Осипъ, Афан. пѣвецъ, т. CLXV, янв., 27, 28, 29, 42.
 Петровъ, корресп. „Рус. Слова“, 1916 г., т. CLXV, мартъ, 490, т. CLXVII, авг., 281, 290, 314, т. CLXVIII, нояб., 179.
 Петръ I. Императоръ, † 1725 г., т. CLXV, янв., VI, 5—24, 120, 126, 130—133, 136, февр., 193—223, 272, мартъ, 387—396, 408, т. CLXVI, апр., 5—14, июнь, 319—345, т. CLXVII, июль, 10, III, авг., 176, 177, 180, 181, 181—191, 217, 247, т. CLXVIII, окт., 90, нояб., 284, 296, 297.
 Петръ III, Императоръ, † 1762 г., т. CLXV, февр., 278, 282, 284, 285.
 Пиленко, сотрудн. Нов. Врем. 1916 г., т. CLXVI, апр., 220, 231, июнь, 430, 433.
 Пиллеръ, баронесса 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 307, 305.
 Пинкорпелли, Ник. Фед., полковн. 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 225.
 Пинкорпелли, Петръ Фед., ген. 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 225.
 Пирогова, Ал. Ант. см. Бистромъ.
 Пирогова, Ек. Дм., см. Березина.
 Пироговъ, Вл. Ник., т. CLXV, янв., 89, 92, 98.
 Пироговъ, Ник. Ив., хирургъ-педагогъ, † 1886 г., т. CLXV, янв., 83, 89—107, февр., 224—247.
 Пироговъ, Ник. Ник., т. CLXV, янв., 98.
 Писаревъ, Дм. Ив., писат.—критикъ, † 1868 г., т. CLXV, янв., 41.
 Пискорекій, А. В. мир. судья, 1889 г., т. CLXVII, июль, 87.

- Пихлеръ, Алонзій, д-ръ богословія, 1869 г., т. CLXVI, апр., 68—74.
- Пичудинъ, учитель, 1798 г., т. CLXVII, авг., 245.
- Платовъ, гр., Матв. Пв., атаманъ войскъ донск., † 1818 г., т. CLXVIII, нояб., 269.
- Платонова, швница, т. CLXV, 28, 32.
- Платонъ, митроп. москов., 1797 г., т. CLXVI, июнь, 384.
- Плаутинъ, генер.-ад., 1857 г., т. CLXV, янв., 51.
- Плетневъ, Петръ Алек., писат., † 1865 г., т. CLXVI, май, 246, 248, 311, 312, т. CLXVIII, нояб., 171—172.
- Плехановъ, социалистъ, т. CLXV, февр., 310, т. CLXVIII, окт., 31.
- Плещеевъ, писат., т. CLXVIII, окт., 115.
- Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., об.-прокур. синода, т. CLXVI, май, 207, 208, т. CLXVIII, окт., 28, дек., 459.
- Погодинъ, М. П., профес., † 1875 г., т. CLXVI, май, 246, 287.
- Погодинъ, профес., 1916 г., т. CLXVII, июль, 125.
- Погодскій, редакт. журн. „Солдатская бесѣда“, 1861 г., т. CLXV, февр., 299.
- Поддѣсный, чиновн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 431.
- Подлинскій, А. П., литерат., 1830 г., т. CLXVI, май, 248.
- Поздѣвъ, Нв., т. CLXVIII, дек., 169.
- Позенъ, Мих. Павл., 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 222, 225, 226, 227, 228.
- Покровскій, свящ., 1888 г., т. CLXVI, май, 204.
- Полевой, Ксеноф. Алексѣев., писатель, т. CLXVI, май, 254.
- Полевой, Ник. Алек., писатель, † 1846 г., т. CLXVI, май, 245, 246, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 276, июнь, 470, 471.
- Полевой, Петръ Ник., т. CLXVIII, дек., 340—342.
- Полжаевъ, А. П., его ода на смерть Пушкина, т. CLXVIII, июль, 48—58.
- Поливановъ, воен. мин. 1916 г., т. CLXVII, авг., 266.
- Половцевъ, госуд. секрет., т. CLXVI, май, 246, 236.
- Полуботокъ, Фронт., полковн. переяславскій, 1700 г., т. CLXV, мартъ, 407.
- Полферовъ, 1916 г., т. CLXVII, авг., 269.
- Польковскій, В. Б., помѣщ., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 406.
- Поляковъ, А. А., т. CLXVII, июль, 93.
- Пономаревъ, С. П., литерат., т. CLXVI, май, 253.
- Понятовскій, Станиславъ-Августъ, король польскій, т. CLXV, февр., 276—285.
- Пооль, Питеръ, кораблестроит., 1097 г., т. CLXV, февр., 203, 204.
- Попельницкій, Алексѣй, сообщ.: „Спеціальная цензура книгъ и статей по крестьянскому вопросу въ 1861—1862 г.“, т. CLXV, февр., 294—309.
- Поповъ, А., священ., 1852 г., т. CLXVI, июнь, 398.
- Поповъ, Левъ Васил., врачъ, грен. полка, т. CLXV, янв., 82, 83.
- Пославскій, ниж. подполковн., 1881 г., т. CLXVI, май, 191.
- Поспিশиль, Ег. Пв., докторъ, 1860 г., т. CLXVIII, сент., 414.
- Поссельтъ, т. CLXV, янв., 136, 137.
- Постниковъ, врачъ, 1701 г., т. CLXVII, авг., 181, 182.
- Посѣтъ, Конст. Ник. мин. путей сообщ. † 1809 г., т. CLXVI, май, 185.
- Потаповъ, Алек. Львов., ген.-губ. с.-з. края, † 1886 г., т. CLXVI, июнь, 363.
- Потаповъ, ген.-м., князьскій коменд., 1765 г., т. CLXV, янв., 123, 124.
- Потемкинъ, гр., А., астрах. ген.-губ., 1775 г., т. CLXV, янв., 172.
- Потоцкая, гр., 1860 г., т. CLXII, сент., 405.
- Похвистневъ, начальн. почтъ и телегр., 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 197.
- фонъ-Принзенъ, 1697 г., т. CLXV, янв., 11.
- Прозоровская, кн. Анна Мих., 1815 г., т. CLXVI, июнь, 462.
- Прозоровскій, кн., 1777 г., т. CLXVIII, окт., 156—159.
- Прозоровскій, Петръ, 1697 г., т. CLXV, янв., 9.
- Проскуринъ, Д., сообщ.: „Воспоминанія о Рыбаковѣ“, т. CLXVII, июль, 33—35.
- Прохоровъ, Степ., 1685 г., т. CLXVI, май, 294.
- Пугачевъ, Емельянъ Пв., † 1775 г., т. CLXVI, апр., 77—81.
- Пузыревскій, П. П., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 379.
- Пургольдтъ, въ зам. Римская-Корсакова пианистка, т. CLXV, янв., 33.

- Пургольдтъ, А. Н., въ зам. Мюласъ, пѣвица, т. CLXV, янв., 33, 38.
- Пуршикевичъ, Вл. Митроф., депутатъ 1916 г., т. CLXVI, июнь, 453, т. CLXVIII, окт., 52.
- Путищевъ, полковн., началь. г. Ташкента 1882 г., т. CLXVI, апр., 113, 114.
- Путичъ, воевода генералисс. сербскихъ войскъ 1916 г., т. CLXVI, май, 313.
- Пухалдо, ген. 1916 г., т. CLXVIII, дек., 378.
- Пушкаревъ, чиновн. мин. фин., т. CLXV, мартъ, 518.
- Пушкина, Нат. Ник., рожд. Гончарова, т. CLXVIII, дек., 465—466.
- Пушкина, Ольга Серг., т. CLXVIII, дек., 465.
- Пушкинъ, Алек. Серг., † 1837 г., т. CLXV, янв., 26, 27, 28, 29, 30, 35, 84, т. CLXVI, май, 245, 246, 247, 248, 254, 257, 264, 265, 266, 273, 276, т. CLXVII, июль, 48—58, авг., 13, т. CLXVIII, нояб., 220, дек., 341, 466.
- Пушкинъ, Вас. Львов., писат. † 1830 г., т. CLXVI, июнь, 470, 471.
- Пушинъ, П. П., дек., † 1859 г., т. CLXV, янв., 110.
- Пушнинъ, полковн. 1863 г., т. CLXV, янв., 58.
- Пыляй, завѣд. петрогр. телеф. 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 197.
- Пыхачевъ, Петръ, помѣщ. 1824 г., т. CLXV, мартъ, 429.
- Пѣвтъ, Вас. Гавр., сенат. 1848 г., т. CLXV, янв., 112.
- Пѣвтъ, Прасков. Вас., т. CLXV, т. янв., 112.
- Пятковскій, А. П., редакт. „Наблювателя“ 1878 г., т. CLXVIII, дек., 412—421.
- Р.**
- Рагозина, Е. А., сообщ.: „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 гг.“, т. CLXV, февр., 248—256, т. CLXVI, апр., 82—87, т. CLXVIII, декаб., 31—327.
- Радецкій, Фед. Фед., ген.-отъ-инф., т. CLXVIII, окт., 5, 6.
- Радичевъ, Аврамъ 1701 г., т. CLXVII, авг., 176.
- Раевскій, Алек. Ник., т. CLXVIII, нояб., 192.
- Раевскій, Ник. Ник., ген. 1823 г., т. CLXVIII, нояб., 292.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Кир., † 1822 г., мин. пресвѣд. 1811 г., т. CLXV, янв., 108.
- Разумовскій, гр., Кирил. Григ., малорос. гетманъ, т. CLXVIII, окт., 89.
- Разумовскій, С., сообщ.: „Изъ размышленій историка“. Литература о П. П. Сумароковѣ, т. CLXVII, авг., 203—208.
- фонъ-Райзеръ, Н. Ст., см. Бутовская.
- фонъ-Райзеръ, семейство, т. CLXVIII, окт., 107, 108.
- Рамазановъ, Ник. Алек., скульпторъ † 1867 г., т. CLXV, мартъ, 458, т. CLXVI, апр., 90, 91.
- Ранцау, г-ня въ зам. Дилленфельдъ-Тоаль, т. CLXVIII, окт., 57.
- Растрелли, архитект., † 1777 г., т. CLXV, янв., 114, 115.
- Ратмановъ, корресп. 1916 г., т. CLXVII, авг., 304.
- Рачинскій, С. А., педагогъ, т. CLXV, янв., 93.
- Рашель, артистка, т. CLXVI, апр., 91.
- Ребиндеръ, А. А., полковн. преобраз. пол. 1861 г., т. CLXV, янв., 52, 53, 58.
- ванъ-Реененъ, Яковъ, кораблестроит. 1697 г., т. CLXV, февр., 203.
- Рейнботъ, Евг. Ант., т. CLXVIII, нояб., 250.
- Рейнботъ, Н. Як., см. Бутовская.
- Рейнольдъ, Семёнъ, 1697 г., т. CLXV, мартъ, 408.
- Рейтернъ, Мих. Христоф., мин. финан. † 1890 г., т. CLXVI, июнь, 358.
- Рейтеръ, адм. 1697 г., т. CLXV, февр., 204, 209.
- Рейшъ, ботаникъ 1697 г., т. CLXV, февр., 211, т. CLXVI, июнь, 325, 337.
- Ремгельдъ, служ. экспедиц. заготовл. госу. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Ремертъ, т. CLXVI, май, 192.
- Ренанъ, Эрнестъ ученый † 1892 г., т. CLXV, янв., 91.
- Ренниковъ, сотруди. „Нов. Врем.“, т. CLXVII, февр., 326, т. CLXVIII, июль, 98.
- Ренинъ, кн. Никол. Васил., ген.-фельдм., 1797 г., т. CLXVIII, окт., 120.
- Реутекій, чиновн. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 425—433.
- Ривольта, Феллиция, т. CLXVIII, нояб., 283.

Римская - Корсакова. т. CLXV, февр., 264.
 Римская-Корсакова, см. Пургольдтъ.
 Римскій - Корсаковъ, Николай Андреев, композиторъ, т. CLXV, янв., 32, 38, 41.
 Рихтеръ, ген. ад. 1882 г., т. CLXVI, апр., 109.
 Робушъ, А., общ. Записки В. Н. Виноградскаго, т. CLXVII, сент., 441—474, т. CLXVIII, окт., 123—131.
 Рогге, Линетъ, 1697 г., т. CLXV, янв., 15.
 Рогозинниковъ, проф., 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
 Родзянко, М. В., предсѣд. Госуд., Думы, т. CLXVI, июнь, 450, 451.
 Родзянко, т. CLXVIII, нояб., 231.
 фонъ-Розенбахъ, Никол. Антонов., Туркестан., ген.-губ., нач. штаба Петрогр., воен., окр. Его записки т. CLXV, янв., 45—83, февр., 365—374, мартъ, 432—442, т. CLXVI, апр., 100—114, май, 172—244, т. CLXVIII, дек., 467—468.
 Розенбахъ, Серг. Ник., т. CLXV, февр., 366.
 Розенблитъ, докт. 1916 г., т. CLXVI, июнь, 401, 402.
 Розенбумъ, секретарь генералн., штатовъ Голландіи 1697 г., т. CLXV, февр., 194.
 Романова, А. В., сestra милосерд. 1916 г., т. CLXVII, ав., 262.
 Ромодановскій, Им., Григ. Григ., т. CLXV, янв., 132.
 Ромодановскій, кн. Фед. Юрьев., † 1717 г., т. CLXV, янв., 9.
 Ронаеръ, въ зам. Гордонъ, т. CLXV, янв., 134.
 Ронаеръ, полковн. 1687 г., т. CLXV, мартъ, 398, 406, 408, 425, т. CLXVI, апр., 95, 96, май, 293, 298.
 Ронкеръ, ген. 1758 г., т. CLXV, февр., 243.
 Ронштуль, Алоизъ Петров., художн. 1824 г., т. CLXV, мартъ, 427, 428.
 Роппъ, баронъ 1874 г., т. CLXV, янв., 152.
 Ростовцовъ, гр. Як. Пв., † 1860 г., т. CLXV, февр., 296, т. CLXVIII, окт., 101, нояб., 228.
 Рубини, пѣвецъ, 1860 г., т. CLXVIII, окт., 18.
 Рубинштейнъ, Ант. Гр., композиторъ, т. CLXV, янв., 32, 36.
 Рубинштейнъ, Д. А., предсѣд., правл., рус.-франц., банка 1916 г., CLXVIII, дек., 350.

Рубинштейнъ, В. А., т. CLXVIII, 452, 453.
 Рубинштейнъ, Н. Г., т. CLXVIII, дек., 444.
 Рузскій, Никол. Влад., ген.-ад. 1916 г., его портретъ прилож., къ янв., кн., февр., 343, т. CLXVI, апр., 128, 129, 130.
 Руммель, бар. Николай Идуктескій предвод., двор. 1916 г., т. CLXV, февр., 341.
 Румянцева, гр-ня, Ек. Мих., 1755 г., т. CLXVII, июль, 60.
 Румянцевъ, Гр., Алек., 1697 г., т. CLXVI, июнь, 321.
 Румянцевъ, гр., Серг. Петр., чл., коллег., ин., дѣль, р. 1755 г., † 1833 г., т. CLXVII, июль, 59.
 Румянцевъ - Задунайскій, гр. Петръ Алек. † 1796 г., т. CLXVI, июнь, 462, т. CLXVIII, окт., 157—159.
 Руновъ, полковн. 1877 г., т. CLXV, янв., 80.
 Рыбаковъ, Н. Х., артистъ, 1862 г., т. CLXVII, июль, 33—35.
 Рыльевъ, Кондр. Фед., декабр., † 1826 г., т. CLXVI, май, 273.
 Рыльевъ, ген. ад. 1881 г., т. CLXV, янв., 60, мартъ, 435.
 Рѣшетниковъ, полковн. 1888 г., т. CLXVI, май, 209.
 Рюль, докт. 1838 г., т. CLXV, янв., 139.
 Рябуха, Онуфрій, священ. 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 191—193.

С.

Савина, Марія Гаврил., артистка † 1915 г., т. CLXV, янв., 151.
 Савинскій, послан. въ Болгарію 1915 г., т. CLXV, янв., 161.
 Савукъ, Паулина Андр., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 360, 361.
 Савурскій, протоіер. 1754 г., т. CLXV, янв., 111.
 Сазоновъ, Серг. Дм., мнн., ин., дѣль 1915 г., т. CLXVIII, нояб., 213, дек., 350.
 Сазоновъ, артистъ, т. CLXIII, дек., 339.
 Салтыкова, Прасков. Феодоровна, т. CLXV, февр., 310.
 Салтыкова, т. CLXV, янв., 134, 137, 138.
 Салтыковъ, гр. Пв. Петров., Иркутск., ген.-губ., 1800 г., т. CLXV, февр., 364, т. CLXVI, июнь, 382—390.
 Салтыковъ, (Щедринъ), Мих. Евграф., писат., † 1889 г., т. CLXV, февр., 301.

- Салтыковъ, Петръ Самойлов., воевода 1701 г., т. CLXV, янв., 8, т. CLXVI, апр., 8, т. CLXVII, авг., 176.
- Салъякъ, гр-ня (Евгенія Туръ), т. CLXVI, апр., 92.
- Самаринъ, Д. Ф., 1861 г., т. CLXV, февр., 302, 303.
- Самаринъ, Юрій Фед., (псевд. Рычковъ), Славянофилъ писатель, † 1876 г., т. CLXV, февр., 303.
- Самойловичъ, Нв., гетманъ, т. CLXV, мартъ, 107, т. CLXVI, апр., 7.
- Самойловичъ, Никан. Нв., публицистъ, † 1902 г., т. CLXVII, окт., 20.
- Самойловъ, В. В., артистъ, т. CLXVIII, дек., 339.
- Самсонова, сестра милосерд. 1916 г., т. CLXVI, апр., 149—153, т. CLXVII, авг., 266.
- Санаковъ, ген., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 361.
- Сангушко, княгиня, т. CLXVI, апр., 99.
- Сандецкій, ген., 1916 г., т. CLXVII, июль, 102.
- Санковская, Юл. Осип., 1838г., т. CLXVIII, окт., 104, 105.
- Сарафанниковъ, заводчикъ 1765 г., т. CLXV, янв., 122.
- Сариотти, пѣвица, т. CLXV, янв., 31.
- Сартиссонъ, Ф., директ., товарищества „К. Шнайтъ и сыновья“ 1916 г., т. CLXV янв., 151.
- Сахаровъ, ген., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 361, 410, 411.
- Сахаровъ, художн., 1697 г., т. CLXVI, июнь, 337.
- Свенторжецкій, Людоміръ Вацлав., воен., инж., 1916 г., представит., об-ва 1886 года, т. CLXVII, сент. 342.
- Свенторжецкій, ген., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 378.
- Свербеевъ, проф., 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
- Свистунова, О. М., т. CLXVI, май, 258.
- Свѣчинъ, нач. Новгород., ополчен., 1812 г., т. CLXVII, авг., 205.
- Святополкъ - Мирскій, кн. свиты г.-м., 1869 г., т. CLXV, янв., 73.
- Свергунъ, акад., т. CLXVI, май, 253.
- Седморацкій, ген.-м., 1802 г., т. CLXVII, сент., 374.
- Селезневъ, А. В., врачъ 1916 г., т. CLXVI, апр., 149.
- Селивановъ, Д. П., помѣщ., т. CLXVI, июнь, 462.
- Селивановъ, Н. М., полковн., 1812 г., т. CLXVI, июнь, 462.
- Селищевъ, А., сообщ., „Б. П. Шереметевъ на аудіенцію у папы Иннокентія XII“, т. CLXVIII, нояб., 293—301.
- Семевскій, Мих. Нв., основат., журн. „Рус. Старина“, т. CLXVIII, дек., 414.
- Семеновъ, Вас. П., цензоръ 1830 г., т. CLXVI, май, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 268, 269.
- Семеновъ, П. П., сенат., вице-предсѣд. Геогр., об-ва 1888 г., т. CLXVI, май, 198.
- Семеновъ, журналистъ 1916 г., т. CLXVIII, окт., 31.
- Семичевъ, инж. 1765 г., т. CLXV, янв., 123.
- Сентюринь, П., сообщ., „Старинное слово о живомъ словѣ“, т. CLXVII, авг., 192—202.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., директ., канц., об.-прокур., синода писат., † 1874 г., т. CLXVI, май, 255.
- Сергѣй Александровичъ, вел., князь, т. CLXVI, май, 24, т. CLXVII, сент. 408, 411, т. CLXVIII, нояб., 302.
- Сергѣевъ, П. П., 1916 г., т. CLXVIII, окт., 57.
- Сердюковъ, Васил., священ., 1860 г., т. CLXVII, сент., 402, 409, 411.
- Серебряковъ, пѣвецъ, 1914 г., т. CLXV, янв., 31.
- Серонкинъ, архитект. 1697 г., т. CLXVI, июнь 337.
- Сечихинъ, Нв., стряпчій 1701 г., т. CLXVIII, нояб., 284.
- Сивковъ, К. В., 1914 г., т. CLXVII, авг., 203, 204, 205.
- Сиговъ, Фед. Антр., думм., дворян., 1685 г., т. CLXVI, май, 300.
- Сило, Адамъ, корабельн.-строитель, 1697 г., т. CLXV, февр., 203, т. CLXVI, июнь, 335—337.
- Симонъ, архіеп. Вологод., 1679 г., т. CLXVII, сент., 399, †. CLXVIII, окт., 117—119.
- Синягинъ, мнн., вп., дѣль, т. CLXVI, авг., 237.
- Синягинъ, 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
- Скалонъ, Анна Мих., т. CLXV, мартъ, 438.
- Скалонъ, Н. А., гофмарш., вел., кн. Владимира Александровича 1881 г., т. CLXV, мартъ, 437, 438.
- Скальковскій, К., писат., т. CLXVIII, дек., 441.

- Скаржинскій, Петръ, г.-м., 1789 г., т. CLXVII, июль, 37.
- Скарятина, Нат. Никол., т. CLXV, мартъ, 417—453, т. CLXVI, апр., 51—67, май, 161—170.
- Скарятинъ, Андрей Алек., т. CLXV, мартъ, 417—453, т. CLXVI, апр., 57—67, май, 161—170.
- Скарятинъ, Никол. Андр., т. CLXV, мартъ, 417—453, т. CLXVI, апр., 51—67, май, 161—170.
- Скорятинъ, полковн. 1881 г., т. CLXV, мартъ, 438.
- Скерекій, оф., 1878 г., т. CLXVI, июнь, 367.
- Скобелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., † 1882 г., т. CLXV, янв., 153, мартъ, 438, 439, 440, т. CLXVIII, окт., 40, дек., 467, 468.
- Скобелевъ, чл. Гос. Думы 1916 г., т. CLXVIII, дек., 349.
- Сколковъ, флагъ-маіоръ 1860 г., т. CLXVII, сент., 428, 434.
- Сколковъ, адм., 1860 г., т. CLXVIII, окт., 131.
- Скоронадскій, Нв., полтавск., предводит., дворян., 1850 г., т. CLXVIII, окт., 94.
- Скуратовъ, П., сообщ., „За пятьдесятъ лѣтъ“, Воспомн. Глѣбовой, т. CLXVI, июнь, 464—469, июль, 22—32, т. CLXVII, июль, 22—32, авг., 161—170, сент., 375—382, т. CLXVIII, окт., 7—16, нояб., 164—170, дек., 328—339.
- Слотвинскій, чиновн., 1859 г., т. CLXVIII, дек., 433.
- Слуть, 1697, т. CLXV, февр., 216.
- Сляккъ Агнесса, секрет., Всемирн. Союза трезв., женщинъ 1903 г., т. CLXV, мартъ, 461, 467, 470, 471, 472.
- Смарагдъ, архіерей, г. CLXVII, авг., 171—174.
- Смирнова, сестра милосерд. 1916 г., т. CLXVIII, дек., 375.
- Смирновъ, В., сообщ., „Земская реформа 1864 г., и ея послѣдующія, измѣненія“, т. CLXVII, авг., 209—212.
- Смоличъ, т. CLXV, февр., 291, 292.
- Смолянниковъ, корресп. „Нов. Врем.“, 1916 г., т. CLXV, мартъ, 502, т. CLXVI, июнь, 405, 408.
- Смѣкаловъ, наказн. атам. Терек. Казач. войска 1889 г., т. CLXVI, май, 229.
- Снегиревъ, Вл. Фед., профес., 1916 г., т. CLXVI, июнь, 416.
- Спивинскіе, Карлъ, маіоръ, 1692 г., т. CLXV, янв., 134.
- Спивинскій, Марія, см. Гордоль.
- Спигиревъ, чиновн. 1861 г., т. CLXV, т. CLXV, февр., 299.
- Собакнинъ, 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
- Собашицскій, ген. 1855 г., т. CLXVIII, нояб., 238.
- Соболевъ, В. Ф., миров. судья 1889 г., т. CLXVII, июль, 87.
- Собольщниковъ, бібліотекаръ имп. публичн. библ. 1869 г., т. CLXVI, апр., 70, 71.
- Соковнинъ, А. Н., миров. судья 1889 г., т. CLXVII, июль, 87.
- Соковнинъ, почетн. одесск. учебн. окр. 1916 г., т., CLXVIII, дек., 398.
- Соколовъ, проф. 1830 г., т. CLXVI, май, 250, 287.
- Соловьевъ, Вл. писат., т. CLXVIII, дек., 417.
- Соловьевъ, П. А. сообщ. „Преслѣдованіе пресвитероукъ въ царствованіе имп. Павла I“, т. CLXV, февр., 363—364, „Высочайшій Указъ XIII вѣка о доносчикахъ“, мартъ, 530—534. „Дѣло о кражѣ книгъ изъ имп. публичн. бібліот. д-ромъ богословія, пѣвцемъ, Алоизіемъ Пихлеромъ“, т. CLXVI, апр., 68—74. „Барышня Лопухина“, июнь, 383—391.
- Соловьевъ, Осипъ, купецъ, 1697 г., т. CLXVI, июнь, 327, 334.
- Соловцовъ, Ник. Никол., упр.-вл. театр., т. CLXVII, сент., 382.
- Солонина, Ковет. Дм., полковн. 1697 г., т. CLXV, мартъ, 398.
- Солтыковъ, Алексѣй Петр., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 425.
- Сольскій, госуд. контролеръ 1886 г., т. CLXVI, май, 182.
- Сомовъ, Орестъ Мих., литерат. 1830 г., т. CLXVI, май, 247, 261, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 280, 281, т. CLXVIII, нояб., 219.
- Соснинскій, артистъ, т. CLXVIII, дек., 334, 339.
- Софья Алексѣевна, правительница, † 1704 г., т. CLXV, февр., 317, мартъ, 416, т. CLXVI, апр., 13, т. CLXVII, июль, 45.

- Софья Шарлотта, супруга курфюрета бранденбургскаго 1697 г. т. CLXV, янв., 11, 12.
- Соханскій, ген. лейт., тов. ген.-фельдцейхмейст. 1882 г., т. CLXVI, апр., 105.
- Соць, т. CLXVI, апр., 88, 91.
- Спаскій, т. CLXVI, апр., 77.
- Спасовичъ, адвокат., т. CLXVII, сент., 388.
- Станевичъ, врачъ 1916 г., т. CLXVI, апр., 149.
- Станевичъ, Ник. Влад. †1840 г., т. CLXVI, май, 248.
- Старицкій, Дм. Мих., помѣщ. 1830 г., т. CLXVIII, окт., 100.
- Старчевскій, А. В., литераторъ 1878 г., т. CLXVIII, дек., 112—121.
- Стасова, Надежда Вас., т. CLXV, янв., 35.
- Стасовъ, Влад. Вас., писатель, т. CLXV, янв., 31, 32, 34, 35, 36, 38, т. CLXVI, май, 248, 250, 261, 279.
- Стасовъ, В. Н., 1869 г., т. CLXVI, апр., 73.
- Стасюлевичъ, т. CLXVIII, дек., 423.
- Стевенсъ, вице-президентша союза трезв. женщинъ 1903 г., т. CLXV, мартъ, 467, 468, 469, 470, 471, 473, 474.
- Стейгалъ, Нв., Кошев. атаманъ запорож. войска 1697 г. т. CLXV, мартъ 410.
- Степанова, Софья Сергѣевна, рожд. Даргомыжская, т. CLXV, янв., 25, 26, 29, 37, 38, 32, 40, 41.
- Степановъ, Никол. А. Каррикартуристъ, издатель „Искры“ и „Будильника“, т. CLXV, янв., 25.
- Степановъ, Серг. Никол., 1865 г., т. CLXV, янв., 25.
- Стефанъ, еписк. могилевскій, т. CLXVI, июнь, 472.
- Стишинскій, А. С., гл. Госуд. Сов. 1916 г., т. CLXVIII, дек., 385.
- Стоговъ, ген.-м. 1916 г., т. CLXV, февр., 356.
- Столыпинъ, Петръ Аркад., предсѣд. сов. мин. 1906 г., т. CLXVI, апр., 147, т. CLXVII, авг., 241.
- Стоюнинъ, педагог., т. CLXVIII, дек., 414.
- Стребулаева, супруга консула въ Скопліе, т. CLXVII, июль, 113.
- Стремужковъ, дипломатъ 1878 г., т. CLXV, мартъ, 514, 520, 524.
- Строгановъ, гр. Алсд. Григ. Новорос. ген. губ. 1860 г., т. CLXVII, сент., 415, 416, 417, 418, 433, т. CLXVIII, окт., 137.
- Строгановъ, гр. А. С., фл.-ад. 1856 г., т. CLXV, янв., 49, 50, 51.
- Строгоновъ, гр. С. Г., т. CLXVI, май, 284.
- Строевъ, В. Н., т. CLXVII, авг., 203, 205.
- Струве, инж., 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 313.
- Струйска я, артистка, т. CLXVIII, дек., 339.
- Струмилло, юрист., т. CLXVII, сент., 393.
- Стрѣльская, т. CLXVIII, дек., 339.
- Стрѣшневъ, Тихонъ 1697 г., т. CLXV, янв., 9.
- Стукалинъ, майоръ 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 309.
- Струнинъ, ген. м. 1916 г., т. CLXV, февр., 356.
- Стюартъ, бар., диплом. агентъ въ Румыніи т. CLXV, мартъ 514, 520, 524, 526, т. CLXVI, июнь, 373, 375, 377.
- Стюартъ, капит. 1697 г. т. CLXV, мартъ, 408.
- Суворинъ, Алексѣй Серг., журналистъ, т. CLXVI, июнь, 380, дек., 449.
- Суворинъ, Бор. Алексѣев., т. CLXVI, апр., 147.
- Суворовъ, Алсд. Васил., генералис. †1800г., т. CLXVI, июнь, 461.
- Суворовъ, Нв., сообщ. „Изъ быта „бѣженцевъ“ XVII вѣка, т. CLXV, мартъ 535—536. „Къ исторіи Феодоритова Бѣлозерскаго монастыря (1679 г.), т. CLXVII, сент., 399—400. „Къ исторіи рода Чайковскихъ“, 401—402. „Письмо изъ Москвы архіеи. Вологод. и Бѣлозерск. Симона въ Вологду въ архіер. домъ отъ 17 марта 1674 г. о разн. дѣлахъ“, т. CLXVIII, окт., 117—119. „Къ воинъ 1701—1721 г.“, нояб., 284—286.
- Суворовъ, туркест. воен. медич. инспект. 1885 г., т. CLXVI, май, 192.
- Сулимка, казац. атаманъ 1685 г., т. CLXVI, май, 293, 299.
- Сумароковъ, Пав. Нв. новгород. губернат., 1812 г., т. CLXVII, авг., 203—208.
- Сумарковъ, ген. отъ артил. 1854 г., т. CLXV, янв., 46.
- Суморокъ, юристъ, т. CLXVII, сент., 393.
- Сусловъ, Мих., 1685 г., т. CLXVI, апр., 93, 94.
- Сутгофъ, ген.-м. команд. школы гвард. подпрапорщ. 1854 г., т. CLXV, янв., 45.

Сутерландъ, банкиръ 1782 г. т. CLXV, янв., 127, 128.
 Суцъричь, П., сообщ.: „По родной землѣ“, т. CLXVI, апр., 75—81.
 Сухинскій, Васил. Никол., офиц. 1830 г., т. CLXVIII, окт., 100, 101.
 Сухомлиновъ, воен. мин. 1914 г., т. CLXVII, авг., 304, сент., 313.
 Сухотинъ, сотруди. Моск. Вѣд. 1861 г., т. CLXVI, июнь, 351.
 Сухотинъ, Иркутск., полицмейст., 1859 г., т. CLXVIII, дек., 421.
 Схелдтема (Scheltema), голланд. ученый, чл. Нидерланд. инстнт. научн. знаний въ Гаарлемѣ, 1697 г., т. CLXV, янв., 5—7, т. CLXVI, июнь, 319.
 Фэровъ, Алед. Никол., композиторъ, †1871 г., т. CLXV, янв., 31—36, т. CLXVIII, дек., 419.

Т.

Тамберликъ, пѣвецъ 1860 г., т. CLXVIII, окт., 18, 22.
 Танскій, чинов. особ. поруч., 1860 г., т. CLXVII, сент., 416.
 Танъевъ, ст.-секрет., 1849 г., т. CLXVI, май, 285.
 Тарасовъ, В. А., предсѣд. кievск. окружн. суда 1875 г., т. CLXVII, июль, 67, 68.
 Тарасовъ, лейбъ-мед., 1825 г., т. CLXVIII, окт., 111.
 Тарасовъ, 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 176.
 Тартаковъ, пѣвецъ, т. CLXVIII, дек., 452.
 Татищевъ, С. С., гр., юристъ т. CLXVII, сент., 397.
 Тевяшева, У. А., сообщ. замѣтку по поводу зап. Розенбахъ, т. CLXVIII, дек., 467—468.
 Тевяшевъ, ген.-м. 1881 г., т. CLXV, мартъ, 438, 439, 440, дек., 467.
 Тезингъ, негоціантъ 1697 г., т. CLXV, февр., 204.
 Тейвнссенъ, Паулусъ, 1697 г., т. CLXV, февр., 205.
 Теляковскій, директ. имп. тватор. 1916 г., т. CLXV, янв., 41.
 Темрюкъ, князь Кабардинскій 1563 г., т. CLXV, янв., 123.
 Тенишевы, дѣвнцы, т. CLXV, янв., 113.
 Терещенко, Д. Н., 1916 г., т. CLXVIII, дек., 360.
 Терлецкій, Петръ, придворн. пнта Б. П. Шереметева, 1697 г., т. CLXVIII, нояб., 295.
 Терскій, С. Д., саратов. губернат., 1916 г., т. CLXVI, июнь, 107.
 Тиммъ, А. К., 1916 г., т. CLXV, февр., 349.
 Тиммъ, Клара, т. CLXV, февр., 349.
 Тимощукъ, Вѣра Васил., сообщ.: „Изъ записокъ Станислава-Августа Понятовскаго“, т. CLXV, февр., 271—285.
 Тимротъ, каинт. л.-гв. Преображенск. полка 1854 г., т. CLXV, янв., 46.
 Тирпицъ, адм. 1916 г., т. CLXVIII, июль, 111.
 Тихоновъ, инсат., 1830 г., т. CLXVI, май, 278, 279, 280.
 Толстая, гр-ня, Алед. Алед., рожд. Бутовская, т. CLXVIII, нояб., 265.
 Толстой, гр., Дм. Андр., мин. ви. дѣль, †1889 г., т. CLXVI, май, 277, т. CLXVII, июль, 85, авг., 223, 224, т. CLXVIII, окт., 124.
 Толстой, гр., Левъ Ник., инсатель, р. 1828 г., †1910 г., т. CLXV, янв., IX, 95.
 Толстой, Петръ, тн. сов. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 321, 327.
 Томилина, А. П., сообщ.: „Воспоминанія о конгрессѣ 1903 г., всемирнаго христіанскаго союза трезвости женщинъ“, т. CLXV, мартъ, 460—475.
 Томиловъ, художн., т. CLXV, янв., XII.
 Тормасовъ, москов. воен. губернат., т. CLXVIII, нояб., 260.
 Тотлебенъ, гр., Ф. П., инж.-ген., †1884 г., т. CLXVII, сент., 414, 415, 420, 422, 428.
 Транзе, сент., 1916 г., т. CLXVI, июнь, 405.
 Треновъ, г. ад., т. CLXVI, май, 161.
 Тринольскій, Пав. Алексѣев., 1858 г., т. CLXVIII, нояб., 225.
 Троицкій, А., сообщ.: „Шнемо Суворова“, т. CLXVI, июнь, 462.
 Трофимовъ, т. CLXV, янв., 166.
 Трубецкой, кн., Ев., т. CLXVI, июль, 456.
 Туганъ-Барановскій, проф., т. CLXVII, июль, 104, 106.
 Тулуповъ, Евтихій., священ., †1915 г., т. CLXV, янв., 142, 143.
 Туманскій, В. П., поэтъ, 1858 г., т. CLXVI, май, 248, 277, 278, т. CLXVIII, нояб., 222, 226, 227.
 Тупинъ, сотруди. „П. Вр.“ т. CLXVII, авг., 273, сент., 327, т. CLXVIII, дек., 405.

- Турабаевъ, Бирахманъ, рядовой † 1916 г., т. CLXVII, авг., 319.
 Тургеневъ, Алсд. Ив., историкъ. † 1845 г., т. CLXVI, май, 253.
 Тургеневъ, Ив. Серг., писатель. † 1883 г., т. CLXVI, апр., 92., т. CLXVII, авг., 192, 193, 206, т. CLXVIII, дек., 412—424.
 Тэрьянъ-Карчанова, пѣвица, т. CLXVIII, дек., 448.
 Тюменцевъ, золотопромышл. 1916 г., т. CLXVIII, июль, 102.
 Тютчева, Фрейлина 1860 г., т. CLXVII, сент. 419, 422, 431.
 Тютчевъ, предвод. дворян. 1878 г., т. CLXIII, дек. 413.

У.

- Уваровъ, гр., С. С. мин. просв., т. CLXVI, май, 283, 285, 286, 289.
 Украинцевъ, Емел. Игнат., думный дьякъ 1685 г., т. CLXV, мартъ, 421., т. CLXV, май, 297, 299.
 Ульяновъ, Л. Л., миров. судья, 1875 г., т. CLXVII, июль, 78.
 Упрякинъ, купецъ 1680 г., т. CLXVI, апр., 79.
 Урусовъ, кн., Никита Семен., 1697 г., т. CLXV, мартъ, 400, т. CLXVI, май, 300.
 Усовъ, Степ. 1830 г., т. CLXVI, май, 251, 252.
 Успенскій, Ник., писатель. т. CLXVIII, дек., 441.
 Успенскій, Петръ Ник., д. ст. сов. 1859 г., т. CLXVIII, 429, 430.
 Ушаковъ, Вас. Апол., критикъ. беллетристъ, р. 1789†1838 г., т. CLXVI, май, 276, 277.
 Ушаковъ, Ник. Ив., дежурн. ген. Крымск. арміи 1854 г., т. CLXVIII, нояб., 224, 225.
 Ушаковъ, 1878 г., т. CLXVI, апр., 19, 20, 22, 23.
 Ущевичъ, Ел. сестра милосерд. 1914 г., т. CLXV, янв., 113.
 Ущевичъ, Ел., Феодос., см. Волкова Ф.

Ф.

- Фабіанскал, артистка, т. CLXVIII, окт., 10.
 Фагель, государств. секретарь въ Голланд. 1697 г., т. CLXV, февр., 193.
 Фастъ, Абр. Бернг., служ. экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 Федоровъ, В. П., сообщ.: „Форма для священниковъ“, т. CLXVII, сент. 383. „Рапортъ Прозоровскаго—Румянцеву“, т. CLXVIII, окт., 157—159.

- Федоровъ, Пав. Степ., начальн. репертуарн. части Имп. театр., т. CLXVIII, дек., 335, 337.
 Фельдманъ, служ. экспедиц. заготовлен. государт. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 Фергарзонъ, основ. въ Россіи школу мореплав. 1700 г., т. CLXVI, апр., 6.
 Фигнеръ, Медел, пѣвица, т. CLXV, янв., 31.
 Филаретъ, (Дроздовъ)—митроп. Москов., † 1867 г., т. CLXVI, июнь, 394.
 Филатовъ, журналистъ 1916 г., т. CLXVII, сент., 332, т. CLXVIII, дек., 350, 390, 395, 397.
 Филимоновъ, Г. Д., т. CLXV, мартъ, 458.
 Филиповъ, акад.—художн. 1871 г., т. CLXVIII, нояб., 310.
 Филипповъ, журналистъ 1916 г., т. CLXVIII, дек., 345.
 Филипповъ, Терцій Ив., Гос. Контролеръ, т. CLXV, мартъ, 520, 524, 526.
 Филипповъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
 Филиппа, пасторъ, т. CLXVI, май, 307.
 Филиповичъ, Никиф. Егоров. 1797 г., т. CLXVI, июнь, 391.
 Филиповичъ, офицеръ 1878 г., т. CLXVI, апр., 15, 16, 32, 37.
 Фильдіусъ, Хр., секрет. всемирн. союза юношей, 1916 г., т. CLXVI, июнь, 422.
 Финдейзенъ, паст. 1910 г., т. CLXVI, июнь, 419.
 Фирксъ-бар., 1916 г., т. CLXV, февр., 326.
 Фитингофъ, бар. Арнольдъ. Арнольдовъ, 1916 г., т. CLXVI, май, 309.
 Фитингофъ, бар., 1914 г., т. CLXV, янв., XIII.
 Фиоретти, пѣвица, т. CLXVIII, нояб., 278.
 Фонвизинъ, писатель, т. CLXVI, май, 280.
 Фонштейнъ, служ. экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 фонъ-Фрамъ, Генрихъ Карл., агрономъ 1916 г., т. CLXV, февр., 335.
 Францъ-Фердинандъ, эрцгерц. австрійск. † 1914 г., т. CLXVI, май, 241, 242, т. CLXVIII, окт., 28.
 Фредериксъ, гр., ген.-ад. 1916 г., т. CLXV, февр., 355.

- Фрейманъ, бар., т. CLXVII, сент., 327.
 Френкель, бар., варшавск. банкиръ 1864 г., т. CLXVI, июнь, 356, 357.
 Фридрихсъ, 1916 г., т. CLXVII, авг. 273, 274.
 Фридрихъ-Вильгельмъ I, кор. прус., т. CLXVI, июнь, 321.
 Фроленко, 1881 г., т. CLXVII, июль, 81.
 Фуксъ, Алекс. Неод., т. CLXVII, сент. 404.
 Фуксъ, управл. канц. гл. управл. по дѣламъ печати 1864 г., въ посл. сенат. 1864 г., т. CLXVI, июнь, 358.

Х.

- Ханъ, М. А., т. CLXVIII, дек., 415.
 Харламова, Наст. Ив., 1848 г., т. CLXV, янв., 113.
 Хатова, Марія Серг., т. CLXV, янв., 113.
 Хатовъ, Ив. Ильичъ, ген.-лейт., директ. Александр. Корп. 1848 г., т. CLXV, янв., 112.
 Хостова, концертн. пѣвица, т. CLXV, янв., 38.
 Хостовъ, гр., т. CLXVII, авг., 206.
 Хитрово, В. М., 1916 г., т. CLXVIII, нояб., 178.
 Хитровъ, Алексѣй Захар., сенаторъ, 1805 г., т. CLXVI, июнь, 462.
 Хлоповъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, май, 287.
 Хлудовъ, офиц. 1878 г., т. CLXVI, апр., 29, 30—50, май, 315, июнь, 368—373.
 Хлѣбниковъ, полковн. 1873 г., т. CLXVI, июнь, 360.
 Хомутовъ, надв. сов. 1885 г., т. CLXVI, май, 181.
 Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель. † 1860 г., т. CLXVI, май, 248.
 Хотяевскій, кн. Ив. Степ., 1685 г., т. CLXVI, май, 294, 300.
 Христиани, ген.-м. 1888 г., т. CLXVI, май, 208.
 Хроль служ. экспедиц. заготовк. госуд. бумагъ, 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
 Худяковъ, проф. 1848 г., т. CLXVI, мар. 287, 288.

Ц.

- Цебель, пасторъ 1916 г., т. CLXVI, май, 306.

- Цисковицъ, фл.-ад., 1890 г., т. CLXVI, май, 237.
 Цуриковъ, Егоръ Лаврент., орловс. предвод. дворян. 1797 г., т. CLXVIII, окт. 120, 121.
 Цыловъ, Царскосельск. полицей-мейстеръ, т. CLXV, февр., 269.

Ч.

- Чайковский, Ив. Аеонас. † 1688 г., т. CLXVII, сент., 401—402.
 Чайковский, Мих. (Салыкъ — паша), польск. эмигрантъ, т. CLXV, февр., 251.
 Чайковский, Петръ Ильичъ, композиторъ. † 1893 г., т. CLXV, янв. 32, 34, 42, дек., 444.
 Чайковскій, горн. ревиз. т. CLXVIII, дек., 432.
 Чамберсъ, Ив. Ив., ген. 1701 г., т. CLXVII, авг., 180, 181, 183.
 Чанниковъ, 1916 г., т. CLXVI, апр., 139.
 Чарскій, артистъ 1860 г., т. CLXVII, июль, 33.
 Чартороевъ, хирургъ, т. CLXV, янв., 39.
 Чарыковъ, политич. агент. въ Бухарь 1885 г., т. CLXVI, апр., 111, май, 179, 200, 202.
 Чебышевъ, А. А., 1830 г., т. CLXVI, май, 249.
 Чеважевскій, В. С., сообщ.: „Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству“, т. CLXVII, июль, 64—95, т. CLXVII, сент. 384—398.
 Чегодаева, княг., врачъ 1916 г., т. CLXVI, июнь, 418.
 Челноковъ, М. В., москов. город. голова, 1916. т. CLXVII, сент. 340, 341.
 Черкасовъ, Ив., секрет. Петра I, т. CLXVI, июнь, 321.
 Черкасскій, кн., Вл. Алсд. † 1878 г., т. CLXVI, апр., 24.
 Черкасскій, кн., адъют. 1860 г., т. CLXVII, сент. 416.
 Черкасскій, кн. 1697 г., т. CLXV, янв., 8.
 Черняевъ, чиновн., 1860 г., т. CLXVIII, окт., 145, 146.
 Черняевъ, Мих. Григ., ген., 1878 г., т. CLXV, янв., 73, 74, мартъ, 520, 523, 524, 525, 527, 529, т. CLXVI, апр., 16—50, 107, 108, 109, 114, май, 173, 183, 185, 205, 224, 225, июнь, 366—376.
 Чертковъ, Григ. Ив., ген. ад. 1869 г., т. CLXV, янв., 72, 73.
 Чечулинъ, Н. Д., сообщ.: „Отпускная на волю 1815 г.“, т. CLXVI, июнь, 463.

- Чивилевъ, А. М. дирек. москов. дворян. инстнт. 1849 г., т. CLXVI. май, 284, 285, 286.
 Чихачевъ, адм. 1871 г., т. CLXVIII. нояб., 313, дек., 326.
 Чудинова, Анна Петр., т. CLXVIII. нояб., 273.
 Чуйко, Вл. журналистъ, 1878 г., т. CLXVIII, дек. 412, 417, 420.
 Чулкова, Е. В., см. Захаржевская.
 Чулковъ, ген., т. CLXV, февр., 266.
 Чхидзе, депутатъ 1916 г., т. CLXVII, авг., 261, т. CLXVIII. окт. 34, 35.
 Чхенкели, депутатъ 1916 г., т. CLXVII. авг., 261.

Ш.

- Шаляпинъ, Фед. Ив., арт.—пѣвецъ, т. CLXV, янв., 28., 29, 42, 43, т. CLXVIII, окт. 38.
 Шамшинъ, И. И., сенат. р. 1837 г., † 1912 г., его дневникъ, т. CLXVII, июль, 150—157., упом. апр., 73.
 Шарыгинъ, М. М., прокур. Ташкентскаго суда. 1886 г., т. CLXVI, май, 190.
 Шатохинъ, дипломатъ, т. CLXV. мартъ, 517.
 Шаттеръ, чл. собранія генералн. штатовъ голланд. 1697 г., т. CLXV. февр., 216.
 Шафировъ, баронъ, вице-канцл. 1697 г., CLXVI. июнь, 321, 326, 340.
 Шафровъ, ротм. 1884 г., т. CLXVI. апр., 110, май, 177.
 Шаховской, кн., А. П., т. CLXV. янв., 51, 52.
 Шаховской, Левъ Влад. т. CLXV, мартъ, 515, 516.
 Шаховской, кн., Серг. Влад., чиновн. миш-ва ин. дѣлъ, т. CLXV. мартъ, 515, 516.
 Шаховской, кн. Яковъ, окольничій 1685 г., т. CLXVI. май, 298.
 Шаховской, кн., эстляндск. губернат. 1890 г., т. CLXVI, май, 242.
 Шашковскій, Болесл., 1916 г., т. CLXVIII. дек., 392.
 Шарденбергъ, кн., 1891 г., т. CLXVI, май, 241.
 Шебеко, В. Н., москов. градонач. 1916 г., т. CLXVII, сент. 340.
 Шебуевъ, художн. 1833 г., т. CLXVII. июль, 63.
 Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ. † 1861 г., т. CLXVIII. окт., 100.
 Шевыревъ, Ст. Петр., проф. † 1864 г., т. CLXVI, май, 287, т. CLXVIII. дек., 341.
 Шей, Гил., адмираль 1697 г., т. CLXV, февр., 201, 209, 210.
 Шейнвутъ, Симонъ, архитект., 1697 г., т. CLXV, февр., 212.
 Шенинъ, Атексѣй Семен., бояринъ 1697 г., т. CLXV, янв., 133, мартъ, 394, 410, 413, 414, т. CLXVI, апр., 13.
 Шелаевъ, объ его книгѣ: „Народный гимнъ и наставленіе временнообязан. крестьянамъ“. т. CLXV, февр. 306.
 Шелашниковъ, Валент. Петров., т. CLXV, мартъ, 458.
 Шелеховъ, Иркут. вице-губ. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 429.
 Шельтингъ, морск. оф. 1697 г., т. CLXV. февр., 223.
 Шенигъ, авт. записокъ, т. CLXVII. авг., 204, 206.
 Шеншинъ, Потапъ, Филимон. стольник., 1685 г., т. CLXVI, май, 297.
 Шенелевъ, Дм., шталмейст. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 321.
 Шереметевъ, Борисъ Петр., фельдмарш. 1697 г., т. CLXVIII. нояб., 293—301.
 Шереметевъ, Вас. Вас., бояринъ, 1660 г., т. CLXV, янв., 131.
 Шереметевъ, Федоръ Петр., бояринъ 1697 г., т. CLXV, мартъ, 105, 407, 409, 411, 413.
 Шереметевъ, гр., (сго оркестръ). т. CLXV, янв., 42.
 Шереметевъ, кн., Борисъ 1697 г., т. CLXV, янв., 8, 9.
 Шереметевъ, Петръ Васил., бояринъ 1684 г., т. CLXV, февр., 310, мартъ, 424, т. CLXVI, апр., 94.
 Шереметевъ, гр., адъют. 1916 г., т. CLXV, февр., 369.
 Шереневъ, майоръ, 1777 г., т. CLXVIII, окт. 157.
 Шестаковъ, С. Д., т. CLXV. мартъ, 457.
 Шестуновъ, М. В., влад. библи. въ Иркут. 1859 г., т. CLXVIII, дек., 430.
 Шиллингъ, бароны, свѣдѣнія о родѣ бар. Шилъ, т. CLXVII. авг., 314.
 Шингаревъ, Гл. Гос. Думы. 1916 г., т. CLXVII, авг., 240.
 Шинова, Надежд. Павл., нач-ца Царскос. духовн. училища, т. CLXV, янв., 112.
 Шиповъ, воен. губернат. уральской обл. 1889 г., т. CLXVI, май, 229.
 Ширманъ, кап. 1877 г., т. CLXV, янв., 80.

Шировой-Застѣкинъ, кн.,
Васил. Фод. 1685 г., т. CLXVI,
май, 300.

Шифнеръ, учитель 1848 г., т.
CLXVII, июль, 150.

Шинкинъ, П. Н., мин. ин. дѣлъ
1891 г., т. CLXVI, май, 211.

Шинко, ниж. кап. 1860 г., т.
CLXVII, сент. 109.

Шляпкинъ, И. А., проф., т.
CLXVII, июль, 49.

Шмидтъ, команд. имп. яхты
„Тигръ“, т. CLXVII, сент., 417.

Шмидтъ, Фридрихъ, мукомольт.
1916 г., т. CLXVI, сент. 346.

Шмидтъ, полков., 1877 г., т.
CLXV, янв., 80.

Шнее, Арт. Карл., служ. въ
экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ
1916 г., т. CLXV, февр., 344.

Шопенъ, композиторъ, т. CLXVIII,
окт., 17.

Шороховъ, полковн., нач. Кер-
кинского гарнизона 1887 г., т.
CLXVI, май, 125.

Шницеръ, С., сообщ. „Два сти-
хотворенія А. В. Кольцова“, т.
CLXV, янв., 84—88. „Изъ архив-
ныхъ матеріаловъ“, дек., 412—431.

Штелинъ, Яковъ, проф., † 1785 г.
т. CLXVI, июнь, 331.

Штернъ, Руд. Роб., служ. въ
экспедиц. заготовл. госуд. бума-
гъ 1916 г., т. CLXV, февр.,
344.

Штоффельсъ, Диркъ, 1697 г.,
т. CLXV, янв., 21.

Штрайхъ, С., сообщ. „Религіоз-
но-философскія письма Н. П.
Нирогова“, т. CLXV, янв., 89—
107, февр., 224—247. „Неизданное
стихотвореніе Нирогова“, мартъ,
443—446.

Штрабургъ, Ек., см. Гор-
донъ.

Штрабургъ, Рудольфъ, †
1692 г., т. CLXV, янв., 134.

Штраусъ, писат., т. CLXV, янв.,
91.

Штубендорфъ, Вл. Оттон.
служ. экспедиц. заготовл. госуд.
бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр.,
341.

Штюрманъ, Геррит., 1697 г. т.
CLXV, февр., 205.

Штюрмеръ, Борисъ, Вл., пред-
сѣд. Сов. мин-въ 1916 г., т.
CLXVI, июнь, 419, 451, т. CLXVII,
сент., 340, 342, т. CLXVIII, дек.,
350.

Шуваевъ, воен. мин. 1916 г., т.
CLXVII, авг., 266.

Шуваловъ, гр., Алексед. нач.
тайн. канцеляріи 1758 г., т.
CLXV, февр., 282, 283.

Шуваловъ, гр., А. П., т. CLXVI,
июнь, 363.

Шуваловъ, Пв. Пв., курат. москов.
унив. † 1797 г., т. CLXV, февр.,
279, 285.

Шуваловъ, гр., Петръ Андр.,
шефъ жанд., † 1889 г., т. CLXV,
янв., 62, 65, т. CLXVI, май, 244,
т. CLXVIII, нояб., 195.

Шуваловъ, гр., об. гофмарш.
1860 г., т. CLXVIII, окт., 134, 135,
146.

Шуваловъ, гр., команд. гвард.
корп. 1887 г., т. CLXV, янв., 58—
65, 75—79, 81, февр., 368, 369,
мартъ, 437, 438, 440, т. CLXVI,
апр., 104, май, 233, 237.

Щ.

Щановъ, Асан. Прокоф., исто-
рикъ, † 1876 г., т. CLXVI, июнь,
394—399.

Щаповъ, Гр. Пр., т. CLXVI, июнь,
396.

Щановъ, Прокоп. Андр., т.
CLXVI, июнь, 398.

Щаповъ, Ст. Пр., т. CLXV, июнь,
396.

Щастный, В. П., секрет. ред.
„Литерат. гез.“, 1830 г., т. CLXVI,
май, 248.

Щегловъ, проф. цензоръ 1838 г.,
т. CLXVI, май, 248—260, 265, 272,
276—278, 281.

Щенкинъ, Мих. Сем., артистъ,
† 1863 г., т. CLXVII, июль, 33.

Щербачевъ, ген. 1916 г., т.
CLXVIII, нояб., 214, дек., 411.

Щербина, Варв. Ст., см. Плья-
шенко.

Щербина, Григ., Степ., консулт.
въ Албани, † 1903 г., т. CLXVIII,
окт., 24—29, нояб., 287—291, дек.,
457—461.

Щербина, Пв. Степ., т. CLXVIII,
нояб., 287.

Щербинъ, Степ. Степ., т. CLXVIII,
нояб., 287.

Щербанинъ, Мих. Павл., пред-
сѣд. москов. цензур. комитета
1861 г., т. CLXV, февр., 309, т.
CLXVI, июнь, 346—348.

Э.

Эбергардтъ, пасторъ, 1915 г., т.
CLXV, янв., 162.

Эдвардъ, корреспонд. Таймса
1863 г., т. CLXVI, июнь, 350.

- Эйленбургъ, гр., т. CLXVI. май, 233.
- Экледенъ, главный садовникъ имп. садовъ 1765 г., т. CLXV. янв., 119, 125, 126.
- Энгельгардтъ, Егор. Ант. директ. лица 1815 г., т. CLXV. янв., 110. т. CLXVI. май, 311. 312.
- Энгельгардъ, бар. Максимилианъ. 1916 г., т. CLXV, февр. 342.
- Энгельманъ, служ. экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ 1916 г., т. CLXV, февр., 344.
- Эндзелинъ, проф. 1916 г., т. CLXVII. авг., 273.
- Энденъ, шт.-кап., 1867 г., т. CLXV, янв., 71.
- Эрдели, А. С., Херсонск. губернат. 1888 г., т. CLXVII. июль. 85.
- Эршель, москов. об.-полицій-мейст. 1797 г., т. CLXVI. июль. 384, 385, 391.
- Эссенъ, адм. 1914 г., т. CLXVI. июнь, 440, 442.
- Эссенъ, мнп. юстиц. 1869 г., т. CLXVI, апр., 73.
- Эванъ Эссенъ, чл. собранія Генеральн. штат. голланд. 1697 г., т. CLXV. февр., 216.

Ю.

- Юденичъ, ген. 1916 г., т. CLXV. февр. 343, т. CLXVI. июнь, 444, т. CLXVII. июль, 109, 110, авг. 316. т. CLXVIII. нояб., 178, дек. 362.
- Юдинъ, П. А., сообщ. „Нѣмецъ все могить“. т. CLXV. янв., 118—128.
- Юргенсонъ, Э. П., собират. автор., т. CLXVI. июнь, 392, 471. сообщ. „Письмо П. А. Плетнева къ К. С. Веселовскому“, т. CLXVIII. нояб., 171—172. „Копія письма Ив. Алед. Гончарова—Петру Никол. Полевому“, дек. 340—342.
- Юрій Дмитріевичъ, князь Звенигородскій 1425 г., т. CLXVII. июль, 42—44.

- Юрьевичъ, фл.-ад. 1839 г., т. CLXVI. июнь, 473.
- Юшкевичъ, 1861 г., т. CLXV, февр., 298.

Я.

- Яблоновскій, повстанецъ. 1863 г., т. CLXV, янв., 54, 55, 56, 58.
- Яблочкинъ, режис. имп. театр., т. CLXVIII, дек., 337, 338, 339.
- Ягужинскій, Пав., ген.-ад. 1697 г., т. CLXVI, июнь, 321.
- Языковъ, Никол. Мих., поэтъ. † 1846 г., писат., т. CLXVI, май, 248.
- Яковлева, Евд. Андр., 1848 г., т. CLXVI, апр., 88.
- Яковлева, сестра милосерд. 1916 г., т. CLXVI. июнь, 419.
- Яковлевъ, корреспонд. „Нов. Врем“ 1916 г., т. CLXVIII. окт., 44.
- Яковлевъ, В. В., чл. суда 1897 г., т. CLXVII. сент., 390.
- Якубовскій, Алед., дворян. 1685 г., т. CLXVI. май, 293.
- Ялакасъ, I., пасторъ въ г. Нарвъ 1915 г., т. CLXV. янв., 162.
- Янковскій, фл.-ад. 1863 г., т. CLXV. янв., 52.
- Яновскій, Ив., священ. 1837 г., т. CLXVIII, окт., 101.
- Яновскій, фл. ад. 1861 г., т. CLXV. янв., 60.
- Яновъ, чиновн. 1691 г., т. CLXV. февр., 298.
- Ярошенко, Алед. Мих., полковн. 1830 г., т. CLXVIII. окт., 99. нояб., 225.
- Яфимовичъ, ген. 1885 г., т. CLXVI. май. 179, 210, 217, 219.

Ө.

- Өедоровъ, ген.-м. 1878 г., т. CLXV. мартъ, 434.
- Өедоровъ, чиновн. 1882 г., т. CLXVI, апр., 110.
- Өеоктистовъ, т. CLXVI. апр., 90.
- Өоминъ, 1860 г., т. CLXVIII. окт., 126.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

С. С. Троицкій. Костромской Край. Историческій сборникъ 1613—1913 г.г. Иллюстрированное изданіе. Кострома 1913 г. Ц. 75 к.

Какъ видно изъ заглавія сборника г. Троицкаго, книжка составлена по поводу 300-лѣтія дома Романовыхъ и является, такимъ образомъ, мѣстнымъ откликомъ на празднованіе событія, зародившагося въ Костромскомъ краѣ. Въ сборникѣ включены отчасти компелятивные—по трудамъ извѣстныхъ ученыхъ—отчасти специально составленные очерки о Михаилѣ Θεодоровичѣ Романовѣ, объ его отношеніи къ родному краю. о событіяхъ сопровождавшихъ его избраніе на Царство, о культурныхъ и бытовыхъ особенностяхъ края, обзоры историческихъ событій, связанныхъ съ дальнѣйшей жизнью Костромской губ. (О Комиссаровѣ и др.) и т. д. Любопытенъ краткій историко-археологическій поузездный обзоръ мѣстностей и городовъ Костромского края. Здѣсь много новыхъ интересныхъ сообщеній. Къ сборнику приложены хорошо выполненныя фотографіи вдовъ и памятниконъ края.

С. Я.

С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Петрг. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои многочисленныя очерки и воспоминанія о наиболѣ выдающихся писателяхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться на своемъ жизненномъ пути вообще и въ качествѣ завѣдующаго книгоиздательствомъ М. О. Вольфа въ частности. Въ книгѣ С. Ф. Либровича, въ мѣткихъ и живыхъ характеристикахъ, проходятъ передъ читателемъ такія историческія лица, какъ И. А. Гончаровъ, А. Θ. Писемскій, А. Н. Островскій, Н. С. Тургеневъ, С. С. Атава, М. Е. Салтыковъ-Шедринъ, графъ Д. А. Милютинъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, В. Д. Спасовичъ и др. О каждомъ изъ нихъ сообщается какой-либо новый фактъ, хотя и незначительный съ исторической точки зрѣнія, но весьма характерный для біографіи того, къ кому относится занимательный рассказъ г. Либровича. Въ общемъ получился интересный сборникъ новыхъ матеріаловъ, мимо которыхъ не можетъ пройти историкъ русской литературы и общественности, и въ то же время чрезвычайно любопытныхъ для рялого читателя. Приводимыя же въ разныхъ мѣстахъ книги новыя писемца знаменитыхъ дѣятелей отечественной литературы дѣлаютъ ее очень цѣннымъ вкладомъ въ мемуарную литературу. Надана книга С. Ф. Либровича чрезвычайно изящно съ технической стороны и поразительно дешево не только для нынѣшняго времени, но и для временъ довоенныхъ.

С. Ш.

Профессоръ Н. Н. Фирсовъ. Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. М. 1916 г. Ц. 60 к.

Очеркъ этотъ, изданный московскимъ обществомъ по изслѣдованію памятниковъ древностей, представляетъ собою рѣчь павѣтоваго казанскаго профессора по кафедрѣ русской исторіи, Н. Н. Фирсова, который выпустилъ уже цѣлый рядъ очень цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи XVIII—XIX вѣковъ. Рѣчь произнесена проф. Фирсовымъ въ торжественномъ засѣданіи названнаго общества по случаю открытія его дѣйствій при московскомъ археологическомъ институтѣ, и рассматриваетъ поставленную въ заголовкѣ тему съ точки зрѣнія условій и обстоятельствъ, которыя втянули Россію въ Семилѣтнюю войну. При этомъ авторъ выясняетъ также участіе Россіи въ этой войнѣ съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ.

Н. Д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1917 г.

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ОДИННАДЦАТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ТРИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и ивгородныхъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи прелыдушей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести сиравки.

Г.г. ивгородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т.-е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 и 1916 г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

